

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР**

Институт истории СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик М. В. НЕЧКИНА

(ответственный редактор),

**Г. Д. АЛЕКСЕЕВА, М. А. АЛПАТОВ, В. И. БОВЫКИН,
М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Б. Г. ВЕБЕР, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ,**

В. А. ДУНАЕВСКИЙ,

член-корреспондент АН СССР М. П. КИМ,

Р. А. КИРЕЕВА,

член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,

академик Л. В. ЧЕРЕПНИН

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1973

Очередной том историографического ежегодника «История и историки. 1972» в разделе по историографии отечественной истории содержит статьи по следующим проблемам: электрификация СССР в советской исторической литературе, советские историки о начальных рубежах социалистической индустриализации СССР, некоторые проблемы индустриализации и коллективизации Урала, структура и основные направления деятельности журнала «Историк-марксист» в 1926—1941 гг., вопросы истории русской общественной мысли и революционного движения в России XVIII — начале XIX в. в журнале «Голос минувшего» в 1913—1923 гг., роль Н. И. Тургенева в общественном движении России 20—70-х годов XIX в. в освещении советской и буржуазной историографии, крупная монастырская вотчина Северо-Восточной Руси в конце XIV — первой половине XVI в. в трудах русских и советских историков. По историографии всеобщей истории рассматриваются проблемы Первой американской революции в буржуазной историографии США за 1918—1945 гг., и др. Сборник содержит статьи об исторических трудах М. С. Ольминского, М. А. Максимова, декабриста М. Ф. Орлова, Ф. А. Эмина, академика Е. В. Тарле. Публикуются новые материалы из рукописного наследия В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского, П. И. Рычкова. Сборник заканчивается библиографией трудов Б. Ф. Поршнева за 1966—1972 гг.

Редакционная коллегия тома:

академик *М. В. Нечкина* (ответственный редактор),
Г. Д. Алексеева, М. А. Алпатов, В. И. Бовыкин,
М. Г. Вандакловская, Б. Г. Вебер, Е. Н. Городецкий
В. А. Дунаевский, Р. А. Киреева,
академик *Л. В. Черепнин*

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ
ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СССР
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. М. Некрасова

История электрификации СССР — одна из важных тем в советской исторической науке. Широта сконцентрированных в ней вопросов, их актуальность давно привлекали исследователей, исходивших из указания В. И. Ленина о роли электрификации в создании материально-технической базы социализма и коммунизма: «Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно»¹.

Однако, несмотря на актуальность проблемы и наличие значительного количества работ, посвященных электрификации страны, в историографическом плане ее изучение почти не проводилось. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что, являясь комплексной научной проблемой, электрификация СССР требовала и соответствующего подхода к своему рассмотрению. Между тем основная масса советских исследователей, работавших по этой проблеме, ограничивалась рассмотрением отдельных ее аспектов, почти не затрагивая проблему в целом. Именно поэтому историография проблемы электрификации СССР недостаточно изучена².

Между тем проблема электрификации СССР имеет три совершенно четко прослеживаемых аспекта: изучение истории разработки плана ГОЭЛРО, являвшегося первым перспективным планом развития народного хозяйства СССР, изучение комплекса проблем электрификации (социальных, экономических и научно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 159.

² См. «Вопросы истории», 1969, № 8, стр. 131—136; «Вопросы историографии рабочего класса СССР». М., 1970, стр. 228—236, и др.

технических) и, наконец, изучение осуществления электрификации СССР, в том числе и плана ГОЭЛРО.

Степень исследования этих аспектов оказалась в советской историографии неодинаковой. Наиболее изученной стала история осуществления электрификации, в том числе и плана ГОЭЛРО; наименее — разработка плана ГОЭЛРО и изучение комплекса проблем электрификации (социальные, экономические и научно-технические). Такое положение объяснялось отчасти тем, что исследователи долгое время находились под влиянием работ энергетиков и экономистов, участников разработки плана ГОЭЛРО, ставших его первыми пропагандистами.

Известно, что разработкой плана электрификации осуществлялась созданной по указанию В. И. Ленина Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО), куда вошли крупнейшие экономисты и энергетики страны. Их обширные знания и опыт были сосредоточены на подготовке перспективного плана по созданию материально-технической базы советского общества, и основными направлениями их работы являлись, естественно, технико-экономические стороны электрификации. В работах участников составления плана ГОЭЛРО содержатся данные о состоянии народного хозяйства в 20-х годах XX в., о путях перестройки его технико-экономических основ, о создании первых электрических станций и почти ничего не найти о работе по электрификации, о роли в ней советских органов, о тружениках первых электростанций, об условиях их труда и быта и о социально-исторических последствиях электрификации³.

³ Г. М. Кржижановский. Электрификация и план народного хозяйства.— «План ГОЭЛРО...». М., 1920; *он же*. Электрификация и сельское хозяйство.— Там же. Изд. 2. М., 1956; *он же*. Электрификация и топливоснабжение.— Там же; И. Г. Александров. Электрификация и использование водных сил.— Там же; Г. О. Графтио. Доклад о Волховстрое на IV сессии ВЦИК VIII созыва 7 октября 1921 г.— «I—IV сессии Всероссийского Центрального исполнительного комитета VIII созыва. Стенографический отчет». М., 1922, стр. 343—347, 360—362; *он же*. Волховстрой. М., 1928; «V лет власти Советов». Сборник известий ВЦИК. М., 1922; В. З. Есин. К вопросу о постройке опытно-показательных с/х электростанций «НКЗ».— «Сельскохозяйственная жизнь», 1922, № 2; А. Дмитриев. Соображения о необходимости механизации земельно-мелиоративных работ и применения при этом электрической энергии.— «Труды Государственной комиссии по электрификации России». М., 1922; А. А. Горев. Электрификация и государственное хозяйство.— «Хозяйственное строительство» (Бюллетени Госплана), 1922, № 2; Г. К. Ризенкамф. Проблема орошения Туркестана. М., 1921; И. И. Яценко. Леса Севера и электрификация народного хозяйства. Пг., 1921; В. С. Кулебакин. Что дает электрификация Подмосковному бассейну.— «Топливное дело», 1922, № 10, стр. 153—161; А. А. Куликовский. О роли государства в электрификации деревни.— «Экономическая жизнь», 22 апреля 1922 г.; *он же*. Электричество в помощь крестьянину. М., 1922; В. Л. Леви. Советская власть и электрохозяйство.— «Экономическая жизнь», 7 ноября 1922 г.; Г. А. Люст. Производство электрической энергии в связи с электрификацией больших районов.— «Технико-экономический вестник», 1922, № 4—5; «О товариществах по электрификации».— «Экономическая жизнь», 11 августа 1922 г., и др.

Такой аспект изучения проблемы в те годы был вполне объясним, ибо исторический отрезок времени, в продолжение которого осуществлялась электрификация, являлся еще незначительным, и многие процессы, связанные с ней, находились в стадии зарождения и становления. Тем не менее работы участников составления плана ГОЭЛРО, относящиеся к 20-м и началу 30-х годов, внесли существенный вклад в изучение проблемы электрификации. Естественно поэтому, что научно-технические вопросы получили главенствующее значение, о чем свидетельствуют и названия приведенных работ этого периода.

Окончание работ по плану ГОЭЛРО в 1931—1935 гг. дало возможность проанализировать многие положения плана, акцентировать внимание на комплексе содержащихся в нем вопросов. Это было тем более необходимо, что В. И. Ленин неоднократно указывал на комплексное значение плана, называя его второй программой нашей партии, а не только планом хозяйственных работ. «Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем»⁴, — указывал Владимир Ильич. Электрификация, которая восстановит земледелие, промышленность и транспорт, добьется их гармонического соединения, изменит и социальную картину России. С помощью электрификации произойдет «рассеяние промышленности», что послужит определяющим стимулом в распределении рабочего класса по многим районам страны⁵, сельское хозяйство превратится из старой мануфактуры в современное крупное производство⁶, изменится социальная структура общества, начнется процесс преобразования психологии мелких собственников, уничтожение той страшной «сухаревки», которая «живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина»⁷.

Электрификация поможет также вырасти новым силам в рабочем классе. В. И. Ленин указывал, что «иначе как на базе восстановленной крупной индустрии (т. е., говоря точнее и конкретнее, на базе электрификации) им взяться *неоткуда*»⁸. Кроме того, в электрификации В. И. Ленин видел и опору просвещения, ликвидации безграмотности⁹, программу для широчайших трудящихся масс, «как выйти из состояния темноты»¹⁰.

Следовательно, в электрификации Владимир Ильич увидел основу перестройки экономики и социальных отношений в России. Поэтому Ленин обратил особое внимание на разработку этого плана. Он отмечал его государственное значение¹¹, рассматривал

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 157.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 151.

⁶ См. там же, стр. 139.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 158.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 106.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 160, 161.

¹⁰ Там же, стр. 161.

¹¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 63.

его как задание пролетариату, чтобы вызвать «и соревнование и самодеятельность масс»¹².

Деятельность В. И. Ленина, связанная с вопросами электрификации, показывает его огромную роль как политического и государственного руководителя, ученого, раскрывшего партии и народу комплексное значение электрификации, ее роль в преобразовании нашего общества. За период его деятельности на посту руководителя нашей страны, с 1917 по 1923 г., он 400 раз выступал по вопросам электрификации, подписав 70 постановлений Советского правительства, направленных на ее развитие¹³.

Стремясь к широкой популяризации идей электрификации, В. И. Ленин предложил одному из виднейших публицистов нашей партии И. И. Скворцову-Степанову написать книгу, чтобы раскрыть в ней все стороны электрификации с целью «увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10—20 лет»¹⁴. Поручение вождя было выполнено, книга написана, и в 1923 г. в Москве она увидела свет¹⁵. Труд этот получил высокую оценку Владимира Ильича. Он назвал ее прекрасным «пособием» в изучении трудящимися идей электрификации. «Надо добиться, — писал Владимир Ильич, — и мы добьемся! — того, чтобы в каждой уездной библиотеке (а затем и в каждой волостной) было по несколько экземпляров этого „пособия“; — чтобы при каждой электрической станции в России (а их свыше 800) не только была эта книга, но и читались обязательно общедоступные народные чтения об электричестве и об электрификации РСФСР и о технике вообще; — чтобы каждый народный учитель в каждой школе прочел и усвоил это „пособие“... и не только прочел, понял и усвоил сам, но умел бы пересказывать это просто и понятно ученикам школы и крестьянской молодежи вообще»¹⁶.

Чем же заслужила эта книга столь высокую ленинскую оценку? Автором была раскрыта сущность новой экономической политики Советской страны, борьба за победу социалистических форм производства, раскрыто существо общего плана восстановления народного хозяйства и роль в нем оперативных планов электрификации и плана ГОЭЛРО в целом. Так, в главе VI Скворцов-Степанов, рассматривая вопрос о своевременности планов электрификации России и их осуществлении при имеющихся в стране ресурсах, отмечал, что «ходячие представления о плане электрификации

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 39.

¹³ Е. В. Таранов. Роль В. И. Ленина в создании и осуществлении плана электрификации страны. — «В. И. Ленин и некоторые проблемы истории советского общества». М., 1970, стр. 95—97.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 63.

¹⁵ И. И. Степанов. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. М.—Л., 1923.

¹⁶ Цит. по кн.: И. И. Степанов. Указ. соч., стр. 43. См. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 52.

очень туманны и по большей части ошибочны, ибо в них электрификация является *жесткой, окончательной программой*, по которой, ни с чем не считаясь, надо быстро и решительно ломать все наши экономические отношения... Ценность плана электрификации и состоит в том, что он не должен мыслиться обособленно от плана восстановления нашего хозяйства, а в неразрывной связи с ним»¹⁷.

Таким образом, автор, опираясь на многочисленные указания В. И. Ленина и его пожелание, впервые среди историков-публицистов осветил место плана ГОЭЛРО в общем направлении развития народного хозяйства нашей страны, подчеркнув, что электричество явится новой технической базой будущего социалистического общества: «Нашим лозунгом должно быть не только восстановление старой техники, не простое усвоение того, что осуществлено многими капиталистическими предприятиями, но... движение к тем формам, которые, по справедливости, можно будет назвать социалистическими формами техники на основе электричества»¹⁸. Таким образом, Скворцов-Степанов подчеркнул роль электричества в создании новой техники, и в формировании новых общественных отношений, и в тех социально-исторических изменениях, которые должны были произойти благодаря электрификации.

Следовательно, в изучении проблемы электрификации были выделены по сравнению с работами участников плана ГОЭЛРО новые аспекты социально-экономического характера, обеспечившие книге И. И. Скворцова-Степанова долголетие и познавательную ценность. На книгу его, как мы увидим, впоследствии не раз опирались исследователи при изучении проблемы электрификации и ее научного фундамента — ленинского плана ГОЭЛРО.

Социально-экономические аспекты рассмотрения темы электрификации, данные Скворцовым-Степановым в его книге, вызвали большой интерес к проблеме. Отдельные, пусть и талантливо написанные книги не могли уже удовлетворить растущий спрос на литературу, посвященную проблеме электрификации, — ее не хватало. В связи с этим в 1927 г. Госплан СССР принял перевод и издание работ по социально-экономическим вопросам электрификации, вышедших за рубежом. Одним из таких трудов, наиболее полно отражающих уровень изученности указанного аспекта проблемы за границей, была книга «Экономическая и социальная роль электрификации»¹⁹, составленная из статей известных буржуазных деятелей Европы и Америки. В предисловии к этой книге Г. М. Кржижановский указал на важность электрификации в социальных преобразованиях общества, ибо «не только промышленность, транспорт и сельское хо-

¹⁷ И. И. Степанов. Указ. соч., стр. 136.

¹⁸ Там же, стр. 138 (разрядка наша. — И. Н.).

¹⁹ «Экономическая и социальная роль электрификации». М., 1927.

зйство начинают все более двигаться по координатам электрификации, но и вся экономика в ее целом и самый социальный быт человечества»²⁰. Материалы книги послужили для советского читателя серьезной фактической основой для характеристики противоречий капиталистического мира и их отрицательного действия на развитие электрификации. В этом ценность опубликования подобных работ.

Следует отметить, что в 30-е годы исследование проблемы электрификации в нашей стране характеризуется появлением довольно значительного количества работ, посвященных комплексному изучению электрификации. Это объясняется, как мы уже указали, окончанием работ по плану ГОЭЛРО и опытом, приобретенным при его осуществлении, и как следствие этого — возможностью осмыслить процесс.

Технический прогресс, вызванный бурными темпами первых пятилеток, потребовал дальнейшего всестороннего изучения и развития технико-экономических наметок ленинского плана ГОЭЛРО. Поэтому итоговые статьи, вышедшие в связи с юбилеями плана, и отдельные работы, появившиеся в те годы, оказались посвященными изучению технико-экономических сторон плана ГОЭЛРО²¹. Наиболее характерной для подобных работ была книга Э. Ратнера, в которой автор раскрыл роль электрификации в технико-экономических преобразованиях народного хозяйства в годы первой пятилетки. Интересным было то, что приводимые автором данные из заданий плана ГОЭЛРО сравнивались с заданиями пятилетки, вытекавшими из выполнения ГОЭЛРО. А это служило доказательством преемственности пятилетнего плана по отношению к плану ГОЭЛРО. Автор утверждал, что основные направления развития электрификации в годы первой пятилетки (концентрация выработки электроэнергии,

²⁰ «Экономическая и социальная роль электрификации», стр. 10.

²¹ Э. Ратнер. Ленинский план электрификации в действии. М., 1933; Г. М. Кржижановский. Основные моменты энергетика Урало-Кузнецкого комбината. Л., 1932; Б. Сузаревский. План ГОЭЛРО и электрификация промышленности.— «План», 1935, № 24, стр. 11—16; «Генеральный план электрификации СССР». Материалы к Всесоюзной конференции, т. I—IX. М.—Л., 1932; «План электрификации ЦЧО в погубернском разрезе».— «Материалы к пятилетнему плану электрификации Центрально-промышленной области (1927/28—1931/32 гг.), разработанному Главным электротехническим управлением (Главэлектр) ВСНХ СССР. М., 1928; И. Дубинский. Электрификация сельского хозяйства и план ГОЭЛРО.— «Правда», 30 декабря 1930 г.; В. З. Есин. Сельскохозяйственная электрификация СССР, ч. 1. М.—Л., 1930; С. П. Мацкевич. План ГОЭЛРО и техническая реконструкция сельского хозяйства.— «Пути индустриализации», 1930, № 21—22, стр. 51—56; С. В. Щуров. Принципы электроснабжения сельского хозяйства во второй пятилетке.— «Электрификация сельского хозяйства», 1932, № 2, стр. 74—75; Ю. В. Скобельцын. Электрификация сельского хозяйства. Л., 1933; Г. М. Кржижановский. К десятилетию плана ГОЭЛРО.— «Электрификация сельского хозяйства», 1931, № 1, стр. 13—18; № 2, стр. 8—17; он же. К пятнадцатилетию плана ГОЭЛРО.— «Электричество», 1936, № 11, стр. 11—18, и др.

создание централизованного электрохозяйства, использование местных энергетических ресурсов) взяты из плана ГОЭЛРО. И это соответствовало действительности. К книге прилагалась карта электрификации СССР к началу второй пятилетки, которая также служила логическим развитием ленинских идей электрификации, изложенных в плане ГОЭЛРО.

Книга Ратнера представляла поэтому интерес в изучении технико-экономических аспектов электрификации в определенный исторический период строительства социализма. Вслед за работами Скворцова-Степанова, Ратнера начали появляться труды, в которых изучение проблемы электрификации в комплексе продолжалось. В 1934 г. вышла книга В. Стеклова и И. Фрейдина²², в которой план ГОЭЛРО рассматривался как комплекс входящих в него вопросов. В главах «Электрификация и социалистическая революция», «Электричество в современной жизни», «Ленинский план электрификации» и других предметом изучения стали также социально-исторические аспекты проблемы.

Опираясь на известные ленинские положения о роли электрификации в строительстве социализма, авторы пришли к выводу, что все основные задачи строительства социализма в нашей стране были поставлены В. И. Лениным в неразрывную связь с задачами электрификации²³. Такой вывод, сделанный на основе анализа ленинских работ, сыграл значительную роль в разработке дальнейших направлений изучения плана ГОЭЛРО и проблемы электрификации в целом. Комплексное рассмотрение вопросов электрификации продолжалось и в последующих работах.

В 1936 г. В. Стеклов совместно с Л. Фотиевой подготовил публикацию ленинских работ по электрификации²⁴, выдержавшую впоследствии несколько изданий. В введении к книге авторы четко сгруппировали основные принципы развития электрификации, высказанные В. И. Лениным в его многочисленных работах, посвященных электрификации. Эти принципы сводились к следующему:

1. Техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, связи и др. на базе использования электрической энергии.
2. Строительство крупных электрических станций, которые снабжали бы энергией целые районы.
3. Использование для этих мощных электростанций местных топливных ресурсов.
4. Широкая утилизация водных ресурсов, сооружение ряда гидроэлектрических станций.
5. Строительство высоковольтных линий передач электроэнергии.

²² В. Стеклов и И. Фрейдин. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация. М., 1934.

²³ Там же, стр. 70.

²⁴ «В. И. Ленин об электрификации». М., 1936.

6. Рациональное, равномерное размещение электроэнергетического хозяйства как мощного фактора равномерного размещения производительных сил по территории всей страны²⁵.

В книге содержались указатель произведений В. И. Ленина об электрификации и список важнейших постановлений партии и правительства по вопросам электрификации. Имелся также и хронологический указатель работ К. Маркса и Ф. Энгельса и указатель имен.

Появление сборника ленинских работ, посвященных электрификации, внесло серьезный вклад в изучение важнейшей проблемы истории советского общества.

В том же 1936 г. появилась еще одна работа В. Ю. Стеклова, в которой продолжалось комплексное рассмотрение проблемы электрификации в развитии советского общества²⁶. Автор на конкретных примерах рассмотрел вопрос о роли электрификации в изменении условий труда советских рабочих, показав вклад электрификации в решение задач социальных преобразований.

Таким образом, середина 30-х годов XX в. в изучении истории электрификации выделяется качественно новым подходом: исследователей интересует уже весь комплекс вопросов, входящих в проблему электрификации.

Ослабление международной обстановки в конце 30-х годов и Великая Отечественная война 1941—1945 гг. естественно замедлили дальнейший ход изучения проблемы электрификации. В появлявшихся в те годы отдельных работах рассматривалась главным образом технико-экономическая роль плана ГОЭЛРО в социалистическом строительстве²⁷.

Однако с окончанием войны и с переходом нашего государства к мирной жизни интерес к проблеме электрификации вновь возрастает. Активизация этого интереса была вызвана также тем, что в 50-х годах расширилась источниковедческая база по истории электрификации. В сборниках материалов и документов, вы-

²⁵ «В. И. Ленин об электрификации», стр. 14—15.

²⁶ В. Ю. Стеков. Электрификация Страны Советов. М., 1936.

²⁷ А. Бочкарев. План ГОЭЛРО.— «Исторический журнал», 1939, № 10. Б. Е. Веденеев. Исторические годы (Осуществление ленинского плана электрификации).— «Известия», 22 декабря 1940 г.; В. И. Вейц. Великий ленинский замысел (к 20-летию плана ГОЭЛРО).— «Известия», 22 декабря 1940 г.; он же. 25 лет советской энергетики.— «Вестник АН СССР», 1943, № 3; И. А. Гладков. Ленинский план электрификации страны (к 20-летию плана ГОЭЛРО).— «Плановое хозяйство», 1940, № 4; Г. М. Кржижановский. К 25-летию юбилею плана ГОЭЛРО.— «Электричество», 1945, № 12; Д. Г. Жимерин. 25 лет плана ГОЭЛРО.— Там же; Ф. Вейтков. Как создавалась электрификация Страны Советов. М., 1947; Д. А. Баевский. Ленинский план социалистического преобразования России и ГОЭЛРО.— «Вопросы истории», 1947, № 3; Э. Б. Генкина. К истории выработки ленинского плана социалистического строительства.— «Вестник Московского университета», 1947, № 11, и др.

шедших под редакцией И. А. Гладкова²⁸, были широко представлены материалы Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО), Всероссийского Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), Комитета государственных сооружений и управлений электротехнических сооружений Главэлектростроя ВСНХ и Народного Комиссариата земледелия, которые содержали обширные сведения о заседаниях комиссий СТО, СНХ, резолюции сессий ВЦИК, различных съездов, протоколы заседаний комиссии ГОЭЛРО и т. д. Большой интерес для исследователей представили также опубликованные экономические обзоры по отдельным районам и отраслям промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, выполненные специалистами-практиками. Особый интерес вызвали у историков приведенные в сборниках документы, раскрывающие героический подвиг трудящихся масс на пути осуществления плана электрификации. Составители сборника привели материалы о различных формах деятельности масс (шефство, кооперация, «буксиры», соцсоревнование и т. д.) в период восстановления народного хозяйства и осуществления работ по электрификации, что также было важно для исследователей. В указанных сборниках, как и в вышедшей ранее специальной монографии И. А. Гладкова²⁹, раскрывалась роль В. И. Ленина в разработке и осуществлении плана электрификации, в построении основ социалистической экономики, отмечалась преемственность плана ГОЭЛРО и последующих пятилетних планов развития народного хозяйства СССР.

Появление этих сборников, содержавших обширные сведения о деятельности Коммунистической партии, Советского государства и трудящихся масс в электрификации страны, послужило основой для продолжения комплексного изучения проблемы.

Историки начали изучение социальных аспектов электрификации. В 50-х годах появилось значительное количество кандидатских диссертаций. Они были в основном написаны в историко-партийном плане³⁰. В них наряду с исследованием деятельности

²⁸ «К истории плана электрификации Советской страны (1918—1920 гг.)». М., 1952; «Развитие электрификации Советской страны (1921—1925 гг.)». М., 1956.

²⁹ И. А. Гладков. В. И. Ленин и план электрификации России. М., 1947.

³⁰ Н. Д. Крештапов. Борьба Коммунистической партии за электрификацию страны в первой пятилетке (1928—1932 гг.). М., 1952; И. И. Колодяжный. История строительства Днепрогэса им. В. И. Ленина (1927—1932 гг.). Киев, 1953; И. Г. Гришков. Первенцы советской электрификации. Шатурская и Каширская электростанции (1918—1925 гг.). М., 1953; Б. И. Мусатов. Борьба Коммунистической партии за создание плана электрификации России (ГОЭЛРО) (1918—1921 гг.). М., 1955; А. Д. Фадеев. КПСС — вдохновитель и организатор строительства Волжской ГЭС им. В. И. Ленина (1950—1955 гг.). М., 1956; И. М. Некрасова. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за осуществление ленинского плана электрификации страны (1921—1931 гг.). М., 1957, и др.

КПСС в осуществлении ленинского плана электрификации страны (в основном по строительству отдельных электростанций районного и союзного значения) рассматривались и другие вопросы, в частности разработка и осуществление плана ГОЭЛРО (Н. Д. Крештапов, Б. И. Мусатов, И. М. Некрасова) и вопросы, входящие в проблему электрификации. Некоторые из диссертаций были посвящены рассмотрению электрификации промышленности и сельского хозяйства в послевоенный период³¹.

Нельзя сказать, чтобы участие трудящихся масс в осуществлении электрификации страны было полностью изучено в исследованиях 50-х годов, тем не менее кандидатские диссертации тех лет внесли значительный вклад в изучение этого вопроса. Они ввели в научный оборот большое количество нового материала, посвященного осуществлению электростроительства, привели данные о строительных коллективах, об их формировании, условиях труда и быта, в них были поставлены вопросы об особенностях электрификации национальных районов и т. п. Изучение проблемы электрификации стало еще более многоплановым, комплексным. Научная общественность получила возможность расширить свои познания в области электрификации страны.

В 1960 г. отмечалось 40-летие ленинского плана ГОЭЛРО. К знаменательной дате вышло значительное количество работ (сборники документов, монографии, статьи, публикации)³². Источниковедческая база проблемы электрификации вновь расширилась за счет опубликованных документов комиссии ГОЭЛРО. Это внесло весомый вклад в изучение одного из важнейших аспектов проблемы электрификации — разработки плана ГОЭЛРО.

Издание «Труды государственной комиссии по электрификации России — ГОЭЛРО» (документы и материалы под редакцией академика В. С. Кулебакина) открывалось ленинскими высказываниями о значении электрификации как научной проблемы в разработке научных планов построения социализма и коммунизма. В предисловии к книге Г. М. Кржижановский, возглавлявший в прошлом работу комиссии ГОЭЛРО, подчеркнул цен-

³¹ В. М. Горбач. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за электрификацию сельского хозяйства в 1946—1950 гг. Киев, 1953; В. С. Ушаков. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за электрификацию сельского хозяйства в послевоенный период (1946—1950 гг.). М., 1955; В. Д. Попов. Уральские партийные организации в борьбе за электрификацию промышленности и сельского хозяйства в четвертой пятилетке (1946—1950 гг.). Пермь, 1959, и др.

³² «Материалы по истории СССР», т. VII (Документы по истории советского общества). М., 1959; «Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии», вып. VII. Нальчик, 1959; П. Б. Жибарев. В. И. Ленин и электрификация Советской страны. М., 1960; И. М. Некрасова. Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921—1931 гг. М., 1960; «Свет над Россией». М., 1960; «Труды Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО)» (далее — «Труды» ГОЭЛРО), т. 1. М., 1960; т. 2. М., 1964.

ность этих ленинских указаний как в разработке, так и в изучении проблемы электрификации³³.

Большой интерес для исследователя представлял раздел сборника, озаглавленный «Деятельность Государственной комиссии по электрификации России», в котором содержались резолюции IX съезда партии, 1 сессии ВЦИК VII созыва и Положение о комиссии ГОЭЛРО с программой ее работ. Около 40 протоколов комиссии ГОЭЛРО, приведенные в «Трудах» сведения дают возможность проследить круг вопросов, которыми занимались члены комиссии, определить последовательность и актуальность их решений. Так, например, одним из первых в комиссии ГОЭЛРО был обсужден вопрос по электрификации промышленности и сельского хозяйства³⁴. Из протоколов видно внимание В. И. Ленина к работе комиссии, об указаниях Ленина информировал членов комиссии Г. М. Кржижановский³⁵. Протоколы комиссии являются ярким доказательством особого интереса Ленина к социальным аспектам электрификации, ибо они в конечном итоге призваны были сыграть решающую роль в формировании советского общества на новой материально-технической базе. К протоколам комиссии приобщены специальные приложения: выдержки из стенограмм заседаний комиссии, тезисы докладов, обсуждавшихся ее членами, программы работ отдельных секций комиссии. В сборник включены также опись архивных материалов комиссии ГОЭЛРО за 1920—1921 гг. и биографические сведения об участниках составления плана ГОЭЛРО. В конце книги приведена библиография вышедших работ по электрификации.

В 1964 г. вышел следующий том «Трудов» ГОЭЛРО, в котором приведены данные о разработке планов электрификации восьми экономических районов. Этот том открывают работы В. И. Ленина «Набросок плана научно-технических работ» и «Письмо членам ЦК РКП(б)» от 6 ноября 1920 г.³⁶ В приложении дан перечень научных работ комиссии ГОЭЛРО.

Выход в свет этих двух томов «Трудов» комиссии ГОЭЛРО безусловно явился важным событием в изучении проблемы электрификации. Источниковедческая база исследователей проблемы получила серьезное пополнение. Несмотря на отдельные недостатки издания «Трудов» ГОЭЛРО (опущены номера протоколов комиссий, повторяются некоторые документы и т. п.), их выход — значительный шаг вперед в истории разработки плана ГОЭЛРО и проблемы электрификации в целом.

В 1966 г. в издательстве «Экономика» вышла книга «Энер-

³³ «Труды» ГОЭЛРО, т. 1, стр. 5, 6.

³⁴ Там же, стр. 91—93, 190.

³⁵ Там же, стр. 94, 107, 113, 119, 136 и др.

³⁶ «Труды Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). Материалы по электрификации отдельных районов», т. 2.

гетика народного хозяйства в плане ГОЭЛРО», являющаяся тематическим продолжением разработки многоплановости проблемы электрификации. В предисловии («План ГОЭЛРО — детище Великого Октября») академик С. Г. Струмилин писал, что «Великая Октябрьская социалистическая революция, в корне изменив социально-политический строй России, потребовала новых методов и программ развития ее экономики»³⁷. Конкретным выражением таких методов и программ явился план ГОЭЛРО. Так был охарактеризован план ГОЭЛРО спустя полстолетия после его принятия одним из его составителей. Социальная роль плана, на которую указывал В. И. Ленин, была подтверждена всем историческим опытом его выполнения. Исследователи проблемы получили еще одно доказательство важности изучения социального аспекта в электрификации страны.

Живой интерес советской общественности к вопросам электрификации, который сопутствовал всему периоду осуществления плана ГОЭЛРО и планов электрификации, служит убедительным подтверждением актуальности и научно-политической значимости темы электрификации.

Отметим, что в 60-х годах, кроме документальных сборников, раскрывающих деятельность комиссии ГОЭЛРО, вышли также сборники о сооружении крупнейших гидроэлектростанций Советского Союза и осуществлении работ по электрификации в целом³⁸.

Выросшая источниковедческая база по истории плана ГОЭЛРО, осуществлению электрификации страны в целом безусловно способствовала дальнейшей разработке проблемы электрификации. Значительным вкладом в разработку проблемы явились труды крупнейших энергетиков и экономистов, вышедшие в конце 50-х и в 60-х годах³⁹. В них были продолжены лучшие традиции творцов плана ГОЭЛРО — рассмотрены экономические и научно-технические аспекты электрификации. Без изучения

³⁷ «Энергетика народного хозяйства в плане ГОЭЛРО». М., 1966, стр. 3.

³⁸ «Днепровская гидроэлектростанция имени В. И. Ленина. Первенец индустриализации страны — Днепрогэс имени В. И. Ленина». Сборник документов о строительстве Днепрогэса им. В. И. Ленина (1926—1932 гг.). Запорожье, 1960; «Братская ГЭС». Сборник документов и материалов, т. 1 (1955—1961 гг.). М., 1964; «Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС», т. I—II. М.—Л., 1965; «Электрификация СССР. 1925—1932 гг.» Сборник документов. М., 1964, и др.

³⁹ П. С. Непорожний. Проблемы сплошной электрификации СССР и технический прогресс в энергостроительстве. М., 1960; Н. М. Ознобин. Электрификация СССР за 40 лет. М., 1958; он же. Электроэнергетика СССР и ее размещение. М., 1961; П. И. Богдашкин. Электрификация сельского хозяйства СССР. М., 1960; И. Т. Новиков. Развитие энергетики и создание единой энергетической системы СССР. М., 1962; Д. Г. Жимерин. История электрификации СССР. М., 1962; М. А. Виленский. Электрификация СССР и размещение производительных сил. М., 1963; он же. По ленинскому пути сплошной электрификации. М., 1969; И. Я. Рыженко. Развитие сельской электрификации СССР. М., 1965, и др.

серьезных монографий П. С. Непорожного, Н. М. Ознобна, И. Т. Новикова, Д. Г. Жимерина, П. И. Богдашкина, М. А. Впленского и многих других нельзя заниматься изучением проблемы электрификации на современном этапе, ибо она требует комплексного подхода к ее изучению.

Значительную роль в изучении электрификации продолжают играть юбилеи плана ГОЭЛРО, широко отмечаемые советской общественностью. Один из таких юбилеев, проведенный в 1960 г. в г. Иркутске, стал настоящим научным симпозиумом, на котором были подведены итоги исследования проблемы и намечены дальнейшие пути ее изучения. Принятые рекомендации послужили стимулом для активизации исследователей. Рост количества кандидатских диссертаций по проблеме электрификации в 60-х годах свидетельствует о действенности рекомендаций⁴⁰. Диапазон исследований как в тематическом, так и в хронологическом аспекте изучения проблемы расширился. Историко-партийная тематика преобладает, но предметом изучения становятся и другие стороны проблемы. Изучается не только роль партийных организаций в создании электростанций (В. П. Малышев), в восстановлении и развитии электроэнергетики отдельных районов (Г. Я. Гальченко, Н. А. Гашкова, М. Р. Крузметра), но и деятельность Ленинского комсомола на ударных стройках энергетики (С. И. Сергейчик), формирование кадров энергетиков СССР (Е. В. Таранов) и многие другие вопросы. Появились работы, показывающие созидательную деятельность Советской власти в разработке плана ГОЭЛРО и осуществление электрификации в первое пятилетие Советского государства (П. П. Ковалев).

В 60-х годах защищаются диссертации, посвященные проблеме электрификации в общесторическом плане. Оговоримся при этом, что большинство их посвящено все же осуществлению электрификации отдельных районов страны, т. е. одному из наиболее популярных аспектов проблемы⁴¹. Диссертации общесто-

⁴⁰ В. П. Малышев. Коммунистическая партия — организатор строительства Ангарского каскада гидроэлектростанции. М., 1963; Г. Я. Гальченко. Коммунистическая партия Советского Союза — организатор восстановления и дальнейшего развития электроэнергетики Донбасса в 1943—1950 гг. Киев, 1964; Д. З. Соболев. Осуществление ленинского плана электрификации страны в период развернутого строительства коммунизма (1956—1965 гг.). М., 1965; М. Р. Крузметра. Деятельность Коммунистической партии Латвии за создание электроэнергетической базы народного хозяйства республики (1944—1965 гг.). Рига, 1966; С. И. Сергейчик. Деятельность Ленинского комсомола на ударных стройках энергетики в годы семилетки (1959—1965 гг.). М., 1968; Н. А. Гашкова. Деятельность западносибирской партийной организации по развитию электроэнергетической базы края в годы первых пятилеток (1928—1937 гг.). Новосибирск, 1968; П. П. Ковалев. У истоков электрификации Советской страны (1918—1922 гг.). М., 1969.

⁴¹ В. В. Алексеев. История электрификации Восточной Сибири. Иркутск, 1964; К. Туменас. История электрификации Советских прибалтийских республик (1940—1962 гг.). М., 1964; К. Исхаков. История электрификации народного хозяйства Казахстана в период построения социализма (1925—

рического плана отличает более комплексный подход к проблеме. В отдельных диссертациях появляются новые проблемы, такие, например, как роль электрификации в формировании кадров энергетиков (Е. В. Таранов)⁴², раскрывается процесс влияния электрификации, в частности электростроительства, на изменения, происходящие в среде рабочего класса в целом. Происходит дальнейшее раскрытие проблемы электрификации во всей ее многоплановости.

Возросший в конце 60-х годов объем литературы, посвященной проблеме электрификации, также подтверждает неослабевающий интерес советских исследователей к теме⁴³.

1958 г.). Алма-Ата, 1966; *И. Ф. Петровская*. Осуществление ленинских идей электрификации в Молдавской ССР. Кишинев, 1967.

- ⁴² *Е. В. Таранов*. Развитие и трудовая активность отряда рабочих строителей электростанций. 1956—1965 гг. М., 1970.
- ⁴³ *П. И. Щербак*. Работа Коммунистической партии Украины по подготовке и воспитанию кадров строителей электростанций (1928—1932 гг.).— «Из истории рабочего класса СССР».— «Труды Одесского гидрометеорологического института», вып. XXX. Львов, 1963; *В. Д. Попов*. Борьба партийных организаций за электрификацию промышленности Западного Урала в годы Великой Отечественной войны.— «Ученые записки Пермского гос. университета им. А. М. Горького», т. XXV, вып. III. Пермь, 1963; *И. Ф. Петровская*. Электрификация Молдавской ССР— яркое проявление ленинской национальной политики КПСС.— «Ученые записки Кишиневского гос. университета», т. LXXIV. Кишинев, 1964; *Н. А. Гашкова*. Формирование рабочих кадров на строительстве Кемеровской ГРЭС (1930—1934 гг.).— «Из истории рабочего класса Кузбасса» (1917—1963 гг.), вып. 1. Кемерово, 1965; *И. В. Гнидаш*. Воспитание и расстановка кадров на строительстве Кременчугской ГЭС (1954—1960 гг.). Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР.— «Труды Харьковского гос. университета», вып. IV. Харьков, 1965; *И. Г. Гришюков*. Электрификация Советского Киргизстана. Фрунзе, 1965; «От Октября к развернутому строительству коммунизма». М., 1967, стр. 385—397; *Б. К. Визер, И. Ф. Петровская*. Основные этапы сельской электрификации в Молдавской ССР (1945—1964).— «Страницы революционной борьбы и социалистического строительства в Молдавии». Кишинев, 1966; *В. В. Алексеев*. Первые электростанции в Сибири.— «Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. Материалы по истории Сибири», вып. 1. Новосибирск, 1964; *он же*. Галактика А—Е. Красноярск, 1966; *он же*. Формирование рабочих и инженерно-технических кадров на строительстве электростанций Сибири в послевоенный период.— «Бахрушинские чтения», 1966, вып. III (Сибирь в эпоху социализма). Новосибирск, 1968; *он же*. В. И. Ленин и электрификация Сибири.— «Вопросы истории Советской Сибири». Историческая серия. Вып. 2. Новосибирск, 1968, стр. 66—72; *он же*. Разработка заданий плана ГОЭЛРО для Сибири и их конкретизация на местах.— Там же, стр. 73—91; *И. А. Ведерников*. Партийные организации во главе строительства крупнейших гидроэлектростанций. М., 1967; *А. Н. Зыков*. КПСС— организатор строительства гидроэлектростанций Восточной Сибири (1950—1967 гг.). Иркутск, 1969; *М. Талипов*. Осуществление ленинских идей электрификации в Узбекистане. Ташкент, 1970; *Е. В. Таранов*. Роль В. И. Ленина в создании и осуществлении плана электрификации страны.— «В. И. Ленин и некоторые проблемы истории советского общества». М., 1970; *С. Б. Нурмухамедов, Н. Г. Пан, Ю. И. Романов*. По плану В. И. Ленина. История строительства энергетической базы Казахского Алтая. Алма-Ата, 1970; «Вопросы историографии рабочего класса СССР», стр. 228—236, и т. д.

И хотя наибольшее количество опубликованных работ посвящено лучше освещенному аспекту (осуществлению электрификации, главным образом строительству электростанций), это большое достижение советской историографии.

Следует отметить, что в последние годы появилось также значительное количество мемуарной литературы, посвященной этой важнейшей проблеме. В своих воспоминаниях бывшие участники работ по электрификации страны вскрывают многие, не получившие до них освещения аспекты проблемы. В частности — возросшую роль техники в решении задач электрификации⁴⁴.

Положительным фактором в изучении проблемы электрификации является и интерес к ней широких журналистских кругов, а также внимание к этой проблеме авторских коллективов, работающих по истории фабрик и заводов⁴⁵. В этих работах появились новые данные, помогающие раскрыть более полно комплекс вопросов, составляющих проблему электрификации. Изучение проблемы остается актуальной научной задачей и в наши дни.

50-летний юбилей плана ГОЭЛРО, который был отмечен в декабре 1970 г., служит подтверждением большого интереса научной общественности к проблеме электрификации. На необходимость комплексного подхода к изучению проблемы электрификации указывал в своем выступлении на совместном заседании Совета Института истории СССР АН СССР и Научно-технического совета Министерства энергетики и электрификации СССР, посвященном 50-летию ленинского плана ГОЭЛРО министр энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожний⁴⁶. В совместной работе историков, энергетиков и экономистов над проблемой электрификации залог успешного ее изучения.

⁴⁴ *И. В. Комзин*. Записки советского энергетика. М., 1960; *он же*. Волжская ГЭС имени Ленина. Куйбышев, 1960; *Г. А. Калинин*. Огни над Окой. М., 1966.

⁴⁵ *В. Боруля*. Сказание о Днепрострое. М., 1969; *он же*. Укротители молний. М., 1970; «Имени Владимира Ильича». История ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени электромеханического завода им. Владимира Ильича. М., 1962; «Динамо» в годы строительства социализма. История завода, кн. 2. М., 1964; «Динамо» в наши дни. История завода, кн. 3, часть 1. М., 1973. «Арсенал электрификации. Краткий очерк истории ленинградского завода «Электросила» им. С. М. Кирова». Л., 1960, и др.

⁴⁶ См. «История СССР», 1971, № 3, стр. 230–232.

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ О НАЧАЛЬНЫХ РУБЕЖАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР

В. С. Лельчук

Вопрос об исходном уровне социалистической индустриализации является составной частью общей проблемы о характере и особенностях ускоренного превращения СССР в промышленную державу. Без его выяснения нельзя с должной полнотой осмыслить ту быстроту, с которой произошло это превращение, нельзя понять те неповторимые трудности, которые пришлось преодолеть Коммунистической партии и советскому народу в борьбе за создание материально-технической базы социализма.

Изучение этой темы началось еще во второй половине 20-х годов, когда разворачивался курс на социалистическую индустриализацию. Последнее обстоятельство, естественно, наложило отпечаток на вышедшие тогда работы, авторами которых обычно являлись практики, чаще всего экономисты¹⁻¹¹.

Великая Отечественная война убедительно показала, что те задачи, которые выдвинул XIV съезд ВКП(б) в области индустриализации страны, советский народ практически осуществил в ходе довоенных пятилеток. Завершенность процесса создавала благоприятную обстановку для осмысления пройденного пути, в том числе для конкретно-исторического освещения его начального этапа. Цель данной статьи в том и состоит, чтобы показать, как в послевоенное время советские историки изучали исходный уровень социалистической индустриализации СССР.

Рассмотрение вышедшей за последнюю четверть века литературы, на наш взгляд, наиболее целесообразно осуществить в хронологической последовательности. Такая постановка вопроса позволяет лучше всего понять достижения сегодняшнего дня, связанные с общим поступательным движением отечественной историографии.

Приступая к анализу интересующих нас работ, изданных в первые послевоенные годы, следует напомнить, что в ту пору в науке господствовал тезис о полуколониальном положении России в дооктябрьский период. В литературе допускалось явное прини-

¹⁻¹¹ Более подробно о вышедшей тогда литературе см. нашу статью «Изучение социалистической индустриализации в 1926—1934 гг.» в сборнике «История и историки» (М., 1965).

женне степени промышленного развития, достигнутого страной к 1917 г.

В середине 50-х годов XX в. проходила дискуссия о периодизации истории советского общества. И. Б. Берхин и М. П. Ким, выступившие с первой статьей, высказали мысль о неправильности ограничения периода индустриализации 1926—1929 гг., как это обычно делалось в литературе¹². Участники дискуссии в большинстве своем солидаризировались с таким мнением¹³.

Подводя итоги научного обсуждения, журнал «Вопросы истории» опубликовал в 1956 г. редакционную статью, в которой видное место занял вопрос о начальных рубежах социалистической индустриализации. В статье отмечались, с одной стороны, условность и подвижность ряда исторических граней, а с другой — взаимосвязь этапов социалистического строительства. «Например,— говорилось далее,— уже в годы восстановления народного хозяйства (после гражданской войны и иностранной интервенции) начались реконструктивные процессы, в то же время в первые годы реконструктивного периода еще завершалось восстановление народного хозяйства. Задача заключается в том, чтобы правильно определить, какие именно процессы преобладали и составляли существо того или иного периода»¹⁴. Журнал высказался за сохранение ранее принятых хронологических рамок восстановительного периода (т. е. 1921—1925 гг.) и против трактовки 1926—1929 гг. как «периода индустриализации».

В редакционной статье подчеркивалось, что «выделение 1926—1929 гг. как периода индустриализации создает неправильное представление, будто эта сложная задача социалистического строительства была решена в эти годы. На самом деле тогда был сделан лишь приступ к индустриализации СССР...»¹⁵.

В целом дискуссия принесла несомненную пользу советской исторической науке и по данному вопросу. Она обратила внимание исследователей на необходимость глубокой разработки такой важной темы, как проблема исходного уровня социалистической индустриализации СССР. Уже тогда стало ясно, что в литературе не проводится разграничение между индустриализацией как объективным процессом, характеризующим развитие экономики, и политической индустриализации как сознательно регулируемым и направляемым курсом, в основе которого лежит научное понимание закономерностей становления социалистического способа производства.

Новый шаг вперед в исследовании рассматриваемой проблемы после упомянутой дискуссии о периодизации был сделан в 1957 г. Мы имеем в виду выход коллективного труда «Советская социа-

¹² И. Б. Берхин, М. П. Ким. О периодизации истории советского общества.— «Вопросы истории», 1954, № 10, стр. 33.

¹³ См. «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 74—78; № 9, стр. 59.

¹⁴ См. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 59.

¹⁵ Там же, стр. 61.

листическая экономика. 1917—1957 гг.». В разделах, написанных Л. М. Гатовским, А. И. Ноткиным, С. Г. Струмилиным, Л. А. Леонтьевым, Г. М. Аламшиевым и рядом других ученых, большое внимание уделялось анализу закономерностей индустриального развития страны как до революции, так и особенно в условиях диктатуры пролетариата. В книге четко прозвучал тезис: Россия — страна среднего уровня развития капитализма. Много места авторы отводили изложению материалов об исходном уровне и важнейших предпосылках социалистической индустриализации; при этом каждый из них подкреплял свои рассуждения углубленным подходом к широкому использованию ленинского наследия.

Анализируя предпосылки победы Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин писал: «Без известной вы-соты кап[итали]зма у нас бы ничего не вышло»¹⁶. В 1920 г., прочитав бухаринское утверждение о том, что крах мирового капитализма начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем, В. И. Ленин выделил слова «наиболее слабых» и подчеркнул: «неверно: с „*срeдне-слабых*“»¹⁷. Тогда же с исчерпывающей полнотой он указал, от чего зависит сила пролетариата: 1) от его численности, 2) от его роли в экономике страны, 3) от его связи с массой трудящихся, 4) от его организованности¹⁸. Опираясь на эти положения вождя революции, впервые опубликованные в 1929 г., используя также и другие оценки, которые В. И. Ленин давал промышленному потенциалу России и ее рабочему классу, авторы названной книги фактически отвергали прежнюю постановку вопроса о полукOLONиальной зависимости России.

Интересными сравнениями и наблюдениями изобиловала статья С. Г. Струмилина. В ней показывались размеры производства как крупной, так и мелкой промышленности, приводились данные о численности рабочих, выпуске валовой продукции и производительности труда в сравнении не только с 1913, но и с 1917 г. Динамика индустриального развития страны свидетельствовала, что при общем росте производства за период 1913—1927 гг. объем продукции крупной промышленности значительно превзошел довоенный уровень, а на предприятиях мелкой промышленности уменьшился; такая же тенденция действовала и в 1928 г., т. е. даже в условиях еще только развертывавшейся индустриализации мелкое, немеханизованное производство быстро теряло былое значение (в 1913 г. на его долю приходилось свыше трети всей промышленной продукции страны, в 1927 г. — 26,4%, в 1928 г. — немногим более 21 %) ¹⁹.

¹⁶ «Ленинский сборник», XI, стр. 397.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. там же, стр. 391.

¹⁹ «Советская социалистическая экономика. 1917—1957 гг.», стр. 128.

Характеризуя государственную политику капиталовложений, автор отметил, что до 1928 г. накопления социалистического хозяйства не перекрывали полностью нормального износа средств производства. Но и в этих условиях основная масса средств выделялась на тяжелую индустрию. В этом, заключает С. Г. Струминин, проявляется тот факт, что «индустриализация СССР с первых же ее шагов пошла по линии опережающего все другие отрасли труда развития средств производства»²⁰.

Для изучающих начальный этап политики индустриализации несомненный интерес представляют и таблицы, составленные автором. Из них, в частности, видно, что представляли собой такие отрасли, как рыбная промышленность и лесозаготовки, которые до 1928 г. в крупную промышленность не включались, а при определении соотношения индустрии и сельского хозяйства зачислялись в последнее²¹.

Л. М. Гатовский подчеркивал, что только необходимость ликвидировать последствия первой мировой войны, гражданской войны и интервенции помешала Коммунистической партии приступить к проведению политики индустриализации сразу же после победы Октябрьской революции. Понадобилось около 5 лет (1921—1925 гг.), чтобы с решением в основном задач восстановления разрушенного можно было начать индустриализацию. В 1926—1929 гг., продолжает он, были заложены основы индустриализации²².

С интересными соображениями выступил А. И. Ноткин. «В восстановительный период были укреплены, — подчеркнул он, — **исходные позиции** для построения материально-производственной базы социализма в нашей стране»²³. Говоря о необходимости изучения уровня незавершенной капиталистической индустриализации царской России для познания закономерностей советского метода индустриализации, автор писал: «Россия вступила на путь капиталистической индустриализации позже ряда западных стран, и в начале XX века она только вышла из той стадии индустриализации, когда капитал притекает в наибольшей мере в отрасли легкой и пищевой промышленности, в которых требуется меньше капиталовложений, оборот капитала более быстрый, норма прибы-

²⁰ Там же, стр. 129.

²¹ См. там же, стр. 126. Практика зачисления рыбной промышленности и лесозаготовок в разряд сельского хозяйства все чаще встречает возражение исследователей. В печати, в частности, отмечалось, что это искажает представление о подлинных размерах и формах дореволюционной промышленности, мешает правильно понять их важную роль в жизни ряда районов страны. В Белоруссии, например, лесная промышленность давала до 1917 г. чистой продукции и доходов больше, чем вся крупная промышленность (см. М. А. Цейтлин. *Очерки развития лесозаготовок и лесопиления*. М., 1968; см. также рецензию И. Ф. Гиндина и В. В. Тимошенко на эту книгу. — «История СССР», 1971, № 2, стр. 175).

²² «Советская социалистическая экономика. 1917—1957 гг.», стр. 29—30

²³ Там же, стр. 83, 85.

ли, особенно на первых порах, более высока»^{23а}. В 1958 г. А. И. Ноткин развил свою мысль: «Сосредоточение основных усилий при осуществлении социалистической индустриализации СССР с самого начала на развитии тяжелой индустрии стало возможным, кроме прочего, еще и благодаря тому, что капиталистическая индустриализация дореволюционной России привела к созданию сравнительно обширной легкой промышленности»²⁴. А. И. Ноткин писал не просто о незавершенной капиталистической индустриализации царской России, но и о создании сравнительно обширной легкой промышленности в рамках капиталистического способа производства.

Позднее его точка зрения получила поддержку и конкретизацию в коллективном труде «Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926—1932 гг.» В этой работе подчеркивалось, что по выпуску текстильных тканей и ряда пищевых продуктов Россия уступала главным капиталистическим странам в гораздо меньшей мере, чем в производстве наиболее важных средств производства. Так, в 1913 г. она занимала третье место в мире по выработке хлопчатобумажных тканей и одно из первых мест по производству сахара. Ей принадлежало первое место по сбору пшеницы, ржи, ячменя, льноволокна и второе — по поголовью крупного рогатого скота. «Относительная развитость легкой промышленности и сельского хозяйства, — говорится в книге, — позволила нашей стране форсировать строительство тяжелой промышленности»²⁵.

Большой вклад в общее понимание проблемы капиталистической индустриализации России, в освещении индустриального уровня, достигнутого страной к 1917 г., внесли советские историки, изучавшие предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. В 1955 г. В. Е. Мотылев выступил со статьей об особенностях промышленного развития нашей страны на рубеже XIX—XX вв.²⁶ В соответствии с авторским замыслом главное место в ней заняло сопоставление темпов и масштабов индустриального роста России и крупнейших капиталистических государств того времени. Такой угол зрения позволил напомнить подход В. И. Ленина к анализу тех же процессов, сделанному еще в конце XIX в.²⁷

Появившаяся вскоре после этого статья Б. Б. Граве была прямо направлена против отнесения России к странам полуколо-

^{23а} «Советская социалистическая экономика. 1917—1957 гг.», стр. 83, 85.

²⁴ А. И. Ноткин. Социалистическая индустриализация СССР и новый технический переворот. — «Вестник АН СССР», 1958, № 1, стр. 14.

²⁵ «Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926—1932 гг.» М., 1960, стр. 85.

²⁶ В. Е. Мотылев. Об особенностях промышленного развития в конце XIX — начале XX века. — «Вопросы истории», 1955, № 7.

²⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 490, 493, 508, 566, 570.

индустриального типа²⁸. В последующие годы благодаря усилиям большой группы исследователей советская наука пополнилась трудами, закрепившими точку зрения, согласно которой народнохозяйственная система дореволюционной России достигла среднего уровня капиталистического развития²⁹. Собранный в них фактический материал позволил сделать вывод, что в 1913 г. Россия, резко отставая от США и Германии, несколько меньше — от Англии, была намного выше Японии, Италии, Испании и по ряду важных показателей шла впереди Франции (по машиностроению, выплавке стали и проката, добыче минерального топлива, по ведущим отраслям легкой и пищевой промышленности). В это же время, будучи пятой страной в мире по объему всего промышленного производства, Россия занимала второе место по добыче нефти, вывозу древесины, производству пиломатериалов, третье — по выработке хлопчатобумажных тканей (суровых), четвертое — по машиностроению, производству кокса, пятое — по выпуску чугуна, железной руды, цемента, по выплавке стали и т. д.³⁰

Важное значение для утверждения в науке правильных взглядов на степень относительной отсталости России от других империалистических держав имела публикация тезисов Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма, посвященных сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. Именно в этих тезисах впервые появились данные, в соответствии с которыми дореволюционная Россия отставала в 1913 г. от Соединенных Штатов Америки по производству промышленной продукции не в 13—14 раз, как это сообщалось в сборнике «СССР и капиталистические страны», а примерно в 8 раз³¹. Несколько позднее были опубликованы статьи, содержащие исчисления по данному вопросу и научное обоснование сделанного пересчета³².

Подверглись уточнению и сведения об удельном весе промышленной продукции России в мировом промышленном производстве. По данным ЦСУ, этот показатель составлял в 1913 г. несколько более 4% и в 1917 г. — чуть менее 3%³³.

²⁸ Б. Б. Граве. Была ли царская Россия полуколонией? — «Вопросы истории», 1956, № 6.

²⁹ См.: В. И. Бовыкин. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России. — «Об особенностях империализма в России». М., 1963: *он же*. Зарождение финансового капитала в России. (Введение). М., 1967; К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма. М., 1964.

³⁰ А. Давидович. О ленинском анализе экономики предоктябрьской России. — «Вопросы экономики», 1970, № 4, стр. 52.

³¹ «К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957)». М., 1957, стр. 32.

³² В. Н. Старовский. О сравнении экономики Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. — «Вестник статистики», 1959, № 11; см. также «Вопросы экономики», 1960, № 4.

³³ «Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов». М., 1967, стр. 5, 47.

Но и в последующие годы неоднократно выходили работы, повторявшие явно устарелые сведения и выводы. Даже теперь, после того как в историографических статьях специально отмечались подобные просчеты³⁴, несложно назвать труды, где как и 15—20 лет назад снова говорится об отставании России от США в 14 раз, фигурируют 2,6%, призванные показать долю промышленного производства России в мировой промышленной продукции, воспроизводится тезис о полукOLONIALной зависимости России³⁵.

В аспекте данной статьи следует подчеркнуть, что в обобщающих трудах по истории СССР уже прочно утвердилось единое мнение о степени и размерах промышленного развития России к 1917 г. Наиболее концентрированно его выразил А. И. Пашков. В 1966 г., анализируя историю русской экономической мысли, он сформулировал важный вывод, имеющий прямое отношение к историографической оценке рассматриваемых нами трудов. «Широко распространенная в нашей литературе,— писал автор,— характеристика царской России XX в. как страны аграрной неточно отражает действительность и противоречит прямым высказываниям В. И. Ленина»³⁶. Сделав столь ответственное заявление, А. И. Пашков подкрепил его рядом ленинских положений и материалами о том, что промышленность России развивалась в то время быстрее, чем сельское хозяйство, и что в общей сумме продукции крупной промышленности и сельского хозяйства она достигла в 1913 г. 42,1%, т. е. величины отнюдь не маленькой. (В сочетании с продукцией мелкого производства указанный показатель, как известно, был заметно выше.) «Отрасли тяжелой промышленности, продолжает он,— росли, как правило, быстрее отраслей легкой промышленности, однако преобладала последняя. Производство средств производства (группа А) составило в 1913 г. 33,3%, а производство предметов потребления (группа Б) — 66,7% валовой продукции всей промышленности»³⁷.

Цифры эти были известны давно, однако в таком контексте они обычно не приводились. Более того, А. И. Пашков в отличие от других исследователей обращал внимание на то, что при определении пропорций между индустрией и сельским хозяйством

³⁴ См. «Очерки по историографии советского общества». М., 1965, стр. 401.

³⁵ См. *Н. И. Чумбаров*. КПСС в борьбе за переход к индустриализации СССР (1926 г.). М., 1959; «Свет над Россией. Очерки по истории электрификации СССР». М., 1960; *Я. Г. Фейгин*. Ленин и социалистическое размещение производительных сил. М., 1969; *И. Б. Берлин*. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970, и др.

³⁶ «История русской экономической мысли». Том III. Эпоха империализма и буржуазно-демократических революций в России. Часть первая. Под ред. А. И. Пашкова. М., 1966, стр. 9.

³⁷ Там же, стр. 8.

первая представлена данными только по крупной промышленности (и это, добавим от себя, верно, коль скоро речь идет об определении уровня индустриального развития страны, степени ее насыщения машинной техникой). Когда же выясняется соотношение между группами А и Б, сведения приводятся по всей промышленности, включая сюда и крупную, и мелкую. Но и при таком подходе не все учитывают изменения, которые произошли после 1913 г. А. И. Пашков исправил недочет и указал, что в 1917 г. удельный вес группы А составил уже 38,1%, т. е. был выше, чем в последнем предвоенном году.

Далее А. И. Пашков напомнил в прошлом часто применявшееся деление стран на следующие типы (в зависимости от уровня их экономического развития): 1) аграрные, 2) аграрно-индустриальные, 3) индустриально-аграрные, 4) индустриальные. Учитывая, писал он, приведенные показатели, «предоктябрьскую Россию можно отнести к числу аграрно-индустриальных стран»³⁸.

Подчеркнем еще раз. Помня о незавершенности капиталистической индустриализации России, о большой технико-экономической отсталости страны, о ее усиливавшейся зависимости от более мощных империалистических держав Запада, историки, специально анализирующие эти процессы, считают необходимым отметить аграрно-индустриальный характер российской экономики и подробно описать реальное состояние промышленного потенциала России как в канун первой мировой войны, так и в 1917 г. Когда же мы переходим к работам по истории социалистической индустриализации, то здесь нередко господствуют суждения о невероятной слабости российской промышленности, о полном преобладании в экономике страны мелкого земледельческого хозяйства. Постановка вопроса об аграрно-индустриальном типе обычно отсутствует; считается само собой разумеющимся, что социалистическая индустриализация началась в условиях, когда страна была аграрной (именно это обстоятельство чаще всего подчеркивается и выдвигается на передний план).

Преодоление сложившегося положения вещей связано с дальнейшим углубленным осмыслением ленинского наследия, анализом партийных документов, историографическим разбором печатной продукции, введением в научный оборот новых источников. Многое в этом направлении уже делается. Особо нужно сказать о деятельности публикаторов.

Во второй половине 50-х годов возобновилось издание статистических справочников. Уже первые из них, вышедшие в 1956—1957 гг., содержали сведения, уточнявшие размеры промышленного производства, достигнутые Россией в 1913 г. и Советским

³⁸ Там же, стр. 8—9.

Союзом к началу первой пятилетки³⁹. Несмотря на почти полное отсутствие материалов, характеризующих 1921—1925, а также 1926—1927 гг., что, конечно, осложняло освещение самого перехода к политике индустриализации, сборники открыли дополнительные возможности для показа начального этапа осуществления этой политики. Сравнение данных за 1913 и 1928 гг. убеждало, что социалистическая индустриализация развертывалась в обстановке, когда ряд отраслей промышленности, в первую очередь связанных с выпуском предметов потребления, уровня 1913 г. еще не достиг. Специфика начального этапа состояла и в том, что соревнование двух систем не всегда проходило с перевесом в пользу Советского Союза. Разрыв между уровнем промышленного производства СССР и США поначалу не только не сокращался, но и увеличивался. Так, в 1928 г. промышленное производство СССР поднялось до 132% по отношению к 1913 г., а в Соединенных Штатах Америки — до 151%. Еще большее расхождение обнаружилось в выпуске ряда важнейших продуктов тяжелой индустрии: по выпуску чугуна уровень СССР в 1928 г. составил 78% от уровня 1913 г., а США — 123%; по стали соответственно 100 и 165%, по нефти — 126 и 363%; по электроэнергии — 260 и 440%⁴⁰.

Знаменательным событием стал выход в свет второго издания «Плана ГОЭЛРО»⁴¹. В этом историческом документе, который В. И. Ленин в 1920 г. назвал второй программой партии, хозяйственные задания на предстоявшее тогда десятилетие рассматривались в неразрывной связи с характеристикой дореволюционной экономики. Составители плана, в частности Г. М. Кржижановский, решительно возражали против зачисления России в страны земледельческие; Россию они считали страной аграрно-индустриального типа и отмечали, что «уже в довоенное время наша индустриализация шла более ускоренным темпом, чем где бы то ни было, а наша отсталость в наличии механических двигателей по сравнению с США была десятерной»⁴². Одновременно план давал ясную установку относительно того, что можно и нужно было использовать из доставшегося от прошлого наследия, какие радикальные перемены следует осуществить в интересах построения фундамента социалистической экономики. В одном русле с указанным переизданием находились публикации материалов Государственной комиссии по электрификации России, расширявшие знания историков о самом ходе составления плана, о выра-

³⁹ См. «Народное хозяйство СССР. Статистический сборник». М., 1956; «Промышленность СССР. Статистический сборник». М., 1957, и др.

⁴⁰ «Народное хозяйство СССР в 1958. Статистический ежегодник». М., 1959. стр. 173, 175, 177, 178.

⁴¹ «План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России». Второе издание. М., 1955 (первое издание вышло в 1920 г.).

⁴² Там же, стр. 49—50.

ботке курса на первоочередное развитие производства средств производства⁴³.

Во второй половине 50-х годов появились первые публикации архивных документов, характеризовавшие борьбу Коммунистической партии и советского народа за превращение СССР в индустриальную державу⁴⁴. Центральное место в них заняли материалы, относящиеся к 1926—1929 гг. Наибольший интерес представлял сборник под редакцией и с предисловием М. П. Кима. И не только потому, что в нем были сконцентрированы обобщающие документы общесоюзного значения (в отличие от других сборников, где преобладали местные материалы), но и потому, что в этом сборнике составители стремились показать, что представляла собой страна к началу развернутой индустриализации и каков был сам механизм перехода к новому этапу развития экономики.

В последующие годы совместными усилиями научных и архивных работников был начат выпуск общесоюзной многотомной серии документов и материалов «История индустриализации СССР. 1926—1941 гг.»⁴⁵ На протяжении второй половины 60-х годов в свет вышли сборники, подготовленные в Москве, Ленинграде, Свердловске, Горьком, Томске, Казани, Алма-Ате и некоторых других центрах и отражающие процесс индустриализации во всех союзных республиках и основных экономических районах Российской Федерации. В ближайшее время серия должна быть завершена. К 1974 г. вышло около 20 томов, в том числе четыре обобщающих тома по СССР в целом; один из них охватывает период 1926—1928 гг.⁴⁶

⁴³ «Труды Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО)». М., 1960; см. также «Развитие электрификации Советской страны. 1921—1925 гг.»

⁴⁴ «Социалистическая индустриализация Азербайджана (1926—1932 гг.)». Документы и материалы. Баку, 1957; «Первые шаги индустриализации СССР. 1926—1927 гг. Сборник документов под ред. М. П. Кима». М., 1959; «Коммунисты Ленинграда в борьбе за выполнение решений партии по индустриализации страны (1926—1929 гг.)». Сборник документов и материалов. Л., 1960; «Саратовская партийная организация в годы социалистической индустриализации страны и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства. Документы и материалы, 1926—1929 гг.». Саратов, 1960; «Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района (1925—1928 гг.)». Л., 1961.

⁴⁵ См. об этом: *М. П. Хлусов*. Об издании документов по истории индустриализации СССР.— «Советские архивы», 1966, № 1; *З. К. Звездин, В. Е. Полежаева*. О серийном издании документов по истории индустриализации СССР.— «Археографический ежегодник за 1968 г.» М., 1969.

⁴⁶ «Индустриализация СССР. 1926—1928 гг. Документы и материалы». М., 1969; см. также тома этой серии: «История индустриализации Западной Сибири (1926—1941 гг.)». Новосибирск, 1967; «Индустриальное развитие Центрального промышленного района», т. I. 1926—1932 гг. М., 1969; «История индустриализации Грузинской ССР (1926—1941 гг.)». Тбилиси, 1970; «История индустриализации Северного района (Архангельская, Вологодская области и Коми АССР). 1926—1941 гг.» Архангельск, 1970, и др.

Подготовленные по единой схеме, все эти сборники существенно расширяют сложившееся ранее представление о начальном этапе индустриализации, прежде всего о его специфике в национальных республиках и областях, в различных районах страны. Ознакомление с документами воочию убеждает, сколь разнообразными путями совершался переход к политике ускоренного перевода всего народного хозяйства на новую техническую основу: в ряде мест упор был сразу же сделан на новое строительство, в других — первоначально на реконструкцию; в одних районах главной задачей было первоочередное развитие тяжелой промышленности, в других — легкой индустрии, в третьих — расширение сырьевой базы и т. д.

Следует однако заметить, что, поскольку упомянутая серия документов хронологически охватывает только 1926—1941 гг., за ее пределами остались основные массивы материалов, относящиеся к восстановительному периоду. В результате те реконструктивные сдвиги, которые происходили до 1926 г. и подготавливали начало развернутой индустриализации, в сборниках не получили должного отражения. И это мешает понять преемственность, существовавшую между планом ГОЭЛРО и первыми вариантами пятилетнего плана, составлявшимися уже в середине 20-х годов ⁴⁷.

Но даже такие упущения не меняют главного: впервые начавшаяся в конце 50-х годов публикация документов по истории социалистической индустриализации довольно быстро приняла всесоюзный размах, что, с одной стороны, выражало резко возросший интерес исследователей к изучению данной проблемы, а с другой — дало новый толчок для ее более полного и углубленного освещения. В сочетании с теми сдвигами, о которых говорилось выше, это способствовало появлению статей и книг, позволяющих лучше понять процесс перехода от восстановления народного хозяйства к развернутой индустриализации страны, глубже изучить взаимосвязь этих этапов и их качественное различие.

Среди первых работ, вышедших в 50-х годах и дававших наиболее ясное представление об исходном уровне и начальном этапе социалистической индустриализации, выделялись исследования И. В. Маевского и Е. М. Полянской. В литературе промышленность 20-х годов рассматривалась обычно в целом. В кни-

⁴⁷ В определенной мере этот пробел восполняют архивные материалы, опубликованные в региональных сборниках, посвященных восстановлению народного хозяйства. См., например: «Алтай в восстановительный период». Барнаул, 1960; «Восстановление народного хозяйства Брянской губернии (1921—1925 гг.)». Брянск, 1960; «Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной области (1922—1925 гг.)». Хабаровск, 1962; «Восстановление промышленности Ленинграда (1921—1925 гг.)», т. I. Л., 1963; «Восстановление текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии (1920—1925 гг.)». Иваново, 1966, и др.

ге И. В. Маевского прослеживалось развитие лишь ведущих отраслей производства средств производства — электроэнергетики, нефтяной и угольной промышленности, химии и металлургии. Но это не было сужением темы, правильнее было бы говорить о ее конкретизации. Сосредоточив свое внимание на перечисленных отраслях, автор выявил те опорные базы, которые позволили начать ускоренный подъем всей тяжелой индустрии уже в 1926—1929 гг.^{47а}.

Е. М. Полянская избрала предметом своего исследования промышленное развитие Сибири в предвоенные пятилетки. В противовес тогда еще широко распространенному мнению о возникновении проектов строительства Урало-Кузнецкого комбината лишь в период индустриализации она показала, что вопрос о создании второй угольно-металлургической базы был поставлен уже в первые годы Советской власти при непосредственной поддержке В. И. Ленина⁴⁸.

Еще более полно аналогичная мысль раскрывается в обширной монографии П. Г. Матушкина о борьбе Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР⁴⁹.

Автору удалось проследить предыстория проблемы, уходящую в дореволюционное прошлое России, и борьбу за ее решение во второй половине 20-х годов. Описание достигнутой победы тем более интересно, что оно дано в сочетании с материалами, показывающими, как было сломлено и преодолено сопротивление противников создания второй угольно-металлургической базы СССР.

Дальнейшее исследование указанной темы привело к уточнению общего понимания вопроса о создании второй угольно-металлургической базы СССР. По мнению П. Г. Матушкина, к XVI съезду ВКП(б) «разработка Урало-Кузнецкой проблемы и подготовка к ее осуществлению подходила к концу»⁵⁰. В. Н. Зуйков, привлекая новые материалы и сопоставляя разные проекты промышленного строительства на Урале, указал на качественное отличие того подхода к Урало-Кузнецкой проблеме, который наметился уже после принятия первого пятилетнего плана. Масштабы развернувшейся индустриализации, накопленный опыт хозяйствования и планирования во многом видоизменили ранее сформулированную целевую установку. «По определению Госплана СССР,— пишет Зуйков,— задача состояла в том, чтобы „в соответствии с требованиями ЦК ВКП(б) не только уточнить

^{47а} И. В. Маевский. Тяжелая промышленность СССР в первые годы социалистической индустриализации (1926—1929). М., 1959.

⁴⁸ Е. М. Полянская. Из истории социалистической индустриализации Сибири.— «Вопросы истории», 1956, № 8, стр. 20.

⁴⁹ П. Г. Матушкин. Урало-Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск, 1966.

⁵⁰ Там же, стр. 166.

пятилетку для Урало-Кузбасса, а в сущности составить ее заново, дать дальнейшие перспективы“, заново пересчитать технико-экономические показатели, по-настоящему приступить к производственному комбинированию...»⁵¹.

Для правильного понимания предпосылок развернутой индустриализации СССР, той преемственности и последовательности, с которой проводилась хозяйственная политика Коммунистической партии в первой и второй половине 20-х годов, важное значение имеют также работы о претворении в жизнь ленинского плана электрификации. Соответствующие разделы из книг Н. М. Ознобина, И. М. Некрасовой, Д. Г. Жимерина, М. А. Виленского дают наглядное представление о строительстве электростанций на протяжении всех 20-х годов, о принципиальных сдвигах в советской электроэнергетике, обозначившихся еще в условиях восстановления ранее разрушенной экономики и получивших свое дальнейшее развитие в годы социалистической индустриализации⁵².

Существенный вклад в разработку вопроса об истоках форсированного строительства материально-технической базы социализма в СССР внесла своими трудами Э. Б. Генкина. Анализируя характер и особенности восстановительного периода, она скрупулезно проследила, как в 1921—1925 гг. велась планомерная подготовка условий для преимущественного развития производства средств производства в последующие годы⁵³.

В партийных решениях первой половины 20-х годов, отмечает Э. Б. Генкина, мы не найдем термина «восстановительный период», и это понятно, ибо нельзя было давать определения периода, пока он еще не закончился, а границы его и рамки не были еще окончательно установлены. Только XV конференция ВКП(б), проходившая осенью 1926 г., в постановлении «О хозяйственном положении страны и задачах партии» впервые дала оценку восстановительного периода как цельного и уже законченного этапа в истории Советской страны⁵⁴.

В 1925 г. промышленность достигла трех четвертей довоенно-

⁵¹ В. Н. Зуйков. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926—1932 гг.). М., 1971, стр. 47—48.

⁵² Н. М. Ознобин. Электрификация СССР за 40 лет. М., 1958; И. М. Некрасова. Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921—1931 гг. М., 1960; Д. Г. Жимерин. История электрификации СССР. М., 1962; М. А. Виленский. Электрификация СССР и размещение производительных сил. М., 1963; он же. По ленинскому пути сплошной электрификации. М., 1969, и др.

⁵³ Э. Б. Генкина. Деятельность Госплана в 1921—1925 гг. и борьба с буржуазной идеологией в области планирования.— «История СССР», 1961, № 6; она же. Об особенностях восстановления промышленности в СССР (1921—1925 гг.).— «История СССР», 1962, № 5; она же. Государственная деятельность В. И. Ленина в 1921—1923 гг. М., 1969.

⁵⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. III. М., 1970, стр. 364.

го уровня, в 1926 г. превзошла его на 8,1%. Но это, продолжает Генкина, не означает, что конец восстановительного периода следует переносить с 1925 на 1926 г. и даже более поздний рубеж. Достижение довоенного уровня по чисто количественным показателям не было и не могло быть единственным и тем более главным критерием для определения конечной даты восстановительного периода. Общие успехи народного хозяйства, нараставшие элементы реконструкции и нового строительства в промышленности, направление капиталовложений, связанное с увеличением доходной части бюджета,— все это в канун XIV съезда ВКП(б) определяло поворот от первоочередного внимания вопросам возрождения экономики к осуществлению политики индустриализации. Первые советские автомобили, тракторы, электростанции, самолеты, промышленные стройки и грандиозные планы индустриализации — вот чем жила страна, завершая восстановительный период, повернувшись лицом уже не к прошлому, когда, по выражению В. И. Ленина, начинать приходилось с «маленького, маленького процента довоенного», а к будущему, устремляя все свои надежды и помыслы к величественным задачам промышленного преобразования экономики. «1926 год,— заключает автор,— не завершал собой период восстановления народного хозяйства, а открывал новый этап в истории страны — этап социалистической индустриализации, хотя взаимное переплетение этих двух задач сказалось со всей ясностью уже в 1924/25 г.»⁵⁵.

Этим выводам в названных работах предшествует анализ широкого круга источников, в том числе документов, характеризующих концентрацию промышленности, проведенную в 1921—1925 гг., и соответственно концентрацию рабочего класса. Заслуга Э. Б. Генкиной в том и состоит, что она связала воедино тему промышленного развития страны с темой роста рабочего класса и, не ограничиваясь рассуждениями о роли рабочего класса в успешном восстановлении народного хозяйства, показала его готовность к решению больших задач социалистической индустриализации.

Уяснению такой трактовки вопроса способствуют также исследования Л. С. Рогачевской, А. А. Матюгина, О. И. Шкаратана, в которых освещаются изменения в численности и составе промышленных рабочих середины 20-х годов, рассматривается сам процесс превращения российского пролетариата в советский рабочий класс⁵⁶. Вплотную к этим работам примыкают первые обоб-

⁵⁵ См. «История СССР», 1962, № 5, стр. 69.

⁵⁶ Л. С. Рогачевская. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации (1926—1927 гг.). М., 1959; А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). М., 1962; О. И. Шкаратан. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (Историко-социологическое исследование). М., 1970. См. также: И. Е. Ворожейкин. Об изучении некоторых вопросов развития советского рабочего класса.— «Вопросы историографии рабочего класса СССР». М., 1970.

щающие труды о ликвидации безработицы в СССР⁵⁷. Знакомясь с ними, читатель видит не только общее воздействие политики индустриализации на социальную структуру советского общества уже в конце 20-х годов, но и прямую зависимость промышленного роста от общего состояния трудовых ресурсов в нашей стране. Вместе с тем монографии Л. С. Рогачевской и К. И. Суворовой показывают, как уже в условиях начального этапа индустриализации СССР ярко обнаруживалась социалистическая сущность этого процесса, улучшалось материальное положение рабочего класса.

Среди последних работ, посвященных истории рабочего класса начального этапа советской индустриализации, выделяются статьи Л. И. Васькиной, построенные на использовании обширных сведений Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁵⁸ По справедливому замечанию их автора, материалы этой переписи, несмотря на обилие самых разнообразных данных, историками в научный оборот вовлекались спорадически, лишь в виде отдельных иллюстраций. Между тем только данный источник дает развернутое представление о численности, размещении, национальном и половом составе, о профессиональной и возрастной структуре рабочего класса СССР накануне социалистической индустриализации. В отличие от разрозненных и чаще всего несопоставимых между собой статистических сведений того времени перепись 1926 г. вооружает исследователей знаниями не только о промышленных рабочих, но и обо всех остальных отрядах рабочего класса, об их состоянии в тот период. Причем в зависимости от поставленной цели можно получить данные по городским и сельским поселениям, по всем союзным и автономным республикам, по всем административным районам и т. д., включая сюда многочисленные цифры о безработных.

Видимо, громоздкость источника (материалы переписи занимают 56 томов!) осложняла его использование в прошлом. Статьи Л. И. Васькиной убеждают в необходимости и плодотворности изучения Всесоюзной переписи населения 1926 г. для более разностороннего показа процесса развития рабочего класса СССР, для понимания общего курса на социалистическую индустриализацию, выражавшего коренные интересы этого класса.

Минувшие годы ознаменовались появлением еще одной большой группы работ: речь идет о статьях и книгах, написанных в аспекте историко-партийных исследований и раскрывающих

⁵⁷ К. И. Суворова. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917—1930). М., 1968; Л. С. Рогачевская. Ликвидация безработицы в СССР. М., 1973.

⁵⁸ Л. И. Васькина. Городское население СССР в канун социалистической индустриализации.— «Вестник Московского университета. Серия IX. История», 1971, № 4; она же. Численность и состав национальных отрядов рабочего класса СССР (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.).— «История СССР», 1972, № 6.

борьбу КПСС за подготовку и переход к ускоренному превращению нашей страны в социалистическую индустриальную державу. Еще в 1955 г. И. И. Маслов сделал интересную попытку проследить взаимосвязь процессов индустриализации с ростом партии, укрепления ее единства, улучшения качественного состава, увеличения числа коммунистов прежде всего в старых и новых промышленных центрах⁵⁹. Особенно широко освещены вопросы, специально посвященные разгрому оппозиционных антипартийных блоков⁶⁰. Вышла книга, остро критикующая экономические воззрения троцкистов⁶¹. Издана первая монография, показывающая социально-классовые корни правого уклона, причины перерастания его на исходе 20-х годов в главную опасность; основное место в этой книге занимают главы, где освещается деятельность Центрального Комитета и местных партийных организаций, направленная на разоблачение перед широкими массами капитулянтской сущности платформы правых⁶².

Названные работы вносят большую лепту в анализ политических предпосылок социалистической индустриализации. Ликвидация антипартийных течений была непременным условием успешного строительства социализма в СССР. Только так можно было отстоять и развить ленинский курс на создание материально-технической базы социализма. Эта истина была хорошо известна и в пору непосредственной борьбы с «левым» и правым уклонами; тогда же появились первые статьи и брошюры на данную тему, положившие, в частности, начало историографии этого вопроса. Но лишь теперь трудами историков воссоздается многоплановая картина, помогающая должным образом оценить историческое значение накопленного в 20-х годах опыта неуклонного проведения в жизнь генеральной линии Коммунистической партии.

Мы не случайно говорим о многоплановости историко-партийной литературы. Если раньше преобладающее место в ней занимала тематика, характеризующая внутривнутрипартийную борьбу вокруг проблем индустриализации, то за последнее время стали все чаще выходить исследования о теоретической и практиче-

⁵⁹ *И. И. Маслов*. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за укрепление единства своих рядов и осуществление политики социалистической индустриализации страны (1925—1927 гг.). М., 1955.

⁶⁰ *Б. А. Абрамов*. Идеинная борьба партии против троцкистов и зиновьевцев в период подготовки и проведения XIV съезда ВКП(б). М., 1959; *Р. П. Платонов*. Идеологическая работа КПБ в годы социалистической индустриализации (1926—1929). Минск, 1962; *В. М. Иванов*. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Ленинградская партийная организация в борьбе против троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1925—1927 гг. Л., 1965; подробнее об этой литературе см. *Ю. В. Воскресенский*. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР (1925—1927). Введение. М., 1969.

⁶¹ *Б. И. Макаров*. Критика троцкизма по вопросам строительства социализма в СССР. М., 1965.

⁶² *Ф. М. Ваганов*. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930 гг.). М., 1970.

ской деятельности ЦК ВКП(б) и местных партийных организаций в области хозяйственного строительства, в сфере планирования, в деле организации трудовой активности масс и т. д. Именно в таком ключе написаны монографии А. Д. Педосова, С. С. Хромова, Ю. В. Воскресенского.

Первая из них называется «Партия большевиков и технический прогресс»⁶³. Уже сам заголовок свидетельствует о необычности авторского замысла. Действительно, А. Д. Педосов первым взял на себя инициативу монографически исследовать взгляды В. И. Ленина, Коммунистической партии на технику и науку, на тенденции их развития еще в досоветский период, а затем уже в первые годы пролетарской революции (до принятия плана ГОЭЛРО). Автор обстоятельно проследил, как выработывалось отношение большевиков к техническому прогрессу еще в условиях разработки первой программы РСДРП, какое значение имела марксистская критика ревизионистских идей Струве, Бернштейна, различных левацких, мелкобуржуазных и меньшевистских воззрений для выработки научного понимания закономерностей и перспектив развития производительных сил капитализма. Сравнивая этот период с последующим этапом, начавшимся в 1917 г., А. Д. Педосов показывает, что задолго до завоевания власти большевики поставили в области науки и техники многие принципиальные вопросы теории, имевшие важное значение для их будущей роли, когда Коммунистическая партия стала правящей. В результате названная книга существенно обогащает наше представление о подготовленности партии к руководству народным хозяйством, к проведению той политики, которая превратила нашу страну в социалистическое промышленное государство.

Монографии Ю. В. Воскресенского и С. С. Хромова⁶⁴ — это наиболее крупные труды, характеризующие предпосылки перехода и сам переход Коммунистической партии к политике социалистической индустриализации. Книга Воскресенского особенно интересна в тех местах, где анализируется борьба с оппозицией вокруг вопроса о социалистической индустриализации и перспективах социалистического строительства на XIV и XV съездах ВКП(б) и между ними. Долгое время наши историки ограничивали период разработки самого курса на индустриализацию временем подготовки и проведения XIV съезда ВКП(б). Воскресенский, опираясь на своих предшественников⁶⁵, значительно

⁶³ А. Д. Педосов. Партия большевиков и технический прогресс. М., 1969.

⁶⁴ С. С. Хромов. Ф. Э. Дзержинский во главе металлопромышленности. М., 1966; Ю. В. Воскресенский. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации. М., 1969.

⁶⁵ Среди них следует выделить Н. И. Чумбарова, который в статье «Конкретный план перехода к индустриализации СССР» еще в 1958 г. отметил, что апрельский (1926 г.) Пленум ЦК ВКП(б) обсудил насущные задачи индустриализации, определил источники накопления и методы их ис-

расширил эти рамки главным образом за счет материалов, относящихся к 1926—1927 гг.

Работа Хромова дает ясное представление о громадной деятельности партии в этой области в первой половине 20-х годов. Освещая развитие металлопромышленности в первой половине 20-х годов и одновременно раскрывая реконструктивные сдвиги, обозначившиеся тогда в промышленности СССР, автор справедливо видит в этих явлениях постепенное назревание перехода к осуществлению политики индустриализации и правильно связывает с ними теоретическую и практическую разработку курса партии на социалистическую индустриализацию.

Подытоживая проделанную работу, С. С. Хромов считал нужным подчеркнуть не только приоритет В. И. Ленина во всестороннем обосновании проблемы социалистической индустриализации, но и конкретизацию ленинского плана партией в 1923—1925 гг. еще до XIV съезда ВКП(б). «Практическое осуществление индустриализации,— пишет автор — в меру сил и возможностей страны осуществлялось также еще до XIV съезда, одновременно с восстановлением народного хозяйства»⁶⁶.

После появления работ Э. Б. Генкиной, Ю. В. Воскресенского, В. И. Кузьмина, С. С. Хромова уже трудно согласиться с авторами, которые утверждают, что буквально в первые месяцы Советской власти В. И. Ленин выдвинул на первый план как практическую задачу индустриализации страны создание тяжелой промышленности, обеспечивающей перестройку всего народного хозяйства на основе передовой машинной техники⁶⁷. Нельзя поддерживать и мнение, согласно которому первые шаги на пути индустриализации были сделаны нашей страной непосредственно в период мирной передышки 1918 г.⁶⁸

Спору нет, идея социалистической индустриализации и программа ее осуществления неразрывно связаны с именем вождя пролетарской революции, основателя Коммунистической партии и Советского государства. Но конкретная задача создания тяжелой промышленности на рубеже 1917—1918 гг. еще не ставилась, политика индустриализации тогда не проводилась.

Вызывает возражение и некоторое преувеличение со стороны ряда историков масштабов и значения тех элементов реконструк-

пользования, принял обращение к трудящимся о режиме экономии. По существу этот расширенный Пленум имел значение партийной конференции (см. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 1). См. также статью П. Б. Жибарева о трехлетнем плане развития металлопромышленности.— «Научные доклады высшей школы». Серия экономических наук, 1965, № 2.

⁶⁶ С. С. Хромов. Ф. Э. Дзержинский во главе металлопромышленности, стр. 267.

⁶⁷ См. «Развитие В. И. Лениным экономической теории социализма и коммунизма». М., 1969, стр. 130.

⁶⁸ Р. М. Савицкая. Очерк государственной деятельности В. И. Ленина. Март—июль 1918 г. М., 1969, стр. 312.

ции, которые имели место в рамках восстановительного периода. В работах по истории отдельных республик и областей можно встретить суждения о том, что индустриализация данных регионов начиналась раньше, чем индустриализация СССР в целом, и что в этом состоит одна из специфических трудностей промышленного развития этих областей и республик. «Особенностью восстановительного периода в Дагестане, как и в некоторых других республиках,— пишет З. А. Кишиев,— являлось то, что здесь в ходе восстановления решались вопросы индустриализации республики»⁶⁹. В статье И. Анисимкина мы читаем: «Создавать индустрию в Узбекистане пришлось буквально на голом месте». Далее говорится: «Другая особенность заключалась в том, что крайняя отсталость экономики Туркестана требовала уже в восстановительный период, то есть еще до 1925 г., приступить к индустриализации»⁷⁰.

Противоречит действительному положению вещей и мнение М. Н. Черноморского, уверяющего, будто «уже в первые годы нэпа Коммунистическая партия и Советское правительство, решая важнейшие вопросы восстановления и быстрого развития легкой промышленности как важнейшего условия укрепления союза рабочего класса и крестьянства, обеспечивали преимущественное развитие тяжелой индустрии...»⁷¹ Самое удивительное состоит в том, что, несколько раз повторяя эту мысль в весьма интересной статье, автор ссылается на статистические материалы, явно не подтверждающие высказанных им положений.

Число подобных примеров можно увеличить. Но не они определяют сегодня общий характер и достижения в изучении начального этапа социалистической индустриализации, ее исходного уровня. Накопленный опыт подвел исследователей к четкому определению границ восстановительного периода и того рубежа, с которого берет свой отсчет политика индустриализации, проводившаяся по единому плану в рамках всей нашей страны. Историки уже приступили к обобщению материалов, характеризующих сущность и своеобразие начального этапа советской индустриализации. При этом часть из них имеют в виду 1926—1928 гг., другие выделяют 1926—1929 гг., т. е. включают в этап первый год первой пятилетки, подчеркивая его связь с успехами в решении проблемы источников накопления. Более углубленно обосновывает вторую точку зрения В. И. Кузьмин. Начальный период социалистической индустриализации он датирует концом

⁶⁹ З. А. Кишиев. Восстановление промышленности и создание предпосылок для индустриализации Дагестана (1920—1926 гг.).— «Ученые записки Дагестанского государственного университета им. Ленина». Серия общественных наук, 1962, т. IX, стр. 78.

⁷⁰ И. Анисимкин. Ленинская программа социалистической индустриализации и ее осуществление в Узбекистане.— «Коммунист Узбекистана», 1969, № 10, стр. 21.

⁷¹ М. Н. Черноморский. Советская промышленность в первые годы нэпа.— «Вопросы истории», 1965, № 2, стр. 46.

1925 — осенью 1929 г. Проводя грань между политикой индустриализации, провозглашенной на XIV съезде ВКП(б) в качестве генеральной линии борьбы за социализм, и общим ходом превращения нашей страны в передовую промышленную державу, Кузьмин пишет: «Начало социалистической индустриализации СССР относят примерно к середине 20-х годов. По валовой продукции промышленность достигла довоенного уровня осенью 1926 г., но процесс индустриализации начался раньше этого, поскольку ряд предприятий, особенно в черной металлургии, был разрушен до такой степени, что речь шла не об их восстановлении, а о новом строительстве. Вообще же создание некоторых новых отраслей машиностроения и электрификации началось еще в первые годы Советской власти»⁷².

Касаясь далее материалов о размерах капиталовложений в промышленность, об удельном весе в них расходов на новое строительство, о соотношении легкой и тяжелой индустрии, он отмечает, что не только в 1926—1928 гг., но и в первом году пятилетки происходило, как и ранее, постепенное ускорение темпов индустриализации, а со второго года начинается скачкообразный сдвиг. С учетом этого поворота в политике автор и приходит к выводу: «Постепенное ускорение темпов индустриализации, происходившее в 1926—1929 гг., сменилось с осени 1929 г. форсированием темпов индустриализации, изменением народнохозяйственных пропорций в пользу тяжелой индустрии»⁷³.

Исследовательская работа, проделанная советскими историками за последнее двадцатипятилетие в изучении исходного уровня социалистической индустриализации, получила свое закрепление в сводных трудах по истории СССР и по истории КПСС⁷⁴. Она нашла отражение и в обобщающих книгах по истории союзных республик, в очерках по истории местных партийных органов. Ныне первая половина 20-х годов предстает перед нами как период, в условиях которого удалось осуществить восстановление важнейших отраслей промышленности и их частичное переоснащение, подготовить условия для успешного перехода к политике социалистической индустриализации, к ускоренному превращению СССР в индустриальную державу. Исходный уровень советской индустриализации, ее начальный этап освещается все с большей полнотой, и в этом залог дальнейшего успеха в изучении стартовых рубежей социалистической индустриализации, в познании общих закономерностей построения социализма в СССР.

⁷² В. И. Кузьмин. Исторический опыт советской индустриализации. М., 1969, стр. 23—24.

⁷³ Там же, стр. 24—25.

⁷⁴ См. «История СССР с древнейших времен до наших дней». Том VIII. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921—1932 г. М., 1967; «История Коммунистической партии». Том IV. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. Книга первая (1921—1929 гг.). М., 1968.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ УРАЛА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н. В. Ефременков

Публикация в 20-х годах XX в. трудов В. И. Ленина, важнейших документов партии и Советского правительства, консолидация сил историков на позициях марксизма-ленинизма, а также повышение их научной квалификации способствовали первым шагам в изучении истории социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства на Урале.

Результаты первых исследований стали публиковаться в виде научных статей, брошюр и небольших монографий¹. В то же время на Урале широко развернулись статистические обследования и публикация различных справочников и сборников, в которых приводилась огромная статистическая информация, характеризующая развитие промышленности и рабочего класса, сельского хозяйства и крестьянства и т. д.²

Статистическим сборникам обычно предпосылались предисловия или введения, в которых анализировались состояние и основные направления развития промышленности, сельского хозяйства, рабочего класса и крестьянства.

Высокое качество обработки и соблюдение научных принципов публикации статистического материала были во многом обусловлены тем, что областное статистическое управление здесь длительное время возглавлял крупный ученый-экономист, большой знаток социально-экономической проблематики В. С. Немчинов, раз-

¹ В. С. Немчинов. Народное хозяйство Урала. Екатеринбург, 1923; А. Воробьев. Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1926; А. Ослоновский, А. Орлов. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928; Ф. И. Локацков. Положение и перспективы уральской промышленности. Свердловск, 1925, и др.

² «Губерния в цифрах». Ежемесячный бюллетень Екатеринбургского губстатбюро; «Обзор хозяйства Урала за 1920—1924 гг.» Свердловск, 1925; «Обзор хозяйства Урала за 1924—1925 гг.» Свердловск, 1926; «Социальная статистика Урала 1924—1925 гг.» Свердловск, 1926; «Уральский статистический ежегодник (1923—1924 гг.)». Свердловск, 1925; «Уральское хозяйство в цифрах (1926, 1927, 1928, 1929, 1930, 1931/32 гг.)». Свердловск, 1933; «Хозяйство Урала в 1924—1925 гг.» Свердловск, 1925; «Труд на Урале. 1926». Свердловск, 1927; «Колхозы на Урале в 1928 г.» Свердловск, 1929; «Итоги динамических сельскохозяйственных переписей на Урале за 1925—1926 гг.» Свердловск, 1927, и т. д.

работавший типовую схему элементов производственных отношений, дававшую возможность группировать крестьянские хозяйства по классовым типам. Схема В. С. Немчинова не потеряла своего значения и используется в настоящее время при анализе характера социально-экономических отношений и классификации крестьянских хозяйств доколхозной деревни. А его работа «О статистическом изучении классового расслоения деревни»³ положила начало изучению этой проблематики применительно к Уралу.

Во второй половине 20-х — начале 30-х годов XX в. партийными и государственными органами Урала было опубликовано несколько сборников материалов об основных направлениях развития промышленности и сельского хозяйства, социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства⁴. Так, в книге «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале», составленной по материалам Уралоблстатуправления, областного земельного управления и отдела по работе в деревне Уральского обкома ВКП(б), рассмотрены такие вопросы, как машиноснабжение, землеустройство, агропомощь, капитальные вложения, классовый состав и процессы расслоения деревни, наемный труд, колхозное строительство, деятельность совхозов и т. д. Кроме того, в книге дана характеристика состояния партийных организаций в деревне, показана работа с молодежью, женщинами, бедной и т. д.

Во второй половине 50-х годов XX в. вновь стали широко издаваться статистические сборники, усилилась публикаторская деятельность архивных учреждений и, что особенно важно, возобновилась публикация документов и материалов партийных и государственных органов. Это обстоятельство самым положительным образом сказалось на изучении основных проблем социалистического строительства в стране в целом и в отдельных крупных регионах⁵.

³ В. С. Немчинов. О статистическом изучении классового расслоения деревни.— «Бюллетень Уральского областного статистического управления», 1926, № 1.

⁴ См., например: «Год социалистического строительства на Урале». Материалы к отчету Уральского областного комитета ВКП(б) к IX областной партконференции. Свердловск, 1929; «Материалы обследований промышленности, сельского хозяйства и торговли на Урале». К отчету УралоблРК ВКП(б) и облРКИ на X облпартконференции. Свердловск, 1930; «Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале». Свердловск, 1929; «Хозяйственное и культурное строительство на Урале». Свердловск, 1934, и др.

⁵ См. историографические обзоры: Г. А. Алексеев, В. С. Лельчук. Некоторые вопросы историографии социалистической индустриализации СССР.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». История СССР. Сборник статей. М., 1962; В. П. Данилов. Изучение истории советского крестьянства.— Там же; «Очерки по историографии советского общества». М., 1965, гл. 7 и 8; В. З. Дробижев, В. С. Лельчук. Индустриализация СССР и социальный прогресс (историографические заметки).— «Очерки по историографии советского общества». М., 1967; Ю. А. Мошков. Основные вопросы историографии сплошной коллективизации сельского

К середине 50-х годов на Урале сложилось несколько центров, вокруг которых концентрировались научные силы, активно исследовавшие основные проблемы индустриализации и коллективизации. Основными из них были: Институт истории партии при Свердловском обкоме КПСС⁶, кафедры истории СССР Уральского и Пермского университетов, кафедра истории КПСС Уральского политехнического института им. С. М. Кирова. Активное участие в изучении интересующей нас проблематики принимали также преподаватели кафедр истории СССР и истории КПСС вузов Челябинска, Кургана, Тюмени. Через некоторое время, накопив известный опыт и навыки в исследовательской и публикаторской работе, уральские историки получили возможность приступить, с одной стороны, к написанию обобщающих трудов по истории Урала и его отдельных частей, а с другой — к комплексному изучению истории индустриализации и коллективизации сельского хозяйства края. Одновременно началась подготовка к публикации архивных материалов и документов.

Кроме того, в 50-х годах были подготовлены и защищены несколько кандидатских диссертаций, авторы которых (А. А. Приходько, В. Г. Сержантов, В. К. Корольков, В. Н. Зуйков, А. В. Бакунин и др.) внесли определенный вклад в изучение таких проблем, как партийное руководство процессами социалистической индустриализации на Урале, строительство и освоение Магнитогорского комбината, некоторые стороны истории коллективизации.

Следует также назвать две статьи, опубликованные в центральных изданиях, которые оказали известное влияние на направление и содержание дальнейшей разработки истории индустриального развития Урала⁷.

Итак, к середине 50-х годов историки Урала имели достаточно полное представление об источниковедческом и историографи-

хозяйства СССР.— Там же; *Л. М. Зак*. История культурного строительства СССР в советской историографии (1956—1967 гг.).— «Вопросы истории», 1964, № 2; *В. П. Данилов*. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. М., 1969; *М. П. Ким, Ю. С. Борисов, В. С. Лельчук*. Современная историография советского общества 1965—1969 гг.— «Работы советских историков за 1965—1969 гг.» М., 1970.

⁶ Институт истории партии при Свердловском обкоме КПСС (филиал ИМЛ при ЦК КПСС) был организован в 1945 г. В течение почти 15 лет сотрудники института занимались сбором и изучением материалов по истории уральских партийных организаций, по истории Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Институт подготовил и опубликовал несколько серьезных исследований по этой тематике («Очерки истории большевистских организаций на Урале», ч. 1. Свердловск, 1951; «Социалистическое строительство на Урале». Сборник статей. Свердловск, 1957; «Коммунисты Урала в годы гражданской войны». Свердловск, 1959, и др.) Институт функционировал до 1 февраля 1960 г.

⁷ *И. В. Антипова, М. И. Школьник*. Из истории создания Магнитогорского металлургического комбината.— «История СССР», 1956, № 5; *А. Ф. Хавин*. Из истории промышленного строительства на Востоке СССР.— «Вопросы истории», 1960, № 5.

ческом наследии, опираясь на которое можно было бы продолжать изучение основных проблем истории Советского Урала. Причем это изучение стало развиваться сразу в нескольких направлениях. Начало было положено публикацией книги «Социалистическое строительство на Урале» и выходом в свет нескольких сборников «Трудов» и «Ученых записок» вузов Свердловска и других городов Урала, содержавших научные статьи по истории социалистического строительства⁸. Поскольку сборники не были тематическими или проблемными, в них входили статьи по индустриализации и по коллективизации.

Проблемам социалистической индустриализации Урала в первые годы реконструктивного периода, созданию тяжелой индустрии в годы первой и второй пятилеток посвящены статьи В. Н. Елисейевой, В. Н. Зуйкова, В. М. Куликова и С. С. Сергеева, которые выгодно отличаются от ранних исследований более широкой источниковедческой базой, основу которой составили документы партийных архивов Свердловского и Челябинского обкомов КПСС, периодическая печать тех лет и в какой-то степени материалы социально-экономической статистики. К сожалению, авторы не использовали богатейшие материалы фондов Уралоблсовнархоза и Уралплана, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области. Эти статьи представляют несомненный интерес, так как именно они положили начало новому этапу в изучении истории индустриализации, привлекли внимание к исследованию деятельности партийных организаций Урала по руководству промышленным строительством, производственной деятельностью предприятий, подготовкой кадров, социалистическим соревнованием и т. д. Наряду с общими проблемами индустриализации в статьях было уделено известное внимание строительству отдельных крупных предприятий — гигантов тяжелой индустрии: Уралмашзавода, Челябинского тракторного завода, Магнитогорского металлургического комбината и Урало-Кузбасса в целом.

Почти в то же время началось изучение еще одной важной проблемы — истории социалистического соревнования на промышленных предприятиях Урала. К. Е. Андриевская опубликовала материалы, раскрывающие деятельность партийных организаций Урала по руководству социалистическим соревнованием рабочего

⁸ «Социалистическое строительство на Урале». Сборник статей. Свердловск, 1957; «Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького». История КПСС, вып. 17. Свердловск, 1957; «Труды Уральского политехнического института им. С. М. Кирова». Кафедра марксизма-ленинизма, вып. 84 и 86. Свердловск, 1957; «Ученые записки Челябинского педагогического института», 1956, т. 1; «Труды Свердловского медицинского института». Труды XX научной сессии института, 1957. сб. 22; «Ученые записки Свердловского педагогического института», 1957, вып. 14.

класса в годы первой пятилетки⁹. М. Е. Плеханов начал активно пзучать вопросы, связанные с распространением соревнования на промышленных предприятиях Урала¹⁰. В его работе впервые были приведены обобщенные данные о распространении движения ударных бригад на Урале в 1929 г., о результатах их деятельности, о таких формах соревнования, как общественный «буксир», «сквозные» бригады, рационализаторские группы, встречные промфинпланы и т. д.

Однако, как справедливо отмечают В. В. Фельдман и Н. М. Щербакова, автор рассматривает процесс возникновения и развития массового социалистического соревнования в отрыве от характеристики самого рабочего класса. А ведь речь идет о годах первой пятилетки, т. е. о периоде, когда в рабочем классе произошли серьезные качественные изменения, повлиявшие на глубину и размах социалистического соревнования¹¹.

В несколько ином аспекте историю соревнования рассматривает П. Ф. Балакин. Сосредоточив основное внимание на развитии стахановского движения в угольной и горнорудной промышленности Урала, проанализировав ряд интересных материалов, автор вместе с тем оставил в стороне важнейший вопрос о закономерностях появления качественно новой формы соревнования, не объяснив причин отставания в этом отношении Урала от других районов страны¹².

Дальнейшему развитию социалистического соревнования в годы второй пятилетки и в предвоенный период посвятили свои статьи Ф. Н. Каширская и А. В. Гильман¹³. Основу этих работ составляют конкретные материалы о развитии социалистического соревнования и стахановского движения на Челябинском тракторном и Нижне-Тагильском металлургическом заводах, на УЗТМ и др. Каширская первой из уральских историков обратила внимание на необходимость изучения роста культурно-технического уровня рабочих в ходе социалистического соревнования, ввела в научный оборот некоторое количество фактического и статистического материала, характеризующего этот процесс на предприятиях тяжелой промышленности Урала. В статье Гильман, являющейся как бы продолжением работы Каширской, рассмотрены новые формы проявления производственной активности рабочих

⁹ См. «Двенадцатая научно-техническая конференция Челябинского политехнического института». Тезисы докладов. Челябинск, 1959.

¹⁰ См. «Ученые записки Уральского государственного университета». История КПСС, вып. 17. Свердловск, 1957.

¹¹ В. В. Фельдман, Н. М. Щербакова. Рабочий класс Урала периода построения социализма в советской исторической литературе.— «Вопросы советской историографии Урала». Свердловск, 1967, стр. 207.

¹² П. Ф. Балакин. Уральские партийные организации в борьбе за развитие стахановского движения в промышленности в годы второй пятилетки.— «Из истории Урала». Свердловск, 1960.

¹³ См. «Труды Уральского политехнического института им. С. М. Кирова». Кафедра марксизма-ленинизма, вып. 86. Свердловск, 1957.

Урала в предвоенные годы. Здесь материалы об участии уральцев во Всесоюзном социалистическом соревновании имени Третьей пятилетки, развернувшемся по инициативе коллектива московского завода «Красный пролетарий», об их вкладе в соревнование между однотипными цехами и предприятиями и в соревнование по профессиям и т. д. Особый интерес представляет раздел, в котором раскрывается борьба трудящихся Урала за досрочное выполнение плана по росту производительности труда.

Эти работы положили начало изучению основных проблем истории социалистической индустриализации и истории рабочего класса Урала, наделили исследователей на изучение вопросов, раскрывающих деятельность партийных организаций по руководству социалистическим строительством в промышленности. И не случайно во второй половине 60-х годов основные из этих проблем стали предметом серьезных монографических исследований и темами докторских диссертаций, выполненных историками Свердловска, Перми, Челябинска.

Дальнейшая разработка истории промышленности и рабочего класса Урала связана, с одной стороны, с началом работы над обобщающими трудами, а с другой — с организацией и проведением ряда научных конференций, в ходе которых широко обсуждались основные вопросы истории социалистического строительства. В то же время началось монографическое изучение истории отдельных крупных предприятий Урала. Первыми обобщающими трудами, в которых известное внимание было уделено проблемам социалистической реконструкции промышленности и истории советского рабочего класса Урала, были «Очерки истории Свердловска» и книга П. Г. Матушкина «Ленин об Урале»¹⁴.

В коллективном труде «Очерки истории Свердловска» рассмотрен процесс превращения города в крупнейший центр тяжелого и энергетического машиностроения, показано строительство и освоение ряда промышленных гигантов, раскрыты некоторые стороны формирования отдельных отрядов рабочего класса, повышения его трудовой и политической активности, развития различных форм социалистического соревнования. Но это были лишь подступы к комплексному изучению проблемы индустриализации на материалах такого крупнейшего промышленного центра, как Свердловск.

Истории социалистической индустриализации на Урале посвящен также один из разделов книги Матушкина, в котором поставлены некоторые интересные проблемы, в том числе такие, как Урало-Кузбасс, разработка планов развития уральской промышленности и т. д.

Несомненный интерес представляют появившиеся в 1960 г. монографии Г. А. Унпелева и Е. М. Макарова об Уралмаше и

¹⁴ «Очерки истории Свердловска». Свердловск, 1958; П. Г. Матушкин. Ленин об Урале. Исторический очерк. Челябинск, 1961.

его людях¹⁵. Авторы собрали и обобщили обширный фактический материал, рассмотрели проекты строительства, подчеркнули, что выбор Урала, и в частности района Свердловска, для создания крупнейшего завода тяжелого машиностроения не был случайным, что строительство Уралмашзавода было составной частью гигантского промышленного строительства на Востоке страны. В монографиях показано строительство основных цехов завода, раскрыта борьба его коллектива за освоение новой техники в пусковой период. В книге Макарова, кроме того, рассмотрена героическая работа коллектива завода в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и приступ к коренной реконструкции производства в послевоенный период¹⁶.

Это была первая и в значительной мере удачная попытка создания монографического исследования по истории уральской промышленности.

Как уже отмечалось, важную роль в дальнейшем развитии исследований по истории промышленности и рабочего класса Урала сыграли научные конференции, участники которых ставили и обсуждали новые перспективные проблемы, намечали пути научного решения актуальных вопросов социалистического строительства в городе и деревне, истории рабочего класса и крестьянства Урала. С 1958 по 1965 г. в различных городах Урала было проведено шесть таких конференций. Материалы некоторых из них опубликованы и представляют несомненный интерес для исследователей¹⁷.

Важное значение для изучения истории уральской промышленности и особенно рабочего класса имела конференция в Перми, организованная Пермским университетом и Институтом истории АН СССР. Конференция прошла в конце ноября — начале декабря 1960 г. и несомненно знаменовала важный сдвиг в постановке и изучении ряда проблем послеоктябрьской истории рабочего класса Урала. В докладах В. В. Фельдмана и В. Г. Черемных были рассмотрены некоторые вопросы формирования социалистического рабочего класса Урала и его развития в годы первой пятилетки. Этим было положено начало исследованию той части проблемы, отставание в изучении которой не позволило в свое время М. Е. Плеханову и П. Ф. Балакину в полной мере рассмотреть вопросы развития социалистического соревнования.

¹⁵ Г. А. Унпелев. Рождение Уралмаша (1928—1933 гг.). М., 1960.

¹⁶ Е. М. Макаров. Отец заводов. Очерки из истории Уралмашзавода. М., 1960.

¹⁷ «Из истории Урала». Сборник статей. Свердловск, 1960; «Вопросы истории Урала». Материалы второй научной сессии вузов Уральской зоны в г. Перми 20—22 апреля 1965 г. Пермь, 1966; «Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района (февраль 1963 г.)». Исторические науки. Свердловск, 1963; «Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района (февраль 1963 г.)». История КПСС. Свердловск, 1963; «Из истории рабочего класса Урала». Сборник статей. Пермь, 1961.

С большим вниманием были встречены доклады историографического характера, сделанные Р. П. Дадыкиным, Л. С. Рогачевской и В. И. Саловым. В этих докладах рассмотрена историография советского рабочего класса, проанализирована литература по истории фабрик и заводов, дана убедительная критика зарубежной историографии истории советского рабочего класса. В докладах Дадыкина и Рогачевской впервые были проанализированы и некоторые работы по истории рабочего класса, фабрик и заводов Урала¹⁸.

Среди проблем, поставленных на конференциях, наибольший интерес представляли прежде всего сюжеты историографического характера, а также вопросы формирования и развития социалистического рабочего класса на Урале, пополнения его рядов, подготовка индустриальных кадров. В то же время В. В. Адамов, В. Г. Черемных, А. И. Пасикова, Л. И. Мартынова, Н. М. Щербакова и А. П. Воропай начали исследование указанной проблематики на основе привлечения нового фактического и статистического материала. Это позволило убедительно (иногда даже с излишней детализацией) проанализировать отдельные аспекты темы, заложить прочный фундамент для ее комплексного изучения¹⁹.

Таким образом, к середине 60-х годов в изучении истории социалистической индустриализации и истории рабочего класса Урала были достигнуты несомненные успехи. Они явились результатом роста научной квалификации исследователей, концентрации их усилий на решении узловых проблем темы, тщательного изучения огромного фактического и статистического материала и проникновения в глубинные процессы, протекавшие в промышленности и рабочем классе.

Вторая половина 60-х годов в изучении истории промышленности и рабочего класса Урала ознаменовалась прежде всего значительным усилением внимания к публикации архивных докумен-

¹⁸ «Из истории рабочего класса Урала», стр. 5—32.

¹⁹ В. В. Адамов. К истории формирования социалистического рабочего класса на Урале.— «Вопросы истории Урала». Сборник статей, вып. 4. Свердловск, 1963; Н. М. Щербакова. Из истории массового движения за пересмотр норм на заводах черной металлургии Урала в 1935—1936 гг.— «Вопросы истории Урала». Сборник статей, вып. 3. Свердловск, 1963; А. И. Пасикова. Из истории развития уральской промышленности в годы первой пятилетки.— «Из истории заводов и фабрик Урала». Сборник статей, вып. 1. Свердловск, 1960; Л. И. Мартынова. Из опыта работы уральской партийной организации по развитию политической активности трудящихся масс в годы первой пятилетки.— «Из истории партийных организаций Урала». Сборник статей, вып. 2. Свердловск, 1964; А. П. Воропай. Коммунисты Среднего и Западного Урала в борьбе за освоение новой техники (1933—1937 гг.).— Там же; В. Г. Черемных. Рост заработной платы уральских рабочих и сокращение рабочего дня на предприятиях Урала в годы первой и второй пятилеток.— «Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края». Пермь, 1965.

тов и материалов. Большая заслуга в этом принадлежит В. Н. Зуйкову, при непосредственном участии и под редакцией которого были подготовлены и изданы два сборника документов, имеющих важное значение для изучения основных проблем социалистического строительства и истории рабочего класса Урала²⁰.

Второй отличительной чертой историографии этого этапа несомненно является постепенный переход к монографическому изучению основной проблематики социалистической индустриализации и истории рабочего класса Урала, а также подготовка и успешная защита по этой проблематике нескольких докторских диссертаций и монографий²¹.

В то же время интересующая нас проблематика стала изучаться в качестве составной части ряда обобщающих трудов, посвященных истории Урала в целом, истории его отдельных зон, а также в работах, где рассматривается история партийных организаций в послеоктябрьский период²². Кроме того, во второй половине 60-х годов, так же, как и в предшествовавшие годы, публиковались статьи, в которых продолжалось исследование отдельных вопросов истории социалистической индустриализации и рабочего класса Урала²³. Каждое из этих направлений представляется самостоятельной, но не изолированной от других частью общего процесса. Кроме того, к ним логически примыкают исследования историографического характера, внимание к которым повсеместно усиливается²⁴.

²⁰ «История индустриализации Урала (1926—1932 гг.)». Документы и материалы. Свердловск, 1967; «Ленин об Урале». Свердловск, 1969.

²¹ В. Г. Черемных. Рабочий класс Урала в период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1928—1937 гг.). Рукопись докт. дисс. Пермь, 1966; А. В. Бакунин. Деятельность Коммунистической партии Советского Союза по завершению социалистической реконструкции промышленности Урала (1933—1937 гг.). Рукопись докт. дисс. М., 1968; В. Н. Зуйков. Борьба Коммунистической партии за создание и развитие тяжелой индустрии на Урале (1926—1932 гг.). Рукопись докт. дисс. М., 1969; П. Г. Матушкин. Урало-Кузбасс. Челябинск, 1966; А. В. Бакунин. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке. Свердловск, 1968; «ЖПСС в борьбе за создание и развитие тяжелой индустрии на Урале». Труды УЛТИ, вып. 22. Свердловск, 1969; В. Н. Зуйков. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926—1932 гг. М., 1971.

²² «История Урала», т. 2 (Период социализма). Пермь, 1965; «Краткий очерк истории Челябинской области». Челябинск, 1965; «Очерки истории Курганской области». Челябинск, 1968; «Очерки истории партийной организации Тюменской области». Свердловск, 1965; «Очерки истории Челябинской областной партийной организации». Челябинск, 1967.

²³ См., например, сборники: «Из истории Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства на Урале». Свердловск, 1966; «Из истории партийных организаций Урала». «Ученые записки Уральского университета», № 43, 59, 69. Свердловск, 1966; «Из истории партийных организаций Урала (1917—1967)». Пермь, 1967; «Вопросы истории Урала», вып. 7. Свердловск, 1968; вып. 8, 1969.

²⁴ В. В. Фельдман, Н. М. Щербакова. Рабочий класс Урала периода построения социализма в советской исторической литературе.— «Вопросы советской историографии Урала». Свердловск, 1967; А. В. Бакунин. Некоторые

Монографические исследования по интересующей нас проблематике представлены указанными выше работами П. Г. Матушкина, А. В. Бакунина и В. Н. Зуйкова. Каждая из этих монографий имеет не только самостоятельное значение, но и является как бы составной частью общего исследования, посвященного истории промышленного развития Урала в реконструктивный период, деятельности партии по превращению Урала в могучий индустриальный край страны. Конечно, конкретная проблематика, которую исследуют авторы каждой из монографий, несколько различна, точно так же как и в ряде случаев различен подход авторов к изучению того или иного вопроса. Это особенно заметно при сопоставлении точек зрения авторов на перспективы развития уральской промышленности в связи с преемственностью ряда положений плана ГОЭЛРО и плана создания Урало-Кузбасса в годы первой пятилетки, а также трактовки отдельных мест из постановления XVI съезда партии и постановления ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. «О работе Уралмета», и т. д.

Но все это не мешает высоко оценить монографии Матушкина, Бакунина и Зуйкова. Их работы являются обобщающими исследованиями, основанными на анализе обширного фактического и статистического материала. Сделанные авторами выводы и обобщения несомненно обогатили историографию социалистического строительства на Урале, явились серьезным вкладом в изучение процесса индустриального развития восточных районов страны в довоенное время. Что же касается расхождений в подходе и оценке одних и тех же явлений, то наличие нескольких точек зрения открывает широкие возможности для продолжения дискуссии и углубленного изучения проблемы, для оценки возможностей использования различных видов источников и их интерпретации. Только делать это следует основательно, без спешки.

Большое значение для дальнейшей активизации научных исследований по основным проблемам истории социалистического строительства в промышленности Урала имели труды обобщающего характера. В них зачастую приводился новый фактический материал, включающий сведения о ходе строительства, реконструкции или освоения того или иного предприятия, об активности рабочего класса и его отдельных отрядов. Но, пожалуй, наибольшее значение имело то обстоятельство, что именно здесь, в обобщающих трудах, имелось больше всего возможностей для выявления тех проблем, которые либо недостаточно изучены, либо исследованы односторонне.

Таковы некоторые итоги изучения социалистической реконструкции промышленности и истории рабочего класса Урала. Они позволяют заключить, что большой коллектив ученых интенсивно

вопросы историографии индустриализации Урала в предвоенный период.— «Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти». Свердловск, 1968, и др.

работает над многими аспектами этой сложной и важной проблемы, постепенно расширяет круг использованных источников, ставит и решает новые вопросы. В последние два года в изучении истории уральской промышленности и рабочего класса стали появляться некоторые новые перспективные темы, разработке которых следует уделить серьезное внимание в будущем²⁵.

Первые шаги в изучении основных проблем подготовки и проведения коллективизации, а также истории уральского крестьянства были сделаны во второй половине 20-х — начале 30-х годов. Я. Бирюков, И. Лоцилов, Г. Милов, П. Уральский, Ф. Казанский, П. Хлестов и др. в своих статьях рассмотрели ход колхозного строительства на Урале в целом, а также в различных зонах, округах, районах.

Конечно, не следует переоценивать тот вклад, который внесла в изучение истории колхозного строительства на Урале историография первого периода. Все эти работы написаны не историками-профессионалами, а участниками событий, партийными и хозяйственными руководителями, иногда — журналистами²⁶.

В дальнейшем изучение истории коллективизации сельского хозяйства Урала пошло более интенсивно. Почти одновременно появился ряд работ, во-первых, посвященных колхозному строительству в целом (В. Н. Зуйков) и, во-вторых, исследовавших отдельные проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства в годы первой и второй пятилеток (Е. И. Иванова, Г. А. Лимонов, А. В. Бакунин, В. И. Мухачев, Н. В. Ефременков и др.). После этого в течение более чем десяти лет историки-аграрники Урала интенсивно разрабатывали отдельные проблемы колхозного строительства: исторические предпосылки коллективизации (Я. Л. Ниренбург, В. М. Жуков, А. Ф. Фунтов, Л. Ф. Мало-

²⁵ См. А. И. Коваленко. Деятельность партийных организаций Урала по формированию женских индустриальных кадров в годы первой пятилетки.— «Из истории партийных организаций и социалистического строительства на Урале». Сборник статей. Свердловск, 1969; Н. М. Щербакова. К вопросу о материальном положении рабочего класса Урала в период реконструкции промышленности (1926—1940 гг.).— «Вопросы истории Урала», вып. 8. Свердловск, 1969; В. Г. Айрапетов. Деятельность профсоюзов металлургов Урала и Востока по выполнению плана третьей пятилетки.— «Из истории партийных организаций Урала». Сборник статей. Свердловск, 1970; П. И. Летунская. Борьба Оренбургской партийной организации за развитие промышленности в годы второй и третьей пятилеток.— «Ученые записки Оренбургского гос. педагогического института», вып. 18. Челябинск, 1970, и др.

²⁶ См. Я. Бирюков. О коммунах.— «Хозяйство Урала», 1925, № 4; И. Лоцилов. Колхозное движение на Урале.— «Хозяйство Урала», 1927, № 7; Г. Милов. Коллективные хозяйства Урала и их деятельность.— «Хозяйство Урала», 1928, № 3; П. Уральский. Коллективное движение в сельском хозяйстве Урала.— Там же, № 1; П. Бажов. Пять ступеней коллективизации. Свердловск — М., 1930; М. Голубых, П. Широковский. Хозяйство, труд и быт сельхозартели «Новый путь». Свердловск, 1930; П. Хлестов. Борьба за совхозы и колхозы на Урале. Свердловск, 1932, и др.

феев, Е. П. Редакова, В. А. Плотичкин, Р. П. Толмачева, А. А. Петерюхин, Н. В. Ефременков); социально-экономические отношения в уральской доколхозной деревне (В. М. Куликов, В. Е. Муравьев, Н. В. Ефременков); подготовка и проведение массовой коллективизации (А. М. Курочкин, Г. А. Мазуренко, В. И. Мухачев, И. Е. Плотников, Е. А. Иванова, В. И. Дворцов, Р. Г. Бергауз, В. Н. Зуйков, В. М. Куликов, Н. В. Ефременков); ведущая роль рабочего класса в коллективизации (В. И. Мухачев); роль местных Советов в колхозном строительстве (И. Е. Плотников, А. В. Бакунин); организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов Урала в годы второй пятилетки (А. В. Бакунин, М. Я. Чернявский, М. А. Иванова).

Накопив и введя в научный оборот большое количество нового фактического материала, историки-аграрники Урала приступили к интенсивному изучению основных проблем колхозного строительства и вплотную подошли к созданию обобщающих трудов, в которых исследуется процесс социалистического преобразования сельского хозяйства во всей его сложности и многообразии.

В третий период истории советской исторической науки историки-аграрники Урала вступили, имея в своем распоряжении достаточное количество материала, необходимого для постановки и решения наиболее важных проблем колхозного строительства и для изучения деятельности партийных организаций по подготовке и проведению коллективизации.

Все работы, освещающие историю подготовки и проведения социалистического преобразования сельского хозяйства, дальнейшего развития и укрепления колхозного строя, вышедшие в третий период, можно условно подразделить на несколько групп. Во-первых, это работы, в которых делались попытки рассмотреть историю колхозного строительства на Урале в широком плане, т. е. с постановкой проблем коллективизации, организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов.

К таким работам относятся прежде всего две статьи В. Н. Зуйкова, в которых автор в той или иной степени касается таких проблем, как состояние сельского хозяйства накануне коллективизации, деятельности партийных организаций по подготовке экономических и политических предпосылок для социалистического преобразования деревни, по осуществлению массовой коллективизации, борьбе с правыми, организационно-хозяйственному укреплению колхозов и т. д.²⁷ Зуйкову удалось воссоздать в целом правильную картину борьбы партийных организаций Урала за

²⁷ В. Н. Зуйков. Партийные организации Урала в борьбе за победу колхозного строя (1927—1934 гг.).— «Социалистическое строительство на Урале». Свердловск, 1957; *он же*. Коммунисты Урала — организаторы массового колхозного движения.— «Ученые записки кафедры истории КПСС Уральского гос. университета им. А. М. Горького», вып. 17, 1957.

победу колхозного строя. Хотя, конечно, не все проблемы рассмотрены в его статьях достаточно подробно, а некоторые из них без привлечения новых источников.

Одновременно с Зуйковым над отдельными проблемами коллективизации начала работать группа исследователей, которые вводили в научный оборот новые архивные документы, материалы периодической печати, анализировали статистику, делали выводы, расширяющие представления о некоторых важных сторонах истории колхозного строительства на Урале²⁸. С выходом в свет этих исследований было положено начало изучению ряда новых проблем подготовки и проведения коллективизации: исторических предпосылок массового колхозного движения, социально-экономических отношений в уральской доколхозной деревне, форм классовой борьбы и ликвидации кулачества как класса, ведущей роли рабочего класса в коллективизации, массового колхозного движения, хозяйственной деятельности, организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов и т. д.

В последующее десятилетие проблематика, связанная с изучением деятельности партийных организаций по подготовке и проведению коллективизации, организационно-хозяйственному и политическому укреплению колхозов, стала исследоваться значительно шире и глубже. Наряду с привлечением нового фактического материала историки постепенно расширяют хронологические и территориальные рамки исследований, выдвигают новые вопросы. Изучая историю создания условий и предпосылок коллективизации, они обратились к таким сюжетам, как осуществление первых аграрных преобразований Советской власти, начало коллективного земледелия, восстановление сельского хозяйства после гражданской войны, социально-экономические отношения и классовая структура уральской деревни накануне коллективизации, колхозное строительство в годы второй пятилетки и т. д.²⁹

Большое значение для выяснения особенностей проведения коллективизации на Урале в целом и в его различных зонах, для

²⁸ Г. А. Лимонов. Борьба партийных организаций Урала за преодоление хлебохозяйственных трудностей в 1927—1928 гг.— «Труды Уральского политехнического института им. С. М. Кирова», вып. 86. Свердловск, 1957; Е. А. Иванова. Борьба с кулачеством в ходе строительства коллективных форм хозяйства в деревне (Тюменский округ).— «Ученые записки Могилевского государственного педагогического института», вып. 2. Минск, 1956; Н. В. Ефременков, В. И. Мухачев. Двадцатипяти тысячники-уральцы на колхозной работе в 1930 г.— «Труды Уральского политехнического института им. С. М. Кирова», вып. 86. Свердловск, 1957; А. В. Бакунин. Из опыта работы политотделов МТС в колхозах Урала (1933—1934 гг.).— Там же.

²⁹ Я. Л. Ниренбург. Из истории борьбы Коммунистической партии за социалистическое преобразование сельского хозяйства в 1919—1920 гг.— «Ученые записки Омского государственного педагогического института», вып. 3. Ом., 1959; Н. В. Ефременков. Из истории строительства коллективных хозяйств в Екатеринбургской губернии в 1919—1920 гг.— «Исторические науки», 1959, № 2; В. М. Жуков. Из истории социалистической рево-

характеристики тех тенденций, которые стали здесь проявляться, имело изучение социально-экономических отношений и классовой структуры колхозной деревни. Попытку комплексного изучения этой проблематики предприняли в середине 60-х годов В. М. Куликов, В. Е. Муравьев и Н. В. Ефременков. Широко привлекая документы, выявленные в партийных и государственных архивах, используя материалы социально-экономической статистики, авторы рассмотрели состояние и перспективы развития каждой из двух тенденций, имевших место в сельскохозяйственном производстве Уральской области. Много внимания было уделено также изучению таких вопросов, как распространение земельной аренды, наемного труда и др. Известное внимание уделено также рассмотрению системы государственных мероприятий, направленных на регулирование социальных процессов, протекавших в деревне³⁰.

Не были оставлены без внимания и многие другие вопросы социалистического преобразования сельского хозяйства: роль рабочего класса и местных Советов в коллективизации, деятельность тракторных колонн и машинно-тракторных станций, изменения в материально-производственной базе сельского хозяйства, особенности колхозного строительства в различных районах Урала, в том числе в Шатровском, где был создан и успешно функционировал известный «Союз коммун», своеобразная организация, о создании и деятельности которой даже специалистам было мало что известно³¹.

люди в уральской деревне (1918 г.).— «Ученые записки Свердловской высшей партийной школы», вып. 2, 1964; *А. В. Бакунин*. Подготовка сельскохозяйственных кадров на Урале в годы второй пятилетки.— «Вопросы истории Урала». Сборник статей. Свердловск, 1958; *М. Я. Чернявский*. Борьба Тюменской парторганизации за завершение коллективизации сельского хозяйства и упрочение колхозного строя (1933—1937 гг.).— «Ученые записки Тюменского гос. педагогического института», т. 15, вып. 3. Тюмень, 1962.

³⁰ *В. М. Куликов*. Укрепление экономической смычки с крестьянством на Урале в 1926—1927 гг.— «Вопросы истории Урала», вып. 39, ч. 2. Свердловск, 1964; *Н. В. Ефременков*. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации.— «Вопросы истории Урала», вып. 4. Свердловск, 1963; *В. С. Муравьев*. Земельные отношения в уральской деревне накануне коллективизации.— «Вопросы истории Урала». Пермь, 1966; *он же*. Применение наемного труда в сельском хозяйстве Урала (1926—1929 гг.).— «Вопросы истории Урала», вып. 7. Свердловск, 1967; *он же*. Земельная аренда в уральской доколхозной деревне (1926—1929 гг.).— «Вопросы истории Урала», вып. 8. Свердловск, 1969; *Н. В. Ефременков*. Кооперативные объединения уральского крестьянства и их роль в подготовке массового колхозного движения (1925—1928 гг.).— «Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР». М., 1969.

³¹ *В. П. Мухачев*. Роль рабочего класса Урала в проведении массовой коллективизации.— «Ученые записки Свердловского юридического института», т. 9. Свердловск, 1959; *он же*. Роль рабочих бригад в коллективизации уральской деревни.— «Исторические науки», 1960, № 3; *И. Е. Плотников*. Из истории борьбы местных Советов Урала за массовую коллективизацию (осень 1929 — зима 1930 г.).— «Вопросы экономической истории и эконо-

Во второй половине 60-х годов существенных изменений в проблематике исследований не произошло. Правда, в ней получили более сильное звучание вопросы хозяйственной деятельности колхозов в годы первой и второй пятилеток, проблемы перестройки партийной работы в колхозах и усиления партийного руководства во всех звеньях колхозного производства³². Одновременно произошла некоторая конкретизация в изучении проблем классовой борьбы, социально-экономических отношений, началось изучение истории совхозного строительства на Урале³³.

Следует отметить также усиление внимания к анализу и сопоставлению различных видов опубликованных источников и архивных материалов, к пересмотру некоторых положений, несостоятельность которых становилась очевидной.

В последние годы, продолжая обобщение накопленного мате-

рической географии». Свердловск, 1964; *он же*. Роль местных Советов Урала в обеспечении нового прилива колхозного движения (осень 1930 — весна 1931 г.).— «Вопросы истории Урала», вып. 6. Свердловск, 1965; *Н. В. Ефременков*. Из истории организации тракторных колонн и первых МТС на Урале.— «Вопросы истории Урала», вып. 39, ч. 2. Свердловск, 1961; *А. Ф. Фунтов*. Из истории организации и деятельности Шатровского союза коммун в 1923—1925 гг.— «Вопросы истории Урала», вып. 4. Свердловск, 1963; *он же*. Союз коммун Шатровского района Тюменского округа Уральской области в подготовке и проведении сплошной коллективизации (1926—1930 гг.).— «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири». Свердловск, 1966; *М. А. Иванова*. Из истории создания материально-технической базы колхозного строя на Урале в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.).— «Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края». Сборник статей. Пермь, 1965.

³² *Р. Н. Пономарева*. Некоторые вопросы организационно-хозяйственного состояния колхозов Зауралья в 1930 г.— «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири»; *она же*. Деятельность партийных организаций по улучшению учета и оплаты труда в колхозах Зауралья в 1931—1932 гг.— «Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала», сб. 2. Свердловск, 1968; *она же*. Развитие социалистического соревнования в колхозах Зауралья в 1930—1931 гг.— «Из истории Южного Урала и Зауралья», вып. 3. Челябинск, 1969; *М. А. Иванова*. Партийные организации Урала в борьбе за укрепление колхозов (1935—1937 гг.).— «Из истории партийных организаций Урала». Пермь, 1967; *М. И. Ушаков*. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Урала (1938—1941 гг.).— Там же; *Н. В. Ефременков*. Некоторые вопросы подготовки кадров для колхозов Урала в 1931—1932 гг.— «Вопросы истории Урала», Пермь, 1966; *он же*. Отчетно-выборная кампания в колхозах Урала.— «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири»; *он же*. Некоторые стороны хозяйственной деятельности колхозов Урала в 1936 г.— «Вопросы истории Урала», сб. 8. Свердловск, 1969; *он же*. Некоторые вопросы перестройки партийного руководства колхозами Урала в период коллективизации сельского хозяйства.— «В. И. Ленин и крестьянство». Воронеж, 1970.

³³ *Р. Н. Киреев*. Социально-экономическое развитие зауральской деревни накануне коллективизации.— «В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала», вып. 2. Свердловск, 1970; *Г. С. Калугина*. Некоторые вопросы совхозного строительства на Урале в начале второй пятилетки.— «Из истории партийных организаций Урала». Сборник статей. Свердловск, 1970.

риала, историки-аграрники Урала приняли участие в создании ряда трудов, в которых проблемы коллективизации и укрепления колхозов, развития их материально-производственной базы и производства представлены в виде сводных очерков³⁴. Это дало возможность проследить за развитием сельскохозяйственного производства на Урале и в его отдельных зонах за длительный период времени. Правда, своеобразие обобщающих трудов и сравнительно небольшой объем соответствующих разделов не позволили в достаточной степени подробно рассмотреть историю коллективизации и хозяйственной деятельности колхозов.

Выход в свет обобщающих трудов помог более четко определить круг вопросов, на решении которых следовало сосредоточить внимание исследователей в последующий период.

Важную роль в интенсификации исследований основной проблематики колхозного строительства на Урале сыграли три научные конференции историков-аграрников, проведенные в Свердловске (декабрь 1963 г.) и Кургане (июнь 1965 г. и декабрь 1968 г.). В докладах и сообщениях участников конференций были поставлены и в ряде случаев решены проблемы, которые раньше либо совершенно не разрабатывались, либо исследовались недостаточно активно. Материалы конференций опубликованы в сборниках «Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале» (Свердловск, 1963), «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири» (Свердловск, 1966) и «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири» (Курган, 1971).

Широкий обмен мнениями по основным проблемам истории коллективизации, имевший место на конференциях, способствовал дальнейшему оживлению работы над новыми трудами по истории социалистического преобразования сельского хозяйства Урала. Одновременно были созданы и историографические обзоры, в которых подведены первые итоги изучения истории коллективизации сельского хозяйства Урала и намечены задачи на будущее³⁵.

Итак, современная историография индустриализации и коллективизации на Урале представлена прежде всего многочислен-

³⁴ «История Урала», т. 2. (период социализма); «Краткий очерк истории Челябинской области»; «Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала», сб. 1. Свердловск, 1966; сб. 2. Свердловск, 1968; «Очерки истории партийной организации Тюменской области»; «Очерки истории Курганской области».

³⁵ *Н. В. Ефременков, В. Е. Муравьев, И. Е. Плотников, А. Ф. Фунтов.* Некоторые итоги изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства на Урале.— «Вопросы советской историографии Урала». Свердловск, 1967; *Н. В. Ефременков.* Некоторые вопросы историографии начала коллективного земледелия на Урале (1918—1920 гг.).— «Вопросы историографии гражданской войны на Урале». Свердловск, 1967; *он же.* Некоторые итоги изучения деятельности партийных организаций Урала по социалистическому преобразованию сельского хозяйства.— «Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти».

ными научными статьями. Это позволяет вовлекать в научный оборот большое количество нового материала, ставить и решать одновременно многие вопросы и проблемы, получать интересные результаты, анализ и сопоставление которых помогают выяснить специфические особенности региона и их проявление в рамках общих закономерностей социалистического строительства.

Отрицательным же является то, что в изучении той или иной проблематики создается определенная неравномерность, тематика исследований зачастую выбирается произвольно, конечно, ее выбор в большой степени зависит от научной квалификации ученого, от его подготовленности к самостоятельному изучению того или иного вопроса. Сказывается отсутствие последовательности в постановке и решении избранных для изучения проблем. Небольшой объем многих статей и узкие хронологические рамки не позволяют зачастую исследовать ту или иную проблему во всей ее сложности и многообразии. Отсюда известная фрагментарность ряда статей, мелкотемье, отсутствие глубоких выводов и обобщений.

Не случайно поэтому в изучении истории индустриализации и коллективизации на Урале в последние годы стала проявляться определенная тенденция к созданию монографических исследований и обобщающих работ, что свидетельствует о появлении на Урале квалифицированных коллективов исследователей, способных успешно решать новые задачи.

СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА «ИСТОРИК-МАРКСИСТ» (1926—1941 гг.) *

А. И. Алаторцева

Структура журнала «Историк-марксист» формировалась в соответствии с его основными задачами как общеисторического органа, отражавшего состояние всех отраслей исторического знания. Основные отделы: статьи, доклады, материалы, преподавание истории, критика и библиография, хроника — определились с первых номеров.

Как показывает исследование структуры журнала за 15 лет его существования, ведущее положение принадлежало исследовательским статьям: они занимали от одной трети до половины общего листажа. Отдел «Критика и библиография» занимал в среднем 17—20%, хронике отводилось 3—5%. Остальной листаж предназначался под директивные материалы, письма в редакцию и др.

По своему содержанию «Историк-марксист» существенно отличался от большинства журналов — своих современников — более широким охватом проблематики по всем отраслям истории как отечественной, так и всеобщей. Таковы были его особенности по сравнению с журналами «Красная летопись», «Летопись революции», «Каторга и ссылка». «Историк-марксист» не печатал мемуаров, не получила широкого распространения публикация на его страницах документов.

В каждом номере печаталось в среднем 3—5 исследовательских статей, каждая объемом 1,5 п. л. Ряд номеров журнала помимо общего заголовка «Статьи» содержал отдельные рубрики, под которыми помещались наиболее актуальные, по мнению редакционной статьи. Впервые такой прием подачи статейного материала был применен в № 4 за 1934 г. Рубрика носила название «Хроника рабочего движения». Отдельные статьи печатались под рубриками «Из истории борьбы против антипартийных группировок», «История фабрик и заводов» и т. д. В целом отдел «Статьи» отличался большим тематическим разнообразием.

* Данная статья является продолжением статьи «Журнал „Историк-марксист“ — орган Общества историков-марксистов и Института истории Комкадемии» (см. «История и историки. Историографический ежегодник за 1971 г.» М., 1973), в которой дан анализ опубликованного в нем материала.

Однако можно наметить ряд тем, которые постоянно присутствовали в журнале «Историк-марксист». Это прежде всего история Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, революционное движение XIX в. в России, социально-экономическая история русского государства, история народов СССР. В 30-х годах XX в. стали появляться статьи по истории партии.

Ведущими темами всемирной истории в журнале были: история Великой французской буржуазной революции конца XVIII в., Парижская коммуна, международное рабочее и социалистическое движение европейских стран XIX—XX вв., международные отношения конца XIX — начала XX в. и новейшего времени, национально-освободительное движение колониальных и зависимых стран. В 30-х годах XX в. появились статьи о борьбе с фашизмом, по истории Английской революции XVII в. В те же годы расширилось освещение истории ранних периодов: средневековья, древнего мира. Чаще стали печататься статьи по археологии, этнографии, востоковедению, византиноведению, вспомогательным историческим дисциплинам. Таким образом, общую тенденцию развития журнала можно обозначить как стремление ко все большему расширению проблематики отечественной и всемирной истории.

В специальном отделе журнала печатались доклады, прочитанные в Обществе историков-марксистов, Институте истории Комкадемии, а затем Институте истории АН СССР. По своему содержанию и тематике эти материалы примыкали к отделу статей. Однако этот отдел имеет для нас особое значение, так как он непосредственно отражал состояние научной жизни, научный поиск, тогда как отдел «Статьи» содержал более законченные результаты исследовательской работы.

Среди докладов можно выделить тематику юбилейного характера, но они по существу отражали основные направления исследовательской работы того времени. Это прежде всего доклады по истории революции 1905 г., «Народной воли», I Интернационала, доклады, посвященные А. П. Щапову, Н. Г. Чернышевскому, О. Бланки и другим деятелям. Основная часть отчетов о заседаниях, материалы которых помещены в специальном отделе журнала, носили проблемно-методологический характер и отличались острой борьбой с буржуазными течениями в общественной науке.

В «Историке-марксисте» печатались, как правило, стенограммы заседаний с полным текстом докладов и прениями¹⁻².

Невозможность публиковать стенограммы большого количества заседаний Общества историков-марксистов по интересовавшим редколлегию вопросам привела А. В. Шестакова к мысли давать краткие конспекты, тезисы, планы докладов или выступлений и

¹⁻² «Историк-марксист», 1930, № 15.

проч. «А то у нас, — писал он в письме к И. Л. Татарову от 28 мая 1928 г., — пропадает масса материала, который гибнет где-то в архивах стенографисток»³⁻⁴. К сожалению, слова Шестакова оказались пророческими: стенограммы большинства заседаний, о которых упоминалось в отчетах Общества историков-марксистов, не сохранились. Публикации журнала «Историк-марксист» приобрели, таким образом, ценность первоисточника как для историка науки в целом, так и для специалистов отдельных отраслей и проблем исторической науки.

Публикации охватывали треть заседаний Общества. Удельный вес докладов в общем объеме журнала неизменно сокращался, что происходило по нескольким причинам: с прекращением деятельности Общества историков-марксистов количество докладов резко упало, а развертывание исследовательской работы позволило редколлегии сосредоточиться на публикации оригинальных статей. С начала 30-х годов доклады в журнале печатались уже в переработанном виде.

Часть докладов (по вопросам методики исторического образования) печаталась в специальном отделе журнала — «Преподавание истории». Здесь же давались обзоры методической литературы, учебников, хрестоматий. На страницах этого отдела велась дискуссия о путях и формах преподавания исторических дисциплин в общественных вузах и школах. Постоянными авторами отдела были: Ю. М. Бочаров, С. С. Кривцов, М. В. Нечкина, А. А. Рындич, А. В. Шестаков, Г. С. Фридлянд и др. В материалах этого отдела в период 1934—1939 гг. большое место заняли публикации постановлений партии и правительства. Вновь открытый отдел содержал текст постановления от 15 мая 1934 г. СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором указывалось на необходимость подготовки к июню 1935 г. новых учебных по истории, об открытии с сентября 1934 г. исторических факультетов в МГУ и ЛГУ⁵. Дальнейшая работа отдела «Преподавание истории» велась под углом зрения этого постановления: были опубликованы статьи по методике преподавания истории в высших учебных заведениях, давалась развернутая информация о работе первых истфаков, о работе над учебниками и т. д. Были опубликованы в журнале и такие важные документы, как Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории» (от 26 января 1936 г.)⁶ и Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и

³⁻⁴ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 8, л. 7.

⁵ «Историк-марксист», 1934, № 3; «Собрание законов и распоряжений правительства СССР» (далее — СЗР СССР), 1934, № 26, ст. 206.

⁶ «Историк-марксист», 1936, № 2; СЗР СССР, 1936, № 6, ст. 45

4-го классов средней школы по истории СССР (от 22 августа 1937 г.)⁷.

Отдел «Материалы» появился в процессе подготовки первого номера журнала. Для успешного функционирования этого отдела редакционная комиссия Общества историков-марксистов приняла 11 декабря 1925 г. решение обратиться в журнал «Красный архив» с просьбой предоставить часть архивных материалов «Историку-марксисту»⁸. Осталось неизвестным, велись ли практически такие переговоры, но вскоре после упомянутого выше решения состоялось общее собрание Общества историков-марксистов, на котором было высказано соображение о нецелесообразности занимать страницы журнала документальными материалами. Публикация документальных материалов справедливо рассматривалась как специфическая задача журнала «Красный архив». Кроме того, документальные материалы печатались и в «Пролетарской революции». Собрание подчеркнуло научно-методологический характер «Историка-марксиста». Рубрика была возобновлена лишь в 1932 г. в связи с некоторыми юбилейными датами⁹.

Однородность материалов отделов «Статьи», «Доклады», «Сообщения» позволила нам объединить их в данной работе в одну группу и рассматривать в едином комплексе. Наблюдавшаяся на протяжении всего существования «Историка-марксиста» общая тенденция к возрастанию количества статей была вызвана дальнейшим усилением научно-исследовательской работы, увеличением числа номеров, выпускаемых в год (см. табл. 1), появлением новых отделов.

Т а б л и ц а 1

**Количество выпускаемых за год номеров и книг журнала
«Историк-марксист»**

Год	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941
Количество номеров	2	4	4	4	6	2	6	6	6	12	6	6	6	6	12	6
Количество книг	2	4	4	4	5	2	4	6	6	9	6	5	6	5	12	6

⁷ «Историк-марксист», 1937, № 3; «Партийное строительство», 1937, № 18, стр. 61—64.

⁸ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 1, л. 1 об.

⁹ Многие документы, впервые опубликованные в «Историке-марксисте», были извлечены из Центрального государственного исторического архива в Москве, Центрального государственного архива Октябрьской революции, Архива внешней политики, Центрального партийного архива и других архивохранилищ.

Однако удельный вес статей, поднявшись до высокого уровня 1932 г. (почти 70%), к 1936 г. падал и снова обнаружил тенденцию к возрастанию в 1939 г.

Говоря о проблематике статей за весь период, можно отметить стремление редколлегии журнала к пропорциональному освещению проблем отечественной и всеобщей истории. И все же освещение в журнале отдельных периодов было неравномерным.

На протяжении всего периода существования «Историка-марксиста» история советского общества занимала в журнале (при отдельных отклонениях) ведущее положение, являясь стержнем, вокруг которого группировался материал по другим периодам отечественной истории. Статьи по истории периода капитализма и империализма занимали 14—18% от общего количества статей по отечественной истории. Регулярная публикация статей по истории периода феодализма началась с 1930 г.

Количественные показатели свидетельствуют о преобладании проблематики по истории нового времени: 130 статей по истории нового времени (из 240 по всем периодам всемирной истории)¹⁰. Ведущее положение занимали статьи по новой истории. В первый год существования журнала всемирная история была представлена только статьями по новой истории. Это положение отражало и состояние кадров специалистов: больше всего историков-марксистов работало по новой истории, новейшая же история разрабатывалась значительно слабее (не было кадров), а древняя и средневековая история все еще находилась в руках старых кадров, воспитанных в буржуазной школе.

Разработка новейшей истории только начиналась в советской историографии. К середине 20-х годов можно говорить об известном выделении истории новейшего периода из публицистики по вопросам текущей политики. Десятилетие Великой Октябрьской социалистической революции положило начало первой теме по истории новейшего времени — «СССР и капиталистические страны». Позднее журнал обратился к освещению истории революционного движения, охватившего под влиянием победы русской революции большинство стран Западной Европы. С начала 30-х годов появились статьи по истории рабочего и коммунистического движения на Западе. Печатавшиеся в «Историке-марксисте» статьи по истории новейшего периода носили исследовательский характер. Первенство журнала в научном подходе к изучению проблем новейшего периода очевидно, а вклад журнала значителен.

Появление в «Историке-марксисте» статей по истории древнего мира относится к 1934 г., после Постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Выбор темы об общественном и государственном строе древне-

¹⁰ В 1926—1941 гг. было опубликовано: 63 статьи по новейшей истории, 14— по средним векам и истории древнего мира.

восточных народов определялся интересом, который наблюдался в советской историографии к проблемам социально-экономических формаций.

С созданием в 1937 г. журнала «Вестник древней истории» в журнале «Историк-марксист» по этой тематике стали печататься статьи главным образом методологического и историографического характера. Аналогичным было положение разделов по истории средних веков. Некоторое оживление по этой тематике наблюдалось в конце 30-х годов и было связано с проходившей в советской историографии дискуссией об абсолютизме и самодержавии, с возрождением проблематики по славяноведению. Особенно это относилось к одной из актуальных проблем того времени — борьбе славянских народов за национальную независимость в средние века, и в частности против немецкой агрессии.

В своих исследованиях специалисты по всеобщей истории обращались прежде всего к истории Франции, Германии, Англии (см. табл. 2).

Отсутствие статей по американистике в 1926—1927 гг. было вызвано тем, что эта дисциплина делала свои первые шаги. Отдельные статьи, опубликованные в «Историке-марксисте» в 1928—1930 гг., были посвящены лишь одному вопросу — участию США в первой мировой войне. Первые статьи по истории американских стран, опубликованные в журнале, были посвящены революционному подъему, рабочему движению и национально-освободительной борьбе в странах Латинской Америки. В середине 30-х годов в «Историке-марксисте» было опубликовано несколько статей по истории США: о гомстедах, об американском рабочем движении, о создании компартии, о внешней политике США. В освещении ряда перечисленных проблем «Историк-марксист» уступал другим журналам. В частности, журналы «Коммунистический Интернационал», «Мировое хозяйство и мировая политика», «Тихий океан» оказывали своими публикациями значительно большее влияние на формирование такой отрасли исторической науки, как история новейшего времени. В этих органах, а также в журналах «Новый Восток», «Проблемы Китая» и др. печаталось подавляющее большинство статей по истории Востока. То небольшое количество опубликованных в «Историке-марксисте» по этим вопросам статей было посвящено истории национально-освободительного движения народов Востока в новое и новейшее время. На заседаниях редколлегии журнала, при обсуждениях его отчетов на общих собраниях Общества историков-марксистов или Президиума Комкадемии неоднократно ставился вопрос об увеличении количества статей по истории Востока. Однако слабая работа секции истории Востока Общества историков-марксистов не способствовала созданию обширного и прочного авторского коллектива востоковедов. И все же в середине 30-х годов появились первые статьи об общественном строе стран Древнего Востока.

Анализ количества статей, соотношения между статьями по отечественной и всеобщей истории, а внутри каждой подгруппы — по периодам не дают общего представления о тематической направленности журнала без анализа других его отделов. Только тщательное изучение второй значительной группы материалов журнала, объединенных общим заголовком «Критика и библиография», дало возможность проследить содержание журнала «Историк-марксист» в связи с его структурой.

Отдел «Библиография» появился уже в первых номерах. Своим рождением он обязан кабинету истории Комакадемии, где под руководством А. И. Гайстера предполагалось издание библиографического бюллетеня¹¹. В марте 1926 г. Совет Общества историков-марксистов принял решение объединить проектируемый бюллетень с журналом, передав составление библиографического отдела кабинету. В целом этот отдел был посвящен задачам борьбы с буржуазной историографией, созданию марксистской исторической критики. Разнообразие форм позволило полнее и лучше справиться с поставленными задачами. Материалы этого отдела существенно обогащают представление о направлениях как в самом журнале, так и в советской исторической науке в целом, дают возможность проследить и выявить особенности в исследовании отдельных вопросов. Появлению многих исследовательских статей по истории русского феодализма, западноевропейскому средневековью, этнографии, американистике предшествовала большая работа отдела критики журнала. Сравнительный анализ критико-библиографических отделов ряда советских исторических журналов периода 20—30-х годов показывает, что журнал «Историк-марксист» давал наиболее широкую информацию о трудах советских ученых, с обоснованным критическим анализом. Критика велась с марксистско-ленинских позиций, была принципиальной, партийной, на высоком научном уровне.

Выделяются по объему критические статьи (см. табл. 3). Они отличались тематическим разнообразием; по существу это были статьи историографического характера. Среди авторов мы видим В. Я. Кирпотина, Н. М. Лукина, М. В. Нечкину, А. Л. Попова, В. С. Сергеева, Г. С. Фридлянда и других ученых.

Само название «Обзоры» говорило о невозможности в скромных объемах дать всесторонний и глубокий анализ всей литературы по избранному сюжету. Однако лучшие из опубликованных в «Историке-марксисте» обзоров (С. М. Моносова о литературе по истории Французской революции конца XVIII в., Е. А. Косминского об аграрной истории Англии, А. А. Ивина о Китае, Я. М. Захера о термидоре, М. В. Нечкиной о декабристах и др.) отличались историографическим подходом, вносили много нового в разработку поднятых вопросов. По своему содержанию и тематике материалы рубрики «Критические статьи и обзоры» примыкали к группе статей.

¹¹ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 2, л. 198.

С момента создания журнала «Историк-марксист» в нем регулярно печатались обзоры французских, немецких, английских, американских и итальянских исторических журналов. Постоянными авторами этой рубрики были А. М. Васютинский, И. С. Звавич, с отдельными рецензиями выступали Н. М. Лукин, Н. П. Фрейберг, И. И. Минц, С. А. Кан, В. А. Васютинский и другие. Начиная с первого номера А. В. Шестаков вел обзор русских и советских исторических журналов. Сохранилась схема статьи Шестакова «Русские исторические журналы конца 1925 и начала 1926 г.». В задачу такого обзора, по мнению Шестакова, входило выяснение типов исторических журналов и их основного содержания. Отдельно рассматривались архивные публикации, воспоминания, научные статьи. Интересна его характеристика общих недостатков первых советских исторических журналов: «Нет материалов по истории Запада, Америки, случаен материал по истории Востока, лучше всего представлена история России»¹². В целом, приходил к выводу Шестаков, «научная разработка исторических проблем — наиболее трудная работа для историков, так же как и разработка марксистской исторической методологии меньше всего находит место на страницах русских исторических журналов»¹³.

В 1926 г. отдел печати ЦК ВКП(б) обратился к ряду советских историков с вопросами о состоянии исторической периодики. Сохранились черновики двух докладных записок — А. В. Шестакова и В. И. Невского. Очевидно, работа над обзорами исторических журналов натолкнула А. В. Шестакова на мысль о реорганизации советских исторических журналов. Он предлагал, в частности, превратить журнал «Пролетарская революция» в научный журнал по истории партии, а все материалы по истории России передать в журнал «Историк-марксист»¹⁴. В. И. Невский больше останавливался на характеристике отдельных журналов, указывая на специфические особенности каждого из них. Заслугой «Историка-марксиста» В. Невский считал проводимую редколлекгией политику объединения на научной работе многочисленных кадров преподавателей истории — коммунистов, а также «все более и более увеличивающиеся кадры близких к нам буржуазных историков, приемлющих марксизм»¹⁵.

Самой большой по количеству охватываемой литературы была рубрика рецензий (табл. 3) с весьма разнообразным составом (исследовательские работы, учебники, учебная литература, документальные сборники, «Ученые труды», мемуары, периодика, дневники). Обширен круг рецензируемых авторов: советские ис-

¹² Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 33.

¹³ «Историк-марксист», 1926, № 1, стр. 302.

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 46, 46 об.

¹⁵ «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 29, М., 1969, стр. 243.

торики, зарубежные, среди последних тяготеющие к марксизму, прогрессивные и реакционные буржуазные ученые.

Учитывая однородность состава отдельных рубрик отдела «Критика и библиография», критические статьи, обзоры, рецензии объединены в данной работе под условным названием «рецензии». Подавляющее число составляли рецензии на монографии: в среднем до 70% общего листажа отдела. Преобладали рецензии на монографии отечественных историков по истории СССР. На первом этапе существования журнала наибольшее количество отрецензированных работ отечественных историков относилось к периоду капитализма и истории советского общества. Наибольшее внимание историков-рецензентов привлекали монографии по истории русского революционного движения (декабристы, революционные демократы, народники)¹⁶, социально-экономической истории XIX в.¹⁷

Наибольшее количество рецензий на монографии по истории советского периода было опубликовано в связи с годовщинами Октябрьской революции. Но если в 1927—1930 гг. в центре внимания рецензентов находились работы по собственно истории Великой Октябрьской социалистической революции¹⁸, то в 1933—1935 гг. рецензировались монографии главным образом по истории гражданской войны. Постановление ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. об издании многотомной истории гражданской войны усилило поток литературы по теме. Основное внимание редколлегия журнала уделяла рецензированию монографий по истории гражданской войны на местах (на Украине, Дальнем Востоке, в Сибири, Средней Азии и др.)¹⁹.

Пристальное внимание советских ученых к истории Октябрьской революции не исключало интереса к предшествовавшим революции событиям политической и экономической истории России начала XX в. Разнообразные сюжеты этого периода русской истории объединялись в общей проблеме предпосылок социалистической революции. Отсюда интерес к монографиям по истории российского империализма, революционному движению, внешней и внутренней политике царского самодержавия и др.²⁰

¹⁶ А. Штраух, рец.: М. Нечкина. Общество Соединенных славян.— «Историк-марксист», 1927, № 6; Е. Морозовец, рец.: «Юбилейная литература о Бакунине».— Там же, № 4, и др.

¹⁷ М. Нечкина. Новая работа по хозяйственной истории России.— Там же, № 6, и др.

¹⁸ П. Горин, рец.: «Очерки по истории Октябрьской революции».— Там же, 1928, № 8; М. Югов, рец.: А. Панкратова. Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г.— Там же, 1927, № 6, и др.

¹⁹ Ф. Боечин, рец.: Божко. Гражданская война в Средней Азии.— «Историк-марксист», 1933, № 3; Ю. Оснос, рец.: Г. Рейхберг. Японская интервенция на Дальнем Востоке.— Там же, 1935, № 8—9.

²⁰ А. Шестаков, рец.: Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны.— Там же, 1926, № 1; Н. Рубинштейн, рец.:

Особо надо отметить многочисленные рецензии на работы по истории большевистской партии: ее съездов, ведущих партийных организаций, периодических изданий и др.²¹

Для второй половины 30-х годов характерна некоторая перегруппировка материалов отдела «Критика и библиография». Около половины всех рецензий на работы советских историков (а среди последних — на монографии по отечественной истории) составили рецензии по истории феодализма. Внимание советских историков привлекали проблемы общественного строя Киевской Руси, крестьянские восстания феодальной Руси, социально-экономические отношения и др.²² Монографии по истории народов СССР, отрецензированные в журнале, тоже относились хронологически к периоду феодализма.

Подавляющее большинство рецензий на монографии отечественных авторов по всемирной истории составляли рецензии на работы по новой истории. Большое развитие получило рецензирование обобщающих работ по истории Западной Европы за весь период²³. По своему характеру это были в основном учебные пособия, в которых предпринимались попытки создания марксистской схемы истории нового времени. В «Историке-марксисте» неоднократно рецензировались монографии по проблемам революционного движения в странах Западной Европы²⁴. С конца 20-х годов журнал привлекли проблемы социально-экономической истории, истории международного рабочего и социалистического движения и др.²⁵ Рецензии на монографии советских авторов по новейшей истории охватывали в основном работы по истории международного коммунистического движения. Немногие рецен-

М. Покровский. Империалистическая война.— Там же, 1928, № 8; А. Сидоров, рец.: И. Гиндин. Банки и промышленность России до 1917 г.— Там же, 1927, № 6, и др.

²¹ Н. Люсьин. Краткий обзор литературы, вышедшей в связи с 25-летием II съезда РСДРП.— «Историк-марксист», 1928, № 9; В. Невский, рец.: А. Бубнов. ВКП(б).— Там же, 1930, № 18-19, и др.

²² К. Базилевич, рец.: В. Греков. Феодальные отношения в Киевской Руси.— Там же, 1936, № 2; С. Бахрушин, рец.: Н. Воронин. История сельских поселений феодальной Руси.— Там же, № 6; А. Сперанский, рец.: «К вопросу о сущности и характере псковского восстания 1650 г.»— Там же, № 5, и др.

²³ В. Далин, рец.: Г. Фридлянд. История Западной Европы.— Там же, 1928, № 8; С. Монсов, рец.: Е. Тарле. Очерк новейшей истории Европы.— Там же, 1929, № 13, и др.

²⁴ Н. Лукин, рец.: «Великая Французская революция в работах советских историков».— Там же, 1927, № 5; В. Далин. Новая книга о Марате.— Там же, 1935, № 1; С. Куниский. Обзор литературы о Парижской Коммуне за два последние года.— Там же, 1927, № 3; А. Молок, рец.: Я. Захер. Революция 1848 г. в Германии.— Там же, № 6; С. Кан, рец.: А. Молок. Июньские дни 1848 г.— Там же, 1934, № 3.

²⁵ И. Завитневич, рец.: Е. Тарле. Рабочий класс в первые времена машинного производства.— Там же, 1929, № 11; С. Куниский, рец.: К. Шелавин. Авангардные бои западноевропейского пролетариата.— Там же.

зии на монографии по истории древнего мира были посвящены работам буржуазных исследователей ²⁶.

Анализ критико-библиографического отдела журнала, сопоставления с информацией «Книжной летописи» за эти же годы дают основание сделать вывод о широком освещении на страницах журнала выходявшей научной продукции по истории. В журнале были также рассмотрены работы советских историков по основным проблемам историографии.

В общем потоке монографической литературы зарубежных авторов внимание советских ученых привлекали работы по истории западноевропейских революций XIX в. и международных отношений. В середине 30-х годов советские историки усилили работу по разоблачению фашизма, прежде всего германского. Анализируя германскую литературу этого периода, советские ученые показали, что фашистская идеология получила распространение в кругах реакционных историков еще до прихода Гитлера к власти. Торжество гитлеризма в ней было подготовлено той агрессивной борьбой, которую вела немецкая буржуазная историография против прогрессивной исторической науки, и в первую очередь против марксизма.

Во второй половине 30-х годов количество отрецензированных монографий зарубежных авторов в 2 раза превысило количество рецензий на монографии отечественных историков. По-прежнему преобладали рецензии на работы по новой истории. Политически актуальным было обращение советских историков к анализу работ зарубежных буржуазных исследователей по истории колониальных захватов. Авторы рецензий указывали на тенденциозный подход зарубежных буржуазных историков к проблеме, замалчивание ими национально-освободительной борьбы в колониях и полуколониях. Столь же политически актуальным было обращение советских ученых к международным отношениям и состоянию капиталистических стран в 20—30-е годы XX в. В журнале получили отзывы немногочисленные тогда работы прогрессивных авторов, писавших о международных отношениях и о роли Советского Союза в борьбе за мир и безопасность.

В отличие от первого периода деятельности журнала (1926—1935 гг.) во второй половине 30-х годов в «Историке-марксисте» значительное место было уделено рецензированию монографий советских и зарубежных ученых по истории древнего мира и средних веков. В журнале нашла отражение большая благотворная работа советских историков по созданию учебных пособий и учебников. Продолжалась традиционная работа по критиче-

²⁶ А. Ломакин, рец.: М. Хвостов. История Древнего Востока.— Там же, 1927, № 4; Г. Приговорский, рец.: П. Кулишер. Очерк экономической истории Древней Греции.— Там же, 1926, № 2, и др.

скому освещению исследований буржуазных (главным образом американских, немецких и английских) ученых по социально-экономической истории архаической и классической Греции, Древнего Рима. В рецензиях Е. Г. Кагарова, Г. Полякова, М. А. Коростовцева и др. отмечалось свойственное буржуазной историографии новейшего времени вульгаризаторство, отрицание закономерности исторического процесса. Советские специалисты вели последовательное разоблачение расовых теорий германских фашистов.

В «Историке-марксисте» рецензировалась и мемуарная литература. Общее количество рецензий на такого рода литературу (по периодам 1926—1935 на 1936—1941 гг.) распределялось примерно поровну. Однако каждый период имел свои особенности. Первый был отмечен, за некоторым исключением, преобладанием рецензий на воспоминания отечественных авторов, тогда как во второй период преобладало рецензирование зарубежных авторов. Ценность мемуарных источников рецензентами определялась достоверностью сообщаемых сведений. Критическое рассмотрение белоэмигрантской мемуарной литературы являлось составной частью борьбы журнала с буржуазной историографией. Немалое место в планах журнала отводилось разоблачению различного рода измышлений и клеветы, содержащихся в вышедших к тому времени мемуарах организаторов антисоветской интервенции.

Редколлегия придавала большое значение критическому анализу воспоминаний участников русских революций 1905 и 1917 гг.

В ряде рецензий анализировались приемы публикации подобного рода источников (наличие указателей, примечаний, предисловий, анализ источника, времени его возникновения). Самым нетерпимым образом редколлегия относилась к различного рода подделкам, требуя в сомнительных случаях экспертизы, как было, например, с так называемым «Дневником» А. Вырубовой²⁷.

В общем объеме всего материала отдела «Критика и библиография» рецензирование мемуарной литературы занимало скромное место. Однако значение опубликованных в «Историке-марксисте» рецензий заключалось в широкой постановке вопроса о принципах публикаций и использования мемуарной литературы как исторического источника.

Обращение к количественным показателям соотношения основных групп рецензий показывает, что редколлегия «Историка-марксиста» уделяла серьезное внимание рецензированию документальных публикаций. Это были те «точки роста», которые оказывали особое влияние на развитие всей исторической науки, и отсюда такое внимание ведущего журнала именно к публика-

²⁷ А. Сергеев, рец.: Об одной литературной подделке.— «Историк-марксист», 1928, № 8.

циям. Количество рецензий на документальные публикации непрерывно возрастало. Особенно быстро увеличивалось количество рецензий на зарубежные издания. Отбор публикаций для рецензирования шел в плане основной тематики «Историка-марксиста».

В первый период деятельности журнала (1926—1935 гг.) наибольшее количество отрецензированных советских публикаций по отечественной истории падало на период капитализма и советский период. Напротив, во второй период (1936—1941 гг.) наибольшее количество рецензий было посвящено документальным публикациям по истории периода феодализма и империализма (количество их возросло соответственно в 4 и 3 раза). Большинство отрецензированных публикаций входило в серию «Документы и материалы по истории народов СССР», подготовленную Институтом истории АН СССР. К этой же серии примыкали сборники документов, изданные на местах. Традиционным для журнала явились рецензии на документальные издания по истории партии (переиздания партийной периодики, протоколов партийных съездов, конференций, документов Коминтерна), на издания собраний сочинений и отдельных работ классиков марксизма-ленинизма, их соратников по революционной борьбе. Простальное внимание редколлегия журнала оказывала сериям: «1917 год в документах и материалах» (под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), «Восстание декабристов» (под редакцией М. Н. Покровского), «Библиотека Октября», «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Библиотека международной политики» и др.

Большинство рецензий на советские и зарубежные публикации по всемирной истории составили рецензии на документальные сборники по новой истории по традиционной для журнала тематике. В журнале регулярно отмечался выход очередных томов фундаментальной советской публикации «Международные отношения в эпоху империализма». Несколько ранее соответствующее внимание редколлегия журнала уделила изданию источников по социально-экономической истории Западной Европы в средние века, в новое и новейшее время²⁸. Издание было предпринято научными сотрудниками Института истории РАН ИОН как учебное пособие для практических занятий в семинарах института. Однако благодаря высокому научному уровню эти публикации вышли за рамки учебных. Рецензенты единогласно отмечали, что эти материалы явились первыми квалифицированными сборниками документов, содержащими данные по экономической и социальной истории.

В журнале «Историк-марксист» систематически велась разра-

²⁸ Е. Косминский, рец.: Н. Грацианский. Западная Европа в средние века. Источники по социально-экономической истории.— «Историк-марксист», 1926, № 2; он же, рец.: Е. Оловяшникова. Западная Европа в средние века.— Там же.

ботка принципов публикации документальных материалов. В этом смысле лучшие рецензии «Историка-марксиста» интересны наличием в них четких требований к публикациям документальных материалов (единая методологическая установка в подборе документов, необходимый минимум документов по каждому вопросу, общая методическая установка). Значение, которое придавалось отбору наиболее представительных документов и материалов при подготовке к публикации, очевидно из ряда рецензий: с этого начиналась оценка любой публикации. От того, насколько систематически, тщательно, полно, умело, интересно, удачно проведен отбор документов, зависела во многом ценность документального сборника. При этом во внимание принимались новизна источников, их достоверность. Следующий важный этап, по мнению рецензентов, наступал при археографической обработке документов. Непременным условием были соответствие подлиннику, сохранение орфографии иностранного текста, а в случае необходимости — точный перевод. Удачно найденная структура облегчала пользование публикацией. Не забывали рецензенты и о психологическом воздействии на читателя. Одним из компонентов научного аппарата любой публикации являются примечания, комментарии. Рецензенты обращали внимание на оценку в комментариях состояния архивных источников, их происхождения, приемов их обработки, на содержательность критической оценки. Общая постановка проблемы, выяснение различных точек зрения по данному вопросу — все, что способствует ориентации в материале, как подчеркивали рецензенты, должно было составить содержание предисловия или вводной статьи. Приложение должно было включать библиографию и различного рода указатели. В свою очередь при оценке зарубежных изданий рецензенты требовали характеристики общественно-политических и научных взглядов публикатора.

В целом лучшие из рецензий (И. С. Звавича, Е. А. Косминского, Н. М. Лукина, М. В. Нечкиной, Ф. И. Нотовича, П. Ф. Преображенского, Г. Е. Рейхберга, Н. Л. Рубинштейна, Г. С. Фридлянда, А. В. Шестакова, М. И. Югова и др.) оказали значительное влияние на разработку методологических основ советского источниковедения. К сожалению, об этом в источниковедческих работах почти не упоминается.

Тематическое разнообразие материалов критико-библиографического отдела не могло быть достигнуто без привлечения широкого круга авторов — не только историков-марксистов, но и историков старой школы. Ведущее место занимали рецензии на работы по отечественной истории. Рецензирование зарубежных работ значительно уступало им. Авторы рецензий не всегда давали оценку политическим взглядам зарубежных историков. Наибольшее количество рецензий посвящено работам французских, американских, немецких ученых.

Обширен состав научных учреждений и обществ, продукция которых рассматривалась на страницах журнала. Среди них пер-

венство принадлежало изданиям Центрархива, Истпарта и его местных отделений, Институтах К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина (а затем ИМЭЛ), обществам, комуниверситетам. Во второй половине 30-х годов XX в. рецензировались издания прежде всего Института истории АН СССР и университетов.

Наибольший удельный вес среди издательств, продукция которых рецензировалась в журнале, занимало Государственное издательство (ГИЗ). По данным редколлегии журнала, рецензировалась вся историческая продукция ГИЗа²⁹. Во второй половине 30-х годов наряду с продукцией Соцэкгиза широко отмечались книги Партиздата.

В поле зрения редколлегии журнала попадали прежде всего книги, изданные в Москве и Ленинграде, меньше — Киеве, Свердловске, Ташкенте, Баку, Владивостоке, Хабаровске.

Через библиотеку Комакадемии заказывались иностранные книги. Приток их был сравнительно невелик: не было достаточных средств на покупку зарубежных изданий. Во второй половине 30-х годов поступления книг возросли. Заказы шли через Президиум АН СССР и библиотеку Института истории АН СССР. Необходимо отметить оперативность, с которой редакция заказывала рецензии на заинтересовавшую ее книгу. Как правило, рецензировалась текущая литература, даже для зарубежной разницы была в полгода—год. Информация о книгах, вышедших в Берлине, Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Осло, Кракове, Праге, Мюнхене, Брюсселе, довольно скоро становилась достоянием советской исторической общественности.

В 1928 г. редакционная коллегия журнала «Историк-марксист» обратилась в издательства Москвы с просьбой о присылке литературы для организации отзывов о новых книгах³⁰. Впервые этот отдел появился в № 12 журнале за 1929 г. Существование его было кратковременным — всего два года. Общий объем составил 15 п. л. кратких информационных сообщений о содержании 82 вышедших книг. Составителем обзоров был С. Н. Валк. Сохранились копии писем секретаря редакции «Историка-марксиста» И. Татарова к Валку с просьбой присылать обзоры систематически для каждого номера³¹. С таким же предложением редколлегия обращалась к Валку и в 1931 г., очевидно все еще пытаясь сохранить отдел³². Отсутствие средств на покупку книг ставило редакцию в зависимость от доброй воли издательств, от того, как охотно и скоро они выплют нужные работы. Сохранились многочисленные копии писем, рассылавшихся редакцией в ГИЗ, Издательства МГУ и ЛГУ, издательства «Каторга и ссылка», «Земля и

²⁹ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 11, л. 260.

³⁰ Там же, д. 3, л. 30.

³¹ Там же, д. 11, л. 46.

³² Там же, д. 16, л. 65.

фабрика» и т. п.³³ О нуждах журнала свидетельствовало письмо И. Татарова от 1 ноября 1930 г., адресованное заведующему Книгоцентром. Обращаясь с просьбой возобновить посылку изданий ОГИЗа на отзыв, Татаров писал: «Редакция не имеет специальных средств на закупку литературы... вынуждена будет свертывать отдел библиографии»³⁴. Возможно, указанные затруднения и послужили причиной прекращения работы отдела «Новые книги».

В 1936 г. отдел был возобновлен под новым названием — «Библиографические заметки» и существовал почти непрерывно до 1941 г. В нем печатались аннотации на монографии, сборники статей отечественных и зарубежных авторов. Постепенно в отделе появились рубрики: «Обзоры иностранной литературы», «Из иностранных исторических журналов», «История СССР», «История ВКП (б)» и др.

«В «Историке-марксисте» был опубликован ряд библиографий: указатель книг по истории, вышедших в 1926 г. в Англии, Германии, США, СССР, Франции, подготовленный сотрудниками историко-революционной секции Комакадемии, материалы к библиографии работ М. Н. Покровского (составленные коллективом библиотеки ИКП). В 1933 г. была опубликована библиография по истории ноябрьской революции 1918 г. в Германии — часть большой работы, осуществлявшейся в библиотеке Комакадемии. Выборочный характер носила и библиография иностранной литературы о происхождении мировой империалистической войны 1914—1918 гг. В 1934—1936 гг. в журнале регулярно публиковались «Новинки исторической литературы», составлявшиеся сотрудниками сектора библиографии библиотеки Комакадемии. Чаще всего библиография носила подзаголовок: «Список книг, поступивших в библиотеку Комакадемии». Составители, как правило, не указывались. Во второй половине 30-х годов библиография была сосредоточена в рубрике «Из иностранных исторических журналов», где печатались списки статей по всем периодам всемирной истории. Составителями их были сотрудники ФБОН АН СССР. Лишь последний год существования журнала отмечен появлением тематической библиографии по истории международных отношений в новейшее время.

Разрабатывая планы будущего издания, редколлегия предусматривала в каждом номере отдел «Хроника» с широкой информацией о научной жизни в стране и за рубежом. В массе своей информация носила фрагментарный характер, сообщала отрывочные сведения. Постоянно печатались лишь сообщения об Обществе историков-марксистов. Этому содействовало постановление

³³ Там же, д. 11, лл. 158, 162, 202, 213, 218 и др.

³⁴ Там же, л. 6.

Совета Общества от 11 января 1929 г.³⁵ Материалы этого отдела должны были готовить ученые секретари секций и комиссий Общества. Таких информации за 1926—1932 гг. было опубликовано десять (отчеты об общих собраниях, заседаниях Совета и его Президиума, научные и издательские планы, связи с провинцией и зарубежные связи).

С созданием Института истории Комкадемии фронт исторических работ в последней расширился. Журнал стремился систематически освещать деятельность отдельных его секций. На одном из заседаний редколлегии было принято специальное обращение в Президиум Комкадемии и дирекцию Института истории с предложением, чтобы ученые секретари секций Института к каждому номеру готовили материалы информационного характера³⁶. С начала 30-х годов XX в. хроника журнала сделалась более развернутой и интересной по содержанию. В поле зрения редакции находилась начавшаяся работа ученых по созданию истории фабрик и заводов, истории гражданской войны в СССР и др.

Весьма скуден помещенный в журнале материал о самом «Историке-марксисте». В 1927 г. был опубликован отчет А. В. Шестакова о журнале на общем собрании Общества историков-марксистов от 29 апреля. В отчете приводились данные о количестве статей журнала, их тематике, распространении, о подписчиках и т. д.³⁷ ««Историк-марксист» за пять лет» — так называлась короткая заметка от редакции, где содержались статистическая сводка и перечень проблем, разработка которых была освещена на страницах журнала³⁸. Центральное место отводилось проблемам методологии, критике буржуазной и мелкобуржуазной историографии России и Запада. Свои задачи на будущее редколлегия видела в еще большем усилении внимания к разработке методологических проблем, к изучению наиболее актуальных тем эпохи империализма и пролетарских революций³⁹.

В целом материалы отдела «Хроника» «Историка-марксиста» перекликались с материалами подобных отделов других журналов. Во второй половине 30-х годов XX в. материалы этого отдела отличались большей насыщенностью и разнообразием. Появились рубрики «Историческая наука в СССР», «Историческая наука за рубежом». До сих пор информация о научной жизни за рубежом была нерегулярной, печатались сообщения лишь о международных конгрессах, в работе которых участвовали советские ученые. Ряд сообщений второй половины 30-х годов XX в. освещал положение исторической науки в Германии, процесс ее фа-

³⁵ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 32, л. 202.

³⁶ Там же, ф. 371, оп. 1, д. 14, л. 1 об.

³⁷ «Историк-марксист», 1927, № 4, «Хроника».

³⁸ Там же, 1931, № 21, «Хроника».

³⁹ Там же, стр. 135.

шпизации. Отдельные сообщения были посвящены жизни научных учреждений Англии, Франции, Польши, Чехословакии, США, Аргентины и других стран. Постоянно печатались сообщения об археологических раскопках за рубежом.

В разделе «Историческая наука в СССР» регулярно освещалась работа советских ученых над многотомной историей СССР и всемирной историей, над учебниками по истории. В обсуждении упомянутых тем редакция «Историка-марксиста» принимала активное участие, являясь в ряде случаев инициатором этих обсуждений. Сообщений о самом журнале по-прежнему очень мало. Напротив, увеличилось количество сообщений о работе местных историков. Однако, несмотря на стремление редколлегии «Историка-марксиста» охватить как можно больше научных объектов и дать о них информацию, говорить о журнале как об источнике по истории отдельных научных центров еще не приходится. Но в сочетании с информацией, содержащейся в других периодических изданиях тех лет, материалы хроникального отдела «Историка-марксиста» дают общую картину развития центров советской исторической науки.

Итак, структурный анализ содержания «Историка-марксиста» выявил основные направления деятельности редколлегии. Журнал был создан и развивался как журнал советской исторической мысли: основу его составляли научные исследования (статьи, сообщения, доклады, рецензии). В первые годы существования журнала в центре внимания историков находились проблемы истории русских и западноевропейских революций. Предпосылки революций, их движущие силы, характер, программы, периодизация — вот неполный перечень вопросов, которые ставили советские ученые и решали на материале революций различных эпох и стран.

С конца 20-х — начала 30-х годов XX в. советские историки обратились к проблемам социально-экономической истории. Развернулась полоса широких дискуссий о социально-экономических формациях. Советские историки осуществляли последовательную критику основ буржуазной методологии, философии истории, разоблачали попытки фальсификации истории.

Победа марксистско-ленинской исторической концепции в середине 30-х годов XX в. создала для советских историков предпосылки для подготовки обобщающих работ по истории СССР и всемирной истории. Эта задача требовала пересмотра накопленного в предшествующие годы материала, углубленной разработки проблем всех периодов всемирной истории.

Научно-методическое направление журнала складывалось на материале отдела «Преподавание истории», различного рода обзоров, рецензий на учебную литературу. «Историк-марксист» принял участие в развернувшейся в 20-х годах XX в. дискуссии о путях дальнейшего развития исторического образования в стране (от школы до вуза). Борьба с социологизаторством, схематиз-

мом, создание систематического курса по истории — основные требования преподавателей-марксистов. Цель свою редколлегия видела в борьбе с антинаучными взглядами буржуазных педагогов, в создании, по словам М. Н. Покровского, «стройного курса марксистского диалектического обществоведения», в котором все виды общественных знаний (история, современность и проч.) «будут тесно и гармонически увязаны между собой»⁴⁰.

Немалый ущерб делу исторического образования, созданию систематического курса по истории в 20-х и первой половине 30-х годов XX в. наносило своего рода выборочное изучение периодов всемирной истории. Цельность и последовательность всех этапов исторического процесса как в исследовательской, так и в преподавательской деятельности часто нарушались. Внимание историков-марксистов было сосредоточено на новой, отчасти новейшей истории.

Постановления партии и правительства 1934—1936 гг. по вопросам истории поставили перед советскими учеными новые задачи, и прежде всего создания новых учебников с учетом достижений советской исторической науки. Редколлегия журнала приняла активное участие в перестройке исторического образования в стране, развернувшейся под знаком реализации этих постановлений. Усилия советских историков нашли свое воплощение в ряде учебников: по истории древнего мира, средних веков, новой истории и истории СССР. В процессе создания их редколлегия принимала постоянное участие, предоставляя страницы журнала для публикации отдельных глав, организуя печатные и устные обсуждения, информируя о ходе работ.

Пропаганда достижений советской исторической науки постоянно присутствовала в планах «Историка-марксиста». Отклики на юбилей важнейших исторических событий имели большое воспитательное значение. Журнал отмечал и формировал возросший интерес к революционному прошлому народов СССР. Обращение к истории других народов, их революционного и национально-освободительного движения воспитывало чувство взаимного уважения и солидарности в борьбе за идеалы коммунизма.

Большую роль в популяризации исторических знаний призван был играть отдел «Критика и библиография». Анализ его содержания показал, что журнал постоянно и с успехом информировал читателей об основной массе исследовательских исторических работ, отмечая появление значительных исследований и книг научно-популярного характера. Журнал не просто сообщал сведения о вышедшей продукции, но сопровождал их научной критикой с марксистских позиций. За 1926—1941 гг. было отрецензировано 941 название (монографии, сборники документов, мемуары и др.); общий объем рецензий составил 2220 страниц.

⁴⁰ «Обществоведение в трудовой школе», 1927, № 1, стр. 148.

т. е. из 86 (94 номеров) томов журнала за этот период примерно 12 томов (со средним объемом 180 страниц) было посвящено только критике и библиографии. Сюда не вошли материалы указателей и отделов «Новые книги» и «Библиографические заметки».

На страницах «Историка-марксиста» регулярно публиковались информация о научной продукции основных центров исторической мысли, сообщения о текущей деятельности.

Журнал был тем научным центром, где отражалась исследовательская работа советских историков по важнейшим проблемам отечественной и всемирной истории, а также методики преподавания исторических дисциплин, успешно развивалась марксистская критика, шла постоянная пропаганда результатов развития марксистской исторической науки в СССР и за рубежом.

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XX В.
В ЖУРНАЛЕ «ГОЛОС МИНУВШЕГО»
В 1913—1923 ГГ.**

Ю. М. Критский

После подавления первой буржуазно-демократической революции в России среди большинства русской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции заметно усилились идеологические колебания, шатания в сторону либерализма, а нередко и в сторону реакции. Это отразилось и на идейной направленности и содержании русской исторической журналистики. «Исторический вестник» приобретает в годы реакции ярко выраженный консервативно-монархический характер. Значительно поправили и общие журналы, печатавшие материалы по русской истории: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русская старина», «Русский архив»¹. Журнал «Былое», поместивший ряд ценных документов и статей по истории русской общественной мысли и революционного движения в России, был закрыт в 1907 г. и в дальнейшем в до-октябрьский период издавался за границей. Попытки продолжить его издание в России (сборник «Наша страна» в 1907 г.; журнал «Минувшие годы» в 1908 г.) окончились неудачно. Эволюция журналов «в сторону мистицизма и пасквилянтства на революцию»² вызвала уход из легальной журналистики многих авторов-марксистов и некоторых других историков, придерживавшихся прогрессивных взглядов.

В таких условиях у либеральных издателей, весьма умеренных по своим политическим взглядам, но опытных и располагающих средствами, появилась возможность «сыграть в демократию», спекулируя на запросах демократической части читателей, привлекая к участию в журнале авторов, пользующихся в официальных кругах репутацией «неблагонадежных», а также политических эмигрантов. По инициативе одного из таких издателей — С. П. Мельгунова, в 1913 г. начал выходить журнал «Голос минувшего».

¹ С. С. Дмитриев. Историческая периодика в России.— «Советская историческая энциклопедия», т. 6, стлб. 530—531.

² Г. П. Курочкина. Уход марксистов из журнала «Образование». — «Вопросы истории», 1970, № 11, стр. 209.

Литература о журнале ограничивается краткими упоминаниями в справочных и учебных изданиях³. Между тем за десять лет своего существования «Голос минувшего» опубликовал ряд ценных материалов по истории русской общественной мысли и революционного движения в России. Журнал регулярно обращался к рецензированию исторической литературы, реже — к обзорам зарубежных изданий, отражая классовую борьбу тех лет в русской исторической науке. В «Голосе минувшего» был опубликован и ряд исследовательских работ, часть которых (например, статьи В. И. Семевского о петрашевцах, В. В. Евгеньева-Максимова о Н. А. Некрасове и некоторые другие), на наш взгляд, в известной мере сохранила научное значение и до настоящего времени. Будучи либерально-народническим на всем протяжении своего существования, журнал отразил эволюцию социально-политических и исторических взглядов либерального народничества в 1910-х годах и в первые годы Советской власти — эволюцию, являющуюся одним из главных проявлений кризиса мелкобуржуазной историографии.

Сохранившиеся в архивах материалы позволяют проследить историю организации и редактирования журнала, хотя и не всегда с достаточной полнотой. Часть архива редакции была вывезена в 1920-х годах за границу С. П. Мельгуновым⁴, оставшиеся материалы были сосредоточены в разных архивах. В настоящее время большая часть материалов редакции хранится в Архиве АН СССР. Для изучения истории организации и редактирования журнала в 1913—1916 гг. определенный интерес представляют также документы фондов С. П. Мельгунова (ЦГАЛИ), В. И. Семевского (Архив АН СССР и ЦГАОР СССР), особенно переписка двух редакторов журнала между собой, с другими сотрудниками и авторами.

По-видимому, еще в 1911 г. С. П. Мельгунов начал переговоры об издании журнала с И. Д. Сытиным⁵. В апреле 1912 г. Мельгунов предложил В. И. Семевскому принять участие в редак-

³ См. справочные статьи о журнале «Голос минувшего» в энциклопедиях: «Литературная энциклопедия», т. 2. М., 1929, стлб. 583; БСЭ, изд. 1, т. 17. М., 1930, стлб. 479; БСЭ, изд. 2, т. 11. М., 1952, стр. 630; Д. П. Муравьев. «Голос минувшего». — «Краткая литературная энциклопедия», т. 2. М., 1964, стлб. 231; «Советская историческая энциклопедия», т. 4. М., 1963, стлб. 504. См. также: С. С. Дмитриев. Русские исторические журналы. — С. С. Дмитриев, В. А. Федоров, В. И. Бовыкин. История СССР. Период капитализма. М., 1961, стр. 179—180.

⁴ Один из первых исследователей архива В. И. Семевского — Н. Ростов отметил, что часть документов архива редакции была опубликована С. П. Мельгуновым на страницах издававшегося в Париже журнала «Голос минувшего на чужой стороне», в том числе копии с неизданных дневников Л. Н. Толстого, напечатанные «вопреки ясно выраженной воле Льва Николаевича» (см. Н. Ростов. Архив В. И. Семевского. — «Литературное наследство», 1933, № 7-8, стр. 419).

⁵ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1574, л. 29 (Письмо С. П. Мельгунова В. И. Семевскому, январь 1912 г.).

тировании журнала (совместно с ним, А. К. Дживелеговым и П. Н. Сакулиным) и получил согласие⁶. В сентябре 1912 г. от издательства «Задруга» Мельгунов заключил договор с Товариществом И. Д. Сытина об издании на паевых началах журнала под условным названием «Минувшее в жизни и литературе»⁷. Было запланировано издание журнала в 3000 экземпляров при ежемесячном выходе⁸. После официального подписания договора с И. Д. Сытиным журнал под названием «Голос минувшего» был зарегистрирован в Московском комитете по делам печати⁹. Издателем-редактором нового журнала с первых же номеров стал С. П. Мельгунов, редакторами А. К. Дживелегов, П. Н. Сакулин, В. И. Семевский. После выхода Сакулина из состава редакции и Дживелегова из числа пайщиков¹⁰ журнал редактировался Мельгуновым и В. И. Семевским (до смерти последнего 21 сентября 1916 г.). После смерти В. И. Семевского журнал редактировал Мельгунов, при участии Е. А. Ляцкого. За 1913—1923 гг. вышло 62 книги журнала (часть сдвоенными и строенными номерами).

Тематика и структура журнала, объявленные в первых номерах¹¹, в общем не изменялись за 1913—1916 гг. Средний объем каждого выпуска сохранялся от 18 до 20 листов. Распределение материала по тематике было предложено В. И. Семевским: « $\frac{1}{2}$ русской истории, $\frac{1}{4}$ истории литературы, $\frac{1}{4}$ всеобщей истории»¹². Объем разделов по каждому выпуску намечался С. П. Мельгуновым: «...роман 2—3, мемуары 2—5, статьи 6—8, библиография — 2, хроника и обзор 1— $\frac{1}{2}$, всего 15—22 $\frac{1}{2}$ печатных листов»¹³.

Подавляющее большинство опубликованных в журнале в 1913—1923 гг. статей и материалов посвящено вопросам русской истории, преимущественно истории русской общественной

⁶ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. 1, л. 36 (Письма В. И. Семевского С. П. Мельгунову от 16 апреля 1912 г.).

⁷ Там же, д. 1574, лл. 46, 47 (Письмо С. П. Мельгунова В. И. Семевскому от 14 сентября 1912 г.).

⁸ Там же.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 17, д. 473, л. 1.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1178, лл. 9 об., 10 (Письмо П. Н. Сакулина С. П. Мельгунову от 11 октября 1913 г.); там же, д. 591, л. 1 (Письмо А. К. Дживелегова С. П. Мельгунову от 30 апреля 1914 г.).

¹¹ «I. Историческая беллетристика. II. Мемуары, записки, дневники и письма современников. III. Научные статьи по вопросам русской и всеобщей истории, истории литературы, философии, искусства и археологии. IV. Различные материалы по истории, истории литературы и т. д. V. Биографии русских и иностранных деятелей. VI. Критика и библиография. VII. Новости русской и иностранной науки. VIII. Обзор журналов русских и иностранных. IX. Хроника» («Голос минувшего» (далее — ГМ), 1913, № 1, стр. 2 обложки).

¹² ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. 1, л. 53 (Письмо В. И. Семевского С. П. Мельгунову от 15 сентября 1912 г.).

¹³ Там же, д. 1574, л. 77 (Письмо С. П. Мельгунова В. И. Семевскому от 14 сентября 1912 г.).

мысли и революционного движения в России второй половины XVIII—XIX в. В библиографических разделах журнала рецензировались и аннотировались работы по различным периодам русской истории (в том числе и по темам, не освещавшимся в основных разделах: история крестьянства и крестьянских войн, экономическая история России, история революции 1905—1907 гг.)¹⁴ В 1917—1923 гг. в журнале уделяется значительно большее внимание истории первой и второй буржуазно-демократических революций в России.

Среди статей по истории русской общественной мысли XVIII в. заслуживает упоминания работа В. В. Мияковского «Годы учения А. Н. Радищева». Автор примыкал к тем исследователям (Л. Н. Майков, А. И. Незеленов), которые не считали «Отрывок из путешествия в...» принадлежащим перу А. Н. Радищева¹⁵. В течение длительного времени проблема авторства этого отрывка была спорной, и лишь сравнительно недавно ряд исследователей стали считать его принадлежащим перу Н. И. Новикова¹⁶.

Журнал опубликовал записку первого русского революционера А. Н. Радищева о законоположении, написанную незадолго до его смерти. Однако в предисловии к публикации, написанном А. З. Попельницким, игнорировалось то обстоятельство, что в записке получило отражение кризис революционной концепции А. Н. Радищева в последние годы его жизни¹⁷. В одном из последних произведений В. Г. Короленко (очерк «Пугачевская легенда на Урале») приводились несколько рассказов о Е. И. Пугачеве, бытовавших на Урале еще в начале XX в. Отмечая царистские иллюзии русского крестьянства, его «политическое суеверие», В. Г. Короленко в то же время подчеркнул, что «ни строгие указы, ни глаголы и крючья Панина не успели вытравить из народной памяти» образ вождя крестьянской войны¹⁸.

В целом же истории русской общественной мысли XVIII в. и классовой борьбы в России во второй половине XVIII в. журнал уделял недостаточное внимание. Сообщения К. В. Сивкова о

¹⁴ Р. Выдрин. Об участии дворян и духовенства в Пугачевском бунте.— ГМ, 1914, № 2, стр. 286—288; В. И. Семевский. Диспут М. А. Островской.— Там же, № 4, стр. 292—297; М. М. Клеветский. Освободительное движение в освещении «Исторического вестника».— Там же, № 5, стр. 241—250.

¹⁵ В. В. Мияковский. Годы учения А. Н. Радищева.— ГМ, 1914, № 3, стр. 5—42; № 5, стр. 82—104 (в № 5 статья названа иначе: «Учебные годы А. Н. Радищева»).

¹⁶ Г. П. Макогоненко. Н. И. Новиков и русское просвещение XVIII века. М.— Л., 1951; Н. В. Баранская. Еще об авторстве «Отрывка из путешествия в...».— «XVIII век», сб. 3. М.— Л., 1958.

¹⁷ А. З. Попельницкий. Вновь открытая записка А. Н. Радищева о законодательстве. О взглядах А. Н. Радищева в последние годы жизни см.: В. В. Пугачев. Эволюция общественно-политических взглядов А. Н. Радищева.— «Ученые записки Горьковского гос. университета», т. 41, серия историческая, вып. 3, 1960.

¹⁸ ГМ, 1922, № 2, стр. 17.

быте русских учителей XVIII в. и о крепостной школе этого периода¹⁹ следует рассматривать лишь как интересные наблюдения, не содержащие обобщающих выводов. Обширная публикация «Записок» П. С. Батурина содержала ряд сведений, характеризующих общественную жизнь русской провинции XVIII в. Однако значение «Записок» как исторического источника было значительно преувеличено редакцией, поставившей их в один ряд с «Записками» А. Т. Болотова²⁰.

Значительно полнее была представлена в журнале история русской общественной мысли и революционного движения в России в первой четверти XIX в. Ни один из легальных исторических журналов, издававшихся в 1910-х годах, не содержал такого большого количества материалов и исследований по истории декабризма. В журнале были опубликованы записки А. В. Поджио, выдержка из записок М. И. Муравьева-Апостола, переписка И. И. Пущина, И. Д. Якушкина, Г. С. Батенькова и других²¹.

В. И. Семевский и П. Е. Щеголев опубликовали часть материалов о суде и следствии над декабристами²². В журнале принимал участие видный пушкинист Н. О. Лернер и начинающий ученый, впоследствии крупнейший советский литературовед — Н. Л. Бродский²³.

Хотя в журнале участвовали и либерально-буржуазные исследователи декабризма²⁴, тем не менее в 1913—1917 гг. журнал защищал трактовку декабристского движения в целом и характеристику его отдельных представителей как революционной внеклассовой интеллигенции. Это основное положение народнической концепции декабризма, наиболее полно изложенное В. И. Семевским²⁵, развивалось и отстаивалось им и

¹⁹ К. В. Сивков. Русский учитель в доме помещика в конце XVIII века.— ГМ, 1915, № 3, стр. 228—230; он же. Крепостная школа и ее ученики в конце XVIII века.— ГМ, 1922, № 2, стр. 203—206.

²⁰ ГМ, 1918, № 1—3, стр. 55.

²¹ А. В. Поджио. Записки декабриста.— ГМ, 1913, № 1—3; А. Сазанович. Из записок декабриста М. И. Муравьева-Апостола.— ГМ, 1914, № 1, стр. 132—141; И. И. Пущин. Письма к И. В. Малиновскому.— ГМ, 1915, № 6, стр. 184—190; «Письма И. Д. Якушкина».— Там же, № 3, стр. 210—218; № 4, стр. 187—190; Б. Л. Модзалевский. Г. С. Батеньков.— ГМ, 1914, № 1, стр. 280—282 (Письма из Калуги); «Письма А. В. и А. Е. Розен к И. В. Малиновскому».— ГМ, 1915, № 7—8, стр. 168—191.

²² В. И. Семевский. Дело о декабристе камер-юнкере В. В. Голицыне.— ГМ, 1913, № 2, стр. 218—229; П. Е. Щеголев. Из резолюций императора Николая I о декабристах.— Там же, № 11, стр. 194—199.

²³ Н. О. Лернер. Пушкин, Фотий и гр. Орлова.— ГМ, 1913, № 4, стр. 82; Н. Л. Бродский. Новое о Пушкине.— Там же, стр. 270—275.

²⁴ Из них заслуживает упоминания выступивший с первыми работами о декабристах еще в 1902—1908 гг. М. В. Довнар-Запольский. В обширном очерке он обвинил членов Северного общества в том, что ими «не были вполне усвоены» предложения Г. С. Батенькова о возможности сохранения монархии (см. М. В. Довнар-Запольский. Декабрьская революция 1825 года.— ГМ, 1917, № 7—8, стр. 5—76).

²⁵ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

некоторыми другими авторами на страницах «Голоса минувшего». В ответ на книгу Н. А. Гастфрейдна об И. И. Пущине журнал поместил отзыв С. Я. Штрайха, в котором книга охарактеризована как «злой и бессильный пасквиль»²⁶. В рецензии В. И. Семевского на книгу М. О. Гершензона попытки этого последнего «рассказать судьбы одной семьи (декабриста Кривцова.— *Ю. К.*) так, чтобы сквозь них стало видно движение общественно-психологических сил», характеризовались В. И. Семевским «как чрезмерные и неоправданные претензии»²⁷. В. И. Семевский напоминал, что другая идея веховца М. О. Гершензона — о розни между народом и интеллигенцией — «во многих возбудила негодование»²⁸. Рецензируя книгу С. Д. Толя «Масонское действие», В. И. Семевский высмеял попытки эпигонов дворянской историографии представить декабристов и все последующее революционное движение как исключительно «порождение масонства»²⁹.

В рецензии на четвертый том «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского В. И. Семевский повторил высказанную еще в 1909 г.³⁰ критику классового критерия в оценке декабризма. Вся рецензия В. И. Семевского объективно направлена против важнейшего положения исторического материализма — о классовой основе общественного движения. Как и другие народники, В. И. Семевский считал «экономический материализм» составной частью марксизма, обвинял всех марксистских авторов в стремлении «объяснять все исторические явления одними условиями производства»³¹. Критикуя попытки М. Н. Покровского объяснить декабристское движение подъемом цен на хлеб, В. И. Семевский видел в этом не ошибочные положения М. Н. Покровского, а естественное следствие «классовой точки зрения». В действительности, последовательные марксисты никогда не сводили все исторические явления к одним «условиям производства».

В рецензии В. И. Семевского справедливо отмечалась необос-

²⁶ С. Я. Штрайх. Пасквиль на декабриста.— ГМ, 1914, № 6, стр. 310—316 (автор рецензируемой книги — Н. А. Гастфрейд упрекал И. И. Пущина в том, что «каторга не исправила его».— Н. А. Гастфрейдн. Иван Иванович Пущин. СПб., 1913).

²⁷ ГМ, 1914, № 6, стр. 295.

²⁸ Там же, стр. 296. Сокрушительную критику веховского тезиса о розни между народом и интеллигенцией дал В. И. Ленин. В работе «О „Вехах“» (1909 г.) он отметил, что «словечки, вроде „народопоклонничество“, так и кишат в „Вехах“. Это не удивительно, ибо либеральной буржуазии, испугавшейся народа, ничего не остается, как кричать о „народопоклонничестве“ демократов. ... в данное время либеральной буржуазии в России страшно и ненавистно... то, что есть общего у народничества и марксизма, их защита демократии путем обращения к массам» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 172).

²⁹ ГМ, 1914, № 7, стр. 291—294.

³⁰ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 623.

³¹ ГМ, 1913, № 7, стр. 251.

нованность отдельных положений М. Н. Покровского: недооценка им «Русской Правды» П. И. Пестеля как программного документа, трактовка восстания 14 декабря 1825 г. как сходного с дворцовыми переворотами XVIII в.³² В то же время В. И. Семевский считал М. Н. Покровского талантливым историком³³. Именно В. И. Семевскому принадлежит инициатива привлечения М. Н. Покровского к участию в журнале. Соглашаясь на сотрудничество, М. Н. Покровский в ответном письме писал, что задача «дать популярный исторический журнал прогрессивного направления... как нельзя более своевременна»³⁴. Получив письмо М. Н. Покровского, В. И. Семевский писал С. П. Мельгунову: «Только что получил очень любезное согласие М. Н. Покровского сотрудничать в нашем журнале... считаю его (при всем различии наших взглядов) одним из самых талантливых наших историков»³⁵.

В 1918—1923 гг. количество публикаций по истории общественной мысли и революционного движения в России в первой четверти XIX в. заметно снизилось. Журнал поместил довольно бледные «Дневник и письма» Е. А. Шаховской, подготовленные к печати М. А. Цявловским³⁶, и сообщение В. Н. Перцева «Генц о декабристах», содержавшее крайне отрицательную оценку движения австрийским реакционным деятелем, сотрудником Меттерниха³⁷.

Значительное количество статей и публикаций было посвящено истории общественной мысли и революционного движения в России в 30—40-х годах XIX в. Журнал критиковал попытку Ю. И. Айхенвальда представить В. Г. Белинского «Виссароном-отступником», «Пер Гюнтом русской критики», вся литературная деятельность которого была «беспредметным кипением»³⁸. Айхенвальд — один из адептов «чистого искусства» — обвинял Белинского в том, что он «изменил искусству» и расчистил дорогу публицистической критике³⁹. Критикуя попытки отрицать общественное значение идейного наследия Белинского, П. Н. Сакулин писал, что «история русской литературы и общественности немислима без Белинского. Попробуйте выкинуть Белинского из

³² ГМ, 1913, № 7, стр. 253.

³³ На это обстоятельство справедливо обратил внимание Е. А. Луцкий (*Е. А. Луцкий. Развитие исторической концепции М. Н. Покровского. — «История и историки. Историография истории СССР»*. М., 1965, стр. 351).

³⁴ Архив АН СССР, ф. 849, оп. 3, д. 569, л. 1 (Письмо М. Н. Покровского В. И. Семевскому от 2 ноября (20 октября) 1912 г.).

³⁵ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. 1, лл. 96, 96 об. (Письмо В. И. Семевского С. П. Мельгунову от 24 октября 1912 г.).

³⁶ *Е. А. Шаховская. Дневник и письма 1826—1827 гг.* — ГМ, 1920—1921, без №, стр. 98—118.

³⁷ ГМ, 1918, № 4—6, стр. 248.

³⁸ *П. Н. Сакулин. Психология Белинского.* — ГМ, 1914, № 4, стр. 85—121; *Ю. И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей*, вып. 3. М., 1913.

³⁹ Там же, стр. 6.

истории нашей жизни 30—40-х годов, и вся эта славная эпоха в значительной степени утратит свою яркую выразительность и идейную полноту»⁴⁰.

В статьях и сообщениях, опубликованных к столетию со дня рождения Т. Н. Грановского, содержались некоторые ценные материалы о взглядах и деятельности историка⁴¹. Однако среди других работ, посвященных эпохе 40-х годов XIX в., наибольшую ценность представляют статьи В. И. Семевского о петрашевцах — часть монографии, лишь выборочно напечатанной уже после смерти автора⁴². Всего в журнале «Голос минувшего» в 1913 и 1915—1917 гг. было помещено пять больших статей В. И. Семевского о петрашевцах в 19 номерах журнала⁴³.

В. И. Семевский выступил в журнале со статьями о петрашевцах в то время, когда в русской буржуазной и мелкобуржуазной историографии петрашевцы рассматривались либо только как «русские фурьеристы», либо как «случайное» явление в истории русского общественного движения. К. А. Пажитнов рассматривал «пятницы» М. В. Петрашевского как «невинного характера разговоры», из которых министерство внутренних дел «раздуло политический заговор»⁴⁴. «Трагическим недоразумением» считал следствие по делу петрашевцев и В. В. Святловский, сводивший всю их деятельность к попыткам «фурьеризировать Россию»⁴⁵. Аналогичными были оценки кружка В. Е. Чехихи-

⁴⁰ ГМ, 1914, № 4, стр. 121. В освещении взглядов и деятельности Белинского П. Н. Сакулин высказывал и ошибочные положения. В частности, он полагал, что «активная индивидуальность» Белинского «стремится выявлять себя на каждом шагу и все подчинять своему „я“» (там же, стр. 100).

⁴¹ Д. М. Щелкин. Материалы к биографии Т. Н. Грановского.— ГМ, 1913, № 4, стр. 229—236; М. Н. Ковалевский. Неизданные университетские курсы Т. Н. Грановского (по материалам студенческих записей лекций).— Там же, № 9, стр. 201—233.

⁴² Подробнее о замысле монографии см. написанное В. В. Водовозовым предисловие к кн.: В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. 1. М., 1922. Статьи о петрашевцах, опубликованные В. И. Семевским в 1913—1917 гг. в других журналах, в настоящей статье не рассматриваются.

⁴³ См. В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский.— ГМ, 1913, № 1, стр. 20—50; № 2, стр. 119—142; № 3, стр. 64—79; № 4, стр. 94—123; № 6, стр. 37—68; № 8, стр. 51—68; № 11, стр. 66—94; № 12, стр. 78—116; *он же*. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.— ГМ, 1915, № 1, стр. 66—87; № 3, стр. 18—57; № 5, стр. 43—84; *он же*. Петрашевцы. Кружок Н. С. Кашкина.— Там же. № 11, стр. 5—43; № 12, стр. 35—76; 1916, № 2, стр. 41—61; № 3, стр. 48—68; № 4, стр. 174—192; *он же*. Петрашевцы. Студент Толстов, Г. П. Данилевский, мещанин Шапошников, литератор Катенев и Б. И. Утин.— ГМ, 1916, № 5, стр. 5—28; № 12, стр. 97—118; *он же*. Пропаганда петрашевцев в высших учебных заведениях.— ГМ, 1917, № 2, стр. 130—169.

⁴⁴ К. А. Пажитнов. Развитие социалистических идей в России, т. 1. Харьков, 1913, стр. 19.

⁴⁵ В. В. Святловский. К истории русской идеологии.— «Народное хозяйство», кн. III. СПб., 1904.

ным, А. А. Корниловым, М. Соколовским, авторами «Русского богатства» 1910-х годов⁴⁶.

Как и все другие работы В. И. Семевского, его статьи о петрашевцах основаны на богатом фактическом материале. Историк в течение длительного времени изучал литературное наследие петрашевцев, их переписку, следственные дела, отзывы современников. Частично эти материалы были использованы В. И. Семевским в работах о петрашевцах, написанных в 1880—1900-х годах⁴⁷, но многие впервые увидели свет в статьях в журнале «Голос минувшего» в 1913—1917 гг. Как правило, документы, принадлежавшие В. И. Семевскому или предоставленные ему на длительный срок (письма, дневники, неопубликованные воспоминания), приводились в тексте статей полностью или в пространственных выдержках.

В изложении В. И. Семевского можно отчетливо различить три типа петрашевцев: пропагандистов-республиканцев (М. В. Петрашевский, А. В. Ханыков), группу «умеренных» (Ф. М. Достоевский, Н. А. Беклемишев) и наиболее «радикальных» (Н. А. Спешнев, Н. А. Момбелли). Во взглядах большинства петрашевцев В. И. Семевский подчеркивал сознание необходимости пропаганды в народе⁴⁸. В. И. Семевский отметил влияние А. В. Ханыкова на формирование взглядов Н. Г. Чернышевского, ставшего вскоре в России «партизаном социалистов и крайних республиканцев»⁴⁹.

В выделении пропаганды петрашевцами фюреризма как главного проявления их революционной практики — несомненная заслуга В. И. Семевского. Вместе с тем в оценке им революционеров 40-х годов XIX в. сказались и народнические заблуждения: преувеличение элементов «общинного социализма» во взглядах петрашевцев, попытка представить их как выразителей прогрессивных тенденций всего общества и предшественников буржуазных реформ, опасение «радикальных» планов Н. А. Спешнева и Н. А. Момбелли⁵⁰.

Несколько других публикаций о петрашевцах, опубликован-

⁴⁶ Ср. В. Е. Чешихин, Д. Д. Ахшарумов.— «Вестник Европы», 1910, № 5; А. А. Корнилов. Курс истории России XIX века, ч. II. М., 1912, стр. 104—109; М. Соколовский. Дело петрашевцев как эпизод в истории общественного движения в России.— «Русская старина», 1905, № 11; Н. С. Руханов. Из идейной истории русского социализма.— «Русское богатство», 1909, № 1—2.

Краткий обзор историографии петрашевцев см. в кн.: И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй половине XIX века. М., 1958, стр. 382—390.

⁴⁷ Список работ В. И. Семевского см.: ГМ, 1916, № 10, стр. CLI—CLV; И. А. Федосов. Указ. соч., стр. 385—386.

⁴⁸ ГМ, 1916, № 11, стр. 17, 28.

⁴⁹ ГМ, 1917, № 2, стр. 164, 167, 169.

⁵⁰ ГМ, 1915, № 12, стр. 75.

ных журналом в 1913—1917 гг.⁵¹, представляли известный интерес, но, за исключением статьи Ю. Г. Оксмана, по своему научному значению не могут идти в сравнение со статьями В. И. Семевского. Оксман в небольшой статье привел ряд ценных сведений об отношении цензуры к петрашевцам⁵².

Статья В. И. Семевского «Кирилло-Мефодиевское общество»⁵³ была напечатана еще в 1911 г. в «Русском богатстве», причем 3-й и 4-й разделы ее были исключены цензурой, но уже после выхода части тиража в свет⁵⁴. В журнале «Голос минувшего» статья была опубликована вторично, а в 1918 г. издана отдельной брошюрой.

В. И. Семевский принадлежал к числу тех исследователей, которые считали Т. Г. Шевченко членом Кирилло-Мефодиевского общества, оказавшим революционизирующее влияние на его участников. Взгляды Т. Г. Шевченко противопоставлялись «евангельской елейности» друзей П. А. Кулиша, также позиции Н. И. Костомарова: «...не историк влек поэта к более радикальным взглядам, а наоборот»⁵⁵. Публикация статьи имела научное значение, хотя ее источниковедческая база к тому времени была известна по биографическим статьям В. И. Семевского в Энциклопедическом словаре бр. Гранат.

Несколько своеобразное положение занимала в журнале статья А. А. Шилова «Революция 1848 г. и ожидание ее в России»⁵⁶. Привлекая ряд неопубликованных материалов из архива III Отделения, автор пытался выяснить соответствие донесений агентов действительному состоянию общественной жизни России. Выделив при этом главным образом настроение дворянства, Шилов писал, что «русскому правительству пока не было причин опасаться за свое существование»⁵⁷, что император Николай I и А. И. Орлов были правы, когда находили «славу богу, все смиренным». Автор не рассматривал вовсе деятельность А. И. Герцена, не упоминал о настроении народных масс в 1848 г. И все же статья Шилова выделялась среди других. В ней отчетливо проводился классовый принцип в оценке правительственной поли-

⁵¹ В. В. Каллаш. Заметки о Гоголе. Гоголь о петрашевцах.— ГМ, 1913, № 9, стр. 234; он же. Аполлон Григорьев о Петрашевском.— ГМ, 1914, № 2, стр. 199; И. А. Шляпкин. Письмо М. В. Буташевича-Петрашевского Н. С. Кириллову.— ГМ, 1917, № 8, стр. 187.

⁵² Ю. Г. Оксман. Меры николаевской цензуры против фюрьеризма и коммунизма.— ГМ, 1917, № 5-6, стр. 69—72.

⁵³ ГМ, 1918, № 10-12, стр. 101—158.

⁵⁴ Подробнее см.: Ю. М. Критский. В. И. Семевский и цензура.— «История СССР», 1970, № 3, стр. 106.

⁵⁵ ГМ, 1918, № 10-12, стр. 108, 119—120. Подробнее о В. И. Семевском как историке кирилло-мефодиевцев см.: П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1958.

⁵⁶ ГМ, 1918, № 4-6, стр. 231—247.

⁵⁷ Там же, стр. 234—235.

тики, хотя и с точки зрения господствующего класса⁵⁸. Ценным в статье Шилова была попытка связать слухи о предстоящем освобождении крестьян с интересами различных групп дворянства⁵⁹.

Значительное место в журнале уделялось эпохе 50—60-х годов XIX в. Среди впервые опубликованных материалов было несколько писем А. И. Герцена и Н. П. Огарева, письмо А. Н. Плещеева к Н. А. Добролюбову⁶⁰, документы о Н. В. Шелгунове⁶¹, воспоминания Э. И. Берви⁶², Г. З. и Е. П. Елисеевых⁶³. В статье В. И. Семевского о М. В. Буташевиче-Петрашевском отмечалось влияние декабристов на формирование А. И. Герцена-революционера⁶⁴. Из других работ, в которых давалась высокая оценка революционных взглядов А. И. Герцена, выделялся обзор журнальных статей и публикаций, написанный Н. Л. Бродским. Автор обзора отметил, что «социалист и огненный трибун А. И. Герцен и спокойный, джентльменски сдержанный конституционалист И. С. Тургенев» слишком различно смотрели на исторические пути развития России. Когда же И. С. Тургенев, оправдывая реакционную политику царизма в Польше, стал сотрудничать с консерваторами (М. Н. Катковым и Б. Н. Чичериним), между А. И. Герценом и И. С. Тургеневым произошел окончательный разрыв⁶⁵. Журнал критиковал попытки представить И. С. Тургенева патриотом и приписать А. И. Герцену «отсутствие патриотизма в польском вопросе»⁶⁶.

В 1916 г. вышла в свет книга Н. Котляревского, посвященная характеристике общественной мысли накануне отмены крепостного права⁶⁷. В советской историографии справедливо отмечалось, что в этой книге получила дальнейшее развитие либеральная — «пынинская» — традиция в истории русской общественной мысли⁶⁸.

Против попыток Н. Котляревского осудить А. И. Герцена за разрыв с либералами была направлена рецензия М. М. Клевен-

⁵⁸ ГМ, 1918, № 4-6, стр. 235.

⁵⁹ Там же, стр. 238, 240—245.

⁶⁰ Н. Л. Бродский. Из истории русской литературы. Письмо Плещеева Н. А. Добролюбову.— ГМ, 1913, № 2, стр. 275.

⁶¹ Н-н. М. Л. Н. В. Шелгунов в Калуге (по неизданным документам).— ГМ, 1915, № 11, стр. 240—273; В. Н. П. Дело Н. В. Шелгунова.— Там же, № 6, стр. 229—237.

⁶² Э. И. Берви. Из моих воспоминаний (1860-е гг.).— Там же, № 5—9.

⁶³ В. В. Евгеньев. Некрасов и Елисеев в деле воссоздания «Отечественных записок» Краевского (по неизданным воспоминаниям Г. З. и Е. П. Елисеевых).

⁶⁴ ГМ, 1913, № 1, стр. 20—21, 32—33.

⁶⁵ Там же, № 12, стр. 266—287.

⁶⁶ Л. С. Козловский. Герцен и профессор Ив. Иванов (по поводу книги проф. И. Иванова «И. С. Тургенев»).— ГМ, 1913, № 11, стр. 274—276.

⁶⁷ Н. Котляревский. Канун освобождения. 1855—1861 гг. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. М., 1916.

⁶⁸ Н. Г. Сладкович. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. Л., 1962, стр. 4.

ского. Отметив, что «симпатии» Н. Котляревского в споре между А. И. Герценом и Б. Н. Чичериным «явно склоняются на сторону Чичерина»⁶⁹, Клевенский подчеркнул, что «умеренный либерализм» Б. Н. Чичерина нельзя считать протестом, что «колоссальная фигура» А. И. Герцена не укладывается в рамки «мирного либерализма». В рецензии отмечалась и несостоятельность попыток принизить художественные достоинства и общественное значение произведений Н. А. Добролюбова⁷⁰. Публикацию материалов об А. И. Герцене журнал продолжал и в 1918—1919 гг.⁷¹

В рецензии на книгу дворянского историка М. В. Ключкова о процессе Н. Г. Чернышевского рецензент (С. Г. Сватиков) писал, что М. В. Ключков «тщательно замолчал все, что клонится к оправданию Чернышевского, наоборот, все, что высказывает Сенат... вызывает внимание и доверие автора. Местами он третирует Чернышевского как какого-нибудь мелкого преступника...»⁷² Высказанному М. В. Ключковым положению о соблюдении в суде над Чернышевским всех юридических норм и о законности приговора С. Г. Сватиков противопоставил определение М. К. Лемке: «Это был процесс подкупа, насилия и профанирования всякого понятия законности»⁷³.

Чувством искренней любви к творчеству поэта-шестидесятника М. И. Михайлова была проникнута статья В. В. Мияковского. Правда, в ней сказалось влияние учения о «филиации идей»: М. И. Михайлов показан последовательно воспринимающим влияние Н. В. Шелгунова, а затем революционной эмиграции в Париже и Лондоне. Самостоятельность же М. И. Михайлова в изложении В. В. Мияковского проявлялась главным образом в его литературной деятельности. Заслугу М. И. Михайлова и Н. В. Шелгунова автор статьи видел в пропаганде ими в России демократических идей А. И. Герцена, усвоенных не только через его произведения, но и во время недолгого знакомства в Лондоне⁷⁴.

В целом, освещение журналом эпохи 50—60-х годов XIX в. было более сложным и менее однородным, чем оценка предшествующих периодов в развитии русской общественной мысли и революционного движения в России. Если В. И. Семевский характеризовал А. И. Герцена как воспреемника традиций декабристов, то К. Н. Левин пытался вовсе отрицать революционный

⁶⁹ ГМ, 1916, № 11, стр. 233.

⁷⁰ Там же, стр. 234—235.

⁷¹ Л. Ильинский. Герцен и III Отделение.— ГМ, 1918, № 7—9, стр. 79—98; М. Клевенский. К биографии Герцена и Огарева.— ГМ, 1919, № 1—4, стр. 61—80.

⁷² С. Г. Сватиков. М. В. Ключков и его апология роли Сената в деле Чернышевского.— ГМ, 1914, № 2, стр. 236. Ср. М. В. Ключков. Процесс Н. Г. Чернышевского.— «Исторический вестник», 1913, № 9—10.

⁷³ ГМ, 1914, № 2, стр. 232.

⁷⁴ В. В. Мияковский. М. И. Михайлов.— ГМ, 1915, № 9, стр. 31.

характер взглядов А. И. Герцена на основании его обращения к Александру II ⁷⁵. Другая работа К. Н. Левина об А. И. Герцене не была принята в журнал по настоянию В. И. Семевского ⁷⁶. В статье Е. А. Ляцкого недооценивалось общественное значение магистерской диссертации Н. Г. Чернышевского ⁷⁷, в либеральных тонах была выдержана заметка о нем Л. Ф. Пантелеева ⁷⁸. Документов о жизни и деятельности Чернышевского публиковалось мало ⁷⁹.

Журнал предоставил трибуну буржуазно-либеральному историку кадету А. А. Кизеветтеру. В одной из своих статей он расценивал земскую реформу 1864 г. как «известный равнодействующий итог сложной борьбы противоположных тенденций». По мнению А. А. Кизеветтера, если бы правительство не ограничило свободы земства, а само земство избежало бы «налетов старины» в своей деятельности, оно могло бы способствовать созданию «свободной и независимой России» ⁸⁰. Статья Кизеветтера была пропущена мыслью о возможности постепенного преобразования России с помощью буржуазных реформ.

Отметив в одной из статей, что К. Д. Кавелин в начале 60-х годов XIX в. «был не всегда на высоте положения» ⁸¹ и мог подписать адрес М. И. Муравьеву, В. И. Семевский не столько осуждал поворот Кавелина от либерализма к защите реакции, сколько сожалел о «пятне на памяти» Кавелина. И это несмотря на то, что В. И. Семевскому было известно «более резкое» отношение Кавелина к революции в изданной им анонимной брошюре «Дворянство и освобождение крестьян», которую В. И. Семевский считал причиной разрыва между К. Д. Кавелиным и А. И. Герценом ⁸². В изложении В. И. Семевского опущен страх либералов перед растущим движением народных масс, а эволюция взглядов Кавелина в сторону реакции объяснялась влиянием гр. А. Д. Блудовой и братьев Н. А. и Д. А. Милютиных ⁸³.

⁷⁵ К. Н. Левин. Два эпизода из жизни А. И. Герцена.— ГМ, 1913, № 4, стр. 85—93.

⁷⁶ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. V, л. 39 (Письмо В. И. Семевского С. П. Мельгунову от 23 января 1915 г.).

⁷⁷ Е. А. Ляцкий. Н. Г. Чернышевский и его диссертация об искусстве.— ГМ, 1916, № 1, стр. 5—34.

⁷⁸ Л. Ф. Пантелеев. Памяти Н. Г. Чернышевского.— ГМ, 1915, № 1, стр. 192—202.

⁷⁹ Ср. К. Виноградов. Н. Г. Чернышевский в Астрахани.— ГМ, 1917, № 7-8, стр. 193—197.

⁸⁰ А. А. Кизеветтер. Борьба за земство при его возникновении.— ГМ, 1914, № 4, стр. 84.

⁸¹ В. И. Семевский. Адрес М. И. Муравьеву 6 ноября 1863 г. и взгляды К. Д. Кавелина на польский вопрос.— Там же, № 7, стр. 106.

⁸² Там же, стр. 101—102.

⁸³ Там же, стр. 96.

Среди материалов и исследований по истории революционного движения 60-х годов XIX в. значительный интерес представляли статьи А. А. Шилова и В. Алексеева. А. А. Шилов детально анализировал написанную Д. В. Каракозовым прокламацию «Друзьям-рабочим» и ставил вопрос о характере революционной практики иштутинского кружка, в который входил и Д. В. Каракозов⁸⁴. В. Алексеев одним из первых в послеоктябрьской исторической литературе обратился к изучению деятельности студенческого кружка П. З. Аргиропуло и П. Г. Заичневского. В статье отмечался разнотипный характер кружка⁸⁵, подчеркивалось влияние сочинений А. И. Герцена, подробно рассматривалась издательская деятельность кружка. Алексеев связывал с кружком П. З. Аргиропуло — П. Г. Заичневского и прокламацию «Молодая Россия», и начало пропаганды в народе⁸⁶. Статья Алексеева, на наш взгляд, частично сохранила свое научное значение и до настоящего времени.

В большой публикации В. В. Евгеньева-Максимова и кратком сообщении Б. Д. Федорова содержались ценные сведения о цензуре сочинений Д. И. Писарева, о его участии в «Русском слове», об аресте Ф. Ф. Павленкова — издателя сочинений Д. И. Писарева, о высылке из Петербурга друзей и родственников писателя-демократа⁸⁷.

Как и материалы других разделов, публикации, посвященные истории общественной мысли и революционного движения в России накануне и в первые годы после отмены крепостного права, были неоднородны по своей общественной значимости и научной ценности. Журнал поместил ценные сообщения о «Казанском заговоре» (1863 г.), публикацию неизвестных сведений о настроении московского студенчества в конце 50-х годов XIX в., интересные (хотя и в ряде случаев сомнительные в своей фактической основе) воспоминания Л. П. Никифорова, К. К. Арсеньева, М. И. Венюкова⁸⁸. Однако наряду с этим на несколько номеров растягивались сентиментальные мемуары о бабушках и дедуш-

⁸⁴ А. А. Шилов. Из истории революционного движения 1860-х годов.— ГМ, 1918, № 10-12, стр. 158—168.

⁸⁵ В. Алексеев. Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского и его деятельность.— ГМ, 1922, № 1, стр. 102.

⁸⁶ Там же, стр. 119, 122.

⁸⁷ В. В. Евгеньев-Максимов. Д. И. Писарев и охранители.— ГМ, 1919, № 1-4, стр. 131—161; Б. Д. Федоров. После похорон Д. И. Писарева.— Там же, стр. 163—167.

⁸⁸ А. Ершов. Казанский заговор 1863 г.— ГМ, 1913, № 6—7; А. З. Попельницкий, И. М. Соловьев. Из общественных настроений московского студенчества в 1858 г.— ГМ, 1915, № 9, стр. 255—270; Л. П. Никифоров. Мои тюрьмы.— ГМ, 1914, № 5, стр. 168—201; К. К. Арсеньев. Из далеких воспоминаний (1861 г.).— ГМ, 1913, № 1, стр. 161—171; он же. Из воспоминаний (1860-е гг.).— ГМ, 1915, № 2, стр. 117—129. М. И. Венюков. В Польше (1863—1867).— Там же, № 11; 1916, № 1—3.

ках⁸⁹, слезливые писания Е. Н. Водовозовой⁹⁰, заметки украинского националиста⁹¹ и малоинтересные записки С. И. Сычугова⁹². Если подборка писем, сообщенных А. А. Кизеветтером, была явно тенденциозна⁹³, то помещение в историческом журнале писем С. В. Ковалевской или переписки Н. И. Пирогова с невестой⁹⁴ вызывало недоумение.

Было бы упрощением считать, что неоднородность в подборе материала, в подаче исторических событий была свойственна редакции только для освещения 60-х и последующих годов XIX в. Подобные несоответствия встречались в материалах и исследованиях, посвященных более ранним этапам русской общественной мысли и революционного движения. Если В. И. Семевский критиковал дворянскую историографию декабризма (С. Д. Толь), то С. П. Мельгунов дал восторженную оценку книге вел. кн. Николая Михайловича⁹⁵. Рядом со статьями В. И. Семевского о петрашевцах печатались под образным названием «Рыдающие души» заметки Е. Н. Опочинина о «помещичьей» поэзии 40-х годов XIX в.⁹⁶ По мере приближения хронологических рамок материалов к пореформенному периоду противоречия в освещении исторических событий возрастали. Основная причина этого заключалась в неспособности мелкобуржуазной (как и буржуазной) историографии объяснить современную историю; чем ближе к современности, тем сильнее оказывалась зависимость исторических построений от социально-политических взглядов авторов, сказывалось предпочтение, отдаваемое большей их частью реформе перед революцией.

Различие классовых, политических и методологических позиций авторов, участвовавших в журнале, отчетливо проявилось в освещении общественной мысли и революционного движения 40—

⁸⁹ В. М. Хижняков. Из рассказов бабушки (1840—1850-е годы).— ГМ, 1913, № 6—7; А. А. Пеликан. Дед мой, В. В. Пеликан (1790—1874).— ГМ, 1914, № 9, стр. 132—158; он же. Во второй половине XIX века.— Там же, № 2—3; 1915, № 1—4.

⁹⁰ Е. Н. Водовозова. Из давно прошедшего.— ГМ, 1915, № 10, стр. 148—157; она же. К свету (из жизни людей 60-х годов).— ГМ, 1916, № 4—8; она же. Житийские невзгоды.— ГМ, 1923, № 1, стр. 45—72.

⁹¹ С. Пеглюра. Драгоманов об украинском вопросе.— ГМ, 1913, № 9, стр. 299—304.

⁹² С. И. Сычугов. Нечто вроде автобиографии.— ГМ, 1916, № 1—3, 5—8.

⁹³ А. А. Кизеветтер. К истории крестьянской реформы 1861 г. (Из переписки деятелей реформы).— ГМ, 1915, № 2, стр. 217—233 (публикация писем А. Г. Шретра П. Н. Дубровину и В. В. Струве — В. Ю. Скалону и Д. А. Толстому).

⁹⁴ С. В. Ковалевская. Письма 1868 г.— ГМ, 1916, № 2—4; С. Я. Штрайх. Н. И. Пирогов о любви, призвании женщины-матери.— ГМ, 1915, № 5—6; Н. Мельников. По поводу писем Н. И. Пирогова к невесте.— Там же, № 12, стр. 204—207.

⁹⁵ Речь идет о книге «Император Александр I», СПб., 1912.— ГМ, 1913, № 1, стр. 242—247.

⁹⁶ ГМ, 1916, № 12, стр. 218—226.

80-х годов XIX в., особенно в оценке народничества. Этот период наиболее систематически освещался журналом в течение десяти лет, за которые отношение эпигонов народничества к революционным традициям семидесятников, к проблеме «народничество и марксизм» неоднократно менялось. Поэтому именно оценка 70—80-х годов XIX в. позволяет более полно и ярко проследить эволюцию историографических позиций журнала.

Журнал поместил ряд материалов и исследований о взглядах и деятельности виднейших идеологов народничества: М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского. Впервые были опубликованы некоторые из стихотворений и писем П. Л. Лаврова⁹⁷, уточнены отдельные факты его революционной биографии. Статьи и сообщения о Лаврове представили в журнал Е. А. Штакеншнейдер, Е. Е. Колосов, Г. А. Лопатин. Под редакцией П. Витязева были опубликованы воспоминания о Лаврове М. А. Антоновича, Г. А. Лопатина, М. П. Негрескул (дочери Лаврова)⁹⁸. Опубликование на страницах журнала воспоминаний бывшего бакуниста М. П. Сажина вызвало резкие возражения Г. А. Лопатина. Сажин подчеркивал во взглядах Лаврова «неустойчивость и несамостоятельность», «эластичность мысли», а вступление его в I Интернационал расценивал как «противоречивый поступок»⁹⁹. По мнению Сажина, Лавров не сознавал революционной и революционизирующей силы своих «Исторических писем»: «...бедный Петр Лаврович и не подозревал, что он наделал... какими глазами смотрят на него в России молодежь и правительство»¹⁰⁰.

Г. А. Лопатин связывал развитие взглядов Лаврова в эмиграции с влиянием марксизма. Последовательность и прочность восприятия Лавровым отдельных марксистских положений значительно преувеличивалась Лопатиным, но в то же время он подчеркнул, что отрицательное отношение Лаврова к бакунизму тесно связано с его взглядами на единство европейского револю-

⁹⁷ П. Л. Лавров. Стихотворения: «Путник». — ГМ, 1915, № 9, стр. 229—231; «Рождество Христово». — ГМ, 1916, № 7-8, стр. 140—142; «Отклики прошлого» (публикация А. М. Хирьякова). — ГМ, 1922, № 2, стр. 199—202 (ср. ГМ, 1923, № 1, стр. 20); *он же*. Воспоминания о С. М. Гинзбург. — ГМ, 1917, № 7-8, стр. 225—256; *он же*. Письма к Е. А. Штакеншнейдер и другим лицам. — ГМ, 1915, № 7-8, стр. 219—222; 1916, № 7-8, стр. 107—140; № 9, стр. 114—136.

⁹⁸ Е. А. Штакеншнейдер. П. Л. Лавров. — ГМ, 1915, № 7-8, стр. 96—109; *она же*. Из воспоминаний о П. Л. Лаврове. — Там же, № 12, стр. 121—139; Е. Колосов. П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский о балканских событиях 1875—1876 гг. — Там же, № 5-6, стр. 301—339; П. Витязев. П. Л. Лавров в воспоминаниях современников (М. А. Антоновича, Г. А. Лопатина, М. П. Негрескул). — Там же, № 9, стр. 131—145; № 10, стр. 112—148; Г. А. Лопатин. К рассказам о П. Л. Лаврове. — ГМ, 1916, № 4, стр. 193—204.

⁹⁹ ГМ, 1915, № 10, стр. 139—145.

¹⁰⁰ Там же, стр. 145.

ционного лагеря «Именно сочувствие Интернационалу,— писал Лопатин,— не позволяло ни одному разумному человеку сочувствовать Бакунину, вся деятельность которого... явно грозила распадением и гибелью Интернационала»¹⁰¹. Для Лопатина Лавров— убежденный революционер и пропагандист, непоколебимо верящий в революционное будущее России¹⁰². Таким образом, журнал опубликовал две не только различные, но и взаимоисключающие характеристики П. Л. Лаврова.

Говоря об освещении поздненародническими авторами деятельности Н. К. Михайловского, В. И. Ленин писал, что для них характерно стремление «выдать Михайловского за социалиста и доказать примиримость его буржуазной философии и социологии с марксизмом»¹⁰³. Отметив сочувствие угнетенному положению крестьян и энергичную борьбу «против всех и всяких проявлений крепостнического гнета» как заслугу Михайловского¹⁰⁴, В. И. Ленин в то же время подверг сокрушительной критике потогу народников 1910-х годов примирить социально-политические взгляды Михайловского с марксизмом.

Все сказанное В. И. Лениным об освещении деятельности Н. К. Михайловского народниками «Русского богатства» и «Верной мысли» справедливо и по отношению к статьям в «Голосе минувшего». Все они в той или иной мере были направлены против марксистской оценки народничества Михайловского. Н. С. Рusanов (К. Тарасов) еще при жизни Михайловского писал, что «марксисты были вынуждены обратиться к народничеству» под влиянием «насущных требований жизни»¹⁰⁵. Это положение Н. С. Рusanова было разбито Г. В. Плехановым в предисловии к книге А. Туна «История революционного движения в России»¹⁰⁶. Критике высказываний Рusanова о марксистах как последователях народников придавал исключительное значение и В. И. Ленин. В декабре 1902 г. он трижды напоминает Г. В. Плеханову: «Отчего Вы молчите... о фельетоне о Тарасове?»; «А. Тарасову разве не будете отвечать?... Пожалуйста, не бросайте своего намерения. Ему обязательно дать хороший урок»; «Вы ничего не отвечаете... насчет статьи о Тарасове...»¹⁰⁷. В феврале 1903 г. В. И. Ленин писал Г. В. Плеханову: «Очень рад, что Вы... в предисловии к Туну разделяете Тарасова...»¹⁰⁸.

На страницах «Голоса минувшего» Н. С. Рusanов в 1914 г.

¹⁰¹ ГМ, 1916, № 4, стр. 198—199.

¹⁰² Там же, стр. 202—204.

¹⁰³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 333.

¹⁰⁴ Там же, стр. 333—334.

¹⁰⁵ К. Тарасов (Н. С. Рusanов). Эволюция русской социалистической мысли.— «Вестник русской революции», 1902, № 3.

¹⁰⁶ См. Г. В. Плеханов. Предисловие (март 1903 г.).— А. Тун. История революционных движений в России. Пг., 1920, стр. 55.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 234, 241, 244.

¹⁰⁸ Там же, стр. 267.

повторил свои прежние высказывания о том, что «жизнь исправила марксистские преувеличения по Михайловскому»¹⁰⁹. Новым в этой статье была запоздавшая попытка народничества, отказавшегося от общинного социализма, апеллировать к крестьянству. Через три года одну из таких попыток Н. С. Рusanова (редактора «Дела Народа») В. И. Ленин назовет революционно-демократической фразой — «для одурачения деревенских Иванушек»¹¹⁰.

Статьям Е. Е. Колосова свойствен в общем несколько иной тон по отношению к марксистам. По мнению Е. Е. Колосова, Михайловский вынужден был «постоянно скрывать свои истинные симпатии», не считал возможным «говорить прямо от лица тех интересов, которые он представлял»¹¹¹. Этими мотивами объяснял Е. Е. Колосов и высказывание Михайловского в письме П. Л. Лаврову: «Я не так боюсь реакции, как революции»¹¹². В действительности, на этом высказывании Н. К. Михайловского соображения «дипломатического» или «подцензурного» характера не отразились. Научный анализ контекста письма Михайловского Лаврову, проведенный советским исследователем М. Г. Седовым, подтверждает, что упомянутое высказывание следует рассматривать не как выражение защиты существующих порядков, а как опасение буржуазной революции или стихийных бунтов, которые при отсутствии социалистической партии в России могут оказать вредное влияние¹¹³. Работы Е. Е. Колосова выделяются среди других статей о Михайловском и своим исследовательским характером: в них приведен ряд данных о творчестве Н. К. Михайловского-писателя, в частности выявлены некоторые прототипы романа «Карьера Оладушкина»¹¹⁴.

Из материалов о М. А. Бакуине, помещенных в журнале в 1913—1917 гг., наибольший интерес представляли богато документированная статья Ю. М. Стеклова «Последние годы жизни М. А. Бакунина»¹¹⁵ и публикация Л. Ильинского¹¹⁶.

Журнал не помещал специальных исследовательских работ, посвященных возникновению народнических организаций. Однако на страницах отдела рецензий получила отражение полемика между Г. В. Плехановым и Н. В. Чайковским о книге В. Я. Яков-

¹⁰⁹ Н. С. Рusanов. Н. К. Михайловский и общественная жизнь России.— ГМ, 1914, № 4, стр. 25.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 47.

¹¹¹ Е. Е. Колосов. Бакунин и Михайловский в старом народничестве.— ГМ, 1913, № 5, стр. 62.

¹¹² Там же, стр. 73.

¹¹³ М. Г. Седов. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского.— «Общественное движение в пореформенной России». М., 1965, стр. 203—204.

¹¹⁴ ГМ, 1914, № 2, стр. 213—230; № 3, стр. 247—267.

¹¹⁵ Там же, № 5, стр. 33—32.

¹¹⁶ Л. Ильинский. Новые материалы о М. А. Бакуине.— ГМ, 1913, № 5, стр. 61—89; № 6, стр. 69—105.

лева-Богучарского «Активное народничество 70-х годов». Чайковский обвинял Яковлева-Богучарского в недооценке бакунистского влияния в народничестве и отношении автора книги к анархизму объявлял равнозначным марксистскому¹¹⁷. Г. В. Плеханов, высмеивая попытки Чайковского представить Богучарского «эволюционировавшим к марксизму», в то же время считал идейные истоки народничества во многом общими со славянофильскими¹¹⁸. В примечании к письму Г. В. Плеханова редакция журнала заявляла о своем несогласии с поисками идейных истоков народничества 70-х годов «в славянофильстве»¹¹⁹.

Журнал широко развернул публикацию воспоминаний народников-семидесятников¹²⁰. Однако рядом с ними публиковались и мемуары либерального наблюдателя Г. А. Де-Воллана, и слащавая заметка С. А. Мусина-Пушкина об А. И. Желябове, в которой выхолащивалось революционное содержание взглядов героя «Народной воли»¹²¹. Очень слабыми были заметки М. В. Новорусского об узницах Шлиссельбурга.

Публикация на страницах «Голоса минувшего» воспоминаний семидесятников вызвала нападки цензуры и реакционной прессы. Главное управление по делам печати требовало ареста номера журнала, в котором были напечатаны воспоминания Н. А. Морозова, а черносотенная «Земщина» третировала автора как «политического преступника и цареубийцу»¹²². Консервативный пасквиль на «Голос минувшего» по поводу публикации воспоминаний В. Берви (Н. Флеровского) поместил «Исторический вестник»¹²³.

¹¹⁷ Л. Ильинский. Новые материалы о М. А. Бакунине.— ГМ, 1913, № 6, стр. 251—252.

¹¹⁸ Г. В. Плеханов. Письмо в редакцию.— ГМ, 1913, № 9, стр. 306—308. В других работах Г. В. Плеханов пытался определить не только сходство, но и различие между народниками и славянофилами (см. Ш. М. Левин. Г. В. Плеханов как историк революционно-народнического движения.— «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР», вып. 5. М.—Л., 1963, стр. 275).

В. И. Ленин еще в 90-х годах XIX в. показал несостоятельность попыток вывести народничество из славянофильства, отметив, что «с такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться... сущность народничества лежит глубже» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 422).

¹¹⁹ ГМ, 1913, № 9, стр. 306, примечание 1. По-видимому, в примечание вкралась опечатка: «западников 70-х годов» вместо «народников 70-х годов».

¹²⁰ В числе народников-семидесятников, воспоминания которых публиковались в журнале, были М. Ю. Ашенбреннер, Л. Г. Дейч, Н. А. Морозов, М. Р. Попов, П. И. Торгашев, В. Н. Фигнер и ряд других (см. Систематический указатель к журналу.— ГМ, 1923, № 1, стр. 233—234).

¹²¹ Г. А. Де-Воллан. Очерки прошлого.— ГМ, 1914, № 2, 4; С. А. Мусин-Пушкин. А. И. Желябов.— ГМ, 1915, № 12, стр. 140—142; М. В. Новорусский. Женщины в Шлиссельбурге.— ГМ, 1922, № 2, стр. 157—164.

¹²² Подробнее см.: Ю. М. Критский. В. И. Семевский и цензура.— «История СССР», 1970, № 3, стр. 105—106.

¹²³ Е. Шумигорский. Новости истории (исторический Ставрогин и русская молодежь второй половины XIX в.).— «Исторический вестник», т. СХLIX, 1916 апрель, стр. 265.

Несмотря на оппозицию консервативной и реакционной печати и цензурные нападки, публикация воспоминаний семидесятников продолжалась. Многие из них отражали осмысливание революционным народничеством своего героического прошлого, выработку революционной теории и поиски революционной тактики. Участники народнического движения 70-х годов XIX в. по-разному подходили к оценке пропаганды и террора¹²⁴, к характеристике формирования народнической идеологии¹²⁵.

Журнал уделял значительное внимание истории народнической литературы. В нем была опубликована переписка Н. А. Некрасова с Г. И. Успенским¹²⁶, специальная статья П. Н. Сакулина о Н. Н. Златовратском. Отмечая различие между «старым» («барским») романтизмом и социальным романтизмом народников, Сакулин особенно отметил в творчестве Златовратского его наблюдения над «деорганизацией устоев русской деревни»¹²⁷. В то же время Сакулин преувеличивал влияние на Златовратского толстовской теории непротивленчества. В изложении Сакулина исчезало различие между «общинным социализмом» народников и «христианским социализмом» толстовцев¹²⁸.

¹²⁴ Ср. высказывания В. Н. Фигнер, Л. Г. Дейча и П. И. Торгашева о терроре и пропаганде: ГМ, 1916, № 12, стр. 33; 1919, № 5—12, стр. 206; 1914, № 2, стр. 165. Вопрос о значении террора как тактики «Народной воли» не решен окончательно и современными историками. Высказанное С. С. Волком положение о том, что тактика террора представляла «шаг назад» по сравнению с пропагандой, не разделяется большинством специалистов (см. С. С. Волк. «Народная Воля». М., 1966; Л. Н. Сенчакова. «Народная Воля» после 1 марта 1881 г.— «Преподавание истории в школе», 1965, № 6, стр. 19—31; М. Г. Седов. Героический период революционного народничества. М., 1965; В. А. Твардовская. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969). Нам представляются несостоятельными попытки С. С. Волка и С. Б. Михайловой обвинить других историков в «склонности к преувеличению целостности и зрелости народовольческой теории» (см. С. С. Волк, С. Б. Михайлова. Советская историография революционного народничества 70—80-х годов XIX в.— «Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России», ч. 1. Л., 1967, стр. 158).

¹²⁵ Л. Г. Дейч вовсе отрицал сколько-нибудь значительное влияние на формирование народничества не только Н. К. Михайловского, но и П. Л. Лаврова (см. Л. Г. Дейч. Почему я стал революционером.— ГМ, 1919, № 5—12, стр. 26). В. Н. Фигнер считала, что даже в начале 90-х годов в Цюрихе (после приезда П. Л. Лаврова) влияние взглядов М. А. Бакунина было сильнее (см. В. Н. Фигнер. Студенческие годы.— ГМ, 1922, № 2, стр. 173).

¹²⁶ «Письма Г. И. Успенского из архива В. А. Гольцева».— ГМ, 1913, № 11, стр. 236—253; Ч. Ветринский. М. Е. Салтыков и Г. И. Успенский.— ГМ, 1914, № 3, стр. 213—219; он же. Глеб Успенский в его переписке.— ГМ, 1915, № 1—8.

¹²⁷ П. Н. Сакулин. Народничество Н. Н. Златовратского.— ГМ, 1913, № 1, стр. 121, 125.

¹²⁸ Там же, стр. 119. К сожалению, точка зрения Сакулина разделяется и современным специалистом — С. Б. Михайловой, считающей, что Златовратский пришел «от связи с некрасовской поэзией и тургеневской про-

Из работ о Н. А. Некрасове имели научное значение статьи В. В. Евгеньева-Максимова¹²⁹, в то время — начинающего историка литературы, а впоследствии — крупнейшего исследователя творчества поэта-демократа.

Письма В. И. Семевского С. П. Мельгунову и воспоминания самого В. В. Евгеньева-Максимова позволяют заключить, что большая часть материалов о Н. А. Некрасове если не редактировалась, то во всяком случае предварительно просматривалась В. И. Семевским¹³⁰.

Широко рецензируя историческую литературу, журнал «Голос минувшего» в основных разделах давал сравнительно немного публикаций и исследований по истории и методологии исторической науки. Из материалов о жизни и деятельности историков, кроме уже упоминавшихся публикаций о Т. Н. Грановском, заслуживают внимания сообщения и публикации о В. О. Ключевском и Н. И. Костомарове¹³¹. Специальные выпуски журнала (№ 10 за 1916 г. и № 9—10 за 1917 г.) содержали воспоминания и документы о В. И. Семевском, а также его незаконченную автобиографию¹³².

Историографические статьи охватывали период только до начала XVIII в.¹³³ Исключение представляет статья И. А. Линниченко, посвященная столетию со дня выхода в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Отказ от классовой характеристики взглядов историка привел автора к тому, что в

зой к интересу к философской системе Толстого». Попытки Михайловой усмотреть во взаимоотношениях между Златовратским и Л. Н. Толстым проявление «сложных взаимных притяжений и отталкиваний двух направлений русского социализма» представляются нам бездоказательными (см. С. Б. Михайлова. Н. Златовратский и Л. Н. Толстой.— «Русская литература», 1969, № 4, стр. 136—138).

¹²⁹ См. В. В. Евгеньев-Максимов. Н. А. Некрасов и его отец.— ГМ, 1913, № 10, стр. 22—45; он же. Черты редакторской деятельности Н. А. Некрасова в связи с историей его журналов.— ГМ, 1916, № 9—11; он же. В руках у палачей слова.— ГМ, 1918, № 4-6, стр. 81—106.

¹³⁰ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. IV, л. 279 (Письмо В. И. Семевского С. П. Мельгунову от 23 октября 1915 г.); ср. В. В. Евгеньев-Максимов. В. И. Семевский как редактор.— «Биржевые ведомости», № 15633, 30 сентября 1916 г., стр. 2—3.

¹³¹ А. И. Артоболевский. К биографии В. О. Ключевского.— ГМ, 1913, № 5, стр. 158—173; В. О. Ключевский. Письма 1861—1863 гг.— Там же, стр. 226—235; А. В. Новицкий. Из жизни Н. И. Костомарова.— ГМ, 1916, № 2, стр. 257—259; он же. Профессорская деятельность Н. И. Костомарова.— ГМ, 1917, № 5—6, стр. 234—248; Н. И. Костомаров. Незданная глава из автобиографии.— Там же, стр. 249—266.

¹³² В. И. Семевский. Автобиографические наброски.— Там же, № 9-10, стр. 8—49.

¹³³ В. И. Пичета. Смута и ее отражение в трудах историков.— ГМ, 1913, № 2, стр. 5—39; М. С. Грушевский. Древняя Русь в новых курсах.— ГМ, 1915, № 9, стр. 304—313; А. С. Лаппо-Данилевский. Идея государственности и главнейшие моменты ее развития в России со времени смуты до эпохи преобразований.— ГМ, 1914, № 12, стр. 5—38.

его изложении игнорировалась эволюция взглядов Карамзина, обесценивалось верное положение о нем как о «представителе направления, основоположником которого был М.М. Щербатов». Считая, что Н. М. Карамзин как историк обязан был уделять больше внимания истории сословного представительства — земских соборов, И. А. Линниченко писал о «детской наивности» политических взглядов дворянского историка¹³⁴.

После свержения самодержавия в 1917 г. журнал получил возможность первоочередной публикации материалов по истории царской охраны¹³⁵. Одними из первых были опубликованы материалы «Священной дружины», послужившие источниковедческой базой для обстоятельной статьи М. А. Федоровой¹³⁶. Для своего времени эта статья была серьезным шагом вперед в изучении борьбы царизма с революцией; частично эта работа используется и современными исследователями¹³⁷.

Публикация журналом документов и исследований по истории революционного движения начала XX в. началась лишь после свержения самодержавия. В 1913—1916 гг. журнал в отделе рецензий выступил против «Исторического вестника», освещавшего с консервативно-охранительных позиций революционное движение 1905—1907 гг.¹³⁸.

Однако в основных разделах к 1913—1916 гг. не было ни одной публикации по истории рабочего движения и первой русской революции, хотя нашлось место для пространной статьи о городской буржуазии в тот период и для воспоминаний участников съезда земских деятелей в 1901 г.^{138а} Отчасти это объясняется цензурными условиями и отсутствием в 1913—1916 гг. доступа к архивным документам по истории революции 1905—1907 гг. Но была и другая причина, по которой журнал избегал публикации документов по истории России начала XX в.: стремление большинства членов редакции уйти от освещения современных событий. Еще в период организации журнала С. П. Мельгунов писал В. И. Семевскому: «Нехорошо, что весь материал вертится в

¹³⁴ И. А. Линниченко. Политические воззрения Н. М. Карамзина.— ГМ, 1917, № 1, стр. 126—131.

¹³⁵ С. П. Мельгунов был председателем созданной после Февральской революции «Комиссии по разбору политических дел» (см. *Н. Ростов. Архив В. И. Семевского.*— «Литературное наследство», 1939, № 7—8, стр. 419).

¹³⁶ М. А. Федорова. Московский отдел «Священной дружины».— ГМ, 1918, № 1—3, стр. 139—183.

¹³⁷ Л. Н. Сенчакова. «Священная дружина» и ее состав.— «Вестник МГУ», серия 9, История. М., 1967, вып. 2, стр. 84—91.

¹³⁸ См. М. М. Клевенский. Освободительное движение в освещении «Исторического вестника».— ГМ, 1914, № 5, стр. 241—250; см. также рецензию А. В. Флоровского на воспоминания А. Егорова «Страницы из пережитого» (Там же, стр. 282).

^{138а} К. В. Сивков. Городская буржуазия 10 лет назад.— ГМ, 1915, № 12, стр. 75—106; А. Д. Савельев. На заре освободительного движения (Воспоминания старого земца о съездах в Москве в 1901 г.).— ГМ, 1914, № 1.

ХІХ веке», а П. Н. Сакулин выражался еще более откровенно: «Нужно умереть, чтобы попасть на страницы истории»¹³⁹. Позиция самого Семевского по отношению к современной тематике, по-видимому, была сложнее, однако и он писал, что «исторический журнал не может скакать петушком за всеми современными событиями»¹⁴⁰. Даже в 1922 г. журнал подчеркивал, что «современник — не судья своего времени»¹⁴¹⁻¹⁴².

Между тем после свержения самодержавия и в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции изучение российского революционного движения вступает в такую стадию, когда привлечение новых материалов (главным образом по истории революционного и общественного движения в начале ХХ в.) стало не только возможным, но и неизбежным. Вопросы истории первой русской революции, политических партий в России в 1900—1910-х годах, последних дней самодержавия становятся объектом классовой борьбы в историографии. В течение почти шести лет (1917—1923 гг.) в этой борьбе участвовал и либерально-народнический «Голос минувшего». Именно в эти годы и прежде всего в освещении истории 1900—1917 гг., т. е. «минувшего» сравнительно недавно, особенно ярко проявился кризис народнической историографии и переход большинства правонароднических идеологов в лагерь открытых врагов Советской власти.

В дооктябрьский период журнал имел антимарксистский характер, а с 1917 г. занял откровенно враждебную позицию по отношению к Советской власти. В некрологе Г. В. Плеханова редакция подчеркивала его разногласия с большевизмом¹⁴³. Статья Н. Огановского изобиловала резкими и необоснованными высказываниями против В. И. Ленина и большевиков¹⁴⁴. Журнал раздувал роль эсеров в революции (в том числе и А. Ф. Керенского)¹⁴⁵, не останавливаясь и перед помещением пасквилей на социал-демократию¹⁴⁶.

В 1917—1923 гг. на титульном листе каждого номера журнала значилось: «Светлой памяти В. И. Семевского». Такое посвящение звучало как издевательство над памятью народнического историка. Журнал быстро утратил связь с лучшими традициями народнической историографии, выразителем которых В. И. Се-

¹³⁹ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1574, л. 51 (Письмо С. П. Мельгунова В. И. Семевскому, октябрь 1912 г.); ф. 444, оп. 1, д. 13, лл. 2-3 (Письмо П. Н. Сакулина В. И. Семевскому от 14 октября 1912 г.).

¹⁴⁰ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. III, лл. 307, 308 (Письмо В. И. Семевского С. П. Мельгунову от 26 июля 1914 г.).

¹⁴¹⁻¹⁴² Б. Д. Федоров. Голоса врагов и друзей (штрихи характеристики В. Н. Фигнер). — ГМ, 1922, № 2, стр. 151.

¹⁴³ ГМ, 1918, № 4-6, стр. 369.

¹⁴⁴ Там же, стр. 164.

¹⁴⁵ Там же, № 7-8, стр. 236.

¹⁴⁶ Там же, № 4-6, стр. 142.

мевский был до конца своей жизни. Прекратилось сотрудничество историков прогрессивного направления. Отошли от участия в журнале В. И. Пичета (при этом он печатно выступил против С. П. Мельгунова)¹⁴⁷, Е. В. Тарле, ученики В. И. Семевского — С. Н. Валк и И. И. Игнатович, историки-марксисты М. Н. Покровский, В. Д. Бонч-Бруевич. Прекратили сотрудничество в журнале Е. Е. Колосов и П. Е. Щеголев (последний стал редактором журнала «Былое»).

Изменилась и структура журнала. В дооктябрьский период отдел рецензий был одним из наиболее интересных и разнообразных по содержанию, хотя и наиболее пестрым по составу авторов. В своем стремлении представить журнал «внеклассовым и внесловным» редакция (в том числе и В. И. Семевский) поручала составление обзоров и рецензий историкам различных политических взглядов, выступавшим с разных классовых позиций. Именно этот отдел наиболее ярко запечатлел классовую борьбу в историографии. На его страницах публиковались народники, марксисты, кадеты¹⁴⁸. Большинство рецензий народнического направления было написано В. И. Семевским.

В 1917—1923 гг. отдел рецензий, как и все другие отделы журнала, выражает резко отрицательное отношение редакции и большинства авторов к последовательному марксизму; это отношение перерастает во враждебность к большевизму и Советской власти.

М. Н. Покровский не случайно упомянул о том, что В. И. Семевский, «будучи определенным антимарксистом, никогда не замалчивал марксистской литературы»¹⁴⁹. После смерти В. И. Семевского марксистская литература все чаще стала замалчиваться журналом. Редакция нашла место для рецензирования книг «жандармов-историков» — М. В. Рожанова и А. И. Спиридовича¹⁵⁰, но не обмолвилась ни единым словом об уже существовавших в то время марксистских работах Н. Н. Батурина или М. Н. Лядова по истории российской социал-демократии.

¹⁴⁷ Ю. В. Готье и В. И. Пичета. Письмо в редакцию.— ГМ, 1917, № 2, стр. 315.

¹⁴⁸ М. Н. Покровский. О значении эпохи Отечественной войны.— ГМ, 1913, № 1, стр. 257—264; А. А. Корнилов. По личному вопросу (по поводу заметки М. Н. Покровского в № 1).— Там же, № 3, стр. 248; «От редакции. Разъяснение по поводу поправок А. А. Корнилова к заметке М. Н. Покровского».— Там же, стр. 249; М. Н. Покровский. Новый труд по экономической истории России.— Там же, № 6, стр. 270—282; М. В. Довнар-Запольский. Ответ М. Н. Покровскому.— Там же, № 10; М. Н. Покровский. Письмо в редакцию (по поводу «Ответа» М. В. Довнар-Запольского).— Там же, № 12, стр. 305. Показательно, что С. П. Мельгунов решительно возражал против публикации рецензии М. Н. Покровского на книгу А. А. Корнилова, находя, что она вызовет «много нареканий» (см. ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1574а, л. 12. Письмо С. П. Мельгунова В. И. Семевскому от 5 февраля 1913 г.).

¹⁴⁹ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. 1. М.—Л., 1933, стр. 116.

¹⁵⁰ А. А. Сергеев. Жандармы-историки.— ГМ, 1917, № 6-7, стр. 364—380.

В дооктябрьский период журнал в целом отражал противоречия внутри редакции и коллектива авторов. С. П. Мельгунов неоднократно предлагал В. И. Семевскому «устранить полемические приемы» в переписке и идти «на компромисс с публикой»¹⁵¹. В. И. Семевский в ответном письме высказывал предположение, что «публика» сводится к окружающему С. П. Мельгунова «небольшому кружку»¹⁵². В этих словах народнического историка — известная недооценка «окружения» С. П. Мельгунова, состоявшего не только из «небольшого кружка» его близких и пайщиков журнала, но включавшего также и таких буржуазных историков, сотрудничавших в журнале, как А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер и ряд других. Они были по своим взглядам ближе к С. П. Мельгунову, чем к В. И. Семевскому. Вокруг же этого последнего, метко названного М. Н. Покровским «общим деканом всех историков, не принадлежащих ни к одному факультету»¹⁵³, объединялись его прежние ученики (И. И. Игнатович) и научная молодежь (В. И. Пичета, С. Н. Валк), специалисты по русской и даже всеобщей истории (Е. В. Тарле), отдельные марксисты (М. Н. Покровский) и большинство народников-семидесятников. К Семевскому обращались и демократически настроенные читатели — сибирские политические ссыльные: В. М. Крутовский и В. А. Ватин (В. Быстрианский), сельские учителя¹⁵⁴.

Переписка С. П. Мельгунова с В. И. Семевским показывает, как между двумя редакторами шла борьба за состав авторов, содержание и направленность отзывов и рецензий журнала¹⁵⁵. Эта борьба, как и противоречивое освещение журналом вопросов русской истории, отражала противоречия внутри мелкобуржуазной интеллигенции 10-х годов XX в. — противоречия, приведшие в 1917—1923 гг. к резкому поправению журнала.

Говоря о поправении журнала в первые годы Советской власти, следует учитывать, что черты кризиса мелкобуржуазной историографии проявлялись в журнале и в дооктябрьский период. Еще в 1913—1916 гг. в журнале встречались такие публикации, помещение которых следует объяснить погоней за сенсацией и развлекательностью. К их числу относятся опубликованные редакцией записки «Французский критик об Александре I»

¹⁵¹ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. I, л. 177об. (Письма С. П. Мельгунова В. И. Семевскому от 22 декабря 1912 г. и от 18 и 26 августа 1915 г.).

¹⁵² Там же, ч. V, гл. 6 (Письмо В. И. Семевского С. П. Мельгунову от 30 января 1916 г.).

¹⁵³ ГМ, 1916, № 10, стр. СХІІІ.

¹⁵⁴ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1567, л. 1 (Письмо В. М. Крутовского В. И. Семевскому от 6 августа 1914 г.); Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 160, л. 1 (Письма В. А. Ватина В. И. Семевскому, без даты); ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 959, л. 1 (Письмо И. Н. Мосякова (Мценск) В. И. Семевскому от 23 марта 1914 г.).

¹⁵⁵ См., например, письма В. И. Семевского С. П. Мельгунову от 13 и 23 ноября 1914 г., 6 и 23 января 1915 г., 24 февраля 1916 г. (ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1201, ч. III, л. 486об.; ч. IV, л. 458об.; ч. V, лл. 16, 39, 82об.).

Д. С. Мережковского¹⁵⁶, «Атмосферическое видение»¹⁵⁷, «Русское общество 1860-х годов по воспоминаниям французского инженера»¹⁵⁸, публикация С. П. Мельгунова «Выговор Аракчеева генерал-майору Воронову»¹⁵⁹, переводная заметка Г. Брандеса, опубликованная под «интригующим» названием — «Невинность самого прославленного в истории убийцы-садиста»¹⁶⁰. Едва ли можно считать оправданным помещение журналом перевода мемуаров маркиграфини Вильгельмины (с подзаголовком «Заглохшая княжеская резиденция XVIII века») ¹⁶¹. Неудачными были и нашедшие место на страницах журнала попытки исследования «отрицательных сторон народного быта» (например, в статье В. Соколова) ¹⁶².

Большинство материалов публиковалось на археографическом уровне 10-х годов XX в. Встречавшиеся в сообщениях или статьях несоответствия оговаривались в специальных примечаниях от редакции, в «письмах в редакцию», в специальных заметках. Однако имели место случаи, когда в журнал просачивались непроверенные данные. В 1914 г. В. М. Крутовский писал В. И. Семеновскому о воспоминаниях И. П. Белоконского, опубликованных в «Голосе минувшего», писал резко и откровенно: «Вы себе представить не можете, как он врет. Измышляет события, извращает другие, перевирает фамилии... география воспоминаний — голая фантазия...» ¹⁶³

В дооктябрьский период редакция предоставляла возможность Н. В. Чайковскому и А. А. Кизеветтеру выступать в рецензиях с откровенно антимарксистскими заявлениями на страницах журнала ¹⁶⁴.

В 1917—1923 гг. отдельные публикации и статьи журнала были подготовлены на более высоком научном уровне. Выше уже упоминалось о работах В. П. Алексеева, А. А. Шилова, М. А. Федоровой. Журнал поместил большой очерк В. Г. Короленко «Земли! Земли!», в котором автор резко выступал против народнических теорий. «Марксизм указывал совершенно справедливо,— писал В. Г. Короленко,— что Россия не может оставаться страной совершенно земледельческой... зародился и уже растет рабочий класс

¹⁵⁶ ГМ, 1913, № 10, стр. 328—329.

¹⁵⁷ ГМ, 1915, № 11, стр. 242—243.

¹⁵⁸ ГМ, 1914, № 4, стр. 266—267.

¹⁵⁹ ГМ, 1915, № 1, стр. 221.

¹⁶⁰ ГМ, 1914, № 2, стр. 97—103.

¹⁶¹ Там же, № 6, стр. 70—85.

¹⁶² В. Соколов. Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним.— ГМ, 1915, № 11, стр. 105—118.

¹⁶³ ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, д. 1567, л. 1 (Письмо В. М. Крутовского В. И. Семеновскому от 6 августа 1914 г.).

¹⁶⁴ Н. В. Чайковский. Рецензия на книгу В. Я. Яковлева-Богучарского «Активное народничество семидесятых годов». — ГМ, 1913, № 6, стр. 251—252; А. А. Кизеветтер. Новый труд Г. В. Плеханова по русской истории («История русской общественной мысли»). — ГМ, 1916, № 1, стр. 324—333.

со своими интересами... и в этом росте нельзя видеть только отрицательное явление, как на это смотрели народники»¹⁶⁵. Среди ценных публикаций по истории России начала XX в.— протоколы Петергофского совещания¹⁶⁶, ряд сведений о деятельности царской охранки и жандармерии¹⁶⁷. Для своего времени имели некоторое научное значение статья К. Н. Успенского «Очерк царствования Николая II» и написанные несколькими авторами воспоминания «Последний самодержец»¹⁶⁸. Журнал считал необходимым научное изучение последних дней российского самодержавия, не без основания замечая, что некоторые издания (главным образом о взаимоотношениях императорской четы и Распутина) написаны «скучно, серо и часто пошло»¹⁶⁹. В журнале были помещены и «Рассказы о Романовых в записи П. И. Бартенева»¹⁷⁰— далеко не лучшее из архивного наследия редактора «Русского архива».

Одним из проявлений кризиса мелкобуржуазной историографии было постепенное измельчание не только тематики исследования, но и самого научного «жанра». Эта особенность отчетливо проявилась и в «Голосе минувшего» 1917—1923 гг. Журнал все чаще публиковал мелкие заметки, отдельные высказывания и эпиграммы. Написанные по частным вопросам и не всегда известными авторами, они в определенной степени выражали отношение прогрессивной общественности к П. А. Валуеву, А. Е. Тимашеву, К. П. Победоносцеву, Е. М. Феоктистову¹⁷¹ и другим государственным деятелям царской России.

Другим проявлением кризиса мелкобуржуазной историографии была неспособность объяснить современную историю. Эта особенность нашла отражение и в том, что журнал, помещая материалы по истории освободительного движения в начале XX в., уделял главное внимание истории эсеровской партии или организации царской охранки, но так и не поместил ни одной статьи о рабочем движении.

Подводя итоги нашему обзору, отметим, что в освещении журналом «Голос минувшего» в 1913—1923 гг. вопросов истории рус-

¹⁶⁵ ГМ, 1922, № 1, стр. 29.

¹⁶⁶ ГМ, 1917, № 4, стр. 124—252.

¹⁶⁷ В. Б. Жилинский. Организация и жизнь охранного отделения.— Там же, № 9-10, стр. 247—306; «Клички общественных деятелей при наружном наблюдении офицеров Московского охранного отделения».— ГМ, 1918, № 4—6, стр. 80.

¹⁶⁸ К. Н. Успенский. Очерк царствования Николая II.— ГМ, 1917, № 4, стр. 5—37; «Последний самодержец».— Там же, стр. 38—90.

¹⁶⁹ К. В. Сивков. Николай II и его царствование (библиографический обзор).— Там же, № 9-10, стр. 388.

¹⁷⁰ «Рассказы о Романовых в записи П. И. Бартенева».— ГМ, 1918, № 7-9, стр. 223—236.

¹⁷¹ См. «В альбом П. А. Валуеву».— Там же, № 4-6, стр. 79; «Мелочи прошлого».— ГМ, 1922, № 2, стр. 198; «Четверостишие о Е. М. Феоктистове».— ГМ, 1919, № 1-4, стр. 60; «Эпиграмма на К. П. Победоносцева».— ГМ, 1918, № 4-6, стр. 18.

ской общественной мысли и революционного движения в России можно отчетливо проследить два периода, рубежом между которыми служит октябрь 1917 г.

«Голос минувшего» в 1913—1917 гг. был до известной степени и «голосом настоящего», отражая взгляды различных кругов российской научной интеллигенции. Журнал отражал усиление антимарксистских настроений среди буржуазных ученых (А. А. Кизеветтер, А. А. Корнилов) и запоздалые попытки части народнической интеллигенции вновь обратиться к крестьянству (Н. С. Русаков), верность революционеров-народников революционным идеалам семидесятников (А. П. Прибылева-Корба, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер) и отступления от них в сторону либерализма среди народнической интеллигенции (В. И. Семевский). Журнал отразил попытки представить науку стоящей вне классов и сословий и в то же время выражал стремление части историков опереться на демократические традиции, искать новые пути в науке в борьбе с консерватизмом, в научной и общественной жизни.

Уже после свержения самодержавия, в особенности после Октября 1917 г., пути и судьбы авторов, писавших в дооктябрьском «Голосе минувшего», разошлись, на сей раз окончательно.

Классовые противоречия между различными группами интеллигенции, которые тщетно пыталась замазать редакция «Голоса минувшего», выступили особенно ярко и проявились уже не только в литературе и публицистике, но и в повседневной практике революционной борьбы или в контрреволюционной деятельности. Националистические тенденции, звучащие в статьях С. Петлюры в 1914—1917 гг.¹⁷², получили законченное выражение в практической деятельности контрреволюционного лидера «желтоблаkitников». А в Польше от пули пособника Петлюры в его борьбе с большевизмом погиб советский полпред П. Л. Войков, автор статей в том же журнале по истории средневековой Франции¹⁷³. В 1917—1923 гг., с обострением кризиса буржуазной историографии и углублением идейной борьбы журнал «Голос минувшего» приобретал реакционное направление. Журнал перестал быть «голосом минувшего», поскольку научная ценность публикаций и статей по истории XVIII—XIX вв. в целом значительно понизилась. Журнал не стал и «голосом настоящего», несмотря на публикацию материалов по истории начала XX в. И если употреблять терминологию сотрудников журнала, то лучше всего его

¹⁷² С. Петлюра. Былое в украинских журналах (XIX столетие).— ГМ, 1914, № 3, стр. 268—279; *он же*. Драгоманов об украинском вопросе.— ГМ, 1913, № 9, стр. 293—300.

¹⁷³ См. П. Л. Войков. Ужасный памятник налогового обложения (монополия на соль во Франции).— ГМ, 1915, № 10, стр. 77—101; *он же*. Фаворит Людовика XIV.— Там же, № 6, стр. 299—303; *он же*. Одна из загадок истории.— ГМ, 1914, № 3; *он же*. 50 лет жизни маркизы.— Там же, № 7, стр. 305—314.

направленность и содержание в 1917—1923 гг. передавало название мемуаров В. Быстренина: «Уходящее»¹⁷⁴.

Журнал уже в 1918 г. стоял на позициях, которые В. И. Ленин исключительно метко охарактеризовал как позиции «мертвых сил», позиции «Воли Народа» и «Единства»¹⁷⁵. В работе журнала отчетливо проявился кризис мелкобуржуазной историографии.

С появлением журналов «Пролетарская революция» (1921 г.), «Каторга и ссылка» (1921 г.), «Красный архив» (1922 г.), «Красная летопись» (1922 г.) в советской историографии стало интенсивно развиваться изучение истории русской общественной мысли и революционного движения в России с марксистских позиций.

¹⁷⁴ В. Быстренин. Уходящее.— ГМ, 1922, № 1, стр. 31—50; № 2, стр. 91—107.

¹⁷⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 301.

**РОЛЬ Н. И. ТУРГЕНЕВА
В ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ
20—70-х ГОДОВ XIX В.
(К историографии вопроса)**

В. М. Тарасова

Жизнь и деятельность одного из идеологов и руководителей тайных декабристских обществ, оригинального мыслителя, внесшего ценный вклад в развитие экономической, исторической и других наук, блестящего публициста Николая Ивановича Тургенева не получила достаточно полного освещения в исторической литературе. Дворянские и буржуазные историки искажали подлинную роль и место этого незаурядного деятеля в истории общественного движения, в развитии общественно-политической мысли России. Они изображали его типичным представителем либерального движения как в декабристский период его деятельности, так и в более позднее время, рисовали его реформистом. Живучесть подобного представления о Тургеневе, сохранившегося среди части исследователей вплоть до настоящего времени, объясняется еще и тем, что сам Н. Тургенев, будучи основоположником либеральной концепции декабризма¹, усиленно поддерживал версию о своей непричастности к революционному движению.

Утверждения Н. Тургенева о нереволлюционности декабристских организаций, об отсутствии связи между тайными обществами и событиями 14 декабря, о полной невинности «сибирских страдальцев» и о своей непричастности к революционным событиям были подхвачены А. Н. Пыпиным и другими буржуазными историками «либеральной школы», которая полностью отрицала революционность декабристов и изображала их сторонниками мирных преобразований и легальных методов борьбы.

Буржуазные историки зачастую ставили Тургенева в один ряд с крупными сановниками царской России — М. М. Сперанским, Н. С. Мордвиновым и другими, не видя между ними никакой принципиальной разницы.

Исследование А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I» было целиком построено на воспоминаниях Н. Тургенева «Россия и русские» (1847 г.) и личных

¹ См. подробнее: В. М. Тарасова. Происхождение либеральной концепции декабризма. — «История и историки. Историография истории СССР». М., 1965, стр. 313—332.

высказываниях бывшего декабриста, с которым Пыпин виделся в Париже и поддерживал переписку. Посылая в 1871 г. Н. Тургеневу вместе с письмом только что вышедший экземпляр своей книги, автор просил дальнейших указаний, дополнений и поправок («критических и фактических») с его стороны, чтобы учесть их при повторном издании². Ободренный положительным отзывом декабриста, переданным через И. С. Тургенева, Пыпин отвечал: «Не буду говорить о том, как мне было приятно услышать об этом, что будет Вам понятно, если Вы вспомните, что в настоящих условиях нашей литературы я не мог высказать вполне своих мнений о той эпохе и некоторых ее людях; что сказанное составляет только долю того, что мне хотелось бы сказать в защиту времени и людей, так долго забытых и так несправедливо судимых»³. В заключение Пыпин снова говорил об «истинно драгоценных» для него указаниях и дополнениях. В июле 1871 г. Н. Тургенев отправил ответное «длинное письмо», которое по неизвестным причинам не дошло до адресата. «Я написал Пыпину чернилами своего сердца», — сообщил он⁴. Позднее Пыпин обращался через М. М. Стасюлевича к членам семьи Н. Тургенева. Он развил далее либеральную концепцию декабризма, утверждая, что декабристы — лишь продолжатели тех самых начинаний, которые были характерны для первых лет царствования Александра I, что они совершенно не заслужили обрушившихся на них правительственных репрессий.

Представитель официального «охранительного направления» в русской историографии М. И. Богданович, осуждавший выступление декабристов, которое, по его мнению, «подало повод к реакции и отодвинуло на многие годы те благодетельные реформы, которые совершены в наше время»⁵, характеризовал Тургенева примерно в том же плане, что и Пыпин: он подчеркивал «особую умеренность» Тургенева, утверждал, что последний не занимался приемом в общество новых членов и пр. «Охлаждению его к обществу много способствовали, — писал Богданович, — переданные ему от имени государя увещания, не как приказания, а как совет одного христианина другому — оставить свои заблуждения»⁶.

Русская либеральная буржуазия, напуганная революционными событиями 1905 г., выступила со своим, фальсифицированным тол-

² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) (далее — РО ИРЛИ), ф. 309, д. 3668, л. 2, 2об.; *А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I*. Изд. пятос. Пг., 1918, стр. IX, X.

³ РО ИРЛИ, ф. 309, д. 3668, л. 1 об. (Письмо А. Н. Пыпина Н. И. Тургеневу от 31 марта 1871 г.).

⁴ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III. Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912, стр. 493.

⁵ *М. И. Богданович. История царствования императора Александра I и Россия в его время*, т. VI. СПб., 1871, стр. 416.

⁶ Там же, стр. 430.

кованием истории общественной мысли и общественного движения в России, подняв на щит несколько «подновленную» в соответствии с «духом времени» либеральную концепцию. Для буржуазной историографии начала XX в. (П. Н. Миллюков, А. А. Кизеветтер, Р. В. Иванов-Разумник и др.) была характерна идеализация либерализма, стирание грани между либерализмом и революционной демократией⁷, стремление к соглашению с силами старого в общественной жизни⁸.

Р. В. Иванов-Разумник, рассматривавший историю общественной мысли с точки зрения субъективного идеализма как историю «всесловной» и «внеклассовой интеллигенции» в ее борьбе с «духовным мещанством», видел в Н. Тургеневе-декабристе предшественника, с одной стороны, народничества, с другой — «русского либерализма середины XIX в.»⁹ Резко противопоставляя три основные течения в декабристском движении как взаимно исключающие друг друга противоположности, автор подчеркивал «примат социального над политическим» у Н. Тургенева, его склонность к примирению «с абсолютизмом»¹⁰, отрицательное отношение к утопическому социализму Фурье и Оуэна. Он объяснил Н. Тургенева родоначальником русского экономического либерализма, а Пестеля — первым представителем «зарождающейся социалистической русской мысли»¹¹.

В. И. Семевский, впервые поднявший большой следственный архив декабристов, много внимания уделил анализу взглядов Тургенева на крестьянский вопрос¹², «судебную реформу» и др. Он критически подошел к оправдательной записке Тургенева, заявив, что на нее следует смотреть как на «защитительную речь», а не как на исторический источник¹³. Однако в оценке общей позиции Тургенева и его роли в истории тайных обществ явно преобладают черты либеральной трактовки, характерной для В. И. Семевского. Н. Тургенев выступает у него как представитель либерального, а отнюдь не революционного движения. Фигура Тургенева оказалась наиболее удобной и приемлемой для

⁷ См. Л. В. Черепнин. Изучение русской истории.— «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 353—362.

⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 133.

⁹ Р. В. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли, т. I. СПб., 1911, стр. 116.

¹⁰ Там же, стр. 107—111.

¹¹ Там же, стр. 126.

¹² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I. СПб., 1888, стр. 449—456; *он же*. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая I, т. 2. СПб., 1888, стр. 349—362; *он же*. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; *он же*. Николай Иванович Тургенев о крестьянском вопросе в царствование Александра I (по неизданным материалам).— «Вестник Европы», 1909, т. I, кн. 1; *он же*. Тургенев Николай Иванович.— «Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», т. XXXIV. СПб., 1902.

¹³ В. И. Семевский. Тургенев Николай Иванович, стр. 108.

показа «преемственной связи» между планами декабристов и реформистскими намерениями царизма начала XX в. В соответствии с этим автор обращал особое внимание на характеристику тургеневского «плана реформ», изложенного в третьем томе его воспоминаний, и объявил книгу Н. Тургенева «Россия и русские» «единственным сочинением в эпоху императора Николая, в котором русский политический либерализм получил довольно полное выражение»¹⁴. Являясь представителем либерально-народнического направления в русской историографии, В. И. Семевский обвинял Тургенева в непонимании «всей пользы общинного землевладения», в отрицательном отношении к общине, а его аграрные проекты отождествлял с «тем даровым наделением в размере $\frac{1}{4}$ высшего надела, которое (по настоянию кн. Гагарина) проникло в Положение 19 февраля и так неблагоприятно отразилось на экономическом положении принявших его крестьян»¹⁵.

В. И. Семевский переписывался с сыном Н. Тургенева — Петром Николаевичем и посылал ему экземпляры своих работ¹⁶.

А. А. Корнилов, Б. Б. Глинский, С. Г. Сватиков и многие другие представители кадетствующей буржуазии пытались использовать литературное наследство Н. Тургенева для укрепления своих идеологических позиций. Они стремились установить преемственную связь между декабристами, либеральными деятелями 60-х годов XIX в. и реформами начала XX в., в частности Манифестом 17 октября 1905 г., объединяя все эти разнородные явления под общим знаменем борьбы за конституцию, дарованную «волею царя».

Авторитет бывшего декабриста, выступившего с воспоминаниями, в которых наряду с сильной, критической частью имелись чрезвычайно слабые, реформистского толка предложения и планы, рассчитанные на соглашение с царизмом, импонировал либеральной буржуазии в осуществлении ее замыслов. Именно поэтому большинство издаваемых в этот период сборников начиналось статьями о Н. Тургеневе. А. А. Корнилов открыл статьей «Николай Иванович Тургенев и Союз благоденствия» сборник «Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России»¹⁷. Проводя аналогию между 50-ми годами XIX в. и обстановкой 1905 г., когда речь шла о необходимости «коренных преобразований», Корнилов рассматривал реформы начала XX в. как «непосредственное продолжение и завершение великих преобразований 60-х годов»¹⁸. Он не отрицал активной роли Тургенева в первых тайных обществах, но усиленно под-

¹⁴ В. И. Семевский. Тургенев Николай Иванович, стр. 110.

¹⁵ Там же, стр. 111.

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 309, д. 4836, лл. 1—2, 3—3 об.

¹⁷ А. А. Корнилов. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела. СПб., 1905.

¹⁸ Там же, стр. V.

черкивал, что цель Союза благоденствия не была «политической»¹⁹, что Тургенев ждал разрешения крестьянского вопроса исключительно от самодержавной власти²⁰. Корнилов опровергал обвинения, выдвинутые против Тургенева в донесении Следственной комиссии и по делу декабристов; доказывал, что последний не только сам не принимал никакого участия в разговорах относительно истребления членов царской фамилии, но и «выражал впоследствии сомнения в том, что такие разговоры были на самом деле»²¹. Отрицая участие Тургенева в Северном обществе, Корнилов защищал его от обвинений декабриста С. Г. Волконского в «намеренном искажении истины»²². «Благодаря некоторым неправильным показаниям относительно участия и роли Тургенева в тайных обществах того времени,— писал Корнилов,— у многих лиц составилось такое представление, что он в своих оправдательных записках и в своих мемуарах до некоторой степени кривил душой, искажал действительный и юридический смысл явлений и фактов, желая во что бы то ни стало оправдаться и по мнению некоторых (барона Розена, В. И. Семевского) облегчить участь своих товарищей, томившихся в то время в ссылке. Такая точка зрения мне кажется несправедливой. Я убежден, что Тургенев что писал, то и думал»²³. Однако свое субъективное мнение Корнилов не смог подкрепить никакими убедительными аргументами. Он ограничился критикой деятельности Следственной комиссии и редактора «Донесения» Д. Н. Блудова и призывал судить о Тургеневе не по отзывам «Рапорта» и показаниям современников, а на основании его собственных сочинений.

К анализу этих сочинений Корнилов подошел весьма односторонне. Замалчивая тот факт, что Тургенев даже в 1847 г. оправдывал при известных обстоятельствах восстания и революции²⁴, не остановившись на резкой критике политики царского самодержавия в I и II томах «России и русских», Корнилов взял за основу третий том воспоминаний Тургенева, написанный в реформистском духе. Объясняя причины, заставившие его так подробно остановиться на изложении именно третьего тома воспоминаний, Корнилов писал: «Для нас оно имеет еще особый интерес ввиду прямого утверждения кн. С. Г. Волконского, что все, что печатно высказано Тургеневым о финансах и судопроизводстве для России во время пребывания его за границей... есть свод того, что им приготовлено было для применения при перевороте. Подробное ознакомление с тем, что высказано Тургене-

¹⁹ Там же, стр. 77.

²⁰ Там же, стр. 76.

²¹ Там же, стр. 79, 82.

²² Там же, стр. 87—88.

²³ Там же, стр. 89.

²⁴ *Н. И. Тургенев. Россия и русские*, т. I (Воспоминания изгнанника). М., 1915, стр. 356, 354—358.

вым в этом отношении, как нельзя лучше показывает, что Тургенев, стоя на уровне понятий просвещенных людей своего века относительно всех отделов государственного устройства и управления, отнюдь не помышлял, однако, о каком-нибудь перевороте, а рассчитывал на мирную преобразовательную деятельность самого правительства, которое, по его соображениям, вступит на путь реформы, если пожелает сохранить свое место в среде великих европейских держав»²⁵. Таким образом, взгляды Тургенева-либерала 50—60-х годов отождествлялись с взглядами Тургенева-декабриста.

Б. Б. Глинский сделал «идейной осью» изданного им сборника «борьбу за конституцию» с 1612 по 1861 г. В этом плане его особенно интересовали те исторические деятели, которые, по его мнению, «интенсивно поработали в направлении реформирования общественного государственного строя с целью придания ему такого облика, который он должен со временем принять как результат высочайшей воли, выраженной Манифестом 17 октября 1905 года»²⁶. Поскольку «идеалы декабристов нашли себе более или менее полное выражение в труде Тургенева»²⁷, Глинский, солидаризируясь с Корниловым, подчеркивал реформистскую позицию декабриста и на этом основании делал вывод об отсутствии всякой революционности у декабристов в целом. «Только Н. И. Тургенев,— писал он,— за границу явил собою определенное отражение идеалов своих собратьев по «Северному обществу», развив одушевлявшие его идеи в третьей части своего известного сочинения: «La Russie et les Russes». Такая метаморфоза наблюдается как с Мордвиновым, так и со Сперанским»²⁸. Он считал обвинения, выставленные против Тургенева, «безусловно неосновательными», а показания «соучастников процесса» как по вопросу о революционном характере декабристских организаций, так и относительно роли в них Тургенева не внушающими доверия, поскольку, по его мнению, декабристы «беспощадно, по мотивам личного характера, губили друг друга»²⁹. К аналогичным выводам пришел и С. Г. Сватиков³⁰.

В 1911 г., в связи с подготовкой к 50-летию юбилею крестьянской реформы в России, в общественных кругах вновь было привлечено внимание к литературному наследству декабристов и прежде всего к сочинениям Тургенева.

²⁵ А. А. Корнилов. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела, стр. 113.

²⁶ Б. Б. Глинский. Борьба за конституцию. 1612—1861. Исторические очерки. СПб., 1908. Предисловие, стр. II—III.

²⁷ Там же, Предисловие, стр. XXXIII.

²⁸ Там же, стр. 330.

²⁹ Там же, стр. 334.

³⁰ С. Г. Сватиков. Общественное движение в России (1700—1895). Ростов-на-Дону, 1905.

«Царское правительство,— писал В. И. Ленин в статье „Пятидесятилетие падения крепостного права“.— принимает все меры, чтобы в церквях и в школах, в казармах и на публичных чтениях проповедовались исключительно черносотенные взгляды на так называемое „освобождение“ крестьян... Усердные губернаторы в некоторых местах уже дошли до того, что распускают основанные помимо полицейского „руководства“ (например, земские) комитеты по чествованию юбилея крестьянской „реформы“,— распускают за недостаточную готовность вести это чествование так, как требует правительство черной сотни»³¹.

Одновременно с этим В. И. Ленин обращал внимание на трусливое поведение либералов, «прекраснодушно умилявшихся» по поводу юбилея и отпраздновавших его тем, что «пролили паки и паки слезу о необходимости „второго 19-го февраля“..., выразили свои верноподданнические чувства..., поговорили о своем гражданском унынии, о непрочности отечественной „конституции“, о „гибельной ломке“ „исконных земельных начал“ столыпинской аграрной политикой и т. д., и т. п.»³².

Составной частью подготовки к юбилею со стороны либералов была попытка идеологического обоснования преимуществ «освобождения народа» сверху и необходимости «второго 19 февраля». С этой целью в юбилейных изданиях не только крайне идеализировалась «великая» крестьянская и другие буржуазные реформы, но и искажался вопрос об отношении декабристов к реформе и их общая позиция. Ч. Ветринский (В. Е. Чешихин) изображал С. Г. Волконского и других «возвращенных декабристов» «умудренными и примиренными, полными горячего, радостного созвучия к реформам нынешнего царствования»³³. Но на первое место он ставил «чисто либеральную деятельность Н. И. Тургенева»³⁴.

К юбилею было приурочено издание первого выпуска «Архива братьев Тургеневых» под редакцией Е. И. Тарасова. В предисловии говорилось: «Ввиду исполняющегося 50-летия подписания знаменитого Манифеста о крестьянской воле мы, благодарные потомки, должны вспомнить всех борцов за великое и святое дело». Отмечая, что Н. Тургенев еще с юных лет был охвачен негодованием «против злоупотреблений помещиков своей властью и против крепостного права» и даже вступил в тайные общества, «имея в виду направить деятельность заговорщиков в сторону крестьянского вопроса», автор сетовал на то, что «14 декабря... испортило все дело»³⁵.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 139.

³² Там же, стр. 171.

³³ Ч. Ветринский. А. Н. Муравьев и другие декабристы во время крестьянской реформы.— «Великая реформа», т. 5. М., 1911.

³⁴ Там же, стр. 231.

³⁵ «Архив братьев Тургеневых». Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1808—1811 гг., т. 1, вып. 1. СПб., 1911, стр. XI.

Преемственную связь между правительственными реформами царизма и якобы декабристскими программами пытался установить Г. В. Вернадский (позднее белоэмигрант). Проект конституции Никиты Муравьева он рассматривал как дальнейшее развитие основных положений Уставной грамоты, составленной Н. Н. Новосильцевым, аграрные проекты Н. Тургенева отождествлял с четвертными, «нищенскими» наделами³⁶ и считал Тургенева апологетом реформы. В последнее время Вернадский рекламирует «сравнительное изучение советской дипломатии и русских исторических традиций»³⁷.

Несколько особое место занимают статьи и книги о Н. Тургеневе М. Л. Вишницера³⁸. Разделяя основные положения либеральной концепции декабризма, он поставил перед собою задачу выяснить истоки происхождения «либеральных идей» и пришел к выводу, что именно Геттинген был «рассадником умеренных представителей прогрессивных идей»³⁹. Кроме этого, он подчеркивал определяющее влияние на Тургенева «западных деятелей», в частности барона Штейна, которого он ценил якобы более всего за умеренность и «постепенность»⁴⁰.

Мысли об определяющем влиянии «западных идей» развивал позднее П. Н. Милюков. Искажая характер декабристского движения, он утверждал, что «декабристы были в сущности случайными революционерами» и не в этом «существо их дела»⁴¹. На основании найденного им в Париже сборника статей на английском языке (принадлежавшего Н. Тургеневу) Милюков выступил со статьей «Н. И. Тургенев в Лондоне». Несмотря на то, что автор не пользовался ни дневниками, ни письмами декабриста, ни даже исследованием Е. И. Тарасова, относящимся к данному периоду, Милюков посчитал возможным сделать далеко идущие выводы относительно идейных влияний и личных связей Н. Тургенева. Он утверждал, что Н. Тургенев будто бы вращался «исключительно в иностранной среде», имел дело только с аристократической, «фешенебельной» частью английского общества, что

³⁶ Письмо Н. И. Тургенева по крестьянскому вопросу от 11 октября 1859 г. опубликовано Г. В. Вернадским (см. введение к письму в «Сборнике общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете», (вып. 1. Пермь, 1918, стр. 120, 122).

³⁷ См. С. С. Волк, А. Р. Дзенiskeвич. Лженаучные теории реакционной буржуазной историографии истории СССР.— «Вопросы истории», 1964, № 1, стр. 71.

³⁸ М. Л. Вишницер. Геттингенские годы Н. И. Тургенева.— «Минувшие годы», 1908, т. IV—VI; он же. Барон Штейн и Николай Иванович Тургенев (по неизданным документам).— Там же, т. VII, X; он же. Записки Н. И. Тургенева по вопросам о крестьянской и судебной реформах.— «Русская мысль», 1909, кн. 1.

³⁹ М. Вишницер. Записки Н. И. Тургенева по вопросам о крестьянской и судебной реформах, стр. 99.

⁴⁰ М. Вишницер. Барон Штейн и Николай Иванович Тургенев.— «Минувшие годы», 1908, т. VII, стр. 243.

⁴¹ «Голоса минувшего на чужой стороне», Париж, 1926, № 2.

он слепо преклонялся перед «характером англичан» и английскими учреждениями, что в Англии он видел «самое дивное и, может быть, высшее отражение европейской цивилизации». Критические замечания, высказанные Тургеневым по поводу пороков, присущих общественному строю Англии («чрезмерное развитие аристократии, с одной стороны, и пауперизма — с другой»), Милюков пытался смягчить, подчеркивая, что Н. Тургенев судит об «обратной стороне медали» исключительно с точки зрения «своих радикальных друзей». Причем Тургенев-декабрист, по его мнению, занимал более правую позицию, чем английские радикалы второй четверти XIX в.

Считая работу «Россия и русские» «высшей точкой политического развития Тургенева», Милюков пытался доказать, что декабрист шел «с веком наравне» только под влиянием идей английского либерализма: «В этом и заключается значение того импульса, который он получил, возвращаясь в избранном кругу английской интеллигенции и с сочувствием следя, под ее руководством, за разрешением, путем парламентского законодательства, важнейших проблем современности»⁴². Эти выводы не подтверждаются архивными данными, в частности дневниками и письмами Н. Тургенева.

Несмотря на заслуги М. Н. Покровского в деле борьбы с буржуазной историографией, он не смог дать правильную оценку дворянского этапа русского освободительного движения. Покровский справедливо считал Н. Тургенева «самой сильной головой Северного общества» и подчеркивал, что «ликвидация крепостного права» была «стержнем всей его литературной и политической деятельности»⁴³. Он был первым историком-марксистом, который пытался подвергнуть критике либеральную концепцию А. Н. Пыпина. Однако, по справедливому замечанию М. В. Нечкиной, «взяв под прицел» революционную легенду о декабристах, Покровский попал в своеобразный плен подробно разработанной Пыпиным «либеральной легенды»⁴⁴. Покровский подверг сомнению и решительному осуждению показания Тургенева.

В связи с публикацией им в юбилейном выпуске «Красного архива», посвященном столетию восстания декабристов, второй оправдательной записки Тургенева, Покровский писал: «Отныне тот человек, на которого еще Пыпин ссылался как на одного из главнейших историков заговора, остается чем угодно — экономистом, финансистом, но историк декабристов он такой же, как Тихо-

⁴² П. Милюков. Н. И. Тургенев в Лондоне.— «Временник общества друзей русской книги», вып. III. Париж, 1932, стр. 72, 76, 77.

⁴³ М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М., 1927, стр. 15.

⁴⁴ М. В. Нечкина. Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского.— «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. 1. М.—Л., 1939, стр. 314.

миров историк «Народной воли»⁴⁵. Не имея в то время фактических данных о происхождении и методах составления этой позорной записки⁴⁶, Покровский сравнивал Н. Тургенева с предателем Львом Тихомировым. «Единственный интерес, какой представляет этот человек в истории революционного движения двадцатых годов,— писал Покровский,— это интерес эксперимента: что будет, если среднего декабриста из Северного общества поместить в максимально благоприятные условия, абсолютно вне пределов досягаемости для Николая? Ответ мы имеем: будет записка Тургенева»⁴⁷. Расценивая ее как «совершенное отречение от революции», М. Н. Покровский на основании этого факта делал вывод о невозможности оценки декабристов в целом как революционеров. «Записка Тургенева,— писал он,— дискредитирует «либеральную легенду» декабристов больше, чем это могли бы сделать писания дюжины критиков»⁴⁸. Определяя классовую основу декабристского движения, Покровский резко противопоставлял мелкобуржуазное революционное крыло, представленное П. И. Пестелем, дворянско-либеральному «соглашательскому» — северному (Н. Муравьев, Н. Тургенев), которое якобы не имело никакого отношения к революции. В литературе 30-х годов XX в. эта точка зрения получила дальнейшее развитие. Классовая природа «северян» и их идеологов определялась как «корыстная буржуазно-помещичья»⁴⁹, выражающая интересы «капитализирующихся помещиков»; в их программе видели зародыш мирного, прусского пути развития капитализма. Позднее эта точка зрения перешла и в работы некоторых историков.

Наиболее обстоятельную и полную биографию Н. И. Тургенева составил профессор Петербургского, а затем Самарского университета, издатель «Архива братьев Тургеневых» Е. И. Тарасов⁵⁰. Его исследование «Декабрист Николай Иванович Тургенев в александровскую эпоху» основано на тщательном изучении неизвестных ранее архивных документов, особенно дневников и писем декабриста до 1827 г. В 1909 г. В. И. Семевский познакомил Тара-

⁴⁵ М. Н. Покровский.— «Красный архив», 1925, т. 6(13). Предисловие, стр. VII.

⁴⁶ Анализ ее см. в статье: А. И. Заозерский. Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева.— «Памяти декабристов», т. II. Л., 1926.

⁴⁷ «Красный архив», 1925, т. 6 (13). Предисловие, стр. VIII.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ П. Парадизов. Декабристы. М., 1930, стр. 72, 231.

⁵⁰ Е. И. Тарасов. Декабрист Николай Иванович Тургенев в александровскую эпоху. Очерки по истории либерального движения. Самара, 1923. См. также: «Ученые известия Самарского университета», вып. I, [1918], ч. II; вып. IV [1923]; он же. Детство и юность Н. И. Тургенева.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1915, т. VIII; он же. Учебные годы Н. И. Тургенева в Геттингене (1808—1811).— «Журнал Министерства народного просвещения», 1916, т. IX; он же. Русские «геттингенцы» первой четверти XIX в. и влияние их на развитие либерализма в России.— «Голос минувшего», 1913, № VII.

сова с П. Н. Тургеневым, и исследователь пользовался указаниями и советами последнего. «В настоящее время,— сообщил В. И. Семевский 3 июня 1909 г. Петру Николаевичу,— один мой хороший знакомый Ефим Иванович Тарасов задумал писать обширную биографию Николая Ивановича. Эта тема составляет предмет магистерской диссертации Тарасова, в которой он надеется довести изложение до 1825 года. Он же, по поручению особой комиссии, издает на счет Академии наук дневники Николая Ивановича»⁵¹. В письме от 28 июня 1911 г. Е. И. Тарасов благодарил Петра Николаевича за отправленные им посылки с документами и материалами, а также за доставление ценных сведений и его родителям: «Ваши ответы на мои вопросы оказались весьма ценными для меня, и все это я принял во внимание и внес в свои рукописи. Успел я также познакомиться с многими книгами Вашего родителя, которые переданы Вами через г. Фомина. Теперь позволю предложить Вам другую серию вопросов относительно Николая Ивановича»⁵².

Несмотря на большой фактический материал, введенный автором в научный оборот, на постановку ряда новых вопросов (монография Тарасова была закончена в 1916 г. и опубликована в советское время), по своей методологии она не отличалась по существу от работ буржуазных историков и продолжала идеи Пыпина — Семевского. Об этом сам автор заявил во введении к своему исследованию. Он считал, что книга Пыпина «составляет эпоху в историографии либерального движения в России», так как Пыпин проявил «верное понимание сущности либерализма и его значения в деле преобразования России» и ему удалось «весьма удачно изобразить развитие либеральных идей в России и борьбу их с реакционными течениями»⁵³.

Как и все другие представители либеральной концепции декабризма, Тарасов считал Н. Тургенева человеком «очень умеренным», а «вовсе не революционером», человеком, который, хотя и «очень жалеет декабристов, так жестоко пострадавших, но, конечно, не сочувствует их предприятию, окончившемуся так печально. Такими же глазами, добавляет он, смотрели на декабрьское восстание и Чаадаев, и Грибоедов, и Пушкин, и многие другие современники, умеренно настроенные и не верившие в возможность преобразовать Россию путем революции. Вероятно, они были правы, потому что и современные историки, М. Н. Покровский и К. Левин, называют общество декабристов обществом политических романтиков и полагают, что в эту эпоху едва ли могло иметь успех политическое общество, «впервые поставившее в России на своем знамени лозунг вооруженного восстания и учредительного собрания».

⁵¹ РО ИРЛИ, ф. 309, д. 4836, л. 3 об.

⁵² Там же, д. 4834, лл. 1 об.—2 об.

⁵³ Е. И. Тарасов. Декабрист Николай Иванович Тургенев в александровскую эпоху, Предисловие, стр. XV; Введение, стр. 4.

Тарасов утверждал далее, что Н. Тургенев, не будучи революционером, не мог сочувствовать тому, «чему не сочувствовали его ближайшие друзья-приятели», включая в число этих друзей наряду с Ф. Н. Глинкой и П. Я. Чаадаевым В. А. Жуковского и других. «Если справедливо,— писал он,— что движение декабристов было, в сущности, дворянским движением, что от него порядочно пахло переворотными замыслами в духе XVIII века, то, конечно, Тургенев не мог быть союзником и единомышленником декабристов»⁵⁴.

При изложении вопроса о роли Н. Тургенева в истории декабристского движения Тарасов обнаружил противоречия как в его прежних оправдательных записках, так и в объяснениях, данных им на страницах книги «Россия и русские». Однако исследователь не решился подвергнуть сомнению искренность слов декабриста и ограничился отдельными критическими замечаниями, не помешавшими ему прийти к выводу о том, что Тургенев «отнюдь не революционер». «Его участие в обществе,— писал Тарасов,— было пассивным, и он не может считаться ответственным за тот революционный дух, каким прониклось Северное общество с 1824 года благодаря энергии Рылеева и кн. Оболенского». Тарасов так формулировал участие Н. Тургенева в тайных обществах: «В либеральном движении его участие и влияние надо признать весьма значительным (особенно благодаря его книге); в конспиративной деятельности его участие было слабым: начавшись поздно (конец 1819 г.), оно и закончилось рано... Участие в революционном движении Тургенев имел совсем слабое. Выражаясь словами Иванова-Разумника, можно сказать, что в этом случае он был скорее перфектибилист, чем революционер, т. е. мечтал о постепенном совершенствовании общественного и государственного строя скорее мирным путем, чем насильственным, революционным»⁵⁵.

Хотя Тарасов и считал, что ему удалось выяснить «запутанный вопрос» о степени участия Тургенева «в конспиративной деятельности той эпохи», установить происхождение «Опыта теории налогов» (он считал эту книгу, вслед за А. А. Корниловым, простой компиляцией) и решить целый ряд других проблем, однако освещение всех этих вопросов давалось им в духе либеральной концепции декабризма и не выходило за ее пределы.

Много сделал для изучения литературного наследия Н. Тургенева известный советский исследователь А. Н. Шebuнин. Он впервые поставил вопрос о явной недостоверности рассказа самого декабриста относительно времени его вступления в тайное общество и роли в истории декабристского движения⁵⁶, подчеркнув,

⁵⁴ *Е. И. Тарасов*. Декабрист Николай Иванович Тургенев в александровскую эпоху, стр. 446.

⁵⁵ Там же, стр. 353—354.

⁵⁶ *А. Н. Шebuнин*. Николай Иванович Тургенев. М., 1925, стр. 90—94, 97—105; он же. Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов.— «Декабристы и их время», т. 1. М., 1929, стр. 109—146.

что Тургенев, так же как и другие декабристы, сочувствовал идее военной революции, подогретой испанскими событиями, хотя и относился «несколько скептически к вопросу о возможных ее результатах»⁵⁷. Он составил краткую, но глубокую и интересную по содержанию биографию декабриста, впервые познакомив читателей с рядом основных произведений Н. Тургенева 50—60-х годов XIX в., хотя и прокомментированных им несколько односторонне.

Особенно важное значение имела статья Шебунина «Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи», написанная на основе впервые введенных автором в научный оборот и опубликованных им писем Н. Тургенева к брату Сергею Ивановичу⁵⁸. Однако ряд выводов автора вызывает возражения. Вряд ли можно согласиться с утверждением Шебунина о том, что Тургенев был сознательным защитником интересов помещиков, представителем «умеренного буржуазно-помещичьего либерализма»⁵⁹, что идея личного освобождения в начале XIX в. — показатель своеобразной защиты помещичьих интересов. «Интересы сельского хозяйства, доходы землевладельцев, сохранение за ними земель, — писал Шебунин, — вот что интересует его по преимуществу»⁶⁰⁻⁶¹. Нельзя согласиться с мнением исследователя о том, что программа «Союза Спасения» была проникнута «чисто дворянской идеологией»⁶², что фраза Н. Тургенева — «президент без дальних толков» — «вряд ли выражала его подлинное убеждение, так как, конечно, он не был республиканцем»⁶³. Кроме этого, в своих более ранних трудах Шебунин преувеличивал роль западноевропейских влияний в формировании мировоззрения Н. Тургенева, утверждая, что именно Западной Европе он обязан «всем своим образованием, всей своей идеологией»⁶⁴, что «Опыт теории налогов» представляет собой простую переработку финансовых лекций проф. Сарториуса и пр.⁶⁵

Марксистско-ленинское понимание места декабристского движения было наиболее полно обосновано в капитальном исследова-

⁵⁷ А. Н. Шебунин. Николай Иванович Тургенев, стр. 94, 95.

⁵⁸ А. Н. Шебунин. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи. — Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М., 1936.

⁵⁹ Там же, стр. 86.

⁶⁰⁻⁶¹ А. Н. Шебунин. Николай Иванович Тургенев, стр. 60; он же. Общественные и политические взгляды Н. И. Тургенева. — «Современник», 1913, № 5, 6.

⁶² А. Н. Шебунин. Николай Иванович Тургенев, стр. 89.

⁶³ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, стр. 480—481.

⁶⁴ А. Н. Шебунин. Западноевропейские влияния в мировоззрении Н. И. Тургенева. — «Анналы», 1923, т. III, стр. 218.

⁶⁵ А. Н. Шебунин. Николай Иванович Тургенев, стр. 54.

нии академика М. В. Нечкиной⁶⁶, которая сделала ряд важных выводов по вопросу о роли Н. Тургенева в истории декабризма.

Ю. Г. Оксман впервые поставил вопрос о взаимоотношениях Н. И. Тургенева с кругом Герцена и Огарева, о значении его основного публицистического произведения «Россия и русские»⁶⁷. Оценку отдельных сторон деятельности Тургенева мы находим в исследованиях академика Н. М. Дружинина⁶⁸, С. Б. Окуня⁶⁹, С. Н. Валка, В. Г. Базанова, Ю. М. Лотмана, К. Д. Аксенова, С. С. Волка и др.

Творческая деятельность Н. Тургенева привлекала также внимание литературоведов: М. П. Алексеева, Б. С. Мейлаха, Н. К. Пиксанова, Н. П. Чулкова, А. К. Азадовского, А. К. Виноградова, Т. П. Головановой, М. П. Султан-Шах.

Немало сделали и советские экономисты для изучения экономических взглядов Н. Тургенева. На эту тему защищено несколько кандидатских диссертаций и опубликован ряд статей (Ф. П. Морозова, М. П. Евсеева, И. Г. Блюмина и др.); правда, в них встречаются некоторые неточности.

Исследования советских ученых внесли большой вклад в дело изучения литературного наследства Н. И. Тургенева и нанесли удар по либеральной концепции декабризма, отзвуки которой не изжиты еще до настоящего времени, особенно за рубежом.

Однако в советской исторической литературе в некоторых исследованиях тоже не проводится различие между дворянскими революционерами, с одной стороны, и представителями так называемого «правительственного либерализма» — с другой. Последние часто приукрашиваются и идеализируются. Так, Б. С. Ошерович устанавливал «идейное родство между декабристами и Сперанским»⁷⁰. Он отмечал «неоценимые заслуги Сперанского в деле кодификации русского законодательства»⁷¹, не вскрывая классовую сущность его преобразований.

В. М. Штейн тоже отождествлял мировоззрение Н. Тургенева со взглядами «русских реформаторов». В главе «Экономические взгляды русских реформаторов начала XIX века» Штейн писал: «Среди писателей, объединенных реформаторским настроением этой эпохи, нужно прежде всего назвать, наряду со Сперанским, М. А. Балугьянского, Н. С. Мордвинова, Н. И. Тургенева,

⁶⁶ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1—2. М., 1955.

⁶⁷ Ю. Г. Оксман. Вступительная статья к публикации писем Н. И. Тургенева Герцену.— «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 583—590.

⁶⁸ Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933; *он же*. Программа северных декабристов.— «Известия АН СССР», серия ист. и философ., 1951, т. 8, № 1.

⁶⁹ С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX в. Л., 1965; *он же*. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962.

⁷⁰ Б. С. Ошерович. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли. М., 1946, стр. 116, 113.

⁷¹ Там же, стр. 124.

К. И. Арсеньева, графа Валериана Стройновского и др. ... Из названных лиц один Н. И. Тургенев был в открытой оппозиции к Сперанскому как реформатору, но и он сочувствовал основному направлению реформ»⁷². По существу Штейн ставил Сперанского выше Н. Тургенева. Он весьма сожалел, что в работах последнего было «так мало подлинного реформаторства», и удивлялся «своеобразному парадоксу»: «„Опыт в теории налогов“ Тургенева или „Некоторые соображения по предмету мануфактуры в России“ и „О тарифе адмирала Мордвинова признавались, несмотря на то, что эти книги были посвящены экономическим проблемам прикладного характера, политико-экономическими сочинениями, а Сперанский не вошел в историю русской экономической мысли». Основную линию борьбы Штейн видел не между революционным народом, с одной стороны, и представителями господствующего класса — с другой, а, следуя за буржуазными историками, — «в спорах Сперанского с Карамзиным». «Недаром, — писал он, — А. Н. Пыпин усмотрел в них два противоположных полюса тогдашних понятий»⁷³.

М. Ф. Морозов в статье «Социально-экономические взгляды Н. И. Тургенева» пришел к выводу о том, что Тургенев отличался от Радищева, как прогрессивный реформатор отличается от революционного демократа⁷⁴. «1824 годом, а, может быть, точнее говоря, 1821 годом, — писал он, — заканчивается этап формирования и развития прогрессивных идей Тургенева. Подводя черту этому периоду, мы можем сказать, что Н. Тургенева нельзя причислить без всяких оговорок к тем декабристам, которых Ленин характеризует как дворянских революционеров»⁷⁵.

Отрицание принадлежности Тургенева к революционному движению в декабристский период его деятельности снимало вопрос об эволюции его взглядов, о его месте в истории общественно-политической мысли России 30—60-х годов XIX в. Некоторые исследователи, признававшие Тургенева без всяких оговорок дворянским революционером, рассматривали второй период его жизни (после 14 декабря 1825 г.) как полный отказ от его декабристского прошлого, от всяких прогрессивных идей, а самого Тургенева называли «одиноким и озлобленным эмигрантом»⁷⁶.

Характеризуя позицию Тургенева в 50—60-х годах XIX в.,

⁷² В. М. Штейн. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948, стр. 21.

⁷³ Там же, стр. 45, 48, 49.

⁷⁴ М. Ф. Морозов. Социально-экономические взгляды Н. И. Тургенева. — «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Кафедра истории СССР, т. 60, вып. 2, 1949, стр. 228.

⁷⁵ Там же, стр. 231.

⁷⁶ И. Блюмин. Предисловие к кн.: Н. И. Тургенев. Опыт теории налогов. М., 1937, стр. XIII, XVI.

Е. И. Тарасов⁷⁷, А. Н. Шебунин⁷⁸ и другие исследователи обращали внимание главным образом на те высказывания бывшего декабриста, которые характеризуют его умеренно реформистские позиции, не останавливаясь на критической, сильной стороне тургеневских статей. Эта сторона не всегда учитывается и в современной советской литературе.

В последние годы интерес к литературному наследству Н. Тургенева и его общественно-политической деятельности значительно возрос. Кроме наших статей⁷⁹ появились работы В. В. Пугачева⁸⁰, С. С. Ланды⁸¹ и др., посвященные важной проблеме становления дворянской революционности, раннему периоду деятельности декабризма. К сожалению, в ряде статей В. В. Пугачева встречаются некоторые ошибочные положения⁸².

Представляет интерес опубликованная С. С. Ландой первая часть «политического трактата» Н. И. Тургенева, хотя автор публикации безусловно слишком преувеличивает его значение, утверждая, что не опубликованный при жизни Тургенева отрывок «Политика» был «самым крупным в жизни тайного общества идеологическим выступлением»⁸³.

Упоминания о Н. Тургеневе в трудах зарубежных реакционных исследователей в связи с освещением ими общих вопросов истории русской общественной мысли не отличаются оригинальностью. Фальсификация истории декабристского движения в современной реакционной буржуазной литературе, предпринимаемая эпигонами «веховцев» и примыкающими к ним писателями, ведется по линии возрождения либеральной концепции декабризма, изображающей представителей первого поколения русских революционеров буржуазными либералами, реформистами, а также по линии отрицания самостоятельности их взглядов и утверждения о том, что идеи декабристов носили «импортный» характер,

⁷⁷ «Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 гг.», т. I. СПб., 1911, Предисловие, стр. XIV—XXIII.

⁷⁸ А. Н. Шебунин. Николай Иванович Тургенев, стр. 122—129.

⁷⁹ В. М. Тарасова. Декабрист Н. И. Тургенев и его место в истории общественного движения России 20—60-х годов XIX в. (Эволюция общественно-политических взглядов). Автореферат докт. дис. Л., 1966, стр. 44—46.

⁸⁰ В. В. Пугачев. Из истории преддекабристской общественно-политической мысли. Автореферат докт. дис. Л., 1963.

⁸¹ С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России в 1816—1821 гг. (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых и М. Ф. Орлова).— «Пушкин и его время». Исследования и материалы, вып. 1. Л., 1962; *он же*. Формирование революционной идеологии декабристов 1816—1825 гг. Автореферат докт. дис. М., 1971, стр. 54—55.

⁸² В. М. Тарасова. Н. И. Тургенев — «Люттерот»? (К вопросу об авторстве).— «История СССР», 1964, № 1; С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России в 1816—1821 гг., стр. 108.

⁸³ С. С. Ланда. Неизвестный политический трактат декабриста Н. И. Тургенева.— «Проблемы истории общественного движения и историографии». М., 1971, стр. 70.

что декабристы разрабатывали программы тайных обществ по иностранным образцам ⁸⁴.

Среди трудов прогрессивных ученых Запада следует отметить ценное исследование Франко Вентури «Движение декабристов и братья Поджио». Касаясь вопроса о роли Тургенева в истории декабристского движения, автор, на основании анализа широкого круга опубликованных источников и учитывая советскую литературу последних лет, пришел к выводу об активном участии Н. Тургенева в создании и деятельности Северного общества декабристов ⁸⁵. В противоположность сложившемуся представлению об изолированности и замкнутости Тургенева, Вентури подчеркивает, что в период эмиграции бывший декабрист «имел связи со всеми либеральными и демократическими кругами Западной Европы» ⁸⁶. В книге «Источники революции. История народнического и социалистического движения в XIX в. в России» Вентури обращает внимание на тесную связь Н. Тургенева с А. И. Герценом в период его эмиграции ⁸⁷.

Г. Морманн посвятил обстоятельную статью вопросу об отношении декабриста Николая Тургенева с Георгом Сарториусом и бароном Штейном ⁸⁸. Он подверг критике взгляды М. Л. Вишницера на этот вопрос и высказал мысль о том, что «русские студенты Сарториуса оказывали сильное влияние на его научную работу и политическое мировоззрение» ⁸⁹. Морманн отметил также, что Н. Тургенев в своих положениях относительно уничтожения крепостничества шел гораздо дальше, чем Штейн, и относился к последнему критически. Автор правильно определил место Тургенева как представителя первого поколения русских революционеров: он отнес его к тем революционерам-патриотам, которые участвовали в выдающемся общественном движении первой четверти XIX в., «восстали против самого мощного оплота реакции». Говоря о большом значении английской классической буржуазной политической экономии, которую Тургенев использовал в борьбе против крепостничества и самодержавия, автор справедливо рассматривал «Опыт теории налогов» как важный декабрист-

⁸⁴ С. А. Покровский. Фальсификация истории русской политической мысли в современной реакционной буржуазной литературе. М., 1957, стр. 82—89; С. С. Волк, А. Р. Дзеневский. Лженаучные теории реакционной буржуазной историографии истории СССР.— «Вопросы истории», 1964, № 1.

⁸⁵ *Franco Venturi. Il moto decabrista e i fratelli Poggio.* Torino, Giulio editore, 1956, p. 43, 61, 63, 64, 85.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 43. См. также упоминания о Н. И. Тургеневе (p. 23—24, 30).

⁸⁷ *F. Venturi. Roots of Revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia.* N. Y., 1960, p. 7 (Впервые книга Ф. Вентури была издана в Италии в 1952 г.). Перевод с итальянского Francis Haskell.

⁸⁸ *H. Mohrmann. Über die Beziehungen des Dekabristen Nikolai Turgenew zu Georg Sartorius und dem Freiherrn von Stein.— «Deutschslawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten.* Berlin, 1956, S. 374—398.

⁸⁹ *Ibid.*, S. 394—395.

ский «программный документ». Однако в статье имеется и ряд положений, с которыми нельзя согласиться.

Опираясь на литературу 20—30-х годов XX в., в частности на предисловие И. Г. Блюмина к третьему изданию «Опыта теории налогов» (1937 г.), сославшегося на ошибочные выводы Е. И. Тарасова, и цитируя этих двух авторов, Морманн повторял их утверждения о том, что Тургенев в процессе своей работы над «Опытом теории налогов» постоянно руководствовался своими записями лекций Сарториуса и в расположении материала, и в оценке того или другого налога, и в ссылках на многих писателей⁹⁰, хотя самостоятельность и оригинальность мышления Н. Тургенева доказана в трудах советских историков и экономистов.

Бэрри Холингзворт рассматривает различные точки зрения на вопрос об участии Н. Тургенева в «Колоколе» Герцена и справедливо высказывает сомнения в принадлежности Н. Тургеневу «Ответа на статью „Крестьянский вопрос и Ростовцев“»⁹¹. Однако исследователь не смог установить принадлежность Тургеневу ряда других статей, в частности статьи «Филарет и розги», хотя об этом уже имелись сведения в советской литературе.

Мишель Кадо в своем капитальном труде «Россия в интеллектуальной жизни Франции», широко привлекая исследования советских ученых, отмечает активную роль Тургенева в истории декабристского движения, в частности в создании Северного общества⁹², обращает внимание на широкие политические связи декабриста в Париже⁹³. Кадо относит его к представителям «либеральной политической эмиграции» в отличие от «радикальной» (И. Г. Головин и Н. И. Сазонов)⁹⁴ и революционной (М. А. Бакунин и А. И. Герцен)⁹⁵. По мнению Шарля Корбе, высказанному в его книге «Французское общественное мнение о незнакомой России (1799—1894)», Николай Тургенев «в отличие от других русских, ставших парижанами, был не революционером, а реформистом»⁹⁶.

Виктория Сливовска в интересной и богатой фактическим материалом монографии «В кругу предшественников Герцена» по-

⁹⁰ *H. Mohrmann*. Op. cit., S. 385, 379, 389, 398.

⁹¹ *Barry Hollingsworth*. N. I. Turgenev and Kolokol.— «The Slavonic and East European Review». London, December 1962, vol. XLI, N. 96, p. 89—100. Предположение о принадлежности Тургеневу «Ответа на статью „Крестьянский вопрос и Ростовцев“» высказано Е. С. Радченко в книге «Колокол». Изд. А. И. Герцена и Н. П. Огарева (1857—1867). Систематическая роспись статей и заметок. М., 1957.

⁹² *Michel Cadot*. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856. Paris, 1967, p. 25—27.

⁹³ *Ibid.*, p. 36.

⁹⁴ *Ibid.*, p. 27—34.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 34—43.

⁹⁶ *Charles Corbet*. A l'ère des nationalismes l'opinion française face à l'inconnue Russie (1799—1894). Paris, 1967, p. 257, 291, 320, 273, 256.

святила Николаю Тургеневу специальный большой раздел под названием «Патриарх российской политической эмиграции декабрист Николай Тургенев (1779—1871)»⁹⁷. Широко используя разнообразный документальный материал и новейшую литературу, Виктория Сливовска дала наиболее содержательный и правдивый очерк биографии Тургенева. Отмечая некоторые дискуссионные проблемы декабристоведения, в частности вопрос о времени вступления Н. Тургенева в тайное общество, автор в основном солидаризируется с выводами советских ученых и высказывает ряд оригинальных мыслей.

Таким образом, несмотря на различный подход к рассматриваемой нами проблеме, прогрессивные зарубежные ученые наряду с советскими исследователями вносят свой вклад в дальнейшее развитие исторической науки, в проблему изучения истории революционного движения на Западе и в России.

⁹⁷ *Wiktoria Sliwowska. W kręgu poprzedników Hercena. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdansk, 1971, s. 96—144.*

К ИСТОРИОГРАФИИ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

С. М. Каштанов

Настоящая работа является продолжением статьи, напечатанной ранее в сборнике издания «История и историки»¹. Как и там, в публикуемой статье историография крепостного права рассматривается нами в связи с исследованием концепций феодального иммунитета, историей издания и изучения жалованных грамот — источника, отразившего юридические нормы иммунитета и иммунитетную политику князей.

Развитие буржуазной историографии в 80-х годах XIX в. привело к новой постановке вопроса об издании жалованных грамот. Получив признание актов, устанавливающих не случайные изъятия, как это полагали исследователи периода реформы, а общие порядки (концепции Н. И. Ланге, В. И. Сергеевича), жалованные грамоты снова оказались в центре внимания буржуазных археографов. Издания второй половины 90-х годов поражают своей многочисленностью². Особенный интерес представляет сборник А. И. Юшкова, в котором помещалась основная масса ранее неизвестных жалованных грамот светским лицам³. В сборнике М. А. Дьяконова было напечатано значительное число указных грамот, касающихся иммунитета светских лиц⁴. Это вполне согласовалось с тематикой исследовательских работ рубежа XIX—XX вв., обсуждавших главным образом проблемы светского иммунитета, внимание к которому стало усиливаться уже в 80-х годах. В годы, предшествовавшие революции 1905—1907 гг., и во время революции печатались жалованные грамоты как духовным феодалам, так и светским лицам⁵. После поражения революции, воца-

¹ С. М. Каштанов. К историографии крепостного права в России. — «История и историки. Историография истории СССР». М., 1965, стр. 270—312.

² См., например: «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, изданные И. А. Вахрамеевым», т. I. М., 1896; С. Шумаков. Тверские акты. Тверь, 1896; он же. Угличские акты. М., 1899; он же. Обзор «грамот коллегии экономии», вып. I. М., 1899; вып. II. М., 1900, и др.

³ «Акты XIII—XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества, изданные Александром Юшковым». М., 1898.

⁴ «Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, изданные М. Дьяконовым», вып. II. Юрьев, 1897.

⁵ «Материалы для истории Владимирской губернии». Собрал А. В. Смирнов, вып. I—V. Владимир, 1901—1907; «Акты исторические, описанные

рения реакции, в обстановке массового увлечения буржуазной интеллигенции богоискательством наблюдается большой уклон в сторону издания жалованных грамот духовным учреждениям⁶.

В конце XIX — начале XX в., в период перехода от капитализма к империализму в русской буржуазной историографии возникло течение, пытавшееся выяснить специфику феодального строя, чтобы не смешивать его с буржуазным, как это делалось в работах предшествовавшего периода. Однако представители нового течения (П. И. Беляев, Н. П. Павлов-Сильванский) увидели специфику феодализма только в его политическом характере и по существу отбросили вопрос о роли экономической основы феодализма.

П. И. Беляев, оставаясь на почве концепции, считавшей иммунитетные грамоты формой «изъятия, *lex griva*», начал рассматривать их как документы, преследовавшие чисто управленческие цели («регулирование финансовых отношений населения» и «упорядочение судопроизводства»). Подобно Сергеевичу и Ланге, он писал, что жалованные грамоты «отменяли государственное нестроение, усовершенствовали правовой порядок», но аспект у него получился иной. Если Сергеевич и Ланге делали акцент на выполнении правительством экономических требований грамотчиков, то Беляев отмечал здесь лишь форму политического управления с оттенком льготности. Поэтому Беляев зачислял жалованные иммунитетные грамоты в одну группу с уставными, земскими и губными⁷.

Шире подошел к этому вопросу Н. П. Павлов-Сильванский⁸. Восстанавливая и заново обосновывая представление о существовании феодализма в «древней» и «удельной» Руси, Павлов-Сильванский обратил особое внимание на однородность содержания русского и западноевропейского иммунитетов⁹. Этот тезис он сочетал с выводом «о самобытном происхождении иммунитета» светских землевладельцев. Автор неоднократно подчеркивал «принадлежность светским вотчинникам иммунитетных привилегий по обычному праву, независимо от пожалований»¹⁰. Комментируя одну

И. М. Катаевым и А. К. Кабановым». Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905, и др.

⁶ С. Б. Веселовский. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот.— «Чтения ОИДР», 1907, кн. 3, Смесь; В. Г. Добронравов. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908, Прил.; Н. П. Попов. Собрание рукописей Московского Симонова монастыря. М., 1910 (или «Чтения ОИДР», 1910, кн. 2), и др.

⁷ П. И. Беляев. Источники древнерусских законодательных памятников.— ЖМЮ, 1899, ноябрь, стр. 136, 139.

⁸ Н. П. Павлов-Сильванский. Иммунитеты в удельной Руси.— ЖМНП, 1900, декабрь, стр. 318—365. Эта работа вошла в его книгу «Феодализм в удельной Руси».

⁹ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 281—282.

¹⁰ Там же, стр. 298; также стр. 291—297.

из грамот, Павлов-Сильванский проводил взгляд на иммунитет как на «естественный придаток к праву собственности на село»¹¹. Однако мысль о том, что иммунитет — атрибут феодальной формы земельной собственности, не нашла в его труде никакого развития. Павлов-Сильванский считал феодализм определенной совокупностью политических феодальных учреждений. Одним из таких учреждений был, по его мнению, иммунитет. Павлов-Сильванский не искал корней иммунитета в производственных отношениях, он присоединялся к точке зрения К. А. Неволина, объяснявшего «самобытное» происхождение вотчинной юстиции светских землевладельцев слабостью великокняжеской или королевской власти в раннефеодальную эпоху¹².

Автор целиком соглашался с Фюстель-де-Куланжем, считавшим иммунитет монастырей и церкви результатом королевской милости, обусловленной любовью к вере¹³. Неволин был в этом отношении более последователен, чем Павлов-Сильванский, концепцию которого правильнее возводить к взглядам В. А. Милютина¹⁴. Ставя иммунитетные привилегии в зависимость от размеров землевладения, Павлов-Сильванский подчеркивал только политическое значение иммунитета, но, по словам автора, для мелкого вотчинника это политическое значение «могло сводиться к нулю»¹⁵.

Мелкий феодал, согласно концепции Павлова-Сильванского, интересовался иммунитетным судом лишь как доходной статьей. Автор, таким образом, игнорировал основное содержание иммунитета — отношения между феодалом и феодально зависимым населением сеньории. Он рассматривал две производные стороны иммунитета: отношения между феодалом и феодальным государством, отношения между населением феодальной вотчины и государством¹⁶, т. е. вся постановка вопроса была перенесена им в политическую или юридическую плоскость. Отсюда у Павлова-Сильванского сближения с историографией середины XIX в.: объяснение княжеским благочестием выдачи грамот монастырям, толкование иммунитета как доходной статьи (для части феодалов). Наоборот, игнорирование так называемых «экономических причин» выдачи жалованных грамот усиливало разрыв концепции Павлова-Сильванского с теориями 80-х годов (вместо челобитной теории он возрождал теорию обычного права и княжеского благочестия).

¹¹ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 296.

¹² Там же, стр. 298.

¹³ Там же, стр. 282.

¹⁴ В. А. Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862, стр. 193—195.

¹⁵ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 305.

¹⁶ Значение иммунитета, поясняет Павлов-Сильванский, «зиждется на том, что он разрывает связь подданства между государем и населением» (Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 304).

Мы видим здесь ярко выраженное проявление «отрицания отрицания» в развитии взглядов на иммунитет: челобитная теория, зачеркнувшая компромиссную теорию обычного права и княжеской воли, в свою очередь зачеркивается на новой основе старой компромиссной теорией. Мнение Павлова-Сильванского об иммунитете как атрибуте землевладения (а не результате пожалования) поддержал Н. А. Рожков, хотя и с оговорками, связанными с влиянием идей Сергеевича (отрицание феодализма «в удельной Руси»; следование челобитной теории: выдача грамоты — нотариальный акт, князь — «простой нотариус») ^{16а}. Сергеевич выступил с критикой взглядов Павлова-Сильванского. Льготы в отношении уплаты налогов он считал возникшими исключительно в силу пожалований со стороны носителей верховной власти ¹⁷. Иммунитетные привилегии автор открывал от частнофеодальной собственности на землю. Апеллируя к тому факту, что жалованные грамоты выдавались не только феодалам, но и слободчикам, отдельным группам торгово-ремесленного населения и др., Сергеевич утверждал: «Различие черных и белых сох не стоит ни в какой связи с сословным различием лиц» ¹⁸; «...тягло могли тянуть всякие люди, начиная с владык и бояр и кончая крестьянами. Льготами могли пользоваться также всякие люди» ¹⁹. «Наше льготное владение далеко не укладывается в рамки западных иммунитетов», — заключал Сергеевич ²⁰.

Сергеевич формально подходил к так называемому «льготному владению». Он смешивал воедино всех лиц, получавших жалованные грамоты, не вникая в их сословные и классовые различия. Считая иммунитет королевским пожалованием, исключением из правила, Сергеевич высказывал мысль, что общее правило предполагает «действие королевской власти на всех подданных, которые платят ей повинности и состоят под судом ее чиновников» ²¹. Однако при феодализме, указывая далее Сергеевич, «государственный суверенитет был поделен между королем и его вассалами», узурпировавшими дарованные им королем привилегии ²². Потеряв, таким образом, право сбора дани и суда в отношении населения феодальных сеньорий, король потерял и право иммунитета, т. е. освобождения от налогов и юрисдикции королевских чиновников.

Отсюда Сергеевич делал вывод, что иммунитет предшествовал феодализму, а с установлением последнего исчез ²³. Но так как

^{16а} Н. Рожков. Происхождение самодержавия в России. М., 1906, стр. 20, 21, 24, 27.

¹⁷ В. Сергеевич. Древности русского права, т. III. СПб., 1903, стр. 291, 292, 297.

¹⁸ Там же, стр. 313.

¹⁹ Там же, стр. 308.

²⁰ Там же, прим. 2.

²¹ Там же, стр. 471.

²² Там же, стр. 471—472.

²³ Там же, стр. 472.

на Руси иммунитетные льготы продолжали предоставляться вплоть до XVIII в., ни о каком феодализме в древнерусском государстве и речи быть не может: «У нас были некоторые предвестники феодализма, но очень слабые: феодализма же не развилось»²⁴. Следовательно, трактовка иммунитета послужила для Сергеевича одним из способов отрицания феодализма на Руси, что в свою очередь давало возможность обосновать теорию бесконфликтного течения русского исторического процесса. Рассуждения об одинаковом предоставлении льгот всем сословиям подкрепляли теорию надклассовости феодального государства, сеяли буржуазные иллюзии относительно сущности русского самодержавия.

Не остался в стороне от обсуждения природы иммунитета и П. Н. Милюков. В первых четырех изданиях его «Очерков по истории русской культуры» (1896—1900 гг.) термин «иммунитет» как будто еще не фигурирует. Появляется он в 5-м (1904 г.) и повторяется в 6-м (1909 г.) издании. Но уже в первых изданиях Милюков ясно сформулировал свою мысль о принципиальном отличии социального-политического положения русского землевладельца от статуса его западного собрата: «русский землевладелец» в противоположность западному «феодалу» не превратился в промежуточную власть между государем и подданными. «В своей вотчине он никогда не был тем полным государем, судьей и правителем, каким был западный барон в своей баронии. Чиновники местного князя, его судьи, сборщики податей всегда беспрепятственно проникали в пределы владений русского вотчинника»; только поступив на службу к князю, вотчинник «мог рассчитывать получить в свое пользование хотя бы часть тех государственных прав, которых он был лишен как простой хозяин вотчины»²⁵.

В первых четырех изданиях Милюков по существу сводил возможные политические права землевладельца к правам кормленщика. В 5—6-м изданиях он различает «иммунитет» и «кормление», но оба комплекса прав считает результатом пожалования: «Свой князь мог передать ему часть своих верховных прав в его собственной «боярщине», т. е. установить для него более или менее широкий «иммунитет». Чужой князь... давал особенно важным и сильным «слугам» часть своих доходов, связанных с управлением и судом в каком-нибудь городке или волости, во временное «кормление». Итак, те права, которыми западный землевладелец пользовался как самостоятельный хозяин и как обязательный вассал своего обязательного сюзерена, наш землевладелец

²⁴ В. Сергеевич. Указ соч., т. III, стр. 474—475.

²⁵ П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. I, изд. 1—2. СПб., 1896, стр. 164—165; изд. 3. СПб., 1898, стр. 168—169; изд. 4. СПб., 1900, стр. 177—179; изд. 5. СПб., 1904, стр. 206—208; изд. 6. СПб., 1909, стр. 220—222.

мог получить только как чиновник на службе выбранного им князя»²⁶.

Особый путь России Милюков объясняет тем, что государственность сложилась здесь раньше, чем к этому привел процесс внутреннего экономического развития (в этом он видит коренное отличие России от Запада и сходство с Турцией): на Руси «присвоение государственных земель частными владельцами не привело к феодализму, потому что государственная власть была уже настолько сильна, что заставить ее поделиться верховными правами с крупными землевладельцами было невозможно. Самое большее, чего они кое-как добились,— это введение феодального элемента в свои отношения к *низшим* слоям населения, т. е. закрепощение крестьян и дворовых слуг»²⁷. Затем, согласно Милюкову, был закрепощен государством и класс служилых землевладельцев²⁸.

В построениях Милюкова повторилась на новой стадии развития общественной мысли концепция закрепощения сословий, отрицание (хотя и безоговорочное) феодализма в России, отождествление иммунитета с кормлением, рассмотрение иммунитета в качестве простого октроирования государственных прав частному лицу. Милюков возродил в основных чертах схему Градовского, придав ей новую политическую направленность.

Схема Милюкова не рождалась как антитеза концепции Павлова-Сильванского (первое издание «Очерков» появилось до выхода статьи Павлова-Сильванского об иммунитетах), но фактически оказалась таковой, что особенно заметно в изданиях 1904 и 1909 гг., в которых автор, видимо, учел новую литературу.

В 1907 г. вышла в свет книга М. А. Дьяконова. В своей классификации жалованных грамот (дарственные, льготные или иммунитетные, заповедные) Дьяконов целиком повторил схему М. Ф. Владимирского-Буданова²⁹, однако его толкование иммунитетных грамот разошлось с концепцией Владимирского-Буданова. В этом вопросе Дьяконов исходил в основном из теории Сергеевича рубежа 80—90-х годов. Рассматривая иммунитетные грамоты как документы, содержащие «какие-либо изъятия... от общих порядков суда и податных обязанностей»³⁰, автор считал, что этими пожалованиями московские великие князья и цари «создают указную практику, на почве которой могут выработаться мало-помалу общие нормы»³¹. Дьяконов писал: «Хотя у нас почва для возникновения сословных привилегий оказалась менее

²⁶ П. Милюков. Указ. соч., изд. 5, стр. 208—209; изд. 6, стр. 222—223.

²⁷ Там же, изд. 5, стр. 142—143; изд. 6, стр. 147—148.

²⁸ Там же, изд. 5, стр. 209; изд. 6, стр. 223.

²⁹ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, т. I. Юрьев, 1907, стр. 210—213.

³⁰ Там же, стр. 211.

³¹ Там же, стр. 209.

благоприятной (чем на Западе.— *С. К.*), но все же некоторые из пожалований получили характер общих норм. Например, предоставляемое по жалованным грамотам землевладельцам право судить население своих имений и взимать с них подати вошло готовым элементом в состав крепостного права на крестьян вотчин и поместий»³². Таким образом, Дьяконов развил здесь мысль Сергеевича. Он изложил ее в такой форме, которую было довольно нетрудно примирить с положением об иммунитете как праве определенного сословия.

Сословное право видел в иммунитете и А. Е. Пресняков. Посмертная (1938 г.) публикация его лекций дает представление о концепции иммунитета, выдвинутой им в 1907/08—1915/16 гг. Пресняков подчеркивал древность «иммунитетной автономии церкви», ограничивавшейся лишь по мере усиления княжеской власти³³. Из лекций не вполне ясно, считал ли в это время Пресняков иммунитет атрибутом землевладения или результатом пожалования. Во всяком случае, он говорил, что в XII в. «предметом пожалования (подчеркнуто мною.— *С. К.*) были земли с населением их и с административно-судейскими правами и доходами над этим населением зависимых людей»³⁴.

Наличие боярского иммунитета в XI—XII вв. Пресняков отрицал: «В XI—XII вв. в Киевской Руси не видим еще признаков существования в боярских вотчинах вотчинного суда, вотчинной власти. Время иммунитета, уже народившегося для церкви, для боярства впереди, в удельной эпохе»³⁵.

В 1910 г. начала выходить «Русская история» М. Н. Покровского, который подверг решительной критике мнение «националистической историографии» об отсутствии феодализма в России³⁶. Согласно Покровскому, на Руси, как и в Западной Европе, «всякий самостоятельный землевладелец был „государем в своем имении“»³⁷. Попытку вывести права землевладельца из пожалований Покровский высмеивает: «...с обычной в нашей историко-юридической литературе «государственной» точки зрения эти пра-

³² М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 212. Попытка соединить концепции Владимирского-Буданова и Сергеевича в рамках классификационной схемы Владимирского-Буданова делалась также в курсе А. Н. Филиппова, однако автор гораздо больше, чем Дьяконов, находился под влиянием Владимирского-Буданова. Во всяком случае вывода о вхождении вотчинного суда в состав крепостного права у него нет (*А. Н. Филиппов. История русского права. Конспект лекций, ч. I, вып. II. Юрьев, 1906, стр. 8—12*).

³³ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. 195.

³⁴ Там же, стр. 194.

³⁵ Там же, стр. 195.

³⁶ М. Н. Покровский (С участием Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева). Русская история с древнейших времен, т. I. М., [1910], стр. 64—65 (*М. Н. Покровский. Избранные произведения в четырех книгах, кн. I. М., 1966, стр. 103*).

³⁷ М. Н. Покровский. Русская история..., т. I, стр. 86; ср. стр. 94 (он же. Избранные произведения, кн. I, стр. 123; ср. стр. 131).

ва всегда представлялись как особого рода исключительные привилегии, пожалование которых было экстраординарным актом государственной власти»³⁸.

Покровский соглашается с той частью концепции Сергеевича, которая провозглашает привилегию не исключением, а общим правилом, и считает привилегию правом целого сословия³⁹. В жалованной грамоте он видит только юридическую формальность, способ размежевания прав князя и частного землевладельца⁴⁰. Политическое значение Покровский придает лишь ханским ярлыкам и говорит, что они устанавливали «самый полный и мунитет церкви, каким только она пользовалась в средние века где бы то ни было в Европе»⁴¹.

Иммунитеты определяются автором как «особая подсудность для особых разрядов лиц и учреждений»⁴². Одновременно признается и существование «финансового иммунитета»⁴³. «Иммунитеты» в понимании Покровского оказываются принадлежностью и церкви, и светских землевладельцев, и «капиталистов», правивших «земством», и др. Автор, вероятно, в значительной мере разделял представление Сергеевича о всесословности иммунитетов.

Что касается источников иммунитета, лежавших глубже юридической формальности, то этого вопроса Покровский касался лишь применительно к светским вотчинникам. Природу их власти он усматривал не в структуре землевладения, а в пережитках патриархального права: вотчинное право «было пережитком патриархального права, не умевшего отличать политической власти от права собственности»⁴⁴.

Следовательно, для Покровского иммунитет — чисто юридический институт, в области светского землевладения закрепляющий независимо от него существовавшую власть вотчинника. Как и почему возник иммунитет церкви и других сословий, автор в 1910 г. не объяснял, оставляя тем самым место для теории пожалований. В концепции Покровского нашло выражение своеобразное сочетание идей Павлова-Сильванского (наличие феодализма в России, независимость вотчинного иммунитета от пожа-

³⁸ М. Н. Покровский. Русская история..., т. I, стр. 84 (он же. Избранные произведения, кн. I, стр. 121—122).

³⁹ М. Н. Покровский. Русская история..., т. I, стр. 85 (он же. Избранные произведения, кн. I, стр. 122).

⁴⁰ М. Н. Покровский. Русская история..., т. I, стр. 86—87 (он же. Избранные произведения, кн. I, стр. 124).

⁴¹ М. Н. Покровский. Русская история..., т. I, стр. 220 (он же. Избранные произведения, кн. I, стр. 218).

⁴² М. Н. Покровский. Русская история..., т. II. М., [1910], стр. 253 (он же. Избранные произведения, кн. I, стр. 438—439).

⁴³ М. Н. Покровский. Русская история..., т. II, стр. 241 (он же. Избранные произведения, кн. I, стр. 427).

⁴⁴ М. Н. Покровский. Русская история..., т. I, стр. 86 (он же. Избранные произведения, кн. I, стр. 123).

лования) и Сергеевича (иммунитет — право различных сословий и разрядов населения). Специфика его схемы заключалась в признании источником вотчинной власти «патриархального права». Этот специфический момент можно расценить как попытку приложить к частному землевладению представление о патерналистском характере княжеской власти, проистекавшей, по мнению Владимирского-Буданова, «из древних оснований власти домовладыки и отца»⁴⁵.

Покровский проводил прямую линию от вотчинной власти раннего периода до «уголовной юрисдикции помещика» и «подданства» ему крестьян в условиях «нового феодализма» XVIII — первой половины XIX в.⁴⁶ Здесь проявилось следование автора плодотворной идее Сергеевича — Дьяконова о вхождении иммунитета в состав позднейшего крепостного права.

В книге В. А. Панкова, вышедшей в 1911 г., проблема иммунитета также рассматривалась в довольно тесной связи с проблемой крестьянской крепости. Эта взаимосвязь, конечно, не была случайной в условиях столыпинской реформы, когда в буржуазной историографии резко возрос интерес к крестьянскому вопросу (в изучаемое время началась, в частности, энергичная разработка дипломатики актов крестьянской и холопской зависимости)⁴⁷. Останавливаясь на происхождении иммунитетных грамот, Панков указывал в качестве мотивов их выдачи благочестивые побуждения, желание устроить духовенство, помогавшее великим князьям в борьбе с удельными, а также стремление заселить пустующие земли для получения казенных доходов, переманить людей из других княжеств⁴⁸.

Повторение тезиса о благочестивых целях выдачи жалованных грамот предопределялось общим возрождением схемы Милютин — Горбунова в концепции Павлова-Сильванского. Дополнительным объяснением роста внимания к этому тезису в годы реакции может служить факт распространения богоискательских настроений в среде буржуазной интеллигенции в изучаемый пе-

⁴⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Киев, 1886, стр. 93.

⁴⁶ М. Н. Покровский. Русская история..., т. IV. М., 1912, стр. 55, 57, 61 и др. (он же. Избранные произведения, кн. II. М., 1965, стр. 57, 59, 62 и др.).

⁴⁷ В. С. Удинцев. История займа. Киев, 1908; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II. М., 1909, стр. 79; М. Дьяконов. К вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабале. — «Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому», ч. I. М., 1909; А. Лаппо-Данилевский. Служилые кабалы позднейшего типа. — «Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому», ч. II. М., 1909; «Сводный текст крестьянских порядных XVI века, составлен слушательницами С.-Петербургских Высших женских курсов». СПб., 1910; Б. Греков. Новгородские бобыльские порядные. — «Чтения ОИДР», 1912, кн. 2, отд. 2, стр. 1—6.

⁴⁸ В. Панков. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение. СПб., 1914, гл. I, стр. 1—29.

риод. Тогда же в русской историографии возродился специальный интерес к ханским ярлыкам русским митрополитам⁴⁹.

Схема Панкова важна новым раскрытием старого тезиса о благочестивых мотивах. Автор рассматривал грамоты как награду духовенству за помощь в борьбе с удельными князьями. Отсюда уже был один шаг до признания самих грамот орудиями междукняжеской политической борьбы. Однако этот шаг означал бы огромный качественный скачок, переход на позиции Н. Г. Чернышевского. Панков лишь показал тот поворот, который следовало придать тезису о благочестии, чтобы поставить его с головы на ноги, но сам остался на идеалистических позициях, считая жалованные грамоты актами благодарности, т. е. пассивными свидетелями, а не активными орудиями политической борьбы. Более того, он буквально переписал аргументацию Мейчика, доказывая не политические, а юридические причины «слабой исполнительной силы» жалованных грамот⁵⁰.

Дальнейшую судьбу иммунитета Панков трактовал в духе К. А. Неволлина, Д. М. Мейчика, М. Ф. Владимирского-Буданова. Вслед за Неволлиным он считал, что централизованное государство в ходе постепенного ограничения иммунитета ликвидировало его совсем (иммунитет светских землевладельцев — в XVI в., духовных — в XVIII в.)⁵¹. Все основные предпосылки для ликвидации церковно-монастырских иммунитетов, по мнению Панкова, были уже в XVI в. (сокращение казенных платежей с земель духовных корпораций, уменьшение заинтересованности правительства в монастырях в связи с уничтожением уделов и др.). Однако задержка секуляризации произошла, согласно Панкову, в силу мировоззрения тогдашнего общества, которое считало необходимым материально обеспечивать «устройство душ» и вообще испытывало благоговение перед духовенством⁵². Не совсем четко объяснял Панков фактическую разницу между владениями, имевшими жалованную грамоту, и владениями, не имевшими таковой. В XVI в., полагал он, положение крестьян в пожалованных вотчинах было не легче, чем в других землях, но крестьяне туда стремились лишь в надежде получить кратковременную льготу: монастыри давали ее вследствие большей своей материальной обеспеченности по сравнению с бестарханскими светскими феодалами.

Панков считал, что в ранний период (до XVI в.) крестьянство являлось свободным населением иммунитетных вотчин и лишь затем стало попадать в личную зависимость от землевла-

⁴⁹ Н. И. Веселовский. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству.— «Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина». СПб., 1909, стр. 525—536.

⁵⁰ В. Панков. Указ. соч., стр. 27—28.

⁵¹ Там же, стр. 112—113, 134 и др.

⁵² Там же, стр. 128—129 и др.

дельцев⁵³. Однако рост этой зависимости автор связывал не с экономической структурой феодальной собственности на землю, а с закрепостительной политикой правительства. Из своего обзора Панков сделал следующий вывод: отмена иммунитета привела к закрепощению высшего сословия, в конце XVI в. правительство закрепостило и крестьян. Таким образом, Панков вполне солидаризировался с представителями теории надклассового характера государства и всеобщего закрепощения сословий⁵⁴.

Эклектизм концепции Панкова основывался на полном игнорировании феодальной формы земельной собственности. Недаром земельных собственников автор иногда называл «капиталистами». Иммунитет рассматривался Панковым как простое дополнение к землевладению, часто как доходная статья.

В работе Панкова большой документальный материал (опубликованный и частично архивный) был систематизирован по княжествам, и при этом прослеживалось постепенное ограничение иммунитета. Автор справедливо отметил более ограничительный характер политики Москвы по сравнению с удельнокняжеской и стремление московского правительства XVI в. ликвидировать освобождение от важнейших налогов и не давать права суда по самым тяжконаказуемым видам преступлений. Как и Покровский, Панков усматривал в этом прежде всего попытку отобрать наиболее доходные статьи. Вместе с тем он правильно угадывал в ограничениях стремление к стеснению «иммунитетной независимости»⁵⁵ (т. е. задачу политическую). Однако, подобно своим предшественникам (Неволин, Мейчик, Владимирский-Буданов), Панков не выдвигал мысль, что правительство было не в состоянии, сохраняя феодальное землевладение, уничтожить «последние остатки иммунитетной независимости».

Таким образом, в книге Панкова делалась попытка объединить близкие между собой составные части схем Неволина — Милютина — Павлова-Сильванского, с одной стороны, Горбунова — Мейчика — Владимирского-Буданова — с другой. Основное противоречие этих двух больших направлений в историографии иммунитета состояло в полярном решении вопроса о происхождении и природе иммунитета. Однако, рассматривая происхождение грамот, Неволин, Горбунов и др. при всех отличиях их концепций друг от друга считали активным началом государство. Именно оно было заинтересовано в выдаче грамот (либо ради ограничения иммунитета, либо в силу благочестия и т. п.). В этом же духе решал вопрос о выдаче жалованных грамот и Панков.

Завершающему этапу развития буржуазной историографии феодального иммунитета в дореволюционной России предшество-

⁵³ В. Панков. Указ. соч., стр. 123, 144—145, 183—184.

⁵⁴ Там же, стр. 186.

⁵⁵ Там же, стр. 111—113.

вал ряд новых крупных и мелких публикаций жалованных грамот церковно-монастырским учреждениям и светским лицам⁵⁶. Оживленное обсуждение природы феодального иммунитета в 1915—1917 гг. сопровождалось интенсивным исследованием ханских ярлыков⁵⁷. Между развитием дипломатики жалованных грамот и дипломатики ханских ярлыков существовала довольно устойчивая связь, проявившаяся в годы первой революционной ситуации (1859—1861) и в 1915—1917 гг.

В 1915 г. был издан курс лекций по русской истории М. К. Любавского⁵⁸. Иммунитет Любавский рассматривал как «льготы» и «изъятия»⁵⁹, т. е. считал его чисто юридической категорией. Автор не сомневался в том, что источник иммунитета — княжеское пожалование. В этом смысле он вполне следовал за Милюковым: «Князья сделались у нас на Руси территориальными государами прежде, чем создано боярское землевладение, которое развивалось уже под покровом и в зависимости от княжеской власти»⁶⁰. Автор прямо отвергал мнение Павлова-Сильванского о независимом происхождении боярского землевладения⁶¹.

Для Любавского вопрос заключался лишь в том, почему князья жаловали иммунитеты и к каким последствиям это приводило. Названные им причины пожалования сводятся к четырем моментам: 1) князья не имели денег для раздачи жалования своим слугам и церковным учреждениям⁶²; 2) князья смотрели на государственную власть как на предмет частного владения, доходную статью и средство оплаты услуг⁶³; 3) религиозные мотивы князей⁶⁴; 4) предвидение князьями экономических выгод от заселения страны⁶⁵.

Здесь повторены очень старые доводы, встречающиеся в разных вариациях в историографии XIX — начала XX в. (Чичерин, Соловьев, Горбунов, Мейчик, Панков и др.). Однако автор выдвинул еще мысль об отсутствии исторической необходимости в

⁵⁶ Наиболее важны: «Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов». Под ред. А. К. Кабанова.— «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», вып. 3, ч. I. Сборник, т. XIV. Нижний Новгород, 1913; «Архив П. М. Строева», г. 1—2. Пг., 1915—1916; С. Шумаков. Обзор «грамот Коллегии экономии», вып. III. М., 1912; вып. IV. М., 1917 и др.

⁵⁷ М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916; Н. Веселовский. Рецензия на книгу М. Д. Приселкова «Ханские ярлыки...». — ЖМНП, 1917, март — апрель, стр. 119—124.

⁵⁸ М. К. Любавский. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915; изд. 2. М., 1916; изд. 3. М., 1918.

⁵⁹ М. К. Любавский. Лекции..., изд. 1—3, стр. 175.

⁶⁰ М. К. Любавский. Лекции..., изд. 1, стр. 174; изд. 2—3, стр. 175.

⁶¹ Там же (в дальнейшем ссылки даются только на 1-е издание).

⁶² Там же, стр. 175.

⁶³ Там же, стр. 162.

⁶⁴ Там же, стр. 160.

⁶⁵ Там же.

пожаловании иммунитетов. Он считал, что за услуги князя могли расплачиваться кормлениями, а не отказываться «навсегда» от своих прав по отношению к населению жалуемых имений: только «политическая неразвитость» князей толкнула их на путь предоставления иммунитетов ⁶⁶.

Более интересны выводы Любавского о последствиях пожалования. Автор признавал, что результатом иммунитетных пожалований было, во-первых, приближение статуса вотчины к статусу княжества и некоторое сходство русского иммунитетного владения с западным ⁶⁷ (в этом известное отличие от концепции Милокова ⁶⁸); во-вторых, появление наряду с экономической зависимостью крестьян-арендаторов (концепция Ключевского) юридической зависимости этих крестьян от своих владельцев ⁶⁹ (близость к концепции Сергеевича — Дьяконова).

Схема Любавского весьма эклектична и в главных чертах представляет собой симбиоз построений Милокова и Сергеевича.

Революционная обстановка 1916—1917 гг. заметно активизировала общественно-политическую и историко-юридическую мысль. П. И. Беляев, писавший в 1916 г. ⁷⁰, считал (вслед за Н. П. Павловым-Сильванским) иммунитет «конструкцией публичных прав как принадлежности недвижимых имений», возникшей независимо от государства («...в подчинении жителей привилегированной вотчины суду и дани господина иммунитетные грамоты только развивают исконные начала») ⁷¹. Автор утверждал, что феодальное правительство «было не в силах» «уничтожить существование сенъорий, ячеек крепостного права» ⁷². Беляев по существу присоединился к точке зрения Сергеевича — Дьяконова о неразрывности иммунитета и крепостного права. В термин «недвижимые имения» автор не вкладывал понятия феодальной собственности на землю. Феодал, по его мнению, был не собственником своей земли, а опекуном «в примитивном смысле», имеющим «власть над подопечным имуществом» и действующим «в своих интересах» ⁷³ (ср. идею «патриархального права» Покровского). Беляев фактически попытался примирить сильные стороны теорий Павлова-Сильванского и Сергеевича со славянофильской концепцией внесобственнического, сугубо политического характера власти феодалов. Отсюда его понимание жалованных грамот как

⁶⁶ М. К. Любавский. Лекции..., стр. 176.

⁶⁷ Там же, стр. 161, 162, 175, 179.

⁶⁸ Автор, впрочем, указывал, что «русский феодализм в своем развитии не пошел дальше первичных, зачаточных форм» (там же, стр. 180).

⁶⁹ Там же, стр. 162.

⁷⁰ П. И. Беляев. Древнерусская сенъория и крестьянское закрепощение. — ЖМЮ, 1916, октябрь — ноябрь.

⁷¹ Там же, октябрь, стр. 150.

⁷² Там же, стр. 152; ср. там же, ноябрь, стр. 165.

⁷³ Там же, октябрь, стр. 161. П. И. Беляев указывал, что феодал «есть не собственник, а властитель» (там же; стр. 178).

чисто управленческих актов, не затрагивавших социальной структуры феодального строя.

Большой историографический интерес представляет раздел, посвященный жалованным грамотам в сводной статье С. А. Шумакова о русских грамотах. Как и Дьяконов, Шумаков, используя классификационную схему Владимирского-Буданова, вложил в нее новое содержание. Вслед за Беляевым Шумаков сближал жалованные грамоты с грамотами правительственного управления — уставными, губными и земскими, но в отличие от Беляева он не искал общего источника всех этих разновидностей грамот, а выводил уставные, губные и земские грамоты из более древних жалованных⁷⁴. Указанные типы грамот Шумаков расценивал как «хартии вольностей отдельных классов (уставные грамоты) и лиц (грамоты жалованные в тесном смысле), вырванных и завоеванных ими в пылу классовой социально-экономической борьбы». И в сноске разъяснял: «Так по существу, если не по форме. Ведь если жалованные грамоты формально и являются октроированными актами, то по существу... решающим моментом в подобных случаях является не юридическая фикция добровольности дачи грамоты, а юридическое закрепление грамотой фактического переворота и сдвига, явившегося результатом классовой борьбы»⁷⁵.

В мысли Шумакова было много верного, однако «классовую борьбу» он усматривал главным образом во внутриклассовой борьбе боярства и дворянства. Так, справедливо отмечая постепенное ограничение судебного иммунитета, Шумаков указывал: «...Причем не осталась тут без влияния и классовая борьба старого боярства с новым дворянством, с участием в ней духовенства и тяглых классов ...под влиянием той же классовой борьбы ограничиваются и финансовые льготы грамотчиков...»⁷⁶ Вопрос о дальнейшей судьбе иммунитета Шумаков не ставил специально, но он верно подчеркнул: «Реальное соотношение сил было таково, что льготные грамоты продолжают даваться у нас до XVIII в.»⁷⁷

Таким образом, Шумаков, исходя из выработанного уже в науке представления об иммунитете как сословном праве (Дьяконов, Пресняков, Покровский), впервые в русской историографии связал выдачу жалованных грамот с острой борьбой классовых прослоек и сословий русского общества. В этом его заслуга. Однако Шумаков настолько в общих чертах обуславливал «классовую борьбу» выдачу жалованных грамот «в узком смысле», что тезис его не получил обоснования. Вне поля зрения Шумакова оставалась главная причина ограничения феодального иммунитета — развитие производительных сил и производственных отно-

⁷⁴ С. Шумаков. Обзор «грамот Коллегии экономики», вып. IV, стр. 5.

⁷⁵ Там же, стр. 3, прим. 1.

⁷⁶ Там же, стр. 8.

⁷⁷ Там же, стр. 9.

шений. Роль правительства в выдаче жалованных грамот статьей Шумакова тоже не выяснялась. Создавалось впечатление, что правительство довольно механически выполняло то, перед чем оно было поставлено фактами классовой борьбы. Это сближало Шумакова методологически с позднеюридической школой — Сергеевичем и др. Концепция Шумакова сложилась в значительной мере под влиянием революционной борьбы в России 1916—1917 гг. Характерно, что в период кризиса и падения самодержавия вновь были развиты и усилены те точки зрения, которые сводились к отрицанию активной роли государства в создании и отмене иммунитета. В схеме Шумакова идея челобитья была заменена идеей классовой борьбы за получение привилегий; у Беляева прямо отрицалась возможность отмены иммунитета феодальным государством.

Подводя итоги развития буржуазной историографии иммунитета, отметим постоянную борьбу в ней двух течений: одного — стремившегося доказать независимое от государства возникновение иммунитета, и другого — отстаивавшего мысль о государственном происхождении иммунитета.

При этом сторонники теории автогенного иммунитета (Неволин, Павлов-Сильванский) мало интересовались отношением иммунистов к получению жалованных грамот. В концепциях историков данного направления грамотчики — сторона пассивная, их интересы вне учета, правительство же выдает грамоты по политическим соображениям. У Ланге, И. И. Дитятина, Сергеевича — наоборот: грамотчики — инициаторы, челобитчики, заинтересованные в выдаче грамот, определяющие ее, а государство — пассивный механизм, выполняющий их волю. Каждое направление абсолютизировало одну сторону проблемы, не видя в акте выдачи грамоты своеобразной сделки, компромисса интересов. И та и другая постановка вопроса имела свои сильные стороны, так как охватывала часть истины.

Считая государство активным борцом за ограничение привилегий, некоторые представители первого направления смогли прийти к выводу, что государство пыталось приобрести то, чем не обладало, т. е. что иммунитетные привилегии возникли независимо от государства. Представители второго течения, предполагая механическое распространение иммунитета в общем порядке, сумели понять неразрывность иммунитетных привилегий с позднейшим крепостным правом. Внутренние слабости каждой концепции породили соответствующие неверные выводы: тезис об уничтожении иммунитета государством (до ликвидации феодального землевладения) — у сторонников первой теории, тезис о создании иммунитета жалованными грамотами, т. е. государством, — у выразителей челобитной теории.

Общее в этих воззрениях заключалось в абсолютизации (в том или ином аспекте) роли государства в истории иммунитета. Теоретики первого направления абсолютизировали государство в ре-

лигиозно-феодалном плане, представляя его источником законодательной мысли. Теоретики челобитного направления идеализировали самодержавное государство в чисто буржуазном духе, считая его исполнителем законодательной воли различных сословий. Незаметно для себя Сергеевич и Дьяконов, критиковавшие теорию Георга-Фридриха Пухты, славянофилов и Владимирского-Буданова, сами приближались к этой же позиции, ибо признание государства исполнителем воли различных сословий (от бояр до крестьян — у Сергеевича) означало солидарность с тезисом Пухты о законодателе как выразителе правового сознания народа в целом.

Буржуазный аспект идеализации государства стал возможен только в условиях более или менее зрелого капитализма, в обстановке буржуазных реформ, некоторого либерализма, ослабления открыто диктаторской роли самодержавия. Челобитную концепцию Ланге, Дитятина, Сергеевича подготовила эпоха реформ 60—70-х годов XIX в. Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. дала новый толчок для развития этой теории (Дьяконов). Челобитная теория, сеявшая буржуазные иллюзии относительно сущности самодержавия, не могла играть заметной прогрессивной общественной роли, за ней крылись надежды на «улучшение» самодержавия, его либерализацию в плане ответа на «челобитья» подданных, в то время как революционная постановка вопроса сводилась к требованию ликвидации самодержавия.

Абсолютизация государства в религиозно-феодалном плане (точнее — абсолютизация его религиозно-самодержавной сущности) либо давала прямую апологию самодержавия⁷⁸, либо подчеркиванием недоговорного характера государства (теория закрепощения сословий) могла играть некоторую прогрессивную общественную роль, косвенно выражая протест против автократии⁷⁹.

Абсолютизация самодержавной стороны государственной власти обычно имела место в условиях реакции, наступавшей после периодов революционного подъема (время Николая I, Александра II, столыпинская реакция). Особое значение она приобрела в годы крестьянской реформы, когда либералы надеялись на силу самодержавия в борьбе с крепостниками.

Кризис буржуазной историографии рубежа XIX—XX вв. проявился в ее неспособности выйти за рамки традиционных схем и в неизбежном возрождении в том или ином варианте концепций XVIII—XIX вв.

⁷⁸ В случае отождествления воли народа и воли государства.

⁷⁹ Этот скрытый протест звучал еще в ранней, теоретически противоречивой работе В. И. Сергеевича, в которой челобитная теория уживалась с абсолютизацией самодержавной сущности русского государства: «Государственная воля переходит границы возможного и не дает дышать частному человеку» (*В. Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883, стр. 58*).

**КРУПНАЯ МОНАСТЫРСКАЯ ВОТЧИНА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ
В КОНЦЕ XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.
В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ И СОВЕТСКИХ
ИСТОРИКОВ**

Л. И. Ивина

Изучение истории феодального общества невозможно без изучения земельной собственности, и в частности феодальной вотчины, которая во многом определялась экономической и социальной структурой государства. «Обладание землей и ее продуктами,— писал Ф. Энгельс,— составляло самую большую часть тогдашнего богатства»¹.

Вопросы перераспределения земельных фондов внутри класса феодалов принадлежат к наиболее важным проблемам феодальной действительности. Они касались коренных интересов как класса феодалов, так и огромного большинства крестьян и горожан.

Русские архивы содержат значительный материал для изучения истории феодальной вотчины XIV—XVI вв. В силу специфики сохранившихся русских источников XIV—XVI вв. в наиболее выгодном положении с точки зрения обеспечения документами находятся духовные феодалы — монастыри. Материалы архивов монастырей позволяют изучить генезис землевладения духовных феодалов, рост и пути его развития и тесное взаимодействие с другими сторонами экономической и политической жизни страны.

Особый интерес представляет изучение истории землевладения в периоды, характеризующиеся серьезными сдвигами в развитии феодального способа производства и изменениями форм государства. Таким периодом для Руси были XIV—XVI века — время объединения русских земель вокруг Москвы и создания единого государства. Именно этот период в истории Русского государства связан с образованием большого количества монастырей, которые за сравнительно короткий срок превратились в крупных духовных собственников, защищенных «как иммунитетом, так и крепкой церковной организацией»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 497.

² Там же, стр. 499. Высказывание Ф. Энгельса, относящееся к истории Франкского государства, одновременно позволяет более отчетливо представить процессы, происходившие в Русском государстве, благодаря общности ряда важных черт, в частности наличия иммунитета у духовных феодалов как во Франкском, так и в Русском государстве.

История русского феодального землевладения (и монастырского, в частности) давно привлекала внимание исследователей. В работах о монастырском землевладении они затрагивали как общие вопросы его развития, так и историю отдельных монастырей и их владений³.

В первой половине XIX в. появлялись в основном краткие исторические описания отдельных, наиболее крупных монастырей севера и центра России. Авторами их были чаще всего духовные лица, которых в первую очередь интересовали вопросы, связанные с историей церкви. Как правило, такие описания содержали публикации документов из монастырских архивов или их перечни⁴. Именно в накоплении материалов по истории монастырского землевладения состояла ценность этих работ. На основе этих публикаций, и в особенности благодаря изданию Археографической комиссией документов, появилась возможность создания более глубоких исследований по истории землевладения, и в частности монастырского землевладения.

Первой книгой, в которой была предпринята серьезная попытка исследовать монастырское землевладение с позиций гражданской истории, а не в узких рамках истории церкви, была книга А. Б. Лакиера⁵. Монастырское землевладение рассматривалось в ней не как частная проблема истории церкви, а как одна из форм земельной собственности, существовавшей в русском феодальном государстве. В особой главе, правда в самой общей форме, Лакиер остановился на происхождении и развитии землевладения духовенства на Руси IX—XVII вв., видя истоки его накопления главным образом в природе христианской религии (обязанность делать вклады для поминания умерших). О других путях увеличения владений духовенства А. Б. Лакиер упоминал вскользь. Признавая связь между развитием государства и ростом монастырского землевладения, приведшим в конечном итоге к

³ Не претендуя на исчерпывающий обзор литературы по данному вопросу, автор рассматривает только работы, касавшиеся монастырского землевладения в общем плане или истории складывания земельных владений отдельных монастырей Северо-Восточной Руси в конце XIV — в первой половине XVI в.

Работы по истории монастырского хозяйства XVI—XVII вв., источниковедческой основой которых послужили приходно-расходные и другие хозяйственные книги, где вопросов монастырского землевладения касаются бегло, как правило, в настоящем обзоре не упоминаются. Библиографию их см.: Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М.—Л., 1955; Л. С. Прокófьева. Вотчинное хозяйство в XVII веке. М.—Л., 1959; А. М. Борисов. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках. Петрозаводск, 1966; Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.

⁴ См., например: Архимандрит Досифей. Историческое описание Соловецкого монастыря, ч. I—III. М., 1836; «Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры». М., 1842, и др.

⁵ А. Б. Лакиер. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848.

ограничению его правительством, автор не касался социально-экономических сдвигов, происшедших на Руси за рассматриваемое им время. Бегло упомянув о главном источнике по истории монастырского землевладения — актах, Лакиер не сделал попытки их систематизации и определения степени важности для данной темы. Книга Лакиера встретила серьезную критику со стороны К. Д. Кавелина, который, в частности, упрекал автора за игнорирование огромного количества неопубликованных жалованных грамот⁶.

Во второй половине XIX в. в условиях глубоких социально-политических изменений, связанных с отменой крепостного права в России, наметился интерес к изучению историко-экономических вопросов. Уже в 60-х годах XIX в. историки стремились к более углубленному исследованию проблем земельной собственности духовенства: не только расширяется круг изучаемых вопросов и объем источников, но и совершенствуется методика их обработки. К таким исследованиям причислим книгу В. А. Милютин, охватившую весь период существования землевладения духовенства, появление которого (в отличие, например, от Лакиера) он относил только к XII в.⁷ Милютину присущи более тщательный отбор фактов в источниках и критическое отношение к свидетельству некоторых из них (он усомнился, например, в достоверности сведений Никоновской летописи о древнейшем происхождении церковных вотчин). Подробно показав пути роста богатств духовенства, Милютин подчеркивал значение его экономической мощи не только для вкладчиков, но и — на определенном этапе — для государственной власти: духовенство помогало в освоении земли и влияло на население, которое благодаря этому оставалось в повиновении. Но в конечном итоге роль духовного землевладения Милютин сводил к клерикальному пониманию церковного богатства как богатства нищих. В этом смысле он стоял на традиционной для историографии того времени точке зрения⁸.

В исследовании среди других материалов Милютин использовал опубликованные монастырские акты, сделал попытку их классификации и изучения формуляра во времени.

В отличие от Лакиера, который бегло коснулся проводившихся в XVI в. мер по ограничению монастырского землевладения, Милютин включил в свою книгу специальную главу, посвященную этому вопросу, где шла речь не только о секуляризационных мерах правительства, но и о наличии определенных сил в обществе того времени, осуждавших церковное стяжание.

⁶ К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. IV. СПб., б/г., стлб. 447—490.

⁷ В. А. Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862.

⁸ См., например: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. 4. М., 1960, стр. 596.

К проблемам монастырского землевладения и его секуляризации в 60—70-х годах XIX в. все с большим интересом стали относиться исследователи общественной и идейной жизни Русси. Наиболее серьезной в этом плане была работа А. С. Павлова, сумевшего впервые широко, с привлечением значительного материала показать связь общественных движений XV—XVI вв. с государственными и церковными порядками⁹. В центре его внимания оказался вопрос об отношении светской власти к земельным владениям духовенства и о мерах, предпринятых московскими государями для ограничения церковных земель. При этом он указывал на двойственность, проявившуюся в отношении светской власти к монастырям, выразившуюся как в ограничении и уменьшении их земельных богатств, так и в щедрых пожалованиях деньгами и вотчинами. Монография Павлова систематизировала большой фактический материал, касающийся секуляризации церковных земель в России XV—XVI вв.¹⁰

Обширный труд, посвященный истории отдельных духовных феодалов, принадлежит М. И. Горчакову. Его книга о земельных владениях митрополитов, патриархов и синода более чем за 600 лет (988—1738 гг.)¹¹, изобилует большим фактическим материалом (особенно в Приложении), для XV—XVI вв. давала только самое общее представление о происхождении и развитии митрополичьего землевладения, преимущественно в юридическом плане.

В новом аспекте находим рассмотрение вопросов монастырского и церковного землевладения в книге С. В. Рождественского о служилом землевладении в Московском государстве XVI в.¹² Исходя из положения, что хозяйственный строй княжеских вотчин тождествен монастырскому и церковному, автор считал возможным, изучив последние, перенести выводы на княжеские, ибо для изучения княжеских вотчин сохранилось мало материала. Один из признаков сходства монастырских владений с другими видами землевладения Рождественский видел в наличии у них условного держания, при помощи которого осуществлялись разнообразные духовные и материальные связи между монастырем и его вкладчиками, представлявшими все классы общества. Таким образом, Рождественский подробно изучал взаимоотношения монастырей со светскими феодалами, используя накопленный к тому времени огромный документальный материал и опыт исследовательской мысли конца XIX в.

⁹ А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871.

¹⁰ См. подробнее: Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970, стр. 14—16.

¹¹ М. И. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода (988—1738 гг.). СПб., 1871.

¹² С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897.

По Рождественскому, монастырь Московской Руси «сделался самым чистым типом землевладельца и капиталиста». Он подчеркивал (как и большинство исследователей XIX в.), что главная нравственная потребность древнерусского общества — забота о спасении души — служила обильным источником монастырских богатств, земельных и денежных. Но Рождественский пошел дальше, показав, что накопление земель в руках монастырей и церкви привело к борьбе государства за их ограничение в пользу служилого класса. Однако главную причину неудачи законодательных мер ограничительного характера Рождественский в первую очередь видел в религиозных настроениях общества, а уже затем в условиях его экономического быта.

Во второй половине XIX — начале XX в. наиболее плодотворно вопросами монастырского землевладения занимались В. О. Ключевский, Н. К. Никольский и Б. Д. Греков¹³. Посвятив свои работы исследованию истории отдельных монастырей, они впервые связали их судьбы с общественно-политическими проблемами того времени, обратив особое внимание на социально-экономические процессы. Их исследование по истории Соловецкого, Кирилло-Белозерского монастырей и Новгородского дома св. Софии не утратили своего значения до сих пор.

Своеобразным образцом для исследователей отдельных монастырей, и в частности Соловецкой вотчины, явилась небольшая по объему работа В. О. Ключевского о хозяйстве Соловецкого монастыря. Ключевский не только выявил специфические особенности этой северной промысловой монастырской вотчины и подчеркнул ее социально-экономическую сущность, но и связал историю создания монастыря и его земельных владений с историей новгородской колонизации Беломорского края, показав тем самым необходимость рассмотрения истории монастырей на общем фоне политической и экономической жизни страны¹⁴.

Большой вклад в изучение проблемы монастырского землевладения был сделан Н. К. Никольским. В своем капитальном труде по истории Кирилло-Белозерского монастыря Никольский на громадном документальном материале не только прослеживал зарождение и развитие Кирилло-белозерской вотчины, но и впер-

¹³ В. О. Ключевский. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. — В. О. Ключевский. Соч., т. VII. М., 1959, стр. 5—33, Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV—XVII вв. — «Христианское чтение», август 1907 г., стр. 153—189; он же. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до 2-й четверти XVII в., т. I, вып. II. СПб., 1910; Б. Д. Греков. Новгородский дом в Софии, ч. I. СПб., 1914.

¹⁴ Многие поставленные В. О. Ключевским проблемы развития соловецкой вотчины были изучены уже советскими историками, детально обследовавшими разнообразные документальные материалы монастырского архива. См. А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927; А. М. Борисов. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках. Петрозаводск, 1966.

вые в литературе рассматривал рост монастырской вотчины в зависимости от правительственной политики по отношению к монастырскому землевладению в целом, монастырю в частности, и идеологической борьбы того времени. Это позволило Никольскому выявить несколько этапов в развитии монастырского землевладения. Так, 50—70-е годы XV в. характеризовались спадом размеров монастырской вотчины, что объясняется нестяжательскими наклонностями братии и запретительными мерами правительства по вопросу приобретения вотчин; в 20—40-х годах XVI в. спад сменился подъемом, который автор связывал с пошатнувшимся положением нестяжателей. Особенно бурный рост монастырских владений Никольский отметил перед запретительными мерами правительства 1551, 1572 и 1580 гг.

Капитальных работ о среднерусских монастырях в конце XIX — начале XX в. создано не было. К наиболее известным относятся работы библиотекаря Троице-Сергиевой лавры перомонаха Арсения¹⁵, в которых исследовался только первоначальный период жизни крупнейшего русского монастыря. Заслуга Арсения состоит в привлечении материалов архива Троице-Сергиевой лавры. В своих работах Арсений исходил из положения об отсутствии монастырского землевладения при жизни Сергия и его нестяжательских наклонностях¹⁶.

Характеристику землевладения Московского Успенского собора с конца XV до XVII в. находим в книге Г. Н. Шмелева¹⁷. Соединение данных актового материала и писцовых книг позволило автору описать состояние владений Успенского собора и хозяйственную жизнь в них в XVII в. История вотчины в предшествующее время освещена бегло. Показав, что наиболее важной стороной богатства Успенского собора были его земельные владения, Шмелев в то же время подчеркивал социальное неравенство церковнослужителей, выразившееся, в частности, в неравномерном распределении доходов с владений.

Привлечение писцовых книг позволило поставить ряд новых вопросов по истории феодального землевладения. Такова работа Е. Д. Сташевского — историко-географический обзор Московского уезда, одного из самых значительных уездов Русского государства XVI в.¹⁸ В книге сделана попытка воссоздать картину

¹⁵ *Арсений*. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя, преподобного Сергия.— «Летопись занятий Археологической комиссии», вып. VII. СПб., 1884; *он же*. Село Клементьево.— «Чтения ОИДР», 1887, кн. II.

¹⁶ Подробнее см.: *В. И. Корецкий*. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю (из истории землевладения XIV—XVI вв.).— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», 1959, вып. 21, стр. 176—177; *И. У. Будовниц*. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966, стр. 106—107.

¹⁷ *Г. Н. Шмелев*. Из истории Московского Успенского собора. М., 1908.

¹⁸ *Е. Д. Сташевский*. Московский уезд по писцовым книгам XVI в.— «Университетские известия». Киев, 1907, №№ 1, 7, 12 (Прибавления).

землевладения уезда, в частности монастырского, однако она неполна ввиду плохой сохранности писцовых книг XVI в. Сташевский пытался выявить особенности монастырского землевладения, считая его более полным и безусловным, экономически более сильным, чем вотчинное и поместное. Приложенная к книге карта с нанесенными на нее 18 станами Московского уезда широко используется советскими исследователями.

Советская историческая наука достигла значительных успехов в изучении истории феодального землевладения. Работа по выявлению и публикации источников одновременно с углубленным изучением теоретических проблем феодальной земельной собственности и форм землевладения на основе богатейшего наследия основоположников марксизма-ленинизма привела к появлению капитальных исследований по истории монастырского землевладения XIV—XVI вв.— периода формирования и укрепления единого Русского государства. Если ученые XIX — начала XX в. главное внимание концентрировали на юридических особенностях различных форм землевладения, выясняя состав земельных владений и специфические черты в основном северо-западных монастырей, то советские историки, опираясь на достигнутый предшественниками опыт, рассматривали монастыри прежде всего как феодальных землевладельцев, собиравшие земельные богатства которых зависело как от их политической роли в государстве и идеологии монашества, так и от отношения к монастырям государства на разных этапах его развития. Широко известными стали работы Б. Д. Грекова, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, А. И. Копанева, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина.

Особенно значительны заслуги академика С. Б. Веселовского по собиранию и осмыслению источников из русских монастырских архивов XIV—XVII вв. Изучая историю феодального землевладения, Веселовский большое место в своих работах отвел истории монастырского землевладения и иммунитета¹⁹. Его работы по истории землевладения Северо-Восточной Руси отличаются большой конкретностью и исключительным знанием источников. Он впервые, с привлечением огромного архивного материала исследовал митрополичьи и монастырские земельные владения, сопоставляя данные писцовых книг и монастырских актов за XV—XVII вв.

Скрупулезное описание отдельных вотчин, снабженное картами, дало возможность показать эволюцию феодальных владений в государстве на протяжении значительного периода вре-

¹⁹ С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926; *он же*. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М.—Л., 1936; *он же*. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.— «Исторические записки», 1941, № 10, *он же*. Из истории древнерусского землевладения.— «Исторические записки», 1946, кн. 18; *он же*. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947.

мени, часто более столетия. Перед читателем развертывалась подробнейшая история земельных владений митрополичьего дома и некоторых владений Троице-Сергиева, Саввы-Сторожевского, Козязина, Костромского Ипатьевского, Благовещенского Киржацкого, Борисоглебского и Владимирского Рождественского монастырей.

Изучая историю землевладения, Веселовский не ограничивался только сферой аграрных отношений, но связывал многие экономические факторы с государственной политикой. Так, на определенном этапе развития Русского государства, когда завершалась колонизация территории вширь, он рассматривал продажу населенных владений великим князем как акт исключительной милости, имеющий политическую подоплеку. Отношение московских государей к переходу частных вотчин путем дарений, продажи, залогов в руки монастырей и иерархов церкви он также относил к области земельной политики, а наличие или отсутствие в определенное время вкладов в духовные учреждения связывал с их политической ориентацией. С. Б. Веселовский особенно подчеркивал, что с последней четверти XV в. митрополиты и другие иерархи церкви, монастыри превращались в обыкновенных вотчинников.

Конкретная часть его исследований всегда поражает обилием материала, тщательностью его использования. Все это сделало его крупнейшим знатоком истории феодализма в России. Однако теоретические построения и выводы Веселовского не раз подвергались критике в советской историографии²⁰. Пересмотрен современными исследователями и ряд положений Веселовского по вопросам, связанным с историей светского и церковного землевладения, иммунитета, с историей образования монастырей в Северо-Восточной Руси XIV в. Правильно отметив, что с середины XIV в. в истории монашества Северо-Восточной Руси происходил перелом, Веселовский объяснял это явление односторонне, связав его только с перемещением митрополичьей кафедры из Киева в Москву. Понимая значение монастырей как феодальных землевладельцев и видя в них крупную экономическую силу, он в то же время недооценивал значение народной колонизации, игравшей первостепенную роль в освоении земель.

В исследованиях Л. В. Черепнина по социально-экономической и политической истории Русского государства XIV—XV вв. значительное место уделяется природе и значению истории феодального землевладения вообще, монастырского в частности, и связанным с ними вопросам теории феодального иммунитета и клас-

²⁰ См. Л. В. Черепнин. 50 лет советской исторической науке и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России.— «История СССР», 1967, № 6, стр. 88—89.

совой борьбы²¹. Стремление выявить классовую сущность и политическое значение источников, не отрывая их от конкретной исторической действительности, изучение архивных фондов, в которых они хранились, помогло Черепнину глубже проникнуть в изучаемый материал, показать его в новом аспекте, прочнее связать экономику и политику и наметить пути для дальнейшего исследования. Новый подход к источникам, в том числе к тем, которые характеризуют землевладение и хозяйство духовных феодалов, особенно к жалованным и правовым грамотам, а также к копиям книг монастырских актов, позволил осветить и многие неизученные еще вопросы, связанные с происхождением и методами исследования этих источников. Черепниным были впервые широко поставлены и рассмотрены проблемы истории иммунитета феодального землевладения в зависимости от этапов развития Русского государства в XIV—XV вв. и деятельности феодального суда на примере монастырских правовых грамот XV в. Предложенная им схема классификации жалованных грамот принята за основу новейшими исследователями.

Черепнин особенно подчеркивает значение церковного и монастырского землевладения в развитии политической централизации XIV—XV вв., указывая на сложившиеся привилегии этого землевладения: отсутствие для него политических перегородок, право экстерриториальности. Все это привело к тому, что церковные землевладельцы раньше других становятся земельными собственниками всероссийского масштаба.

Исследуя предпосылки образования Русского централизованного государства в области аграрных отношений, Черепнин в качестве источника привлекает и монастырские акты для показа различных средств захвата духовными феодалами черных крестьянских земель, путей увеличения монастырских вотчин, показа развития форм условного землевладения, различных категорий крестьянства и форм их эксплуатации, показа идеологии крестьянства и особенностей классовой борьбы.

Вопросы, связанные с судьбами монастырского землевладения, находят свое отражение в книге Я. С. Лурье, посвященной идеологической борьбе в русской публицистике конца XV — начала XVI в.²² Автор показывает, что развитие землевладения монастырей и социально-экономические противоречия, вызванные этим, не могли не повлиять на направленность публицистических памятников рассматриваемого периода, оформление политических взглядов церковников и их позицию по отношению к госу-

²¹ Наиболее значительные в этом плане работы: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. 1. М., 1948; ч. 2. М., 1951; он же. Образование Русского централизованного государства. М., 1960.

²² Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., 1960.

дарственной власти. В книге пересматривается вопрос о месте, которое занимала идея о приобретении монастырских «сел» в идеологической борьбе конца XV в. Делается вывод, что вопрос о нестяжательстве (отказе монастырей от земельной собственности) не выдвигался в конце XV в. в сколько-нибудь прямой форме.

На истории монастырского землевладения в первой трети XVI в. останавливается Н. А. Казакова, рассматривая эти вопросы в связи с секуляризационными мероприятиями правительства и теорией нестяжательства, идеологом которого в это время становится Вассиан Патрикеев²³.

Важное значение для истории монастырского землевладения имеет изучение его иммунитета. Историография этой проблемы подробно освещена в трудах С. М. Каштанова²⁴.

Историю возникновения монастырей нового типа на Руси XIV—XVI вв. и их столкновение с крестьянством на материале житий святых изучал И. У. Будовниц²⁵. Вслед за В. О. Ключевским, А. А. Савичем и С. Б. Веселовским²⁶ он поставил общую проблему происхождения монастырей и сущности монастырской колонизации, но пошел дальше, связав ее с социально-экономическими и политическими процессами образования единого Русского государства. В книге выясняются мотивы, которыми руководствовались основатели монастырей в своей деятельности, показано, что монахи шли за народной колонизацией, появляясь, как правило, уже на обжитых крестьянами местах, а расширение монастырского землевладения приводило к столкновениям и борьбе с крестьянством. Нам представляется, что Будовниц, рассматривая причины возникновения монастырей, переоценивал значение таких факторов, как стремление их основателей к наживе. Считая приобретенные земли личной собственностью основателей монастырей, автор недооценивал корпоративный характер монастырского землевладения. Вместе с тем не всегда ясен и критерий достоверности, применяемый в книге при истолковании текстов житий святых.

²³ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960; она же. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в.

²⁴ С. М. Каштанов. К изучению опричнины Ивана Грозного.— «История СССР», 1963, № 2, стр. 111—117; он же. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI века. М., 1967; он же. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

²⁵ И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв.

²⁶ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2.— В. О. Ключевский. Соч.; т. II. М., 1957, стр. 247; А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв., стр. 28—29; С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.— «Исторические записки», 1941, № 10, стр. 95.

Развивая тезис о создании в XIV в. монастырей на общинной земле, освоенной черными крестьянами, И. И. Бурейченко²⁷ рассмотрел проблему поземельных отношений и иммунитета монастырей, отмечая различную степень ее условности, и показал пестроту монастырского феодального статуса. Особое внимание автор уделил переходу монастырей к владению землями на корпоративной основе, составлявшей сущность изменений в поземельных отношениях общежитийных монастырей, обратив внимание на ее роль в разрушении общинного землевладения и в феодализации общества.

Опыт изучения экономических отношений в отдельных районах в начале XX в. киевскими исследователями²⁸ продолжил А. И. Копанев на примере Белозерского края²⁹. Исследуя историю феодального землевладения края с момента зарождения крупных феодальных вотчин до полного поглощения ими черных крестьянских земель, автор особое внимание обратил на социально-экономические моменты, подчеркивая в то же время своеобразие, обусловленное географическим положением и политической историей края. Историю монастырского землевладения, особенно владельческих вотчин и черного крестьянства Копанев рассматривал в динамике, с учетом политической обстановки в государстве, что дало возможность проследить взаимоотношения различных форм землевладения и детально показать борьбу светских и духовных феодалов с чернососными крестьянами за землю. Существенно расширив круг источников и обратив особое внимание на акты и писцовые книги, Копанев создал подробнейшие исторические карты поселений XV—XVII вв., отразившие картину землевладения Белозерского края.

Судьбе крупных монастырей в XVI в. и их порайонному размещению уделено внимание в книге М. Н. Тихомирова, посвященной исторической географии России XVI в.³⁰ Наряду с показом места монастырского землевладения и хозяйства в государстве, их связей с определенными районами и городами Тихомиров подчеркивал значение монастырей в формировании русской культуры.

Конкретно-историческому изучению землевладения Переяславского уезда в XV—XVI вв. посвящена монография Ю. Г. Алексева³¹. Одна из глав в книге отведена вопросам монастырского землевладения, где рассматривается главным образом история вотчин

²⁷ И. И. Бурейченко. Монастырское землевладение и хозяйство Северо-Восточной Руси во второй половине XIV века. Автореферат канд. дисс. М., 1966.

²⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III, М., 1963, стр. 571.

²⁹ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

³⁰ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962.

³¹ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966.

Троице-Сергиева и Горицкого монастырей с момента зарождения до конца XVI в. на основе анализа актового материала. Алексеев показал, что основной комплекс владений этих монастырей сложился к 70-м годам XV в. Значительная часть их приобретена путем покупок или в уплату за долг. Ряд земель захватывается монастырями без какого-либо юридического оформления. В конце XV в. рост монастырских вотчин в Переяславском у., как и в других землях Русского государства, прекращается на 20—30 лет. Это явление Алексеев связывает с такими факторами, как политическая и экономическая стабилизация, характерными для Русского государства последних десятилетий XV в., подъем экономики, рост населения, усиление контроля правительства над аграрными отношениями; отмечаются им и факторы идеологического порядка. Значительный рост монастырского землевладения Переяславского у. прослеживается Алексеевым в период опричной ломки 60—70-х годов XVI в.

Советские исследователи продолжают изучать историю отдельных духовных феодалов.

История землевладения и хозяйства Волоколамского монастыря в XVI в. рассматривалась в статье М. Н. Тихомирова³². Дав общую характеристику монастыря как крупного феодального землевладельца, Тихомиров подчеркивал необходимость наряду с изучением монастырского землевладения изучать социальный состав монастырской братии, что помогает выявить специфику монастыря-вотчинника.

Детальному изучению проблем экономической и политической жизни Иосифо-Волоколамского монастыря в XVI в. посвящена часть работы А. А. Зимина «Очерки по истории феодального землевладения и хозяйства Московского государства»³³. Изучая жизнь этого среднерусского монастыря в разных аспектах, Зимин сумел не только создать целостную картину зарождения и роста экономической основы этого монастыря-землевладельца, но и показать значение, которое монастырь играл в общественной и политической жизни того времени. Выяснение социального состава монастырской братии позволило определить питательную среду, связи этого духовного феодала с различными слоями общества и то влияние, которое он оказал на русскую действительность XVI в. Источниками послужили не только акты, вкладные, писцовые книги и т. д., но и публицистические памятники, позволившие историку понять связь идеологической жизни и социального строя крупного монастыря-вотчинника.

Впервые с привлечением всех сохранившихся источников характеризуется землевладение Чудова монастыря в статье В. Б. Коб-

³² М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в. — «Исторические записки», 1938, кн. 3, стр. 130—160.

³³ А. А. Зимин. Очерки истории землевладения и хозяйства Московского государства. Рукопись канд. дисс. М., 1947.

рина³⁴. Сопоставление актов и данных писцовых книг помогло автору с большой тщательностью проследить историю зарождения и развития вотчины Чудова монастыря и определить примерные ее размеры. Некоторые аспекты истории вотчины Чудова монастыря в XVI в. рассматриваются в связи с политической историей, особенно в период опричнины, когда монастырь был тесно связан с царским двором и опричными кругами.

Землевладению Троице-Сергиева монастыря на заре его существования посвящены статьи В. И. Корецкого и И. И. Бурейченко³⁵. Авторы пришли к выводу о наличии у монастыря сразу же после его основания земельных владений. Корецкий обратил также внимание на борьбу Троице-Сергиева монастыря с черносошными крестьянами Переяславского уезда.

Рассматривая кардинальные проблемы социально-экономической и политической истории России XVI в. в связи с земским управлением, Н. Е. Носов касается судеб отдельных владений Троице-Сергиева монастыря в первой половине XVI в.³⁶

Процессу складывания вотчины Симонова монастыря в течение длительного времени (XIV — первая половина XVI в.) посвящена работа Л. И. Ивиной³⁷. Развитие монастырской вотчины автор пытался проследить в связи с социально-экономической и политической жизнью Русского государства.

Таким образом, советские историки в 40—70-х годах XX в. все большее внимание обращали на изучение истории церковно-монастырского землевладения. В исследовании этой темы намечилось четыре направления:

1) порайонное изучение истории землевладения вообще и монастырского в частности (А. И. Копанев, Л. В. Данилова, Л. М. Марасинова, Ю. Г. Алексеев);

2) изучение судеб землевладения отдельных духовных феодалов за более или менее значительный период (А. А. Савич, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, А. М. Борисов

³⁴ В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.).— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», 1962, вып. 25, стр. 289—322.

³⁵ В. И. Корецкий. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю (Из истории монастырского землевладения XIV—XVI вв.).— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», 1959, вып. 21; И. И. Бурейченко. К вопросу о дате основания Троице-Сергиевского монастыря.— «Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника», вып. 2. Загорск, 1958; он же. К истории основания Троице-Сергиева монастыря.— Там же, вып. 3. Загорск, 1960.

³⁶ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России.— «Изыскания о земской реформе Ивана Грозного». Л., 1969.

³⁷ Л. И. Ивина. Источники по истории формирования монастырской вотчины в конце XIV — начале XV в. (на материалах Московского Симонова монастыря).— «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 14—24; она же. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. (По материалам Московского Симонова монастыря).— Автореферат. канд. дисс. Л., 1969.

и др.) или небольшой отрезок времени (И. И. Бурейченко, В. Б. Кобрин, В. И. Корецкий);

3) изучение истории монастырского землевладения в общерусских рамках (И. У. Будовниц, И. И. Бурейченко);

4) изучение истории монастырского землевладения в рамках исследования общих проблем развития феодальных отношений и в связи с рассмотрением различных аспектов истории внутренней политики и идеологической борьбы (С. Б. Веселовский, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, Н. Е. Носов, С. М. Каптанов и др.).

Каждый из этих путей исследования дает важные результаты, помогая систематически и повсеместно изучить зарождение и развитие различных форм землевладения в совокупности с другими историческими явлениями и тем самым глубже понять социально-экономические процессы Руси XIV—XVI вв.

II

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ЕЕ КРИТИКА

ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ США (1918—1945 ГГ.)

П. Б. Уманский

Двадцатилетие между I и II мировыми войнами было насыщено многими важными и сложными событиями в истории США, развернувшимися на фоне первого этапа общего кризиса системы капитализма, со всеми присущими ему закономерностями и специфическими проявлениями, в конкретных условиях североамериканской действительности. В идейной атмосфере тех лет состояние американской буржуазной исторической науки характеризовалось уже не тенденцией, а отчетливо обозначившимся разрывом между быстрым развитием ее организационных форм, ростом количества исторических работ, дальнейшим усовершенствованием техники исследования, расширением источниковедческой базы и общим методологическим уровнем буржуазной исторической мысли. Кризис исходных методологических установок американской буржуазной историографии объективно отражал историческую обреченность господствующего класса, утрату им исторической перспективы или, по выражению американского исследователя, «распатанный оптимизм и растущее неверие» поколения после первой мировой войны¹.

В предшествовавший период развития американской буржуазной историографии появились новые направления в изучении войны за независимость: «имперская» и «экономическая» школы.

Представители «имперской» школы (наиболее значительными историками данного направления в конце XIX — начале XX в. являлись Г. Осгуд и Д. Бир) стремились связать проблемы револю-

¹ A. S. Eisenstadt. Ch. Mc. L. Andrews, N. Y., 1956, p. 195.

ции с положением в Британской империи, обратив пристальное внимание на колониальный период истории Северной Америки. Широкое использование американских и европейских архивов позволило им сделать немало важных и интересных выводов и обобщений. В то же время выдвинутая историками «имперской» школы концепция Первой американской революции отражала усиление консервативных тенденций в подходе буржуазных историков к определению места и значения войны за независимость в истории США. Это проявилось в сужении социальных основ революции, в ограничении ее значения рамками движения за политическую независимость, в высказывавшихся сомнениях о неизбежности и даже прогрессивности революции.

Становление «экономического» направления в историографии Первой американской революции непосредственно отражало распространение идей буржуазного экономизма в обстановке обострения в США в начале XX в. социальных противоречий и усиления накала классовых схваток. Основные линии исследований проблем Войны за независимость историками этого направления были связаны с более глубоким подходом к изучению революции, с привлечением документов из архивов отдельных штатов, с рассмотрением разнообразных сторон деятельности различных социальных групп, а не только ведущих идеологов, политических и военных лидеров.

Работы историков «экономического» направления (Ч. Линкольн, К. Беккер) внесли определенный положительный вклад в углубление и расширение понимания причин и значения войны за независимость. Они выдвинули и обосновали плодотворный тезис о наличии (в рамках борьбы за политическую независимость американских колоний от метрополии) движения за демократизацию внутри самих колоний. Но, заложив некоторое количество кирпичей в фундамент научной концепции Первой американской революции, историки «экономического» направления такой концепции не создали. Пороки методологических основ интерпретации революции, буржуазная ограниченность подхода к оценке важнейших ее проблем обусловили внутреннюю противоречивость выдвинутых положений. Авторы оказались не в состоянии верно определить место и значение Первой американской революции, ее классовую сущность.

Позиции историков «имперской» и «экономической» школ, занимавших в рассматриваемый период доминирующее положение в американской буржуазной историографии Войны за независимость, по кардинальным ее проблемам анализируются в настоящей статье.

В 20—30-х годах XX в. проблемы Первой американской революции, особенно ее предыстории, продолжали разрабатываться историками «имперской» школы. К этому периоду относятся выступления виднейшего представителя школы Ч. Эндрюса с фундаментальными работами, в которых содержался синтез кон-

цептуальных воззрений «имперских» историков и обозначились тенденции, характерные для указанного направления в изучении революции на новейшем этапе развития американской буржуазной историографии².

Философско-историческая концепция Ч. Эндрюса в своей основе была эклектичной и содержала противоречивые положения. С одной стороны, он утверждал, что объективность исторического изложения «нежелательна так же, как и невозможна»³, хотя здесь же в стиле традиций школы Ранке им употреблялись выражения об «объективной истории как просто беспристрастной истории»⁴, об «объективности», отражающей поиски «правды в истории»⁵. В то же время Эндрюс выражал уверенность в прогрессивном характере исторического познания, обусловленного все большим приближением «каждого поколения» исследователей «к пониманию прошлого»⁶. Отвергая марксистскую точку зрения об определяющей роли социально-экономических факторов и классовой борьбы в исторических процессах как якобы «чрезмерное упрощение» истории и «поверхностную манипуляцию фактами и логикой в интересах предвзятой теории»⁷, Эндрюс в искаженном виде представлял принципы исторического материализма, приписывая ему вульгарно-материалистическую доктрину экономического детерминизма⁸. Призывая к рассмотрению комплекса причин исторических процессов посредством анализа взаимодействия идей, институтов, «влияния материальных условий жизни на социальную и политическую организацию»⁹, Эндрюс в конечном счете отводил роль доминанты социальных явлений факторам «институциональным и политическим»¹⁰.

Неприятие материалистической методологии обусловило отсутствие цельности, внутренней логики и научной последовательности в подходе Эндрюса к определению места революции в истории общества, во многом позволяющее уяснить характер его концепции Первой американской революции.

² *Ch. M. Andrews. The Colonial Period. New Haven, 1912; idem. The Colonial Background of the American Revolution. New Haven, 1924; idem. The American Revolution: An Interpretation.—«American Historical Review», vol. XXXI, January 1926, p. 219—232; idem. The Colonial Period of American History, vols. I—IV. New Haven, 1934—1938.*

³ *Ch. M. Andrews. These Forty Years.—«American Historical Review», vol. XXX, № 2, January 1925, p. 243.* Эта статья являлась президентским посланием съезду Американской исторической ассоциации в декабре 1924 г.

⁴ *Ibid.*, p. 244.

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ch. M. Andrews. The American Revolution...*, p. 219.

⁷ *Ch. M. Andrews. The Colonial Period of American History, vol. IV, p. 425, 427—428.*

⁸ *Ibid.*, p. 428.

⁹ *Ch. M. Andrews. These Forty Years*, p. 241.

¹⁰ *Ch. M. Andrews. On the Writing of Colonial History.—«William and Mary Quarterly», 3d ser., I, 1944, p. 30—33.*

С одной стороны, Эндрюс отмечал, что революции — «детонации взрывчатых материалов, в течение долгого времени аккумулирующихся и зачастую потенциально скрытых. Они — результаты широкого комплекса экономических, политических, социальных и правовых сил, которые, действуя коллективно, выступают как хозяева, а не как слуги государственных деятелей и политических агитаторов. Они никогда не внезапны в своем происхождении, а обязаны влияниям, действовавшим в прошлом»¹¹. В то же время Эндрюс по существу ставил под сомнение неизбежность революционных изменений в развитии общества, когда выводил происхождение революции из отказа или нежелания консервативных элементов данного общества признать закон «непостоянства» или допустить необходимость приспособления к новым условиям, что и «ведет к катаклизмам в истории: сопротивлению, восстанию и революции» радикальных слоев¹², так же как, рассматривая непосредственные причины революций, Эндрюс на первый план ставил действия «пропаганды»¹³.

Эндрюс полагал, что «подлинный Ренессанс», «весна» американской историографии наступили лишь в конце XIX в.¹⁴ Предшествовавшие же периоды развития исторической науки были представлены либо историками, «слепыми в своей пристрастности», лишенными концепции «эволюции», либо историками, видевшими «одну сторону» событий и использовавшими прошлое для «поощрения патриотических добродетелей» (школа Бэнкрофта), либо историками, положившими в основу своих работ принцип «англо-саксонского превосходства — предшественника равно догматической и некритической нордической теории» (Фиске)¹⁵. Поскольку основные интересы Эндрюса-историка концентрировались вокруг сюжетов колониальной Америки и соответственно Войны за независимость, его критическое отношение к своим американским предшественникам одновременно являлось заявкой на действительно научное освещение и оценку этих проблем истории США.

Центральный тезис в подходе Эндрюса к определению причин, места, роли и значения Первой американской революции идентичен установке представителей «имперской» школы начала XX в.: как «годы от 1607 до 1783 были колониальными, прежде чем стать американскими или национальными», так и «наша революция — колониальная, а не американская проблема»¹⁶. Всякий иной угол зрения, по мнению Эндрюса, был бы «ограни-

¹¹ *Ch. M. Andrews. The American Revolution...*, p. 221.

¹² *Ch. M. Andrews. The American Revolution...*, p. 220—221; *idem. The Colonial Background...* p. 182; *idem. These Forty Years*, p. 249.

¹³ *Ch. M. Andrews. The American Revolution...*, p. 221.

¹⁴ *Ch. M. Andrews. These Forty Years*, p. 233—234, 236.

¹⁵ *Ibid.*, p. 226—232.

¹⁶ *Ch. M. Andrews. The Colonial Background...*, p. IX. С этим положением Эндрюс выступил еще в самом начале своей научной деятельности (см.

ченным»¹⁷ и оставил бы «проблему неразрешенной»¹⁸. Большинство буржуазных авторов согласны с такой постановкой вопроса Эндрюсом, считая, что она позволила расширить и углубить понимание кардинальных проблем Войны за независимость¹⁹. Но такая точка зрения скорее сужала и даже искажала понимание существа революции тем, что отрывала и объективно противопоставляла ее антиколониальный аспект внутренним американским проблемам социального порядка. Внешняя привлекательность положения, что на революционные события следует смотреть из Лондона, а не только из Бостона и Джеймстауна, Нью-Йорка и Конкорда, по существу приводила к затуманиванию характера революционного периода истории США тем, что призвала оценить его лишь как эпизод развития британской колониальной системы.

Обратившись к проблеме причин революции, Эндрюс выдвинул плодотворную идею об их созревании в течение длительного, колониального, периода. Отделение от Великобритании, отмечал он, было достигнуто «не одним ударом в результате войны», а явилось результатом долгого, молчаливого и мирного процесса, не имеющего «дат и границ, в ходе которого характерные особенности английского права, системы власти, прецедентов землевладения и других институтов, прочно укоренившихся в умах и обычаях англичан на родине, мало-помалу, по мере того как они оказывались ненужными или нежелательными в колониях, один за другим постепенно преобразовывались, ослаблялись или вовсе сводились на нет», и в итоге интегралом процесса достижения независимости стала трансформация «английского» начала в «американское»²⁰. Без сомнения, положение Эндрюса о «снятии усилий в направлении независимости, приложенных в течение 150 лет и создавших ситуацию, в которой независимость от внешнего контроля становилась наиболее характерной чертой истории» колоний²¹, открывало определенные перспективы для установления подлинных предпосылок и понимания причин революции. Но вывод Эндрюса, что «восстание колоний против Великобритании началось задолго» до Лексингтона, что «независимость колоний была завоевана до того», как хотя бы один

M. Andrews. American Colonial History. 1690—1750.— «Annual Report of the American Historical Association». Washington, 1898, p. 49.

¹⁷ «American Historical Review», vol. XIII, 1908, p. 360—361.

¹⁸ *Ch. M. Andrews. The Colonial Background...*, p. IX.

¹⁹ См., например: «The Reconstruction of American History». Ed. by J. H. H. Ham. London, 1962, p. 48—49; «The Historians History of the United States». Ed. by A. S. Berky, J. H. Shenton, vols. 1—2, N.-Y., 1966; *ibid.*, vol. 1, p. 40; *E. S. Morgan. The American Revolution. Washington, 1958, p. 3—4; «The American Past». Ed. by S. Fine and G. S. Brown, vol. I. 1963, p. 77.*

²⁰ *Ch. M. Andrews. The Colonial Period, p. 155; idem. The Colonial Period of American History, vol. II, p. 198; idem. The Colonial Background...*, p. 180—183; *idem. The American Revolution...*, p. 226.

²¹ *Ch. M. Andrews. The Colonial Period, p. 203—204.*

американец «возвысил свой голос в защиту отделения или поднял оружие в борьбе» за свободу²², умалял, принижал значение революционного перехода колоний к суверенному существованию, выдвигая на первый план, подчеркивая особую важность этой о л ю ц и о н н о г о этапа и событий, происходивших в нем, не говоря уже об антиисторичности отрыва предреволюционного периода от непосредственного акта восстания.

Обратившись к работам Ч. Эндрюса, в которых анализируется внутреннее развитие североамериканских колоний в XVII (ему уделено преимущественное внимание) и XVIII вв. и прослеживается эволюция институтов, соотносимая им с созреванием предпосылок конфликта с метрополией, нетрудно заметить очевидную недооценку экономических и социальных факторов, игнорирование классовых конфликтов в колониях, недоучет роли разнообразных компонентов складывающейся американской нации (в частности, роста центристских тенденций и экономической, политической, духовной жизни колоний)²³. Такой подход также призван был утвердить правомерность тезиса об Американской революции как исключительно антиколониальной по своему характеру.

Большое внимание Эндрюс уделил анализу британской экономической политики в колониях и на традиционный в историографии революции вопрос, несла ли эта политика угнетение североамериканцам, отвечал на него совсем не в духе бэнкрофтской традиции. Намекая на ненаучные теории о строении мироздания, имевшие хождение до выступления Коперника, Эндрюс писал: «Среди докоперниковских убеждений широко поддерживается в Америке сегодня точка зрения, что Американская революция была вызвана британской тиранией»²⁴. По Эндрюсу, неправы и историки, и современники Войны за независимость, делавшие такой вывод. Аргументация тезиса, отрицавшего губительный характер политики метрополии для экономического прогресса ее заокеанских владений, тезиса, ставшего каноническим для «имперской школы», заняла у Эндрюса значительное место. Поскольку колонии составляли интегральную часть Британской империи, постольку попытки рассматривать и тем более оценивать характер экономических мер метрополии исключительно с позиций североамериканской части империи признавались ограниченными, несостоятельными и неправомерными. «Интересы колонистов были неразрывно связаны с интернациональными аспектами замкнутого торгового мира, необходимой составной частью которого они являлись»²⁵. Система меркантилистских мер, встреченная с такой

²² Ibid., p. 204; *idem*. The American Revolution..., p. 230.

²³ См. критические замечания историка Брайденбо в адрес Эндрюса («*Pennsylvania Magazine of History and Biography*», 1939, vol. LXIII, p. 464).

²⁴ *Ch. M. Andrews*. The American Revolution..., p. 219.

²⁵ *Ch. M. Andrews*. The Colonial Period of American History, vol. IV, p. 354.

сильной оппозицией лидеров колонистов, была естественной, практически необходимой политикой, создававшей тот «modus operandi», который нужен был «растущему и расширяющемуся государству»²⁶. И так, «не стремление к тирании и тем более к вмешательству» во внутренние дела колонии²⁷, а практические нужды имперского организма (следовательно, и его колоний) лежали в основе британской политики. Доказательства данного тезиса, приводимые Эндрюсом, «логичны» в рамках сконструированной им схемы, хотя и находятся в очевидном противоречии с подлинными фактами: почему британская политика была связана с «лишениями» для ее колоний, если «акты о торговле лишь в немногом ограничивали их коммерческую активность и задевали финансовое благополучие»²⁸, если отрицательное воздействие этих актов на развитие колониальных мануфактур преувеличено?²⁹

Более того, Эндрюс считал, что и британский административный аппарат, призванный к проведению экономической политики в колониях и лишь попутно осуществлявший функции контроля, в силу этого не мог прибегать к репрессивным мерам, а если они иногда и могли показаться таковыми (как, например, деятельность суда адмиралтейства по пресечению колониальной торговли), то только из-за недостаточного осознания их подлинной сущности³⁰. Как бы подытоживая свою характеристику британской политики в колониях, Эндрюс писал, что она «на всех этапах до 1764 г. не служила серьезным препятствием росту и процветанию колоний»³¹. Почему 1764 год у Эндрюса выделен? Ответ на этот вопрос связан с толкованием Эндрюсом основы причин конфликта: только ко времени окончания войны Великобритания с Францией меркантилистская политика метрополии создала «баланс», исключительно «благоприятный» для себя в ущерб интересам колонистов. Наступают «эпохальные годы в истории взаимоотношений Англии с Америкой, когда меркантилист-

²⁶ *Ch. M. Andrews. The Colonial Period of American History, vol. IV, p. 2.*

²⁷ *Ibid.*, p. 336; *idem. The Colonial Background...*, p. 114, 115.

²⁸ *Ch. M. Andrews. The Colonial Period of American History, vol. IV, p. 228; idem. The Colonial Period, p. 188, 192.*

²⁹ *Ch. M. Andrews. The Colonial Period of American History, vol. IV, p. 349.*

³⁰ *Ch. M. Andrews. The Colonial Period, p. 120; idem. The Colonial Period of American History, vol. IV, p. 251—252.* См. также его статью в «Cambridge History of the British Empire», Ed. by J. H. Rose. Cambridge, vol. 1, 1929, p. 411. Так, вопрос о происхождении Американской революции связывался Эндрюсом с вопросом о «неразвитом» состоянии американской колониальной мысли. Но, как совершенно справедливо отметил Г. Аптекер, «выработка зрелых теоретических взглядов, являвшихся вызовом господствующим воззрениям меркантилистских авторов, потребовала нескольких поколений, но ведь эти воззрения оформились на почве реальной противоречивости интересов, без чего противоборствующие теории не должны были и не могли развиваться (Г. Аптекер. Колониальная эра. М., 1961, стр. 42).

³¹ *Ch. M. Andrews. The Colonial Period of American History, vol. IV, p. 179.*

ская идея места, которое должны занять колонии в британском порядке вещей, стала неизменной и неизменяемой»³². Непонимание и нежелание рулевых британской экономической политики изменить ее, приведя в соответствие с нуждами изменившихся колоний, так же как и неспособность усовершенствовать формы и методы проведения этой политики, явились экономической основой конфликта и последующего разрыва³³. Придя к такому выводу, Эндрюс тем не менее отверг попытку осуждения британской колониальной политики XVIII в. «в свете того, что нам представляется наиболее рациональными стандартами XIX и XX вв.»³⁴, ибо иной статус колоний, к установлению которого стремились инсургенты, — это «высшее решение колониальной проблемы, достигнутое Англией через столетие»³⁵.

Таким образом, основа революции — не в экономическом («меркантилистском», по терминологии Эндрюса) курсе властителей империи, а в «самой ее структуре», нуждавшейся в реконструкции³⁶.

В обобщенном виде картина созревания революции, представленная Эндрюсом и позволяющая уяснить его концепцию характера, места и значения ее, выглядит так: в итоге длительного исторического развития по расходящимся линиям оформились два различных общества — «окаменелая система метрополии», покоившаяся на прецеденте и традиции и призванная поддерживать безмятежный «status quo», и «подвижный динамический организм» колоний, расположенных вдоль «границы», наличие которой императивно требовало устранения «стереотипной, непрогрессивной системы мысли и правления» и создавало условия, «благоприятные скорее для развития человека как индивидуума, чем как члена общества». Ко времени завершения англо-французской войны за североамериканские владения стало очевидным, что эти два «партнера — статический и динамический, разделенные океаном, а соединенные лишь узами юридических взаимоотношений», не могли «долго оставаться прочно связанными между собой», и эта невозможность в первую очередь и наиболее отчетливо проявлялась в несовместимых и взаимоисключающих друг друга идеях, сформулированных как итог развития противоположных «тенденций»: колоний — к «самоуправлению», метрополии — к централизованному «имперскому» контролю. Столкновение колониальных ассамблей, воплощавших новую идею суверенитета, с британским парламентом, королем, колониальной

³² *Ch. M. Andrews. The American Revolution...*, p. 223.

³³ *Ibid.*, p. 225. Нетрудно заметить, что и в этом случае вопрос сводится к недостаточно гибкому, «иммобильному», по выражению Эндрюса, состоянию мышления, но уже не колонистов, а колонизаторов.

³⁴ *Ch. M. Andrews. The Colonial Background...*, p. 87.

³⁵ *Ibid.*, p. 185.

³⁶ *Ibid.*, p. 218—219.

администрацией и составило квинтэссенцию Американской революции, «великого эксперимента самоуправления»³⁷.

Отдельные фрагменты этой картины верны: революция — результат длительно развивавшихся процессов, борьба за власть — важный фактор столкновения колоний с метрополией, хотя и эти положения не подкреплялись всесторонней, научно убедительной аргументацией. Так, отдавая должное значению борьбы за власть, Эндрюс рассматривал ее исключительно в сфере конституционных прерогатив, не связанных с определенными социально-экономическими интересами, а понятия «статической» и «динамической» систем остались им не раскрытыми.

То, что в целом концепция Американской революции у Эндрюса была далека от того, чтобы отразить ее существо, становится очевидным при рассмотрении его оценки характера революции и вопроса о ее неизбежности.

Хотя в работах, посвященных колониальному периоду в истории Америки и самой революции, приведен немалый в количественном отношении материал по экономическим (торговым и финансовым преимущественно) аспектам, этот фактор сведен Эндрюсом до минимума как основа, предпосылка конфликта, что недвусмысленно выражено в следующих словах: «В первую очередь Американская революция была политическим и конституционным движением, и только во-вторых — финансовым, коммерческим или социальным. Основой фундаментального вопроса являлась политическая независимость колоний, и в конечном счете конфликт имел место между британским парламентом и колониальными ассамблеями»³⁸. Даже когда в отдельных случаях Эндрюс, формулируя проблему причины революции, отмечает наличие социальных противоречий и столкновения антагонистических интересов, он, по справедливому замечанию Г. Аптекера, «односторонне ограничивает ее, сводя исключительно к вопросу «Англия против колоний»»³⁹, игнорируя классовые противоречия и внутреннюю борьбу внутри самих колоний и отказываясь поставить эти явления в прямую связь с характером Американской революции.

Признавал ли Эндрюс неизбежность наступления революции? Да, но в смысле неодолимости вневременных, априорных идей новой концепции суверенитета, выдвинутых колониями в столкновении с «негибким», «стереотипным», исторически обреченным представлением о взаимозависимости колоний с метрополией, в смысле неспособности британской администрации приспособиться к новым, изменяющимся условиям и соответственно

³⁷ *Ch. M. Andrews. The Colonial Background...*, p. 65—66, 161, 169, 181—183, 195, *idem. The Colonial Period*, p. 163—185, 204; *idem. The American Revolution...*, p. 226—229, 231.

³⁸ *Ch. M. Andrews. The American Revolution...*, p. 230; *idem. The Colonial Period of American History*, vol. IV, p. 425.

³⁹ *Г. Аптекер. Американская революция. М., 1960, стр. 32.*

справиться с новыми проблемами; наконец, в том смысле, что революция наступила раньше, чем пришло время для британских лидеров осознать «то высшее решение колониальной проблемы», в сторону которого развивалась тенденция истории⁴⁰. Когда же Эндрюс многократно отмечал (при непосредственном обращении к предреволюционному периоду) в конкретных случаях «неэффективность и безответственность», узость и «близорукость» британской колониальной администрации, определивших неразрешимость противоречия между ее «благородными намерениями» разрешить имперские проблемы и «пагубной неудачей» в осуществлении этих намерений⁴¹, тогда он, в целом соглашаясь, что конфликт поздно было предотвратить, тем не менее все же писал: «Немного более уступчивости, духа дружелюбия и компромисса, немного менее британского невежества, упрямства и предубеждения, и можно было бы успокоить волнения и отвести надвигающуюся грозу»⁴². Вместо этого Америка стала «сценой политической смуты, которую возможно было отрегулировать посредством компромисса, но которую насилие перевело в восстание»⁴³. С очень большой натяжкой и весьма относительно можно было бы отнести автора только что процитированных строк к сторонникам взгляда на неизбежность Американской революции, как это сделал профессор Принстонского университета У. Крэйвен⁴⁴. Правомерность такого вывода подтверждается также ссылкой на такие важные заявления Эндрюса, как: «...те, кто изучают колонии просто как предысторию того, к чему они пришли, не изучают колониальную историю должным образом»⁴⁵ или: «...колонисты к 1776 г. не рассматривали себя как созревший плод, готовый оторваться от родительского дерева»⁴⁶.

Позиция Эндрюса в вопросе о неизбежности наступления революции обусловила его отношение к роли в ней политических лидеров враждующих лагерей. С одной стороны, обвинять британского монарха Георга III в том, что исключительно благодаря его политике возникла революция, означало бы, по справедливому замечанию Эндрюса, «принять тривиальное объяснение характера огромного по значению события»⁴⁷. С другой стороны,

⁴⁰ *Ch. M. Andrews. The Colonial Background...*, p. 161, 185, 197, 248; *idem. The American Revolution...*, p. 231; «Cambridge History of the British Empire», vol. I, p. 270.

⁴¹ *Ch. M. Andrews. The Colonial Period*, p. 147; *idem. The Colonial Period of American History*, vol. IV, p. 205; «Cambridge History of the British Empire», vol. I, p. 417.

⁴² *Ch. M. Andrews. The Colonial Background...*, p. 186.

⁴³ *Ch. M. Andrews. The American Revolution...*, p. 231.

⁴⁴ См. *W. F. Craven. Revolutionary Era*. Статья, помещенная в сборнике «The Reconstruction of American History». Ed. by J. Higham. London, 1962, p. 50—51.

⁴⁵ Из письма Ч. Эндрюса Ф. Тэрнеру от 17 ноября 1912 г. Цит. по: *A. S. Eisenstadt. Op. cit.*, p. 126.

⁴⁶ См. *Ch. M. Andrews. The Colonial Background...*, p. 47.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 131.

Эндрюс устанавливал непосредственную связь между наступившим взрывом и деятельностью экстремистских, «упорных и немолчаливых»⁴⁸ элементов как в британских (утверждавших, что согласие с требованиями колонистов означало бы не только потерю «прибылей от колониальной торговли, но и, что более серьезно, ликвидацию их собственной конституционной системы»⁴⁹), так и в американских кругах (скрывавших свою заинтересованность в увеличении доходов от торговли за хитросплетениями «юридических и метафизических спекуляций» о колониальных правах, относимых ими к числу прав «врожденных», самоочевидных и «естественных») ⁵⁰. Их «отработанные и прекрасно заверченные аргументы... оказали значительное влияние на общественное мнение»⁵¹, в результате чего стала возможной такая «непоправимо-грубая ошибка», как «Бостонское чаепитие»⁵².

При всей противоречивости в подходе Эндрюса к вопросу о неизбежности революции он безоговорочно приветствовал ее как «событие огромного значения в мировой истории»⁵³, знаменовавшее окончание одного «великого периода» и начало другого, еще «более великого», в истории Америки⁵⁴, так же как он высоко оценивал значение деятельности североамериканских инсургентов, руководствовавшихся, по его словам, высокими «жизненными идеалами» в отличие от лидеров противоположного лагеря⁵⁵.

Вклад Эндрюса в изучение не столько самой Американской революции, сколько предшествовавших ей периодов, в которых имело место созревание предпосылок Войны за независимость, значителен, что делает его работы важными и ценными для исследователей о с н о в революции. Им изучен огромный фактический материал по колониальной истории Америки, почерпнутый из американских и британских архивов и подвергнутый тщательной обработке со многими последующими оригинальными и ценными выводами. Это дало возможность приоткрыть новые аспекты процесса созревания революции, рассматриваемого им на значительно более широком фоне, чем географические границы тринадцати английских колоний в Северной Америке.

Но оценки Эндрюса, основополагающие выводы его по кардинальным вопросам Американской революции, наконец, ее концепция проникнуты глубоким консерватизмом. Об этом свидетельствует ранее отмеченная оценка характера революции как главного образом антиколониального движения, преимущественно политического и конституционного в своем существе, изолированного

⁴⁸ *Ch. M. Andrews. The Colonial Background...*, p. 168.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 152.

⁵⁰ *Ibidem.*

⁵¹ *Ibid.*, p. 135.

⁵² *Ibid.*, p. 152.

⁵³ *Ch. M. Andrews. Present-Day Thoughts on the American Revolution.— «Bulletin of the University of Georgia», 1919, vol. XIX, N. 11, p. 14.*

⁵⁴ *Ch. M. Andrews. The American Revolution...*, p. 221.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 232.

Эндрюсом от глубоких и разнообразных социально-экономических процессов, лежавших в основе надвигавшегося конфликта, кста-ти, факты об этой стороне процесса обильно представлены в его работах. В этом противоречии — суть консервативной интерпретации Эндрюса. Здесь и умаление значения непосредственно революционных событий 1775—1776 гг. при переходе от колониального статуса к независимости, и соответственно акцент на процессах эволюционного характера в рамках колониальной истории. Характерен и угол зрения, под которым рассматривает историк коренной вопрос революции — борьбу за власть и влияние различных классов и социальных групп на характер и ход этой борьбы, в которой решающим (по существу единственным) фактором признавались противоречия между группировками британской правящей элиты, с одной стороны, и буржуазно-торговой верхушки колоний — с другой. Влияние же народных масс, демократического элемента североамериканских колоний сведено Эндрюсом до предельного минимума, несмотря на наличие в его работах большого фактического материала по различным формам массовых движений — от протестов до восстаний⁵⁶. Консерватизм интерпретации Эндрюса тем более очевиден, что, приводя многочисленные примеры выступлений масс в колониях, он оказался неспособным видеть их демократическое содержание, отнести их к предпосылкам Американской революции. Рассматривая их лишь как домогательства англичан, он тем самым подходил к выводу, который позднее будет четко сформулирован историками реакционных направлений буржуазной историографии США: причина Американской революции — не в отсутствии свободы в колониях, а в ее наличии⁵⁷.

Таким образом, консерватизм эндрюсовской концепции Американской революции и ее предыстории состоял не в том, что он рассматривал ее с пробританских позиций⁵⁸, а в том, что, приветствуя революцию, признавая ее прогрессивное значение, он объективно способствовал умалению революционного характера Войны за независимость, выхолащиванию демократического содержания процессов, предшествовавших ей и сопровождавших ее. Исторические воззрения Эндрюса более, чем у кого-либо, «демонстрировали значение и обосновывали имперскую точку зрения»⁵⁹ в период кризиса буржуазной историографии, и в частности «имперской» школы.

⁵⁶ См. «Narratives of the Insurrections 1675—1690». Ed. by Ch. M. Andrews. N. Y., 1951.

⁵⁷ В отдельных случаях Эндрюс не скрывал своей антипатии к «мускулистым радикалам» Америки, в которых он видел нарушителей законов, разрушителей собственности, ниспровергателей правительства (*Ch. M. Andrews. Present-Day Thoughts...*, p. 12).

⁵⁸ Как это утверждал Ф. Тэрнер («F. J. Turner's Legacy». Ed. by W. R. Jacobs. San Marino, 1965, p. 107).

⁵⁹ A. S. Eisenstadt. Op. cit., p. 223.

В 20—40-х годах XX в. важный вклад в разработку социально-экономических аспектов Войны за независимость внесли историки «экономического» направления — одного из ведущих в американской историографии рассматриваемого этапа. Наиболее рельефно отразив характерные черты периода глубоких кризисов, острых классовых схваток, буржуазно-реформистских рецептов исцеления пороков системы (в концентрированном виде представленных в «новом курсе»), представители этого направления вели интенсивные исследования в локальном и общенациональном планах; они отыскивали массу новых фактов, обобщили их, пытаясь при помощи новых экономических сюжетов создать более полную и точную картину Американской революции (к тому же их аргументация усиливалась созвучием с духом времени).

Внимание историков «экономической» школы было сосредоточено на таких проблемах предреволюционного и революционного периодов, как наличие внутренних противоречий в североамериканском обществе колониального периода времен Войны за независимость и послевоенных лет, соотношение борьбы против колониального господства и стремления к демократизации внутренней структуры добывающихся независимости колоний и, наконец, степень влияния революции на экономическое и политическое положение различных категорий населения США.

Подобное внимание свидетельствовало о том, что на страницах работ все большего числа буржуазных авторов значительное место заняла проблема социального характера Войны за независимость (проблема не новая, если иметь в виду ее постановку основоположниками научного социализма и разработку историками-марксистами). Плодотворность обращения к анализу социально-экономических сюжетов Первой американской революции несомненна, но сама по себе она еще не предопределяла строго научных выводов и действительно точных оценок, ибо первостепенное значение, как и всегда, имела правильность методологии исследования, обусловившая возможность объективно верного решения как в целом проблемы революции, так и ее социальных аспектов.

Большинство буржуазных историков «экономического» направления в рассматриваемый период испытывали влияние как общей концепции исторического развития США, выдвинутой и разработанной Ч. Бирдом, так и, в частности, его оценки причин, места, значения первой революции⁶⁰. Ч. Бирду не принадлежат специальные фундаментальные исследования ни по общей истории Войны за независимость, ни по отдельным кардиналь-

⁶⁰ Анализ исторической концепции Ч. Бирда см.: *И. П. Дементьев. Об исторических взглядах Чарльза Бирда.* — «Вопросы истории», 1957, № 6. стр. 147—163.

ным ее проблемам, но тем не менее в ряде значительных своих работ⁶¹ он четко сформулировал и представил в наиболее (для буржуазной историографии США) синтезированном виде принципы экономического детерминизма⁶², приложив их, в частности, к периоду Первой американской революции, что оказало глубокое воздействие на характер подхода, изучения, выводов и оценок американских буржуазных исследователей «экономического» направления.

Если непосредственное влияние на Бирда в формулировании принципов экономического детерминизма в истории в рамках методологии буржуазного экономизма оказал Э. Зелигман⁶³, а в применении этих принципов при объяснении процесса создания конституции США — Д. Смит⁶⁴, то, по собственному признанию Бирда, его концепции Американской революции предшествовала позиция А. Саймонса, выраженная в работе «Социальные силы в американской истории»⁶⁵. В главы, посвященные возникновению Войны за независимость и ее последствиям⁶⁶, Саймонс ввел значительный материал экономического порядка, рассмотрел некоторые аспекты классовых и социальных противоречий как в среде колонистов, так и между ними и британскими властями, сделал ряд верных аргументированных выводов о наличии «к середине XVIII столетия у американского общества» собственного прочного фундамента «в виде промышленности»⁶⁷, о столкновении экономических «интересов», как основе движения за независимость и причине революции («а отнюдь не в мелочных раздорах по поводу незначительных налогов и абстрактных политических принципах»⁶⁸), о революции, которая «началась и в дальнейшем проводилась путем насилия со стороны масс и террора»⁶⁹, о стремлении господствующей в колониях элиты «обе-

⁶¹ В первую очередь следует назвать работы: *Ch. A. Beard. An Economic interpretation of the Constitution of the United States.* N. Y., 1913; *Ch. A. Beard and M. Beard. The Rise of American Civilization*, vol. I—IV. N. Y., 1927—1942, а также написанные Бирдом учебники американской истории, по которым училось целое поколение школьников.

⁶² Многие буржуазные авторы в различные годы, но с общими политическими целями, искажали существо вопроса, отождествляли бирдовский экономический детерминизм с марксистскими принципами исторического материализма (см. *T. C. Smith. The Writing of American History in America from 1884 to 1934.*— «American Historical Review», vol. XL, № 3, April 1935. p. 449; *M. Lerner. Ch. Beard's Political Theory.*— *Ch. A. Beard. An Appraisal.* Ed. by H. H. Beale. University Kentucky Press, 1954, p. 37).

⁶³ См. *E. R. A. Seligman. The Economic Interpretation of History.* N. Y., 1902

⁶⁴ *J. A. Smith. The Spirit of American Government.* N. Y., 1907.

⁶⁵ *A. Simons. Social Forces in American History.* N. Y., 1911 (русский перевод издания.— М., 1925).

⁶⁶ *A. Саймонс. Социальные силы в американской истории.* М., 1925, стр. 42—66.

⁶⁷ Там же, стр. 42.

⁶⁸ Там же, стр. 48.

⁶⁹ Там же, стр. 50.

спечить народную поддержку, чтобы с ее помощью вытащить из огня горячие каштаны») ⁷⁰.

Но взятая в общем виде, концепция Саймонса далека от марксистского анализа характера Американской революции. Характерная для Саймонса позиция вульгарного «экономического материализма» давала лишь ограниченные возможности верного раскрытия отдельных частей картины, но никак не точного понимания ее в целом. Это же и обусловило взгляды Саймонса на многие важнейшие вопросы революции. Так, сужая значение и ограничивая характер революции столкновением двух групп правящей верхушки Великобритании, он утверждал, что «революция оказалась победоносной потому, что она являлась американской фазой английской гражданской войны» ⁷¹, и, совсем уже запутывая вопрос, писал: «В некоторых отношениях английские виги были более последовательны и революционны, чем те, кто вел борьбу под флагом независимости Американского континента» ⁷². Саймонс поддержал противоречивший истине и крайне реакционный тезис о том, что «только меньшинство населения принадлежало к числу революционеров» ⁷³. Теряя историческую перспективу, он утверждал, что «за Американскую революцию... сражались те, кто меньше был заинтересован в ее исходе» ⁷⁴. Это положение, которое, на первый взгляд, свидетельствовало об упрощенном подходе или наивно-неверном смешении двух различных вопросов (роли трудящихся масс в победоносном завершении революции и конкретных социальных результатов ее для этих масс), означало у Саймонса значительно больше, нежели неточную формулировку: по существу под сомнение ставился вопрос о прогрессивном значении революции для большинства американского населения. «Несмотря на эти причины и недовольство господствующим классом,— писал Саймонс,— трудно было поднять массу, которая в сущности не имела никаких собственных причин к восстанию, так как ее положение почти не изменилось бы, оставаясь приблизительно тем же, при наличии в стране короля или президента» ⁷⁵.

Происхождение и характер Первой американской революции определялись Бирдом с позиции концепции экономического детерминизма, оснащенной терминами о конфликте «экономических интересов» различных «экономических групп», с применением фразеологии, заимствованной во многих случаях из мэдисоновского «Федералиста».

⁷⁰ Там же, стр. 55—56.

⁷¹ А. Саймонс. Социальные силы в американской истории, стр. 48.

⁷² Там же, стр. 55.

⁷³ Там же, стр. 51.

⁷⁴ Там же, стр. 58.

⁷⁵ А. Саймонс. Классовая борьба в истории Америки. Казань, 1922, стр. 13. Не говоря уже о таких не заслуживающих серьезной критики утверждениях, что «независимостью» Америка обязана равно Дж. Вашингтону и... британскому командующему в первый год войны лорду Гоу (там же.).

В отличие от установок «имперской» школы, ставивших рождение нового государства вне рамок национальной истории, или от названного выше тезиса Саймонса о революции как фазе британской гражданской войны, у Бирда Американская революция — явление, корни которого глубоко уходят в североамериканскую почву, где в колониальный период произросли и созрели семена конфликта. Серия законодательных актов парламента метрополии, предпринятых в «интересах английских лендлордов и купцов» для установления контроля над «экономической деятельностью американских колонистов» при невозможности протестовать на легальной конституционной основе привела в конечном счете к революции. Бирд подчеркивал экономическую первооснову конфликта, заключающуюся в столкновении интересов определенных «экономических групп» населения североамериканских колоний с противоположными интересами опять-таки определенных «экономических групп» населения Великобритании. Всякие же внешние выражения этого конфликта, шумно проявлявшие себя на авансцене событий (как, например, кампания под лозунгом «Никакого обложения без представительства!»), — всего лишь «риторика», рассчитанная на восприятие широкой публикой и призванная замаскировать конституционными аргументами подлинные интересы режиссеров революционной драмы. Бирд считал «вымыслом» оценку Американской революции как «ссоры по конституционным вопросам», высмеивал авторов работ, представлявших революцию «восстанием американского народа во имя справедливости и порядка против германского узурпатора, занявшего британский трон», развенчивая тем самым романтический ореол, созданный вокруг революции Бэнкрофтом и его школой с ее, по словам Бирда, мало что дающими «метафизическими абстракциями».

Позитивный аспект бирдовской трактовки Первой американской революции — акцент на ее экономической обусловленности — не был дополнен верным анализом тех линий социальных противоречий и классовой борьбы, которые в конкретной исторической действительности последней четверти XVIII в. красной чертой проходили через жизнь североамериканских колоний и их отношения с метрополией. В соответствии с методологическими принципами буржуазного экономизма Бирд, подменив классовое деление рассматриваемого им общества периода революции классификацией по «экономическим группам», утверждал, что с победой Американской революции наступило торжество «аграриев» над «промышленниками» (последние возьмут реванш, по Бирду, с принятием конституции 1787 г.)

В эту наиболее радикальную, по его мнению, группу Бирд включил и фермеров-арендаторов, и плантаторов-аристократов. Их идеолог и политический лидер Джефферсон — любимый герой

раннего Бирда⁷⁶. За ложной посылкой не замедлил последовать ошибочный вывод: вступая в противоречие с самим собою (точнее, с утверждаемой им же экономической доминантой процессов и поступков отдельных деятелей периода революции), Бирд отрывал деятельность «наиболее радикальных» лидеров — С. Адамса, Т. Пэйна, П. Генри — от социальной почвы, заменяя ее стремлением к «личной свободе». Этот же тезис Бирд перенес на основы Декларации независимости, первые конституции штатов, статьи Конфедерации, которые, по его словам, «несли на себе печать этой философии».

Затушевывая широкий классовый аспект такого значительно исторического события, как Первая американская революция, Бирд с позиции вульгарного буржуазного экономизма объяснял мотивы борьбы движущих сил революции их непосредственной материальной заинтересованностью в определенном экономическом или политическом мероприятии. При этом решающую роль в революции он отводил привилегированным в имущественном и политическом отношении группам населения, ссылаясь на «апатию» большинства колонистов или даже используя для большей убедительности своего положения данные о лишении $\frac{2}{3}$ белых мужчин Америки избирательных прав. В итоге революция у него представлялась делом рук «энергичного меньшинства, за которым следовало нерешительное и колеблющееся большинство».

Бирд, не колеблясь, относил восстание североамериканцев к событию, равнозначному революции. «Американская революция, — писал он, — была более чем война с Англией. В действительности она представляла из себя экономическую, социальную и интеллектуальную трансформацию первостепенного значения». В подтверждение этого Бирд перечислял важные социальные изменения, происшедшие в США и бывшие прямыми последствиями революции. Но, как буржуазный историк, Бирд был далек от того, чтобы точно охарактеризовать классовую природу Первой американской революции и, следовательно, представить истинную картину ее сложных и многообразных процессов. Верно подмеченные им отдельные линии социальных противоречий кануна революции, Войны за независимость и послереволюционных лет не помешали Бирду использовать свою концепцию революции в качестве обоснования «исключительности» американского исторического пути, в конце которого — согласно позднему Бирду, порвавшему с «радикализмом» своих ранних воззрений и эволюционировавшему в направлении «преодоления» прогрессивных сторон своей концеп-

⁷⁶ С эволюцией вправо философско-исторических и общественно-политических воззрений, проделанной Ч. Бирдом в последующие десятилетия, он к числу национальных кумиров, нуждающихся в поклонении и незаслуженно приножаемых, отнес и А. Гамильтона. «Что случилось бы с республикой, — писал он в 1948 г., — если б Гамильтона не было?» (*Ch. A. Beard. Enduring Federalist*. N. Y., 1948, p. 10).

ции — и пришло осуществление идеалов американских революционеров конца XVIII в.⁷⁷

Вычерченная Бирдом схема Первой американской революции верна в некоторых своих частях и содействует выявлению экономических основ Войны за независимость.

Для исследователей проблем первой буржуазной революции в США меньшее значение имеет вклад Бирда в изучение конкретных вопросов ее внутри- и внешнеполитической истории в сравнении с важностью анализа его методологии и уяснения существа его общей концепции революции, которая, с одной стороны, рельефно отражает позитивные и негативные стороны «кредо» Бирда как историка, а с другой — помогает глубже понять и по достоинству оценить работы других буржуазных историков «экономического направления» по рассматриваемому сюжету.

Внимание А. М. Шлезинджера-старшего было сосредоточено на выявлении роли крупных торговцев североамериканских колоний в период Первой американской революции⁷⁸. Кроме того, Шлезинджер, как бы подытоживая достижения американской историографии первых двух десятилетий XX в., высказывал свои соображения и оценку вопросов происхождения, развития и значения Войны за независимость в свете этих достижений⁷⁹.

Общеисторическая концепция Шлезинджера основана на признании разнообразных факторов, обусловивших характерные черты американского исторического пути (в том числе географического, роли эмиграции, городов, роста национального самосознания)⁸⁰, с акцентом на роль экономического фактора⁸¹. Другой исходной установкой, призванной у Шлезинджера объяснить исключительность американского исторического опыта, являлась выведенная им «закономерность» периодической смены «эпох радикализма и консерватизма, следовавших одна за другой в альтернативном порядке», при переходе лидерства в политике государства из рук «либералов одного направления в руки умеренных

⁷⁷ Цитируемые положения содержатся в работах Бирда: *Ch. Beard and M. Beard. The Rise of American Civilization, vols I—IV; ibid., vol. I, ch. V—VI, и в особенности* p. 201, 291—296; *Ch. Beard. The Supreme Court and the Constitution. N. Y., 1912. См. также его рецензии на работы историков «экономического направления»: А. Шлезинджера, Джеймсона, Киркленда («New Republic», vol. XIV, 6 April 1918, p. 301—302; ibid., vol. XLVII, 11 August 1926, p. 344; «Saturday Review of Literature», vol. IX, 13 August 1932, p. 42).*

⁷⁸ Исследованию этой проблемы посвящена его докторская диссертация (см. *A. M. Schlesinger. The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763—1776. N. Y., 1918).*

⁷⁹ *A. M. Schlesinger. New Viewpoints in American History. N. Y., 1922, раздел «The American Revolution», p. 160—181.*

⁸⁰ *Ibid., p. 6—54.*

⁸¹ Защищая экономическую интерпретацию истории от «подозрения», что она связана исключительно с именем Карла Маркса, Шлезинджер успокаивает своих оппонентов тем, что основы этой теории лучше всего и ранее всего были выражены Мэдсоном в № 10 «Федералиста» (*ibid., p. 47—48).*

другого, и наоборот, за исключением периодов войны и послевоенного регулирования, когда обычно в седле оказывались экстремисты той или другой группы»⁸². Используя подобное построение для выявления «воодушевляющего духа американского прогресса», Шлезинджер выводил исключительное положение Америки из установившегося необходимого баланса «радикальных и консервативных» элементов с их благотворным «взаимным критицизмом и бдительным антагонизмом» в стране, которая в ряду «наиболее просвященных наций мира» избавлена от необходимости «периодически обращаться к революционному насилию, характерному для континентальных стран Европы»⁸³. Период Войны за независимость и явился по данной схеме тем исключением, когда развитие событий определялось действиями «экстремистских» элементов.

Истоки революции Шлезинджер видел в обострении противоречий двоякого порядка: внутреннего (конфликта привилегированных и неимущих слоев в колониях) и внешнего (протест колонистов против политики метрополии). «Конфликт,— писал он,— по всему существу своему являлся одновременно гражданской и межнациональной войной»⁸⁴. В повседневной жизни североамериканских колоний предреволюционного десятилетия имело место переплетение обеих линий социального протеста: «агитаторы» и «памфлетисты» возбуждали население против Великобритании лозунгами (о «естественных правах человека» и «Никакого обложения без представительства!»). Они толкали фермеров, ремесленников, «мастеровых» к выступлению против собственных «аристократических» элементов — господствующей в экономическом и политическом отношениях элиты колоний⁸⁵.

Шлезинджер верно отметил наличие внутриколонияльных социальных противоречий, хотя обозначенные им линии классовой дифференциации нечетки. Он приблизился к пониманию ограниченности даже таких документов этого периода, как Декларация независимости, подвергнув сомнению соответствие тезиса Декларации о равенстве людей по рождению с реальной действительностью. «Ни в то время, ни много лет спустя,— писал он,— все граждане Америки не были равными ни перед законом, ни при создании законов»⁸⁶. Но он не понял объективно революционного характера Декларации — программного документа революционной в тот исторический период части буржуазии, о чем свидетельствовало его утверждение, что авторы Декларации «не имели намерения выдвинуть программу внутренних реформ»⁸⁷.

⁸² A. M. Schlesinger. New Viewpoints..., p. 123.

⁸³ Ibidem.

⁸⁴ A. M. Schlesinger. Paths to the Present. N. Y., 1957, p. 189.

⁸⁵ A. M. Schlesinger. New Viewpoints..., p. 74—76.

⁸⁶ Ibid., p. 78.

⁸⁷ Ibidem.

Революционный взрыв стал назреть после 1763 г., когда британские власти, пытаясь решить «проблему примирения централизованного имперского контроля с колониальным самоуправлением», провели серию мер по усилению налогового бремени, ограничению деятельности мануфактур и торговли колоний⁸⁸. В основе конфликта, по Шлезинджеру, лежало, таким образом, столкновение экономических интересов. При этом он не исключал возможности «удовлетворительного» решения спора без обращения к оружию, если бы не «поверхностное» понимание британским правительством «своих задач» и отсутствие с его стороны «государственной мудрости», так же как со стороны американцев — «ярко выраженного сепаратизма»⁸⁹.

Какие же силы вызвали революцию? Ответ на этот вопрос Шлезинджер начинал с анализа положения трех групп населения североамериканских колоний, отличавшихся «физикогеографическими условиями, экономическими интересами и политическими идеалами» и располагавшихся вдоль равнинного восточного побережья, района к югу и юго-западу и (географически менее ясно обозначенных) пограничных округов. Употребление тэрнеровской терминологии — показатель влияния школы «границы», но у Шлезинджера наряду с этим влиянием заметен акцент на понятиях социально-экономического характера. В каждом из указанных районов доминирующие категории населения в соответствии со своими «групповыми экономическими интересами» занимали определенные позиции по отношению к метрополии и ее политике, устанавливали свои непосредственные и конечные задачи, а также тактические средства, необходимые для их осуществления. Купечество, благосостояние которого связано с благоприятным развитием торговли в рамках Британской империи, особенно негодовало против ограничительных мер английского правительства и совместно с плантаторами стремилось к восстановлению экономического и политического положения колоний, существовавшего до 1763 г., не помышляя о независимости и тем более о революционном насилии как средстве его достижения. «Пролетарский элемент... не склонный по темпераменту к самоограничению» в выражении протеста и лишенный избирательных прав, свою точку зрения выражал на «массовых митингах и демонстрациях толпы» (*mob*) и первоначально не имел непосредственных интересов в движении за независимость. Демократические настроенные фермеры «границы», ущемленные незначительным представительством в колониальных ассамблеях и увеличением налогов, на последующих этапах конфликта, основываясь на

⁸⁸ Ibid., p. 163—164.

⁸⁹ Ibid., p. 164. Здесь же он писал, что стоило принять советы Питта, и «восстание могло бы быть предупреждено каким-либо планом имперской федерации».

«моральном убеждении и смелой философии», дадут «сильнейший импульс агитации за независимость»⁹⁰.

Определив, таким образом, социальные позиции основных групп населения колоний, Шлезинджер рисовал картину развития событий вплоть до революции, предлагая следующую концепцию политического руководства в ней на различных этапах: купечество, наиболее задетое имперской колониальной политикой, возбудило антибританскую агитацию и побудило «радикальных» ораторов «расшевелить толпы разгневанных патриотов», призвав массы на помощь с единственной целью — организовать контрдавление на английских конкурентов. При этом пышная риторика «агитаторов» о свободе и «естественных правах» не вводила их в заблуждение: купцов интересовали «прибыли, а не принципы». Но движение со временем вышло из-под контроля умеренных и лидерство перешло к «политическим агитаторам и экстремистским элементам». Движение потеряло для купцов «все значение», но новые ограничения, введенные парламентом на торговлю чаем в 1773 г., вынудили их возобновить союз с «политическими радикалами и безответственными элементами», отвергавшими компромисс и выдвинувшими цель, далекую от первоначальных планов умеренных, — независимость. Тем временем во всех колониях имело место соперничество за контроль над движением между «умеренными и радикалами, или экстремистами». Последние взяли верх (аналогичное явление произошло и в противоположном — британском лагере), и началась война.

«Ключ к событиям этого периода,— продолжал Шлезинджер,— может быть найден в том, что радикальные элементы были меньшинством колониального населения и только посредством эффективной организации и агрессивной тактики они могли надеяться поднять огромное большинство робкого и индифферентного народа, не имевшего организации и определенной программы». Купечество же совместно с другими умеренными элементами, потеряв контроль (но не влияние) после провозглашения независимости, объединилось для создания правительства, способного защищать его интересы, которые стали «могущественным фактором консервативной контрреволюции, приведшей в конце концов к принятию Конституции США»⁹¹. Таким образом, заключает Шлезинджер, «первоначальной целью этого вооруженного восстания была не независимость, но, как часто бывало в английской истории, изменение в правительственной политике», и в этом смысле неверно противопоставлять лоялистов патриотам, поскольку до революции колонисты разделялись лишь по вопросам степени допустимого «ограничения самоуправления» и желаемых «методов оппозиции». Иными словами, в этот период каждый

⁹⁰ A. M. Schlesinger. *New Viewpoints...*, p. 164—170.

⁹¹ *Ibid.*, p. 171—178; *idem.* *Colonial Merchants...*, p. 592, 606.

«истинный американец являлся лоялистом», все выступали за целостность Британской империи, и если лоялиста причислить к торж, то в 1776 г. все колониальное население — торж⁹².

Проблему правомерности революции Шлезинджер решал так: «Трудности и беспорядки периода Конфедерации как бы оправдывали позицию торж в революции, но реконструктивные силы американского общества (вспомним, что у Шлезинджера это — наиболее консервативные элементы привилегированных классов.— П. У.), создавшие националистическую республику, принятием Конституции красноречиво реабилитировали выбор, сделанный революционерами»⁹³. Как известно, по Шлезинджеру, принятие Конституции квалифицировалось по отношению к периоду Войны за независимость как «консервативная контрреволюция».

Обращение к социально-экономическим аспектам Войны за независимость помогло Шлезинджеру прийти к выводам, что «подлинное значение Американской революции измерялось не конфликтом страстей и эмоций», что следует отвергнуть попытку свести объяснение причин Войны за независимость к борьбе исключительно за политические права и абстрактные принципы справедливости, что надо искать их в «отказе населения колоний» принять ограничения своей экономической деятельности со стороны «имперского ли правительства или правящего меньшинства в своей среде»⁹⁴, что нельзя рассматривать революцию как «спонтанное восстание всего колониального населения, не разделенного на фракции и лишённого внутренних разногласий», как выступление, осуществлённое «по-джентльменски», без насилия⁹⁵. Он правильно считал, что Война за независимость имела революционное значение для Северной Америки, сопровождаясь важными социальными последствиями.

Лейтмотив шлезинджеровской концепции Американской революции в том, что, хотя в основе ее лежал конфликт экономических интересов, само ее наступление не являлось результатом неизбежного созревания экономических, политических, идеологических противоречий, а произошло в силу целенаправленных действий радикальных элементов, вовлекших в движение «нижние классы» (чьи революционные методы борьбы Шлезинджер осуждает как «дрейф к беззаконию»), а также в итоге антианглийской агитации умеренных элементов, преимущественно купечества, не подозревавших о конечных последствиях своей деятельности и не желавших их.

Верные оценки некоторых сторон проблемы Войны за независимость, данные Шлезинджером, так же как и ценный фактический материал в его докторской диссертации, не могут скрыть

⁹² A. M. Schlesinger. New Viewpoints..., p. 180.

⁹³ Ibid., p. 181.

⁹⁴ Ibid., p. 178—179.

⁹⁵ Ibid., p. 161.

глубокий консерватизм подхода историка к определению места Первой американской революции, оправдание которой он находит в создании государства с сильной властью тех, кто с самого начала был решительно против революции⁹⁶.

В 1925 г. по случаю 150-летия начала Войны за независимость Д. Джеймсон, редактор «Американского исторического обозрения», издатель различных документов по американской истории, преподаватель ряда высших учебных заведений, выступил в Принстонском университете с четырьмя лекциями, изданными в следующем году под названием «Американская революция, рассматриваемая как социальное движение»⁹⁷. Эта сравнительно небольшая по объему работа, без сомнения, стала знаменательным явлением в американской историографии Войны за независимость, сохранив свое значение и поныне — по прошествии полувека со времени опубликования.

Джеймсон поставил задачу определить, какие перемены были достигнуты в период Войны за независимость и под влиянием победоносного ее завершения. Угол зрения автора на предмет исследования был предельно расширен: революция рассматривалась в целом, а не в своих локальных проявлениях по отдельным колониям или регионам; ее результаты определялись по отношению ко всем или почти ко всем категориям населения, а не к изолированным социальным группам⁹⁸. Как об этом свидетельствуют заголовок работы и все ее содержание, Джеймсон считал, что в основе конфликта, войны и провозглашения независимости лежали явления экономического порядка, оказавшие наиболее «могущественное воздействие» на поколение американцев, в конечном счете вставших на путь создания своего национального государства. Исходный тезис автора, подтверждением которого является все последующее содержание работы: «экономические требования», «социальные стремления», «отношения классов» друг к другу, «институт рабства», «система землевладения, бизнеса», «формы и дух интеллектуальной и религиозной жизни», — все испытывало «трансформирующее влияние революции»⁹⁹. В ходе революции и после ее окончания имели место, по мнению Джеймсона, такие существенные социальные изменения, как перераспределение земельной собственности в результате конфискации владений короны, британской аристократии и лоялистов, переход этих земель в руки фермеров, открытие для

⁹⁶ И подобную позицию в конгрессе США в 1927 г. охарактеризовали как «антиамериканскую и непатриотическую» (см. *A. M. Schlesinger. In Retrospect: The History of a Historian.* N. Y., 1963, p. 104–105).

⁹⁷ *J. Jameson. The American Revolution considered as a Social Movement.* Princeton, 1926.

⁹⁸ Как отмечал Джеймсон, «разнообразная активность» людей может быть понята только при изучении ее во «взаимосвязи различных сторон» (*ibid.*, p. 158).

⁹⁹ *Ibid.*, p. 11.

освоения огромного земельного фонда на Западе, ликвидация таких пережитков феодального строя, как наследование без права отчуждения (entail), право первородства (primogeniture); «избавительной ренты» (guitrent); ограничение рабства и работорговли; значительное возрастание роли «низших» и «средних» слоев североамериканского общества в экономическом и политическом отношениях за счет соответствующего лишения власти аристократии (и в результате снижения имущественного ценза при голосовании, и следовательно более равномерного представительства в окружных органах); отделение англиканской церкви от государства; установление свободы религиозного вероисповедания; прогрессивное изменение уголовного законодательства и ряд других. Основная тенденция этих изменений — движение американского общества «в направлении уравнительной демократии», фундаментом их являлась «экономическая демократизация»¹⁰⁰. Имея в виду такие значительные социальные сдвиги в результате Войны за независимость, Джеймсон полагал, что между Американской и Французской революциями существовало гораздо больше сходства, чем это могло показаться на первый взгляд¹⁰¹. Заслуга Джеймсона состояла также и в попытке (по существу первой в буржуазной историографии США) раскрыть социальную природу тори и «патриотов» периода революции.

Исследование Джеймсона, бесспорно, внесло важный вклад в изучение важнейших проблем Первой американской революции. Оценивая ее не только как войну за независимость, он сделал следующий необходимый шаг в правильном направлении, представив серьезную, аргументированную интерпретацию революции как социального движения. Джеймсон намного раздвинул понимание социальной важности такого этапа истории США, как Война за независимость. После этого продолжать рассматривать период борьбы колоний лишь как более или менее яркую главу в политической, дипломатической или военной истории США (что делается многими нынешними авторами) означало бы совершить очевидный шаг назад. Все содержание работы Джеймсона свидетельствовало о том, что он отверг тезис о демократичности колониального общества — лейтмотивном утверждении апологетов концепции об исключительно консервативном характере Американской революции XVIII в. В этом же плане можно рассматривать и его, пусть робкую и ограниченную одним аспектом, попытку найти общую черту Американской и Французской революций.

Допуская наличие революционных предпосылок для обращения североамериканских инсургентов к оружию, Джеймсон не сом-

¹⁰⁰ Ibid., p. 25—26.

¹⁰¹ Но отнюдь не в способах осуществления этих изменений, которые, по Джеймсону, в Америке (в противоположность Франции) были «спокойными, умеренными, типично англосаксонскими».

невался в том, что по происхождению, свершению и результатам Война за независимость носила характер революции.

Разумеется, работа Джеймсона не решила многих затронутых в ней проблем, но она поставила их на обсуждение, предложила новые линии дальнейших исследований, предоставила возможность для размышлений и последующей плодотворной разработки важнейших вопросов революции при условии использования действительно научной методологии. Рассматриваемая монография Джеймсона порождала идеи и выводы, которые у самого автора, буржуазного историка, отсутствовали.

Работа Джеймсона не лишена недостатков как фактического, так и принципиального порядка. Так, разграничивая результаты революции на экономические, социальные, политические, он недостаточно показал переплетение этих результатов и их тесную взаимосвязь в конкретной исторической действительности; неполно разобраны им и последствия революции в области науки, образования, развития национального самосознания. Но наиболее значительный порок работы связан с существующей проблемой, находящейся в центре внимания автора: выводом о тенденции социальных сдвигов как следствие революции, Джеймсон видит ее не в изменении характера классовых и социальных противоречий, а в их постепенном устранении в процессе развития экономической и политической демократии для всех групп и категорий населения. Тем самым он проявил классовую ограниченность мировоззрения буржуазного ученого. К примеру, Джеймсон утверждал, что лоялистские элементы революции были представлены бывшей колониальной аристократией и что по окончании Войны за независимость эта группа населения была вымыта из жизни американского общества. Но конкретные исследования данного вопроса по отдельным штатам показывают, что лоялистских позиций придерживалась и часть купечества и что в послереволюционный период вчерашние лоялисты не только сохранили свои богатства, но и играли видную роль в политике ¹⁰².

В полном противоречии с истиной (и последующая картина США — тому лучшее доказательство) находится положение Джеймсона о качественных изменениях в результате революции в положении негров-рабов, института рабства в целом и работорговли в частности. Не подтверждается фактами и тезис о том, что при распределении земель, конфискованных у торп-лоялистов, соблюдался принцип справедливости по отношению к фермерским низам, обусловивший равноправные возможности приобрете-

¹⁰² См. *R. F. Upton. Revolutionary New Hampshire. Hanover, 1936, p. 130; S. J. Pomerantz. New York: An American City, 1783—1803. N. Y., 1938, p. 90; R. L. Brunhouse. The Counter-revolution in Pennsylvania, 1776—1790. Harrisberg, 1942, p. 179—180; Ch. S. Sydnor. Gentlemen Freeholders: Political Practices in Washington's Virginia. Chapel Hill, 1952, ch. I.*

ния земли. Можно ли говорить о решении аграрного вопроса в тот период и умалчивать о втором его аспекте — сохранении огромных земельных владений в собственности богатей, последующей концентрации земли в руках спекулянтов, разорении фермеров и пр.?¹⁰³ Наконец, правильно подчеркивая, что революция дала интенсивный толчок развитию промышленности и торговли, Джеймсон обошел молчанием то, что на практике это означало открытие огромных возможностей для бурного роста частной собственности, расширения рынков, создания банков и т. п.¹⁰⁴, т. е. утверждения в качестве господствующих в экономической и политической жизни США классов и социальных групп, которые не имели и не желали иметь ничего общего с той «всечеловеческой» демократией, начало которой, по Джеймсону, положила Первая американская революция.

В заключение отметим, что кризис теоретических основ буржуазной историографии, пороки ее методологических схем исключали возможность раскрытия с необходимой глубиной, всесторонностью, научной объективностью подлинной сущности Первой американской революции, в первую очередь таких вопросов, как истоки и происхождения, цели и задачи, движущие силы и соотношение внутреннего и внешнего аспектов, наконец, ее характер и значение.

Это положение относится не только к работам историков «имперской» школы, но и «экономического» направления, превратившегося в рассматриваемый период в одно из ведущих и добившегося определенных позитивных результатов в исследовании проблем Войны за независимость. Но всесторонне обоснованный ответ на вопрос о характере, месте, историческом значении Первой американской революции и ее опыта возможен с позиций марксистской теории общественного развития, учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о социальной революции и ее роли в истории.

¹⁰³ *H. B. Joshpe. The Disposition of Loyalist Estates in the Southern District of the State of New York. N. Y., 1939, p. 60; T. C. Cochran. New York in the Confederation. N. Y. 1932, p. 64; Ph. A. Crowl. Maryland During and After the Revolution. Baltimore, 1943, ch. II; L. N. Newcomer. The Embattled Farmers; a Massachusetts Countryside in the American Revolution. N. Y., 1953, p. 151; R. F. Upton. Op. cit., p. 172.* Это же относилось и к земельным массивам на Западе (см. *T. P. Abernethy. Western Lands and the American Revolution. N. Y., 1937, p. 228.*

¹⁰⁴ См. интересный фактический материал об этом: *R. A. East. Business Enterprise in the American Revolutionary era. N. Y., 1938, ch. II.*

ПРОГРЕССИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Л. П. Лаптева

В соответствии с тем огромным историческим значением, которое имеет гуситское революционное движение не только для Чехии, но и для всей средневековой Европы, литература о нем составляет тысячи крупных и мелких работ, накопившихся за несколько веков изучения этого грандиозного явления. В мировой гуситологии первое место принадлежит, несомненно, чешской историографии, второе следует отнести немецкой. Но для периода изучения гуситского движения от середины XIX до начала XX в., который и будет освещен в предлагаемой статье, большое значение имеет также русская историография гуситского движения. Она насчитывает около 150 работ различного объема — от небольших статей до капитальных монографий, посвященных почти всем вопросам гуситского революционного движения. Поскольку русская историография отличается самостоятельностью и разнообразием концепций, отражающих направления не только русского славяноведения, но и русской исторической мысли в целом, изучение русской гуситологии представляется важной задачей советской исторической науки.

Попытки освещения творчества русских гуситологов имели место и ранее. Еще в 1882 г. известный чешский историк Й. Калоусек обобщил некоторые черты русской историографии гуситского движения в статье «Русские исследования о причинах и целях гуситского движения»¹. Статья эта в сущности не отвечала в полной мере своему названию. Представители славянофильского направления русской гуситологии в ней лишь упомянуты, а анализу подвергнуты только две работы антиславянофильского характера.

Наиболее крупным сочинением, посвященным историографии гуситского движения в целом, является вышедшая в начале XX в. монография другого выдающегося чешского историка — К. Крофта «Новейшие исследования о Гусе и гуситском движении»². Охватывая гуситологию последней четверти XIX и нача-

¹ J. Kalousek. Ruské badání o příčinách a účelích hnutí husitského.— «Časopis Musea Kralovství Českého», 1882, r. 56, sv. 1, str. 90—102.

² K. Krofta. Novější badání o Husovi a hnutí husitském.— «Český časopis historický», 1915, r. 21, str. 40—78, 121—160, 347—379.

ла XX в., К. Крофта лишь небольшое внимание уделил творчеству русских исследователей. Большинство русских работ этого периода были ему неизвестны, так что нарисованная им картина давала неполное и искаженное представление о действительном положении вещей. И разумеется, ни Калоусек, ни Крофта не могли рассматривать русскую гуситологию с марксистских позиций.

В советской литературе уделялось также сравнительно небольшое внимание русской историографии гуситского движения. Имеющиеся обзоры этой историографии построены на марксистском фундаменте, но носят общий характер, рассматривают только наиболее крупные труды русских гуситологов, не доводят изложения до 1917 г.³ Оставляя в стороне сравнительно малые сочинения, авторы указанных обзоров отказываются тем самым от анализа работ, имеющих важное методологическое значение. Как в прошлом, так и в настоящее время в оценках русской дореволюционной гуситологии превалирует мнение о ее почти исключительно славянофильском характере. Примером может служить недавняя статья чехословацкого историка Я. Микулки «Гуситство и славянский мир», где автор говорит о «специфически русском подходе к гуситскому движению в историографии XIX века», имея в виду славянофильский характер русской гуситологии⁴.

Настоящая статья ставит своей целью показать, что славянофильская концепция гуситского движения превалировала в русской историографии далеко не во всех вопросах и не всегда. Этот факт ускользнул от внимания исследователей как ввиду неполного охвата русской литературы, так и потому, что обзоры не были всесторонними: они не рассматривали взгляды историков на отдельные проблемы, трактуя их позицию лишь в целом.

Главными признаками славянофильской концепции гуситского движения, на наш взгляд, следует считать: приверженность историков славянофильского направления к «славянскому племени», пристрастная оценка славянских деятелей и «славянского характера», подчас вопреки фактам; подход к православию как к «исконной» религии всех славянских племен; разделение всех европейских народов на две главные группы или «стихии»: западную (латинскую, романо-германскую) и восточную (греко-православную, славянскую); акцентирование внимания на деятельности отдельных выдающихся личностей; ограничение исследования религиозными и национальными факторами гуситского движения, пренебрежение к социально-экономическим вопросам; отрицательное отношение к движению таборитов; провиденци-

³ С. А. Никитин. Славяноведение.— «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 2. М., 1960, стр. 499—501; А. И. Озолин. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962, стр. 20—22; Г. И. Липатникова. К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии.— «Вопросы истории славян», вып. 1. Воронеж, 1963, стр. 69—92.

⁴ J. Mikulka. Husitství a slovanský svět.— «Slovanský přehled», 1963, č. 3.

листкие тенденции во взглядах на славянство в целом и специфику гуситского движения в частности, стремление рассматривать исторические явления под углом зрения теории о мессиантической роли славянства среди европейских народов, о неизбежности его выдвигания на первое место среди всех рас и племен. Эти признаки славянофильской концепции определяют ее реакционность. Работы антиславянофильского направления были, как правило, прогрессивными, они строились на методологических посылах, противоположных славянофильским. (Существует лишь одно исключение — исследование московского профессора А. Дювернуа «Станислав Зноемский и Ян Гус» (1871 г.), отличающееся предвзятым отношением к Гусу и его последователям, склонностью к рассмотрению всей гуситской эпохи с позиций, близких католическим. Впрочем, и в работе А. Дювернуа есть признак, роднящий ее с сочинениями славянофилов: резко отрицательное отношение к таборитам).

Их общим свойством является критический подход и уважение к фактам, преодоление ложно понимаемого славянофильскими чувства патриотизма, стремление к реалистической оценке исторических событий.

Авторы прогрессивного направления русской гуситологии высказывались по многим проблемам истории гуситского движения: специфики движения в целом и роли в нем православия, оценки таборитов, разделения гуситов на партии чашников и таборитов, удельного веса религиозного, национального и социального факторов и др.

В соответствии с этими проблемами и построено дальнейшее изложение материала.

Славянофильская концепция предполагала, что чехи, будучи племенем славянским, «восточным», не могли первоначально иметь никакой другой религии, кроме православной. Эту априорную идею некоторые историки стремились подтвердить данными источников, которые и подбирались, и толковались весьма тенденциозно⁵. Начало православия в Чехии относилось славянофилами к эпохе Кирилла и Мефодия, или «прослеживались» элементы православия, якобы хранившиеся в народных массах вплоть до конца

⁵ Основными работами, в которых развивались изложенные взгляды, являются: В. А. Елагин. Об «Истории Чехии» Ф. Палацкога.— ЧОИДР, 1848, № 7, стр. 1—44; Е. П. Новиков. Православие у чехов.— Там же, № 9, стр. 1—96; он же. Гус и Лютер, ч. 1—2. М., 1859; А. Ф. Гильфердинг. Очерк истории Чехии.— Собр. соч., т. 1. М., 1868 (написано в 1862 г.); он же. Гус. Его отношение к православной церкви. СПб., 1871; В. К. Надлер. Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV в. Харьков, 1864; В. А. Бильбасов. Чех Ян Гус из Гусица. СПб., 1869; В. И. Ламанский. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. СПб., 1859; он же. Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII вв. Историко-литературные и критические очерки.— «Славянский сборник», т. 1. СПб., 1875; А. С. Клеванов. Очерк истории чешского вероисповедного движения. М., 1876, и др.

XIV в., а гуситское движение представлялось как племенное стремление к возвращению в греко-славянскую стихию, к православию. Критика этого направления, получившего распространение в 40—70-х годах XIX в., началась в 60-х годах прошлого столетия работой будущего знаменитого ученого А. Н. Пыпина (1833—1904 гг.). Родственник и друг Н. Г. Чернышевского, долгое время находившийся под его непосредственным влиянием, талантливый ученый и публицист, А. Н. Пыпин блестяще начал свою ученую карьеру и в 1860 г. исполнял уже должность экстраординарного профессора всеобщей истории литературы. Однако, выразив в 1861 г. свой протест против официальной политики в отношении русской высшей школы уходом из университета, Пыпин в дальнейшем подвергался преследованиям и дискриминации, считался «неблагонадежным» и находился на подозрении у полиции⁶. Правительственные органы дважды не пропускали Пыпина в состав Российской Академии наук⁷. Для Пыпина характерна была эволюция, которую проделали и некоторые другие представители русской демократической интеллигенции 60-х годов прошлого века. Оставшись до конца жизни либералом левого толка, Пыпин отказался от острой и резкой критики русской действительности. Он не принял революционно-демократических идеалов Чернышевского. Можно согласиться с Н. К. Пиксановым, назвавшим Пыпина представителем «высшей и средней буржуазной и разночинной интеллигенции»⁸, далеко не дошедшим до революционного демократизма, свойственного Чернышевскому.

Стремясь в своей научной работе прежде всего к исследованию исторических фактов, к раскрытию исторических процессов, свойственных той или иной эпохе, Пыпин не был, разумеется, свободен и от субъективизма⁹, но его субъективизм не идет ни в какое сравнение с фантастическими построениями, свойственными историкам славянофильского направления.

В Пыпине сочетался западнический подход к действительности с интересом к зарубежному славянству. Именно это сочетание и позволило ему стать серьезным и вдумчивым критиком

⁶ Биографические сведения об А. Н. Пыпине имеются в ЛГИА (ф. 14, оп. 1, д. 5546) и ЦГИАЛ (ф. 733, оп. 26, д. 246; оп. 27, д. 161 и др.). См. также: В. Н. Кораблев. Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос.— «Вестник АН СССР», 1933, № 8—9; Б. Глинский. Александр Николаевич Пыпин.— «Исторический вестник», 1905, т. 99, № 1. Об антиправительственной деятельности Пыпина см.: ЦГАОР, ф. 109 (3-е Отделение собств. е.и.в. канц.), 3-я экзп., д. 198 (документы этого последнего дела частично опубликованы в статье: П. С. Ткаченко. Новые материалы об А. Н. Пыпине.— «Русская литература», 1967, № 4, стр. 119—121).

⁷ Б. Глинский. Александр Николаевич Пыпин, стр. 295.

⁸ Н. К. Пиксанов. Академик А. Н. Пыпин.— «Вестник АН СССР», 1933, № 4, стр. 43.

⁹ Б. Глинский. Александр Николаевич Пыпин, стр. 23; М. Я. Мельц. А. Н. Пыпин — исследователь фольклора зарубежных славян.— «Русский фольклор», вып. 8. М.— Л., 1963, стр. 363.

славянофильских концепций. Впервые он выступил против этих концепций еще в 1860 г., опубликовав рецензию на книгу В. Ламанского «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» (СПб., 1859). Он упрекал автора книги в подходе к исследованию «с готовым взглядом», в необузданной фантазии, в пренебрежении к «обыкновенным доказательствам», т. е. в приемах, «совершенно неуместных в ученой книге». Пыпин иронизировал по поводу попыток славянофилов объявить славянами Лессинга и Лейбница, рассуждений Ламанского о мнимом расселении славян в Африке и Малой Азии; он именуется многие аргументы Ламанского «анекдотическими» и убедительно их опровергает¹⁰.

В таком же духе критиковал А. Н. Пыпин и другие славянофильские сочинения, в том числе и посвященные истории гуситского движения. В 1864 г. он заметил, что чехи, вопреки утверждениям славянофильских историков, не могли хранить «идею славянского единства» в течение X—XIV вв., поскольку эта идея вообще не существовала «до самого последнего времени». Пыпин возражает славянофилам, утверждавшим, что в чешском народе сохранились «византийские предания», а западное славянство потеряло крах от «несвойственной всему славянскому роду западноевропейской цивилизации». Славянофильский тезис о необходимости обращения западного славянства в православие Пыпин считает совершенно бесплодным и противоречащим исторической перспективе и духу современности¹¹. Совершенно не согласен Пыпин и со славянофильским утверждением, будто бы учение Гуса имело православный оттенок. «Идеи Гуса,— замечал он,— не были сходны с идеями тогдашнего славянского православия»¹². По его мнению, «для гуситов вопрос шел вовсе не о восстановлении старых религиозных начал», стремление же к первобытному христианству стало господствующей идеей потому, что в движении «принял самое прямое участие народная масса», имевшая естественное желание «преобразовать общественное устройство»¹³.

В 80-х годах взгляды Пыпина несколько изменились, что особенно заметно при сравнении двух изданий труда по истории славянских литератур, вышедших соответственно в 1865 и 1879—1881 гг.¹⁴

Если в издании 1865 г. Пыпин обнаруживал ту же непри-

¹⁰ См. «Современник», 1860, № 4, стр. 310—320.

¹¹ А. Н. Пыпин. [реф.] В. К. Надлер. Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии.— «Современник», 1864, № 7, отд. 2, стр. 45—51.

¹² А. Н. Пыпин. Панславизм в прошлом и настоящем.— «Вестник Европы», 1878, № 9, стр. 337.

¹³ «Современник», 1864, № 7, стр. 49.

¹⁴ А. Пыпин, В. Спасович. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865; они же. История славянских литератур, т. 1—2. СПб., 1879—1881. Следует учесть, что В. Спасович в обоих изданиях писал лишь главы о польской литературе.

миримость к славянофильским построениям, что и в других своих работах того же периода времени, то к началу 80-х годов он сделал серьезную уступку славянофильству, отведя определенное место «влиянию темных греко-славянских преданий в гуситстве»¹⁵. Это изменение в научной концепции совпадает с отступлением Пыпина от прежнего радикализма и в его политических взглядах. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что еще в 60-х годах XIX в. в русской литературе пером Пыпина критиковалось славянофильское представление о «гуситском православии». Уже этот факт дает основание причислить А. Н. Пыпина к представителю прогрессивного направления русской гуситологии XIX в. Даже сделав некоторые уступки славянофильству, Пыпин и в дальнейшем полностью расходился со славянофильскими историками во взглядах на все принципиальные вопросы истории.

В 1868—1869 гг. во многих странах, в том числе и в России, отмечалось 500-летие со дня рождения Яна Гуса. В прессе появилось много статей (большей частью анонимных), посвященных этому событию. Чаще всего они носили славянофильский характер, но в одной из них отмечалось, что «нововведения Гуса, которые могли иметь несколько большее сходство с учением православной церкви, чем католической, еще не дают права утверждать, будто его учение было не что иное, как попытка воссоединения с православием». Стремление объявить Гуса сторонником православия квалифицируется автором статьи как «предвзятая мысль»¹⁶. Таким образом, борьба со славянофильской концепцией гуситского движения проникла и в прессу.

Два года спустя славянофильский подход к проблемам гуситского движения критиковался еще в одной анонимной статье. Опубликованная в таком прогрессивном издании, как «Отечественные записки», эта статья давала резкую отповедь славянофильской трактовке деятельности Гуса известным русским славистом А. Ф. Гильфердингом. Утверждения о Гусовом православии рецензент считает голословными, отдельные положения Гуса кажутся ему несовместимыми с принципами православной церкви. «Позволительно ли, например,— пишет рецензент,— православному человеку отрицать преемственную благодать священнического сана или ставить свое личное суждение выше толкований святых отцов?» Рецензент убежден в том, что если бы Гус жил даже в самом Константинополе, то имел бы «ровно столько же поводов напасть на патриаршеское достоинство, на священников, не исполняющих своей обязанности», как и в условиях католической Чехии¹⁷. Разумеется, и этот взгляд в корне противоположен славянофильскому.

В 1876 г. с критикой славянофильской концепции гуситского

¹⁵ А. Пыпин, В. Спасович. История славянских литератур, т. 2, стр. 890.

¹⁶ «Санкт-Петербургские ведомости», 1869, № 186—187.

¹⁷ «Отечественные записки», 1871, № 9, стр. 85.

движения выступил П. П. Васильев (род. в 1845 г., ум. не ранее 1895 г.). Он был сам представителем православной церкви.

Гуситская идеология могла в деталях сравниваться с православием лишь специалистами-богословами. На русской почве ими были в первую очередь лица, получавшие специальное образование в духовных семинариях и академиях. П. П. Васильев происходил из духовного сословия, образование же получил в Московской духовной академии, которую окончил со степенью магистра, защитив рассуждение на тему «Ян Гус — религиозный реформатор XV века». В дальнейшем он преподавал в различных духовных и учительских семинариях, сотрудничал во многих периодических изданиях, уделяя много внимания истории средневековой Европы¹⁸. В 1876 г. П. Васильев опубликовал две статьи по гуситской эпохе: «Причины и характер чешского религиозного движения»¹⁹ и «Предшественники Гуса»²⁰. Хотя эти статьи не очень велики по объему, они хорошо фундированы и чрезвычайно важны по своим принципиальным установкам.

Критика славянофильских взглядов на гуситское движение содержится главным образом в первой из этих статей. Указав на распространенность и укоренение в русской науке славянофильских воззрений на гуситское движение, Васильев называет затем славянофильские построения попыткой выдать сомнительные предположения за истину. Он упрекает Е. Новикова, А. Гильфердинга и других в «крупных методологических и фактических ошибках», а теорию гуситского православия именует «призраком, исчезающим при первом прикосновении исторической критики». Большая часть материала посвящена Васильевым опровержению аргументов, выдвигаемых историками-славянофилами для доказательства непрерывности православной традиции в Чехии и православной сущности гуситского движения. Наряду с теми соображениями, которые уже были высказаны в чешской, немецкой и более ранней русской литературе, П. Васильев приводит и некоторые собственные доводы, базирующиеся на теологических основаниях. Заключение Васильева, сформулированные в пяти основных пунктах, полностью отвергают тезис о православном характере гуситского движения. Показано, что уже в XI в. «славянский обряд» богослужения «окончательно уступил в Чехии место обряду латинскому». Этот переход произошел, по мнению Васильева, без больших трудностей, поскольку у чехов не было серьезных оснований питать особую ненависть к католицизму. «Врожденное отвращение» к римской религии, приписываемое славянофилами всем славянам, представляется Васильеву вымыслом, а положение о «сохранении» чехами православных преда-

¹⁸ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 4. СПб., 1895, отд. 2, стр. 167—168.

¹⁹ См. ЖМНП, 1876, июль, стр. 90—125.

²⁰ См. там же, 1876, август, стр. 234—280.

ний — никак не доказанным. Такой факт, как основание в XV в. Эмаусского монастыря, где богослужение совершалось на славянском языке, Васильев справедливо не считает достаточно веским аргументом для доказательства тезиса о сохранении православных преданий. Он отвергает также ссылки славянофилов на писателей XVII в. (Я. А. Коменский, П. Странский), отказывая этим слишком поздним свидетелям в праве на достоверное освещение событий X—XIV вв.²¹

Выступление П. Васильева было замечено в Чехии. Уже упоминавшийся в настоящей статье чешский историк Й. Калоусек откликнулся на работы Васильева в своем обзоре русских трудов по гуситскому движению. Приводя обширные выдержки из этих работ, Калоусек комментирует: «Васильев в своей критике приходит к ряду отрицательных выводов: никаких православных традиций в Чехии... он не видит; не находит он доказательств и тому, что чехи будто бы ненавидели католическую церковь и вели против нее борьбу в пользу православия»²². Соглашаясь с этими выводами П. Васильева, чешский историк, однако, справедливо критикует его за некоторые упрощения и пренебрежение к трудам зарубежных авторов. Можно добавить, что Васильев не смог оторваться от понимания гуситского движения как преимущественно религиозного, не разглядел под религиозной оболочкой сложных социальных процессов. Критикуя славянофильское толкование гуситской эпохи, Васильев не дает ей другого объяснения. Однако, несмотря на эти недостатки, статьи Васильева внесли свежую струю в исследование гуситского движения и поэтому должны быть признаны для своего времени прогрессивными. Они явились отражением развития как исторической науки в целом, так и истории церкви в частности. Их появление было неизбежно.

В рамках православия и также с богословских позиций критиковал славянофильскую концепцию известный русский славист И. С. Пальмов (1856—1920 гг.), профессор Санкт-Петербургской духовной академии, посвятивший большую часть своего творчества изучению гуситского движения. Многие биографы этого историка отмечали противоречивость его воззрений, попытки сблизить взгляды протестантских и православных историков на гуситское движение. Подобные мнения можно встретить в работах Й. Калоусека²³, Ф. Бидло²⁴, Д. Вергуна²⁵, В. М. Истрина²⁶, В. А. Францева²⁷, а в советской литературе — в статье Г. И. Ли-

²¹ Там же, 1876, июль, стр. 95—122.

²² *J. Kalousek*. Op. cit., str. 91—97.

²³ *Ibid.*, str. 97.

²⁴ «*Český časopis historický*», 1905, г. 11, str. 208—210.

²⁵ «Новое время», 1915, 26 VI (6 VII), стр. 5.

²⁶ *В. М. Истрин*. Иван Саввич Пальмов.— «Известия Российской академии наук», 1920, т. 14, стр. 186—187.

²⁷ *V. A. Francev*. Prof. Ivan Savvič Palmov.— «*Almanach České Akademié*», г. XXXIII. Praha, 1923.

патниковой²⁸. С другой стороны, в некоторых критических отзывах о Пальмове он представлен либо только как критик славянофильства, либо как безоговорочный сторонник старых славянофильских теорий. Так, критическую, антиславянофильскую, сторону творчества Пальмова особенно подчеркивал известный русский филолог-славист П. А. Лавров²⁹. А такие биографы Пальмова, как В. Верюжский и К. Грот, считают, что он «по своему мировоззрению... примыкал к старой школе славянофилов», что это мировоззрение «выработалось у него еще на студенческой скамье»³⁰ и даже что он был «убежденным славянофилом старой школы»³¹. Аналогичное мнение о Пальмове можно найти и в некоторых отзывах конца XIX в., где он характеризуется как «убежденный сторонник идей славных московских славянофилов, которые нашли достойного завершителя в лице Н. Я. Данилевского»³². В сущности так же смотрят на Пальмова и некоторые советские авторы. По утверждению А. И. Озолина, Пальмов видел в гуситизме движение, «направленное против всего латинско-германского мира», представлявшее собой «диаметральную противоположность другим западноевропейским реформационным движениям», обусловленное «влиянием православных греко-восточных преданий»³³. Особо следует при этом заметить, что А. И. Озолин ссылается в подтверждение своей оценки только на магистерскую диссертацию Пальмова, изданную в 1881 г.³⁴

Столь противоречивые суждения о творчестве одного и того же автора объясняются прежде всего эволюцией самого Пальмова. Начав публикацию своих трудов в 80-х годах XIX в., Пальмов в то время в значительной мере расходился со славянофильскими взглядами на гуситское движение, в том числе и с концепцией своего учителя В. И. Ламанского. Это особенно проявилось в магистерской диссертации «Вопрос о чаше в гуситском движении» (1881 г.). Однако в дальнейшем Пальмов все больше отступал со своих критических позиций и уже в 1889 г. признал, что видит между гуситским движением и православием не только «идейное родство», но и более тесную связь, считает православие одним из источников гуситского движения. Здесь же Пальмов заметил, что выступает не столько против основ славянофильской трактовки гуситского движения, сколько против ее крайностей и склоняется к признанию «первоначального кирилло-мефодиевского православия чехов» важным фактором

²⁸ Г. И. Липатникова. Указ. соч., стр. 89.

²⁹ П. А. Лавров. История Чехии. М., 1897, стр. 276 и след.

³⁰ В. Верюжский. Пальмов Иван Саввич.— «Русский исторический журнал», 1921, кн. 7, стр. 243.

³¹ К. Грот. Памяти академика И. С. Пальмова.— «Вестник литературы», 1921, № 1(25), стр. 15.

³² ААНЛ, ф. 105, оп. 2, д. 114 (Письмо студента И. Каменского И. С. Пальмову от 17 января 1897 г.).

³³ А. И. Озолин. Указ. соч., стр. 21.

³⁴ Там же, стр. 272, прим. 67 и 68.

«чешской реформации», поскольку православие, «несмотря на торжество над ним латинства, таилось здесь... как предание»³⁵. Эта точка зрения уже вполне смыкалась со славянофильской. На таких же позициях Пальмов остался и в своих последующих работах. В 1893 г. он переиздал сочинение А. Ф. Гильфердинга о Гусе с собственным предисловием и добавлением новых документов в Приложении. В предисловии Пальмов заметил, что новые документы имеют целью подтвердить концепцию Гильфердинга, его тезис о близости гуситства к православию³⁶. Подобная же тенденция сближения гуситского движения с православием наблюдается у Пальмова и в работах XX в.³⁷

Эта эволюция объясняет, почему ранние отзывы о Пальмове обращают главное внимание на критическую сторону его творчества, а поздние — на его славянофильское мировоззрение и попытки примирить различные трактовки гуситского движения. Остается, однако, непонятной оценка А. И. Озолина, поскольку он основывает ее на ранней, наиболее критической работе И. С. Пальмова. Действительно, именно в своей магистерской диссертации Пальмов прямо выступает против тех мыслей, которые приписывает ему А. И. Озолин. Пальмов здесь критикует славянофильское утверждение о том, что «остатки православия и сочувственные высказывания деятелей чешской реформации о греческой церкви» якобы доказывают стремление гуситов к православию. По его мнению, упомянутые факты такого значения не имеют³⁸. Таким образом, А. И. Озолин не имел оснований ссылаться на указанную монографию для доказательства славянофильских взглядов Пальмова на гуситское движение. Нет в магистерской диссертации Пальмова и мысли о «диаметральной противоположности» гуситского движения западным реформационным течениям. Наоборот, с его точки зрения, нет серьезных оснований «слишком резко отделять чешское реформационное движение от других предшествующих и современных ему религиозно-реформаторских попыток в западнокатолическом мире и — в противоположение этим последним — считать его исключительно восточным»³⁹. Следовательно, тезис А. И. Озолина о взгляде Паль-

³⁵ «Христианское чтение», 1889, № 1-2, стр. 74.

³⁶ И. Пальмов. Предисловие.— А. Ф. Гильфердинг. Гус. Изд. 2. СПб., 1893.

³⁷ И. С. Пальмов. Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия, т. I. вып. 1-2. Прага, 1904; *он же*. Мануальник Вячеслава Коранды как источник для характеристики религиозно-реформистских идей чешского утраквизма второй половины XV века.— «Новый сборник статей по славяноведению». СПб., 1905, стр. 141—180; *он же*. Чешский гуситизм и его историческое значение.— «Славянские известия», 1909, № 2 стр. 163—176; № 3, стр. 293—310; *он же*. Нравственный образ Иоанна Гуса.— Там же, 1916, кн. 1, стр. 9—20; *он же*. Исторический образ Иеронима Пражского.— Там же, кн. 2, стр. 28—44.

³⁸ См. И. С. Пальмов. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб., 1881 стр. 158.

³⁹ Там же, стр. 195.

мова на гуситское движение как диаметрально противоположное западным реформационным течениям не выдерживает критики.

Нуждается в уточнении и оценка Пальмова Г. И. Липатниковой. С ее точки зрения, магистерская диссертация Пальмова «в основной своей части... смыкалась с произведениями позитивистской чешской историографии»⁴⁰. Г. И. Липатникова называет в этой связи Й. Калоусека и Я. Голла. Однако сам Калоусек вовсе не причисляет Пальмова к своим единомышленникам. Он расходился с русским исследователем, например, в принципиальном вопросе о степени близости православия к гуситскому движению, в оценке ряда источников и т. д.⁴¹ По свидетельству К. Крофты, концепция Пальмова была решительно отвергнута чешскими исследователями гуситского движения «с Голлом и Калоусеком во главе»⁴². Таким образом, вряд ли можно сближать Пальмова с указанными историками.

Как А. И. Озолин, так и Г. И. Липатникова несколько снижают значение трудов Пальмова о гуситском движении. По мнению первого, Пальмов «не показывает, что требование чаши было... выражением социального протеста против чрезмерных привилегий церкви и ее монопольного положения в обществе»⁴³. Г. И. Липатникова также полагает, что Пальмов не смог «уловить» в призыве гуситов к причащению мирян из чаши «символическую идею равенства людей перед богом»⁴⁴.

На самом же деле Пальмов подчеркивает: «Церковь римская свободно следовала по широкому пути развития церковных новшеств вообще и в частности — по отношению к таинству евхаристии и ... не стеснялась ради мирских выгод и удобств нарушать постановления первоначальной христианской церкви». Отвергнув те мотивы, которыми столпы католической церкви пытались объяснить лишение мирян права причащения из чаши («боязнь пролить кровь Христову»), Пальмов усматривает «истинную причину» этого акта в отношении церкви к пастве как к «пассивному и безгласному стаду». На этом основании Пальмов заключает, что запрещение чаши для мирян имело целью «выдвинуть права иерархии, внешним образом выразить ее превосходство над мирянами»⁴⁵. Таким образом, нет оснований утверждать, что Пальмову были чужды мысли о социальном значении борьбы за причащение мирян под обоими видами. Разумеется, религиозные мотивы гуситского движения оставались для Пальмова главными, но не следует игнорировать и его выводы о социальной роли борьбы за чашу.

Антиславянофильская направленность магистерской диссертации

⁴⁰ Г. И. Липатникова. Указ. соч., стр. 88—89.

⁴¹ J. Kalousek. Op. cit., str. 99—101.

⁴² K. Krofta. Op. cit., str. 76.

⁴³ А. И. Озолин. Указ. соч., стр. 21.

⁴⁴ Г. И. Липатникова. Указ. соч., стр. 87.

⁴⁵ И. С. Пальмов. Вопрос о чаше в гуситском движении, стр. 30—31, 60.

ции Пальмова обнаруживается и в его тезисе о постоянном изменении идей в зависимости от исторической обстановки. Если славянофильским историкам православная идея в славянстве казалась вечной, то Пальмов пишет: «Как бы ни были... необходимы идеи, лежащие в основе быта известных народов известной эпохи., они не могут быть вечными, абсолютно неизменными... Каждая идея, будучи пригодна в тот или другой момент исторической жизни, с возникновением новых требований эпохи должна уступить свое место другим, более плодотворным началам, более соответствующим новым потребностям данного времени и народа»⁴⁶. Такая концепция прямо противоположна славянофильской.

Пальмов понимал также, что чешское дворянство, принимая гуситскую идею, могло наряду с религиозными и национальными мотивами связывать с ней «свои личные политические тенденции, находя в учении Гуса указания на необходимость отнятия у духовенства церковных имуществ», что оно, «естественно, должно было ухватиться за эту сторону Гусовой доктрины, думая... со временем воспользоваться отнятым у духовенства имуществом и правами»⁴⁷. Это высказывание также подтверждает, что некоторые из социальных мотивов гуситского движения были для Пальмова очевидны.

Таким образом, при всей ограниченности критики Пальмовым славянофильской концепции гуситского движения нельзя не видеть в его раннем творчестве прогрессивные моменты. Его монография о чаше была первым капитальным трудом, направленным против теологических и некоторых общеметодологических основ славянофильской трактовки гуситского движения. С другой стороны, прогрессивное значение творчества Пальмова не должно и переоцениваться. Своими поздними работами он скорее способствовал сохранению в науке переживших себя представлений и тем самым тормозил исследование проблем гуситского движения с материалистических позиций.

В конце XIX в. и начале XX в. по проблемам истории гуситского движения высказывались в антиславянофильском духе некоторые специалисты по всеобщей истории, в том числе и такие крупные буржуазные историки, как В. И. Герье (1837—1919 гг.)⁴⁸ и Н. И. Кареев (1850—1931 гг.)⁴⁹. В своих взглядах

⁴⁶ Там же, стр. 80.

⁴⁷ Там же, стр. 547.

⁴⁸ Данные биографии В. И. Герье можно найти в ОР ГБЛ, ф. 70, п. 32, № 6, п. 33, д. 72; карт. 68, д. 9, 10, 11; карт. 65, д. 4 и 5; карт. 62, д. 8; карт. 48, д. 13, и др. Его профессорская деятельность характеризуется документами, хранящимися в ЦГА г. Москвы, ф. 418 (Московского университета). Кроме того, см. некрологи, опубликованные Н. И. Кареевым («Голос минувшего», 1922, № 2 (октябрь), стр. 220—223 и «Анналы», 1922, № 1, стр. 156—165, и др.).

⁴⁹ О Карееве см. документы: ОР ГБЛ, ф. 19; ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 150, 386, 555, 1205, 1576 и др.; ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 8612; ЦГА, г. Москвы, ф. 418,

на гуситское движение они полностью отвергали славянофильский субъективизм, ратуя за толкование гуситского движения как явления, типичного для истории Западной Европы. Герье характеризовал славянофильский взгляд на Гуса как «странную историческую гипотезу, любопытный образчик увлечения идеей в полном противоречии с фактами»⁵⁰. В этом же плане смотрит на гуситское движение и Кареев. По его убеждению, чехи приняли христианство вовсе не с Востока, а с Запада, чаша для мирян не может служить аргументом в пользу гуситского «православия», поскольку этот обряд существовал в западной церкви и до Гуса, вообще же славянофильский взгляд «лишен прочных научных оснований»⁵¹. Таким образом, воззрения Герье и Кареева на сущность гуситского движения отвечали уровню современной им исторической науки и были на фоне славянофильских концепций прогрессивными.

В 1914 г. вышел IV выпуск «Книги для чтения по истории средних веков» под редакцией П. Г. Виноградова. Материал о Гусе принадлежал в этом издании сравнительно малоизвестному историку Н. И. Аммону (ум. в 1920 г.). Этот автор резко критиковал славянофильскую версию «связи между гуситизмом и сохранившимися будто бы в чешском народе в течение веков следами православного вероучения и греко-славянского обряда»⁵². Н. Аммон относил гуситское движение к явлениям, предшествовавшим Реформации XVI в.

В 1915 г. во многих странах отмечалось 500-летие со дня смерти Яна Гуса. В связи с этим юбилеем в русской литературе появилось несколько брошюр и статей, выдержанных главным образом в славянофильском и германофобском духе, что легко объясняется обстановкой первой мировой войны. Большинство работ носило поверхностный, компилятивный характер, но есть и исключение — сочинение Н. И. Серебрянского «Ян Гус — его жизнь и учение»⁵³.

Н. И. Серебрянский работал преимущественно в области церковной истории. Ему принадлежит ряд исследований о старых монастырях, разыскания в житийной литературе, работы по истории города Пскова, а также псковских летописей. Серебрян-

оп. 42, д. 52; оп. 45, д. 454; оп. 48, д. 146 и др. Кроме того, см.: Н. Дубровский. Ученая и литературная деятельность Н. И. Кареева. — «Исторический вестник», 1905, № 1, стр. 209—223, и др.

⁵⁰ В. И. Герье. Гус.— Гуситы. — «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. IXа. СПб., 1893, стр. 929.

⁵¹ Н. И. Кареев. История Западной Европы в новое время, т. 1. СПб., 1898, стр. 377, 379, 380.

⁵² Н. Аммон. Чешский реформатор Ян Гус. — «Книга для чтения по истории средних веков», вып. IV. М., 1914, стр. 45.

⁵³ См. Н. Серебрянский. Ян Гус — его жизнь и учение (по поводу пятисотлетия со дня его кончины). — «Псковские епархиальные ведомости», 1915, № 13—16; в дальнейшем цитируется по отдельному изданию (Псков, 1915).

ский готовил издание сочинений Гуса, что видно из его предисловия к упомянутой брошюре. В своих взглядах на гуситское движение Серебрянский является самым решительным противником славянофильской концепции. По его мнению, сведения гуситов о русской церкви «были такие же смутные и неполные, как и сведения современных Гусу и Иерониму русских писателей о характере деятельности знаменитых чешских проповедников. Да и религиозные взгляды Гуса и Иеронима едва ли могли быть понятными и приемлемыми для тогдашнего нашего узкообрядового религиозного мировоззрения». Серебрянский считает практически бесплодным путешествие Иеронима к восточным славянам, и в частности его пребывание в Пскове, т. е. полностью отвергает один из главных аргументов славянофильских историков в пользу сознательного стремления гуситов к сближению с православной церковью. Проштудировав русские летописи начала XV в., Серебрянский с полным правом отмечает не только их молчание по поводу пребывания Иеронима в Пскове, но и устанавливает факт неприятия Гусова учения на Руси: под 1409 и 1414 гг. Серебрянский обнаружил в Ипатьевской летописи высказывания о Гусе как еретике. Все эти факты Серебрянский, по его собственному замечанию, приводил в противовес утверждениям историков-славянофилов. Некоторое сходство между учением Гуса и православием Серебрянский справедливо объясняет общим происхождением того и другого от апостольского христианства⁵⁴.

Вполне солидарен с Серебрянским был казанский профессор Н. М. Петровский (1875—1921 гг.), который в предисловии к русскому переводу книги В. Флайшганса «Ян Гус» (1916 г.) порицал славянофильскую историографию за «склонность объяснять деятельность Гуса в связи с кирилло-мефодиевскими преданиями..., изображать констанцского мученика чем-то вроде православного мыслителя, полемизирующего с католической церковью». Считая, что «этот взгляд уже отвергнут строгою наукою», Н. М. Петровский все же должен признать: такие концепции «до сих пор иногда встречаются... в кругах, близких к православному духовенству, которое не прочь было бы канонизировать вифлеемского проповедника, забывая о том, что и наша церковь не только в XV, но и в следующих веках отнеслась бы к Гусу не лучше отцов Констанцкого собора»⁵⁵.

Таким образом, в освещении отношения Гуса и гуситов к православию славянофильская концепция встречала в русской дореволюционной литературе серьезный отпор, начиная уже с 60-х годов XIX в. до самого конца рассматриваемого периода. Противниками славянофильской трактовки упомянутой проблемы были главным образом историки либерального направления, особенно специалисты по всеобщей истории. Знаменательно, что кри-

⁵⁴ Н. И. Серебрянский. Указ. соч., стр. 10—11, 61.

⁵⁵ Н. М. Петровский. Предисловие.— В. Флайшганс. Ян Гус. М., 1916.

тика славянофильских взглядов исходила даже от историков-богословов, служителей православного культа, воспитанных в русских духовных учебных заведениях. Этот факт свидетельствует о достижении русской исторической наукой такого уровня, который уже не допускал произвольных толкований в угоду априорным теориям и ложному патриотизму. С другой стороны, славянофильское толкование гуситского движения как проявления православной идеи так и не было окончательно побеждено либеральной буржуазной историографией; решить эту задачу оказалась в состоянии лишь историография марксистская.

Если в вопросе о «гуситском православии» удельный вес антиславянофильской литературы не очень велик, то совершенно иная картина наблюдается в освещении русской гуситологией деятельности народных масс, т. е. в первую очередь таборитов. Славянофильская историография при всех ее декларативных симпатиях к «народности», к народу как хранителю православных традиций не обращала, однако, серьезного внимания на беднейшие слои чешского общества, а о таборитах отзывалась обычно как о разбойниках. В отношении славянофильских историков к таборитам особенно четко проявляется классовая позиция защитников «православной идеи» в славянстве. Зато авторы, оправдывавшие действия таборитов, как правило, отличались демократичностью своего мировоззрения.

Из русских гуситологов 60-х годов XIX в. особенно выделяется в этом смысле П. А. Ровинский (1831—1916 гг.). Революционный демократ, один из руководителей общества «Земля и воля», общественный деятель и публицист, близкий к Н. Г. Чернышевскому, Ровинский был в то же время крупным славистом — этнографом и историком. Преследуемый правительством за свои убеждения и деятельность⁵⁶, Ровинский был гораздо левее Пыпина по своим политическим взглядам. Революционно-демократические, народнические идеи он пытался воплотить в жизнь⁵⁷.

Как справедливо указывал один из биографов (М. Г. Долобо), Ровинский был «народником и в науке»⁵⁸. Это видно и из капи-

⁵⁶ См. *К. И. Ровда*. П. А. Ровинский и русско-чешские общественно-литературные связи. — «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения». М., 1968, стр. 44 и прим. 32.

⁵⁷ Так, Ровинский устраивал побег за границу одного из руководителей организации «Земля и воля» Н. И. Утина, принимал меры к обеспечению безопасности также и других членов организации, участвовал в разработке планов освобождения Чернышевского из ссылки и ездил в Забайкалье, вероятно, чтобы ознакомиться с обстановкой на месте. Прожив 27 лет в Черногории, Ровинский принимал непосредственное участие в войне черногорцев с турками (в качестве санитара). Свои народнические взгляды он пытался проверить и на практике на посту директора колонии малолетних преступников (1874—1878 гг.). После манифеста об отмене крепостного права (1861 г.) Ровинский безвозмездно раздал крестьянам всю принадлежавшую ему землю.

⁵⁸ ЖМНП, 1916, июль, стр. 18.

тальных трудов Ровинского по истории и этнографии Черногории, в которых он проявлял глубокий интерес к истории трудящихся масс, и по его работе, посвященной истории Чехии, в том числе гуситскому движению.

Критика Ровинским славянофильской идеологии основывалась на признании им принципа преемственности исторических явлений, зависимости этих явлений от эпохи, изменчивости понятий «народный дух», «народное сознание». Ровинский опровергает славянофильский тезис о том, что формы быта славян якобы оставались и остаются неизменными в ходе истории. Он ясно видит, что догосударственные формы быта не могут быть механически перенесены в эпоху развитых государственных отношений. «Славянскому государственному организму,— замечает он,— не могут отвечать формы патриархального быта, как бы они... ни были прекрасны»⁵⁹.

Непосредственно гуситскому движению посвящена часть сочинения Ровинского «Главные моменты в истории чешского народа». Здесь особенно подробно разбирается идеология таборитов, подчеркиваются ее прогрессивные черты, ее «рациональное направление». Нарисовав несколькими штрихами картину феодального рабства, Ровинский использует ее как фон для контрастного изображения таборитской идеологии, согласно которой «все равны перед господом», а крестьянин — «раб господина своего, достоин приобщаться тела и крови христовой наравне с духовными лицами». Ровинский подчеркивает также, что, по убеждению таборитов, в мире не должно быть «ни панов, ни рабов, ни богатых, ни бедных», что принципами жизни должны стать «взаимная братская любовь, свобода слова и поступков, крепкое стояние за правду Божию». Ровинский видит в таборитской идеологии сочетание религиозных мотивов с социальными. «Основывая свое учение на Библии,— замечает он,— табориты внесли в него свой взгляд на социальную сторону общества и слили его в одно с религиею». Действия таборитов он называет «радикально-демократичными».

Таким образом, уже в 60-х годах XIX в. в русской гуситологии намечался взгляд, согласно которому социальная сторона гуситского движения имеет самостоятельное значение наряду с религиозной. Эта мысль является шагом на пути к признанию социальных мотивов превалирующими над религиозно-идеологическими.

Следует отметить, что Ровинский при всех своих симпатиях к таборитам не впадает в преувеличения при оценке их исторического значения. Табор рассматривается им в динамике, отмечается постепенное изменение характера таборитского учения, а вместе с тем и таборитской общины. Ровинский видит, что

⁵⁹ ЖМНП, 1901, март, стр. 156—180.

фанатизм таборитских священников ставил их в положение диктаторов, порождая неравенство вопреки первоначальным таборитским лозунгам. Признает Ровинский и деструктивный характер таборитского учения. Стремления таборитов к разрушению ценностей он полностью оправдывает, но в то же время усматривает в таборитской идеологии «странную смесь рационализма с крайним мистицизмом», «самые резкие противоречия»⁶⁰.

В целом взгляд Ровинского на гуситское движение можно характеризовать как демократический. Свидетельствуя о сильном влиянии народнической идеологии, этот взгляд был, однако, несравненно более прогрессивным, чем освещение мотивов и движущих сил гуситского движения не только славянофильскими, но и многими буржуазно-либеральными историками.

Намеченную П. А. Ровинским линию изучения таборитов и их роли в гуситском движении продолжил известный ученый и публицист С. А. Венгеров (1855—1920 гг.)⁶¹. Главной областью творчества Венгерова была история литературы, а также издание библиографических справочников, посвященных деятелям русской культуры. Однако и в истории литературы, и в справочных изданиях Венгеров уделял особенно большое внимание анализу исторических условий, в которых жили и творили те или иные деятели культуры, их отношению к установившемуся порядку, течениям политической и философской мысли. Не участвуя активно в народнических обществах, ограничиваясь в основном научной работой, Венгеров был, однако, сторонником народнических теорий, встречался с известным идеологом народничества П. Л. Лавровым, обсуждал с ним проблемы русской литературы и политики⁶².

С. А. Венгеров придерживался народнических взглядов как на русскую литературу, успехи которой считал делом «героических личностей», так и на историю, в которой его интересовали в первую очередь народные движения. В 1881—1882 гг. он опубликовал три статьи по истории гуситского движения, уделив в них особенно большое внимание действиям и общественно-политическим взглядам таборитов^{62а}. В освещении Венгеровым истории таборитов много общего со взглядами П. А. Ровинского.

⁶⁰ «Современное обозрение», 1868, № 3, стр. 456—477, 492.

⁶¹ Данные о биографии и общественной деятельности Венгерова можно найти, например, в ЛГИА, ф. 14, оп. 2, д. 1098; в Харьковском филиале ЦГИА УССР, ф. 794, оп. 1, д. 222—237. См. также: «Дела и дни», 1920, кн. 1, стр. 614—617; «Вестник литературы», 1920, № 9 (21), стр. 6—8; № 10 (22), стр. 2—4.

⁶² См. рецензию М. Маврина на первый том собрания сочинений С. А. Венгерова, содержавший работу «Героический характер русской литературы» (изд. 2. Пг., 1919. Впервые вышла в 1911 г.). Рецензия помещена в журнале «Книга и революция», 1920, № 5, стр. 56—57.

^{62а} См. С. А. Венгеров. Причины гуситско-таборитского движения.— «Русская мысль», 1881, № 12; он же. Провозвестники гуситства: Миллч, Гус, Иероним Пражский.— Там же, 1882, № 1.

Оба ученых обращают особое внимание на тот факт, что во главе таборитов стояли талантливые и высокообразованные люди, склонные рассматривать священное писание с рационалистических позиций, проводя в жизнь евангельский принцип братства всех людей и равенства перед богом. И Ровинский, и Венгеров рассматривают Табор в динамике, что отличает их труды от сочинений предшественников. К достоинствам работы Венгерова «Табориты и их общественно-политические идеалы»⁶³ следует отнести критику католических воззрений на таборитство как на единую, близкую массу. С. А. Венгеров одним из первых в русской литературе выделил в Таборе «главное ядро» и «крайние секты».

Оправдывая, подобно П. А. Ровинскому, деятельность таборитов и по содержанию и по форме, Венгеров, однако, уступает своему предшественнику в объективности, рисуя подчас таборитский лагерь только в розовых тонах. Народническая идеология Венгерова проявилась особенно в том, что он не видит социальных корней гуситского движения, ставя эволюцию Табора в направлении к бюргерским идеалам в зависимость не от материальных причин, а от «нравственной чистоты таборитских помыслов». Историческое значение таборитов не снижается, по мнению Венгерова, их поражением под Липанами, униженное и раздавленное таборитство «занимает самые блестящие страницы всемирной истории»⁶⁴. И в этом утверждении тоже проявляется свойственная народничеству уверенность в необходимости жертвовать собой ради будущего.

Однако взгляды Венгерова имели для 80-х годов XIX в. прогрессивное значение уже потому, что ученый относился с симпатией к действиям народных масс в гуситском революционном движении, считал таборитскую идеологию высшим достижением гуситской эпохи. Такая позиция отвечала идеалам демократически настроенных слоев русского общества, видевшим в народной массе главную движущую силу будущих социальных битв. Однако Венгеров не смог подняться до рассмотрения таборитского движения с точки зрения классовой борьбы.

Совсем не упоминалась до сих пор в обзорах русской литературы по гуситскому движению публицист и писательница Л. К. Давыдова (1869—1900 гг.). Ей принадлежит лишь одна статья по гуситскому движению. Однако эта статья, излагающая взгляды К. Каутского на таборитов, является первым в русской литературе сочинением, из которого можно было почерпнуть марксистское освещение некоторых важных проблем⁶⁵ (следует учесть что в 80-х годах XIX в. Каутский еще стоял на марксистских позициях).

⁶³ «Вестник Европы», 1882, № 8, 9.

⁶⁴ Там же, № 8, стр. 581, 586, 593, 596; № 9, стр. 82, 101.

⁶⁵ См. о Л. К. Давыдовой: «Большая Энциклопедия», т. 8. СПб., (1901), стр. 27; Н. К. Михайловский. Литература и жизнь [К кончине А. А. Давыдовой].— «Русское богатство». 1902, № 3, стр. 48—51.

Излагая взгляды Каутского на таборитов, Л. К. Давыдова несколько упрощала проблемы, проявляла тенденцию к их актуализации. Однако и в ее изложении сохранилась идея о том, что за религиозной оболочкой таборитской идеологии скрывается социально-классовая подоплека, откуда и выводилось требование ликвидации всякого неравенства. Называя таборитскую идеологию коммунистической, Л. К. Давыдова отмечает, что коммунизм касался только сферы потребления, но не распространялся на производство. Л. К. Давыдова понимала также несвоевременность таборитского коммунизма и историческую неотвратимость его гибели ввиду несоответствия «тогдашним условиям производства»⁶⁶.

С начала XX в. в русской литературе начали появляться и некоторые другие труды, в которых отражались марксистские взгляды на гуситское движение. В этот период времени среди русской прогрессивной интеллигенции возникло движение за просвещение рабочих, не имевших возможности получить образование обычным путем. Появились вспомогательные учебные заведения — курсы, воскресные школы. Для их функционирования необходимы были учебные пособия. Среди авторов таких пособий следует назвать А. В. Мезьер (1869—1935 гг.), известную не столько своими историческими сочинениями, сколько крупными библиографическими трудами⁶⁷. Сотрудничая в одной из воскресных школ для рабочих (между прочим, вместе с Н. К. Крупской), А. В. Мезьер составила для своих слушателей изложение истории чешского народа, в том числе, естественно, и гуситского движения. Она отметила стремление таборитов построить новое общество «на началах всеобщего равенства, братства и свободы». Идеологию таборитов она выводила из их положения в обществе. Стремясь объяснить все исторические явления с точки зрения классовых отношений и классовой борьбы, Мезьер подчас допускала и некоторые упрощения. Ей казалось, например, что даже мелкая шляхта не могла быть устойчивым элементом таборитского лагеря уже по причине своей принадлежности к дворянскому сословию. Подобное воззрение игнорирует факты. Известно, что и Жижка, и Проккоп Большой, и многие другие руководители таборитов отдали жизнь таборитскому делу, хотя были рыцарями по происхождению. Упрощением является и тезис о «республиканских» идеалах таборитов. Их программа была не настолько четкой, чтобы можно было говорить об их стремлении к республике.

Зато А. В. Мезьер вполне справедливо объясняла популярность и живучесть таборитской идеологии содержащимися в ней стремлениями к социальному преобразованию общества «на са-

⁶⁶ Л. Давыдова. Табориты (По К. Каутскому).— «Мир божий», 1897, № 10, стр. 207—213.

⁶⁷ Сведения о жизни и творчестве А. В. Мезьер см. в ОР ГПБ, ф. 1036, а также в кн.: М. В. Машкова. Августа Владимировна Мезьер (1869—1935). Очерк жизни и деятельности. М., 1962.

мых демократических основаниях». При этом, несмотря на свои симпатии к таборитам, Мезьер не замалчивала фактов разлада между таборитским войском и некоторой частью народа. Эти факты она объясняла вполне материалистически — тем, что народ понес большой урон от длительных войн.

Как и Л. К. Давыдова, А. В. Мезьер понимала обреченность таборитского коммунизма, поскольку «существовали прежние производственные отношения и прежние формы хозяйства в виде частной собственности на землю, в виде мелкого крестьянского хозяйства и мелкого же ремесленного производства... Общность на средства потребления была заранее обречена на погибель»⁶⁸.

Таким образом, страдая некоторыми упрощениями, освещение Мезьер таборитской идеологии было, однако, направлено прямо против славянофильских взглядов и потому является передовым в русской дореволюционной гуситологии.

В 1913 г. появилась еще одна статья, освещавшая проблемы гуситского движения в том же духе, что и работы Л. К. Давыдовой и А. В. Мезьер. Она принадлежала будущему советскому историку-марксисту В. Н. Перцеву (1877—1960)⁶⁹, который обратил внимание в первую очередь на коммунистические черты таборитской идеологии. Хотя В. Н. Перцев и не мог в рамках энциклопедической статьи осветить эту идеологию столь же подробно, как Давыдова и Мезьер, однако он базировался на тех же принципах, что и его предшественницы. Это проявилось в большом удельном весе материала о таборитах при освещении гуситской эпохи в целом. В. Н. Перцев отметил, что большинство в таборитском лагере составляли мелкие ремесленники и мелкие крестьяне, «работавшие с помощью собственных орудий производства», что они не могли продать эти орудия без коренных изменений в формах организации промышленности и сельского хозяйства и что поэтому таборитская община с ее уравнительным коммунизмом была обречена на гибель⁷⁰.

Как видно из изложенного, прогрессивный взгляд на действия и идеологию таборитов выражался двумя течениями в русской гуситологии — народническим и раннемарксистским. Разумеется, в них обнаруживаются принципиальные разногласия. Если историки народнического направления обращают внимание на таборитов как на народную массу, отличавшуюся высокими нравствен-

⁶⁸ А. В. Мезьер. Из оков к свободе. Рассказы из истории чешского народа. СПб., 1905, стр. 165, 168—172, 202, 219, 220, 250, 274.

⁶⁹ Данные о годах учения и первом периоде научного творчества В. Н. Перцева, а также об участии его в студенческих волнениях на рубеже XIX и XX вв. см. в ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 72, д. 452, лл. 1—25. См. также: «Наука БССР за 50 год». Минск, 1968, стр. 53, 57, 63; В. Ф. Куревич. Академия наук Белорусской ССР. Изд. 3. Минск, 1968, стр. 22 (сообщение об избрании В. Н. Перцева академиком АН БССР) и 36.

⁷⁰ В. Перцев. Гус.—Гуситы.—Энциклопедический словарь Т-ва Бр. А. и И. Гранат, изд. 7, т. 17 (1913), стр. 416—418.

ными принципами, одухотворенную идеей абстрактной справедливости, способную на героические свершения благодаря своему одушевлению, то ранняя марксистская гуситология видела в таборитах не столько героизм отдельных личностей, сколько носителей идеи классовой борьбы. Признавая закономерности исторического развития, гуситологи, основывавшиеся на трудах Каутского, подчеркивали обреченность таборитского коммунизма в условиях XV в., между тем как для историков народнического направления причина гибели таборитов так и осталась своего рода случайностью.

Полемика между славянофильскими историками и их оппонентами коснулась также проблемы разделения гуситов на партии — таборитов и чашников. Для славянофильских историков характерно мнение о религиозных причинах этого разделения, а также о «склонности» всякого общества к разладу при отсутствии твердой верховной власти. Антиславянофильское же направление считало размежевание гуситов на партии явлением социальным. Так, Н. И. Кареев обращал внимание на «социальный разлад», скрывавшийся под религиозной оболочкой⁷¹. Л. К. Давыдова, явно упрощая проблему, видела в размежевании гуситов классовые противоречия «буржуазии и пролетариата»⁷². Следует, впрочем, учесть, что это упрощение представляло собой полемические издержки при критике славянофильских взглядов.

А. В. Мезьер объясняла разногласия между обеими гуситскими партиями противоречием классовых интересов: «Каждый класс желал такой реформы, которая ему была бы выгодна». Однако Мезьер не разделяла последователей Гуса столь же механически, как Давыдова. Она признает, что некоторые слои низших классов чешского общества, несмотря на свое бедственное имущественное положение, не питали симпатий к таборитам, видя в их идеологии источник разрушения прежних отношений, при которых часть городской бедноты имела определенные заработки от службы у представителей господствующих классов⁷³.

Как классовый конфликт оценивает разногласия между чашниками и таборитами также В. Н. Перцев. «Крестьяне, — пишет он, — деятельно поддерживавшие гуситскую революцию, ничего от нее не получили. Естественно, что они отделились от дворянской и купеческой аристократии; в то время как каликстинцы не шли в своих требованиях дальше допущения к причастию под обоими видами, свободной проповеди, конфискации земельной собственности и нравственного очищения духовенства... демократические элементы стали склоняться к коммунизму»⁷⁴.

В тесной связи со взглядами на причины разделения гуситов на партии стоят воззрения русских авторов и на удельный вес

⁷¹ Н. И. Кареев. Указ. соч., стр. 380, 398, 401.

⁷² Л. Давыдова. Указ. соч., стр. 207.

⁷³ А. Мезьер. Указ. соч., стр. 164, 196, 200.

⁷⁴ В. Перцев. Указ. соч., стр. 417, 419—422.

в гуситском движении религиозного, национального и социального факторов. И в данном случае прогрессивные мнения высказывались Л. К. Давыдовой, Н. И. Кареевым, А. В. Мезьер. Так, Давыдова заметила, что гуситские войны возникли вовсе не из-за спора о праве мирян на причащение из чаши, что чаша «играла для гуситов такую же роль, как разные флаги и цвета... в настоящее время для наций и политических партий: она была знаменем, вокруг которого они объединились, но никак не объектом, не целью их борьбы». Действительной же целью гуситского движения Давыдова признает борьбу за улучшение материального положения народных масс⁷⁵.

Н. И. Кареев также считал, что стремление к религиозным реформам было одновременно формой борьбы за «реформацию социальную, политическую» и имело свои причины и следствия «в области материальных отношений, отношений экономических и политических». Эти общие закономерности Кареев прослеживает на примере гуситского движения. Он вполне материалистически подходит к выдвинутому гуситами требованию отчуждения церковных имуществ, а отход аристократии от реформационных устремлений также объясняет ее имущественным и социальным положением⁷⁶.

Наконец, А. В. Мезьер заметила, что в столкновениях и конфликтах гуситского периода религиозные проблемы «стусшевывались все больше и больше» и что между собою в сущности враждовали «общественно-политические партии во всеоружии сословной и классовой ненависти»⁷⁷.

На основании изложенного следует заключить, что суждение о русской гуситологии как славянофильской должно быть ограничено периодом от 40-х до начала 70-х годов XIX в., а также рамками проблем, далеко не исчерпывающих тематику историографии гуситского движения. Хотя отзвуки славянофильских представлений о гуситском движении встречаются в русской литературе вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, удельный вес их неуклонно падает, между тем как значение прогрессивной гуситологии постоянно возрастает. Это особенно заметно в конце XIX — начале XX в., когда в освещение истории гуситского движения вливается марксистская струя, а прогрессивные взгляды на эту важнейшую эпоху чешской истории проникают в ряд изданий, имевших влияние на особенно широкие круги общества, — энциклопедии, пособия для самообразования, университетские лекции. Этот факт показывает, что прогрессивное направление гуситологии стало в русской предреволюционной литературе решающим и подготовило почву для окончательной победы марксистских воззрений после Октября.

⁷⁵ См. Л. Давыдова. Указ. соч., стр. 206.

⁷⁶ Н. И. Кареев. Указ. соч., стр. 394—401.

⁷⁷ А. Мезьер. Указ. соч., стр. 225.

Б. Н. ЧИЧЕРИН О ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ АНТИЧНОСТИ

Г. Б. Кизельштейн

Борис Николаевич Чичерин (1828—1904 гг.) — профессор государственного права Московского университета, теоретик «государственной школы» русской буржуазной историографии. Политические взгляды Б. Н. Чичерина отличались приверженностью к самодержавию, непримиримой враждой к революционным переменам и ограничению абсолютизма в любой форме. Его идеи определенным образом отразил курс «Истории политических учений», оставшийся незавершенным. Курс еще не был предметом анализа в советской историографии.

Обращает на себя внимание название курса, сохранившееся до сих пор в юридической науке: история политических учений. Во введении Чичерин, отправляясь от известного латинского изречения об истории — наставнице жизни, считает, что «с не меньшим основанием можно назвать ее наставницею мысли. История есть опыт человеческого рода, через который мысль приходит к самопознанию»¹. Чичерин считал, что «в истории мысли раскрывается ее существо и лежащие в ней законы: история служит ей и проверкою собственной ее деятельности»².

Обосновывая значение познания истории политических учений, Чичерин полагал, что этот предмет «занимает середину между обоими, между философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений. Поэтому в истории политических учений всего удобнее исследовать историческое развитие человечества и отыскать управляющие им законы»³.

Для Чичерина основное понятие — государство как известная форма человеческого общества, а его первый и основной элемент — «общественная в л а с т ь, представительница единства союза. Именно она дает обществу бытие, подчиняя частные интересы целому». При этом каждый человек остается с в о б о д н ы м л и ц о м, так как, «повинуясь власти, человек не становится рабом, который служит выгодам другого. Между господином и рабом, собственно говоря, нет человеческого общества, ибо нет отношения лица к лицу, а есть только отношение лица к вещи, к жи-

¹ Б. Н. Чичерин. История политических учений, ч. I. М., 1869, стр. 1.

² Там же.

³ Там же, стр. 4.

вому орудию»⁴. Так, в конце 60-х годов XIX в. Чичерин возродил взгляды Ульпиана, римского юриста I в. н. э.— времени рабовладельческого общества. Трудно найти другое объяснение этому факту, кроме влияния недавно отмененного в России крепостного права.

Политические учения древнего мира Чичерин выводил непосредственно из философских взглядов ряда мыслителей. Но он не проводит эту линию строго и последовательно. Игнорируя классовую борьбу, Чичерин утверждал, что «в древнем государстве... преобладала первобытная цельность жизни»⁵. Причину падения государств он объясняет личным и нравственным началами⁶. Чичерин опускал значение религии. Политические идеи пифагорейской школы сводил к враждебному отношению к анархии⁷. Стихийного материалиста Гераклита Эфесского он называл идеалистом. Политические взгляды Гераклита отличала, по мнению Чичерина, ненависть к своевольной черни⁸.

Характеризуя Демокрита, Чичерин не касался его материалистических взглядов. Лишь в подстрочнике замечал, что он отправлялся «от частных начал бытия»⁹. Так сразу же Чичерин показывал свое отношение к «линии Демокрита» в области философии. По мнению Чичерина, Демокрит проповедовал эгоизм и отрицал семейные радости¹⁰. После такой оценки, возбуждавшей у читателя неприязнь к Демокриту, Чичерин называл его сторонником свободы и равенства¹¹. Но, хотя «история привела к торжеству демократии... с этим вместе начинается процесс ее разложения»¹².

После февральской революции 1848 г. во Франции Чичерин разочаровался в жизненной силе демократии. Свою враждебность он привнес в оценку демократии античности, демократии рабовладельческой, ничего общего с современной ему не имевшей. Важнейшей причиной падения античной демократии Чичерин считал «своеволие черни», которое возродило олигархические устремления в высших классах.

Прежде чем дать изложение политических воззрений софистов, он характеризовал их философские взгляды как «древний нигилизм». Поэтому «в греческую жизнь эти учения внесли такой разлад, от которого она не оправилась»¹³.

Как известно, тексты, принадлежавшие софистам, не сохранились; источником служат сочинения Платона, их идейного против-

⁴ Там же, стр. 67.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 22.

⁸ Там же, стр. 23—24.

⁹ Там же, стр. 24.

¹⁰ Там же, стр. 25.

¹¹ Там же, стр. 26.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 30.

ника. Платон пишет в «Законах» о софистах: «Они говорят, что, по-видимому, величайшие и прекраснейшие из вещей произведены природой и случайностью, а менее важное — искусством... Ну а в политике, утверждают они, разве лишь незначительная какая-либо часть имеет общее с природой, большая же часть — с искусством. Стало быть, и всякое законодательство будто бы обусловлено не природой, а искусством; вот почему его положения и далеки от истины»¹⁴. Так софисты объясняли значение законности и выдвигали ее человеческое, а не божественное установление. Напомним, что глава софистской школы Протагор из Абдер (ок. 444 г. до н. э.) говорил: «Человек есть мера всех вещей». Он же подчеркивал: «Насчет богов неизвестно, существуют ли они или нет»¹⁵. Софисты высказывались за демократический государственный строй и принятие законов в интересах большинства перед меньшинством. Чичерин же характеризовал их политические взгляды проповедью «грубейшего своекорыстия, не знающего ни сдержек, ни границ»¹⁶. Нарипательным понятие «софистика» сделали идейные противники этого скептического и рационалистического отношения к дософистическим взглядам на природу и общество. По мнению А. Ф. Лосева, «сама греческая софистика есть греческое Просвещение». Без софистов «классическая Греция была бы так же непонятна, как Европа без Вольтера и французского Просвещения»¹⁷. Софист Гиппий специально занимался историей, был хорошим оратором и успешно выполнял важные дипломатические поручения. Под пером же Чичерина, опиравшегося на недоброжелательное суждение Платона, Гиппий превратился в хвостуна¹⁸.

Чичерин не мог не признать, что «софисты имели в греческой жизни громадное значение», но «они все свое внимание устремили на изучение частных»¹⁹. Софисты, по Чичерину, не пошли по пути «исследования верховных начал бытия; они отрицали самое их существование»²⁰. Основной порок их мышления Чичерин определял как «проповедь грубейшего своекорыстия»²¹. В отношении к государству это проявлялось в защите власти и своеволия «черни». Чичерин заключал, что перед нами «древний нигилизм, самое название не ново, так же как и учение»²². Чичерин, критикуя софистов, осуждал современную ему революционно-демократическую мысль. Начало курса было опубли-

¹⁴ См. «История античной эстетики». М., 1969, стр. 14—15. Перевод А. Ф. Лосева.

¹⁵ Б. Н. Чичерин. История политических учений, ч. I, стр. 28.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «История античной эстетики», стр. 13, 14.

¹⁸ Б. Н. Чичерин. История политических учений, ч. I, стр. 30.

¹⁹ Там же, стр. 27.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 29.

²² Там же, стр. 30.

ковано три года спустя после покушения Д. В. Каракозова на Александра II. Чичерин понимал, что было бы чересчур прямолинейно в книге, посвященной истории политических учений древнего мира, осуждать революционных демократов. Поэтому он решил критиковать настоящее сквозь призму прошлого, и софистические учения оказались ему подходящими в этом смысле.

Мы не ставим своей целью скрупулезное выяснение всех аспектов истолкования Чичериным политических учений античности. Речь идет о политической эволюции самого Чичерина в 70-х годах XIX в., а без знакомства с его монографией не понять многих сторон его взглядов.

По мнению Чичерина, Сократ в противоположность софистам в политической мысли подчеркивал значение нравственного закона, а не личного начала. Сократ порицал демократию за назначение правителей путем жеребьевки. Отсюда предпочтение им аристократии как власти лучших и государственного строя Спарты — афинской демократии. Чичерин не понял всей сложности философии Сократа, не уловил значения иронии этого мыслителя. Он прошел мимо характерного для Сократа положения: «Всю свою жизнь он постоянно посмеивается над людьми, шутит над ними». Общеизвестна необыкновенная разумность и оригинальность Сократа, отсутствие преклонения перед авторитетами. Да, Сократ критиковал афинскую демократию, но не требовал ее уничтожения. Демократия немыслима без знания, а знание — без критики. Противники знания боятся критики (а вдруг они потеряют власть и богатство?), поэтому они прибегают к физическому уничтожению оппонентов. В случае с Сократом предложено послужило его отношение к религии. Впрочем, позднее «просвещенные» монархи создали Бастилию и объявляли сумасшедшим П. А. Чаадаева.

Освещая политические взгляды Платона, Чичерин, разумеется, не раскрывал идеологии рабовладения, их пронизывающей. Скорее ему нравилось, что в «Государстве» Платон указал земледельцам и ремесленникам их место в обществе: это «низшее сословие, едва достойное названия граждан»²³. Правда, Платон прикрывал свое отношение к ним фразой о справедливости, означавшей равновесие всех трех сословий в «Государстве» — философов, воинов, земледельцев и ремесленников. Чичерин же без обиняков выражал недовольство тем, что третье сословие «в новых европейских обществах... составляет массу населения... приобщается и к политическим правам»²⁴. Платон защищал аристократический строй Спарты в противоположность демократическим Афинам. Поэтому демократию он изображал самыми черными красками. Чичерин с удовольствием повторял, что в демосе господствуют «наглость, анархия, бесстыдство... дети равняют себя родителям,

²³ Там же, стр. 44.

²⁴ Там же.

ученики наставникам, рабы господам»²⁵. Стоит ли говорить, что ничего подобного не могло быть в условиях рабовладельческой афинской демократии. Нельзя не заметить, что Чичерин совсем не касался положения метеков-иностранцев в Афинах, не пользовавшихся всей полнотой прав.

Наилучший тип государственного устройства Платон видел в смешанном правлении монархии и демократии. Монархия отражает начала власти, а демократия — свободы. Платон особо подчеркивал, что политическая мудрость означает воздержание. Поэтому монархия ограничивается свободой, а демократия усиливается властью. Только соблюдая эти условия, государство в состоянии обеспечить торжество умеренности, согласия и мудрости. Чичерин считал, что «эти глубокие мысли остаются верными до нашего времени; на них зиждется вся теория конституционной монархии»²⁶. Чичерин забывал о конституции, давшей само наименование этому типу государства. В данном случае «тип» — выражение Чичерина. Защитник самодержавия и теоретик государственной школы русской историографии, он вклад Платона видит в абсолютизировании государства: «Неотъемлемою заслугою Платона остается возведение государства к вечным идеям правды и добра»²⁷.

В этом же основное достоинство Аристотеля. Чичерин не напоминал, что Аристотель кропотливо собирал законы более чем 30 государств, тщательно их сопоставлял и его «Политика» — плод усиленной над ними работы, обобщающий труд. Чичерин явно не хотел употребить слово «конституция», с тем чтобы уйти от объяснения его значения. Упомянув, что «Политика» Аристотеля представляет «самое замечательное из всех политических сочинений»²⁸, Чичерин спешил отметить, что Аристотель видел в государстве «высшее единство всей человеческой жизни»²⁹. Известно, что Аристотель тяготел к поискам золотой середины в политической жизни.

Виденное им и внимательно прослеженное на политическом устройстве 30 государств легло в основу вывода об уменьшении прерогатив власти: поэтому, «чем ограниченнее власть, тем она прочнее»³⁰. Логически из этого вытекала мысль о среднем классе, в котором Аристотель видел сочетание «равенства с умением подчиняться предписаниям разума»³¹. Разум для Аристотеля — основной закон государства. Чичерин же этот довод Аристотеля сравнивал с новейшим учением о конституционной

²⁵ Б. Н. Чичерин. История политических учений, ч. I, стр. 44.

²⁶ Там же, стр. 50.

²⁷ Там же, стр. 54.

²⁸ Там же, стр. 57.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 71.

³¹ Там же, стр. 67.

монархии, «которой отличительные признаки состоят именно в сочетании порядка со свободой и в преобладании средних классов»³². Для Чичерина на первом месте порядок, и при этом никакими законодательными актами не ограниченный. Самую же идею конституционной монархии Чичерин считал идеалистической: «У древних мыслителей это устройство является в республиканской форме, но мысль та же самая. Идеализм везде приходит к одним и тем же началам»³³.

Чичерин знал, что Аристотель в конце жизни разошелся с Александром Македонским именно из-за вопроса о характере власти. Возможно, предпочтение демократии олигархии связано с этими расхождениями. Достаточно просмотреть «Афинскую политику». Формально «полития» (или республика) противостоит демократии, но Аристотель не пишет о демократии с тем ожесточением, какое свойственно Платону.

Схема политических учений Древней Греции, данная Чичериным, нарочито искусственна. Демокрит назван проповедником эгоизма и ненавистником семьи и детей. Конечно, смешно было скрывать политические симпатии Демокрита, горячего приверженца демократии. Зато Чичерин совершенно опустил материализм Демокрита, явно противоположный идеализму Платона. Противопоставление Чичериным этих двух направлений в развитии греческой философии совершенно очевидно. Показательно, что Чичерин совсем не характеризовал исторический фон развития политических идей, не давал хронологии событий. Видимо, и это отвечало его цели. Чичерин не останавливался и перед умолчанием, не замечая тех мыслителей, которые не вменялись в его схему. Самый характерный пример в этом смысле — Тит Лукреций Кар. По словам Чичерина, сочинения последователей Эпикура «не дошли до нас, за исключением поэмы Лукреция «О природе вещей». Но в последней нет ничего, касающегося политики»³⁴. Обратившись к поэме Лукреция, сразу же увидим, что книга пятая специально посвящена политическим вопросам. Лукреций осуждал стремление к высшей власти:

«Каждый ко власти тогда и к господству
над всеми стремился»³⁵.

Резко отзывается он о царях, которые:

«Все разуменье свое из чужих они уст почерпают,
Слушают мнения других, а собственным
чувствам не внемлют»³⁶.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 79.

³⁵ *Тит Лукреций Кар. О природе вещей.* Перевод Ф. А. Петровского. М., 1945, кн. V, 1142, стр. 349.

³⁶ Там же, 1130, стр. 347.

Чичерин не мог привлекать внимание читателей к строфам, живо изображавшим свержение царской власти:

«По убиеньи царей ниспровергнуты в прахе лежали
Гордые скипетры их и бывшее величие тронов,
И украшенье державной главы, обгаренное кровью»³⁷.

Лукреций выдвинул идею выборного правления:

«Некие люди затем избранью властей научили...
И учредили права, дабы люди держались законов»³⁸.

Монархист и защитник самодержавия, Чичерин изменил бы себе, излагая мысли Лукреция об уничтожении царской власти и замене ее правлением, избираемым народом.

Напомним, что еще в 1845 г. политический противник Чичерина — А. И. Герцен в статье «Письма об изучении природы» писал: «Лукреций ясен и увлекателен; в нем эпикурейское воззрение созрело, согретое огненной кровью поэта, и пышно расцвело»³⁹. Так уже в 1845 г. обозначились расхождения между Чичериным и Герценом. Чичерин в 1869 г. не анализировал политических вопросов поэмы Лукреция, но он не мог умолчать о материализме эпикурейцев. При этом Чичерин приписывал им отрицание «нравственного закона, которому люди обязаны подчиняться»⁴⁰. В целом эпикуреизм «не заключал в себе ничего, кроме разлагающих начал»⁴¹. Такую оценку Чичерина можно было предвидеть. Чтобы подкрепить ее, Чичерин пытался противопоставить эпикурейцам политические идеи Полибия. Напомним, что этот греческий историк свою «Римскую историю» создал после упадка Греции и завоевания ее Римом. Полибий жил в доме Сципиона, и его идеи отразили взгляды складывавшейся идеологии крупных рабовладельцев, недовольных демократией. Полибий, хорошо знакомый с политическими доктринами классической Греции, выдвинул смешанную форму правления. Образец ее он увидел в государственном устройстве Рима, столь совершенном, что приписывал «победы римского оружия превосходству учреждений»⁴². Монархический элемент отражали консулы, аристократический — сенат, а демократический — народное собрание.

Изложение политических учений античности завершалось Цицероном. Цицерон выдвигал мысль о власти «единого правителя, умерителя государства»⁴³. Чичерин уверял, что «к этой потреб-

³⁷ *Тит Лукреций Кар. О природе вещей*, Перевод Ф. А. Петровского. М., 1945, кн. V, 1135, стр. 347.

³⁸ Там же, V, 1145, стр. 349.

³⁹ *А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30 томах*, т. III, М., 1954, стр. 213.

⁴⁰ *Б. Н. Чичерин. История политических учений*, ч. I, стр. 81.

⁴¹ Там же, стр. 82.

⁴² Там же, стр. 84.

⁴³ Там же, стр. 88.

ности монархического начала привела сама жизнь. Римская республика при разделении властей пришла к бесконечным раздорам и страшным междоусобиям. Необходим был правитель, способный сдержать враждующие общественные стихии»⁴⁴. Так выглядит обоснование пользы монархической власти. Идеи Цицерона отразили отказ крупных рабовладельцев от демократии, с тем чтобы усилить свою власть. Цицерон стремился теоретически обосновать эту тенденцию.

Чичерин пытался сблизить историческое развитие Греции и Рима. Он писал, что «мы видим повторение тех же самых ступеней развития»⁴⁵. Известно, что ничего подобного в действительности не было, да и не могло быть. Чичерин не касался основной проблемы — рабства и его роли в развитии Греции и Рима. Но требовать от Чичерина освещения этой проблемы было бы нереально.

Любопытно другое. Исходя из положения, что существует «постоянное повторение в истории одних и тех же учений»⁴⁶, Чичерин утверждал, что «конец древнего мышления, прошедши через средние века, непосредственно примыкает к началу нового»⁴⁷. Развитие цивилизации, передающее эстафету поколений, Чичерин подменял посылкой повторяемости. Но преемственность отнюдь не повторение уже пройденного. Речь идет о другом. Чичерин старается исторически оправдать абсолютизм в России. Его курс был призван сделать это, но он был не в состоянии доказать полезность и законность самодержавной власти. Передовую молодежь, пережившую первую революционную ситуацию 1859—1861 гг., восстание 1863 г. в Польше, молодежь, которая в период студенческих волнений сама была одним из слагаемых революционной борьбы, — нельзя было увлечь идеями «Истории политических учений» Чичерина.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 10.

⁴⁶ Там же, стр. 91.

⁴⁷ Там же, стр. 192.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

**М. С. ОЛЬМИНСКИЙ ОБ ИСТОЧНИКАХ
ПО ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Н. М. Михайлова

М. С. Ольминский — известный историк-марксист, перу которого принадлежит ряд работ по истории России, Коммунистической партии, революционного движения, большевистской печати и печати в России. В этих работах он выступает как самостоятельный исследователь широкого круга исторических проблем на основании большого числа источников. Им написано также много рецензий об исторических исследованиях и мемуарах, введений к публикациям источников и ряд мемуаров¹. Некоторым воспоминаниям предосланы исторические справки исследовательского характера о периоде, к которому относятся мемуары².

М. С. Ольминский был организатором и руководителем системы Истпарта в стране (1920—1924 гг.): стоял у руководства исторической наукой (декабрь 1921—1924 гг.— заведовал отделом ЦК РКП(б) по истории партии и Октябрьской революции) в этот период, оказывал большое влияние на ее развитие. Он и возглавляемая им Коллегия Истпарта были основоположниками иной, коренным образом отличавшейся от дореволюционной источниковедческой базы разработки и основ советского, марксистского источниковедения и археографии.

Влияние М. С. Ольминского на развитие советской исторической науки получило высокую оценку современников, которые

¹ См. список его трудов в Приложении к данной статье.

² М. Ольминский. Группа народолюбцев (Общие положения).— «Былое», 1906, № 11, стр. 1—6; он же. Общий очерк эпохи.— «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“, 1921, вып. I, стр. 9—164; он же. Пробел в нашей истории (Вступительная статья).— «От группы Благоева к „Союзу борьбы“». М., 1921, стр. 3—6.

называли его одним из «основателей ленинской школы историков-марксистов»³.

Многогранная деятельность М. С. Ольминского — видного революционера-профессионала, ближайшего соратника В. И. Ленина, партийного публициста, журналиста, редактора, литературоведа, историка и руководителя Истпарта не в равной степени отражена в имеющейся о нем немногочисленной литературе: юбилейных статьях (1959—1964 гг.), биографических очерках, популярных и научных изданиях.

В исследованиях о М. С. Ольминском наибольшее освещение получила его деятельность как публициста, литературоведа, редактора. Менее всего изученным остается вопрос о М. С. Ольминском как историке и руководителе Истпарта. Специальные работы по этому вопросу отсутствуют. Ряд авторов — Ю. Амиантов, Е. Кудряшова, О. А. Лежава и Н. В. Нелидов — только попутно касаются этой темы, рассматривая всю деятельность М. С. Ольминского⁴, другие частично ее затрагивают в исследованиях по историографии истории КПСС, истории СССР, архивному строительству и др.⁵ В этих работах только затронуты взгляды М. С. Ольминского на исторические источники.

Изучение мировоззрения историка неразрывно связано с исследованием отношения ученого к историческим источникам, источниковедческой базы его трудов, его творческой лаборатории.

Видное место, которое занимал М. С. Ольминский в дореволюционной марксистской и советской исторической науке, влияние, которое он оказывал на ее развитие в 1920—1924 гг., будучи одним из организаторов и руководителей изучения важнейших отраслей исторической науки (истории партии, советского общества, Октябрьской революции, революционного движения), и неизученность вопроса обуславливают необходимость исследования отношения М. С. Ольминского к историческим источникам, его взглядов на источниковедческую базу исторических исследований и указанных отраслей исторической науки.

³ Из приветствия М. С. Ольминскому, принятого 4 января 1929 г. на I Всесоюзной конференции историков-марксистов и подписанного по поручению этой конференции М. Н. Покровским (председатель) и П. Гориным (секретарь) (ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 47, л. 1).

⁴ Ю. Амиантов. Рыцарь большевизма (о М. С. Ольминском). М., 1960; Е. Кудряшова. Жизнь, отданная революции. Белгород, 1963; О. Лежава и Н. Нелидов. М. С. Ольминский. Жизнь и деятельность. М., 1962.

⁵ М. С. Волгин. История Коммунистической партии в советской исторической науке. — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, стр. 528—559; Г. Д. Алексеева. Октябрьская революция и историческая наука. 1917—1923. М., 1968, стр. 22—26; она же. Создание центров советской исторической науки и их деятельность в 1918—1923 гг. — «История и историки». М., 1965, стр. 106—113; В. Н. Котов. Историография истории СССР (1917—1934). Лекции для студентов. Киев, 1966, стр. 35—41; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, гл. II, стр. 214—218; Н. С. Комаров. Создание и деятельность Истпарта. 1920—1928 гг. — «Вопросы истории КПСС», 1958, № 5, стр. 153—165; В. М. Максаков. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959, стр. 128—134.

IX конференция и X съезд РКП(б) заслушали доклады М. С. Ольминского о работе Истпарта и одобрили его взгляды на подход и методику изучения истории партии и Октябрьской революции. Все сколько-нибудь принципиально важные решения Коллегии Истпарта утверждались на заседаниях (в зависимости от их характера) Политбюро секретариата, Оргбюро ЦК партии. XII и XIII съезды РКП(б) отметили важность ведущейся Истпартом работы. XIII съезд вынес решение о ее усилении и «уделении ей серьезнейшего внимания»^{5а}.

Отношение М. С. Ольминского к различным видам исторических источников может быть выявлено на основании изучения его исследований; деятельности по разъяснению необходимости спасения, собирания, сохранения и создания источников; работы в Истпарте по организации источниковедческой базы и публикации письменных и печатных источников по истории партии, советского общества, Октябрьской революции; его роли в спасении и собирании архивов; руководства им исследованиями научных сотрудников Истпарта; большой работы по выявлению произведений В. И. Ленина и установлению его авторства, публикации этих работ в истпартовских изданиях; деятельности по переизданию дореволюционных партийных газет, протоколов партийных съездов и конференций; подготовки проведения юбилейных дат и т. д.

В задачу данной работы входит выявление отношения М. С. Ольминского к различным видам исторических источников. Использованы его опубликованные и неизданные работы, выступления, документы Истпарта, подготовленные им или при его участии и под его руководством, материалы о деятельности М. С. Ольминского в Истпарте по созданию и изданию мемуаров и биографий партийных работников и революционеров. При этом в задачу автора не входит исследование вопросов использования М. С. Ольминским источников в его работах.

Источниками для изучения взглядов М. С. Ольминского являются в первую очередь документы, принадлежащие его перу: статьи, рецензии, воспоминания, речи, отзывы, планы работы и отчеты Истпарта, письма в ЦК партии, Истпарт, редакцию «Пролетарской революции» и т. д., а также документы, подписанные им как председателем Истпарта или изданные от имени Коллегии Истпарта⁶. Большая часть из указанных материалов не опубли-

^{5а} IX Конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972, стр. 97–100; X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, стр. 129–133; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 94, лл. 3, 7, 12, 24, 22–25, 40, 43, 52–54, 57, 79, 81–82, 85 и др.; XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, стр. 665.

⁶ Все сколько-нибудь принципиально важные вопросы обсуждались в Коллегии Истпарта, и по ним выносились решения. Документы, созданные на основании этих решений, также утверждались на заседаниях Коллегии и только после этого издавались от имени Коллегии без указания автора, их написавшего («X съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1963, стр. 130; ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 48, лл. 14, 19, 47; д. 40, л. 85; д. 37, л. 10; ф. 70, оп. 1, д. 16, л. 23; д. 3, л. 5; д. 94, лл. 7, 22, 35).

кована и хранится в личном фонде М. С. Ольминского (№ 91) и Истпарта (№ 70) Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ).

Привлекая для выявления взглядов М. С. Ольминского документы Истпарта, подписанные им или изданные от имени Коллегии, как безусловно отражающие взгляды М. С. Ольминского, автор считает нужным оговорить, что в его задачу не входит установление степени участия М. С. Ольминского в создании того или иного документа, ибо это специальный вопрос исследования.

Постановка вопроса М. С. Ольминским о важности и принципах подхода к изучению истории партии и Октябрьской революции определила его взгляд на исторические источники. Он считал, что перед Истпартом стояли две задачи: «1) широкого и всестороннего изучения истории партии и 2) немедленного удовлетворения практических запросов лекторов и рядовых членов партии» в литературе и источниках⁷.

Под «широким и всесторонним изучением истории партии» М. С. Ольминский понимал исследование не только политических выступлений и идейной борьбы, но и всей «внутренней жизни партии»⁸, «психологии и быта» ее членов, участников революционного движения⁹; изучение деятельности как рабочих социал-демократов, так и социал-демократической интеллигенции, массового рабочего движения во всех его формах, связи социал-демократии с этим движением, влияния их друг на друга¹⁰.

Начинать изучение истории партии, полагал он, надо было с предшественников социал-демократии, «так как последняя не возникла на пустом месте»¹¹. Вести исследование, по его мнению, необходимо в неразрывной связи с деятельностью и творчеством В. И. Ленина, так как «нельзя изучать историю партии без истории Ленина или историю Ленина без истории партии»¹².

М. С. Ольминский отрицательно относился к дореволюционному, мелкобуржуазному принципу изучения истории партии как истории судебных процессов над членами партии¹³.

Историю Октябрьской революции, по мнению М. С. Ольминского, необходимо было написать с максимальной полнотой, отобразить все ее стороны¹⁴, изучить ход революции не только в

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 73 (План М. С. Ольминского, 14 сентября 1920 г.).

⁸ «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 131.

⁹ М. С. Ольминский. О мемуарах.— «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. I, стр. 4.

¹⁰ «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 129—131, 133; М. Ольминский. О мемуарах, стр. 4; он же. От Истпарта.— «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 1.

¹¹ Там же.

¹² М. Ольминский. По поводу Собрания сочинений т. Ленина.— «Пролетарская революция», 1923, № 11 (23), стр. 98.

¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 77 (План М. С. Ольминского, 14 сентября 1920 г.).

¹⁴ М. Ольминский. От Истпарта, стр. 4.

крупных центрах, но и на периферии¹⁵, показать деятельность рядовых ее участников¹⁶.

М. С. Ольминский и возглавляемая им Коллегия Истпарта подчеркивали, что история Октябрьской революции и история партии должна быть написана «с пролетарской точки зрения»¹⁷.

Состояние источников не позволяло выполнить в 1920—1921 гг. не только указанной задачи по истории партии и Октябрьской революции, но и написать даже самый краткий курс. Поэтому М. С. Ольминский и члены Коллегии Истпарта занялись собиранием и созданием источников по истории партии и революции¹⁸.

Работа по собиранию, изучению, систематизации и созданию источников велась параллельно с осмыслением проблем марксистского источниковедения и тех задач, которые стояли перед историками-марксистами в тот период. Они определялись необходимостью продумывания всей суммы возможных источников, позволяющих разработать научную историю Коммунистической партии. Выявление ценности каждой группы документов, мемуаров, их важнейших достоинств и недостатков, осмысление всех возможных путей восполнения недостающей информации, разработка принципов исследования и критики источников были важнейшим условием решения поставленной задачи — «широкого и всестороннего изучения истории партии»¹⁹. Поэтому не случайно это направление стало основным в деятельности Истпарта и его руководителя М. С. Ольминского.

К источникам по истории партии М. С. Ольминский относил: «литературу партии, постановления и протоколы съездов и конференций»²⁰, «листки и постановления ЦК и заменяющих его органов, листки и постановления местных комитетов, подпольную печать, дневники, мемуары, анкеты, полицейские архивы»²¹.

Сотрудники Истпарта считали: «Все без исключения документы, относящиеся к таким взрывам (революциям.— *Н. М.*), от

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, лл. 91—92 об. (Конспект-минимум для составления воспоминаний, написанный рукой Н. Н. Батурина, — л. 91, и 92 об., и рукой М. С. Ольминского — л. 91 об. и 92).

¹⁶ *М. Ольминский*. Работа для истории революции — работа для революции. — «Правда», 12 октября 1920 г.

¹⁷ «Ко всем членам партии». М., 1920, стр. 4.

¹⁸ Там же, стр. 6; «План работы Комиссии по истории РКП, представленный Невским и утвержденный комиссией в заседании 13 сентября 1920 г.» (члены комиссии: М. С. Ольминский, Н. Н. Батурина, В. И. Невский, Д. Б. Рязанов). — «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. 1, стр. 184 (Приложение).

¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, ед. 45, л. 73.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, лл. 73, 74, 77 (План Ольминского); ЦГАОР СССР, ф. 5325 (ГАУ), оп. 25, д. 2, л. 9 (Доклад М. С. Ольминского на I Всероссийской конференции архивных работников); ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 195, л. 28 (Материалы для биографии М. С. Ольминского); *М. С. Ольминский*. Доклад Комиссии по изучению истории партии на IX конференции РКП (б). — «Правда», 20 сентября 1920 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 48, л. 44 (Письмо М. С. Ольминского в ЦК РКП (б) от 26 сентября 1921 г.).

шпионских донесений и частных писем до депеш иностранных послов являются ценнейшими материалами для истории пролетарской борьбы»²²; к ним также относили «политические документы, изображения, сведения, полученные путем анкет»²³. М. С. Ольминский к ним относил «не только все печатные наши газеты, наши листки, наши брошюры и плакаты, но и белогвардейские»²⁴.

Необходимо отметить, что у Ольминского и у работников Истпарта помимо термина «источник» существовал термин «исторический материал», который отождествлялся с понятием «источник»²⁵. Этот термин был употреблен М. С. Ольминским еще в рецензии на первый номер журнала «Былое» в 1906 г. в большевистском журнале «Наша мысль»²⁶. Следует оговорить, что в первой половине 20-х годов четкости в исторической терминологии еще не было.

В «Плане Ольминского» выделено из понятия «источник» понятие «документ». «...Одной из неотложнейших задач,— писал М. С. Ольминский,— является создание источников — создание мемуарной литературы... воспоминания могут при этом пополняться документами, статьями из старых изданий»²⁷.

Понятие «документ» М. С. Ольминский распространял также на газеты, фотоснимки, записки, черновики рукописей, приказы. В обращении к коммунистам по поводу вечеров воспоминаний он писал 8 ноября 1920 г.: «Захватите с собою какие возможно документы (газеты, приказы, фотографические снимки, черновики, записки и пр.)»²⁸.

В «Инструкции для собирания и хранения материалов по истории Октябрьской революции» Коллегия Истпарта дала определение термина «документ». В ней говорилось: «Самый лучший источник для историка это подлинный документ. Под названием (документ.— *Н. М.*) нужно понимать не только официальный

²² От Истпарта.— «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 4. Эта статья была опубликована без подписи, как редакционная, т. е. от имени всей Коллегии Истпарта. Написана же она была М. Н. Покровским (см. *М. Ольминский. Возникновение Истпарта и журнала «Пролетарская революция»*.— «Пролетарская революция», 1930, № 5, стр. 155).

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 89—89 об. (Обращение Истпарта «Уважаемый товарищ!», гектографированное).

²⁴ Там же, л. 77.

²⁵ От Истпарта.— «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 7; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 25, д. 2, лл. 8, 9, 12 (Доклад М. С. Ольминского); ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 89; ф. 91, оп. 1, д. 195, л. 28 (Материалы к биографии М. С. Ольминского, им самим составленные); *М. С. Ольминский. От Истпарта.— «Бюллетень Истпарта»*, 1921, № 1, стр. 4, 5.

²⁶ *М. Ольминский. «Былое»* (Журнал, посвященный истории освободительного движения, № 1).— «Наша мысль», 1906, № 5, стр. 11.

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 74—75.

²⁸ Там же, л. 72 (Обращение к участникам Октябрьского вооруженного восстания об устройстве вечера воспоминаний. Написано М. С. Ольминским 8 ноября 1920 г.).

документ: паспорт, договор, заключенный у нотариуса, грамоту и т. д., но и всякую рукопись, дневник, записку, собрание писем, заметки и прочее. Особенно ценен такой документ, который составлен для текущей жизни, а не для оповещения потомства»²⁹.

Иными словами, Коллегия Истпарта во главе с М. С. Ольминским к документам относилась все письменные источники, которые отлагаются в архивах в процессе деятельности учреждений и людей. Эту мысль подтверждает и указание, сделанное в той же инструкции, на необходимость сохранения документов в том порядке, в каком они были найдены, ибо это обстоятельство «бывает очень часто ценным для выявления характера документа, установления дат, значения документов и т. д.»³⁰.

Отношение М. С. Ольминского к письменным и печатным источникам характеризуется также и тем, что работу в Истпарте М. С. Ольминский и члены Коллегии начали с ознакомления с состоянием архивных материалов. М. С. Ольминский, В. И. Невский ездили в Петроград, где работали в Историко-революционном архиве, в котором были собраны материалы бывшего Департамента полиции, Охранного отделения, судебных палат; просмотрели архивные фонды Москвы, где также ознакомились с документами по истории революционного движения, партии и Октябрьской революции³¹.

В статьях и выступлениях на конференциях и съездах в 1920—1922 гг. М. С. Ольминский дал характеристику источников по истории партии, определил степень их достоверности, описал состояние, в котором они находились. Это давало возможность сформулировать задачи в области собирания и изучения источников, стоявшие в те годы перед историками-марксистами. Так, в докладе на IX конференции РКП(б) он говорил: «Что касается источников для изучения (истории.— *Н. М.*) партии, то они в высшей степени в плачевном состоянии. Еще то печально, что архивы в значительной степени находятся в руках меньшевиков. Мы, большевики, коммунисты, большей частью не знаем, в каком состоянии у нас находятся архивы»³². В «Плане» он писал: «А дело это (с источниками.— *Н. М.*) обстоит также в высшей степени плачевно. Пока можно указать лишь три источника, более или менее доступных для составителя курса: 1) литература партии, 2) постановления и протоколы съездов и конференций и 3) полицейские архивы»³³. В выступлении на X съезде РКП(б) Ольминский отмечал, что от старого времени остались «разные источники для изучения (истории.— *Н. М.*) партии,— это разный печатный материал: газеты, легальные и нелегальные, затем прокламации, резолюции, протоко-

²⁹ «Ко всем членам партии», стр. 14.

³⁰ Там же.

³¹ Отчет Истпарта (составлен М. С. Ольминским).— «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. I, стр. 189; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 31.

³² «Правда», 29 сентября 1920 г.

³³ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 73.

лы... Затем нам досталось от самодержавия в наследство огромное количество архивов департамента полиции, жандармского управления, охранки, судебных палат и т. п.»³⁴. Об этом же он говорил и в докладе на I Всероссийской конференции архивных работников 30 сентября 1921 г.³⁵

В своих выступлениях начала 20-х годов М. С. Ольминский четко поставил вопрос о степени ценности различных видов источников, установил причины неполноты сведений, содержащихся в источниках.

Рассматривая такие источники, как партийные газеты, легальные и нелегальные, прокламации, резолюции, протоколы, он говорил: «...Весь этот материал не может служить достаточным источником, он совсем не освещает закулисной стороны жизни и деятельности партии». Партия работала в подполье и ей приходилось «очень многое скрывать о своей деятельности». В силу этого «тогдашние газеты, в особенности, не могли говорить всего»³⁶. ЦК партии публиковал тогда также не все мотивировки резолюций. Кроме опубликованных «всегда бывали и некоторые другие, не высказанные, которые почему-либо неудобно было в свое время высказать»³⁷. Источников, исходящих из самой партии, в распоряжении Истпарта в то время было очень мало.

Полицейские же, жандармские, архивы охранки и судебных палат — этот источник, говорил М. С. Ольминский, «в высшей степени мутный, недостоверный и может дать лишь отражение истории партии через кривое зеркало»³⁸. Характеризуя последний вид источников на X съезде РКП(б), он говорил: «Многие думают, что эти дела могут явиться вполне достаточным источником для истории партии. Мы, члены Истпарта, пришли к заключению, что это неверно»³⁹. Недостаточными эти источники, по мнению М. С. Ольминского, были как в силу того, что они содержали односторонние данные: наблюдения уличных шпионов, материалы допросов, заведомо искажающие показания подследственных, которые стремились выкрутиться сами и обезопасить организацию и своих товарищей. В силу того что указанные источники освещали деятельность революционеров с враждебно классовых позиций, трудно было найти действительное отражение истории партии в материалах охранки, судебных палат, полиции, жандармерии⁴⁰.

Однако М. С. Ольминский и члены Коллегии не отказывались от использования этих источников. Они считали, что из них мож-

³⁴ «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 129, 130.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 25, д. 2, л. 9.

³⁶ «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 129, 130; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 25, д. 2, л. 9.

³⁷ Там же.

³⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 73.

³⁹ «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 130 (разрядка наша.— Н. М.).

⁴⁰ См. там же, ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 25, д. 2, л. 9.

но и нужно брать «беспорные данные: даты арестов, фамилии арестованных, приговор и более важные документы (проекты программ и т. п.). Эта выборка должна послужить скелетом»⁴¹. О методе изучения этих источников М. С. Ольминский в своем «Плане» писал: «Что касается политических процессов и данных жандармских и охранных учреждений, то пользоваться ими возможно только после того, как хорошо уже выяснено событие или период жизни на основании других, более достоверных источников. Исключением могут быть такие случаи, когда за изучение судебного или охранного „дела“ берется лицо, лично принимавшее близкое участие в партийной работе того момента и места, к которому относится дело»⁴².

Следовательно, в начале 20-х годов Истпарт во главе с М. С. Ольминским проделал большую работу по осмыслению источников для изучения истории партии, дал их характеристику, определил отношение к полицейским, судебным, охранным и жандармским материалам и разработал метод их использования при изучении истории партии.

М. С. Ольминский руководил выявлением имевшихся источников по истории Октябрьской революции. В обращении Истпарта «Ко всем членам партии» в 1920 г. сказано, что источников для изучения истории Октябрьской революции крайне мало. В распоряжении историков были только «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», столичные и провинциальные «советские газеты с их хроникой (причем нигде, ни в одном центральном книгохранилище, нет полного комплекта этих газет)»⁴³, что было недостаточно для того, чтобы «составить даже сколько-нибудь исчерпывающий внешний обзор событий», не говоря уже о том, чтобы восстановить «историю важнейших актов Советской власти, ибо за коротким текстом того или иного декрета стояла длинная вереница проектов, докладных записок, прений в различных комиссиях в наркоматах, в ЦК партии, в самом Совнаркоме»⁴⁴. Уцелевшие документы находились в учреждениях, где они были созданы. Остальные сведения — в памяти участников⁴⁵. В 1920 г. уже невозможно было найти «в самом Петрограде» некоторых газет за 1919 год потому, что бережностью хранения и стремлением к собиранию источников, по словам М. С. Ольминского, в ту пору не отличались⁴⁶. На периферии же дело с источниками обстояло еще хуже, так как состав советских учреждений много раз менялся в течение

⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 31 (Отчет Истпарта к 1 марта 1921 г., написан М. С. Ольминским).

⁴² Там же, л. 77.

⁴³ «Ко всем членам партии», стр. 4.

⁴⁴ Там же, стр. 5.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ М. Ольминский. Работа для истории революции — работа для революции. — «Правда», 12 октября 1920 г.

трех лет и «в большинстве случаев сколько-нибудь правильно организованных архивов не было»⁴⁷.

Кроме указанных источников по истории Октябрьской революции ценными для ее изучения в Истпарте считали также и «материалы наших врагов, относящиеся к периоду 1917—1920 гг.»⁴⁸. Для дооктябрьского периода, а также для времени правления Колчака, Деникина и т. д. на занятых ими территориях источниками, как и для истории партии, с аналогичными оговорками, считали жандармские, полицейские, судебные и т. п. архивы, доставшиеся в руки Красной Армии⁴⁹.

К источникам по истории Октябрьской революции, революционного движения в целом относили также документы лиц, «игравших крупную политическую роль: например, царские дневники, записки какого-нибудь белогвардейского генерала или видного политического деятеля и т. д.»⁵⁰, но указывали, что эти документы имеют второстепенное значение в силу «ограниченности [их] поля зрения», трактовки событий с враждебных пролетариату позиций⁵¹.

В ознакомлении с источниками партийной общественности и историков партии и Октябрьской революции Коллегия Истпарта под руководством М. С. Ольминского особое внимание обратила на классовый характер источников, на то, что «каждый документ написан с позиций того или иного класса, к которому принадлежит его автор, и отражает интересы данного класса»⁵².

Недостаток источников по истории партии и Октябрьской революции, гибель в тот период в большом количестве архивных материалов в стране заставили М. С. Ольминского и руководимый им Истпарт проделать большую работу по организации спасения, собирания, хранения и изъятия из частных рук источников по истории партии, Октябрьской революции, революционного движения, а также организации ведения и сохранения текущих партийных и советских архивов⁵³.

⁴⁷ «Ко всем членам партии», стр. 5.

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 45, л. 21 (План работы Комиссии по истории РКП, 13 сентября 1920 г. В состав комиссии входили: М. С. Ольминский, Н. Н. Батурин, В. И. Невский, Д. Б. Рязанов).

⁴⁹ «Ко всем членам партии», стр. 6.

⁵⁰ Там же, стр. 14 («Инструкция для собирания и хранения материалов по истории Октябрьской революции»).

⁵¹ «От Истпарта». — «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 4, 6.

⁵² Там же, стр. 4—7; «Ко всем членам партии», стр. 1—15.

⁵³ «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 129, 131, 132; «Ко всем членам партии», стр. 4, 10—13, 14, 15; М. Ольминский. От Истпарта. — «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 4, 5, 6; 1924, № 2, стр. 2; «Инструкция для местных бюро Истпарта». — «Из эпохи «Звезды» и «Правды», 1921, вып. I, стр. 187, 188; «Пролетарская революция», 1921—1924 гг., № 3—35 (сообщения о сборе источников в каждом номере журнала); ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 89 (обращение «Уважаемый товарищ!»), л. 94—94 об. (Отчет Истпарта к 20 ноября 1922 г.); д. 94, л. 43 (Служебная записка о Куклинской библиотеке), л. 40 (О передаче анкет и био-

Все написанное В. И. Лениным М. С. Ольминский относил к особо важным документам. Истпарт до открытия Института Ленина (31 мая 1924 г.) занимался сбором, изучением и публикацией ленинского наследия. В 1921—1924 гг. в журнале «Пролетарская революция» было напечатано (с комментариями) более 75 произведений и писем В. И. Ленина, а также его записки и телеграммы^{53а}. Хранившиеся в Истпарте документы В. И. Ленина были переданы М. С. Ольминским в Институт Ленина^{53б}. М. С. Ольминский занимался установлением авторства В. И. Ленина в работах, опубликованных им до революции без подписи или под малоизвестными псевдонимами^{53в}.

Итак, все сказанное М. С. Ольминским о документах, о письменных и печатных источниках по истории партии и Октябрьской революции, все сделанное им лично и Истпартом под его руководством для собирания и сохранения архивов позволяет сказать, что М. С. Ольминский в период всей своей деятельности в Истпарте (с момента его возникновения) считал, что без документов и других письменных и опубликованных достоверных или хорошо проверенных источников написать историю партии и Октябрьской революции нельзя. Документы, созданные во враждебном лагере: полицейские, жандармские, охранные, судебные, — являются историческими источниками. Использовать их надо очень осторожно в силу заведомо предвзятой трактовки событий, явлений и деятельности революционеров. Брать в первую очередь из этих источников, по его мнению, надо было содержащиеся в них достоверные факты и изъятые при арестах партийные документы и литературу. Исключение в отношении к «делам» как к источнику, по его мнению, могло быть только в том случае, если изучать их будет партийный работник, знающий по личному участию исследуемый вопрос.

Для пополнения партийных источников и уменьшения пробелов в имевшихся материалах Истпарт разработал широкую программу развития фактографической и документальной основы, частью которой было срочное создание мемуаров и биографий партийных деятелей и участников русского и международного революционного движения.

графий членов партии Истпарту), лл. 7, 57, 81—81 об. (Письма М. С. Ольминского в ЦК РКП(б), февраль — июнь 1924 г.); ф. 91, оп. 1, д. 40, л. 5 (Письмо М. С. Ольминского в ЦК РКП(б), май 1921 г.); д. 48, лл. 43—44, 82, 140 об., 149 (Письма М. С. Ольминского и к нему об источниках).

^{53а} «Пролетарская революция», 1921, №№ 1, 2, 3; 1922, №№ 4, 5, 7, 10; 1923, №№ 3, 4, 6—7, 9; 1924, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8—9, 11.

^{53б} «Пролетарская революция», 1923, № 11, стр. 270; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 73, лл. 5—8 (список работ и документов В. И. Ленина. Сделан М. С. Ольминским. Написан его рукой).

^{53в} М. С. Ольминский. Мое знакомство с Лениным. — «Литературная газета», 29 января 1933 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 4, лл. 3—16 (список статей В. И. Ленина, опубликованных в газетах за 1911—1914 гг. без его подписи. Сделан М. С. Ольминским. Написан его рукой).

М. С. Ольминский поставил вопрос об ускоренном проведении работы по сбору мемуаров участников событий, в памяти которых сохранились факты. В связи с тем что старые коммунисты быстро уходили из жизни, а вместе с ними гибли и сведения по истории партии и революции, необходимо было как можно быстрее организовать написание мемуаров в массовом масштабе, собрать свидетельские показания о недавно прошедших событиях. Уже в «Плане» М. С. Ольминский писал, что невозможно написание каких бы то ни было общих курсов и монографий «при указанной скудости источников, поэтому одной из неотложных задач является создание источников — создание мемуарной литературы»⁵⁴. В докладе на IX партконференции он говорил, что «есть много живых людей, которые могли бы своими свидетельскими показаниями восстановить прошлое, могли бы написать мемуары»⁵⁵. На X съезде РКП(б) М. С. Ольминский отмечал, что в истории партии есть пробелы, не освещены целые периоды, что их можно довольно легко восполнить, «если опросить и записать рассказы старых рабочих, давно вошедших в партию, и старых деятелей из рядов интеллигенции»⁵⁶.

Мемуары, по его мнению, нужны также для освещения деятельности рабочей социал-демократии, по истории которой источники почти отсутствовали. «Жизнь партийной интеллигенции,— писал М. С. Ольминский в отчете Истпарта на 1 марта 1921 г.,— находила хоть небольшое отражение в партийной печати, история же рабочей социал-демократии почти не имеет источников». История, написанная только по литературным источникам, явилась бы слишком односторонней, «неполно выражала бы движение среди рабочих»⁵⁷.

Мемуары позволяли связать воедино разрозненные факты, выбранные из социал-демократических процессов, из архивов судебных палат, охранки, жандармского отделения. «Эти выборки,— писал М. С. Ольминский в том же отчете,— должны послужить скелетом для истории, а чтобы стать живым историческим материалом, они должны дополняться мемуарами»⁵⁸.

Мемуары позволяли, по мнению М. С. Ольминского, раскрыть психологию людей, принимавших участие в революционном движении, объяснить мотивы тех или иных их побуждений и поступков⁵⁹. В Истпарте считали, что создание истории без мемуаров затруднительно для тех историков, которые не знакомы

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 74.

⁵⁵ «Правда», 29 сентября 1920 г.

⁵⁶ «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 130.

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 31 (Отчет Истпарта, Написан М. С. Ольминским, опубликован в приложении к сборнику «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. I, стр. 189; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 25, д. 2, л. 10 (Доклад М. С. Ольминского).

⁵⁸ «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. I, стр. 189.

⁵⁹ «От Истпарта». — «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 8.

с событиями по личному участию, а также для ученых последующих поколений⁶⁰.

Воспоминания, по мнению М. С. Ольминского, давали возможность восстановить условия жизни и работы рабочих, момент их пробуждения к политической жизни. «Нужно воскресить быт,— говорил М. С. Ольминский на X съезде РКП(б),— восстановить, как жили тогда. Ничего не поймешь в революционном рабочем движении, если мы не будем знать тогдашних условий жизни рабочих,— не только высоту их тогдашней заработной платы, но и всю обстановку их жизни: квартирные, бытовые, фабричные условия, как обращались с ними на фабриках и т. п.»⁶¹ Эти сведения необходимы были также и для того, чтобы понять сущность идейной борьбы и политических выступлений социал-демократии. «Без такого знания,— писал М. С. Ольминский в марте 1921 г.,— покажутся висящими в воздухе и идейная, и политическая борьба»⁶². Об этом же он говорил и 30 сентября 1921 г. в докладе на I Всероссийской конференции архивных работников⁶³.

Воспоминания, по словам М. С. Ольминского, позволяли восстановить мотивировки решений съездов и конференций, которые ранее не были опубликованы по конспиративным соображениям⁶⁴.

Он считал мемуары ценным источником для изучения истории Октябрьской революции и советского периода. «...И время после Февральской революции,— писал он в марте 1921 г.,— когда были разорваны тесные рамки подполья, не может быть освещено в достаточной мере по одним только печатным и письменным источникам. Эпоха 1917 и последующих годов с ее богатейшим содержанием борьбы за диктатуру пролетариата, эпоха советского и партийного строительства требуют для своего освещения немедленного приступа к составлению мемуаров и дневников»⁶⁵. Об этом же он говорил и на X съезде РКП(б).

Для периода Октябрьской революции, гражданской войны и советского строительства мемуары, по словам Ольминского, нужны для того, чтобы собрать подробности как о фронтовых подвигах, так и о трудовой деятельности рядовых борцов за Советскую власть, описать революцию и последующие события не только в столице, но и на местах. «Нужно,— писал он в октябре 1920 г.,— записывать, пока из памяти не изгладились имена и подробности, ...менее виден, но не менее существен героизм, проявленный многими на повседневной работе у станка, в учреждениях, на субботниках и т. п.»⁶⁶

⁶⁰ «От Истпарта». — «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 8—9.

⁶¹ «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 129—130.

⁶² М. Ольминский. О мемуарах, стр. 3—4.

⁶³ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 25, ед. 2, л. 10.

⁶⁴ «X съезд РКП(б). Стенографический отчет», стр. 129.

⁶⁵ М. О. Ольминский. О мемуарах, стр. 3—4.

⁶⁶ М. Ольминский. Работа для истории революции — работа для революции. — «Правда», 12 октября 1920 г.

М. С. Ольминский призывал писать мемуары, говорил, что этим должны заниматься участники и свидетели событий: «Работайте все, товарищи, для истории революции и партии: записывайте, пишите воспоминания, спасайте печатные и рукописные документы»⁶⁷.

Обращая большое внимание на мемуары как на необходимый материал для изучения истории партии и Октябрьской революции, М. С. Ольминский тут же отмечал недостаток этого вида — малую достоверность воспоминания взятого каждого в отдельности. «Правда,— говорил он на IX конференции РКП(б),— в судебном деле давно известно, что все свидетели врут поневоле потому, что перспектива искажается»⁶⁸, и указывал способ устранения этого недостатка: «...но посредством сопоставления, взаимной проверки можно выяснить истину»⁶⁹. Это подчеркивал он и в выступлениях на X съезде РКП(б) и в работах: «О мемуарах», «От Истпарта». Об этом же говорилось и в «Объяснительной записке к Анкете»: «Воспоминания, свидетельства очевидцев, рассказы участников событий имеют для историков громадное значение как источник. Надо собрать таких рассказов как можно больше, потому что один исправляет и дополняет или подтверждает другой. Путем критики этого материала удастся тем легче восстановить картину свершившегося, чем многочисленнее количество свидетельств очевидцев»⁷⁰.

Говоря о важности написания мемуаров, М. С. Ольминский постоянно предупреждал, что пишущие воспоминания должны пользоваться имеющимися у них документами, письменными и печатными источниками для уточнения данных⁷¹. «...Комиссия не предполагает,— писал он в статье «О мемуарах»,— что мемуар должен заключать в себе непременно и исключительно только личные воспоминания. Память — вещь слишком ненадежная: где возможно, ей должны приходиться на помощь и документы, и газетная статья или книга»⁷². В «Объяснительной записке к Анкете» (1920 г.) не только указывалось на важность пополнения данных воспоминаний и сведений в ответах на анкеты Истпарта документами, но и представления Истпарту последних. «Если,— говорилось в этой записке,— у отвечающего (на анкету.— *Н. М.*) есть документы, так или иначе дополняющие, подтверждающие, подкрепляющие даваемые ими сведения, то очень желательно представление комиссии этих документов»⁷³.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Правда», 29 сентября 1920 г.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ «Объяснительная записка к Анкете».— «Кю всем членам партии». М., 1920, стр. 9.

⁷¹ ЦПА ИМЛ. ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 75.

⁷² М. Ольминский. О мемуарах, стр. 4.

⁷³ «Кю всем членам партии», стр. 9.

В «Плане» М. С. Ольминский разделил мемуары на два вида. К первому он отнес мемуары «целостного автобиографического характера (от рождения автора, его детства и кончая старостью)», ко второму — мемуары, в которых описываются отдельные периоды деятельности автора. Написание мемуаров первого вида он считал неприемлемым в то время из-за «остроты политической жизни», перегруженности «старых работников текущей работой и недостатка технических средств»⁷⁴ и предлагал избрать второй вид. «Нужно,— писал он там же,— вызвать мемуарную литературу применительно к отдельным ударным пунктам места и времени (например, такой-то съезд, такой-то Комитет...)»⁷⁵. Он разрабатывал и темы для написания воспоминаний, которые также были внесены в его «План»⁷⁶.

Итак, М. С. Ольминским была дана оценка мемуарам как историческим источникам, определены виды мемуаров, установлен приемлемый для этого времени вид, поставлен и обоснован вопрос необходимости быстрее сбора мемуаров, определены возможности их использования в изучении истории партии и Октябрьской революции.

К марту 1921 г. М. С. Ольминским была подготовлена специальная статья — «О мемуарах», опубликованная как введение к первому выпуску сборника — «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“». В этом же выпуске он поместил свою работу «Общий очерк эпохи», которая, по его словам, имела целью дать толчок к изучению эпохи, «вызвать к писанию воспоминаний каждого, кто соприкасался с этой эпохой, кто рос политически в это время»⁷⁷, и которые были примером того, как надо писать воспоминания.

Статья «О мемуарах» была научным руководством для написания мемуаров, их собрания и использования при изучении истории партии и Октябрьской революции. Она содержала и ценные источниковедческие наблюдения⁷⁸. Исследование этих вопросов является предметом самостоятельного изучения.

К статье «О мемуарах» в качестве приложения были опубликованы документы Истпарта: «Конспект-минимум для составления воспоминаний» по истории партии, написанный Н. Н. Батуриным по поручению М. С. Ольминского и при его участии (вторая и третья страницы рукописи написаны рукой М. С. Ольминского)⁷⁹; «Инструкция для местных бюро Истпарта», утвержденная Коллегией Истпарта⁸⁰. Эти документы были методическими разработками для написания воспоминаний и являлись

⁷⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 74.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, лл. 75—77.

⁷⁷ М. Ольминский. О мемуарах, стр. 5.

⁷⁸ Там же, стр. 1—7.

⁷⁹ «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. I, стр. 185; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, лл. 91, 91 об., 92, 92 об.

⁸⁰ «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. I, стр. 187.

руководством для работников Истпарта по сбору нужных сведений по всей стране.

М. С. Ольминский предложил для сбора мемуаров устраивать вечера воспоминаний, разработал тематику и методику их проведения⁸¹. Вечера воспоминаний получили широкое распространение в системе Истпарта с ноября 1920 г.⁸² Они позволяли собрать большое количество ценных сведений, проверенных в ходе вечера, и получить часть документов, находящихся на руках, с другой части — снять копии⁸³.

Следует отметить, что М. С. Ольминский не переоценивал мемуары как исторический источник, постоянно подчеркивал их недостатки и обращал внимание на необходимость помогать, где только возможно, памяти документами и другими письменными и печатными источниками. На мемуары, собранные в большом количестве, по определенному плану, перекрестно проверенные, опубликованные и, таким образом, подвергшиеся еще проверке, он смотрел как на источник, посредством которого можно восполнить пробелы в источниковедческой базе, а также восстановить те явления, события, мотивировки решений съездов и конференций, которые тщательно скрывались ранее по конспиративным соображениям; изучить внутреннюю жизнь партии, жизнь и быт рабочих, взаимоотношения между социал-демократами рабочими и партийной интеллигенцией, уяснить влияние одних на других; изучить особенности и колорит эпохи, настроение и психологию борцов, т. е. всего того, что не отражено ни в одном документе и без чего нельзя правильно связать воедино отдельные факты, отраженные в документах, и объяснить их.

Мемуары являлись источником для создания биографий революционеров. Массовый их сбор позволял выявить большое количество участников революционного движения, собрать о них сведения.

Биографии, по мнению М. С. Ольминского, могли стать источником для написания полной истории партии, с именами участников революционного движения, с деятельностью местных партийных организаций только при условии их массового создания⁸⁴.

⁸¹ [Обращение Истпарта к участникам Октябрьской революции о вечере воспоминаний]. Написано рукой М. С. Ольминского. Регистрационная дата 8 ноября 1920 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 72—72 об.).

⁸² «Бюллетень Истпарта», 1921 г., № 1, стр. 1; 1924, № 2, стр. 10—13, 25, 33, 35, 36.

⁸³ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 72 об.

⁸⁴ Там же, л. 75 (План Ольминского); л. 22 (План комиссии по изучению истории партии. Утвержден 13 сентября 1920 г. Члены комиссии: М. С. Ольминский, Н. Н. Батурич, В. И. Невский, Д. Б. Рязанов); л. 71 («Собрание документов. Инструкция», 8 ноября 1920 г. Гектографирована); «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. I, стр. 187; ЦПА ИМЛ, ф. 10, оп. 1, д. 45, л. 31 (Отчет Истпарта к 1 марта 1921 г. Составлен М. С. Ольминским); д. 94, л. 40; ф. 91, оп. 1, д. 48, лл. 43, 44, 69, 70, 71, 73 и др.

Работа по созданию биографий велась систематически с начала деятельности Истпарта⁸⁵. Собирались документы, расспросные данные, воспоминания близких и хорошо знавших погибшего товарищей.

Издавались сборники биографий «Памятники борцам пролетарской революции до 1917 года»⁸⁶, «Памятники борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.». М. С. Ольминский так охарактеризовал последний сборник: «В 1925 г. понадобилось уже третье издание. Было там немало фотографических снимков. К делу были привлечены не только истпартовские работники, но и, можно сказать, вся партия. Получился том почти в 800 страниц. Были увековечены около трех с половиной тысяч погибших. Создан действительно памятник массового движения»⁸⁷.

Все приведенные данные позволяют сказать, что М. С. Ольминский придавал первостепенное значение документам, письменным и печатным источникам, из которых выделял лишь как малодостоверные дела полицейских, жандармских, охранных, судебных архивов, но никогда не отказывался от их использования. Более того, подчеркивал, что их необходимо использовать, выбирая в «делах» достоверные факты и партийные документы, изъятые при арестах.

Эти данные говорят о несостоятельности утверждения А. А. Кулакова, что М. С. Ольминский «считал мемуары основными источниками по истории партии до 1917 г.»⁸⁸.

К мемуарам, т. е. к каждому отдельно взятому воспоминанию, он относился как к источнику малодостоверному и всегда подчеркивал необходимость тщательной проверки данных мемуаров, но считал возможным использовать их для восполнения пробелов в источниковедческой базе (при условии массового их сбора и тщательной всесторонней проверки), выявления причин принятия тех или иных решений партийных съездов и конференций (ранее не опубликованных по конспиративным соображениям), а также изучения психологии и быта революционеров, условий жизни рабочих, установления связи между отдельными фактами, зафиксированными в документах. Можно сказать, что М. С. Ольминский раскрыл связь различных типов источников, их органическую взаимодополняемость.

Написание истории партии и Октябрьской революции он считал возможным только при условии выявления, сопоставления

⁸⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 37, л. 28 (Письмо М. С. Ольминского); д. 41, л. 46 об. (Ответ Ольминского на «Тезисы по перестройке работы Института Ленина в 1929—1930 гг.»).

⁸⁶ Там же, д. 37, л. 6.

⁸⁷ Там же, л. 28 (Письмо М. С. Ольминского без даты).

⁸⁸ А. А. Кулаков. Из истории создания и деятельности Истпарта (Комиссия по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии) 1920—1928 гг. Автореферат канд. дисс. Л., 1967, стр. 4.

и изучения всех имеющихся исторических источников (как из революционного, так и враждебного лагеря).

Прошло около полувека с тех пор, как рассматривались эти вопросы. Советское источниковедение и археография проделали большой путь. Многие вопросы, которые в те годы только начинали разрабатываться, в современных условиях кажутся давно решенными, не нуждающимися в освещении. Однако обнаруженные и изученные нами материалы позволяют проследить, как историки-марксисты в первые годы Советской власти ставили и решали эти вопросы, исходя из задач и уровня развития исторической науки того времени. Это были первые шаги советского марксистского источниковедения.

Новая историческая проблематика, появившаяся после революции, потребовала не только введения в научный оборот большого количества исторических фактов, но и осмысления их значения для исторической науки, их достоверности и ценности. Поэтому работы Истпарт тех лет, его руководителя — М. С. Ольминского и других сотрудников (М. Н. Покровского, Н. Н. Батурина, В. В. Адоратского, В. И. Невского) позволяют проследить возникновение и становление советского источниковедения, особенно по вопросам истории партии и Октябрьской революции.

Приложение

Список исторических работ М. С. Ольминского

Исследования

1. Из истории общины в Сибири.— «Правда», 1904, № 7.
2. Из истории дореформенной печати.— Там же, № 10 и 11.
3. Из истории сектантства в Якутской области.— «Правда», 1905, № 8, 10.
4. Движение земельной собственности и продажные цены на землю в С.-Петербургской губернии за пятилетие (1888—1892 гг.) по данным Нотариата Окружного суда.— «Статистический сборник по С.-Петербургской губернии. 1893 год». СПб., 1895, стр. 3—142.
5. Наем на сельскохозяйственные работы и величина заработной платы в летний период 1893 года.— Там же, стр. 189—215.
6. О паспортах и билетах.— Там же, стр. 216—239.
7. «Свобода печати». СПб., 1906, 76 стр.
8. В ожидании Государственной думы.— «Образование», 1906, № 1, ч. II, стр. 35—47.
9. Социалист-утопист в оценке современников.— Там же, № 12, ч. I, стр. 15—52.

10. Разрушение легенды.— «Вестник жизни», 1907, № 3, стр. 72—83.
11. Покушения и провокации.— Там же, № 4, стр. 35—51.
12. Право на свободу печати.— «Образование», 1908, № 1, ч. II, стр. 1—37; № 2, ч. II, стр. 38—81.
13. Перед реформой.— Там же, № 6, ч. II, стр. 27—70.
14. «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России». Спб., 1910, 176 стр.; Изд. 2. Пг., 1919; Изд. 3. Л., 1925.
15. Голод и ставка на сильных.— «Звезда», 23 октября 1911 г.
16. Старый знакомый.— «Звезда», 12 ноября 1911 г.
17. Поучительная картина.— «Правда», 25 апреля 1912 г.
18. Средневековье.— «Правда», 19 августа 1912 г.
19. Культурные люди и нечистая совесть.— «Правда», 23 августа 1912 г.
20. О газете «Правда».— «Правда», 26 августа 1912 г.
21. Девятое января.— «Правда», 9 января 1913 г.
22. Могилы 9 января.— Там же.
23. Амнистия.— «Правда», 11 января 1913 г.
24. 19 февраля и крепостное право.— «Правда», 19 февраля 1913 г.
25. Братская могила.— «Правда», 11 мая 1913 г.
26. «Правда».— «Правда», 29 мая 1913 г.
27. Бакинские радикалы.— «Северная правда», 13 августа 1913 г.
28. Бакинские дела.— «Северная правда», 14 августа 1913 г.
29. Либеральные неудачи.— «Северная правда», 21 августа 1913 г.
30. Об организации найма в Петербурге.— Там же.
31. Петербург в цифрах.— «Северная правда», 24 августа 1913 г.
32. Что такое экспроприации.— «Путь правды», 11 апреля 1914 г.
33. Салтыков-Щедрин.— «Путь правды», 13 апреля 1914 г.
34. Прошлое и настоящее.— «Наша газета», 29 сентября 1915 г.
35. Облетели цветы...— Сб. «Под старым знаменем». Саратов, 1916, стр. 88—94.
36. Первые итоги.— Там же, стр. 39—52.
37. До войны.— В кн.: *Н. Батулин*. Очерк истории социал-демократии в России. Изд. 2. М., 1917, стр. 118—171; то же, перепечатанное со второго издания. М., 1922, стр. 113—163.
38. О смысле русской революции.— «Правда», 1917, № 7.
39. О т. Ленине.— «Социал-демократ», 26 мая (8 июня) 1917 г.
40. О провокаторе Черномазове.— «Правда», 1917, № 8.
41. Что значит «Вся власть Советам».— «Правда», 13 января 1918 г.
42. Тов. Ленин.— «Вестник жизни», 1918, № 2, стр. 8—15 (перепечатана: «Пролетарская революция», 1942, № 3, стр. 24—33).
43. Неверный шаг.— «Правда», 24 марта 1918 г.
44. Неподкупный. Мари-Исидор-Максимилиан Робеспьер.— «Творчество», 1918, № 8, стр. 13—15.
45. Октябрьские годовщины.— «Коммунар», 12 октября 1918 г.

46. **Ход событий.**— В кн.: «Москва в Октябре». М., 1919, стр. 30—37; То же.— В кн.: «Москва в Октябре 1917 г.». М., 1922, стр. 30—38.
47. **Берегите газету.**— «Вечерние известия», 9 ноября 1919 г.
48. **Работа для истории революции — работа для революции.**— «Правда», 12 октября 1920 г.
49. **Очерк Российской Коммунистической партии большевиков.**— ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 22, лл. 1—23.
50. **Пробел в нашей истории.**— «От группы Благоева к „Союзу борьбы“». М., 1921, стр. 3—6.
51. **От подполья к диктатуре.**— Сб. «Больше внимания партии». Харьков — Полтава, 1921, стр. 63—72.
52. **Общий очерк эпохи.**— Из эпохи „Звезды“ и „Правды“». [М], 1921, вып. 1, стр. 9—164.
53. **О мемуарах.**— «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. I, стр. 3—8.
54. **От редакции.**— «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. II, стр. 3—5.
55. **Происхождение жандармов.**— «Из прошлого», 1922, стр. 3—10.
56. **Заря революционного романтизма.**— Там же, стр. 10—38.
- 56^a. **Золотой век народничества и марксизм.**— Там же, стр. 38—65.
57. **Значение декабрьского восстания 1905 года.**— Там же, стр. 71—78.
58. **«Искра» и «Правда».**— «Рабочая Москва», 5 мая 1922 г.
59. **«История „Звезды“», «История „Правды“.**— «Рабочая Москва», 5 мая 1922 г.
60. **Какие дураки бьют на свете.**— «Юный коммунист», 1922, № 10—12, стр. 24—26.
61. **1 мая в России (Вместо тезисов).**— «Пролетарий» (Оренбург), 1923, № 3.
62. **Две годовщины.**— «Рабочая Москва», 16 декабря 1923 г.
63. **По поводу собрания сочинений т. Ленина (Материалы и документы).**— «Пролетарская революция», 1923, № 11, стр. 97—113.
64. **Большевистская печать с 1905 г.**— «Журналист», 1925, № 12, стр. 6—8.
65. **Наши первые газеты.**— «Экран», 1925, № 13.
66. **Партийные газеты 1905 г.**— «Известия», 20 декабря 1925 г.
67. **Ценность воспоминаний.**— «Журналист», 1927, № 2, 3, стр. 17.
68. **Проверяйте воспоминания.**— Там же, № 2, стр. 15.
69. **О Л. Н. Толстом.**— «Правда», 31 января 1928 г.
70. **Ленин или Лев Толстой?**— «Правда», 4 февраля 1928 г.
71. **Наше отношение к Л. Н. Толстому.**— «Огонек», 1928, № 4.
72. **О «Сборниках друзей».**— «Пролетарская революция», 1928, № 9, стр. 193—195.
73. **Необходимые замечания об одной вредной книге (Е. Бройдо. В рядах РСДРП).**— Там же, 1929, № 2—3.

74. Назревшие вопросы. М., 1910 г. Полностью не была опубликована. В сокращенном виде опубликована под заглавием «Государство и бюрократия». — «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“». Изд. второе, дополненное. М.—Л., 1929, стр. 332—349.
75. Общий очерк эпохи. — Там же, стр. 322—323.
76. К вопросу об истории частного совещания 22 большевиков. — «Пролетарская революция», 1930, № 2—3, стр. 185.
77. «Ленин или не Ленин?» — Там же, 1931, № 1.
78. Редакторская работа т. Ленина. — Сб. «Старый большевик», 1933, № 5 (8), стр., 141—143.
79. От автора. — «1915—16» (статьи до революции). Изд-во Коммун. ун-та им. Я. М. Свердлова. М., 1926, стр. 3—6.

Публикации источников

80. «Памяти погибших». Сборник некрологов. СПб., 1907.
81. Три письма (Г. И. Петровского, Я. М. Свердлова, В. П. Антонова-Саратовского). — «Пролетарская революция», 1922, № 4, стр. 275—282.

Переиздание газет

82. «Вперед» и «Пролетарий» 1905 года. М., 1924.
83. «„Правда“, 1917». Л., 1927—1928.
84. «Новая жизнь». М., 1925—1926.

Рецензии

85. «Былое» (Журнал, посвященный истории освободительного движения, № 1). — «Наша мысль», 1906, № 5.
86. С. Г. Сватиков. Общественное движение в России (1700—1895). — «Образование», 1906, № 5.
87. Н. Рожков. Исторические и социальные очерки. Часть II. М., 1906, — Там же, № 7.
88. Российские партии, союзы и лиги. Составлено Ивановичем, редакция Фольберка и Чернодуского. СПб., 1906. — Там же.
89. «Самодержавие и печать в России». Библиотека «Светоча» под редакцией С. А. Венгерова. СПб., 1906. Там же, № 8.
90. В. А. Мякотин. Из истории русского общества. Второе издание. СПб., 1906. — Там же.
91. Проф. М. А. Рейснер. Русский абсолютизм и европейская реакция. — Там же, № 11а.
92. М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов (Записки, письма, показания, проекты конституций из следственного дела, с вводной статьей). Киев. — Там же, № 11.
93. М. В. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов. — Там же.

94. *П. И. Пестель*. Русская Правда. Наказ временному верховному правительству. СПб., 1906.— Там же.
95. Рабочий ежегодник. Год первый. Пг., 1906.— «Былое», 1906, № 11.
96. *М. Ростоцкая*. Потемкинские дни в Одессе.— Там же, № 11.
97. *Макс Вебер* (профессор Гейдельбергского университета). Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. 1906.— «Образование», 1906, № 12.
98. *Ю. Стеклов*. Историческое подготвление русской социал-демократии. СПб., 1906.— «Былое», 1906, № 12.
99. *Н. Багурин*. Очерк истории социал-демократии в России (лекции и рефераты по вопросам программы и тактики с.-д., вып. VI). М., 1906.— Там же.
100. *Пан.* Из недавнего революционного движения. СПб., «Былое», 1907 № 1 (13).
101. *М. В. Довнар-Запольский*. Тайное общество декабристов.— «Образование», 1907, № 2а.
102. *К. Левин*. Декабристы. Г. Плеханов. 14-е декабря 1825 г.— Там же, № 2а.
103. *Н. Когляревский*. Декабристы — кн. А. Одоевский и А. Бестужев. СПб., 1907.— Там же, № 3.
104. *Мих. Лемке*. Политические процессы М. М. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. СПб., 1907.— Там же.
105. «Русская историческая библиотека», 1906, № 3—5.— Там же, № 4.
106. «Галерея шليسельбургских узников». Под редакцией Н. Ф. Анненского, В. Я. Богучарского, В. М. Семевского и П. Ф. Якубовича, ч. 1. СПб., 1907.— Там же, № 7а.
107. *В. Бернштамм*. Около политических. СПб., 1907.— Там же, № 10.
108. «Декабристы». Материалы для характеристики. Изд. М. М. Зензинова, под ред. приват-доцента Головачева. М., 1907.— Там же, № 12.
109. *Федор Страхов*. По ту сторону политических интересов. М., 1907.— «Образование», 1907, № 12.
110. «История России в XIX в.», вып. I. Изд. Т-ва «Бр. А. и И. Грант и К°». М., 1907, вып. I.— «Современный мир», 1908, № 1 (январь); вып. VI—VIII.— Там же, № 5 (май).
111. *Мих. Лемке*. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения. 1908.— «Образование», 1908, № 1.
112. *М. Гершензон*. История «Молодой России». М., 1908.— Там же, № 2.
113. *Мих. Лемке*. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. По неизданным документам. СПб., 1908.— Там же, № 4.

114. *К. А. Пажитнов*. Положение рабочего класса в России. Изд. 2. СПб., 1908.— Там же.
115. «Очерки забастовочного движения рабочих бакинского нефтяного района за 1903—1906 гг.». Баку, 1907.— «Минувшие годы», 1908, № 4.
116. *Л. Ф. Пантелеев*. Из воспоминаний прошлого, кн. II. СПб., 1908.— Там же, № 5—6.
117. «Дело о погроме в Орше 21—24 декабря 1905 г.». СПб., 1908.— Там же.
118. «Ник. Гавр. Чернышевский, его время, жизнь и сочинения». М., 1908.— «Образование», 1908, № 5а.
119. *Парвус*. Колониальная политика и крушение капиталистического строя. СПб., 1908.— Там же, № 6.
120. *Б. Б. Глинский*. Борьба за конституцию. 1812—1864 гг.— «Современный мир», 1908, № 4.
121. *С. М. Степняк-Кравчинский*. Эскизы и силуэты (Собрание сочинений, ч. 5). СПб., 1908.— Там же.
122. *В. В. Судьба* капиталистической России. СПб., 1907.— «Текущая жизнь», январь 1908 г.
123. «Социалистическое строительство». Библиография.— «Правда», 28 декабря 1918 г.
124. *Н. Ленин (В. Ульянов)*. Собрание сочинений, т. IV. «Искра».— «Пролетарская революция», 1921, № 1, 2.
125. *Л. Дейч*. Хождение в народ. Из воспоминаний. Пг., 1920.— «Пролетарская революция», 1921, № 1.
126. *Л. Дейч*. Русская революционная эмиграция 70-х гг. Пг., 1920.— Там же.
127. *Н. Ашешов*. *Н. И. Рысаков*. Материалы для биографии и характеристики. Пг., 1920.— Там же.
128. *Л. Дейч*. *С. М. Кравчинский*. Пг., 1919.— Там же.
129. *Н. Ашешов*. Андрей Иванович Желябов. Материалы для биографии и характеристики. [Пг.], 1919.— Там же.
130. *Н. Бабахан*. Крымское подполье (1919—1920). Ялта, 1921.— Там же.
131. «Три года борьбы астраханского правительства». Исторический сборник, 1920, № 1. Астрахань.— Там же, № 2.
132. *А. А. Френкель*. Орлы революции. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону. Ростов н/Д., 1920.— Там же.
133. «Из партийного прошлого. Сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге». Калуга, 1921.— Там же, № 3.
134. «Известия Гомельского губкома РКП(б)», 1920—1921 гг., № 5—11; Там же.
135. *Н. Ленин (В. Ульянов)*. Собрание сочинений, т. 4; «Искра». 1900—1903 гг. М.—Пг. [1920].— Там же.
136. *Г. Н. Раковский*. В стане белых.— Там же.
137. *К. И. Соколов*. Правление ген. Деникина.— Там же.
138. «Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода (записки белого офицера)».— Там же.

139. *Смоленский*. Крымская катастрофа.— Там же.
140. *А. Араунов*. Между двумя большевизмами.— Там же.
141. *Я. А. Слащев-Крымский*. Требую суда общества и гласности (оборона и сдача Крыма). Изд. 2, Константинополь, 1921.— Там же.
142. «Образование Северо-Западного правительства. Объяснения В. Д. Кузина-Караваева, А. В. Каратаева и М. Н. Суворова». Гельсингфорс, 1919.— Там же.
143. *Л. Г. Дейч*. Почему я стал революционером. Пг., 1921; он же. С. М. Кравчинский. С приложением статьи В. И. Засулич. Пг., 1919.— «Печать и революция», 1921, кн. 3.
144. *Н. П. Павлов-Сильванский*. Павел Иванович Пестель. Биографический очерк. М., 1919.— Там же.
145. «Русская революция и РКП», вып. 1. От зарождения с.-д-тии. 1922.— «Пролетарская революция», 1922, № 7.
146. «Февраль. Сборник воспоминаний о 1917 году».— Там же, № 8.
147. «Сибирские огни», 1922, № 2.— Там же.
148. «1 марта 1877 г. Воспоминания И. Д. Лукашевича». М., 1920.— «Печать и революция», 1922, кн. 1.
149. «Поправка к статье Н. Карзыкина».— «Пролетарская революция», 1922, № 5.
150. «По поводу Собрания сочинений т. Ленина».— Там же, 1923, № 11.
151. *В. Невский*. Очерк по истории РКП(б), ч. I. Пг., 1923.— Там же, 1924, № 5(28).
152. «Ленин или не Ленин?». По поводу X тома Сочинений Ленина.— Там же, № 11.
153. *В. А. Апушкин*. Генерал от поражений.— «Былое», 1925.— «Каторга и ссылка», 1925, кн. 5(8).
154. По поводу книги «Лев Яковлевич Карпов».— «Пролетарская революция», 1928, № 1.
155. О сборниках друзей. «Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сб. воспоминаний, статей и документов».— Там же, № 9.
156. *Е. Брайдо*. В рядах РСДРП.— Там же, 1929, № 2—3.
157. По поводу воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской и А. В. Луначарского.— Там же, 1930, № 2—3.
- 158—159. *И. И. Скворцов-Степанов*. Избранные произведения, т. 1, М., 1930.— Там же, 1931, № 1.

Предисловия

160. После одиночки. Изд-во «Вперед», 1906.
161. К газетам «Вперед» и «Пролетарий» 1905 года, вып. 1, ГИЗ, 1924.
162. К переизданию «Социал-демократических газет 1905 года». ГИЗ, 1925—1926.

163. К переизданию газеты «Новая жизнь», 1925—1926.
164. К сборнику «Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916)». М., 1922.
165. К публикации «Три письма».— «Пролетарская революция», 1922, № 4.
166. К книге «Ленин о Троцком и троцкизме». М., 1925.
167. Рабочая газета «Правда». Предисловие к переизданию. «Правда» 1917 г.. 1927, вып. 1.
168. От автора. «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“» 1911—1914 гг. Изд. второе, дополненное. М.— Л., 1929.

Письма

169. Ответ товарищу подписчику.— «Северная правда», 20 августа 1913 г.
170. Ответ т. Шляпникову.— «Пролетарская революция», 1925, № 2.
171. Ответ тов. Сорину.— Там же, 1928, № 2.
172. Ответ тов. Чужаку.— Там же, 1930, № 6.
173. Ответ тов. Ярославскому.— Там же, № 11.
174. Ответ гг. Минцу и Сорину.— Там же, 1931, № 1.
175. Письма в редакцию газеты «Звезда» 19 марта и 7 мая 1911 г.
176. Письмо в редакцию «Правды» 4 января 1913 г.
177. О сотрудничестве в «Правде».— «Правда», 2—3 апреля 1913 г.
178. Письмо в редакцию газеты «Пролетарий» (Харьков), 20 апреля 1917 г.
179. Письма в редакцию журнала «Пролетарская революция», 1921, № 1; 1922, № 8.
180. Письмо в редакцию «Правды» (О «летучих листках» ЦК в 1905 г.), 31 марта 1924.
181. От Истпарта.— «Пролетарская революция», 1924, № 5 (28).
182. В защиту Истпарта.— Там же, № 6 (29).
183. Мои ошибки.— Там же, № 12 (35).
184. Письмо в редакцию газеты «Правда» 31 марта 1925 г.
185. Странный журнал (Письмо в редакцию).— «Правда», 4 января 1925 г.
186. Письмо в редакцию «Пролетарской революции», 1925, № 5 (40).
187. По поводу книги «Лев Яковлевич Карпов».— Там же, 1928, № 1 (72).
188. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция», 1928, № 1 (72).
189. Письмо в редакцию по поводу IV т. Сочинений В. И. Ленина, 2 изд.— Там же.
190. П. Красиков (Павлович). Поправка.— Там же, № 9 (80).
191. Письма в редакцию журнала «Пролетарская революция»: 1929, № 1, 12; 1930, № 1, 4, 6, 11; 1931, № 1.

Мемуары

192. Группа народолюбцев.— «Былое», 1906, № 11, стр. 1—30.
193. «После одиночки». СПб., 1906, 54 стр.
194. Смерть Яновича.— «Былое», 1906, № 12, стр. 97—104.
195. У окна.— «Эхо», 4 апреля 1907 г.
196. В крестах.— «Современный мир», 1908, № 7.
197. Плавающие гробы.— «Творчество», 1918, № 8.
198. Замоскворечье в Октябрьские дни.— «Коммунар», 1918, № 3.
199. Эпизоды прошлого.— «Вестник жизни», 1918, № 5 стр. 11—15.
200. Из воспоминаний революционера.— «Рабочий мир», 1919, № 4-5, стр. 12—16.
201. 1 мая в России.— «Правда», 1 мая 1919 г.; 1 мая 1921 г.
202. Черный гектограф.— «Пролетарская революция», 1921, № 2, стр. 180—181.
203. Давние связи.— «От группы Благоева к „Союзу борьбы“». [Ростов-на-Дону], 1921, стр. 60—78.
204. Памяти К. Н. Самойловой.— «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1921, вып. 2.
205. О «Социал-демократе» и «Деревенской правде».— «Правда», 6—7 ноября 1921 г.
206. Воспоминания М. С. Ольминского о газете «Вперед».— «Пролетарская революция», 1924, № 11 (34), стр. 35—38.
207. [В соавторстве с А. И. Елизаровой]. Н. Н. Батурин.— «Пролетарская революция», 1927, № 12, стр. 236—238.
208. Возникновение Истпарта и журнала «Пролетарская революция».— Там же, 1930, № 5, стр. 154—155.
209. «В тюрьме (1896—1898) (Воспоминания)». М.—Л., 1930, 174 стр.; II изд., 1934; III изд., 1956.
210. Знакомство с Лениным.— «Литературная газета», 29 января 1933 г.
211. Как я стал литератором.— «Комсомольская правда», 10 мая 1933 г.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. А. МАКСИМОВИЧА
(ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИБЕРАЛЬНОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЙ
В УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 30—50-х ГОДОВ XIX В.)**

Л. А. Коваленко

30—50-е годы XIX в. были временем весьма интенсивных процессов в области историографии, существенной стороной которых было формирование либерального и демократического течений во всероссийском масштабе. Аналогичные явления происходили и на Украине. Следует назвать таких известных историков на Украине — представителей либерального течения, как Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, а среди представителей революционно-демократического течения — такую многогранную и яркую личность, как Т. Г. Шевченко. Однако в деталях процесс развития украинской историографии в указанные десятилетия по-своему сложен. В этой связи представляет интерес М. А. Максимович как историк Украины.

Максимович был ботаником, литературоведом, фольклористом, этнографом, археологом, историком. Он оставил также довольно заметный след и в общественно-политической жизни Украины 30—60-х годов XIX в. В 1867 г. поэт кн. П. А. Вяземский писал Максимовичу: «Неужели Вы нигде не числитесь, ни к чему не прикреплены... Вы, стало быть, единственное исключение, пария в нашей разграфированной, департаментальной, комитетской, прикомандированной и т. д. мундирной России»¹.

Эта характеристика сопутствовала Максимовичу при жизни и своеобразно перешла в историографию. В этом заключается сложность анализа исторических взглядов Максимовича и трудность выяснения его места в украинской историографии.

Оценка исторических взглядов Максимовича была сделана еще при жизни ученого. Русский дворянский историк М. П. Погодин и украинские буржуазные историки Костомаров и Кулиш, дискутируя с Максимовичем по ряду вопросов истории Украины, в завуалированной форме высказывали отрицательное отношение к Максимовичу-историку и даже полагали, что ученый некомпетентен в вопросах истории. Погодин упрекал Максимовича в незнании исторических источников, примитивном использовании текстов летописей и вообще в дилетантстве. В этой связи Мак-

¹ «Старина и новизна». СПб., 1901, стр. 27.

симович писал, что вопросами истории он начал заниматься основательно еще в 1820—1821 гг., и «ботаника не мешала мне заниматься русской историей и русской словесностью»². Эта же мысль о дилетантстве Максимовича-историка сквозит в письмах Костомарова о Богдане Хмельницком. Костомаров, например, снисходительно заявлял, что он почти склоняется к «мнению г. Максимовича, что полковник Антон не Адамович, а Жданович»³, т. е. согласен с второстепенной деталью критических замечаний, а от его критики по принципиальным вопросам отмахивался.

В то же время еще при жизни историка его исторические и филологические труды были положительно отмечены в русских демократических кругах. А. С. Пушкин высоко оценил выход в 1827 г. сборника «Малороссийские песни» Максимовича. В присутствии министра просвещения гр. Уварова Пушкин сказал: «Мы Максимовича давно считаем нашим литератором; он подарил нас малороссийскими песнями»⁴. На исторический сборник «Киевлянин» (1840 г.), издававшийся и редактировавшийся Максимовичем, появилась сочувственная рецензия В. Г. Белинского⁵. Н. А. Добролюбов, критикуя Погодина и других реакционеро-историков в статье «Норманнский период русской литературы», отмечал заслуги Максимовича в борьбе с норманизмом⁶. Традицию положительной оценки наследства Максимовича в дальнейшем продолжил Иван Франко, указав в своих «Нарисах історії україно-руської літератури» и ряде других своих работ на плодотворные занятия Максимовича вопросами истории Украины⁷⁻⁸.

Второй этап изучения наследства Максимовича приходится на последние десятилетия XIX и начало XX в., после смерти историка. В 1873 г. в некрологах давалась высокая оценка Максимовича-историка. Однако в общем оценки Максимовича-историка были скупы и сдержанны. Русские и украинские буржуазные историки отмечали заслуги Максимовича в критическом анализе источников по истории Украины, в уточнении фактов. Д. И. Багалей писал, что на долю Максимовича «выпала трудная и неблагодарная задача — очищать источники малороссийской истории (преимущественно летописные) и основанные на них труды от заблуждений, ошибок и искажений. Он рассчитал почву для будущих трудов, создавал, по его собственным

² М. А. Максимович. Собр. соч., т. III. Киев, 1880, стр. 244.

³ Там же, т. I. Киев, 1876, стр. 425.

⁴ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета», ч. 2. М., 1855, стр. 10.

⁵ «Отечественные записки», 1840, т. X, № 5, отд. 4, стр. 8—9.

⁶ Н. А. Добролюбов. Первое полное собрание сочинений, т. 3. СПб., 1911, стр. 981, 984.

⁷⁻⁸ І. Франко. Нариси історії україно-руської літератури. Львів, 1910, стор. 101; І. Франко. Твори, т. 9. Львів, 1911, стор. 651; т. 17. Львів, 1912, стор. 416.

словам, кирпичи для будущего здания южнорусской истории»⁹. В этом же плане характеризовал Максимовича в своем «Опыте русской историографии» В. С. Иконников, варьируя мысль о том, что исследователь исправлял ошибки других историков, сообщал новые, строго проверенные факты и в итоге «почти ни один из существенных или неясных вопросов не оставался им не исследованным или не отмеченным»¹⁰. В таком же духе оценивался Максимович-историк в работах С. Пономарева, А. Пыпина, Н. Петрова, В. Данилова¹¹. Из этих общих характеристик неясно общее политическое и историографическое кредо Максимовича, а значит, и его место в отечественной историографии.

Более определенную позицию в отношении Максимовича заняли буржуазно-националистические историки: В. Антонович, Н. Василенко, М. Грушевский, Д. Дорошенко, В. Науменко. В их писаниях опускалось все, что было положительного в историографическом наследстве историка, искажались его взгляды на взаимоотношения русского и украинского народов, а историческая концепция отождествлялась с позицией украинской националистической историографии¹². Да и само издание сочинений Максимовича, осуществленное в 1876—1880 гг. Юго-Западным отделом Географического и Церковно-археологического обществ, было своеобразной попыткой как-то подогнать Максимовича к общему тону националистической историографии, предать забвению полемику между Максимовичем, с одной стороны, и Кулишом, Костомаровым — с другой. С этой точки зрения весьма показательным, что в трехтомник не вошел ряд сочинений историка, характеризующих его общие методологические взгляды.

В послеоктябрьский период одной из первых работ советских историков с краткой оценкой Максимовича-историка была работа В. Пичеты, в которой в общем положительно оценивался вклад Максимовича в разработку русской и украинской истории¹³. Затем в 1927 г. появилась статья П. Клепатского — «Максимович как историк»¹⁴. Автор, повторяя аргументы националистических историков, ставил в заслугу Максимовичу его

⁹ Д. И. Багалей. Новый историк Малороссии. СПб., 1891, стр. 4.

¹⁰ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1614.

¹¹ С. Пономарев. М. А. Максимович — биографический и историко-литературный очерк. — «ЖМНП», 1871; Н. Петров. Очерки украинской литературы XIX ст. Киев, 1884; А. Пыпин. Малорусская этнография. СПб., 1891; В. Данилов. «Киевлянин» М. А. Максимовича. — «Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук», 1909, кн. 3.

¹² Н. Василенко. К истории малорусской историографии и малорусского общественного строя. — «Киевская старина», 1894, кн. XX; М. Грушевский. Развитие украинских изучений. — «Украинский народ в его прошлом и настоящем». СПб., 1914; Д. Дорошенко. Огляд української історіографії. Прага, 1923, стор. 84—85.

¹³ В. Пичета. Введение в русскую историю. М., 1922, стр. 193—194.

¹⁴ П. Клепатский. Максимович як історик. — «Україна», 1927, № 6, стор. 80—87.

положения националистического толка. Но очень скоро эти тезисы были подвергнуты критике. Подводя итоги сказанному, приходится констатировать, что историографические высказывания о Максимовиче в первые десятилетия XX в. были или ошибочны, или слишком общи. В 1941 г. Н. Л. Рубинштейн в своей монографии положительно отозвался о Максимовиче¹⁵. Все это, разумеется, не случайно. Личность Максимовича, ученого и историка, оставалась предметом споров среди советских историков, но главным образом на заседаниях различных исторических учреждений. В макете «Истории Украины», изданном Институтом истории АН УССР в 1949 г., имя Максимовича даже не было упомянуто¹⁶, как, впрочем, и в макете издания 1950 г. В первом томе «Истории Украинской ССР» (1953 г.) Максимович уже — первый ректор Киевского университета, «визначний вчений-ботанік, який був також спеціалістом по історії, археології і літературі»¹⁷. О сборниках Максимовича «Киевлянин» говорится, что они в основном отражали в историографии «інтереси й ідеологію ліберальних поміщиків і буржуазії»¹⁸. Сравнивая данные макетов и первого издания, мы можем констатировать, что после многолетней дискуссии в текст была внесена весьма сдержанная характеристика Максимовича-историка.

В 1949—1952 гг. мы подготовили текст историографии Украины первой половины XIX в. для первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР», где Максимовичу уделено надлежащее внимание. Однако в общем характеристика историка была составлена в духе предыдущих представлений¹⁹.

В 1956 г. в журнале «Вопросы истории» появилась рецензия М. И. Марченко на «Очерки истории исторической науки в СССР». Рецензент особенно критиковал положения о Максимовиче²⁰. Марченко, продолжая свои занятия в области изучения историографического наследия Максимовича, отвел ему в своей монографии «Українська історіографія» целый раздел («Начало научно-критического исследования истории Украины. М. Максимович») ²¹. Таким образом, во второй половине 50-х годов XX в. оценка Максимовича-историка стала пересматриваться.

В связи со 150-летием со дня рождения Максимовича появилось несколько работ — П. Белокопя, Д. Острянина, П. Попова — об ученом, главным образом как биологе и философе²². Под-

¹⁵ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 439.

¹⁶ См. «История Украины», ч. 1. Киев, 1940 (Макет).

¹⁷ «Історія Української РСР», т. I. Київ, 1953, стор. 448.

¹⁸ Там же, стор. 456.

¹⁹ См. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1. М., 1955, стр. 605.

²⁰ См. «Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 126—127.

²¹ М. І. Марченко. Українська історіографія (з найдавніших часів до середини XIX ст.), ч. 3. Київ, 1959, стор. 194—246.

²² П. Білокінь. М. О. Максимович.— «Наукові записки КДУ», 1954, т. 13, вип. VI; П. Попов. М. О. Максимович.— «Вісник АН УРСР», 1954, № 10; Д. Острянин. Максимович — видатний український вчений.— «Ком. Ук-

черкивая заслуги Максимовича в области отечественного естествоведения, авторы подчеркивали его материалистическую трактовку явлений природы, отмечали заслуги ученого в области украинской историографии. Наиболее развернуто Максимович-историк охарактеризован в работе Острянина (этому вопросу автор посвятил две главы — «М. А. Максимович как историк» и «М. А. Максимович — поборник дружбы украинского и русского народов»). Автор указывал и на недостатки Максимовича («не піднісся до революційно-демократичних ідей»), но полагал, что ученый много сделал в исследовании истории Украины²³. Эта же мысль, но уже на историографическом материале была развита авторами статьи «За дальнейшее развитие украинской советской историографии», где с большей определенностью указывалось на положительное значение историографического наследия Максимовича²⁴.

В 60-х годах XX в. появились работы об отдельных сторонах деятельности Максимовича-историка, в частности статья А. Д. Степенко о вкладе Максимовича в борьбу с норманистами²⁵. Автор весьма тщательно анализировал антинорманистские убеждения Максимовича, подчеркивал его заслуги в разоблачении реакционного существа норманизма. Степенко использовал архивные материалы о Максимовиче, в частности неопубликованные труды. В 1962 г. «Украинский исторический журнал» поместил содержательное сообщение о Максимовиче как археографе²⁶. На конкретном архивном материале В. И. Павелко показала достижения ученого в области публикации исторических документов: «Відшукуючи нові архівні документи, Максимович сприяв розв'язанню ряду важливих проблем з історії періоду Київської Русі, з часів татаро-монгольського іга і литовсько-польського панування»²⁷.

Таким образом, за последние годы оценка Максимовича, особенно как историка, претерпела существенную эволюцию.

Задача данной работы — выяснить место Максимовича в украинской историографии, дать классовый анализ трудов историка, что, по нашему мнению, осталось не завершенным в предыдущих историографических работах.

Михаил Александрович Максимович (1804—1873 гг.) происхо-

раїни», 1953, № 5; в дальнейшем автор опубликовал более объемистое исследование — «Світогляд М. О. Максимовича». Київ, 1960.

²³ Д. Острянин. Світогляд М. О. Максимовича, стр. 140—141.

²⁴ См. І. Гуржій, М. Ткаченко, В. Сарбей. За дальший розвиток української історіографії.— «Ком. Україні», 1960, № 6.

²⁵ О. Д. Степенко. Боротьба з норманізмом в українській історіографії другої чверті XIX ст.— «Наукові записки Кам'янець-Подільського педінституту», 1961, т. X.

²⁶ В. І. Павелко. М. О. Максимович — археограф.— «Укр. історичний журнал», 1962, № 1.

²⁷ Там же, стор. 102. Представляет, безусловно, интерес исследование о деятельности Максимовича как журналиста, в частности редактора «Киевлянина» (см. П. М. Федченко. Початок журналістики в Києві.— «Радянське літературознавство», 1959, № 1).

дил из семьи небогатых украинских дворян Полтавщины, т. е. той общественной прослойки, из рядов которой выходила служилая интеллигенция. Его вклад в украинскую историографию, литературоведение и языковедение дает все основания считать его крупным украинским ученым первой половины XIX в. Вместе с тем Максимович занимался вопросами и русской истории. Особенно значительно его сотрудничество с русскими исследователями в области биологии, поэтому Максимович известен в литературе и как русский ученый²⁸. Деятельность Максимовича (как, впрочем, и В. В. Капниста, Н. И. Гнедича, Н. В. Гоголя) — яркий образец дружбы русского и украинского народов в области литературы и науки.

Периодизация научной деятельности историка не вполне определена²⁹. С 1819 г. Максимович учился в Московском университете, естественно-математический факультет которого он успешно закончил в 1823 г., проявив определенные способности к ботанике. Как талантливый юноша, Максимович был оставлен при университете, где и начал свою преподавательскую и научную деятельность как естествоиспытатель-ботаник³⁰. Мы уже знаем, что и его современники, и советские ученые единодушны в мнении, что в области естествознания Максимович внес определенный вклад³¹, а в области философских обобщений природоведческого материала поднимался до уровня передовых материалистических понятий своего времени.

Молодой ученый не оставался в стороне от общественно-политической и литературной жизни. Максимович был связан с поэтами и писателями: А. А. Дельвигом, Н. М. Языковым, В. Ф. Одоевским, встречался с К. Ф. Рылеевым, немного позже познакомился с А. С. Пушкиным и Гоголем. При участии талантливой писательской молодежи Максимович издавал литературный альманах «Денница». В альманахе за 1829 год было напечатано небольшое сочинение писательницы С. Тепловой, в котором довольно отчетливо выражалось сочувствие декабристам, особенно Рылееву. Строфы этого сочинения записаны красными чернилами в личном альбоме Максимовича:

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена,—
О верь, о верь, что над тобою

²⁸ См. БСЭ, II изд., т. 26, стр. 125.

²⁹ Например, М. Марченко полагает, что творческую деятельность ученого следует разделить на три этапа: «1) діяльність в Московському університеті, 2) короткочасний період на посаді ректора і професора Київського університету і 3) після залишення Києва і до кінця життя...» (*М. І. Марченко. Українська історіографія...*, стор. 200).

³⁰ «Библиографический словарь профессоров Московского университета», т. II. М., 1888, стр. 1—22.

³¹ *С. Макулинский*. М. Максимович как естествоиспытатель.— «Труды Института истории естествознания АН СССР», 1953, т. I; *Б. Райков*. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М., 1951.

Стон скорби слышала волна.
О верь, что над тобой почило
Прощение, мир, а не укор;
Что не страшна твоя могила
И не постыден твой позор! ³²

Царские чиновники не без основания усмотрели в публикации подобной «песны» демонстрацию сочувствия казненным декабристам, что навлекло репрессии и на Максимовича как издателя и цензора, пропустившего «крамолу». Этот эпизод свидетельствует о передовых общественно-политических взглядах историка.

В те же годы Максимович занимался изучением летописей и трудов современных ему русских и украинских историков; Н. Н. и Д. Н. Бантыш-Каменские (отец и сын), А. И. Ригельман, Н. М. Карамзин, «История русов» и ряд других источников были изучены молодым ученым. В какой-то степени Максимович был знаком и с историческими концепциями декабристов. Памятником и документом, запечатлевшим развитие исторических представлений Максимовича этих лет, является сборник «Малороссийские песни», вышедший в 1827 г. Максимович как бы продолжал традиции Рылеева в оценке песен и дум как источника для изучения культуры и истории народа. На внимании Максимовича к фольклору сказалось влияние кружка московских славянофилов братьев Аксаковых, П. Кириевского и других. Советский историограф не без основания отметил, что в занятиях этнографией, собирании фольклорного материала для Великороссии сыграли роль Кириевский, К. Аксаков, а для Украины — Максимович ³³. Максимович находился в тесном контакте с кругами славянофилов и до конца своей жизни поддерживал с ними связь, испытывая, естественно, их влияние и в области исторических представлений.

В предисловии («О малороссийских народных песнях») Максимович так определил их место как исторического источника: «В сем отношении большое внимание заслуживают памятники, в коих полнее выражалась бы пародность: это суть песни — где звучит душа, движимая чувством, и сказки — где отсвечивается фантазия народная» ³⁴. Несколько ниже автор довольно отчетливо формулировал свои исторические постулаты понимания исторических процессов, в которых явственно выступила идеалистическая трактовка событий. Песни, по мнению Максимовича, яркий пример того, как «дух, не находя еще в себе самом особенных форм для полного выражения его в глубине зарождающихся чувств, невольно обращается к природе, с ко-

³² «Альбом М. А. Максимовича». — «Киевская старина», 1882, т. I, стр. 162.

³³ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 361.

³⁴ М. А. Максимович. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, стр. 439.

торою он, по своему младенчеству, еще дружен, и в ее предметах видит, чувствует подобие свое гораздо явственнее и вернее. Посему-то находите столь частые сравнения с окружающею безукрашенною природою — столь частые беседы с буйным ветром, дробным дождем, черными тучами. Унылая, вещая зозуля, одинокий явор, плакучие ивы и гибкие лозы, печальная калина, крещатый барвинок — сии эмблемы отдельных состояний духа невольно ему напоминают его самого, и он выражается ими как бы потому, что не может иначе...»³⁵.

Работу над собиранием украинского фольклора Максимович продолжил в 1834 г., подготовив второе издание своего сборника «Украинские народные песни». Здесь уже определенно сказалось влияние Н. В. Гоголя, на которого составитель ссылался и которого с уважением цитировал как авторитет по данному вопросу. Максимович еще более, чем в 1827 г., подчеркивал и несколько преувеличивал значение песен и дум как исторических источников: «Это надгробные памятники и вместе живые свидетели отжитой старины. Другие народы в память важных происшествий своих чеканят медали, по которым история часто разгадывает минувшее; события казацкой жизни отливались в звонкие песни, и потому они должны составить самую верную и вразумительную летопись для нового бытописателя Малороссии»³⁶. Однако интерес Максимовича к песенному творчеству народа не исчерпывался только историографическими и филологическими проблемами. Ученый обнаруживал в них свою симпатию именно к крепостным крестьянам. «Украинские думы, изданные Церетелевым, — писал Максимович в 1842 г., — не находили себе сочувствия у наших панов-земляков, которые, привыкши в народе своем видеть только рабочего мужика или горького пьяницу, не подозревали и в песнях народных ничего достойного внимания»³⁷.

В предисловиях Максимовича к песенным сборникам изложена практически программа занятий в области украинской истории. Здесь чувствуются искания и попытка представить себе общую картину исторического развития украинского общества. Молодой историк обращал внимание на массы простого народа, стремился как-то понять его своеобразие: «Скоропостижное соединение трех первоначальных образов жизни — некогда наезднической, буйной, беззаботной с ленивым однообразием и скудностью жизни пастушескою и оседлостью земледельческою — вот что составляет потом особенность малороссиян»³⁸. А сама схема исторического процесса изображена так: «Возникшая подобно комете, Малороссия долго тревожила своих соседей, долго пе-

³⁵ М. А. Максимович. Собр. соч., т. II, стр. 444—445.

³⁶ Там же, стр. 453—454.

³⁷ Там же, стр. 44.

³⁸ Там же.

репадала с одной стороны на другую и была только обуреваема бедствиями и беспокойствами, которые не дали развития духу народному и произвели только внутренние волнения. Массу ее составили не одни племена славянские, но и другие европейцы, а еще более, кажется, азиатцы. Недовольство и отчасти угнетение свели их в одно место, а желание хотя скудной независимости, мстительная жажда набегов и какое-то рыцарство сдружили их. Отвага в набеге, буйная забывчивость в веселье и беспечная лень в мире — это черты диких азиатов, жителей Кавказа, которых невольно вспомните и теперь, глядя на малороссиянина в его костюме, с его привычками. Таким образом, коренное племя получило совсем отличный характер, облагороженный и возвышенный Богданом Хмельницким»³⁹. В этих положениях прежде всего явственно выступают как концепции дворянской историографии начала XIX в., на которых воспитывался Максимович, так и идеалистическая трактовка украинского исторического процесса. Вот почему следует решительно подчеркнуть, что материалистический подход к явлениям природы у Максимовича отличался от его подхода к общественным явлениям. В этих вопросах Максимович оставался идеалистом. Между тем в литературе о Максимовиче, и в том числе в статьях Попова, Острянина, выступает следующий тезис: поскольку ученый, мол, был материалистом, то это в какой-то степени сказалось и на его исторических взглядах. Но факты убедительно говорят, что для таких выводов нет оснований.

В работах Максимовича этих лет содержался также материал о взаимоотношениях русского и украинского народов. Свои мысли ученый изложил по этому поводу в связи с анализом песенного творчества русского и украинского народов. В этом анализе есть удачные места, свидетельствующие о стремлении автора с максимальной добросовестностью разобраться в существе вопроса. Вместе с тем автор, вольно или невольно, противопоставлял русские песни украинским, подчеркивая слабые стороны первых и сильные — вторых. «В русских песнях,— писал Максимович,— выражается дух, покорный своей судьбе и готово повинующийся велениям. Русский не привык брать деятельного участия в переворотах жизни, потому он содружился с природой и любит живописать ее, часто прикрашивая... Он не ищет выразить в песне обстоятельства жизни действительной, но, напротив, желает как бы отделиться от всего существующего и, закрыв ухо рукою, хочет, кажется, потеряться в звуке. Посему русские песни отличаются глубокой унылостью, отчаянным забвением, каким-то раздольем и плавною протяженностью. В малороссийских песнях меньше такой роскоши и протяженности; они, будучи выражением борьбы духа с судьбою, отличаются порывами страсти, сжатую твердостью и силой чувства, а равно и естественностью

³⁹ М. А. Максимович. Собр. соч., т. II, стр. 440.

выражения. В них... больше действия»⁴⁰. Нет нужды доказывать несостоятельность таких противопоставлений, отметим только, что эти ошибочные сентенции Максимовича были подхвачены украинской националистической историографией (Ефремов, Кулиш и др.), которая выставляла их как доказательство националистических убеждений ученого.

Объективное изучение вопроса говорит, что Максимович был далек от противопоставления двух братских народов, наоборот, он был поборником укрепления дружбы этих народов. В 1829 г. Максимович опубликовал статью «О поэме Пушкина „Полтава“ в историческом отношении», посвященную взаимоотношениям русского и украинского народов в связи с разбором такого деликатного для того времени вопроса, как предательство Мазепы. Здесь Максимович следовал прогрессивным традициям историографии Украины (Котляревский, декабристы — «История русов»): он клеймил позором Мазепу, этого кумира дворянских украинских националистических историков, и в строгом соответствии с историческими фактами подчеркивал, что «украинцы... не желали соединиться со шведами против России... и всегда предпочитали единоверных москвитян „бусурманам“ шведам, не говоря уже о „нехристях“ турках и „зрадливых ляхах“»⁴¹. Максимович соглашался с оценкой исторических событий автором «Полтавы» и подчеркивал, что украинский народ принимал активное участие в борьбе со шведами⁴². Таким образом, при изложении конкретного исторического события, вокруг которого столько было дискуссий, Максимович указал на важность вековой дружбы русского и украинского народов, солидаризируясь с передовой научной и политической мыслью своего времени.

Итак, пятнадцатилетие научных занятий Максимовича-историка (1819—1834 гг.) составило ясно очерченный этап. Он находился под влиянием дворянской историографии, его исторические работы тех лет можно отнести к дворянской историографии.

1834 год был важной вехой в ученой деятельности Максимовича. Ему исполнилось тридцать лет — наступила пора духовной зрелости. Именно в том году он был назначен ректором и профессором словесности только что открытого Киевского университета и переехал в Киев. 30—50-е годы XIX в. были временем вызревания кризиса крепостнической системы. Царская администрация в лице министра Д. А. Уварова, назначая Максимовича на пост ректора, хотела бы видеть пунктуального чиновника — служаку, проводника политики великодержавного шовинизма, незыблемости крепостничества и самодержавия, антипольских настроений. Максимович же полагал, что выбор его на столь высокий пост это — дань его репутации передового ученого, и свою задачу ректора и профессора видел в распространении ли-

⁴⁰ Там же, стр. 443—444.

⁴¹ «Киевская старина», 1899, кн. V, стр. 259.

⁴² Там же.

беральных веяний. Начались конфликты с попечителем округа, жандармами, министерством; они закончились его «отставкой по болезни» в 1835 г.⁴³

Более определенными становились его антикрепостнические убеждения. В 1839 г. в письме приятелю Максимович изложил свои впечатления от поездки по Полтавщине. Он писал, что его до глубины души потряс печальный упадок двух сословий тамошнего люда, связанных между собой крепостным правом с 1783 г. Крестьянский быт, отмечал ученый, тяжел до крайности. Адресат в осторожной форме высказал свою солидарность с этим сетованием, но был так науган письмом, что даже текст своего робкого ответа написал на латинском языке⁴⁴. Вопрос о крепостничестве, видимо, очень занимал Максимовича, но ввиду «всеслышащих ушей» ученый предпочитает говорить об этом изредка и в аллегорической форме. Так, Максимович писал об эпохе 30—50-х годов XIX в. как о времени «чудной борьбы добра и зла, тьмы и света»⁴⁵.

В те годы Максимович встретился с Тарасом Шевченко, и, как известно, знакомство переросло в дружбу. Трагическая судьба Шевченко была ярким напоминанием о коренном зле современности — крепостничестве. Симпатия Максимовича к Шевченко имела, безусловно, более широкую основу — это была симпатия к крепостным крестьянам, и ее можно рассматривать как своеобразную форму протеста со стороны известного историка против крепостничества.

Максимович в 30—50-х годах XIX в. был знаком и с трудами В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и в равной мере с либеральной и дворянской публицистикой и историографией. Однако Максимович был далек от активной борьбы против крепостничества и самодержавия. Под влиянием политических настроений материальных затруднений, болезней выработывался характер, боявшийся новых осложнений. В одном из писем к М. П. Погодину он писал: «...Теперь именно мне хочется этою беседою отвлечь лишней раз твои мысли от современности... Сладко окунуться в волнах минувшего бытия, когда бываешь утомлен и запылен действительностью современною...»⁴⁶

Украинская история стала для Максимовича удобной формой для изложения своих взглядов и по более широкому кругу во-

⁴³ В 1834—1835 гг. Максимович написал несколько небольших заметок по истории Украины, а главное трудился над большой работой «Откуда идет Русская земля» — трудом, органически примыкавшим к его последующим исследованиям. Вот почему это кратковременное пребывание в университете никак нельзя считать отдельным этапом творческого пути историка.

⁴⁴ Письмо Максимовича Борису не сохранилось, а письмо Борисова опубликовано Н. Бартевым («Русский архив», 1894, № 6, стр. 297—298).

⁴⁵ М. Чаев. М. А. Максимович.— «Русский архив», 1874, кн. 2, стр. 1075.

⁴⁶ М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, стр. 396.

просов. Занятия украинской историей становятся основными. Фольклор, лингвистика стали играть в его исследованиях все более вспомогательную роль, а ботанику он почти забросил.

Максимович высказал свои суждения по всем сколько-нибудь значительным вопросам истории Украины, начиная со времен древнейших и до современной историке эпохи. Большой проблемой, занимавшей Максимовича, были сюжеты истории Древнерусского государства. Начало разработке этого вопроса положило солидное исследование «Откуда идет Русская земля, по сказаниям Несторовой летописи и по другим старинным писаниям русским» (1837 г.). Затем последовали: «О происхождении варяго-русов» (1841 г.); «О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом» (1857 г.); «О древней епархии Переяславской» (1858 г.).

Вторым комплексом исторических исследований была эпоха пребывания Украины под властью Литвы и Польши, казачество, освободительная борьба украинского народа. Эти вопросы освещены в работах: «Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном» (1843 г.); «Бубновская сотня (1848 г.); «Заметки о первых гетманах казацких и первых полковниках Прилуцких» (1849 г.); «Сказание о гетмане Сагайдачном» (1850 г.); «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке» (1857 г.); «Воспоминания о Богдане Хмельницком» (1857 г.); «Об историческом романе г. Кулиша „Черная Рада“» (1858 г.); «Письма о Богдане Хмельницком» (1859—1860 гг.); «Заметки о казацких гетманах» (1859 г.); «Обозрение родовых полков и сотен» (1856 г.).

Отдельно, как самостоятельная проблема, стоят у Максимовича сюжеты гайдамацких движений XVIII в., которым были посвящены труды: «Известие о гайдамаках» (1845 г.), «О сотнике Харьке и запорожце Чуприне» (1857 г.), «Объяснение некоторых украинских песен» (1857 г.), «Сказание о Колливщине» (1857 г.)⁴⁷.

Все это позволяет судить о значительных масштабах исторических исследований Максимовича, широте диапазона, всесторонней эрудиции автора. За 1834—1860 гг. Максимович написал все свои основные исторические работы.

⁴⁷ Наконец, нельзя не отметить, что довольно явственно очерчивается у Максимовича и специальный круг историографических исследований. Это «Известие о летописи Григория Грабянки» (1855 г.), «Известие о южнорусских летописях, изданных Н. Белозерским» (1857 г.). Вопросы историографии обстоятельно изложены в вышеупомянутых «Откуда идет Русская земля...», «Об историческом романе Г. Кулиша...», письмах Грабовскому и Костомарову. В работах Максимовича содержатся высказывания и характеристики древнерусских и украинских летописцев, русских и украинских историков XVIII и XIX вв. Здесь фигурируют имена Ломоносова, Татищева, Карамзина, Маркевича и многих других. Есть у исследователя интересные мысли о польских историках — Лелевеле, Грабовском, Руликовском и др. Указанные труды Максимовича о летописцах и историках имеют важное значение и обыкновенно приводятся в историографических обзорах.

Вопросы истории Древнерусского государства привлекали внимание Максимовича в связи с так называемой норманнской проблемой. М. П. Погодин в своем «Происхождении Руси» (1825 г.) довольно резко указал на политическую актуальность данной проблемы. Положения Погодина стали постулатом реакционной дворянско-помещичьей историографии, аргументом в пользу незыблемости крепостничества и самодержавия. «Главное, существенное в этом происшествии, — писал Погодин, — относительно к происхождению Русского государства — есть не Новгород, а лицо Рюрика как родоначальника династии, хотя он, подобно Ромулу, не имел, может быть, никакого понятия о своем будущем значении»⁴⁸. Концепцию Погодина поддерживали и развивали историки Н. А. Полевой, О. И. Сенковский.

Работа Максимовича «Откуда идет Русская земля...» была прямой отповедью и даже вызовом Погодину (последний, кстати, так и понял ее). Между Максимовичем и Погодиным завязалась дискуссия, главным образом на страницах «Москвитянина». Прежде всего Максимович развивал тезис Ломоносова об автохтонности восточных славян. По его мнению, славянские племена с незапамятных («археологических», как писал историк позже) времен населяли Восточную Европу. «Иностранные источники не сохранили нам названий многочисленных отраслей восточно-славянских племен, но упоминают их под именем в е н е д о в, в а н и д о в, а н т о в»⁴⁹. Разоблачая вымыслы норманистов о позднем появлении славян на Восточно-Европейской равнине и их кочевом, а следовательно и более низком, уровне жизни, историк исследует вопрос о хозяйственной деятельности славян и приходит к выводу, что основным хозяйственным занятием восточных славян было земледелие («земледельческая жизнь становила основную стихию жизни славян»). Этот вывод был подтвержден впоследствии новыми данными истории и археологии.

Что же касается вопросов возникновения государственных форм жизни, призвания варягов, то положения Максимовича в основном сводились к отрицанию как самого факта призвания варягов, так и их положительной роли в истории Древнерусского государства. Свои суждения Максимович подкреплял солидными историко-источниковедческими и лингвистическими аргументами. Весьма показательным, что в своем историографическом разборе историк уделил большое внимание М. В. Ломоносову как антинорманисту, его положительной роли в русской историографии⁵⁰. В конкретной обстановке 30—50-х годов XIX в. вы-

⁴⁸ М. П. Погодин. Норманнский период русской литературы. М., 1858, стр. 138.

⁴⁹ М. А. Максимович. Собр. соч., т. III, гл. I (История русской словесности); там же, стр. 365.

⁵⁰ Подробный анализ антинорманнистских концепций Максимовича сделан в упоминавшейся выше статье А. Д. Степенко (О. Д. Степенко. Борьба

ступление историка имело положительное значение в научном отношении и было актуальным в общественно-политическом смысле. Может быть, Максимович не осознавал всей общественной значимости своих выступлений, но независимо от субъективных представлений ученого его исторические положения для современников приобретали отчетливо антикрепостнический смысл. Положительная сторона выступлений историка по данному вопросу состояла также в том, что он указал на актуальность настоящей проблемы и для украинской историографии.

Историю Древнерусского государства Максимович рассматривал как общую страницу истории русского и украинского народов. «Украина и Россия,— писал Максимович,— две стороны одного русского мира, а украинцы и русские — родные братья»⁵¹⁻⁵⁴.

Итак, в общей трактовке вопроса истории Древней Руси Максимович следовал лучшим традициям, предшествовавшим демократической историографии; он внес определенный вклад в разработку вопросов дружбы и братства племен и народностей Древней Руси. Вместе с тем есть у Максимовича и отклонение от объективного и строго научного анализа и изложения фактов⁵⁵.

Время после татарского нашествия и до XVIII в. Максимович рассматривал как «средний период» истории украинского народа⁵⁶. Общая схема исторического процесса была следующей: после 1240 г.— «Киевское княжество 80 лет принадлежало власти татарской», затем, «с нашествием Гедымина на Киев в 1320 году» украинские земли на 249 лет «составляли принадлежность и часть государства Литовского»⁵⁷. «Под влиянием литовских князей для нея (Малой Руси.— Л. К.) продолжалась все та же тревожная жизнь, в непрестанной борьбе с татарами, русская земля по-прежнему „засевалась костями и поливалась кровью“ ...Следствием такой жизни для земледельческого народа Украины было не только образование казацкой Запорожской Сечи в отпор Крымской Орде, но и развитие в целом народе украинском казачества, как особого войскового сословия»⁵⁸.

Для Максимовича характерно, что историю украинского народа в «средний период» он увязывал с основными моментами русской истории. В статье «Об участии и значении Киева в общей жизни России» (1837 г.) историк подчеркивал огромное значение для исторических судеб украинского народа возвышения Москвы и образования сильного централизованного Русского

з норманізмом в українській історіографії другої чверті XIX ст. М. О. Максимович, стор. 83—100). Остановившись на этом вопросе и М. Марченко (*М. І. Марченко. Українська історіографія*, стор. 203—212).

⁵¹⁻⁵⁴ М. А. Максимович. Собр. соч., т. III, стр. 627.

⁵⁵ Там же, стр. 654.

⁵⁶ Там же стр. 6.

⁵⁷ Там же, стр. 151.

⁵⁸ Там же, стр. 655—656.

государства («самобытное, сильное Русское царство»). Победы Дмитрия Донского и Ивана III в борьбе с татарами были, по справедливому замечанию Максимовича, важными вехами во всероссийской истории⁵⁹.

К сложным историографическим проблемам этого «среднего периода» относится вопрос о вхождении Украины под власть Литовского княжества. До Максимовича была распространена концепция о положительном значении литовского владычества для украинского народа. Максимович, критически проанализировав факты, отметил положительные стороны «литовско-русского мира», подчеркнув, что вхождение Украины было результатом «нашествия Гедымина на Киев в 1320 году»⁶⁰. В дальнейшем вопрос об украинско-литовских отношениях стал крупной проблемой украинской историографии XIX в.

Дискуссионными в 30—50-х годах XIX в. были сюжеты истории украинского казачества. М. П. Погодин утверждал, что казаки — это особое племя, представлявшее смесь славянских и тюркских элементов. М. Каченовский также считал казаков племенем тюркского происхождения. Максимович во многих своих работах, а также в письмах Погодину проводил мысль, что казачество — не племя или народность, а особое сословие наравне с духовенством, шляхетством, мещанством и посольством украинского общества⁶¹. Уточняя свое определение казачества, историк добавлял: «Впрочем, казак в жизни домашней был тот же земледелец»⁶². Возражая историку С. Соловьеву по поводу его утверждения, что «казак и беглый хлоп или крестьянин синонимы», а следовательно — сила антигосударственная, разрушительная, Максимович полагал (повторяя «Историю русов»), что казачество было воинской силой народа: «Казак и рыцарь — вот синонимы»⁶³. Аргументы историка в данном случае, конечно, несостоятельны, но надо учесть, что ученый выступал против реакционной польской шляхетской и великодержавной русской историографии XIX в.⁶⁴

В 30—50-х годах XIX в. украинские буржуазно-националистические историки выдвинули свою концепцию истории казачества, сформулировав положение об аристократическом происхождении казачества, насаждавшегося сверху сначала литовскими князьями, а потом — польскими королями и магнатами с целью колонизации южных степей. Максимович резко критиковал подобную концепцию, указывая, что казачество возникло как народное движение: «Внешние набеги татар и внутреннее угнетение от Литвы и Польши в оное время общего хаоса служило поводом

⁵⁹ М. А. Максимович. Собр. соч., т. II, стр. 14.

⁶⁰ М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, стр. 151.

⁶¹ М. А. Максимович. Собр. соч., т. III, стр. 261—262.

⁶² М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, стр. 654.

⁶³ Там же, стр. 317.

⁶⁴ Там же.

к составлению казачества за порогами Днепровскими... Запорожье было гнездом, где родилась дружная, отважная, холостая ватага вольных казаков, плодилась без матери, ибо для нея была *Сечь* — *мати*, а *Великий Луг* — *батько*. Казаков сводила и дружила жажда воли, мести...»⁶⁵ В этой же заметке отмечалось, что историческая роль казачества состояла в освобождении Украины от иноземных поработителей и воссоединении с русским народом: «Казачество, которое, подобно летучей комете, вспыхнув на Украине, грозно пронеслось в мире, огненную чертою означило след свой в истории и, пристав к Восточному солнцу, вошло в систему великого мира сего»⁶⁶.

В данном случае Максимович следовал традиции прогрессивной концепции предшествовавшей ему демократической украинской историографии. Заслуживает внимания и сам факт критики историком современной ему украинской националистической историографии казачества⁶⁷. Однако, разумеется, далеко не все в представлении Максимовича о казачестве было правильным. Историк не обращал внимания на социально-экономические процессы того времени, он оказался не в состоянии разобраться в сложных процессах, в классовом расщеплении внутри казачества, не представлявшего единой «массы рыцарей». Тут сказывалась ограниченность исторических представлений Максимовича.

Время XVI—XVII вв. в истории украинского народа — вхождение под власть Речи Посполитой, крестьянские и казацкие восстания, освободительная война и акт 1654 г. — привлекало внимание Максимовича в историографическом плане. Ученый излагал свои взгляды по данным вопросам в полемических письмах-статьях, направленных против буржуазно-либеральных историков и украинских (Кулиш, Костомаров), и польских (Гравовский). Максимович решительно и безоговорочно положительно оценивал воссоединение Украины с Россией, рассматривая это событие как веку, завершившую многовековую борьбу украинского народа: «Московская и Киевская Русь — две стороны русского мира, надолго разрозненные и даже противостоявшие друг другу, сошлись воедино — усилиями Богдана. Его постоянное устремление к Московской Руси во все продолжение своей шестилетней, многотрудной борьбы с поляками, его усилиями совершенное отторжение целой Малороссии от Польской короны и присоединение к державе Русской» дает, суммировал Максимович, все основания положительно оценивать и деятель-

⁶⁵ М. А. Максимович. Собр. соч., т. III, стр. 837—838 (курсив наш.— Л. К.).

⁶⁶ Там же, стр. 837.

⁶⁷ М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, «Исторические письма о казаках Приднепровских». Статья была опубликована в 1863—1865 гг. Однако сама проблема казачества занимала исследователя еще в 30—40-х годах, о чем, в частности, свидетельствуют его «Исторические заметки» (см. М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, стр. 835—847).

ность Богдана Хмельницкого и сами события 1648—1654 гг.⁶⁸

В письмах М. Грабовскому «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке» Максимович подробно анализировал всю предысторию освободительной войны, указал на научную несостоятельность утверждений польских буржуазно-шляхетских историков о якобы прогрессивной роли Польши в отношении колонизированного юга Украины. А в «Письмах о Богдане Хмельницком»⁶⁹ он стремился критиковать националистическую трактовку деятельности Хмельницкого, однако у Максимовича все свелось к разбору исторических неточностей, которыми были переполнены писания Костомарова. Критический разбор является вкладом в украинскую историографию и не потерял своего познавательного значения и в наше время. Но боевого тона, как в рецензии Н. Г. Чернышевского на «Богдана Хмельницкого» Костомарова, нет. Существенным недостатком в работах Максимовича по данному кругу вопросов является и то, что он оказался не в состоянии понять сути религиозных форм борьбы (православия, унии, католицизма). Как идеалист и человек религиозный, Максимович всюду видел борьбу православия с «римским миром». Отсюда шло ошибочное изложение обстоятельств Брестской унии и неверная оценка крестьянско-казацких выступлений в первой половине XVII в.

Однако именно в связи с анализом исторических событий данного комплекса проблем Максимович поднялся до глубоких обобщений. Историк увидел, что и великодержавная и националистическая трактовки этих вопросов в равной мере научно несостоятельны. Ученый понял тенденциозность обоих течений, игнорирующую объективное значение событий для жизни русского и украинского народов. Имея в виду Погодина, Максимович писал: «У вас многие смотрят на всю русскую землю с Москворецкой высоты Ивана Великого; здесь [на Украине] иные глядят на нее с запорожской поэтической Савор-могилы»⁷⁰. В обстановке, когда историки дворяне-великодержавники были преисполнены высокомерия и даже презрения к украинскому народу, а украинские националисты-историки разжигали ненависть к русскому народу, исторические заключения Максимовича звали к единению русского и украинского народов, примыкая тем самым к демократическому направлению общественной мысли своего времени.

«Новый период» украинской истории, по определению Максимовича, охватывал 1700—1825 гг.⁷¹ Историк высказал ряд за-

⁶⁸ М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, стр. 397.

⁶⁹ Там же. Первые пять, адресованные Погодину, опубликованы в «Украине», «Русской беседе», а остальные тринадцать писем Костомарову (в связи с выходом в свет его монографии «Богдан Хмельницкий») опубликованы в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Основе».

⁷⁰ «Юбилей Максимовича», стр. 73—74.

⁷¹ М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, стр. 7.

мечаний по многим вопросам, относившимся к данной эпохе. Безусловно, представляет интерес для историографии его работа о Г. Н. Теплове и его записке «О беспорядках в Малороссии»⁷². Однако наиболее основательно историк исследовал вопрос о народных движениях на Правобережье — так называемое гайдамачество. В исторической литературе о Максимовиче укрепилось мнение как об авторитете по данному вопросу. Главными его работами являются «Известие о гайдамаках» и «Сказание о Колиивщине». Грозное народное движение 1768 г. было в 30—40-х годах XIX в. также предметом внимания польской и украинской историографии и публицистики. Тарас Шевченко сравнивал это событие с проявлениями народного гнева во времена Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. Польский писатель и историк М. Грабовский в 1836 г. написал историческую повесть «Koliivczyzna i stepy». А. Скальковский написал свой «пасквиль» «Наезды гайдамаков», Кулиш занялся собиранием фольклорного материала, относившегося к истории Колиивщины⁷³. Такой повышенный интерес к событиям был не случайным и не простым академическим любопытством. Объективно это была реакция на волну крестьянских выступлений в 30—40-х годах XIX в. на Украине в целом и на Правобережье в частности.

Столь же не случайно Максимович занялся изучением вопроса о гайдамачестве. Над своим «Сказанием о Колиивщине» историк работал много лет, то откладывая исследование, то опять возвращаясь к теме. Характерным для труда является его солидная источниковедческая база (например, была использована рукопись записок Вероники Кребсовой)⁷⁴. По-видимому, историк уже заблаговременно готовился к возможному диспуту. Свое понимание существа событий Колиивщины Максимович кратко сформулировал следующим образом: «Кровавый подвиг Железняка был не просто гайдамацкий разбой и не случайное нападение запорожцев на польские владения для грабежа и добычи. Нет, то было огнедышащее извержение народной мести и вражды, целый век копившееся под гнетом уни... Колиивщина была последним отзвонком тех восстаний, которыми некогда целая Украина ополчалась на Польшу для защиты своей веры и своего народа...»⁷⁵

В трактовке Максимовичем событий Колиивщины обращает на себя внимание, что историк отметил три главных момента: 1) народный характер восстания (крестьяне, казаки — его состав и движущая сила); 2) социально-экономическое и национально-религиозное угнетение крестьян и ремесленников со стороны

⁷² Там же, стр. 545—564.

⁷³ См. П. Кулиш. Записки о Южной Руси, т. I. СПб., 1856; т. II. СПб., 1857.

⁷⁴ М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, стр. 624.

⁷⁵ Там же, стр. 625. Весьма показательным, что именно это место из своего «Сказания» историк привел в письме Кулишу «О сотнике Харьке и запорожце Чуприне», т. е. сам ученый считал данные строки своим credo по вопросу о гайдамачестве (там же, стр. 601).

польских магнатов и шляхты как причина восстания; 3) стремление населения Правобережья к воссоединению с остальной Украиной в составе России. Как бы уточняя эту последнюю мысль, Максимович писал: «Западная Украина близко уже была к тому, чтобы быть под рукою Железняка, очищенной от всего неправославного. И тогда Железняк, конечно, поступил бы с нею так же, как со всею Украиною и Запорожем поступил счастливый Богдан... И подвиг Железняка мог бы окончиться иначе...»⁷⁶

В советской историографии считается сейчас общепризнанным, что в движении 1768 г. сочеталась борьба крестьян против феодально-крепостнического гнета с борьбой против национального гнета⁷⁷. Всей многогранности событий Максимович понять не мог, но он обратил внимание на стремление к воссоединению с Россией.

По вопросу о гайдамачестве и Колиивщине у Максимовича возникла своеобразная дискуссия с Кулишом. Последний, как уже отмечалось нами, также интересовался событиями 1768 г. с целью оправдать действия правительства Екатерины II, подавившей восстание. Кулиш собирал такой фольклорный материал, где подчеркивался бы исключительно религиозный характер событий и в выгодном свете выставлялся царизм. Он опубликовал целую подборку такого «устного творчества», вроде «Золотой грамоты» и пр.⁷⁸ Прямо возражать Кулишу было почти невозможно, но Максимович нашел вполне корректную форму изложения своих мыслей в рецензии-письме на «Записки о Южной Руси» Кулиша. «Как все живо и свежо в ваших „Записках“, — писал Максимович, — эти стародавние думы бандуристов, и болтовня ваших рассказчиков, и ваши собственные историко-поэтические мысли и мечты... но во многом с нею не соглашаюсь»⁷⁹.

Максимович в отличие от Кулиша считал неудачной политику царизма во время восстания. Разумеется, сказать об этом в печати можно было намеками. И исследователь как бы невзначай, после восхваления мер «русской царицы», заметил: «Без этой вспомогательной, посредствующей силы (царского войска.— Л. К.) Западная Украина близка уже была к тому, чтобы быть под рукою Железняка»⁸⁰. После обстоятельного штудирования первоисточников о событиях 1768 г. Максимович понял огромные масштабы выступления крепостных крестьян, но сказать об этом историк не решался. Закончив «Сказание» в 1838 г.⁸¹, он счел возможным ознакомить с рукописью только близких, а пуб-

⁷⁶ М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, стр. 580.

⁷⁷ См. «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией». Киев, 1954, стр. 12; *І. О. Гуржій, В. М. Кулаковський*. Визначна подія в історії українського народу (до 200-ліття Каліівщини). — «Укр. історичний журнал», 1968, № 7.

⁷⁸ *П. Кулиш*. Указ. соч., т. I.

⁷⁹ М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, стр. 595.

⁸⁰ Там же, стр. 580.

⁸¹ См. Там же, стр. 623. Примечание.

ликовать его не стал. Работа увидела свет лишь в 1875 г. Антикрепостнический характер восстания, грозная плебейская расправа с угнетателями и привлекали внимание историка, и вместе с тем заставляли задумываться над тем, какое общественно-политическое звучание приобретет такая публикация. В рецензии на «Наезд гайдамаков» Скальковского Максимович осторожно излагал свои мысли: Скальковский — «сам ненамеренно сказал истинную похвалу Железняку, назвав его „героем украинской черни“»⁸². Историк понимал и антикрепостнический характер событий 1768 г., и политическое значение этого исторического факта для его современников.

Итак, 1834—1860 годы составили в развитии исторических взглядов Максимовича один ясно очерченный этап. На эти годы пришелся самый значительный (как по объему, так и по характеру разрабатываемых проблем) вклад Максимовича в украинскую историографию. В исторических работах Максимовича довольно явственно, но своеобразно отразилась предреформенная эпоха. Разоблачая научную несостоятельность норманистских концепций, историк вместе с тем допускал отдельные националистические высказывания. Максимович разработал ряд вопросов истории Украины XVI—XVII вв., подчеркнул положительное значение воссоединения Украины с Россией. Значителен вклад ученого и в изучение народных движений XVIII в. Однако, оставаясь на идеалистических позициях, историк неправильно трактовал народные движения как церковно-религиозные. Таким образом, отчетливо проявились колебания Максимовича между либеральной и демократической историографией.

Пореформенные годы жизни историка (1861—1873) составляют отдельный этап его научной деятельности, на которой довольно явственно сказались новые общественно-политические веяния. Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. была воспринята Максимовичем положительно, но вскоре ученый проникся пессимизмом как в отношении перспектив ее осуществления, так и к первым проявлениям социальных антагонизмов пореформенных лет. И все же Максимович питал надежды на возможность какого-то улучшения жизни в перспективе: «Родители будут видеть своих детей умными и счастливыми»⁸³.

Максимовича избрали гласным Золотоношского уездного земства. Новый гласный наивно полагал, что земство будет «стойкой громадой» во имя «честности и правдивости»⁸⁴. Все это говорит об эволюции Максимовича в сторону либеральных иллюзий.

Научные занятия историка тех лет составляли вопросы истории Древнерусского государства. Для этих работ характерен, как определил сам Максимович, историко-топографический уклон, т. е.

⁸² Там же, стр. 580.

⁸³ «Украинец» на 1864 г. Киев, стр. 89.

⁸⁴ «Киевская старина», 1891, т. XII, стр. 480—481.

они носили преимущественно справочный характер. Занимали Максимовича и церковные памятники на Руси⁸⁵⁻⁸⁶.

Вместе с тем необходимо отметить, что Максимович полемизировал с историком Н. Закревским, также занимавшимся историей Киева и Древнерусского государства⁸⁷. Критические замечания порой переплетались мастерски написанными образными обобщениями⁸⁸.

В 60-х годах XIX в. Максимович усиленно занимался археологическими исследованиями⁸⁹. Максимович рассматривал археологию как составную часть исторической науки, как важнейшее к ней дополнение. Ученый интересовался будущим археологии: «Дойдет ли наша наука о древностях до того, чтобы по этим следам могла она угадывать воевавшие ими народы и век войны, подобно тому, как испытатель природы по одному ископаемому зубу определяет целое животное и период его бытия на Земле»⁹⁰.

Развитие и формирование исторических взглядов Максимовича представляет собой сложную картину. Сильной стороной его исторических исследований бесспорно остается критическая разработка источников, уточнение фактов, установление научной истины. Как показывает более тщательное изучение историографического наследия ученого, он создал собственную концепцию истории Украины, сделал ряд важных сообщений и выдвинул некоторые новые проблемы в истории Украины. Следовательно, научное наследие Максимовича значительно шире традиционного о нем представления.

Советские историки, исходя из ленинских положений об этапах освободительного движения в России, установили, что как в политической жизни, так и в области историографии 40—50-е годы XIX в. были временем, когда либерализм и демократизм еще не размежевались⁹¹. Максимович принадлежал к той категории историков, в мировоззрении которых сложно сочетались идейно-теоретические искания либеральной и демократической историографии; в своем творчестве он проявлял шатания между либерализмом и демократизмом.

И все же важно иметь в виду, что положительные стороны историографического наследия Максимовича есть результат восприятия им передовых, демократических веяний своего времени.

⁸⁵⁻⁸⁶ М. А. Максимович. Собр. соч., т. II, стр. 90.

⁸⁷ Там же, стр. 7 («Объяснительные параграфы о Киеве» (1869 г.); «О Киевском Синописе и о некоторых урочищах древнего Киева, упоминаемых в описании Киева, Закревского» (1870 г.)).

⁸⁸ Там же, стр. 114. В те годы Максимович занимался проблемами истории Литовского княжества и украинско-литовскими отношениями. Это его работы: «Нечто о земле Киевской», «Заметки о земле Волинской», «Память о киевском воеводе Григории Ходкевиче», «Письма о князьях Острожских» (М. А. Максимович. Собр. соч., т. I); «Литовский замок в Киеве» (там же, т. II) и ряд других. Историк обращал внимание на важность изучения этой проблемы в украинской историографии.

⁸⁹ См. М. А. Максимович. Собр. соч., т. II.

⁹⁰ Там же, стр. 407—408; т. I, стр. 761 (статья «Бубновская сотня в 1648 г.»).

⁹¹ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1, стр. 425.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ДЕКАБРИСТА М. Ф. ОРЛОВА

М. А. Алпатов

Значительным явлением в декабристской историографии был Михаил Федорович Орлов (1788—1842 гг.). Принадлежа к дворянским верхам (сын Ф. Г. Орлова — одного из братьев Орловых, близких ко двору Екатерины II, был зятем Н. Н. Раевского), М. Орлов был в центре событий войны 1812 г.; он не только участник боев, но и исполнитель важных дипломатических поручений Александра I и русского командования, что открывало ему в известной мере международный аспект Отечественной войны. Связанные с этими дипломатическими миссиями произведения М. Орлова составляют круг его ранних работ. К ним принадлежат «Бюллетень особых известий», «Размышления русского военного о 29-м бюллетене» и «Капитуляция Парижа».

М. Орлов был одним из видных представителей поколения декабристов — друг А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, А. Н. Раевского; как и у многих декабристов, его путь к дворянской революционности был очень сложным. Несколько лет спустя после войны он еще был поклонником реакционных идей гр. де-Местра, затем его декабристские идеи уживались с резко отрицательным отношением к независимости Польши. Попав в опалу после 14 декабря, он, как и Чаадаев, оставался опальным до конца дней. М. Орлов был тот «умный, но опасный человек», к которому по первому приглашению бежал молодой Герцен, вспоминая об этом потом в «Колоколе»¹. Сочинения Орлова этого периода — «О книге „Рассуждение о Франции“ де-Местра» (1814 г.), «Речь, произнесенная в торжественном собрании Киевского отделения Библейского общества (1819 г.)», его письма кн. П. А. Вяземскому, Д. П. Бутурлину, А. Раевскому, известному либеральному деятелю посленаполеоновской Германии барону Штейну и др. — содержат сведения об исторической концепции Орлова и его взглядах на события западноевропейской истории. Главная работа Орлова — политико-экономическое произведение «О государственном кредите», имеющее ярко выраженный исторический аспект. Все это литературное наследие составляет второй, главный круг его сочинений.

Молодым кавалергардским штабс-ротмистром застала Орлова

¹ «Колокол» (факсимильное издание), вып. VI. М., 1963, стр. 1529.

Отечественная война 1812 г. Через несколько дней после начала войны Александр I прикомандировал Орлова к отправлявшемуся на переговоры с Наполеоном генералу Балашову. Целью поездки Орлова было выяснение планов наполеоновского командования и положения в армии французов. Результатом этой командировки явился «Бюллетень особых известий», написанный в июне 1812 г., представляющий, к сожалению, лишь фрагменты неоконченного отчета о выполнении поручения². «Бюллетень» свидетельствует, что Орлов проницательно оценивал ход дел в армии противника. Обращают на себя внимание прогнозы Орлова относительно планов Наполеона. В первый момент Наполеон, «проходя Неман у Ковно, имел намерение обеспечить за собой поле битвы, опираясь правым флангом в Неман, левым в Вилию. Он ожидал быть атакованным»³. После провала этих расчетов он предпринял наступление, стремясь разбить поодиночке русские армии. Наблюдения Орлова говорили о непопулярности войны среди офицерства «Великой армии». «Можно смело сказать, что Наполеон один желает войны, что офицеры армии боятся ее... Из всех генералов, быть может, наиболее привержен Наполеону маршал Даву... Проявляемое им высокомерие является неизбежным следствием почестей, на которые он надеется»⁴. Характерно, что польское офицерство, примкнувшее к Наполеону в расчете на независимость Польши, уже в первые дни войны сильно сомневалось в намерении своего повелителя оправдать их надежды. Дальнейшие события полностью подтвердили мнения Орлова.

Другое военное произведение Орлова относится к январю 1813 г., когда «Великая армия» уже отступала из России. Речь идет о памфлете «Размышления русского военного о 29-м бюллетене»⁵. Наполеоновская ставка выпускала «Бюллетени» — победные реляции, которыми она извещала Европу о все новых, подчас совершенно фантастических успехах «великой армии» в России. Двадцать девятый «Бюллетень», в составлении которого принимал участие сам Наполеон, был последним по счету, но первым по тому значению, которое ему придавало французское командование: «Бюллетень» впервые признавал крушение «Великой армии». В качестве главной причины провала шумевшего похода этот документ впервые выдвинул знаменитую легенду о всесильном морозе. «Бюллетень» уверял, что русский

² «Бюллетень» опубликован лишь в 1962 г. А. Г. Тартаковским. Статью Тартаковского, французский оригинал «Бюллетеня», русский перевод и комментарии к нему см.: «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 416—438.

³ «Археографический ежегодник за 1961 год», стр. 436.

⁴ Там же, стр. 434.

⁵ Об авторстве М. Орлова и обстоятельствах публикации этого документа см. комментарий А. Г. Тартаковского к «Размышлениям» в сборнике документов: «Листовки Отечественной войны 1812 года». М., 1962, стр. 140—144.

мороз, доходивший до... 18° С, лишил «Великую армию» лошадей, а люди, «недостаточно закаленные природой... пришли в замешательство, утратили бодрость и хорошее расположение духа, им мерещились одни несчастья и катастрофы»⁶. Что касается русской армии, то ее «Бюллетень» старался представить ничтожной боевой силой, а казаков — «жалкой конницей».

Орлову главным командованием русских войск было поручено написать ответ на эту небывлицу, в результате чего и появились «Размышления русского военного о 29-бюллетене» — памфлет, рассчитанный в его первоначальной форме на зарубежного читателя. Рядом с французским текстом «Бюллетеня» давался французский же текст русских «Размышлений». Весь памфлет Орлов построил на противопоставлении действительности и фантазии авторов «Бюллетеня», издевательски подчеркивая, что «надо быть снисходительным к тем, кто защищает не правое дело, и помнить, сколь затруднительно положение автора, когда факты говорят против него»⁷.

Свой главный удар Орлов направил против свежесотворенной легенды о причине гибели «Великой армии». Орлов показывает, как выглядела бы история войны 1812 г., построенная на французском тезисе о морозе, лишившем французскую армию прежде всего лошадей. «Скажут, например, что Наполеон предпринял такой поход, который превышал его силы... Вздор. Поход этот превышал только силы его лошадей». Скажут, что в Бородинском сражении Наполеон, заставив конницу атаковать русские батареи, понес большие потери в лошадях. «Вздор. Наши пушки не причинили ни малейшего вреда; только холод в разгар лета истребил эту неисчислимую конницу». Скажут, что, желая удержать в Москве, Наполеон вынужден был использовать для фуражировки артиллерийских лошадей и подорвал тем тягловую силу своей артиллерии. Вздор. Вся беда лишь в том, что лошади были слишком зябки. Скажут, что отступление французов было беспорядочным. «Опять вздор, это было превосходнейшее отступление, очень хорошо подготовленное и столь же хорошо осуществленное; холод, один только холод испортил все дело». Скажут, что русские громили французов при Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже, Красном и, наконец, при Березине. «Вздор, вздор и опять вздор... Холод погубил лошадей, а без лошадей погибли и люди... только холод прогнал французов за Вислу, а Наполеона в Париж. Это превосходное объяснение бедствия, постигшего французскую армию... французы беспрестанно побеждают русских, берут пленных и продвигаются вперед... к Неману»⁸.

Орлов был одним из первых в русской литературе, кто выступил с разоблачением легенды о победителе-морозе. Он не мог

⁶ «Листовки Отечественной войны 1812 года», стр. 131.

⁷ Там же, стр. 128.

⁸ Там же, стр. 129.

предвидеть всю живучесть этой легенды, но отдавал себе полный отчет в том значении, которое придавали ей бонапартисты и многие в Западной Европе. Сказанные тогда иронически, слова Орлова оказались пророческими: «Изучая историю этой памятной войны, надо, стало быть, весьма остерегаться некоторых ложных представлений, которые историки непременно будут стремиться навязать потомству»⁹. Традицию разоблачения мифа о всеильном морозе продолжил, как известно, Денис Давыдов своей статьей «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?». Он пошел дальше Орлова и говорил не только о действиях русской армии, но и о партизанской, всенародной войне русского народа против нашествия «двунадесяти язык».

Третьим произведением М. Орлова о войне 1812 г. были его мемуары «Капитуляция Парижа», написанные по свежим воспоминаниям о событии, участником которого автору довелось быть. Накануне падения французской столицы Орлову «суждено было представлять Европу, ночующую в Париже», — он как парламентар провел ночь в осажденном городе среди высших офицеров наполеоновской армии. Это был момент, когда Орлов, как и его современники, подводил итоги долго лихорадившим весь мир войнам Наполеона. Он приходил к выводу, что жизнь сходявшего с мировой арены полководца «естественно разделилась на два совершенно различные периода. В первом — гений его служил Франции, во втором — он употребил уже Францию в услуги прихотливого гения своего. Приучась на сражениях видеть равнодушно уничтожение рода человеческого, он пользовался неограниченно Францией, как завоеванной землей. Он выковал из нее оружие на своих противников, цепи для порабощения мира своей влаждествующей идее. Это была несбыточная идея всеобщей монархии, и ей-то постепенно принес он в жертву все, что только мог как человек и гражданин»¹⁰.

На причину крушения Наполеона Орлов смотрел не только с военной точки зрения. Военный разгром созданной Наполеоном армии был в конечном счете следствием того, что народы Европы поднялись против этого завоевателя. Задачу русской армии и ее союзников Орлов поэтому видел в том, чтобы поставить Наполеона «обнаженного, со всем эгоизмом его гения и славы, пред лицом масс, которых могущества он так долго не признавал и которых презирал мнение, — перед лицом Европы, отвергшей его из предусмотрительности, пред лицом Франции, которая отказывалась от него по изнеможению»¹¹. В последние часы войны Наполеон шел на любые авантюры; в частности, он апеллировал к французскому народу, «он пытался возмутить народ, чтобы

⁹ «Листовки Отечественной войны 1812 года», стр. 129.

¹⁰ М. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, стр. 24.

¹¹ Там же, стр. 12.

сделать из Парижа вторую Сарагосу; но Наполеон уничтожил жизнь и движение в массах — и массы остались недвижимы»¹².

Наполеона уже покидали его ближайшие помощники. Орлов видел подтверждение этому в памятную ему парижскую ночь. В углу одной из комнат французского штаба, где стоял Орлов, к нему подошел Талейран и негромко, но торжественно сказал: «Государь мой, возьмите на себя труд повергнуть к стопам государя вашего выражение глубочайшего почтения, которое питает к особе его величества князь Беневентский»¹³. Орлов понял Талейрана с полуслова. Когда он доложил об этом разговоре Александру I, тот хоть и «обнаружил живейшие удивление», но сказал: «Теперь это еще анекдот, но может сделаться историей». Все это свидетельствует о том, что знаменитый наполеоновский министр иностранных дел уже был связан с союзниками, ждал их вступления в Париж и реставрации Бурбонов. Орлов одобрял поведение Талейрана. Он особенно восхищался им в примечании к «Капитуляции Парижа», которое писал в 1835 г., готовя французскую (неосуществленную) публикацию своих мемуаров. Он считал, что измена Талейрана Наполеону была продиктована убеждением, что «Францию, возвращенную Бурбонам, ожидает продолжительное бытие благоденствия и конституционной свободы». Орлов возмущался, что Франция платила Талейрану то неблагодарностью, то равнодушием, и надеялся, что «история будет справедливее, г. Талейрану нечего опасаться суда потомства»¹⁴.

Но Орлова, одного из авторов статей акта капитуляции Парижа, особенно занимали условия наступавшего мира. В ту парижскую ночь разговоры с французскими офицерами еще раз убедили его в непопулярности среди них войны с Россией. Его собеседники говорили, что они сожалеют о провале «Эрфуртской программы», имея в виду договоренность Наполеона и Александра I при свидании в Эрфурте. «Если бы, — говорили они, — оба императора остались друзьями, то они разделили бы между собою весь мир. Но, — прибавили некоторые вполголоса, — и весь мир был тесен для Наполеона»¹⁵.

Концепция послевоенного устройства Европы самого Орлова резко отличалась от рассуждений наполеоновских офицеров, привыкших мыслить категориями мирового господства. «Я приглашал Францию, — пишет Орлов, — не внимать тщетным обольщениям, принести в жертву свои мечты о славе и владычестве... **предпочтеть систему равновесия и союзов ее наступательному воинственному уединению и снова занять принадлежащее ей мес-**

¹² Там же, стр. 22. Орлов имеет в виду отчаянную оборону испанцами Сарагосы, которую наполеоновские войска в течение полугода (с июня 1808 по январь 1809 г.) не могли взять.

¹³ Там же, стр. 20.

¹⁴ Там же, стр. 31.

¹⁵ Там же, стр. 19.

то и сан в общем воссоздании здания европейского, которое без ее содействия... не будет иметь ни прочности, ни блеска, ни основания, ни верха»¹⁶. Но, как известно, Венский конгресс с этим тезисом связывал свою, вскоре ставшую известной концепцию послевоенной Европы.

Находясь среди французов как представитель лагеря победителей, Орлов не без горечи говорил об отсталости победившей России и о превосходстве над ней побежденной Франции. Он сравнивал русских и французов, находил между ними гораздо больше сходства, чем между всякими иными нациями, видел даже взаимную симпатию, но это было сравнением двух неравноправных партнеров. В культурном отношении русская сторона была стороной зависимой. «Мы,— писал он, подразумевая русское дворянство,— любили язык, литературу, цивилизацию и мужество французов, с убеждением и энтузиазмом отдавали им во всех отношениях справедливую дань удивления. Мы не имели, как англичане и немцы, литературы, которую могли бы противопоставить литературе французской; наша рождающаяся цивилизация не могла хвалиться своими открытиями в науках, успехами в искусствах»¹⁷. Позже, в 1817 г., в речи при вступлении в «Арзамас» он иронически подчеркивал: «Я думаю, что нынешняя российская словесность по большей части есть отпечаток французской испорченной литературы»¹⁸.

Таков дошедший до нас круг размышлений М. Орлова, вызванных Отечественной войной 1812 г. Участие в войне, длительное пребывание за границей в связи с послевоенными делами (Орлов окончательно вернулся в Россию только в 1816 г.) не давали угаснуть интересу к Франции. Орлов, судя по всему, был еще целиком во власти тех представлений об истории, которые господствовали тогда среди русского дворянства, и того понимания истории Франции и Великой французской революции, которое завезли в Россию французские эмигранты. Идеологами французской дворянской контрреволюции были, как известно, Шатобриан и Жозеф де-Местр (долгие годы проживший в Петербурге); Орлов, как и многие его русские современники, был знаком с де-Местром. К 1814 г. относится письмо Орлова де-Местру как автору книги «Рассуждение о Франции». В нем Орлов излагал свою концепцию мировой истории, целиком совпадающую с концепцией де-Местра. Это был воинствующий провиденциализм: «Человек предполагает, а бог располагает... Да, человек может только предполагать;... события не подвластны ему, и их ход подчинен лишь руке создателя... Поэтому напрасно люди волнуются и спорят, желая управлять или быть управляемыми тем или иным способом. Нации подобны частным ли-

¹⁶ М. Орлов. Капитуляция Парижа, стр. 24.

¹⁷ Там же, стр. 17.

¹⁸ Там же, стр. 44.

цам: они могут волноваться, но им не дано себя образовать»¹⁹. Правда, «способность комбинировать была предоставлена человеку вместе со свободой действия», поэтому «политические потрясения являются результатом их свободной воли», однако управляющий человеческими судьбами закон все равно проложит себе дорогу сквозь дебри событий.

Эпоха Великой французской революции — эпоха человека и разума, когда с наибольшей силой действовала свобода воли, но и эта эпоха является в конечном счете подтверждением общего закона провиденциализма: «Я вижу, как из глубины этой необъятной катастрофы возникает прекрасный урок для народов и королей. Подобный пример дается для того, чтобы ему не следовать. Он относится к категории великих бедствий, постигших человечество»²⁰. Книга де-Местра вызвала восторженную оценку Орлова потому, что она была построена на этой теории: «Вот что значит вести исследование путем божественного умозрительного мышления; то, что для разума представляется лишь неясным выводом, становится откровением. Все объясняется... когда восходишь к великой причине всего сущего, когда основываешься на ней». Книга де-Местра доводила изложение событий до 1797 г.; Орлов хотел бы видеть ее продолжение; он убежден, что годы наполеоновской империи и наступившая затем реставрация являются дальнейшим подтверждением этого закона, логическим завершением революции.

Но уже годы, проведенные за границей, и особенно время после возвращения в Россию были тем периодом, когда Орлов сблизился с декабристскими кругами русского офицерства и начал усваивать идеи дворянской революционности²¹. В «Арзамасе» (1817 г.) он принадлежал к радикальному крылу, а в своей речи на торжественном собрании Киевского отделения Библейского общества (1819 г.) Орлов — уже типичный декабрист. Как признавался он тогда же в письме кн. П. А. Вяземскому, речь эта была задумана как полемика против «гасителей и противников просвещения»²². Речь не была напечатана и дала министру просвещения А. Н. Голицыну повод обвинить Орлова в отклонении от целей Библейского общества.

В этом взволнованном выступлении Орлов гневно обрушился на «политических староверов», сторонников крепостного права, которые убеждены, что «люди разделяются на две части: одна, назначенная для рабского челобития, другая — для гордого умствования в начальстве. В сем уверении они стяжают для себя все дары небесные, все сокровища земные, все превосходство и нравственное и естественное, а народу предоставляют умышлен-

¹⁹ Там же, стр. 55.

²⁰ Там же, стр. 56.

²¹ См. там же, стр. 78—97 («Показания генерал-майора Орлова 1-го»).

²² См. там же, стр. 217 (Письмо М. Орлова кн. П. А. Вяземскому от 22 августа 1819 г.).

но одни труды и терпение»²³. Эта порода людей дает себя знать во всех странах. «Во Франции они противятся свободомыслию и введению представительного правления; в Германии они защищают остатки феодальных прав; в Испании они торжествуют, и каждый из них приносит радостно свое дряблое полено для сооружения костров инквизиции... Наконец, история наша полна их покушений против возрождения России»²⁴.

Феодальный лагерь привносит в идеологию свой, крепостнический строй мыслей и выступает против прогресса в истории. «Они особенно любят приводить в пример Французскую революцию, как будто бы сей страшный переворот произошел от просвещения народа... Они называют твердость буйством, исключения правилами, постоянное определение закона — беспорядком, учение — излишеством, а невежество — источником блаженства»²⁵.

Пробным камнем тогдашней революционности были две проблемы: из внутренних, русских проблем это было крепостное право, из западноевропейских — Французская революция. В их оценке Орлов от времени письма де-Местру (1814 г.) до речи в Киевском отделении Библейского общества проделал заметную эволюцию, став противником крепостничества и почитателем Французской революции, которую он еще не так давно относил «к категории великих бедствий, постигших человечество».

Но интерес Орлова простирался на более широкий круг исторических проблем, о чем дает представление его переписка. Свидетельства эти случайны и отрывочны, они не могут нарисовать нам полностью взгляд Орлова на всемирно-исторический процесс, но они дают некоторые наброски отдельных частей его исторической концепции, которые помогают представить эту концепцию в целом, хотя бы в самом общем виде.

Прежде всего возникает вопрос: привел ли переход к передовым взглядам к отказу Орлова от провиденциализма? В речи в Библейском обществе он указывал на Восток как на «место, где полагается колыбель рода человеческого». Контекст, в котором стоит эта фраза, заставляет думать, что в нее вложен библейский смысл. История древности понимается как осуществление воли «провидения», а переход от античности к средним векам — как момент, когда «христианский закон, возникший среди развалин древнего просвещения и разлития всех страстей, приклонил к устройству государственному буйствующих варваров, наводнивших Европу, возобновил забытую нравственность, возжег потухший было пламень науки и воцарил тишину и добродетель там, где царствовал ужас и порок»²⁶. Эту роль христианства Орлов в отличие от Чаадаева представлял в русле пра-

²³ М. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма, стр. 49.

²⁴ Там же, стр. 48—49.

²⁵ Там же, стр. 49.

²⁶ Там же, стр. 45.

вославия, ибо только православные проповедники, по его мнению, разносившие все учение по свету «без хитростей политических, без вооруженного насилия, заменяют в нашем исповедании тех латинских миссионеров, кои, отправляемые в отдаленные страны, слишком часто на место мира и любви сеяли семена раздоров и на место истины оглашали честолюбивые умствования римского двора»²⁷.

Но, читая все это, надо помнить, что эти слова произносились на собрании Библейского общества, перед аудиторией, состоявшей в значительной мере из русского православного духовенства. Что же касается самого оратора, то он не собирался развивать эти мысли: «Я предоставляю сей высокий предмет красноречию священников... Им одним подобает собирать вокруг кафедры своей толпы народа... толковать намерения всевышнего», он же предпочитал говорить о совсем светском предмете и посвятил свою речь разоблачению крепостников — именно поэтому речь Орлова была признана министром Голицыным не соответствующей целям Библейского общества. Более того, все суждения об истории, которые встречаются в письмах и произведениях Орлова этого времени, были суждениями светского, реалистически мыслящего человека из декабристского лагеря.

Говоривший перед поклонниками Библии о том, что Западная Европа была создана христианством, Орлов совсем не вспоминал о «провидении» и совсем иначе говорил о роли варваров, когда годом раньше (4 июля 1818 г.) в письме кн. Вяземскому протестовал против концепции «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Он решительно восстал против норманистской точки зрения Карамзина на возникновение русского государства. Помимо соображений патриотических он приводил и соображения чисто научные. Они шли по двум линиям.

Во-первых, по линии источниковедческой: норманистская версия не имеет достаточных оснований в русских источниках — она опирается всего лишь на сомнительную легенду летописца и на иноземные источники, мало осведомленные в делах наших предков. В древнейшей русской истории Орлов надеялся найти «ключ новой европейской истории и истолкование тех ужасных набегов варваров, кои уничтожили Римскую империю и преобразили вселенную; я не думал никогда, что история наша основана будет на вымыслах Иорнадеса, уничтоженных Пинкертоном»²⁸, на польских преданиях, на ложном повествовании о Литве, на сказках исландских и на пристрастных рассказах греческих писателей. Я надеялся, что язык славянский откроет глаза на предрассудки всех писателей средних веков, что он истолкует названия тех варварских племен, кои наводнили Европу, докажет

²⁷ Там же, стр. 45—46.

²⁸ Иорнадес, правильнее, Иордан — известный историк готов (VI в.), автор «Гетики», представляющей собою дополненное переложение не дошедшего до нас труда Кассиодора «История готов». «Гетика» сохранила не-

иноплеменство оных и соделается, так сказать, началом и основанием истории новейших времен. Мне казалось, что сия мысль должна была господствовать в составлении истории происхождения нашего и служить, так сказать, связью с историей Европы и душою всего повествования»²⁹. Другими словами, бедность сведений и их несамостоятельность не внушали Орлову доверия к выводам Карамзина.

Во-вторых, Орлов обращал внимание на внутреннее неправдоподобие летописной легенды о варягах. Если поверить этой легенде, то вся история Древней Руси окажется совершенно невероятной. Сомнения начинаются уже с самого появления Рюрика: «Как можно вообразить, что едва он воцарился над чуждым народом, как уже утверждён был в царствовании, что долгое его владычество не было подвержено никаким беспокойствам, что Синав и Трувор тоже беспрекословно княжили в их уделах, что смерть Рюрика не воспретила младенцу Игорю воссесть твердо на престол, колеблемый непостоянством новгородцев, что едва Олег появился пред Киевом, и Киев пал к его стопам, что едва Киев покорился, и Олег уже прибывает щит свой на воротах Царьграда, что малолетство Игоря было спокойнее малолетства Людвига 14-го, что едва Россия явилась в истории и уже владычествовала от берегов Балтийского моря до стены Балканских гор, что едва вышли мы из варварства, и реки просвещения и обилия протекли в отечестве нашем; наконец, как может быть, чтобы Россия, существовавшая до Рюрика без всякой политической связи, вдруг обратилась в одно целое государство и, удержавшись на равной степени величия от самого начала до наших дней, восторжествовала над междоусобиями князей»³⁰. Или мы имеем дело с историческим чудом или, скорее всего, надо предположить, что Русь была сильным государством еще до Рюрика,— к такому выводу приходил М. Орлов.

Как видим, и Орлов внес свою лепту в борьбу декабристов с норманистской и самодержавной концепцией Карамзина³¹. Кстати сказать, обращаясь со своими возражениями к кн. Вяземскому, стоявшему близко к Карамзину, Орлов фактически адресовал их самому придворному историографу. Правда, в этом письме он ничего не говорил о своем отношении к самодержавию, но он касался этого в письме Д. П. Бутурлину от 20 декабря 1820 г. Бутурлин, оценивая установление абсолютизма в Дании к XVII в.,

которые сведения о восточных славянах (см. *Иордан*. О происхождении и деяниях готы (Gética). Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960). Джон Пинкертон — шотландский историк, относившийся весьма критически к данным Иордана.

²⁹ М. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма, стр. 59.

³⁰ Там же.

³¹ См. М. В. Нечкина. Декабрист Михаил Орлов — критик «Истории» Н. М. Карамзина. Вступительная статья. — «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 557—564.

говорил, что датчане совершили этим «подвиг беспримерный», на что Орлов отвечал: «Я тут ничего великого не вижу, кроме великого непонятия о достоинстве народа»³².

Отрицательное отношение к крепостничеству и деспотизму приводило Орлова в те годы к противопоставлению крепостной, императорской России освободившемуся от крепостничества Западу; своего рода «стыком» между ними была Польша. Вяземскому, жившему тогда в Варшаве, Орлов писал в июне 1820 г.: «Ты, по крайней мере, в сношении с кипящей Европой, ты живешь на краю рабства и, так сказать, отворив окошко, можешь набираться вольным и свежим воздухом...»³³ Это противопоставление не в пользу России усугублялось тем, что Россия вместе с Австрией была руководящей силой послевоенной реакции, олицетворяемой Священным союзом. Свой взгляд на это Орлов изложил в двух письмах Д. П. Бутурлину — в 1819 и 1820 гг. Автор книги «Военная история походов россиян в XVIII столетии» Бутурлин, будущий деятель николаевской реакции, превозносил военное могущество и внешнюю политику России в годы Священного союза. Орлов решительно восстал против этого. «С какого права вручаешь нам политические весы Европы? Друг мой... не время теперь самих себя превозносить»³⁴. И Орлов настойчиво аргументировал свой взгляд. Исходным моментом был тезис о том, что послевоенная международная обстановка стала совершенно иной, чем она была в Отечественную войну 1812 г. Тогда положение России было «гораздо выше нынешнего. Некоторый дух отечественности, порождающий все великие дела... удваивал наши силы. Мы сражались против целой Европы, но целая Европа ожидала от наших усилий своего освобождения. Вспомни... благотворное содействие всех благомыслящих людей, когда наши войска, переходя из земли в землю, основывали везде возрождение народов. Тогда-то мы были сильны, тогда-то мы были страшны общему врагу, ибо под знаменами нашими возрастало древо общего освобождения»³⁵.

Иное дело — начало 20-х годов XIX в. Хотя в военном отношении Россия стала сильнее, чем была в Отечественную войну, но политически она стала неизмеримо слабее: «Ты видишь огромный меч, но не думаешь о том, что нет мощной руки. Мы не можем сделать шагу, чтобы целая Европа не вооружилась против нас... И что же мы будем предлагать завоеванным народам? Наш жестокий удел рабства? Но признайся, что сие обещание не может быть лестным для народов, которые все более и более стремятся к свободе»³⁶. Отсюда следовал вывод: «Россия подоби-

³² М. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма, стр. 65.

³³ Там же, стр. 224.

³⁴ Там же, стр. 62.

³⁵ Там же, стр. 63.

³⁶ Там же.

ся исполниту ужасной силы и величины, изнемогающему от тяжелой внутренней болезни»³⁷.

Но Запад не был для Орлова неким абстрактным воплощением свободы. Декабрист Орлов интересовался борьбой сил прогресса и реакции в Западной Европе. В одном из писем А. Раевскому он сообщал, что «мы приобрели собрание мемуаров, относящихся к Английской революции»³⁸. Речь, видимо, шла о первом томе предпринятого Гизо парижского издания мемуаров об Английской революции XVII в. («Collection des mémoires relatifs à la Révolution d'Angleterre») ³⁹. Об интересе Орлова к Французской революции речь шла выше. Этот интерес распространялся на весьма широкий круг проблем. Орлов писал Вяземскому, что он предпочитает «логику Манюэля софизмам Виллеля и Корбьера», а «Фокса — Питту и Фенелона — Боссюэту»⁴⁰.

С наибольшим вниманием Орлов следил за положением на современном ему Западе. Это было закономерно: готовя выступление против русского деспотизма, декабристы не могли быть равнодушными к тому, как складывались дела на Западе. Орлов был одним из тех, кто проявлял в этом отношении не только интерес, но и прямое нетерпение. А. С. Пушкин вспоминал: «Орлов говорил в 1820 году: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа самодержцы, вы совершили глупость, свергнув Наполеона»⁴¹. Больше всего сохранилось сведений об этом в письмах Орлова именно 1820 г., о котором говорит Пушкин. Особенно откровенно Орлов писал о своем отношении к событиям на Западе Александру Раевскому, брату жены: «Говорят, что в Риме открыт заговор и что по сему случаю 35 т[ысяч] австрийцев выступили к сему городу... Везде огонь живет под пеплом, и я очень думаю, что 20-й век⁴² не пробежит до четверти без разви-

³⁷ М. Орлов. Кашитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма, стр. 64.

³⁸ Там же, стр. 237.

³⁹ В пользу такого предположения говорит то обстоятельство, что французское название этой серии мемуаров и примерное название приобретенной книги в письме Орлова, написанном по-французски, — совпадают. Именно в 1823 г. (дата письма) и вышел 1-й том этой серии.

⁴⁰ Там же, стр. 233—234. Жак-Антуан Манюэль (1775—1827), глава либеральной оппозиции во французской Палате депутатов в первые годы реставрации, ведший борьбу с правительством Виллеля и его единомышленником Корбьером. Имя Манюэля становилось во Франции символом борьбы с реакцией реставрированного дворянства. Чарльз-Джеймс Фокс (1749—1806 гг.) возглавлял вигов в английском парламенте, выступал против войны с восставшими колониями в Северной Америке и против войны с Францией в противовес Питту Старшему — стороннику агрессивной внешней политики. Франсуа Фенелон (1651—1715 гг.) и Жан-Бенни Боссюэ (1627—1704 гг.) — два французских писателя; Орлов противопоставлял их друг другу на том основании, что первый был представителем раннего французского Просвещения, второй — главой католической реакции в историографии.

⁴¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. М. — Л., 1949, стр. 304.

⁴² Явная опечатка, речь идет о XIX в. — М. А.

тия каких-нибудь странных происшествий»⁴³. Во Франции произошло убийство герцога Беррийского, и Орлов пишет: «У французов загорается, и так это не кончится»⁴⁴. Вспыхнуло восстание сербов против турок, и тут Орлов проявляет осведомленность: «Сербия была разделена на две партии. Одна... искала покровительства султана и послала к нему депутацию, которая имела поручение ему объявить, что Сербия... отказывается совершенно от покровительства России. Другая партия, коей начальник был сам Милося, главный сербский воевода, узнав о сем, велел перехватить всех депутатов уже на дороге в Константинополь и послал свой ultimatum на предложение Порты»⁴⁵. В то же время в Турции поднял восстание сепаратист Али-паша; это могло быть использовано угнетенной Грецией, и Орлов — начальник 16-й дивизии — уже мечтает о войне за освобождение греков: «Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих»⁴⁶. Как командующий 16-й дивизией Орлов рассматривал ее как ударную силу военной революции.

Особое место в творчестве М. Орлова занимает его главный труд «О государственном кредите». Наряду с Н. И. Тургеневым Орлов был крупным экономистом-теоретиком не только в России, но и за ее пределами. Изучение экономических процессов он считал неременной обязанностью историка. В письме Д. П. Бугурлину 2 ноября 1819 г. он писал: «Мы живем в таком веке, что историк не может быть историком, ежели он не имеет хороших сведений о политической экономии. Я тебе советую почитать Сея (Say)»⁴⁷. Работать над своим главным произведением Орлов начал, по всем данным, еще до восстания 1825 г., но закончена эта работа была в начале 30-х годов XIX в.; книга эта — результат декабристских настроений ее автора, но на ней лежит отпечаток раздумий и последующих лет. Характерным явлением для дворянской революционности после рокового 1825 г. была потеря веры в восстание. Эти настроения коснулись и М. Орлова. При всех скидках на цензуру остается незабываемым «окончательный вывод» главного труда Орлова о том, что кредит это — «единственное средство, могущее закрыть навсегда ужасную эпоху политических переворотов и начать счастливую эру постепенных гражданских преобразований»⁴⁸. Этот вывод автор подчеркивал, и он вошел в текст и немецкого (осуществленно-го) и французского (неосуществленного) изданий, которых уж никак не касалась царская цензура. Труд Орлова «О государственном кредите» принадлежит уже николаевской эпохе.

⁴³ М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма, стр. 221.

⁴⁴ Там же, стр. 225.

⁴⁵ Там же, стр. 229.

⁴⁶ Там же, стр. 225.

⁴⁷ Там же, стр. 61.

⁴⁸ Там же, стр. 101.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СУДЬБА «РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» Ф. А. ЭМИНА

Е. Б. Бешенковский

«Российская история» Ф. А. Эмина давно уже пользуется печальной известностью. До сих пор бытует мнение, что в ней цитируются вымышленные источники и упоминаются такие факты русской истории, которых никогда не было на самом деле.

Эта оценка «Российской истории» вполне гармонирует с образом жизни ее создателя.

Федор Александрович Эмин был одним из тех искателей приключений, которыми так изобилует XVIII век. Он родился в Константинополе в довольно состоятельной семье, получил образование в Италии. По возвращении из Италии побывал в Алжире, Боснии, Португалии, Франции и в конце концов оказался в Англии без средств к существованию¹. В 1761 г. он явился к русскому посланнику в Лондоне князю А. М. Голицыну, принял крещение в посольской церкви и отбыл в Россию. Здесь Эмин в течение года выучил русский язык и за семь лет (до своей неожиданной смерти в 1770 г.) написал около 20 томов различных сочинений. Среди них были романы, сатирический журнал, религиозный трактат, правоучительные басни и... «Российская история». Это предсмертное сочинение Эмина, которое он так и не успел закончить, издавалось на счет Кабинета императрицы с 1768 (на титульном листе 1767) по 1769 год².

¹ Сохранилось четыре варианта биографии Эмина, имеющих между собой весьма мало общего (см. митрополит *Евгений [Болховитинов]*. Словарь русских светских писателей..., т. I. М., 1845, стр. 214—220). Самым достоверным оказался наиболее фантастический из них. Его данные подтверждаются архивными материалами Коллегии иностранных дел (Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Сношения с Турцией, 1761 г., оп. 8/1, д. 7).

² С просьбой о напечатании «Истории» Эмин обратился в Академию наук 25 сентября 1767 г. (см. *В. П. Семенников*. Материалы к истории русской литературы в царствование Екатерины II. Пг., 1915, стр. 138). Печатаение первого тома было закончено 11 января 1768 г. (Архив Академии наук СССР (далее — ААН), ф. 3, оп. 1, д. 310, л. 98). В ноябре — декабре 1767 г. пошел в печать второй том (там же). Его печатание было закончено 3 марта 1768 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, д. 678, л. 14). Деньги за напечатание I и II томов «Истории» были получены из Кабинета 20 марта 1768 г. (там же, д. 538, л. 162—162 об.). На следующий день оба тома одновременно появились в продаже («Санкт-Петербургские ведомости», 21 марта 1768 г.). Наконец, в марте — апреле 1768 г. пошел в набор третий том и

Оно появилось в то время, когда в русской историографии отчетливо выявилось два подхода к написанию истории России. Их возникновение было обусловлено состоянием разработки источников и тогдашними понятиями о смысле исторического творчества. «Все просвещенные науками европейские народы с двести уже лет и более неустанно в том трудятся, чтоб представить свету верное, обстоятельное и, сколь можно, подлинное описание бывших случаев объясняющее описание их состояния чрез все прошедшие веки. Одни мы, при всем нашем изобилии в хороших летоисчислениях, почти ничего на свет еще не произвели», — так писал И. И. Тауберт о современном ему состоянии русской исторической науки³. При таком положении вещей, когда историю России нужно было писать «с самого ея начала»⁴, одна группа исследователей (назовем их источникововедами) считала, что при существующем состоянии разработки исторических источников (главным образом летописей) еще рано писать историю всего государства в целом. Они полагали, что первоначально необходимо собрать источники и критически их обработать. Только после такой подготовительной работы можно было, по их мнению, писать историю России. К представителям этого направления можно отнести В. Н. Татищева, Г.-Ф. Миллера, П. И. Рычкова, А.-Л. Шлецера.

Их противники — Ломоносов, Эмин, Богданович, Елагин и многие другие — придерживались иного мнения. Они считали, что историю нужно писать на уже имеющемся материале, попутно подвергая критике сомнительные места в источниках. Потомки должны были исправить их ошибки и сделать историю более совершенной. Считая мораль главным атрибутом исторического сочинения, представители этого (риторико-нравоучительного) направления естественно стремились к тому, чтобы их поучения как можно легче доходили до читателей. С этой целью изложение драматизировалось и подвергалось литературной обработке.

Наличие этих двух направлений определило характер критики «Истории» Эмина в XVIII в.

Для источникововедов сочинение Эмина оказалось неприемлемым с самого момента его появления на свет. Еще до окончания печатания первого тома «Российской истории» она подвергалась критике А.-Л. Шлецера. Он не мог понять, каким образом Академия наук могла опозорить себя, напечатав «бесчестную книгу бессмысленного злопыхателя» (eines unsinnigen Bösewichtes)⁵. Шлецер считал, что «История» будет читаться людьми,

печатался частями по мере сочинения, до 13 октября 1769 г. (там же, д. 310, лл. 110, 123, 135, 147, 157; д. 318, лл. 155, 166, 178, 192, 202; д. 322, л. 102). Сохранилось предание, что Эмин работал над четвертым томом (см. «Литературное наследство», № 9–10. М., 1933, стр. 490). Местонахождение его нам не известно.

³ «Библиотека российская историческая...», т. I. СПб., 1767, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ «A. L. Schlözer und Russland». Berlin, 1961, S. 203.

которые не смогут удостовериться в ее истинности⁶. Эмин же, по его мнению, называет авторов, которые никогда не существовали, и ошибается в хронологии на 1000 и более лет. Считая, что подобное сочинение не может издаваться в академическом учреждении, Шлецер предложил убрать с титульного листа надпись «при императорской Академии наук». Но академическое начальство, по-видимому, не приняло во внимание точку зрения Шлецера и с некоторыми исправлениями⁷ «История» Эмина вышла в свет.

Тем не менее оценка Шлецера стала известна столичному обществу и была подхвачена литературными противниками Эмина.

В сатирическом журнале «И то и се» было напечатано стихотворение, автор которого, М. Д. Чулков, упрекает Эмина в том, что тот:

«...цифров не учил, но летописи строит,
И Волгою брега Санктпетербургски моит...
...взялся написать историю без смысла
И ставит тут Неву, где протекает Висла...»⁸

Аналогичная оценка была дана «Истории» в «Плачевном падении стихотворцев». Здесь М. Д. Чулков заставляет уже саму Кэли говорить:

«...колько долго я на свете нажила,
Бесчестия себе такого не видала,
Каким я за сего урода пострадала»⁹.

Среди критиков, примкнувших к источниковедческому направлению, можно назвать еще Г. Коницкого и М. М. Щербатова. Первый поместил в «Любопытном месяцеслове на 1775 год» статью под названием «Любопытные известия из епархии Могилевской», где обвинил Эмина в цитировании вымышленных источников¹⁰.

М. М. Щербатов выразился кратко и решительно: «...чужестранные (историки.— Е. Б.) в непростительные ошибки впали, а Эмина имени Истории недостойна»¹¹. Отношение Щербатова к творчеству Эмина несколько проясняется в цитируемом им с одобрением мнения А. П. Сумарокова о том, что «Историю» Эмина он не любит за то, что в ней много подробностей. «Эмин хочет нам сказать, какое в которой день Рюрик надевал платье, какие у него были на нем пуговицы и кто его шил, и потому

⁶ «A. L. Schlözer und Russland», S. 207.

⁷ Три четверти листа первого тома было перепечатано (ААН, ф. 3, оп. 1, д. 678, л. 1 об.).

⁸ «Сатирические журналы Н. И. Новикова». М.— Л., 1951, стр. 533.

⁹ М. Д. Чулков. Плачевное падение стихотворцев. СПб., 1769.

¹⁰ «Любопытный месяцеслов на 1775 год». СПб., 1775.

¹¹ М. М. Щербатов. Сочинения, т. II. СПб., 1898, стр. 522.

подает причину думать, что он выдумки свои пишет, а не историю»¹².

Этими высказываниями ограничивается круг известных нам оценок «Истории» Эмина представителями источниковедческого направления¹³. Как видим, их критика сосредоточилась на ошибках и выдумках.

Совсем иной была оценка сочинения Эмина представителями и «сочувственниками» риторико-правоучительного направления. Вначале они приняли «Историю» вполне благожелательно. С интересом ждал выхода в свет каждого ее тома ярославский помещик Тишинин¹⁴. С явным сожалением говорил о смерти Эмина и незавершенности его труда Н. Сумароков¹⁵. Весьма благоприятную оценку получает «История» и в новиковском «Трутне». В 1770 г. на страницах этого журнала появились «Стихи на смерть Федора Александровича Эмина, российской истории писателя»¹⁶ следующего содержания:

«Во время краткия своей на свете жизни
Он нашей описал деяния Отчины,
От отдаленнейших начавши самых лет,
С которых только мог Россию ведать свет.
Что Нестор написал, что предал Ломоносов,
Татищев и Хилков, писцы дел древних россов,
И множайших других писание мужей,
На коих шлется он в Истории своей,
Старался он сводить и привести в согласность,
Доказывая их одних с другими разность
По вычислениям исправным всех времен.
Ученой свет ему тем много одолжен,
Он сих его заслуг вовеки не забудет,
Бессмертная ему за труд сей слава будет...»¹⁷.

¹² М. М. Щербатов. Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина... М., 1792, стр. 68.

¹³ Оценка Г.-Ф. Миллера нам не известна. «История» Эмина хранилась в его библиотеке (РО ГБЛ, ф. 445, д. 32, л. 16).

¹⁴ «Письма гравера М. И. Махаева». — «Литературное наследство», № 9—10. М., 1933, стр. 490.

¹⁵ «Федор Эмин, известный, который начал писать Российскую историю от самых древних времен и обещал довести до нынешнего времени, но 1770 года умер. История осталась бес конца, а только ис сочинения его вышло три тома, и оные у меня стоят под нумерами 758, 759 и 877-м» («Собрание Российской библиотеки из разных достоверных авторов от самых древнейших времен, со многими ланкартами, портретами и гридированными фигурами украшенное. т. 3, собрана в селе Корцове 1771 году». — РО ГПБ, ОХVII — 122).

¹⁶ По позднейшей атрибуции эпитафия принадлежит В. Г. Рубану (Ф. А. Эмин. Путь к спасению... СПб., 1781, на нумерованных страницах).

¹⁷ «Сатирические журналы Н. И. Новикова», стр. 242.

Книга Эмина на некоторое время даже становится учебным пособием, появляется в списках пособий¹⁸ и цитируется в учебниках по русской истории¹⁹.

Русское просвещение в лице одного из главных его представителей — Н. И. Новикова — засвидетельствовало, что «собственные его (Эмина.— *Е. Б.*) сочинения, особливо «Российская история», достойны похвалы»²⁰.

Некоторые колебания в отношении риториков к сочинению Эмина появились, по-видимому, со времени выхода в свет первого тома «Истории» М. М. Щербатова. Читатели получили новый труд по русской истории, новую интерпретацию исторических событий и новую пищу для размышлений. И в печатных, и в рукописных текстах этого времени все чаще можно увидеть критические высказывания относительно ее достоинств. Но, если всмотреться в существо критики, становится очевидным, что ругают Эмина теперь за то, что прежде хвалили, т. е. за манеру изложения. Так, в одной из рукописей собрания Н. С. Тихомирова сохранилось сопоставление «Истории» Эмина с «Древней российской историей» М. В. Ломоносова. Неизвестный автор писал: «...читал Ломоносова Российскую историю; слышал с ней Еминову. В первом видел исторический слог Тита Ливия, сладость, которой способен наш язык, изображенную самим делом, словосочетание, удачно переносимое с латинского. Видел в краткой картине все, что можно сказать о нашей истории для слуха и понятия разумного человека. Ученость без сухости и самохвальства, красноречие без возгласаний. Словом, сочинение в своем роде столь же образцовое и превосходное, как Панегирик Петра I и его же оды.

Во второй видел писателя пространного, без вкуса, отваживающегося говорить о письменах, их не разумея, списывающего неискусно и грубо Ломоносова, критикуя его в малостях, не столько историка, как спорщика, разбирающего пустых мнений, делающего везде роман из истории, придающего страсти, движения малейшим своим лицам и пишущего нравочения до скуки»²¹.

Как видим, основное внимание в оценке неизвестного уделяется недостаткам изложения в «Истории» Эмина, причем затрагивается вопрос о характере нравочения, который остро деба-

¹⁸ В рапорте Академии наук И. Бакмейстер писал, что академической гимназии «недостает многих, отчасти необходимо нужных, а отчасти весьма полезных книг», среди которых назвал и «Российскую историю» Эмина (ААН, ф. 3, оп. 1, д. 310, лл. 339—340).

¹⁹ [И. Г. Фрейер.] Иеронима Фрейера Краткая всеобщая история, с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории для употребления учащегося юношества. С немецкого на российский язык переведена, исправлена и умножена при имп. Московском университете. М., 1769, стр. 78. Русская история для этого издания написана И. Г. Рейхелем (см. «Сводный каталог русской книги XVIII века», т. III, М., 1966, стр. 321).

²⁰ Н. И. Новиков. Избранные произведения. М., 1951, стр. 368.

²¹ РО ГБЛ, ф. 298/IV, картон 1, д. 1, л. 1.

тировался в литературной критике того времени. В качестве аналогии можно привести мнение Болотова о литературных сочинениях Эмина: «Географические и исторические его описания разных стран и народов и политические, равно как и прочие нравственные и ученые его рассуждения, могли б по справедливости быть хороши и полезны, но не здесь, а составляя особую книгу или будучи влетены в какое-нибудь выдуманное путешествие. А тут помещаемы они были им не только совсем некстати и не у места, но очень часто так неловко и непристойно, что без досады на сочинителя и на непомерное его и совсем неприличное умничанье никакому благоразумному читателю их читать не можно»²².

«Но, — пишет далее Болотов, — не менее... удивительно и то, как сыскиваются и охотники многие читать роман сей (Приключения Мирамонда. — *Е. Б.*). Каков он ни есть, но его читают, и есть люди, которые его еще хвалят и называют хорошим»²³.

Аналогичная картина наблюдается и в восприятии «Российской истории». Несмотря на критику, интерес к ней сохраняется до начала XIX в. Ссылки на сочинение Эмина можно найти в книге М. Дмитриева-Мамонова²⁴ и в ряде рукописных историй²⁵.

Сличение текста «Истории» с последующими историческими сочинениями XVIII в. дает возможность выявить ряд очевидных заимствований, которые были сделаны без упоминания источника.

Приведем конкретные примеры:

Эмин

Нехачин

«Вижу, что между нами единства нет. Каждый из нас по своей мысли и прихоти править и судить хочет, не зная, что его

«Вижу, что между нами единства нет. Каждый из нас по своей мысли и прихоти править и судить хочет, не зная, что его

²² «Из неизданного литературного наследия Болотова». — «Литературное наследство», № 9–10, стр. 199.

²³ Там же, стр. 200.

²⁴ *М. Дмитриев-Мамонов*. Хронология, переведенная тщанием сочинителя философа-дворянина из науки, которую сочинил г. де-Шевиньи, дополнил г. де-Лимьер для учения придворным военным и статским знатым особам, с прибавлением к тому китайской хронологии, подражая лексикону г. Морери и Российской хронологии, подражая сокращенной «Российской истории» г. Ломоносова, начальным семью книгам г. Эмина и Несторовой летописи, ч. 1. М., 1782.

²⁵ «Новый российский историк г. Федор Эмин, который недавно начал обширно и сколько ему возможно обстоятельно списывать российскую историю, уверяет некоторыми древними историками, что славяне поддления Института истории (далее — ЛОИИ), кол. 11, № 19 («История России до 1741 года»), л. 29 об.); РО ГБЛ, ф. 205, д. 68 («Гистория древняя российская, списана 1784 года апреля в 19 день»), на л. 18: «Г. Эмин в своей Российской истории приводит сих двух историков, которые писали...» (Брунака и Манкиева. — *Е. Б.*) (ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 642 («Краткое описание, с коего времени во граде Владимире, что на Клязьме, епископство началось»). На л. 69 приводится мнение Эмина о времени основания г. Владимира).

правление не много продолжится и что от частых таких перемен земли наши разорятся; неприятели к нам придут, поимут наших жен и будут творить с ними по своей воле и похоти. Мы с детьми нашими будем привязаны по хлевам, и будут нас продавать вместо скота»²⁶.

правление не много продолжится и что от частых таких перемен земли наши разорятся; неприятели к нам придут, поимут наших жен и будут творить с ними по своей воле и похоти. Мы с детьми нашими будем привязаны по хлевам, и будут нас продавать вместо скота»²⁷.

Совпадение текстов полное. Если учесть, что большая часть этой речи создана Эмином и не использовалась в предшествовавшей Нехачину историографической традиции, перед нами случай непосредственного заимствования без указания на источник.

Отдельные заимствования можно найти и у М. М. Щербатова. В качестве примера приведем сопоставление одного из пунктов договора Олега с греками 912 г.:

Эмин

«Когда ж убежит убиец, то взять наследнику убиенного часть имени убийца, а другую оставить жене его, исследовав прежде, описанное имение точно ли ему принадлежит»²⁸.

Щербатов

«...а ежели уйдет, то имение его да отдастся жене и ближним убиенного»²⁹.

Зависимость Щербатова от Эмина в данном толковании текста договора очевидна, поскольку Ломоносов, Татищев, Никоновская летопись и Кенигсбергский список Повести временных лет дают совершенно иную интерпретацию. В Никоновской летописи³⁰ и Кенигсбергском списке³¹ имущество убийцы делится между его женой и родственником убитого, а у Ломоносова³² и Татищева³³ «ближний убиенного сродник» получает и имущество и жену убийцы. Предполагать, что Щербатов самостоятельно исправил текст договора, трудно, поскольку он был знаком с «Историей» Эмина. Эмин же обоснованию своего истолкования посвящает обширное примечание, где доказывает, что текст договора испорчен переписчиками, так как предлагаемое в нем решение вопроса несправедливо.

²⁶ Ф. Эмин. Российская история..., т. I, стр. 59.

²⁷ П. Нехачин. Новое ядро российской истории от самой древности россиян и до нынешних дней благополучного царствования Екатерины II Великая, на пять периодов разделенное, ч. 1. М., 1795, стр. 14.

²⁸ Ф. Эмин. Российская история..., т. I, стр. 126—127.

²⁹ М. М. Щербатов. История российская... т. I, стр. 206.

³⁰ «Русская летопись по Никонову списку...». СПб., 1767, стр. 32.

³¹ «Библиотека российская историческая...», т. I, стр. 28.

³² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1952, стр. 223.

³³ В. Н. Татищев. История российская, т. II. М.—Л., 1963, стр. 37.

При обнаруживающихся данных о влиянии «Истории» Эмина на историографическую литературу конца XVIII в. уже не покажется таким странным отзыв Я. Галинковского³⁴. В 1802 г. на либеральной заре царствования Александра I, во время нового подъема просветительского движения в России, он дал восторженную оценку труду Эмина. Галинковский считал, что для своего времени Эмин сделал все, что мог, ибо он «первый образовал российскую историю, первый начертал ее в правилах, начертанных хорошим вкусом, показал просвещение, ученость, разборчивость, и ежели не достиг он вершины славы, то по крайней мере отнял до сих пор лавры у завидующего времени, которое никогда не прилагает печати совершенства к образцам дарований, дабы тем самым дать последующим своим любимцам путь к соревнованию и преимуществу»³⁵. Просвещение, ученость и хороший вкус — вот качества, которые, по мнению Галинковского, необходимы историку и которые первым внес в историю Эмин. Таким образом, Галинковский вполне солидаризировался с риторико-правоучительным направлением. Но для своего времени его взгляд был уже архаичен. Наступало время критической русской истории.

В 1802 г. вышел в свет плецеровский «Нестор»³⁶, который окончательно определил историографическую оценку «Истории» Эмина. В своем отзыве Шлецер в деталях повторил критику 1768 г. Но, если в свое время она оказала сравнительно небольшое влияние на русское общество, то теперь семя упало на благодатную почву. Высочайше одобренный классический труд Шлецера пользовался непререкаемым авторитетом в течение десятилетий. По нему учились исторической критике многие поколения русских историков. Поэтому неудивительно, что все последующие высказывания об «Истории» так или иначе связаны с оценкой Шлецера.

Уже в 1803 г. Н. М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов», сославшись на Шлецера, написал, что лучшим из романов Эмина была собственная жизнь его, а самым неудачным — его «Российская история»³⁷.

В 1806 г. Е. Болховитинов дал развернутую критику «Истории» Эмина³⁸, значительно пополнив список обвинений Шлецера. «Словарь» Болховитинова на долгие годы стал необходимейшим пособием для изучения истории русской литературы, и через

³⁴ Ю. М. Лотман. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский.— «XVIII век», сб. 4. М., 1959, стр. 242.

³⁵ Я. Галинковский. О писателях русской истории.— «Корифей, или Ключ литературы», ч. 1. СПб., 1802, стр. 107.

³⁶ А. Л. Schlözer. Nestor; russische Annalen in ihrer slavonischen Ursprache verglichen, gereinigt und erklärt. Göttingen, 1802.

³⁷ Н. М. Карамзин. Пантеон российских авторов.— Н. М. Карамзин. Избранные сочинения, т. II. М., 1964, стр. 218.

³⁸ «Друг просвещения», 1806, № 9, стр. 210—212.

него оценка Шлецера уже опосредованно влияла на читателей. В 1818 г. выходят в свет первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и начинается долгая полемика о судьбах русской историографии. В ходе этой полемики нередко упоминается и сочинение Эмина, причем отрицательное отношение к нему характерно для представителей самых различных политических симпатий. Здесь в одном ряду стоят Белинский³⁹ и Полевой⁴⁰, Арцибашев⁴¹ и Надеждин⁴², Я. Бередников⁴³ и Н. Устрялов⁴⁴. Имя Эмина становится синонимом невежества, примером недобросовестного отношения к историческому творчеству.

В этих оценках проявилась одна особенность исторического познания. Она заключается в том, что, еще не приступив к анализу источника, историк имеет уже некоторое априорное представление если не о самом источнике, то об уровне нравственной, политической и экономической жизни того времени. Когда показания источника не укладываются в эту общую картину, исследователь обычно подходит к ним довольно строго, применяя весь известный ему арсенал приемов исторической критики. В противном случае необходимость в подобном анализе не ощущается, историческая критика если и проводится, то формально и всегда есть соблазн провести аналогию с уже известными фактами других источников. В данном случае оценка Эмина — историка и авантюриста — вполне согласовывалась с собственной его биографией и с представлениями о XVIII в. как о веке авантюристов.

Эта согласованность оценки Шлецера с «духом эпохи» решающим образом повлияла и на такого крупного историка, как С. М. Соловьев. В 1854 г. в «Архиве исторических и юридических сведений» появилась статья С. М. Соловьева «Писатели рус-

³⁹ «У нас, у которых нелепые бредни, воскрешающие собой позабытую ученость Тредьяковских и Эминых, громогласно объявляются всемирными статьями, должественными произведениями решительный переворот в русской истории» (В. Г. Белинский. Собрание сочинений, т. I, М., 1952, стр. 24).

⁴⁰ «Есть два рода невежества, одно неученое, другое ученое, и второе гораздо смешнее и несноснее первого. Оно производило Рудбеков, Тредьяковских, Эминых и в наше время произвело книгу Венелина» (Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, т. II, М., 1864, стр. 375).

⁴¹ «Согласитесь, что у нас ахают сперва от всего, кричат: «Несравненно, бесподобно!» Так кричали о Татищеве, Щербатове, Штриттере и даже о Емине, а теперь уже не хотят их сочинений и в руки взять» (Н. Барсуков. Указ. соч., т. II, стр. 357).

⁴² «Эмин, которого Академия напечатала на свой счет в пользу сочинителя, самой выдумкой небывалых источников, на которые беспрестанно ссылается, доказывает, что он чувствовал требования и права критики» («Библиотека для чтения», раздел III, СПб., 1837, стр. 112).

⁴³ «В русской истории мы пятимся назад: Яковкина у нас заменяет Погодин, а Эмина — Полевой» (Н. Барсуков. Указ. соч., т. II, стр. 360).

⁴⁴ «До Карамзина прагматической истории в России не существовало. Татищев был последним летописцем, а Хилков, Ломоносов, Щербатов, Эмин, Елагин и пр. были настолько слабы, что их нельзя считать за историков» (Н. Устрялов. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836, стр. 9—10).

ской истории XVIII века». В ней он заимствует концепцию Устрялова о летописной и прагматической традиции в русской историографии и выделяет в прагматической традиции риторическое направление⁴⁵. Родоначальником этого направления С. М. Соловьев считал М. В. Ломоносова, а продолжателями — Эмина и Елагина⁴⁶. Основным стремлением риториков было сделать сухой язык летописи понятным для глаз несведущего читателя. Это стремление было уже безнадежно устаревшим и смешным для историка 50-х годов XIX в. Соловьев подвергает его сокрушительной критике. «Эмин хвалится в своем предисловии, — пишет он, — что оказывает услугу, очищая русскую историю от многих с правдой несходных повествований и от многих суеверий. Для этой очистки он берет бог знает какие источники, бог знает какие списки летописей и начинает витийствовать, сочиняя факты и речи действующих лиц, не щадя никаких средств для достижения своей цели, т. е. для украшения рассказа»⁴⁷. И далее: «Елагины и Эмины, стараясь вымыслами оживлять и украшать летописные известия, представляя первых князей в виде монархов XVIII века, не могли, однако, сообщить начальной русской истории никакого величия: Шлёцер, ограничиваясь одними краткими, сухими известиями летописца, сумел показать величие событий и величие заслуг исторических деятелей»⁴⁸.

Авторитет Соловьева окончательно закрепил скептическое отношение к научным достоинствам «Истории». Для П. Н. Милюкова Эмин продолжает оставаться историком-авантюристом, характерным представителем своего века, выдумщиком источников и фактов⁴⁹. Подобное же отношение прослеживается вплоть до 20-х годов нашего столетия. К этому времени можно отнести довольно подробную оценку «Истории» Эмина в неопубликованной работе Н. Д. Чечулина «Литература общественных знаний в XVIII веке»⁵⁰. Рукопись заключает в себе характеристику переводной и оригинальной литературы по философии, юридическим наукам и истории, вышедшей в России в XVIII в. Целью исследования было выяснить, какой духовной пищей удовлетворялось общество, что его интересовало. По словам Чечулина, «Эмин был человек даровитый, но авантюрист»⁵¹. Человек, в лучшем случае чрезвычайно легкомысленный, мог обещать все то, что обещает Эмин, приступая к истории обширного, чуть ли не тысячелетнего государства, почти не затронутого изучением⁵². Единственное достоинство «Истории» («неотрицательное качест-

⁴⁵ С. М. Соловьев. Собрание сочинений. СПб., 1901, стлб. 1381.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стлб. 1580—1581.

⁴⁹ См. П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, изд. 3-е. СПб., 1913, стр. 30.

⁵⁰ РО ГПБ, архив Н. Д. Чечулина, д. 5.

⁵¹ Там же, л. 387.

⁵² Там же, л. 388.

во», по терминологии Н. Д. Чечулина) заключается в том, что «она написана языком, для иностранца столь легким, что едва ли он не подправлен кем-нибудь»⁵³. Чечулина шокирует несовершенство причинных объяснений и чрезмерность нравоучительных сентенций, часто построенных на выдуманном материале⁵⁴. Источники, на которые ссылается Эмин, как правило, недостойны никакого доверия, этимологические объяснения — верх наивности и невежества. Впрочем, Чечулин признавал, что хотя книга Эмина ничего значительного не давала, но она читалась и в историографии долго употреблялись приемы, свойственные Эмину, как, например, сочинение речей. В отличие от Соловьева Чечулин наотрез отказывается возложить на Ломоносова вину за излишний риторизм «Истории» Эмина, ибо, по его словам, для этого вовсе не обязательно было иметь русский образец.

«Внутреннего сходства между ними нет никакого,— пишет Чечулин,— Ломоносов отвергал многое, что Эмин принимал бесспорно, Ломоносов не отделялся фразами, а опирался всегда на точные факты или на вполне основательные соображения. Эмин же часто ограничивался фразами и риторикой»⁵⁵.

В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. в связи с интересом к изучению буржуазной идеологии XVIII в. наблюдается тенденция к пересмотру установившегося взгляда на творчество Эмина, который считался тогда ярким представителем зарождавшейся в XVIII в. буржуазной идеологии. В этой связи стала вызывать интерес и его «История», наполненная «ссылками на несуществующие материалы и цитатами из них»⁵⁶. Однако эта тенденция не закрепились в историографической литературе последующего времени. Это заключение в полной мере можно отнести к капитальному труду Н. Л. Рубинштейна. По мнению Н. Л. Рубинштейна, «действительный путь науки получает наиболее полное и отчетливое выражение в ее наиболее ярких и типичных представителях»⁵⁷. Подобный подход к исследованию определил характер оценки творчества Эмина. Во многом пересмотрев традиционное мнение о центральных фигурах русской историографии, Рубинштейн последовал за сложившейся традицией в оценке незначительных ее представителей. У Рубинштейна, как и у Соловьева, Эмин является представителем риторического направления⁵⁸. «История» Эмина лишена научного зна-

⁵³ РО ГПБ, архив Н. Д. Чечулина, д. 5, л. 389.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, л. 393.

⁵⁶ Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин. Словесность и коммерция. М., 1929, стр. 175; А. Введенский. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII веков.— «Проблемы источниковедения», сб. 1. М., 1933, стр. 89.

⁵⁷ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 4.

⁵⁸ П. Гофман. Значение Ломоносова в изучении древней русской истории.— «Ломоносов. Сборник статей и материалов». М.—Л., 1961, стр. 205 (О зависимости Рубинштейна от Соловьева).

чения и представляет собой чисто литературное упражнение⁵⁹. У древних авторов черпает Эмин основной литературный прием — выдумку речей, которые произносят действующие лица в его «Истории»⁶⁰. Вывод Н. Л. Рубинштейна довольно неутешителен. «Во всем этом направлении,— пишет он,— было так же мало подлинной истории, как и в исторических писаниях названных авторов» (Эмина и Елагина.— *Е. Б.*)⁶¹.

По-видимому, оценка Рубинштейна была последним возвратом к традиции Шлецера — Соловьева, ибо со времени выхода в свет статьи Д. Д. Шамрая, предполагавшего, что в «Истории» Эмина использованы не дошедшие до нас рукописные материалы М. В. Ломоносова⁶², а сам Эмин покончил жизнь самоубийством в результате правительственных гонений⁶³, интерес к «Истории» значительно повысился. Одни исследователи признают, что Эмин действительно использовал какие-то не дошедшие до нас рукописи Ломоносова⁶⁴, другие предполагают, что Эмин использовал не материалы «Древней российской истории» Ломоносова, а его по-

⁵⁹ *Н. Л. Рубинштейн*. Указ. соч., стр. 92.

⁶⁰ Там же, стр. 94.

⁶¹ Там же, стр. 95.

⁶² *Д. Д. Шамрай*. Ф. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова.— «XVIII век», сб. 3. М.—Л., 1958, стр. 471—473.

⁶³ Там же, стр. 202. Аргументация Д. Д. Шамрая основана на том, что при описании болезни и смерти Всеволода III Эмин указывает: «В Никоне болезнь сего князя долго продолжалась, но Стрыйковский и Могила этот случай с большей вероятностью описывают, с ними и г. Ломоносов согласен» (*Ф. Эмин*. Российская история..., т. III. СПб., 1769, стр. 460). Поскольку в «Кратком российском летописце» о болезни Всеволода III ничего не говорится, Д. Д. Шамрай предположил, что Эмин использовал какие-то не известные нам рукописи Ломоносова. Но упоминания о болезни Всеволода III нет ни в «Синописе», который Эмин, следуя В. Н. Татищеву, называет летописью Петра Могилы, ни у Стрыйковского. Если следовать логике Д. Д. Шамрая, то следует предположить, что Эмин использовал какие-то неизвестные материалы Гизеля и Стрыйковского, что вряд ли вероятно. Тем не менее утверждение Эмина не выдумка. Различие в мнениях можно усмотреть из противоречивости датировки смерти Всеволода III. По Никоновской летописи он заболевает в 1212 г., а умирает в 1213 г. («Русская летопись по Никонову списку», ч. II. СПб., 1768, стр. 310). У Ломоносова (*М. В. Ломоносов*. Краткий российский летописец. СПб., 1760, стр. 12), в «Синописе» (*Иннокентий Гизель*). Синописис. СПб., 1762, стр. 115 со ссылкой на Стрыйковского) и по современным данным («Историческая энциклопедия», т. III. М., 1962, стлб. 773) год смерти — 1212-й. Разноречивость датировки в различных источниках вполне позволяет предполагать большую или меньшую продолжительность болезни.

Явно ошибочно и предположение Д. Д. Шамрая о самоубийстве Эмина. В метрической книге Санкт-Петербургского Андреевского собора под № 33 за 1770 год записано: «Придворный кабинет-переводчик Федор Александрович Эмин 35 лет (болезни точно не известной) умер 30 апреля (sic!) и погребен в Колтовском. Исповедан и причащен от протопопа Григория Тимофеева 769 году» (ААН, ф. 156 (А. И. Лященко), оп. 1, д. 6/2, л. 2).

⁶⁴ *Г. Н. Моисеева*. Ломоносов в работе над древними рукописями.— «Русская литература», 1962, № 1, стр. 193.

метки на рукописях⁶⁵. Автором последнего предположения замыкается список исследователей «Истории» Эмина. В книге С. Л. Пештича впервые прозвучала мысль о необходимости источниковедческого анализа исторических сочинений XVIII в. Опыт такого анализа был дан автором на примере изучения «Истории российской» В. Н. Татищева. Однако объем привлеченного материала не позволил ему применить ту же методику по отношению к остальным историкам XVIII в. В анализе творчества Эмина, наиболее подробном в историографической традиции, С. Л. Пештич отказался от источниковедческого изучения и свои выводы основал на материале, накопленном в предшествовавшей историографической традиции и анализе «Истории» вне ее связи с другими историческими сочинениями XVIII в. При этом, анализируя высказывания Эмина, С. Л. Пештич зачастую подчиняется непоследовательности его изложения. В результате получается конгломерат взаимно противоречивых оценок, которые можно увидеть даже на одной и той же странице текста. Сначала С. Л. Пештич признает, что главное качество истории по Эмину — политическое искусство⁶⁶. Затем на той же странице пишет, что «фактическая история плюс нравоучение — такова формула самого Эмина»⁶⁷. Аналогичным образом получается и с определением тех историков, которые служили Эмину образцами. С. Л. Пештич считает, что образцами для написания истории Эмину послужили Шлецер, историки-законописатели, а также сочинения Роллена⁶⁸. Затем то же самое говорится об античных авторитетах⁶⁹. И наконец, ко всей массе влиятельных предшественников присоединяется М. В. Ломоносов⁷⁰. В результате изучения творчества Эмина С. Л. Пештич пришел к выводу, что «хотя „Российская история“ не являлась научным трудом в строгом смысле этого слова, но признание необходимости философии для истории, критика баснословных рассказов некоторых источников феодальной историографии и абстрактной периодизации России, данной Шлецером, делали произведение Эмина небесполезным для ознакомления с основами русской истории и некоторыми передовыми воззрениями на нее, которые, однако, сам автор не смог применить при написании „Российской истории“»⁷¹.

История изучения творчества Эмина показывает, что его историографическую судьбу определила в основном критика Шлецера, развитая в дальнейшем Болховитиновым и Соловьевым. В результате сложилось общераспространенное мнение об Эмине

⁶⁵ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. II. Л., 1965, стр. 248.

⁶⁶ Там же, стр. 115.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, стр. 112—113.

⁶⁹ Там же, стр. 113.

⁷⁰ Там же, стр. 248.

⁷¹ Там же.

как об историке-авантюристе, который выдумывал источники и факты русской истории. Но, как мы видели, ни один из исследователей не пытался выяснить справедливость упреков, которые были сделаны Шлецером Эмину. Между тем анализ «Истории» показывает, что все «вымышленные» источники существуют.

Шлецер и Болховитинов объявляют выдуманными свидетельства о славянах у Полибия, Берозы, Плиния, Тацита, Плутарха, Иосифа Флавия и Птолемея. Считаются несуществующими: летопись Петра Могилы, Сильвестрова летопись, Киевские записки, Диодор Византийский, историческое сочинение Ксенофонта о скифах и сочинение Диоскора «о внуках Яфетовых».

Действительно, в сохранившейся части своего труда Полибий не упоминает славян. Однако он описывает скифов, которых многие русские ученые того времени считали славянами⁷². Видимо, поэтому Эмин, невзирая на критику Шлецера, все-таки оставил в тексте «Истории» ссылки на Полибия⁷³.

Если продолжить поиски упоминаний сочинений типа истории Диоскора «о внуках Яфетовых», то в конце концов можно дойти до абсурда, ибо таким путем находим неизвестные сочинения Нестора «О обрех»⁷⁴ и «Описание древности славянской»⁷⁵. Совершенно очевидно, что здесь нужно видеть не новые источники, а принятую в то время манеру ссылок на используемые сочинения⁷⁶. Таким образом, если Эмин упоминает в примечаниях Ксенофонтову историю о скифах, следует искать не «Историю о скифах», а сведения о скифах в «Истории» Ксенофонта.

Летопись Петра Могилы существовала. На нее кроме Эмина ссылаются П. И. Рычков⁷⁷ и Н. И. Новиков⁷⁸. Эмин же, следуя Татищеву, считает Петра Могилу автором Синописа, и под летописью Петра Могилы в ссылках «Истории» подразумевается Синописис⁷⁹.

Сильвестрова летопись, по традиции XVIII в., — тот же Кенигсбергский список «Повести временных лет» с 1117 г.

Наконец, под Диодором Византийским, по-видимому, нужно разуметь византийского историка Диодора Сицилийского.

Несколько сложнее обнаружить литовского хрониста по имени Брунак. Эмин неоднократно ссылается на него, указывая страницы какого-то печатного издания. Согласно указаниям Эмина, хроника Брунака находится в шести томах древних польских

⁷² «Флавий Иосиф, еврейский историк, упоминает скифов, сермат, то есть славян, перешедших через Дунай» (П. Рычков. Опыт казанской истории... СПб., 1767, в «реэстре». Разрядка наша.— Е. Б.).

⁷³ Ф. Эмин. Российская история..., т. I, стр. 38.

⁷⁴ Там же, стр. 22.

⁷⁵ Там же, стр. 26.

⁷⁶ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 180—181 и др.

⁷⁷ П. Рычков. Указ. соч., стр. 7.

⁷⁸ Н. И. Новиков. Избранные произведения, стр. 212.

⁷⁹ Аналогичной точки зрения придерживается Галинковский (см. «Корифей, или Ключ литературы», ч. 1, стр. 94).

узаконений», изданных в Варшаве в 1630 г. и в литовской летописи, переведенной на польский язык и изданной в Кракове в 1611 г.⁸⁰ Подтверждением справедливости слов Эмина может служить упоминание аналогичного издания в переписке Болховитинова⁸¹. Во всяком случае, поскольку тенденции к выдумыванию источников у Эмина не наблюдается, можно предполагать, что не выдуман и этот.

Совсем не так просто обстоит дело с выдумкой фактов в «Истории» Эмина. Для проверки этого известного в историографии тезиса рассмотрим постоянно приводящуюся в качестве примера выдумки речь Гостомысла к новгородцам. Эмин сам дает основания считать, что эта речь выдумана. «...Должен я всех уведомить,— пишет он в предисловии к I тому,— что многие речи, которые в сей истории разные говорят лица, выдуманы; например, речь, которую говорит Гостомысл к мятущемуся народу, уговаривая оный, дабы призвать Рюрика на владение, ни в одном нашем летописце не обрящется. Но есть ли Гостомысл оной не говорил, то по малой мере должен был говорить что-нибудь тому подобное, чтобы взволновавшийся, гордый и ничего не рассуждающий народ мог усмирить и привести к здравому рассуждению. Если бы он так, как пушут наши летописцы, только сказал: „Мы все потеряли разум; единства не знаем, должно нам призвать из чужой земли государя“ (Хилков в главе 4), то за такое увещевание они бы его в куски изрубили; но, конечно, он им говорил речь, наполненную важными причинами и доказательствами, что умел их склонить к столь великому и странному предприятю»⁸².

Заявление Эмина вроде бы согласуется с исследовательской традицией, которая также утверждает, что речь Гостомысла выдумана. Однако сопоставление сочинения Эмина с трудами его историографических предшественников показывает, что речь Гостомысла в «Истории» Эмина в значительной мере построена на материале аналогичной ей речи в «Ядре российской истории» А. Манкиева.

Эмин

Манкиев:

«Видю, что между нами единства нет. Каждый из нас по своей мысли	Видю, что между нами единства нет затем, что всяк из нас по своей
--	---

⁸⁰ См. *Ф. Эмин. Российская история...*, т. III, стр. I—II.

⁸¹ «Вы много меня обяжете, если из огромных польских 8 томов конституций выпишете то, что принадлежит до нашей церкви. Но что эта за книга? Не та ли, о коей упоминает Елагин в предисловии к 2 и 3 части своей истории в ответ Шлецеру, утверждавшему, что такой книги и на свете нет?» (Письмо Е. Болховитинова В. Анастасевичу от 21 января 1815 г.— «Русский архив», 1889, № 5).

⁸² *Ф. Эмин. Российская история...*, т. I, стр. XLIX—L.

и прихоти править и судить хочет, не зная, что его правление не много продолжится и что от частых таких перемен земли наши разорятся. Неприятели к нам придут, поимут наших жен и будут творить с ними по своей воле и похоти. Мы с детьми нашими будем привязаны по хлевам, и будут нас продавать вместо скота, а кто не имеет волов, тот на хребте нашем все потребное возить будет. Девушки наши претерпят бесчестное насилие, и мы, зря чады наши стыдом и кровию покрыты, слезами будем обливаться, не могучи им сотворить никакого вспоможения. Помыслите, друзья, о сем и ужаснитесь в сердцах ваших. Призовем из чужих земель, нам единоплеменных, человека мудра, и да владеет нами»⁸³.

А. Манкиева, по-видимому, следует считать создателем речи Гостомысла, поскольку предшествовавшая ему историографическая традиция дает ее либо очень кратко, либо в пересказе. Поэтому естественно, что Эмин обратился именно к этому источнику.

Начало речи, как видим, взято у Манкиева без всяких изменений. Заимствуя у него же дальнейший текст, Эмин стремится сделать его более логичным.

Так, вслед за начальной фразой «Вижу, что между нами единства нет» Манкиев делает попытку объяснить, почему же нет единства, и пишет: «...затем, что всяк из нас ... править и судить хочет». Предложенное Манкиевым объяснение вряд ли можно считать удачным, потому что фраза, призванная объяснить читателям, почему же нет единства, на самом деле тавтологична по отношению к первому предложению. Эмин, подметив эту ошибку Манкиева, исправляет ее, написав: «Вижу, что между нами единства нет. Каждый из нас по своей воле и прихоти править и судить хочет». Здесь содержание второго предложения конкретизирует и поясняет общую формулировку первого, но уже не является его причинным объяснением.

⁸³ Там же, стр. 58—60.

⁸⁴ [Манкиев]. Ядро российской истории. СПб., 1770, стр. 21—22.

мысли и прихоти править и судить хочет. От чего правление наших земель и дел медлится и мешается и из того разорение Великому Новуграду настоит; зане мы сами собой править не можем, то того ради нам надобны князи, которые бы нами владели; а таковы три брата князи из честного произведения крови обретаются в варяжской земле, разумом и храбростию воинскою славны, которых, чтоб суда приехали и нами владели, призвать советнее кажется»⁸⁴.

Дальнейший текст Манкиева подвергается Эмином уже более существенной переделке, объяснение чему можно видеть опять же в некотором несовершенстве манкиевского текста. Фраза Манкиева «От чего правление наших земель и дел медлится и мешается» довольно туманна. Здесь, во-первых, непонятно, отчего же «мешается» правление. То ли оттого, что всяк править и судить хочет, то ли оттого, что единства нет. Эмин дает более последовательное и точное изложение, а затем и вовсе отходит от манкиевского текста. Заимствовав далее татищевское «неприятели», Эмин приводит факты, которые можно было бы считать вымышленными, порожденными причудливой фантазией писателя. Тем не менее это не так. Реконструируя речь Гостомысла, Эмин старается максимально приблизить ее к летописи, как бы дописывая летопись за летописца. Факты, сообщаемые Эмином в речи Гостомысла, не выдуманы им, а заимствованы из летописи. Это становится совершенно очевидным из следующего сопоставления:

Эмин

Кенигсбергский список:

«...Поимут наших жен и будут творить с ними по своей воле и похоти. Мы с детьми нашими будем привязаны по хлевам, и будут нас продавать вместо скота, а кто не имеет волов, тот на хребте нашем все потребное возить будеть. Девицы наши претерпят бесчестное насилие...»⁸⁵

«...Сии ж Обри воеваша на Словены и примучаша Дулебы, сущие Словены, и насилие творяху женам Дулебским. Аще поехати бяше Обрину, не даваши впрячи ни коня, ни вола; повеляще впрячи три, четыре или пять жен в телегу и повести Обрина и тако муче Дулебы...»⁸⁶

Аналогичные, явно восходящие к источникам примеры можно встретить и в дальнейшем тексте «Истории»⁸⁷.

Не очевидно ли, что здесь мы сталкиваемся не с выдумкой, а с реконструкцией исторических событий, исправлением несовершенного и нелогичного с точки зрения человека XVIII в. текста летописи, т. е. с тем явлением додумывания источника, которое с большей или меньшей степенью вероятности продолжается до настоящего времени.

Исследование оценки Шлецера показало, что она в весьма малой степени соответствует действительности⁸⁸. Отсюда неверна

⁸⁵ *Ф. Эмин. Российская история...*, т. I, стр. 58—60.

⁸⁶ «Библиотека российская историческая...», стр. 11.

⁸⁷ «Народы кучами в плен отведены, девицы, претерпя насилие, подобие скота по половецким шатрам были продаваны» (*Ф. Эмин. Российская история...*, т. II, стр. 155). «На престоле сидящий и многими народами повелевающий князь будет заперт в гнусном хлеве, в котором татары обыкновенно невольников вместе со своим скотом держат» (там же, стр. 170).

⁸⁸ Причина столь резкого выступления Шлецера становится понятной, если мы обратимся к тексту «Истории» Эмина. В предисловии к I тому он

и сложившаяся под влиянием авторитета Шлецера историографическая традиция. Место «Истории» Эмина в русской историографии XVIII в. остается не определенным. Для решения этой проблемы необходимо сопоставить сочинение Эмина с трудами его предшественников и последователей и выявить то новое, что внесло оно в русскую историографию⁸⁹. Тогда мы сможем более объективно относиться к его ошибкам.

развенчивает все сделанное Шлецером в русской исторической науке. Так, Эмин полагает, что неправильна методика издания Никоновской летописи, ибо следовало исключить из текста баснословные известия. Вслед за Ломоносовым Эмин критикует норманнскую теорию (*Ф. Эмин. Российская история...*, т. I, стр. XXI), шлецеровскую периодизацию русской истории и, наконец, знаменитую методику критики источников. Сопоставление различных списков Эмин вообще считал излишним, поскольку, по его мнению, они все списаны с Нестора (там же, стр. XXV).

Шлецеру вряд ли пришлось по душе отрицательная оценка его трудов в России. Его служебное положение в то время было довольно шатким. Он находился в Геттингене, но продолжал оставаться на русской службе. Контракт кончился в 1770 г., и его продление во многом зависело от оценки деятельности Шлецера.

⁸⁹ Несомненным свидетельством серьезности замысла историка является довольно большое для того времени количество рукописей, собранных им для этой цели. «Я купил больше нежели на 200 рублей книг, из российской истории потребных да и ныне разные записки покупать старуюсь», — писал Эмин в челобитной, адресованной Екатерине II (ЦГАДА, ф. 10, д. 351, л. 367 об.). Часть рукописей из собрания Эмина находится в настоящее время в ФРГ. Среди них русские летописи, материалы к истории Малороссии, документы, относящиеся к царствованию Петра I и др. (см. *W. von Heyd. Die historischen Handschriften der Königlichen öffentlichen Bibliothek zu Stuttgart. Bd. 1. Die Handschriften in Folio. Stuttgart, 1891, S. 201—204* (Описание 10 рукописей из собрания Ф. Эмина). См. также «Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей». Составили Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. М.—Л., 1963, стр. 267, № 2362.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ

В. В. Баженов

Биография — наиболее читаемый вид исторических произведений, имеющий громадное воспитательное значение. Тем не менее механизм психологического воздействия ее и сегодня нельзя считать полностью раскрытым. Давно уже было замечено, что когда человек в пору становления своей личности задумывается над вопросом «делать жизнь с кого», он избирает себе образцом реально существовавшую историческую личность. А поскольку каждая эпоха выдвигает своих героев, жизнь и деятельность которых привлекает к себе общественное внимание, постольку биографические произведения приобретают большое аксиологическое значение. На произведениях Плутарха учились гражданственности деятели Великой французской буржуазной революции конца XVIII в., автобиография Мартина Лютера оказала влияние на складывание немецкого национального самосознания, Босуэлл в «Жизни Сэмюэля Джонсона» дал ставший классическим портрет англичанина XVIII в.

Зачастую историческое исследование выступает в виде биографического произведения, поэтому биография, как и любое другое историческое сочинение, представляет историографический интерес в двух аспектах: как исследование, внесшее определенный вклад в науку, и как явление научно-популярного порядка с присущей ему социальной функцией. Не случайно усиливающееся в последние годы внимание историков, занимающихся методикой исторических исследований, к проблеме биографического жанра. В круг задач историографического изучения начинают входить вопросы о том, какими средствами пользовались историки для написания своих работ, как воплощались творческие замыслы в статьи и книги, кто становился читателем научной продукции, какие исторические сюжеты волновали широкий круг читателей и какими общественными потребностями порождался этот интерес. Исследование произведений биографического плана в большей степени, чем рассмотрение других видов исторических трудов, позволяет дать ответ на эти важные в методическом отношении вопросы. Историографическому изучению биографической литературы посвящен ряд работ¹⁻². Важность

¹⁻² С. В. Оболенская. Франц Меринг — биограф Карла Маркса. — «История и историки». М., 1966; Л. И. Иванова. Биографические очерки в литературном наследии В. И. Ленина. — «История и историки». М., 1972; С. М. Во-

и своевременность методического исследования историко-биографической литературы отразились в выступлениях участников беседы «Биография как историческое исследование», организованной редакцией журнала «История СССР»³⁻⁴.

Многие вопросы историографического подхода к исследованию биографии остаются открытыми. Отсутствует четкая классификация видов биографических сочинений, нет ясности в терминологии. Все это создает немалые трудности для исследователя, но с несравненно большими трудностями сталкивается сам биограф.

Психологическая реконструкция личности оказывается исторически достоверной лишь на высоком уровне знания социальной, политической и культурной обстановки соответствующего периода. Кроме того, биограф сталкивается с необходимостью проведения кропотливых поисков документов о жизни своего героя, частая нехватка которых не позволяет убедительно истолковать мотивы его поступков.

Историческая личность в своих намерениях и действиях выражает социальные потребности времени, но выражает их лично, поэтому перед биографом стоит основной, по мнению А. И. Клибанова, вопрос — «как история выражается в данной личности и как данная личность выражается в истории»⁵.

Историку приходится обращаться к изучению деятельности и тех, кто содействовал общественному прогрессу, и тех, кто стоял на его пути. Но историзм марксистского подхода в обоих случаях показывает неизбежность и необратимость поступательного развития общества. Этот вывод следует из изучения жизненного пути участников революционного и освободительного движения, этому же учит на отрицательном примере деятельность даже самых выдающихся, талантливых представителей лагеря реакции. Примером того, как выведение образов диаметрально противоположных по историческому значению результатов деятельности представителей прошлого служило этой цели, является научное творчество Е. В. Тарле — крупнейшего мастера исторического портрета. Обращение к его опыту, изучение его биографического метода (под этим термином мы понимаем совокупность научных и литературных приемов показа роли исторических лиц в событиях прошлого) чрезвычайно полезно для разработки методики биографического жанра в исторических исследованиях.

На протяжении своей почти шестидесятилетней научной деятельности Тарле писал по многим ключевым проблемам западноевропейской и русской истории, создав целую галерею портре-

лин. Дореволюционные биографические публикации о В. И. Ленине.— «Вопросы истории КПСС», 1970, № 7; Л. В. Широкова. Н. К. Крупская — первый биограф В. И. Ленина.— «Ученые записки Коломенского педагогического института», т. 6, 1961, стр. 101—145.

³⁻⁴ «Биография как историческое исследование». — «История СССР», 1970, № 4.

⁵ Там же, стр. 235.

тов государственных деятелей и полководцев, писателей и ученых. Героями его произведений становились люди, олицетворявшие собой целые эпохи, и фигуры эпизодические, лишь однажды проявившие себя. Именно это переплетение самых разнообразных по своему значению персонажей и придает страницам, вышедшим из-под пера Тарле, живой колорит ушедших времен. Для историка не возникало проблемы, кто может быть героем исторического произведения — человек, стоявший во главе армии, или солдат, отличившийся всего в одном сражении. Рядом с флотоводцем Нахимовым совершенно естественно и закономерно показаны отставной матрос, офицер, прибывший с боевым донесением, и вдова погибшего воина, хлопочущая перед бывшим командиром мужа о пенсии. Читатель легко переходит от рассказа о тайных дипломатических маневрах, приведших к войне, к повествованию о бедствиях солдатской массы, принужденной участвовать в этой войне. Связь времен и событий предстает в их органической целостности.

Среди почти сорока монографий Тарле насчитывается немало названных именем какого-либо исторического лица: «Чарльз Парнелль», «Граф С. Ю. Витте», «Наполеон», «Талейран». Но в этих работах, биографических по названию, жизнь героя не заслоняет тех событий, в которых он участвует, и тех лиц, которые составляли его окружение. Книжки, посвященные крупнейшим явлениям социально-экономической, военной, политической истории, далеки от сухого академического изложения. Постоянно мелькают в них меткие характеристики, выплывают малоизвестные подробности частной жизни малоизвестных лиц, порой встают из забвения фигуры только однажды удачно выступивших на злобу дня журналистов или рабочих, ставших жертвами очередного антирабочего закона. Биографии у Тарле проникнуты историзмом, исторические исследования — своеобразным биографизмом, заключающимся в персонификации тех явлений прошлого, о которых он писал исследовательские работы.

Интерес к человеческой личности, переживающей современные ей исторические события, наследующей в себе результаты предшествовавшего общественного развития и участвующей в общественных процессах, был характерной чертой историка, прошедшего длинный и сложный путь поисков научной методологии. Юношей он пережил, по свидетельству А. С. Ерусалимского⁶, длительное и сильное воздействие Томаса Карлейля, выдвинувшего теорию толпы и героя. Именно у него, как считает В. И. Рутенбург⁷, заимствовал Тарле биографический метод,

⁶ А. С. Ерусалимский. Евгений Викторович Тарле (1875—1955).—*Е. В. Тарле. Сочинения*, т. I. М., 1957, стр. VII.

⁷ В. И. Рутенбург. Тарле — ученый и общественный деятель.— «Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е. В. Тарле». Л., 1972, стр. 10.

и это утверждение вполне справедливо. Интерес к концепции английского историка не был простым следствием того, что к херсонскому гимназисту попали книги популярного автора. Влияние Карлейля, еще не изучавшееся в нашей историографии, было весьма глубоким, проявившись в идеологии народничества, которое отводило решающее место в революционной борьбе герою-одиночке. Таким образом, методологические построения англичанина могли влиять на взгляды даже тех демократически настроенных русских людей, которые никогда не слышали имени пропагандиста «культы героев». А. Тарле в молодые годы испытывал горячие симпатии к народникам, участвуя в их журналах, поддерживая личные знакомства с их публицистами. Увлечение Карлейлем прошло довольно быстро, несостоятельность его концепции не оставляла сомнений у Тарле уже в студенческие годы. Но реминисценции былого увлечения видны в первой научной публикации, где он, давая оценку внутренним побуждений императрицы Марии-Терезии в крестьянском вопросе, писал: «Есть честные гуманные люди, которые побуждаются запросами совести и стремятся воздействовать известным образом на среду, в которой им привелось жить, но при всех своих реформаторских стремлениях они все время вращаются в цикле идей, которые не имеют ровно ничего опасного для существующего строя или несовместимого с его основами. Эти идеи уже широко распространены и только как бы ждали хорошо настроенного, благородного и к тому же, конечно, власть имеющего человека, чтобы облечься в плоть и кровь. К таким идеям принадлежала в половине прошлого века мысль о необходимости облегчить участь земледельческого класса; к таким людям относится Мария-Терезия»⁸. Видны следы этого влияния и в работах, написанных в начале 1900-х годов, т. е. когда в поисках научной методологии Тарле делает первые шаги от «экономического материализма» к изучению марксизма. Роль личности в историческом процессе по-прежнему занимает ученого. В статье «Социология и историческое познание», написанной в 1902 г., проводится разделение выдающихся личностей на «героев-политиков» и «героев мысли»⁹. Масса признается живущей своими сиюминутными, экономическими, прежде всего, интересами: «...Огромные массы в каждом народе остаются, за вычетом весьма редких мгновений, слишком безучастными к быстрой смене впечатлений, среди которых живет более культурная и больше о себе говорящая часть нации. Кажутся ли тому или иному слою этой более культурной части народа впечатления исторической действительности праздничными или будничными, или погребальными, до

⁸ *Е. В. Тарле. Крестьяне в Венгрии до реформы Иосифа II.— Сочинения, т. I, стр. 35. Работа написана в 1896 г.*

⁹ *Е. В. Тарле. Социология и историческое познание.— «Вестник Европы», 1902. № 10, стр. 456.*

всего этого народным массам нет никакого дела: у них своя жизнь, свои воззрения, свои более инертные и медленнее рас-
качиваемые мысли и чувства»¹⁰.

Понимание истинного соотношения роли личности, классов и масс в истории пришло не сразу. Тарле предстояло еще пережить и осмыслить события революции 1905—1907 гг., преодолеть эклектизм философских взглядов и понять марксизм как философию истории. Во многом содействовало этому его участие в демократическом движении, изучение философских трудов Г. В. Плеханова. Однако влияние Плеханова, стоявшего тогда на оборонческих позициях, не было однозначно положительным, и, вероятно, проявилось в настроениях самого Тарле. С Плехановым Тарле близко общался во время частых приездов во Францию. В последние дни кануна первой мировой войны Тарле принес Плеханову весть о голосовании германских социалистов за военный бюджет, а по возвращении из эмиграции в апреле 1917 г. — встретил Плеханова в Финляндии и сопровождал до Петрограда¹¹. В этот период поисков мировоззрения оттачивалось литературное мастерство историка, формировались основные принципы его биографического метода.

В первых биографических очерках, посвященных Бабёфу и Парнеллу¹², наметились достаточно четко основные принципы сюжетного построения: динамизм в рассказе о событиях, историзм при показе деятельности главного героя, психологизм характеристик, документированность изложения, внимание к реалиям.

В литературной манере Тарле легко чувствуется его лекторское дарование. Язык прост. Фраза обычно построена на лексике разговорной речи, не позволяющей употреблять слова иностранного происхождения. Лектор должен постоянно владеть вниманием слушателей, а это внимание возникает только тогда, когда предмет не перегружается лишними деталями и отступления служат фоном, на котором разворачивается главное действие. Биография самого героя, если ей предшествует обширный исторический или генеалогический экскурс, может стать расплывчатой и утратить необходимую занимательность. Тарле уже в этих первых работах взял себе за правило избегать выяснения всей родословной героя. Всего в нескольких строчках говорит он о происхождении Чарльза Парнелла: «Отец Парнелля был англичанин и протестант; его предки выселились из Англии в Авандельский

¹⁰ *Е. В. Тарле. Английская годовщина. 1827—1902. К семидесятипятилетию со дня смерти Джорджа Каннинга.* — Сочинения, т. I, стр. 269.

¹¹ Об этом обстоятельстве биографии Е. В. Тарле известно из рассказа самого историка в газете «День» за 5 апреля 1917 г.

¹² «Дело Бабёфа. Очерк из истории Франции» — написан в 1898 г. «Чарльз Парнелль. Страница из истории Англии и Ирландии» — написан в том же году и опубликован в 1899 г.

округ в Ирландии. За свое долговременное пребывание в Ирландии Парнели близко сошлись с ирландским населением, которому были чужды и по расе, и по крови, и спискали себе искреннюю любовь аборигенов их округа»¹³. В немногом сказано многое: читатель уже из этих слов может увидеть идейные истоки ирландских симпатий парламентского деятеля. При всей краткости этого сообщения оно не дает оснований считать Тарле историком, который намеренно пренебрегал деталями биографии. В жизнеописании Томаса Мора он достаточно подробно говорит о том, как была установлена точная дата рождения великого утописта¹⁴, но говорит об этом исключительно в связи с необходимостью определения этапов духовного роста молодого Мора. Динамизм начальных строк сразу вводит в курс дела и позволяет быстро перейти к рассмотрению исторически значимого в жизни того или иного лица. Одного предложения хватило и для сообщения о происхождении и рождении Джорджа Каннинга: «...родился в апреле 1770 г. в семье бедной (хотя и довольно старинной)»¹⁵. В 1946 г. Тарле выразил в письме от 24 сентября писателю Е. Л. Ланну этот свой принцип¹⁶, который он никогда не нарушал и с предельной лаконичностью воплотил в «Наполеоне».

Отбирать только важнейшее из личного и в той только мере, в какой личное перекликается с общественно значимым,— вот чем руководствуется Тарле в биографических произведениях. Сами по себе подробности биографии малоинтересны. «...мы не пойдем идеи Томаса Мора, если закроем глаза на социально-экономическое положение Англии в начале XVI в., но мы пойдем их, если даже не будем знать, что Томас Мор был английским канцлером и другом (а потом врагом) Генриха VIII»¹⁷.

Биография у Е. В. Тарле — всегда историческое исследование в лучшем смысле слова, так как вся психология его творческого мышления проникнута историзмом, пишет ли он собственно исследовательскую монографию, публицистическую статью или выступает как литературный критик. Целый ряд биографических его произведений вырос из занятий, например, историей русского военно-морского флота (Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин)

¹³ *Е. В. Тарле. Чарльз Парнель. Страница из истории Англии и Ирландии.*— Сочинения, т. I, стр. 124.

¹⁴ *Е. В. Тарле. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени.*— Сочинения, т. I, стр. 224.

¹⁵ *Е. В. Тарле. Сочинения, т. I, стр. 271.*

¹⁶ «Жду вашего Диккенса. Я уже знаю, что начнете, как мне нравится: родился тогда-то, там-то, родители — то-то и пр. А не так: „Он потянулся, чихнул и рывком родился. А кругом теснились облака со вспотевшими боками. Он поглядел и тоже вспотел“» (из письма от 24 сентября 1946 г. *Е. Л. Ланн. Евгений Викторович Тарле.*— «Проблемы истории международных отношений», стр. 66).

¹⁷ *Е. В. Тарле. Сочинения, т. I, стр. 24.*

или Крымской войной (П. С. Нахимов)¹⁸. Иной раз даже трудно бывает провести четкую разграничительную линию между собственно биографией и обширными социальной, военной, политической областями, в которых живет и действует личность. Историзм предполагает умение понять не только социально-экономическую и политическую обстановку времени, но и психологию эпохи в ее разнообразных классовых, религиозных, культурных проявлениях. Особую важность знание психологии имеет для понимания внутреннего мира давно жившего лица. Биограф должен всегда выбирать: или показать своего героя с позиций тех морально-этических представлений, которые существенно изменились за прошедшие годы, десятилетия, а то и столетия и современны автору, или же отдать предпочтение аллюзионному методу, т. е. сопереживать жизненный путь изображаемого лица, исходя из нравов людей минувших эпох.

Первый способ был чреват опасностями упрощенчества и модернизации, второй нашел сторонников среди авторов широко распространявшихся в 20-х годах XX в. «биографических романов» — к этому чтиву Тарле всегда относился с недоверием. Слишком часто желание показать избранную личность с лучшей стороны (по представлениям тех, в расчете на кого писались подобные романы) выливалось в фальсификацию: «под видом исторических фактов читателю преподносится явная выдумка»¹⁹.

«Герой должен быть реальным»²⁰, — требовал историк, критикуя искажение образов Степана Разина и Салавата Юлаева в книгах писателя С. Злобина, у которого они с самыми добрыми намерениями «представлены уже очень достопочтенными государственными деятелями, такими солидными дядями, всегда говорящими нечто мудрое, весьма рассудочное...»²¹. На первый взгляд требование показывать героя «реальным» ни у кого, вроде, не может вызвать сомнений. К сожалению, чаще всего нарушается как раз это простое требование. Побуждение показать симпатичного автору героя в выгодном свете оканчивается не внушающей доверия идеализацией. Тарле указывал на пример Пушкина, «который под носом у Бенкендорфа сумел изобразить по-своему симпатичного, великодушного Пугачева, способного руководителя восстания, но склонного и к разбойничьим увлечениям»²².

¹⁸ Первые публикации: *Е. В. Тарле. Адмирал Ф. Ф. Ушаков на Средиземном море в 1798—1800 гг.* — «Морской сборник», 1945, № 11—12, стр. 89—132; 1946, № 1, стр. 70—96; *он же. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море (1805—1807)*. М., 1954; *он же. Нахимов*. М., 1940.

¹⁹ *Е. В. Тарле. Исторические книги для детей.* — Сочинения, т. XI. М., 1961, стр. 840.

²⁰ Там же, стр. 841.

²¹ Там же.

²² Там же.

Неприязнь к исторической фигуре под неисканным и увлекающим пером оборачивалась неуместным и столь же сомнительным в смысле исторической правды очернительством, расширявшимся до искажения, оглушения и принижения сил, поддерживавших неприятное автору лицо (реакционного политического деятеля, церковника, предводителя иноземного нашествия), не говоря уже о самом этом лице. Получалось, что «все враги — шведы, татары и прочие предстают слабыми, только и ждущими, когда их разобьет герой, размахивающий дубинкой на страницах наших исторических книг»²³. А ведь «Полтавская победа Петра была победой над грозным врагом. И татары были отнюдь не такими дикими, как это когда-то изображалось в историографии. Нашествие татар было очень зрело обдуманное предприятие»^{24–25}.

В историческом исследовании имена рядовых людей нередко смотрятся в тексте примерно так же, как название города на географической карте; читатель узнает имя, которое, мелькнув перед глазами, исчезнет навсегда из памяти, не сопровождаемое ни единым поясняющим словом. Просто имя в длинном ряду таких же названных по имени людей, о которых ничего не известно, кроме того, что они тогда-то были там-то. Это пример персонификации, несколько не освобождающей историческое произведение от социологической схемагизации (особенно страдает персонификация, когда имена служат не более чем довеском к статистическим выкладкам: такой-то имел столько-то земли — здесь лучше простая статистика в чистом виде). В книгах Тарле таких примеров не найти. Мастер, всегда проявлявший повышенный интерес к человеческой личности, предпочитал в таких случаях социологическое обобщение, которое могло бы показать (например, в области военной истории), «как питался, одевался, работал, жил, служил русский солдат...»²⁶. Относительно русского солдата ему не привелось написать работы, но важность создания обобщенных социально-психологических характеристик для Тарле вне сомнений. В разработке, в частности, этой темы видел он долг исторической науки²⁷.

Правдивым может быть только то историческое и биографическое произведение, которое написано со знанием реалий. Прекрасно ориентируясь в деталях быта различных времен, Тарле, как правило, избегал цифрового материала в подаче читателю и старался строить изложение так, чтобы оно легче действовало на воображение. В описании сражения при Четати в Крымскую войну, где русским частям пришлось штурмовать неприятеля, оградившегося рвом, несколько слов о подвиге солдата Никифора

²³ Там же, стр. 842.

^{24–25} Там же.

²⁶ *Е. В. Тарле. Крымская война.* — Сочинения, т. VIII. М., 1959, стр. 70.

²⁷ Там же, стр. 71.

Дворника, который прыгнул в ров, чтобы по его плечам товарищи перешли препятствие, красноречиво говорят о фортификационной технике середины прошлого века. Получаешь представление и о ширине, и о глубине этого рва, хотя ни то ни другое не выражено в цифрах²⁸. Цифровые данные неизбежны в любой исторической работе, но читателю, где возможно, их следует показать самым наглядным и выигрышным способом. Можно о стрелковой подготовке русской армии перед Крымской войной сказать цифрой — 10% попаданий пуль в мишени на учебных стрельбах. Указание же на то, что «в русской гвардии при стрельбе в цель на 200 шагов из 200 выпущенных пуль лишь десятая часть попадает в мишень в одну сажень ширины и такой же высоты»²⁹, взятое из наблюдений современников, позволяет Тарле сохранить колорит времени, и в памяти оседает удручающая картина военной неподготовленности царской России к войне.

Россыпь живописнейших бытовых характеристик отличала работы молодого Тарле. Сопереживание ушедшему времени возникает от рассказа об обстоятельствах возвышения Каннинга: «...Дворцы лондонской знати горели сотнями свечных люстр, карета Каннинга неизменно красовалась у подъезда, потому что ни один истинно фешенебельный бал без него не обходился». А нужно сказать, что в эти годы, до парламентской реформы, вся власть над страной, все влияние в парламенте принадлежали олигархии — маленькой кучке знатных семейств, сажавших кого угодно в нижнюю палату и заполнявших самолично палату лордов; иметь успех в свете значило даже не косвенно, а в самом прямом смысле приближаться быстрыми шагами к первым государственным постам; «важные старики, обсыпанные пудрой и нюхательным табаком, на берегах Темзы еще больше, чем в иных местах, приглядывались к молодежи, блиставшей в танцевальных залах и за ломберными столами, и намечали из ее среды себе помощников»³⁰.

Интерес к быту прошлых времен сохранился и в творчестве зрелого мастера и прославленного историка, всегда протестовавшего, особенно если дело касалось популярных книг, против такого литературного построения, из которого нельзя было узнать, «как же путешествовали царские воеводы или Разин, курьерскими поездами или обыкновенными, и какие пароходы ходили по Волге-матушке»³¹. С восхищением отмечал Тарле, что «Маркса интересуют не исключительно общий ход исторического процесса: он приводит множество фактов из биографий действующ-

²⁸ *Е. В. Тарле. Крымская война.* — Сочинения, т. VIII, стр. 275.

²⁹ Там же, стр. 49.

³⁰ *Е. В. Тарле. Английская годовщина.* — Сочинения, т. I, стр. 274.

³¹ *Е. В. Тарле. Исторические книги для детей.* — Сочинения, т. XI, стр. 842.

щих лиц»³². Историк может отбрасывать множество мелочей, когда пишет исследование, но его профессиональная обязанность знать эти мелочи. Галина Серебрякова вспоминает, как в пору ее работы над «Юностью Маркса» Тарле указал на несколько погрешностей в описании бытовой стороны немецкой жизни первой половины XIX в. В частности, отметил, что Маркс-гимназист подавал свои ученические сочинения написанными разборчивым, аккуратным почерком, ничего общего не имевшим с тем марксовским трудночитаемым почерком, который он приобрел в зрелые годы³³. Деталь незначительная и художественно похожая на правду, но исторически — это искажение определенных условий, окружавших молодого Маркса. Подобных указаний на неточности в реалиях много в литературно-критических статьях Тарле.

Знание множества реалий различных времен, умение в нескольких словах дать характеристику русского солдата или французского ученого, воссоздавая, таким образом, социальную и психологическую атмосферу, — неотъемлемая часть биографического метода Тарле. Историк должен избегать малейших искажений духа эпохи, каждое его сообщение должно быть строго документировано. И Тарле для написания каждой своей работы обращался к обширнейшему кругу литературы, затрагивавшей не только сам предмет будущего исследования, но и темы побочные. Он обращался не только к архивным материалам военных и дипломатических ведомств (если писал о войне), но и подбирал малейшие свидетельства об умонастроениях современников, сохранившиеся в частной переписке людей, далеких от театра военных действий и все же неизбежно затрагиваемых войной, пусть даже крайне опосредованно.

В годовщину столетия смерти А. С. Пушкина на страницах журнала «Литературный критик» развернулась полемика между Е. В. Тарле и одним из крупнейших пушкинистов Б. В. Томашевским о принципах издания в наши дни прижизненно напечатанных произведений поэта. Томашевский положил в основу новых изданий публикации пушкинского времени, полные цензурных искажений и сокращений текста, считая необходимым печатать так, как печатал сам Пушкин. Тарле возразил против подобного метода: «Пора, наконец, получить то, что Пушкин хотел напечатать, но не мог, а вовсе не то, что граф Бенкендорф считал уместным из Пушкина дать читателям 100 лет тому назад или что Пушкин скрепя сердце „перебелил“, зная, что „черновики“ Бенкендорфы не пропустят»³⁴. Необходимо восстанавливать подлинный облик исторического лица, истинные его помыш-

³² Е. В. Тарле. Карл Маркс за изучением всемирной истории.— Там же, стр. 818.

³³ Галина Серебрякова. Историк.— «Литературная Россия», 1967, № 21.

³⁴ Е. В. Тарле. Заметки читателя.— Сочинения, т. XI, стр. 667.

ления, а не ограничиваться фиксацией того облика, который до нас дошел в силу определенных политических условий, — так считал Тарле. Убедительность его аргументации в этой полемике увенчалась принятием пушкинистами принципа издания на основе первоначальных, нецензурованных оригиналов.

В литературных своих приемах Тарле избегал всего, что, придавая книге занимательность, могло бы вызвать сомнение в исторической правде. Историкам античности свойственно было заполнять свои сочинения диалогами и речами героев. Руководствовались при этом установившимися риторическими правилами, так как в большинстве своем книги рассчитывались на публичное чтение. Эмоциональное воздействие на слушателей исторических сочинений в отдельные периоды античности бывало невозможным, если герой не произносил речей. И уже в античности недостоверность придуманных речей (например, у Фукидида) вызвала критику. Но в биографических произведениях нового времени, особенно в беллетризованных биографиях, беседы действующих лиц, речи основного героя, его внутренние монологи стали распространенным явлением. Критики часто указывали на недостоверность этих речей, на нежелательность самого этого приема, но погоня за занимательностью вновь и вновь толкала авторов на этот путь. Особенно часто встречались вымышленные разговоры и монологи в книгах серии «Жизнь замечательных людей». Подчас автор биографии строил монолог на основе написанного своим героем, как это можно видеть в биографии «Маркс и Энгельс» Галины Серебряковой³⁵. Читатель, естественно, замечал искусственность такого построения, на что указывала А. Акимова³⁶. Но так или иначе биограф, стремившийся к живости описаний, неминуемо должен был вводить, пусть в небольших дозах, разговорную речь героя. И здесь полезно обратиться к замечаниям Тарле.

В его книгах герои говорят, но это короткие, афористичные фразы, надолго запомнившиеся живым свидетелям и точно переданные в письмах и воспоминаниях. Встречаются диалоги, но только взятые из источников, повествующих именно о таких диалогах. Произносятся речи, но это действительно произнесенные речи, например выступления Парнелла в британском парламенте. Каждое слово героя оживляет текст и в то же время своей документальной подтвержденностью лучше помогает понять психологию действующего лица. Документированность — залог историзма. Тарле, пользуясь многими средствами создания психологических характеристик, избегал лишь одного — авторского до-

³⁵ Галина Серебрякова. Маркс и Энгельс, вып. 4 (421). М., 1966 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

³⁶ А. Акимова. История и биография. — «Прометей. Историко-биографический альманах», т. 1. М., 1966, стр. 353.

мысла, будь то при помощи логического мышления или художественного воображения.

Важным отличительным качеством биографических работ Тарле являлось их созвучие настроениям читателей и обусловленность их появления общественным интересом именно к этой тематике. Биограф не произвольно выбирает сюжет вне всякой связи с современной ему жизнью. Исторический облик героя обладает несомненным ценностным значением. Трудно себе представить советского читателя за изучением жизни Симеона Столпника или Василия Блаженного, хотя их жития в свое время вызывали неподдельный интерес людей с религиозным мировоззрением. В то же время биографии церковных деятелей, сыгравших важную роль в общественных движениях прошлого, и поныне интересны читателю-атеисту, ибо без Мартина Лютера, Жана Кальвина, Томаса Мюнцера нельзя понять Реформации, а без патриарха Никона и протопопа Аввакума окажется обедненной русская история XVII в. И уже совершенно невозможно представить нашего читателя не проявляющим интереса к биографиям революционных деятелей, крупных полководцев, государственных деятелей. Поэтому Тарле, будучи на протяжении всей своей жизни активным общественным деятелем, стремился к выведению тех фигур прошлого, которые более всего волновали читателя, будили его мысль и патриотические чувства.

На рубеже XIX и XX вв., когда «коммунистические воззрения приобрели уже не исключительно литературный, но и научно-политический интерес»³⁷, закономерным было обращение историка к образам Томаса Мора и Бабёфа^{38—39}. После Великой Октябрьской социалистической революции и побоища первой мировой войны Тарле создал книги о французских революционерах и событиях мировой войны, о политических деятелях, стоявших у власти накануне 1914 г. В 30-х годах XX в., когда обострилась международная напряженность и дипломатия буржуазных государств Европы вступала в сделки, направленные в конечном счете против СССР, появились биографии Талейрана и Наполеона. Первая из них, поведав о продажности кумира буржуазной дипломатии, говорила о необходимости в новых условиях не забывать извечной сущности международной политики буржуазных правительств; вторая — учила на опыте выдающегося полководца и одного из самых грозных военных противников русского народа патриотизму, который обрек на поражение наше вступление французов 1812 г. Оба эти произведения стали вершинами биографического творчества академика Тарле и до сих пор

³⁷ *Е. В. Тарле. Общественные воззрения Томаса Мора...— Сочинения, т. I, стр. 251.*

^{38—39} *Е. В. Тарле. Дело Бабёфа. Очерк из истории Франции.— «Мир божий», 1898, № 4, стр. 73—99; № 5, стр. 1—24.*

занимают почетное место среди лучших образцов советского биографического жанра.

Появление «Талейрана» и «Наполеона» было подготовлено тем переломом в развитии исторической науки, который наступил в результате преодоления ошибочных взглядов М. Н. Покровского. В концепции последнего не находилось достойного места для личности в общем ходе исторического процесса. Сам Покровский дал множество прекрасно написанных характеристик деятелей прошлого, но в его работах отношения личности и общества выступают только как влияние общества на личность, без обратной связи. Индивидуальность с этой точки зрения не имеет значения или имеет очень мало. Отказ от исторической концепции Покровского значительно расширил область исторических исследований. Резко возрос интерес к историческому прошлому, сказавшийся даже в области художественной литературы увеличением числа исторических романов. Наступил новый период и в биографическом жанре.

До середины 20-х годов XX в. выходило значительное количество биографических произведений, выпускались биографические словари, материалы для биографий представителей революционного движения, но во второй половине 20-х — начале 30-х гг. таких работ печаталось сравнительно немного. Постановления ЦК ВКП(б) 30-х гг. по вопросам истории оживили работу в этом направлении. Была основана биографическая серия для молодежи «Жизнь замечательных людей». Тарле не остался в стороне от важнейшей задачи историков 30-х годов XX в. — показать исторический процесс во всей его сложности и многообразии. В 1934 г. он пишет биографический очерк о Талейране для готовящегося издания его мемуаров⁴⁰. Эта работа положила начало целому ряду биографических произведений Тарле, сделавших его имя широко известным в нашей стране. Особое место среди них заняла книга «Наполеон», которая писалась специально для серии «Жизнь замечательных людей». 28 марта 1935 г. Тарле, приехав в Москву по делам Государственного ученого совета, принялся за новый труд⁴¹.

Писал Тарле легко и быстро, вся книга — плод вдохновения ученого, который давно был готов к ее написанию. Впервые он обратился к теме жизни Наполеона еще в 1912 г., когда отмечался столетний юбилей Отечественной войны. В начале 20-х годов XX в. он работал над биографией Наполеона (издательство «Брокгауз — Ефрон» в 1923 г. объявило о подготовке к печати в серии «Образы человечества» двух книг Е. В. Тарле—

⁴⁰ Е. В. Тарле. Талейран.— В кн.: *Талейран*. Мемуары. Старый режим. Великая революция, Империя. Реставрация. М.—Л., 1934, стр. 15—127.

⁴¹ Он писал О. Г. Тарле 28 марта 1935 г.: «Первый день без лекций, но не отдыхаю, а начал писать «Наполеона» для Тихонова и Горького» (Архив АН СССР, ф. 627, оп. 4, д. 155, л. 26).

«Наполеон» и «Бисмарк»). В 1934 г. Тарле приступил к написанию совершенно новой книги. Через четыре месяца после начала работы «Наполеон» был готов, рукопись представлена в издательство, и в 1936 г. книга вышла из печати, восторженно встреченная читателями в СССР и за рубежом. Уже в следующем году появились переводы: французский, английский и два польских. Это было международным признанием удачи автора, писавшего в то время, когда наполеоновская историография во всем мире насчитывала около двухсот тысяч наименований, включая не одни только научные труды, но и биографии, написанные такими авторами, как Вальтер Скотт и Стендаль. «Наполеон» Тарле был именно той книгой, в которой содержалось историческое переосмысление роли Наполеона и бонапартизма как политического явления.

Были в книге и недостатки. Критика тех лет не прошла мимо одного из них — своего рода любования личностью Наполеона. Так, Н. М. Лукин в ряду прочих просчетов отметил, что «...исторически верный портрет Наполеона I, нарисованный проф. Тарле, несколько испорчен в конце книги (главы «Сто дней» и «Остров св. Елены»), где несомненно чувствуется известное влияние „наполеоновской легенды“»⁴². Дм. Кузнецов, выступивший в 1937 г. на страницах газеты «Известия», упрекал Е. В. Тарле в том, что «на всем протяжении книги мы видим лишь пешек в руках первого консула, позднее — императора. Как создавался гражданский кодекс? Как угадывал Наполеон нужды своей буржуазии, деспотом и слугою которой он был? Как действовал механизм идеологического воздействия господствующего класса на свою власть, без наличия которого невозможно ничего понять в наполеоновской эпохе? Все это неизвестно, все это поглощено образом цезаря, гиганта, сверхчеловека»⁴³. В концепции цезаризма видел автор этой рецензии важнейший недостаток книги. Многие нарекания в отзывах печати были справедливы, однако Тарле высказывались и такие претензии, которые следовало бы адресовать автору исторического исследования обо всем наполеоновском периоде в истории Франции. Следует сказать, что правовым нормам жизни империи Е. В. Тарле уделил немало страниц «Наполеона», а задолго до этой книги выпустил исследование «Печать во Франции при Наполеоне I» (1913 г.), построенное на гораздо более широком привлечении источников, чем это было бы необходимо для освещения работы комиссии по разработке кодекса в тексте биографической работы. Биография уже в силу специфики этого жанра требовала осветить степень личного участия Наполеона в работе комиссии, и Тарле показал особенности характера им-

⁴² Н. М. Лукин. Е. Тарле. Наполеон.— Н. М. Лукин. Избранные труды, т. I М., 1960, стр. 504.

⁴³ Дм. Кузнецов. Против фальсификации истории.— «Известия», 10 июня 1937 г.

ператора, проявившиеся в ходе этой работы. Конечно, можно было бы уделить особую главу Наполеону-законодателю и написать несколько страниц о его юридической подготовке и общественных условиях, определивших именно такую подготовку. Но Тарле ограничился всего несколькими фразами: «Однажды, посаженный за что-то на гауптвахту, он совершенно случайно нашел в помещении, где был заперт, неизвестно как попавший сюда старый том юстиниановского сборника (по римскому праву). Он не только прочел его от доски до доски, но потом, почти 15 лет спустя, изумлял знаменитых французских юристов на заседаниях по выработке наполеоновского кодекса, цитируя наизусть римские дигесты. Память у него была исключительная»⁴⁴. А Наполеон-законодатель предстает в книге там, где речь идет о государственных его преобразованиях, военной деятельности, отношениях с другими государствами, о социально-экономическом положении Франции. Соотношение части и целого найдено умело, результат этого поиска воплотился в компактной, читающейся без напряжения биографии, а не в нескольких томах ученого компендиума, иногда столь же скучного, сколь обстоятельного и обширного.

Тарле никогда не стремился писать больших по объему трудов. Занятый переработкой «Талейрана» для нового издания, он писал Е. Л. Ланну в 1946 г., что эта книга «будет полнее, научнее и скучнее раза в $2\frac{1}{2}$ »⁴⁵. Стиль «Наполеона» ярок и при наличии большого количества эпитетов, метафор, гипербол во фразе очень лаконичен. Концовки глав написаны эффектно, как и во всех прочих биографических сочинениях историка.

В «Наполеоне» проявилась еще одна черта Е. В. Тарле как исследователя и публициста — стремление к проведению исторических аналогий. Прием, при котором события прошлого сопоставляются с событиями настоящего, а жизнь и деятельность исторической личности — с деятельностью современника, включает в себе немало соблазнов для историка и биографа. Обоснование правильности или неправильности того или иного политического курса современности проведением простой параллели между успешностью результатов сходных по форме исторических движений прошлого опасно в силу невозможности подчас учесть все факторы, действовавшие в разные исторические эпохи, или различный характер проявления этих факторов. Тарле чутьем и опытом историка видел эти опасности и по пути поверхностных аналогий не шел. В то же время перед Великой Отечественной войной потребность серьезного рассмотрения этого методического приема возросла: в фашистской Германии все чаще стали проводиться параллели между Наполеоном и Гитлером; в поражении Наполео-

⁴⁴ Е. В. Тарле. Наполеон. — Сочинения, т. VII, М., 1959, стр. 27.

⁴⁵ «Проблемы истории международных отношений», стр. 82.

на в России в 1812 г. искали полезные уроки для будущего похода на Восток. Поэтому Тарле обратился к анализу полководческого искусства Наполеона, его международной политики, социальных сил, его поддерживавших и ему противостоявших. Исследование событий конца XVIII — начала XIX в. и расстановки сил в начале второй мировой войны привело Тарле к выводу, что «Наполеон как деятель истории — явление, которое уже никогда и нигде повториться не может, потому что уже никогда и нигде не будет той исторической обстановки в мировой истории, какая сложилась во Франции и Европе в конце XVIII и начале XIX в.»⁴⁶ Далеко не случаен тот факт, что книги Тарле «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию 1812 г.» стали оружием идеологической борьбы в годы Отечественной войны. Исторические аналогии советского историка были восприняты и на Западе. Об отношении к работам Тарле о Наполеоне английского читателя в 1942 г. вспоминает И. М. Майский: «Почти одновременно с «Войной и миром» была опубликована книга Е. В. Тарле о Наполеоне. Конечно, она не имела такой широкой аудитории, как роман Толстого. Ее читали главным образом в интеллигентских кругах, особенно политики, журналисты, историки, военные. Читали внимательно и невольно делали сравнения с днями второй мировой войны. И так как этот слой читателей играл большую роль в парламенте, в прессе, в армии и флоте, в различных государственных учреждениях, то политический эффект произведения Тарле был, пожалуй, не меньше, чем эффект великой эпопеи Льва Николаевича. Обе названные книги являлись тяжелой артиллерией в борьбе с неверием англичан в непобедимость Советского Союза»⁴⁷. Поражение агрессора в войне с Россией в 1812 г., крах военной карьеры Наполеона предстали, по выражению австралийского журналиста Сиднея Каруила из рецензии, напечатанной 31 декабря 1942 г. в «Дейли скетч», историей «того, что представляет собой, быть может, самый драматический и выдающийся эпизод в истории, истории России непобедимой»⁴⁸. Предметным уроком, данным Гитлеру 100 лет тому назад, назвал книгу Тарле в том же 1942 г. американский журнал «Репортер-диспетч» (№ 6 от 22 июня). Таково было политическое значение написанных Тарле биографии Наполеона и истории его нашествия на Россию.

Выдающееся место в ряду лучших образцов биографического жанра зарубежная критика отвела «Наполеону» сразу после его появления. «Книг о Наполеоне легион, но до сих пор не было

⁴⁶ Е. В. Тарле. Наполеон. — Сочинения, т. VII, стр. 22—23.

⁴⁷ И. М. Майский. Воспоминания советского дипломата. М., 1971, стр. 565.

⁴⁸ Здесь и далее отзывы зарубежной прессы приводятся по подборке иностранных рецензий на «Наполеона» и «Нашествие Наполеона на Россию 1812 г.», сохранившихся в личном архиве ученого (Архив АН СССР, ф. 627, оп. 1, д. 287).

более правдивого, более захватывающего и более плодотворного исследования феномена буржуазной Европы, чем «Бонапарт» Евгения Тарле», — писала 23 апреля 1937 г. «Дейли уоркер». Научное значение биографии Наполеона увидел журнал «Советская культура» (1944, № 1), издававшийся в Мексике, в том, что она показала «плодотворные пути научной биографии».

Научно-биографический метод Е. В. Тарле воплотил в себе несколько десятков биографических статей, очерков, книг и сотни портретных зарисовок. Неодинакова их судьба: одни из них сохранили историографический интерес, другие еще и сейчас представляют научный интерес, кое-что ждет своего опубликования (например, «Внешняя политика России при Екатерине II» — большое исследование, полное живописных характеристик политических деятелей России XVIII в.). Но в каждой из них воплотился талант Тарле — исследователя и популяризатора.

Популярность биографических книг всегда была чрезвычайно высока, но не всегда историки удовлетворяли потребности читателей в произведениях этого типа, хотя книжные издательства расширяют биографическую тематику в своих планах. Русская историческая наука знает единственный случай, когда историк, избранный только что в академию, был вторично избран в академики по разряду изящной словесности. Сочинения этого историка — В. О. Ключевского — из достояния историографии превратились, в силу художественного мастерства автора, в явление русского литературного языка. Биографические работы Е. В. Тарле давно уже фактически разделяют в литературном отношении судьбу книг Ключевского.

Развитие исторических знаний приведет к пересмотру многих положений, высказанных Е. В. Тарле. Новые потребности вызовут появление новых работ о тех же исторических персонажах, что привлекли в свое время внимание Тарле⁴⁹. По-новому будет осмысливаться их значение. Но надолго сохранится значение биографических работ историка, и столь же полезным будет обращение к творческому наследию академика Е. В. Тарле — его биографическому методу.

⁴⁹ В связи с 200-летней годовщиной со дня рождения Наполеона появился ряд книг о нем, среди них: *А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт*. М., 1971.

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО
(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К КУРСУ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

А. А. Зимин и Р. А. Киреева

В 8-м томе сочинений (издан в 1959 г.) крупнейшего русского дореволюционного историка Василия Осиповича Ключевского (1841—1911 гг.) опубликованы 9 лекций по русской историографии XVIII в., записанные рукой неизвестного студента¹. Это всего лишь часть его общего историографического курса. В целом он был значительно шире: начинался примерно с XII—XIII вв. и заканчивался концом XIX — началом XX в. Однако не все лекции сохранились полностью. Историографические материалы Ключевского носят отрывочный характер: то это конспекты или записи для себя, то заметки (часто незаконченные) о различных историках или характеристики отдельных историографических периодов и направлений.

Публикуемые ниже фрагменты, относящиеся к древнерусской историографии, имеют большое принципиальное значение, с одной стороны, для понимания системы историографических взглядов Ключевского и, с другой стороны, для истории изучения в России отечественной историографии. В дворянско-буржуазной исторической науке долгое время бытовало представление о начале русской историографии лишь с XVIII в. И Ключевский в первые годы чтения курса «Русская историография»² тоже начинал свое изложение с XVIII в. «Давно ли мы изучаем свою историю? — спрашивал он. И тут же отвечал: — Сто лет с чем-нибудь — не больше. Ведь могут найтись долговечные русские люди, которым больше ста лет, т. е. которые старше своей русской истории, точнее — историографии»³. И начинал он тогда (1888 г.)

¹ См. *В. О. Ключевский. Сочинения*, т. 8. М., 1959, стр. 396—452.

² Подробнее см.: *Р. А. Киреева. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки*. М., 1966.

³ *В. О. Ключевский. Сочинения*, т. 6. М., 1959, стр. 474—475.

историографию с середины XVIII в., с немецких историков — Г.-З. Байера и Г.-Ф. Миллера.

Но постепенно он стал преодолевать это ограниченное представление. Предлагаемая ниже публикация как раз отражает два этапа работы Ключевского над этим вопросом.

В 1890 г. Ключевский в связи с разбором сочинения С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» уже характеризовал начало XVII в. как один из переломов в русской историографии. А в 1891/92 учебном году он читал лекции по русской историографии не только с начала XVII в., но и с середины XVI — с темы «История Курбского в связи с перепиской». К этому же времени относится его рукопись «Обзор историографии с царствования И. Грозного», где он уже указывал на точки соприкосновения между летописцем и историком, видя их пока только в одинаковых источниках. Эта мысль была им позднее развита. Мемуары, записки и переписку XVI в. Ключевский рассматривает как переходную форму от летописного повествования к историографии. Продолжая упорную работу над названным курсом, Ключевский в 1895 г. пишет новую часть его — «Историография Смутного времени». Затем он посредством разбивки текста на параграфы и путем точных значков соединяет оба эти текста в один, который мы и публикуем. В итоге получилось 10 параграфов, за исключением одного — восьмого, оказавшегося ненаписанным. Таким образом, § 1, 3, 6 и 7 были написаны Ключевским в 1891 г., а § 2, 4, 5, 9 и 10 — в 1895 г.

Теперь Ключевский старается определить границу между «летописанием и историографией» и пишет специальный параграф «Первые опыты русской историографии». Он находит, что общими у летописца и историка могут быть не только источники, но и взгляды: «оба могут быть провиденциалистами, моралистами и т. п.», хотя цели у них оставались разными: «задача летописца — удержать в памяти людей текущие события; цель историографии — восстановить в сознании людей смысл минувшего»⁴.

Интересны наблюдения Ключевского над летописными сводами, в которых, считает он, «и надобно искать зачатков русской историографии. Сводя свои источники, сост[авите]ль свода уже не наблюдает, а изучает [...] О давних делах, изучаемых им по чужим рассказам, он знает больше самих рассказчиков: те говорят ему, как эти дела шли, а он умеет еще рассказать, к чему они привели. Потому минувшее для него уже предмет не только любознательности, но и размышления, и, описывая его с целью летописца, он невольно и незаметно для самого себя становится на рубеже между летописанием и историографией, усвая новые приемы изучения и изложе-

⁴ Настоящее издание, стр. 312, 313.

ния»⁵. Летописные рамки, замечает он дальше, начинают уже стеснять составителя, и он пытается разорвать хронологический порядок изложения событий и подбирает их по внутренней причинной связи. Для своего времени это положение Ключевского было новым и принципиально важным; его взгляд на летописные своды как на «зачатки» историографии был определенным вкладом в историю исторической науки.

Древнерусскую историографию до XVIII в. Ключевский дает как один из периодов русской историографии — «допетровский». Этот многовековой период он в свою очередь делил на четыре этапа, три из которых отражены в данной публикации. Это: «господство летописи» (первые пять параграфов), «переходный период от летописи к историографии» (§ 6 и часть 7-го) и «историография Смутного времени» (четвертый этап им назван «первые опыты систематического изложения русской истории»).

При чтении публикуемого текста следует учитывать, что автор не готовил его к печати — это были записи, сделанные для себя. Порой они носят конспективный характер, выписки из источника соседствуют с собственными меткими наблюдениями, яркими сочными характеристиками (например, дьяка Ивана Тимофеева или Авраамия Палицына). Для историка науки очень важна оценка Н. М. Карамзина, данная Ключевским при описании переломных моментов в истории исторической науки. Рассматривая общественные воззрения Карамзина, Ключевский верно определил и охарактеризовал два периода в их развитии, рубежом между которыми считал Великую французскую революцию — именно под ее влиянием и формировалась историческая мысль Карамзина. Приверженец идей XVIII века, «близкий свидетель ужасов революции» (статьи, заметим — революции всегда гудели самого Ключевского⁶), Карамзин, писал он, «пережив политическое крушение своих любимых идей», потерял веру «в их внутреннюю логическую доброкачественность» и из философа-либерала превратился в консервативного противника реформ, из «либералиста» — в консерватора-патриота⁷. В своей специальной статье о Карамзине Ключевский писал: «Оптимизм, космополитизм, европеизм, аболиционизм, республиканизм [Карамзиным были] оставлены»⁸. «Политические и партиот[ические] соображения склоняли [его] к монархии, и притом к самодержавной»⁹.

⁵ Там же, стр. 313.

⁶ Об отношении В. О. Ключевского к Великой французской революции см. подробнее М. В. Нечкина. В. О. Ключевский о Французской революции 1789 года. — «Новая и новейшая история», 1969, № 5 и изданную нами публикацию «В. О. Ключевский. Записки по всеобщей истории». — Там же, №№ 5–6.

⁷ См. ниже стр. 318 данного издания; ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

⁸ ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

⁹ Там же.

Заметив его отход в сторону реакции, Ключевский подчеркнул влияние политических идей Карамзина на его историческую концепцию. Не вскрывая до конца реакционную идеологию Карамзина, Ключевский все-таки отмечал консервативное направление его взглядов, осуждал его апологетику самодержавия.

Присутствует в публикации и тема о западном влиянии. Это та тема, которой Ключевский часто касался и посвятил ей специальные курсы. С иронией и осуждением относится он к «неясному в речах», осторожному и даже боязливому интеллигенту, который стремится или перенестись в «чуждый ему мир, или мечтал этот мир с его полит[ическими] и другими удобствами перенести на родину». «Первый путь,— писал Ключевский,— противоречит не скажу патриотической обязанности, а простому нравственному долгу: каждый нравственно обязан служить своему отечеству, чем может, если чем-нибудь может»¹⁰. Над вторым вариантом Ключевский откровенно насмехался: «Ставить такой вопрос в XVII или XIX в. так же несвоевременно, как молодому человеку в 20 лет несвоевременно разрешать задачу, какой ему лучше иметь голос, бас или тенор». «Тенор будет петь тенором, даже если бы было доказано, что для него было бы культурнее петь басом»¹¹. В служении России, а не в пресловутом западничестве, видел Ключевский назначение русской интеллигенции.

Непосредственно к «Обзору историографии...» относятся «Конспект лекций курса историографии о Палицыне, Хворостинине» (от 10 октября 1891 г.) и, возможно, не датированная автором рукопись под названием «И. Тимофеев, кн. Хворостинин и А. Палицын». Поэтому обе эти рукописи включены в данную публикацию. Они хранятся в Отделе рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (ф. 4, оп. 1, д. 91). Весь текст написан рукой Ключевского карандашом.

Обычно в опубликованных работах Ключевский опускал свой научный аппарат, но в его черновых рукописях часто можно встретить указания на источники. И в нашей публикации «открыт» научный аппарат, это позволяет судить о круге его источников, что, конечно, увеличивает научную ценность публикуемого текста. При воспроизведении выдержек из источников Ключевский иногда сокращал цитаты, но суть их передавал верно. Часто в рукописи встречаются первые буквы латинских слов, означающих: р.— pagina — страница, i.— initium — начало, m.— medium — середина, f.— finis — конец, n.— nota — замечание, t.— totum — всё, ib.— ibidem — там же, id.— idem — он же.

Публикация подготовлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов». Нами воспроизводятся подчеркивания (даны разрядкой) и отточия Ключевского без оговорок, пояснения составителей даются в квадратных скобках, звездочкой отмечены раскрытые сокращения исторической литературы.

¹⁰ См. ниже стр. 324.

¹¹ Там же.

ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ С ЦАРСТВОВАНИЯ И[ВАНА] ГРОЗНОГО

В. О. Ключевский

[§] 1. Господство летописи в древнерусском бытописании до конца XVI в. Слияние с хроногр[афами] в XVII в. Летописные приемы и самое мировоззрение летописца в повестях и сказаниях об отдельных событиях и лицах. Летописные эпизоды.

Это повествование нельзя назвать историческим, которое отличается от летописного и порядком² изложения и самой задачей рассказа. Хронологическая последовательность явлений в летописи; она устанавливает порядок и связь событий; отсюда сопоставление различных по происхождению и характеру, но одновременных явлений; синхронизм — главная опора летописца и даже в некоторой мере указатель разума жизни: одновременность различных по происхождению явлений для летописца не совпадение случайностей; он ищет в них общей цели, одинакового смысла. В историческом повествовании хронологическая последовательность, как руководящий прием изложения, заменяется прагматическим подбором явлений, с целью установить их причинную связь, генетическое отношение. Для этого³ собирание материала и его критическая разборка, научный аппарат. Различие приемов от задачи. Летописец наблюдает жизнь, отмечая текущую минуту; историк изучает общежитие, восстанавливая минувшее. Летописец ищет поучительных явлений каких бы ни было; историк добывается достоверных фактов, складывающихся из однородных явлений⁴. Поэтому и историческое мышление существенно отличается от летописного. Историография изучает происхождение и действие явлений, спрашивает, откуда все пошло и как идет; предмет его изучения — рост общежития, механика исторического процесса. Летопись, напротив, ищет в явлениях не начальных, а конечных причин; она из св. писания, из боговдохновенного источника знает, откуда и как потекла человеческая жизнь; генезис общежития для нее

¹ *Над строкой:* Взгляд летописца. П.С.Л. * [т.] 4, [стр.] 118—119.

² *Над строкой:* приемами.

³ *Ниже приписка.* Карамз[ин] о летописце и историке [т.] 1, р. XXV.

⁴ *Над строкой:* Урок и знание.

богооткровенная истина, а не научная задача. Точно так же и механизм исторического процесса для летописца не составляет загадки⁵: для него это не развитие и действие исторических сил⁶, строящих людское общежитие, а борьба двух начал, добра и зла, борющихся за человека. Это борьба идет позади исторической сцены, но ее ход сказывается в переменах сценической обстановки, которой окружен предмет борьбы — человек. Сопоставление⁷ явлений по цели, не по генетической связи: ист[ори]к разделяет одн[овре]менные с одн[аковыми] последствиями и различ[ными по] происхожд[ению]; одновременные неурожай и война для историка и летописца. Для ист[орика] нет цел[ей], а только следствия, прагмат[ический], не телеологический подход. Противопол[ожные] точки зрения: один на начало, не видя конца, другой только конец, зная начало. Непрерывный прогресс с неизвестным концом и временная драма, эпилог которой знает летописец наизусть. Стр[ашный] суд миров[ой] генер[альный] расчет ликвид[ация?]. Моралист-повествователь⁸.

Первые опыты русской историографии

§ 2. Итак. Граница между летописанием и историографией слагается⁹:

1) из цели или задачи, какую ставит себе тот и другой род летописания, и 2) из приемов повествования¹⁰.

Задача летописца — удержать в памяти людей текущие события; цель историографии — восстановить в сознании людей смысл минувшего.

Потому летопись наблюдает текущую жизнь, стараясь изобразить ее в порядке ее движения; историография объясняет прошедшее,¹¹ восприводя минувшие явления в их внутренней связи, в непрерывном сцеплении причин и следствий, чтобы и таким способом уследить рост жизни.

По роду и связи явлений, не по порядку событий¹². Летописное мышление обращено на разрешение вопроса, как, в каком порядке идет жизнь; цель мышления исторического уяснить, почему она так идет. Основание летописного метода¹³ — хронологическая последовательность событий, у историка — прагматическая связь явлений.

⁵ Над строкой: видеть пружины.

⁶ Над строкой: Курс * [стр.] 111.

⁷ Над строкой: Изучение перемен.

⁸ Помета: Друг[ая] тетр[а]дь, р. 1, § 2.

⁹ Над строкой: обозначается.

¹⁰ Помета: Другая тетр[а]дь, р. 1—3, з.

¹¹ Далее зачеркнуто: стараясь воспривести.

¹² Далее зачеркнуто: цель.

¹³ Над строкой: Методологическая] руковод[ящая] нить у летописца.

Более углубленного разграничения обоих родов бытописания нам и не понадобится для изучения первых опытов русской историографии.

Но точка зрения, самый взгляд на происхождение и смысл человеческой жизни, на скрытые силы, ее производящие и направляющие, могут быть одинаковыми¹⁴ у летописца и историка: оба могут быть провиденциалисты, моралисты и т. п.¹⁵

Точки соприкосновения

§ 3. Даже источники у того и другого иногда одинаковы. Историк может рассказать о своем времени по непосредственным наблюдениям собственным или своих современников, очевидцев или участников событий (Тацит). С другой стороны¹⁶, древнейшие русские летописные своды составлены много спустя *post factum*, по первичным летописям и другим памятникам.

§ 4. В этих летописных сводах и надобно искать зачатков русской историографии. Сводя свои источники, *сост[авите]ль*¹⁷ свода уже не наблюдает, а изучает. Непосредственные наблюдения современников для него не живые впечатления, а отдаленные воспоминания, надгробные надписи, а не рассказы о живых людях. О давних делах, изучаемых им по чужим рассказам, он знает больше самих рассказчиков: те¹⁸ говорят ему, как эти дела шли, а он умеет еще рассказать, к чему они привели. Потому минувшее для него уже предмет не только любознательности, но и размышления, и, описывая его с целью¹⁹ летописца, он невольно и незаметно для самого себя становится на рубеже между летописанием и историографией, усвая новые приемы изучения и изложения.

§ 5. Ранние и робкие попытки такого повествования встречаем в Волынской летописи, своде XIII в. Летописные рамки стесняют составителя, и он не раз пытается вырваться из них, разрывает хронологический порядок событий и подбирает их по внутренней причинной их связи *Ип[атьевская летопись]*, 544²⁰. Он подвергает некоторой обработке, группирует материал, доставшийся ему от первых летописцев, и, собираясь излагать его, бросает предварительный общий взгляд на предпринимаемый рассказ, наперед характеризует его содержание, дает читателю нечто

¹⁴ *Над строкой:* сходны.

¹⁵ *Абзац позднее был заключен Ключевским в скобки, а на полях: ?*

¹⁶ *Сноска Ключевского:* Проблески ист[орической] мысли в памяти[ях] лет[описного] бытопис[ания] в самой лет[описи]. Немного летоп[исей] в соб[ственном] смысле в подлинн[ом] виде.

¹⁷ *Над зачеркнутым:* он.

¹⁸ *Над зачеркнутым:* они.

¹⁹ *Далее зачеркнуто:* и приемами.

²⁰ *Над строкой:* г[од] 1254.

вроде программы. Так [им] обр[азом], он чувствует потребность заменить погодный перечень событий прагматическим их изложением и, разрывая хронологическую нить летописи, пытается сплести из нее сложную ткань исторического процесса. Ип[атьевская летопись], 501²¹. «Начнем же сказати бесчисленные рати, и великие труды, и частые войны и многие крамолы, и частые восстания, и многие мятежи, из млада бо не бы има (Романовичам Дан. и Вас.) покоя».

Следы подобной обработки летописного материала находим и в другом летописном своде, известном под неправильным названием Тверской летописи. Этот свод составлен в Ростовской области в 1534 г.²²

[Мемуары]

§ 6. Трудность перехода от летописи к историографии: это переход не только от одного способа повествования к другому, от наивного к научному, но и перелом мышл[ения]; для этого надобно одно мирозерцание заменить другим, и это еще труднее. Переходная форма повествования — записки или мемуары о своем времени, а также переписка. Современники и участники описываемых событий — уж не летопись. Связь и порядок явлений не летописные — не просто хронологическая последовательность, но²³ отношение к²⁴ личному существованию. Автор прямо или скрытно — не только главное действующее лицо повествования, но и судья. Но [это] еще не историография: господствующий интерес биографический²⁵; источник — не изучение, а наблюдение, как у лет[описца]; цель — не внутренняя причинная связь явлений, а их внеш[няя] связь с известной личной жизнью. Мемуарист еще не историограф, но уже ист[орический] мысл[ите]ль.

В древнерусской письменности записки совр[еменни]ков или их переписка вызывались исключительными явлениями, какие приходилось переживать²⁶, или исключительными положениями²⁷, в какие становились некоторые лица. Те и другие — спутники и симптомы коренных исторических переломов. Появление записок в XVI в. Политическая борьба, сопровождавшая образование Моск[овского] г[осу]д[ар]ства, и развязка, какую дал ей Грозный. Участники необычайной борьбы пытались объяснить ее происхождение или оправдать свой образ действий.

²¹ Над строкой: г[од] 1227.

²² Далее почти лист оставлен чистым, затем помета: Перед сим переход к истор[иографии]. Др[угая] т[ет]р[адь] р. 3. Мемуары.

²³ Над строкой: по связи с.

²⁴ Над строкой: лицу, влияние.

²⁵ Над строкой: единич[ная] жизнь, личные впечатления.

²⁶ Над строкой: Курбский.

²⁷ Зачеркнуто над строкой: Котоших[ин].

Кн. А. М. Курбский. Биографические сведения. Устр[ялов*, стр.] VIII и сл., XIX. Ист[ория] князя вел. Московского — до 1578 (XXVIII). Мысль XXIX. Время и цель написания — слова автора ib. 89. Связь с перепиской (1563—79). 250. План истории по главам²⁸.

§ 7. Мы заметили проблески исторического, не летоп[исного] размышления и раньше Смутного времени в летоп[исных] сводах и в мемуарах, также в полемике царя Иоанна с кн. Курбским; но у них оно имело другой характер, проникнуто полемической тенденцией. Их мысль возбуждалась политическим спором, а не исторической любознательностью; тот и другой искали подходящих справок чаще в чужой, чем в родной старине и искали их не столько с целью уяснить себе самому известный исторический факт, сколько доказать или навязать другому свою политическую доктрину²⁹.

У писателей нач. XVII в. заметна уже историческая вдумчивость; они стараются понять, что было, а не доказать, что должно быть. Конечно, эта вдумчивость в значительной степени вынуждена была в них исключительным положением, в какое Смута поставила их вместе со всем русским обществом. Смутное время оказало и на них то действие, какое обыкновенно производят поворотные эпохи на пробуждение исторической мысли в своих наблюдателях и участниках. Писатели, пережившие неожиданные и поразительные явления Смутного времени, тоже не раз спрашивали себя с мучительным недоумением: отчего и как могло все это случиться. Общественный порядок, колеблясь и распадаясь, и к ним повертывался своей изнанкой, обнаруживая закулисные потаенные свои пружины, и они начинали догадываться, что кроме сил, парадирующих на поверхности жизни обществ, есть еще в этой жизни малозаметные условия, которые в мирное время не привлекают к себе общего внимания, но которые своей незримой работой сворачивают общества со старых путей, вырабатывают п е р е в о р о т ы. Они невольно приучались всматриваться в механику людского общежития, следить за связью причин и следствий, ценить дела и деятелей не по впечатлению, какое они производят на н е р в ы людей, а по действию, какое они производят на людские о т н о ш е н и я. Словом, исключительные явления делали мемуаристов Смуты историками поневоле³⁰.

§ 9. 1. Смутное время можно назвать поворотной эпохой в нашей истории. Самые глубокие и прочные основы госуд[арственного] порядка поколебались; государи быстро сменялись или

²⁸ *Помета:* Дальше р. 9, § 7.— Степенная книга и хронографы 2-й ред[акции] и особого состава § 8 [*§ 8 в рукописи отсутствует*].

²⁹ *Абзац позднее заключен Ключевским в скобки.*

³⁰ *Далее помета:* Выше р. 4, § 9. *Над строкой:* 3 окт[ября] 1891].

др[уг] с др[угом] боролись; некоторое время страна оставалась совсем без г[осу]д[а]ря; общество распадалось на враждебные друг другу классы. Освободившись от уз предания и привычки, умы размышлялись и принялись строить свои порядки, небывалые или несбыточные. Чтобы выйти из хаоса, наконец выбрали государя, который был всем люб, и решили вернуться к старине и восстановить порядок. Порядок восстановили, но старины не вернули: все само собой пошло как-то по-новому; из-под старых обычаев вырастали новые нужды; жизнь, видимо, входила в новое русло; за эпохой с м у т следовала эпоха р е ф о р м.

Такие поворотные моменты в истории производят на переживающих их людей впечатление, очень благоприятное для успехов историографии. В спокойное время люди расположены смотреть на свой быт, как на что-то понятное само по себе, простое и неизменное. Об нем не думают, и его даже не замечают, как не замечают своего дыхания, пока оно идет ровно и нормально. Но когда жизнь замутится и на общество падут невзгоды, когда люди увидят, что добытые ими блага погибли, а надежды разбились, они начинают спрашивать себя: отчего и как это случилось? Отчего никто этого не предвидел и не предупредил? Тогда, припоминая пережитые бедствия и вдумываясь во вскрывшиеся их причины, они начинают понимать, что они не знали склада своего общества и его жизни, что эти вещи вовсе не простые и понятные сами по себе, а требуют изучения. В минуты общественных потрясений житейский порядок поворачивается к людям своей оборотной стороной, изнанкой, и им становятся видны его швы и составные части, вся его мудреная постройка. Люди начинают ясно видеть, что для своевременного предупреждения таких неожиданных потрясений общественного порядка или для поправления их разрушительных следствий необходимо знать, как возник и складывался этот порядок, а зарождение охоты размышлять о происхождении и составе общественного порядка и есть пробуждение исторической мысли. Так непредвиденные общественные потрясения возбуждают интерес к истории, как неожиданные болезни поддерживают интерес к медицине. Где предел историографии переходной? ³¹

Более ³² серьезными опытами р[усская] историография обязана Смутному времени. События этой эпохи потрясли столь же глубоко русские умы, как и моск[овский] государственный порядок ³³. Общественные потрясения обыкновенно оказывают возбуждающее действие на историческое мышление. Они заставляют людей, их переживших, невольно оглядываться на пережитые

³¹ Помета: Друг[ая] т[етрадь] р. 7. I.

³² Помета: к § 9.

³³⁻³³ Этот текст позже был зачеркнут Ключевским. Далее помета: стр. 4 взамен здепшего [т. е. начало § 9].

бедствия и спрашивать себя: отчего и как они произошли, почему не были предусмотрены и предотвращены и что нужно сделать, чтобы предупредить их повторение? Такими вопросами и начинается историческое мышление: они заставляют людей всматриваться в состав общества, в жизнь, отправления и связь его составных частей, в действие, оказываемое на них разными влияниями и обстоятельствами,— словом, наблюдать и изучать исторические процессы³³. Так человек, потерпевший физическую боль от своей оплошности или неумелости, потирая³⁴ ушибл[енное] место, невольно перебирает в своем уме ряд своих поступков³⁵, подготовивших случившуюся неприятность, и так[им] обр[азом] привыкает³⁶ размышлять о связи причин и следствий. Бедствия³⁷ гораздо больше, чем книги и лекции, обучили людей истории³⁸.

2. Доживаемый нами век отличается³⁹ усиленным изучением истории. Наклонность к этому изучению вытекла из того же сейчас указанного источника. В прошлом веке усилиями отважных, но недостаточно наблюдательных умов создана была пылкая вера в зиждительную силу идей, в мирное торжество отвлеченного разума над предрассудками и привычками людей, над преданием. Но последовали факты, которые горько насмеялись над этими идеями; предание с своими неразумными привычками и предрассудками оказалось столь крепким, что об него разбился ждавший торжества разум и вещавшая мир вера в него нашла себе апостола-предателя в Наполеоне. Тогда люди, пережившие погромы революции и империи, припоминая, какими хорошими словами началось движение и какими плохими делами оно кончилось, и начали догадываться, что человеческие общества строятся и живут не тем разумом, которым мыслят философы; тогда и начали искать этого исторического разума, перебирая памятники и воспоминания прошлого. Под такими впечатлениями родилась европейская историография текущего столетия. Если идея этого исторического разума, говоря проще, исторического закона мелькала и прежде, то ее методологическая разработка принадлежит бесспорно науке нашего века.

Говоря по поводу Смутного времени⁴⁰ об условиях, содействующих пробуждению в обществе исторической любознательности, я не случайно напомнил вам о событиях, какие потрясли Европу в конце прошлого и начале текущего столетия. Эти события дали сильный толчок и русской историографии; под их

³⁴ *Над зачеркнутым:* почесываясь.

³⁵ *Над строкой:* шагов.

³⁶ *Далее зачеркнуто:* учится.

³⁷ *Исправлено из:* Беды.

³⁸ *Помета:* § 10, I.

³⁹ *Над строкой:* начался.

⁴⁰ *Над строкой:* XVII в.

влиянием воспиталась и историческая мысль Карамзина. Надо́но припомнить, что Карамзин был едва ли не первый русский писатель, почувствовавший, что движение, начатое французской революцией, кончится полным крушением идей, которыми оно было отчасти подготовлено, проповедью которых по крайней мере оно началось. Приверженец этих идей и близкий свидетель ужасов революции, он писал в свое время: «Век просвещения! Я не узнаю тебя; в крови и пламени не узнаю тебя!» Он один⁴¹ из тех многочисленных в тогдашней Европе мыслителей, которые, пережив политическое крушение своих любимых идей, т. е. идей XVIII века, теряли веру и в их внутреннюю логическую доброкачественность и из философов-либералов превращались в консервативных противников реформ, недостаточно подготовленных историей. Смутно почувствовав присутствие в истории таинственных сил, строящих людскую жизнь помимо воли и соображений отдельных людей, но еще не уяснив себе отчетливо ни их свойства, ни способа их действия, не постигнув логики исторического разума, К[арамзин] в значительной мере разделял в понимании исторических явлений моралистический взгляд древнерусского летописца, что положило на его труд несколько нравоучительный отпечаток. Недаром его называли первым русским историографом и последним летописцем.

Таким образом, К[арамзин] завершает своим трудом целый период в развитии русской исторической мысли. В этот период она вызывалась пробуждавшейся по временам потребностью уяснить себе такие явления нашего прошлого, которые могли дать русскому обществу практически полезные указания и уроки или внушить ему желательные чувства и стремления. Это было историческое размышление с народно-воспитательной целью. К[арамзин] только первый попытался провести такую задачу в цельном и художественном изложении всей нашей истории, осветить такой исторической мыслью все явления нашего прошлого. Еще не научное сознание, а поучение, назидание.

Такая историческая мысль родилась у нас именно в начале XVII в. под влиянием событий Смутного времени. Вот почему, заговорив об этой поворотной эпохе в нашей истории, я напомнил вам о Карамзине и европейских событиях, влиявших на направление его исторической мысли. Записки русских людей, современников Смуты, по окончании ее пытавшихся отдать себе отчет в ее происхождении и значении, и появление в 1818 г. Истории г[осу]д[арства] Российского. Карамзина — это рубежи целого периода в развитии русской историографии⁴², отличающегося своими особенностями, особыми задачами и приемами исторического изучения и размышления, не

⁴¹ *Над строкой:* стал.

⁴² *Над строкой:* след. за летоп[исным].

совсем похожими на те, каких держался древнерусский летописец, хотя им и родственными.

§ 10.1. Такое поучающее действие оказало на московские умы и Смутное время, которым началось для Московского государства XVII стол[етие]. Прежде всего оно возбuditельно подействовало на их политическое сознание, перевернуло их понятие о государстве. До того времени московский люд, не отдельные умы, возвышавшиеся над общим уровнем, а простой всенародный люд понимал свое государство в первоначальном буквальном смысле этого слова, как хозяйство московских государей племени Ивана Калиты. Это хозяйство считалось фамильной вотчиной, наследственной собственностью Калитина племени, которое его завело и в продолжение трех веков расширяло и укрепляло. Люди, народ считались хозяйственной принадлежностью этой фамильной княжеской вотчины, высшие служилые люди — дворовыми личными слугами, низшие тяглые — поземельными работниками, городскими и сельскими, те и другие до XVI в. — слугами и работниками вольными по договору, а в XVI в. — невольными, обязанными слугами и работниками по долгу, по праву власти государевой. Династический интерес московских князей-хозяев был основным рычагом, приводившим в движение и направлявшим все отношения в этом вотчинном хозяйстве.

Смутное время значительно изменило этот удельный взгляд на государство, расширило и углубило его и даже несколько переместило самую точку зрения на предмет. Династия пресеклась, основной рычаг г[осу]д[ар]ства, — династический интерес, — перестал работать, а между тем государственная машина, разбиваемая своими и чужими, не остановилась, продолжала действовать. Оказалось, что в запасе был другой двигатель общественной жизни, оставался другой общественный интерес, способный приводить его в движение: этот запасный рычаг — всенародная воля, направляемая сознанием религиозно-народного единства и необходимости оберегать его всеми народными силами. Как скоро эти идеи проникли в сознание общества, государственный порядок представился ему в новом виде и в новом соотношении своих частей: фамильная московская вотчина стала национальным союзом русского народа во имя всенародного блага, московский государь-хозяин верховным блюстителем этого блага, а его дворовые слуги и земельные работники — в его подданных⁴³. Так[им] обр[азом], Смутное время заменило в общественном сознании династическое понимание Московского г[осу]д[ар]ства пониманием национально-политическим.

Этот новый взгляд на государство вместе с тяжкими испытаниями, вскрывшими прикрытый в спокойное время механизм об-

⁴³ *Над строкой:* «мир — народ».

щественного порядка, и произвел поворот в историческом мышлении людей, переживших Смуту и пытавшихся осмыслить пережитое. Поворот был таков. Древнерусский летописец, провиденциалист и моралист, созерцая таинственный план божественного мироуправления, был равнодушен к местным особенностям политического быта и редко вводил их в свои соображения. В местной народной жизни его занимало отражение извечной мировой драмы — борьбы непримиримых начал добра и зла, провидения и дьявола. Эта борьба идет за человека, за его богоподобную душу, и летописец сосредоточивал свою мысль на судьбе этого спорного венца творения, на его нравственных подъемах и падениях, как на главном содержании мировой истории, признавал неважными случайностями те местные исторические обстоятельства, в которых вращается человек, условия географические, политические, экономические и всякие другие. Мыслящие современники Смутной эпохи, размышляя о ней, не отрешались от привычного исторического взгляда старых летописцев; но он несколько осложнился в их мышлении. И провидение, и злое начало остались на своих местах и при своем деле — взаимной борьбе за человека; но они теперь получили значение исторических факторов высшего порядка, которые не вступают в дела человеческие прямо, а пользуются земными средствами и действия. Эти земные орудия высших сил — людские доблести, недостатки, страсти. Так целям божественного] провидения служит даже недосмотр⁴⁴ человеческий, ибо, по писанию, кого хочет бог наказать, у того отнимает разум. Надобно изучать эти земные орудия, чтобы постигнуть вскрываемые ими пути провидения и козни дьявола. Но эти орудия земных сил, стоящих вне истории, сами подлежат условиям земного существования, т. е. находятся в области ведения географии, этнографии, политической экономики, психологии, — словом, принадлежат к числу реальных явлений местной народной жизни, подчиненных действию исторической причинности. Надобно изучать эти явления в связи причин и следствий, чтобы разобрать сложные нити, соединяющие дела человеческие с таинственными силами, их направляющими. Тогда наблюдатели стали внимательно присматриваться и к местным формам политического быта, изведав недавним опытом, какое значение имеют они для индивидуального нравственно-религиозного существования, для жизни души человеческой, всегда бывшей и оставшейся главным средоточием древнерусских исторических воззрений. Новый взгляд на государство помог этому усиленному вниманию к местным] услов[иям] жизни. Нет в власти еще не от бога. Следов[ательно], государство есть богоучрежденный церковно-народный союз для достижения целей общего блага, духовного и материального. Материальное, земное благоденствие невозможно вне госу-

⁴⁴ *Над строкой:* недоразумение.

дарства, как вне церкви невозможно душевное спасение. Но ошибки и пороки людей, особенно правителей, могут так испортить этот союз, что он будет только мешать, а не помогать и материальному благоденствию и душевному спасению. Сколько народных бед приключилось, сколько христианских душ погибло напрасно, едва все благочестивое царство великороссийское не было приведено под власть папы в ляшкое нечестие — все оттого, что Грозный и Годунов допустили или не предотвратили некоторых непорядков в русском государстве, давших врагам его возможность возмутить христианский покой! Читая записки русских современников о Смутном времени, поражаешься, как новизной, тем напряженным интересом, с каким они, объясняя происхождение Смуты, ищут причин ее именно в органическом расстройстве государственного порядка, в неправильном направлении политических отношений. В этих записках мы едва ли не впервые наблюдаем превращение русского бытописателя из моралиста-обличителя в политика-мыслителя.

Так совершился переход русского бытописания от летописи к историографии — акт, может быть, самый трудный из всех, какие приходилось совершать русскому бытописанию. Потому он и требует особенного внимания. Переход этот обозначился двумя важными успехами исторического мышления: 1) ходом событий внушен был новый взгляд на государство, как на церковно-национальный союз, в самом себе, в своем существе заключающий свои интересы, свои задачи, свои условия существования, независимые от лиц или династий; 2) найдена была видимая, доступная изучению связь между таинственными силами, правящими миром, и фактич[еским] ходом этого мироправления, вследствие чего исторический процесс введен был в реальные условия человеческой жизни и утратил в новом сознании характер непрерывного чудотворения, какой он имел в старом, летописном мышлении.

Обилие повестей и сказаний о Смуте, написанных ее современниками. Кажется, никакая другая эпоха нашей истории не возбуждала в людях, ее переживших, такого желания еще раз пережить ее в воспоминаниях. Два разряда записок о Смуте: 1) подлинные воспоминания современников, 2) своды или переработки записок, заметок современников и современных документов, составленные позднее, только с участием воспоминаний и взглядов составителя-современника. 3-й разряд — «видения», памфлеты, воззвания. В памятниках 1-го разряда имеем дело прямо с наблюдателем-очевидцем; в памятниках 2-го разряда между ними и наблюдателями — составитель, который не во всем описываемом сам был наблюдателем.

Важнейшие [памятники] 1-го разряда:

1) Временник дьяка И. Тимофеева, составленный по мысли новгор[одского] митр[ополиита] Исидора в 1616—1619 гг.

2) Сказание об осаде Троицкого м[онасты]ря поляками, келаря А. Палицына, составленное в 1620 г.⁴⁵

3) Словеса дней и царей и святителей Московских, кн. Ив. Хворостинина, — записки о Смутном времени, составленные 1619—1625, когда автор умер (Плат[онов*]; стр.] 202).

4) Повесть⁴⁶ о Смутном времени, составленная в 1626 г. кн. И. М. Катыревым-Ростовским. Первая жена — дочь Федора Ник. Романова +1611. Сторонник Романовых, член высшего боярства, воеводствовал по городам. Умер большим моск[овским] дворянином. (Плат[онов, стр.] 214—15). С ц[арствования] Иоанна Грозного до избрания Михаила. Краткий, но содержательный и стройный рассказ спокойного, образованного и даровитого повествователя. Лучшая повесть о Смуте в литературном отношении⁴⁷.

Важнейшие памятники 2-го разряда:

1) Новый летописец.

2) Рукопись Филарета.

3) Иное сказание⁴⁸.

⁴⁵ Над строкой: писалось в течение Смуты.

⁴⁶ Над строкой: [Платонов, стр.] 283.

⁴⁷ Далее: Изб[орник, * стр.] 283. Весна 297. Для образца 290 т. и 313.

⁴⁸ Далее несколько строк оставлены чистыми.

[КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ КУРСА ИСТОРИОГРАФИИ
О ПАЛИЦЫНЕ, ХВОРОСТИНИНЕ]

10 окт[ября 1891 г.]

В. О. Ключевский

Авр[аамий] Палицын. Сказание о осаде. Состав. Повесть о всем Смутном времени: начинается смертью ц[аря] Ивана Грозного и оканчивается рассказом об освящении церкви Сергия в д. Деулине в 1619 г. (86-я глава). Сборник разновременных сказаний. История осады — ядро сборника и почти его половина (гл. 7—57), стр. 50—187. Окончено составление сборника 1620 г. (Плат[онов, стр.] 176).

Недоверие некоторых исследователей к показаниям Авраамия: легендарная эпопея и собственный панегирик; не летопись и не история в нашем смысле, а полная легенда (Забелин. Минин и Пожар[ский, * стр.] 221). Отдельные неточности от разных причин: 1) не всему описываемому был очевидцем — как составлена история осады (стр. 52 и 53); 2) безопасность чудесного в Сказании и естественность этого для той эпохи; 3) деятельное и не всегда прямое участие автора в событиях Смуты — король — келарь (Забел[ин, стр.] 242), отношения к Сигизмунду и поездка с посольством (ib. 236); умолчания и вымыслы. Источники. 99. 118.

Важное значение Сказания в развитии историографии. Отношение к пережитому времени — попытка вдуматься в смысл и происхождение совершившегося. Цель Сказания — «киих ради грех попусти г[оспо]дь бог праведное свое наказание» на р[усскую] землю. Изложение грехов в первых 6 главах; о начале беды 7 и сл. Погоня за популярностью. Доносы холопов на господ. Трехлетний неурожай. Благотворительность Бориса из имений опальных бояр. Спекуляция хлебом (10 f. прочесть и 11 i.); связь явлений: отказывали своим, чужим досталось (12i.). Скопление преступников беглых на Северной Украине. Развитие кабального холопства при ц[аре] Федоре (ср. Забел[ин, стр.] 201). Отпуск холопов на волю во время голода и у опальных господ с запретом принимать; оказалось беглых холопов на Украине более 20 тыс. (14). Ржаные просвиры. Заботы Бориса о своем доме и голод (16). Возвышение откупов для милостыни — смешные клятвы с благословением (17 f.) Брадобритие (18). Заключение (18 f. и 19): всю Европию прельсти. Подбор однородных данных: расстройство общества и разру-

шение нравственной дисциплины — причины Смуты. Наблюдательность и понимание организма жизни — истинно исторический взгляд на явления. Картина бед⁴⁹ при Шуйском (39 и сл.)

Дьяк И. Тимофеев.⁵⁰

Кн. И. А. Хворостинин. Биография (Пл[атонов, стр.] 183). Кравчий при Лжедим[итрии] I ставил на стол еству пред царя (Котош[ихин⁺, стр.] 21. А[кты] Исторические [т.] 2, стр. 423). Покаяние. Воеводство при Михаиле; кн. С. Шаховской: «превозношался многим велеречием, мняся превыше всех ч[е]л[ове]к учением божественных догмат превзыти». В споре с Ш[аховским] «люте свирепствовал». В разуме себе в версту не поставил никого — в грамоте 1623 г. Будто Гермоген ему: «ты боле всех потрудился во учении». (Пл[атонов, стр.] 191 и Знамен[ский *, стр.] 240).

«Словеса дней⁵¹ и царей и святителей московских; предложение историческое; написано бе ко исправлению и ко прочтанию благочестие любящих, составлено Иваном Дуксом». Взгляды, не факты. Самооправдание — цель. Ряд характеристик, начиная с Б[ориса] Годунова.

Новое покаяние и отношение к отеч[ественной] церкви и жизни. (С[обрание] Г[осударственных] гр[амот и договоров, ч.], 3, № 90. Сол[овьев, т.] 9 [стр.] 460. Голубцов [стр.] 76 п.).

Кн. Хворостинин — прадед русского западничества, неясный силуэт типа, который с тех пор будет жить в нашем обществе, от времени до времени выступая в разных видах и каждый раз все с более определенными чертами умственными и нравственными: во 2-й половине XVII в. в виде латиниста, приверженца польско-латинской школы, во 2-й половине XVIII в. в виде вольтерьянца, космополита-скептика, при Александре I под именем либералиста, туманного и нетерпеливого поклонника западноевроп[ейских] политических форм, в 30—40-х гг. текущего столетия под собственным званием западника, восторженного и ученого почитателя зап[адно]европейской мысли и науки, преимущественно шеллингианской и потом гегелианской философии, наконец, в виде современного интеллигента, осторожного и даже боязливого, а потому неясного в речах приверженца всевозможных течений западноевропейской мысли и жизни. Одна общая черта особенно резко всегда выступала в этом типе при всех его исторических модификациях: случайные ли обстоятельства или личные усилия помогли западнику сознать недостатки, отсталость своего отечества и превосходство Запада; первое употребление, какое он делал из этого созна-

⁴⁹ Над строкой: Реализм черт.

⁵⁰ Далее несколько строк в рукописи оставлены чистыми.

⁵¹ Над строкой: ок. 1619.

ния, состояло в том, что он проникался пренебрежением к первому и как бы физическим влечением к последнему. Он смотрел на быт и склад своего отечества как на личное неудобство, как на случайную неопрятную обстановку, среди которой ему временно пришлось остановиться на пути в какой-то лучший мир, где у него нет ни родных, ни знакомых, но где давно каким-то образом поселились его ум и сердце. Такой сибаритский взгляд на отечество и его отношение к Западу приводил к двоякому выходу из неудобного положения, в каком чувствовал себя западник: он или сам стремился перенестись в любимый чуждый ему мир, или мечтал этот мир с его полит[ическими] и другими удобствами перенести на родину. Отсюда два пути, которые избирал западник или предлагал для решения вопроса о своем отношении к отечеству: личная эмиграция и народная мигация.

Первый путь противоречит не скажу патриотической обязанности, а простому нравственному долгу: каждый нравственно обязан служить своему отечеству, чем может, если чем-нибудь может. Но это вопрос политической морали, а не историографии. Второй путь имеет близкое отношение к историографии. Здесь вопрос ставится так: оставаться ли нам русскими, или стать⁵² европейцами? Но такая постановка есть добродушное историческое недоразумение, вытекшее из невнимания к законам исторического процесса. Ставить такой вопрос в XVII или XIX в. так же несвоевременно, как молодому человеку в 20 лет несвоевременно разрешать задачу, какой ему лучше иметь голос, бас или тенор,— простите за [...] ⁵³ сопоставление. Тенор будет петь тенором, даже если бы было доказано, что для него было бы культурнее петь басом. Если бы такой вопрос поставил 1000 лет назад Рюрик, стоя у колыбели русского народа, это было бы менее наивно, хотя столь же бесполезно: и он не мог бы направить жизнь этого народа на другой путь, не тот, которым он пошел после него. Как переставить вопрос.

⁵² *Далее зачеркнуто: западно.*

⁵³ *Далее одно слово неразборчиво.*

В. О. Ключевский

Д Ъ Я К И. Т И М О Ф Е Е В — (261).

Происхождение труда изложено пространно вслед за началом рассказа о Шуйском и повестью о М. Татищеве (389 сл.). О последних годах Шуйского, признается, знает мало: был в плену в Новгороде (396 i). Из галиматьи 400 m м[ожно] лишь понять, что начало тушинской осады, скорое ⁵⁵ нашествие Болотникова с дворянами ⁵⁶ (до вторжения поляков в 1609 г.— 401 i) ⁵⁷ застало его в Москве, откуда царь скоро, при возможности, послал его в Новгород дьяком «сначальствовать» с воеводами. Там он замедлил возвратом в Москву по недостатку средств до захвата Новгорода шведами: о всех купно преграда днесь. (401). Когда в земле помалу нача прекращатися зло, а шведы вся злая ⁵⁸ над Новгородом сделали (описание угнетений — 402 i, ср. 384 — жил, кажется, на Торговой), размышляя о случившемся, пришел к мысли писать. Борьба с мыслью картинно (402—406). Писал тайно, в страхе от шведов, на лоскутах, отрывками по недостатку бумаги, переноса и пряча писание в разных местах, таясь и от русских ловителей ⁵⁹, служивший шведам (406—7). «Ныне же, егда оттуду свободы ны господь, аще живы будем, начнем о исправлении прежде написанного ударяти во двери могущих» (407 f). Значит, по начало главы о Шуйском, вероятно, до 399, где опять начинает о Шуйском, как на 389, писано в Новгороде до освобождения (ср. 293 m 360 f) до конца разрухи (377 m), но уже по взятии Москвы в 1612 г. (383), когда действовали «мирницы», иноземные посредники мира, англичане и голландцы, и шли переговоры с поляками и шведами (383 f). Понятно отсутствие порядка в изложении, о чем сам [писал] (279). Глава о царствовании Шуйского (389)

⁵⁴ *Над строкой:* Для х[арактеристи]ки Смуты 225 m. Гришку признали — 226 f. Побуждение — впечатление Смуты — 402—3.

⁵⁵ *Над строкой:* 1607—8.

⁵⁶ *Над строкой:* «своевернии рабы».

⁵⁷ *Сноска Ключевского:* Хотя ср. 400 m и 410 f о птице в клетке — тушинская осада. Что Болотников разумеется, ср. 584—5.

⁵⁸ *Над строкой:* 1611.

⁵⁹ *Над строкой:* сыщиков.

писана в Новгороде еще, но по освобождении от шведов⁶⁰ — 396 i), а статья о нем же (399) — уже в Москве вместе с рассказом о ходе писания (407 f): «ныне же...» Этим объясняет начало статьи «о таборех» (409): опять начинается с Гришкиной смерти.

«Пустой ум и медленноглагольный язык» только тень событий исповедывать мог (445 f); это о себе.

За статьей о Гермогене (439). *Летописец* вкратце. После неясных сравнений и размышлений рассказ о поручении писать от м[итрополита] Исидора (446 сл.) подтверждает прежнее: начал в конце шведской оккупации при ц[аре] Михаиле во время переговоров о мире в Столбове. Следующее за тем *Зачало* (448) — краткая х[арактеристи]ка царей Иоанна и Федора, составленная по рассказу о них в начале *Временника*, с очерком дальнейшей смуты и со ссылкой на какое-то подробное повествование, по-видимому, другого автора (451 m: довленими скажется ясно, не иже нами). Кажется, это начало пересмотра сочинения, что обещано было выше. *Летописец* и это *Зачало*, очевидно, вставлено не на месте потому, что дальше статьи, продолжающие рассказ *Временника*: О крестном целовании Владиславу — совсем темный рассказ о какой-то политической интриге в Новгороде каких-то властолюбцев и самописчего с клятвенной хартией, и О вдовстве М[осковско] г[осу]д[ар]ства (454), откуда видно, что конец труда писан уже по возврате Филарета из Польши, но далее — как будто еще до этого (461 f), и это вероятнее.

Служил после Новгорода и в других городах и собирал сведения для *Временника* (465 f). Но заключение *Временника* с обзором всей смутной эпохи и восстановления порядка избранием Михаила, с похвалой ему и отцу, по возвращении последнего, о чем говорится прямо (468). (1619 г.)

Местных событий не описывает, как и начала царствования Михаила с новым нашествием королевича и перемирием, потому что не знает. Чего требует от писателя — сам нарушил (470 m).

Видел царевича Димитрия в раке (323 m).

Язык. *Футынь* (435). *Подражать с винит*. (361 f). *Деспод*, даты каландами (333 m), следы латинской конструкции; нерусские формы и слова — жизньствовать, погонатай (303 m), ласковцы, донже, дондеже, от идеже⁶¹ *стакхом* (324), *воздоброе* — за доброе, о зданиох, владательство⁶², *примилить*, *пицифи*, *слано* и *бритно* (357 m) *посполитое* (ср. житие Ф. Ртищева). Не малоросс ли или белорус? (395). Жаль, если это приемыш русской историографии. Грамматики, чутья языка нет: *прижившею* вместо *прижитой* и т. п. Образец языка (340 m и 406 f).

⁶⁰ *Над строкой*: 1617.

⁶¹ *Над строкой*: abusive.

⁶² *Над строкой*: Крижан[ич].

Изысканность языка и ораторское многословие в связи с безграмотностью иногда делают рассказ непонятным набором слов. Самопищй — дьяк; призяться — присваиваться; подоба — сравнение: лишь бы не сказать, как говорят все (279—80, 294). Двое матерен — Дмитрий Ксения (369 i). Тьма мрака разума. Пафос (315 i). Как описан Иван-город (422 i). Хохлы, имущие на главах (438 i). Сравнения и примеры — болезнь авторского мышления (442). Мысль прячется в хламе слов. Не выступает перед читателем просто, а сперва поломается и погримасничает. Привычка — не называть лица прямо, а прикрито, загадками. Частию, может быть, по робости. Предходатай — окольный (371 f).

Суждения. Причина зла (262 f сл. 264 m; ср. 462 сл.). Грозный — сам себе навешник⁶³ (272 i). Опричина — начало смуты (271—2). Заговор Бориса с Бельским (276 i). Житие Никиты Переясл. о царевиче Иване (283 f). Слухи о польской кандидатуре Ивана или Федора (284 f). О прозорливости ц[аря] Федора (285); мнишество с царством соплетено (289); осытованный царь — 292.

Ожесточение против Бориса⁶⁴ (291 i, 293 m). Смута — мечь земли за кровь Дмитрия. Удача Бориса оттого, что не было крепкого во Израиле: молчали все как рыбы (291). Разбор соображений Бориса, почему не хоронить царевича во Москве (297). Цель рассказа о Б[орисе] — обличение его злобы (319). Сперва козни для достижения царства, потом средства утвердиться на нем [331].

Образец изысканности — бой с татарами под Москвой (303 m). Значение Оки в обороне г[осу]д[ар]ства (ib. f). — Гуляй-обоз (305 f — перевести) 1591 г.

Кн. М. И. Воротынский и его заслуги (307).

Больше размышляет о событиях и лицах, чем повествует. Беспристрастие в истории (339 m), в х[арактеристи]ке Бориса. Во всем винит робость современников перед Бор[исом] (310 f, 312 f, 316 i). Искание популярности Борисом (311—12) — тацтовский лаконизм; смех благодетельствованных ib. m⁶⁵.

Угличан Б[орис] ссылает на заход солнца (315) — Богд. Бельский 317. Много разгласия тогда царей ради (318 i).

Слух об отраве ц[аря] Федора (324). Причины ухода Б[ориса] в Девичий монастырь (325). Картины мольбы о принятии царства (327 сл.). Неграмотность Б[ориса] (330 i, 345 m) и его коварство: от порицания к удивлению и панегирику рабочарию⁶⁶, разумы следующих царей тень его разума — оправдание противоречия (330—I). Потом карикатура его походов (id. m).

⁶³ Над строкой: заговорщик.

⁶⁴ Над строкой: Согл[асен] с Палиц[ыным].

⁶⁵ Далее приписка: В курс о Борисе.

⁶⁶ Над строкой: выдержка.

И ниже за злобами благодеяния Бориса (339 m). Х[арактеристи]ка его (340).

Полотняная ставка — город Бориса и картина лагеря (332). Против крестного хода (334), патриарха (335 f) и иконы политической — одного Бориса (337). Пострижение дочерей бояр из-за сестры (338—9). Присяга Борису — рев жертвенного скота (346 i). Свои подбили Б[ориса] царствовать (343).

Щелкаловы — первые окольниковичие из дьяков (353 m.). Соборная грамота о избрании Б[ориса] положена в раку св. Петра (354). Мысль возвышать худородных у Б[ориса] (356). Смута — от союза наших с врагами (365). Лжедмитрий Б[ори]са порази, как комар льва, издали: не он, а совесть его поразила (366). Причины успеха самозванца (366—7).

Вдумываясь в события, не заботился ни о полноте, ни о последовательности рассказа и старается ярче выставить черты, наводящие на размышление о ходе дел ч[ел]л[овече]ских⁶⁷. За оглядкой на судьбу Бориса (362 f.— 364) общий взгляд на причину торжества чужих в Смуту (365), причины успеха самозванца (367), гибель семьи Б[ориса] и прекрасное место о Ксении (369 сл.) по местам художественно и задушевно и с новыми известиями, затем царств[ование] Гришки.

Церковный собор о крещении Марины (372).

Картина разрушения служебного порядка раздачей чинов не по отечеству и заслугам и расхищение казны старых царей — сравнение со псами (374 сл.) (при Лжедим[итрии] I).

Вред избиения поляков в 1606 г.: всю землю их сами на ся сим всколебахом. Картина бед от того (не признает и Шуйского законным, как и других не наследствениых) (376—7). Вслед за тем ответ на вопрос: от каких грехов разлился земля наша (377 f). После перечня недостатков нравственных и политических (378—9) приводит в связь события Смуты, ведя их от того, что мы попустили Б[орис]у столпы великие, которыми земля наша утверждалась, губить (380—1): прагматизм. Ф о р м а: если бы не сделали того-то, не последовало бы того-то. Первый (Б[орис]е) второму учитель, 2-й 3-му, все — видя наше страшивство (381) и все дальнейшие «безыменные скоты, не цари»; первые узурпаторы показали путь областным самозванцам (382 i), невеждам. К следствиям той же причины молчаливого и робкого попустительства — призыв Еллинов (шведов Делагарди — ср. 401 m) для обороны: волкам волков от овец отгонять. Кто так безумен, как мы? (382). Прежних наследственных завет самодержавными в отличие от избирательных, как и Котош[ихин] [называет] Москву — главой и сердцем царства (ib). Отвлекаясь логикой событий от нити рассказа, он незаметно переходит по цепи следствий к своему времени — около миров Деулин[ского] и Столб[овского] и говорит о нена-

⁶⁷ Над строкой: Ниже 6.

дежности тех, у кого мы просили помощи для примирения с врагами (383 и сл.— англичане и голландцы?), и описывает беды родины в последнее время шведской оккупации, уже во время переговоров чрез посредников (384—5). Упрекает тех, которые все сваливали на божий суд, против коего ничего не сделать, а не свою греховную слабость,— и хорошо опровергает (386).

Шуйского резко порицает, называет нечестивым, скотолопным, мнимым царем, между прочим за то, что сел не по общему всех городов людскому совету (389 сл.).

Хвалит прежних и ст и н н ы х царей: знали «какому роду какую честь и за что давать, хутородным же ни» (393).

Изворотливость в приемах: мало зная о конце царствования Шуйского, он заменяет рассказ о событиях плачем о них, испросив у читателя прощения за незнание. Рыдает о царе и царстве (396). Хотя выше сказал, что сел без божия избрания, но здесь из жалости зовет его богопоставленным, разумея власть, не лица, и престол, оставшийся чистым от нелепостей сидевшего, и прежних царей. Осуждает низвергших царя за дерзость. Это — скорбь о падении власти. Его политический тезис (397 f). Взыщет бог и с мнящихся столпов — бояр, которые, сами не участвуя, попустили невеждам сделать это и стали свидетелями дела (398) бесчестного безмолвными.— «Не в земли углубил Василий свою хранину» (не на земском избрании) (400 i); волей всей земли часто колет ему глаза: этим предкнулись о нем люди и возненавидели его: отсюда все зло.

Некоторых Смута обогатила, кто и нашим и вашим, но сердца горяху приложением ко Еллином паче своя веры (408—9). За падники первые.

Движение против Шуйского в статье о таборех (409), как и везде, в общих резких чертах: наши честолюбцы быстрого возвышения и обогащения соединились с чуждыми, не одни мельчайше, но и немало и синклитена чина и сановников (413). Не столько у царя в Москве осталось, сколько бегало ко лжецарю. Нет подробностей, но виден ход дел и вскрываются пружины его, что ведет к постоянным отступлениям с оговорками возвратиться, «идеже от начатых препочихом» (415). Не может справиться с потоком своих мыслей, вызываемых событиями в его многодумавшей голове. О чем ни заговорит, сейчас подвернутся сравнения, тексты — и новое отступление вслед за оговоркой воротиться к делу.

Так много бед везде, что книга особь каждому месту может быть (о времени разброда тушинцев по областям 1609 г.), но все соединить воедино невозможно (417). Картина разлива добычи по всему миру из Тушина (ib.), из всей земли в Тушино.

Если бы те же мысли и картины написаны были проще и правильнее, груд производил бы глубокое впечатление.

Стремление городов, отпавших от Шуйского, к самоуправлению и против «лучших людей» (418).

Вече в Новгороде по поводу ухода кн. Скопина-Шуйского (424).

Слух о виновности дяди-царя в отравлении кн. Ск[опина]-Шуйского (429). Наветники у всех украли жизнь его; слух, что помышляли о возведении его на престол.

Сторонники Владислава склонили к своему плану Гермогена (440 f)

Первая притча, изображающая положение земли в междоусобице, не лишена художественности и дает несколько бытовых черт, особенно для рабовладения (454 сл.). Время написания (459).

Повесть кончается отрывочными заметками. Между прочим говорит о недостатке мужественной крепости и солидарности, уменья соединяться против нововодителей со властью (462); ови к В[остоку] зрят (463 f). Это как будто у него главная причина бед. Михаил — как бы непосредственный преемник Федора (461, ср. 485 m).

Кн. И. ХВОРОСТИНИН— (525)

Без конца и с пробелами в тексте. Наклонность к богословским толкованиям (о грехопадении — зло от непокаяния 526—7).

Повесть начин[ается] общим церковно-историческим очерком от создания человека до просвещения Р[усской] земли. Хотел было рассказать о деяниях пастырей наших (заглавие 530 f), но по немощи удерживался, а дал «слово елико по силе». Начал с голода при Борисе.

Записки любопытны, как наблюдения современника, многими мелкими чертами. И он о некнижности Бориса, «но природное свойство целоносно имея» (531.) В число анархических мер Бориса: возведе работных на свободныя (532). Клевреты самозванца с криками вломились во дворец Бориса по смерти его (534). Злосоветник какой-то подал мысль удавить жену и сына Борисова — сам об этом говорил автору (535 i). Беседа автора (юноши некоего) обличительная с самозванцем по поводу его хвастовства увеселит[ельными] постройками (537 сл.). Не хотел изменить Шуйскому, его преследовавшему, хотя соблазняли многотысячным обещанием (546). Терпение Гермогена, отстаивавшего Шуйского («влачити его и поверзати» — 545). Как приверженцы Владислава оправдывали в Москве его кандидатуру (547). Спротивление Гермогена пострижению Шуйского.— Слово Гермогена в оправдание, будто он вооружает своих на польский оккупац[ионный] отряд — пресоходное (550). Стронники Сиг[измун]да не пускали к патриарху. Гермоген выбрал Филарета в посольство (552). Картина вступления освободителей в Кремль в 1612 г. (554—5) хороша и написана; автор был в ополчении и плакал у гроба Гермогена, его любившего и им почитаемого высоко.

Гермогена винили в соблазне, какой он делал, подстрекая лю-

дей к кровопролитию против поляков, поднял Рязань и Северу. Воеводствуя в рязанских городах, Хвор[остинин] хотел разъяснить это и обратился к рязанскому еп[ископу] Феодориту, который и внес ему собственноручную эписистолию к Феодориту от Г[ермоге]на. Первыми ее словами прерывается повесть (556).

Но эта повесть имеет значение и как опыт историографии. «Предложение историческое». Автор — человек ученый: Гермоген при поучении, обняв, публично ему: «Ты более всех потрудился в учении».

Повесть состоит из общих очерков и характеристик, с несколько смелым размахом, и из попыток объяснить смысл событий. Она дает беспристрастную светло-темную характеристику Годунова, как и И. Тимофеев: у обоих он хороший правитель и злой властолюбивый политик⁶⁸ (аще и лукав правом и властолюбив, но зело и боголюбив — 532), о его сыне Федоре говорит кратко, но с восторгом, жестоко о самозванце, представляя его законопреступником, с мерзостью запустения в сердце, при остроте ума и учености книжной (536 f), каким-то скоморохом, несмотря на близость автора к нему, о Шуйском резко, как хитром властолюбце искони, порицает его клятву всему миру при воцарении, «лукава крест лобза, никто же от человек того от него требуя, но самовольне клятве издався» (542). Люди старого политического образа мыслей видели в такой присяге царя что-то противное природе богопоставленной самодержавной власти, дело интриги и честолюбивого расчета («хотя прославится на земли» — 542 f). Следствие клятвы — предаст его⁶⁹ бог в неискусен ум, еже творити неподобная, — во дни его всяка правда успе, и суд истинный не бе (543 i). Затем краткая картина восстания южных городов и уособицы социальной там (543).

Но в повести Хв[оростинина] есть и проблески исторического мышления. Он умеет обобщать отдельные явления и сводить их в факты, а факты причинной связью сцеплять в историч[еский] процесс, в целое движение, обозначая его характерными чертами, которые если еще и не годятся прямо для исторической картины, то могут служить для ее освещения, как впечатления мыслящего наблюдателя. Все это — первые, элементарные приемы историч[еского] изучения. Автор старается вдуматься и в смысл событий. Он остается на провиденциальной точке зрения, ищет этого смысла с помощью текстов писания, находит в событиях оправдание этих текстов, углубляется в таинственные слова пророка Иезекииля, чтобы истолковать судьбу Бориса и самозванца. Но при этом он вглядывается в земные орудия провидения — людские доблести, пороки, страсти.

⁶⁸ Далее приписка: Проч[итать].

⁶⁹ Над строкой: Палиц[ыи] (стр. 14) ниже.

в характеры людей, которые у него не просто добрые или злые, а сложные составы, сплетенные из добра и зла: он и в Борисе находит доброе, и в противном ему честолюбце Шуйском умеет душою поскорбеть об униженном величии, и в благоговейно чтимом праведнике Гермогене отметить находившие на него среди треволнения людского приступы робости (545). Наблюдая действие этих орудий, он чует нравственный источник Смуты: «Родоначалие⁷⁰ владыческое прежде от земли нашея» (531)... в семесто (Правящая родовая знать потеряла власть над землей).

Авр. ПАЛИЦЫН⁷¹

За какие грехи попустил бог наказание России: летописный мотив. (Сол[овьев]. И[стория] Р[оссии с древнейших времен, т.] 3, [стр.] 141).

1) Убиение царевича. Се первый грех.

2) Вся Россия положила ни во что его неповинную кровь. (Б[иблите]ка, 475. ср. Сказ[ание], 3 f).

3) Заставили божию мать умолять Бориса на царство: «двигнут бысть той образ нелепо, двигнута же и Россия бысть нелепо» (477).

4) Надменное обещание при венчании: «никто же убо будет в моем царствии ниц или беден» (ib.). Хвалит его заботы об этом.

5) Преследование родственников ц[аря] Федора, Романовых и др[угих] вельмож.

Поощрение доносов. Холопам отдавал имения господ и пр. (478).

Энергическая внешняя политика и подозрительное малодушие во внутреннем управлении: «И ради исправления земли (478 f) вокруг в странах славен и почитаем беяше, тако же и Россия благодарствоваше о нем за непощадение к злодеющим, но о сем зело вси скорбяще, иже неповинно от полаты его разумнии истребляхуса и сильнии в рассуждени и далече отгоними бываху».

6) За гонение Романовых и «безумное молчание» (479) всего мира (как и Тимофеев) «еже о истине к царю не смеюще гла[гола]ти о неповинных погибели» — неурожай и голод. Милостыня царская, стечение голодающих и мор в столице (127 тыс. в 3-х скудельницах в 2 г[ода] 4 месяца — 481.). Нарушение крестоцелования Годунову и друг[им] царям (стлб. 522).

7) Недостаток сострадания к голодающим и хлебн[ая] спекул[яция] (обилие хлебных запасов в Смуту — 481). Это — также грех всей России, чего ради от прочих язык пострада: не пощадили своих — и нас не пощадили враги. (482). Где нет

⁷⁰ Над строкой: династия.

⁷¹ Над строкой: Ист[орическая] Б[иблиотека], т.* XIII.

связи полит[ической] или экономической между явлениями, там у него связь нравственная, логика мировой правды⁷².

8) К бедствиям физич[еским] и экономическим расстройство социального порядка, общественных отношений. Скопление беглых преступников в украинских городах; усиление рабовладения (483 i) и бродячие прогнанные холопы в голодное время; расстройство семей и разврат господ; бесприютные холопы опасных образуют шайки конных разбойников в украинских городах (больше 20 т[ысяч] этих воров потом оказалось в осаде в Калуге и Туле). (482—4).

Рожь из царских житниц на просфоры худая и гнилая и со мздой (485), а иностранцам роскошный стол.

Заботы об укреплении и прославлении своего дома в голодные годы.

9) Для милостыни и строения церквей увеличил откупные цены кабаков и умножил откупа и сборы, особенно с крупных землевладельцев, и так смешал клятву с благословением (487). Ненависть на царя за это всего мира.

10) Любовь Б[ориса] к иноземцам и перемена нравов. Роскошь в низших классах из подражания высшим: все боярство в аху (488) в одежде и столе — за это голод. Стремление церковников в судьи и книжники земские; прилив невежд в церковнослужение; святители не искали разумных и знающих «только бы мало-мало по книзе псаломстей тек речию». Стройка своих церквей и их убожество. Яркая картина домашней роскоши рядом с бедностью церквей: держим утварь и конь паче св. икон (489 f).

И восстал на Б[ориса], не кого он боялся, не кто-либо из погубленных им вельмож, не царь какой, но кого попустил бог — «смеху достойно сказание, плача же велика дело» (490).

Лжедимитрий I — четвертую часть вселенной, всю Европию в 2 лета посланми прельсти, потому что обещался письменно «всю Россию привести к стрывеи антихристову под благословение» (491).

Обличение самозванца матерью, родными дядей и братом, Тургеневым и Колачником (492). Все власти знали, кто он (493 m).

Любит заострить фразу: «возлюбите все лесть, и доныне всем то и есть» (493 f, ср. 489 f).

Роскошь одежд у свиты, бояр и пр. — точно все женихи (494 f). А поляки и в банях мылись из золота и серебра (495). Еретики в храмах с жидами (ib.). Тонкие наблюдения: москвичи охали о деявшихся пакостях, «но серебро любезно собирающе» (торговое оживление от наплыва иноземцев — 496).

Произвольное толкование отношений к татарам (497 i.).

11) По убийении Гришки Москва предалась пьянству, а молебна в соборе не было (498). Беда продолжилась, потому что вся Россия «строительства божия к себе не смотрела,

⁷² Далее приписка: 10—11 прочесть 480.

иное рассуждающе» (498 f). Новый грех: безумство и небрежение к промыслу; не поняли, что еще раз избавлены от католических сетей. Очерк прежних покушений папы на Россию (499). Душевное око неосмотрительно имея, не благодарили — и скоро за безумство возмездие следовало.

Сильными, резкими чертам рисует развитие Смуты (500 t.) (двоемыслие при ц[аре] Шуйском) из вопроса о царе в междоусобие — (см. 501 и особенно 502—5): картина взаимного ожесточения русских, приводившая в дрожь самих чужаков, которых за жалость русаки звали худяками и женками, — прямо в любое историческое сочинение целиком (прочитать с 502 до 508 i.). Таким вышло русское общество из школы московской XVI в. Вся беда от своих: они могли бы, ходя с ними, перебить в непроходимых местах, будучи в пятеро многочисленнее (504 i): «но такового смысла⁷³ добра не боретесь» (монах!). Поляки так дурачили их, что они сами наконец смеялись над своими бедами (505 i.); сами женщины, захваченные врагами, по выкупе, к ним бегали — видимо, праведен гнев божий. Забвение общего блага из эгоизма — себе на горе (506 f.).

12) Особенно характерна черта: «всяк же от своего чину...⁷⁴ выше начаша восходити: раби убо господие хотяще быти...» (505 f). Недостаток патриотической солидарности — до нас далеко (508 f.).

Итог.

Поднимая со дна жизни явления, не замеченные другими наблюдателями, А[враамий Палицын] проводит черты такими глубокими рубцами, кладет одну краску гуще другой с такой неистощимостью воображения, что русская усобица разрастается в трагический факт человеческой растерянности. Разнообразие красок: вслед за текстом предаст в неискусен ум; творити слова: «хотя бы нам черт, только бы не тот» (508).

13). Хвастовство притв[орной] набожностью. (510—516)⁷⁵ воображение⁷⁶ утомляется расточительным обилием ужасных реальных красок разрушения и вслед за стенами кощунства мораль: все это за то, что строили красивые церкви и дорогие иконы, а сами в пьянстве и блуде жили, на взятки строили святыню, как будто этого довольно, как будто богу все это нужно: «Храм — не стены каменные и деревянные, но народ верных» (Златоуст).

Затем живая и злая сатирическая картинка быта — жесточи и пренебрежении к бедному и низкопоклонства пред сильными и богатыми (517—9— прочитайте 518 t. сл.).

⁷³ Над строкой: догадки.

⁷⁴ Над строкой: к «Смене» * 506 i.

⁷⁵ Над строкой: К итогу.

⁷⁶ Над строкой: Картинка 511 t.

Особенно обличает строение церквей лихоимством (520—1). Колокола льют, чтобы гласом их славным быть, а о голосе бедных и обидимых к богу небрегут. И в заключение величавый а ф о р и з м (521): Ни огонь, ни меч, ни вор — не вытрут милости к нуждающимся в книгах жизни, а только гордая мысль: та может и с неба свести в ад, как ф а р и с е я. Неправедное имение, богу приносимое, К а и н о в а м е р з о с т ь. Царь Ив[ан] В[асильевич] за разгром В[еликого] Новгорода чем заплатил? Через год татары все разграбили и Москве всемеро досталось горше, и за Волхов, насаженный доверху трупами... (522 i).

Подтверждает Т и м о ф е е в о известие о намерении Годунова построить храм Воскресения по образцу (иерусалимского) (ib.).

Кончается жестким обличением жадности и грабительства и призывом к покаянию.

Сокращения

П. С. Л. — Полное собрание русских летописей.

Курс — Речь идет о «Курсе русской истории» В. О. Ключевского.

Устр[ялов] — имеется в виду: *Н. Г. Устрялов*. Сказания кн. Курбского, ч. I—II. СПб., 1883.

Плат[онов] — имеется в виду: *С. Ф. Платонов*. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1888.

Изб[орник] — имеется в виду: *А. Н. Попов*. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Забелин — имеется в виду: *И. Е. Забелин*. Минин и Пожарский. М., 1883.

Котош[ихин] — имеется в виду: *Г. Котошихин*. О России в царствование царя Алексея Михайловича.

Знаме[нский] — видимо речь идет о *П. В. Знаменский*. Приходское духовенство на Руси. — «Православное Обозрение», 1866, №№ 9, 10; 1867, №№ 1—4.

Ист[орическая] Б[иблиотека, т.] XIII — имеется в виду «Русская историческая библиотека», т. XIII. СПб., 1891 («Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени»).

К «Смене» — речь идет о статье В. О. Ключевского «Смена. Боярство и дворянство» («Русская мысль», 1899, № 1).

ДВЕ ЛЕКЦИИ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО
(«ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»,
«РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ»)

В. А. Муравьев

Публикуемые ниже две лекции известного русского буржуазного историка Николая Павловича Павлова-Сильванского (1869—1908 гг.) неоднократно упоминались в работах по русской историографии периода империализма¹.

Первая из них — «История и современность» — была прочитана 21 февраля 1906 г. слушателям Высшей вольной школы П. Ф. Лесгафта². Вторая, носившая название «Схемы русской истории. Революция и русская историография», годом и тремя месяцами позднее была прочитана учителям средних учебных заведений, возвращавшимся с нелегального профессионального съезда в Финляндии (июнь 1907 г.)³. Разделенные значительным для времени первой русской революции промежутком, лекции свидетельствуют о том, что под влиянием событий революции в мировоззрении и исторических взглядах Н. П. Павлова-Сильванского происходил определенный поворот от традиционных канонов буржуазной исторической науки к более прогрессивным идеям. В частности, в этих лекциях, совершенно необычных для академической аудитории, нашло отражение отношение Н. П. Павлова-Сильванского к революционным событиям 1905—1907 гг. и оправдание им «права восстания» народа против государственной власти, не отвечающей его надеждам. В свете событий первой русской революции Н. П. Павлов-Сильванский дает скептическую оценку русской буржуазной историографии: уроки истории, писал он, «оказались неожиданными больше всего именно для наших историков... Историография наша... оказалась далеко не на высо-

¹ С. Н. Валк. Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского. — «Труды Ленинградского отделения Института истории», вып. 5. М.—Л., 1963, стр. 617—626; А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Л., 1962, стр. 76—77; С. О. Шмидт. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР. — «Вопросы истории», 1963, № 8, стр. 62; В. А. Муравьев. Материалы Н. П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах. — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. 22. М., 1965; он же. Лекционные курсы Н. П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях Петербурга. — «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971.

² ЛОИИ, ф. 190, д. 8/2.

³ Там же, д. 8/1.

те требований, предъявляемых к истории... История, которая каждым словом учит о движении вперед, большинство наших историков научила регрессу, а не прогрессу». Здесь же в лекциях отразился интерес Н. П. Павлова-Сильванского к проблемам марксистской философии истории.

Вместе с тем лекции столь же очевидно свидетельствуют о том, что эволюция воззрений историка еще не означала разрыва с буржуазной исторической наукой. Объективистская оценка борьбы правительства и общества, объективистское отношение к марксизму, неспособность указать на классовые корни исторических теорий дают основание заключать, что эта эволюция лишь подводила историка к демократическому лагерю.

Лекции публикуются с воспроизведением всех исправлений и помет, сделанных Н. П. Павловым-Сильванским, за исключением подчеркиваний карандашом, сделанных, вероятно, в процессе просмотра текста накануне чтения лекции.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. П. Павлов-Сильванский

«Наша наука, наука истории, пользуется в последние два года¹ особенным общественным вниманием.

В 60-х годах таким предпочтительным вниманием пользовались науки естественные, которые тогда получили политическое значение в связи с² имевшей тогда политическое значение² борьбой против старого религиозного мирозерцания. В последние два десятилетия таким же вниманием пользовалась политическая экономия³ и главным образом марксизм³ в силу его⁴ политического значения. Теперь выдвинулись государственное право, в котором все ищут уроков практических для разрешения вопросов государственного устройства,— и история.

Интерес к истории усилился под влиянием⁵ замечательных исторических событий нашего времени. Для всякого ясно, что мы переживаем одну из величайших эпох нашей истории и, может быть, вступаем в⁶ преддверье одной из величайших эпох истории всемирной. Мы видим уже первые начатки того влияния, какое наша революция оказывает на другие народы⁷.

Но если наша Великая⁸ революция и не будет началом всеобщей социальной революции, как ждут социалисты и наши, и западные, то во всяком случае наши дни, дни Русской Великой Революции не пройдут бесследно в истории,⁹ в жизни западных народов⁹ и составят одно из величайших событий всемирной истории. Только близорукий или предвзятый мещанин видит в том, что у нас происходит, только «беспорядки, излишества, страсти

¹ Далее зачеркнуто: в первые два года русской революции.

²⁻² Вписано над строкой.

³⁻³ Вписано над строкой вместо: которая также.

⁴⁻⁴ Вписано над строкой вместо: получивший только.

⁵ Далее зачеркнуто: тех.

⁶ Далее зачеркнуто: начало.

⁷ Далее зачеркнуто: Если германский праздник 9 января не удался, то это не значит еще, что влияние русской революции Вильгельму удалось остановить. Это только начало. В Европе чувствуется страшная напряженность. Во Франции ждут занятия всеобщей политической забастовки 1 мая.

⁸ Вписано карандашом под строкой.

⁹⁻⁹ Вписано под строкой вместо: всеобщей, всемирной.

всякого рода», как говорила Екатерина II о французской революции. Мы ощущаем стихию истории¹⁰.

Время, в которое мы живем, придает для нас новое освещение истории¹¹. Даже элементарная история, так называемая история прагматическая, история событий и деяний, приобретает для нас особый интерес¹². Мы теперь понимаем иначе, чем прежде, рассказы об отдаленных эпохах кровавых переворотов¹³.¹⁴ Читая более близкую историю¹⁵ французской революции¹⁵, мы теперь¹⁶ понимаем хорошо¹⁷, как можно жить под кошмаром постоянных известий о смертных казнях, убийствах и истязаниях. Мы понимаем ту выдержку, ненависть¹⁸, ту закаленность, которую дает атмосфера террора¹⁹. Мы понимаем психологию людей этих эпох. То, в чем мы²⁰ прежде видели²¹ рассказ, почти сказку, там мы теперь ясно ощущаем яркую картину жизни²². В наше²³ смутное время понятен был бы плач о разложении и разорении Московского государства.

«Кто не исполнится плача и увядания, кто не ужаснется, видя пагубу и конечное падение многонародного государства, видя великую злобу, многомятежные бурные реки пролитой крови».

Мы знаем, что эти слова о великой²⁴ ...бы не был французом, что они точно отражают действительность.

Современность пробуждает в нас живой интерес даже²⁵ к истории описательной!²⁶ В еще большей степени современность пробуждает в нас интерес к истории нового типа, возникший в недавнее время, к истории социологической. В этой науке²⁷ все

¹⁰ *Две последние фразы написаны на полях.*

¹¹ *Подчеркнуто карандашом. Сверху над: истории вписано карандашом: прошлому.*

¹² *Далее зачеркнуто: Мы сами стоим, так сказать, перед лицом истории, и прошедшее для нас ярко оживает в настоящем. Жизнь учит нас, что прагматическая история имеет значение независимо от истории социологической.*

¹³ *Далее зачеркнуто: Когда мы.*

¹⁴ *Вписано на полях.*

¹⁵⁻¹⁵ *Вписано над строкой.*

¹⁶ *Вписано над строкой.*

¹⁷ *Вписано над строкой.*

¹⁸ *Вписано над строкой.*

¹⁹ *Вписано вместо: что.*

²⁰ *Вписано вместо: читали.*

²¹ *Далее над строкой вписано карандашом: с иными чувствами читаем мы теперь.*

²² *Вписано над строкой.*

²³ *Вписано на полях.*

²⁴ *Далее не разобраны два слова.*

²⁵ *Вписано над строкой.*

²⁶ *Далее зачеркнуто: в которой главное содержание составляют описания трагических эпох, кровавых переломов, подобных перелому нашего времени. Этот интерес оправдывает существование истории описательной, право которой на существование так часто оспаривалось во имя научного знания.*

²⁷ *Вписано вместо зачеркнутого: истории.*

ищут теперь ответа на острые²⁸ вопросы о смысле и значении совершающихся на наших глазах²⁹ событий.

История не повторяется, говорят противники социологических законов древности³⁰. В области естествознания все давно уже привыкли под внешним³¹ разнообразием и несходством явлений видеть одну и ту же сущность и даже не обращать внимания на то, как глубоко несходны по внешности такие явления, как мгновенный³² зигзаг молнии и постоянный тихий свет электрической лампы³³. В области³⁴ истории и общественных наук для многих явлений, по внешности разнообразных, не раскрыто еще с такой ясностью их внутреннее единообразие. Недавно еще известный немецкий историк Эд. Мейер в своих рассуждениях с «Теоретических и методологических вопросах истории» восставал против исторических законов и даже против эмпирических объяснений³⁵. Он видел в них «схемы, лишённые конкретного содержания»; он противопоставил им «бесконечное разнообразие единичных исторических фактов».

Нам в наши дни сама жизнь, помимо всяких³⁶ теоретических³⁷ рассуждений³⁸, наглядно показывает, как много сходного³⁹ по своей внутренней сущности, как много однообразного в видимом разнообразии единичных исторических фактов. Читая описания французской революции, вы на каждой странице поражаетесь сходством явлений этой революции в их внутренней сущности с нашей современностью. Та же сила общественного движения, та же немощь, то же безумие ослепления со стороны двора и правящего класса⁴⁰, та же слабость⁴¹ правительственной власти, несмотря на кровавые репрессии, которую так характеризуют словом *anarchia spontanea*, аграрные волнения, кровавые⁴² столкновения прогрессивных элементов с реакционными⁴³, выраженные, между прочим, ярко у нас в⁴³ еврейских погромах, разложение армии, и там и тут начинающееся с мяте-

²⁸ Вписано вместо зачеркнутого: жгучие.

²⁹ Далее зачеркнуто: грандиозных.

³⁰ Вписано на полях.

³¹ Вписано вместо зачеркнутого: видимым.

³² Вписано под строкой.

³³ Далее под строкой вписано 8 совершенно неразборчивых слов.

³⁴ Вписано над строкой.

³⁵ Вписано над строкой: выступил с решительным отрицанием исторической закономерности.

³⁶ Вписано над строкой: опровергает такие.

³⁷ Далее зачеркнуто: и методологических.

³⁸ Сюда перенесена первая фраза предыдущего абзаца: Современность на каждом шагу дает нам уроки по теории исторического знания.

³⁹ Далее зачеркнуто: В

⁴⁰ Далее зачеркнуто: ныне сопутствующие политическому движению аграрные волнения.

⁴¹ Вписано над строкой вместо зачеркнутого: ослабление власти.

⁴² Вписано над строкой.

⁴³⁻⁴³ Вписано над строкой.

жей флотских экипажей. Те [же] две главных передовых ⁴⁴ партии: якобинцы и жирондисты, одни с крайней программой, с программой республики и революционного насилия ⁴⁵; другие — конституционные демократы, своей умеренностью, идеалистической ⁴⁶ академичностью и своей малой практичностью столь напоминают жирондистов.

Сходство само собою бросается в глаза, сходство внутренней сущности, несмотря на многие отличия ⁴⁷, связанные с различными условиями времени и места. И там и здесь мы видим один и тот же исторический процесс, стихийное столкновение отжившей формы политического строя, охраняемой эгоистическим отсталым правящим классом, с передовыми элементами общества, действующими во имя общего блага, с великим героизмом самопожертвования. И там и здесь одно и то же явление стихийной революции, в ее ярком выражении, а не в том слабом отражении, какое, например, было ⁴⁸ в германской революции 1848 года. И там и здесь одно и то же по существу явление, один и тот же источник ⁴⁹ света, с лучами, различно преломленными в зависимости от различных условий времени и места.

История повторяется. Мы это знаем теперь из уроков жизни, знаем по ясному для нас сходству русской революции с Великой революцией французской. История повторяется, что бы ни говорили противники социологии, которые в двух картинах, написанных разными красками, не могут разглядеть одного и того же рисунка, которые за разнообразием исторических фактов не видят однообразия исторического процесса ⁵⁰.

События наших дней привлекают общественное внимание не только к истории французской революции, но и к истории русской ⁵¹. Прежде всего привлекают внимание в этой истории явления, ближайшим образом связанные с событиями наших дней, а именно ⁵² непосредственно подготовившее их освободительное движение, начиная с первого яркого ⁵³ проявления его в екатерининское царствование, начиная с Радищева ⁵⁴, свободного мыслителя XVIII века, ученика Мабли и ⁵⁴ первого нашего рево-

⁴⁴ Вписано над строкой.

⁴⁵ Вписано под строкой вместо зачеркнутого: террора.

⁴⁶ Вписано над строкой вместо зачеркнутого: своей талантливостью, блеском талантов.

⁴⁷ Далее зачеркнуто: внешние и внутренние.

⁴⁸ Вписано над строкой: слабое.

⁴⁹ Вписано над строкой.

⁵⁰ На полях вписано: которые не могут узнать известной мелодии, когда слышат ее в новой оркестровке, инструментовке.

⁵¹ На полях вписано: Освободительное движение. Исконные начала.

⁵² Вписано под строкой.

⁵³ Далее зачеркнуто: выражения.

⁵⁴⁻⁵⁴ Вписано под строкой.

люционер. В его архаической речи, свободно раздавшейся⁵⁵ впервые в наши дни 103 года спустя после его смерти, слышна та же смелость, то же дерзновение, которое составляет силу нашей⁵⁶ революции. Радищев, декабристы⁵⁷, 40-е, 60-е годы, народолюбцы, марксисты и социал-демократы, народники и⁵⁸ их преемники социалисты-революционеры — таковы⁵⁹ главные стадии нашего великого освободительного движения⁶⁰, беспримерные⁶¹ «в истории по числу жертв, по силе героического самопожертвования»⁶¹.

Это освободительное движение, вместе с его последним выражением — революцией наших дней дает новое освещение, новый интерес и новое значение⁶² всей нашей древней истории. Это освободительное движение не есть нечто наносное, чужое⁶³, постороннее, нечто совершенно оторванное от почвы древней нашей истории, нечто чуждое нашей якобы патриархальной верно-подданнической древней истории. Нет. Источники⁶⁴ этого движения коренятся в глубокой древности. Революционер Радищев является с культурным развитием нашего общества XVIII века, с культурной реформой Петра, которая в своих западных стремлениях в свою очередь связана с культурными западными стремлениями XVII века.

Патриархальный, верноподданнический характер нашей древней истории — не что иное, как⁶⁵ недоразумение, если⁶⁶ выразиться наиболее мягко⁶⁷. Всевластие государства — явление у нас сравнительное новое⁶⁸. Его основа — крепостное право господствовало у нас не более $2\frac{1}{2}$ столетий⁶⁹. При освобождении крестьян Александру II говорили, что в его новинках старина наша слышится. Старина наша слышится и теперь в нашем политическом освобождении⁷⁰. Народный суверенитет⁷¹ был хорошо знаком нашей древности, нашим республикам⁷² Новго-

⁵⁵ Вписано над строкой: звучащее. Далее зачеркнуто: только.

⁵⁶ Далее зачеркнуто: освободительного.

⁵⁷ Далее зачеркнуто: Белинский.

⁵⁸ Вписано над строкой.

⁵⁹ Далее зачеркнуто: основные.

⁶⁰ Далее зачеркнуто: бессмертные.

⁶¹⁻⁶¹ Вписано на полях.

⁶² Вписано вместо зачеркнутого: важность.

⁶³ Вписано над строкой.

⁶⁴ Вписано вместо зачеркнутого: корни.

⁶⁵ Вписано над строкой. Далее зачеркнуто: миф, цензурная ложь официальных источников.

⁶⁶ Далее зачеркнуто: цензурная и два неразобранных слова.

⁶⁷⁻⁶⁷ Написано на полях.

⁶⁸ Далее зачеркнуто: оно господствовало не более двух — 2,5 столетий.

⁶⁹ Далее зачеркнуто: Нашей 1000-летней истории знакомы были. На полях написано: 1610—1861.

⁷⁰ Далее зачеркнуто: Мы добиваемся.

⁷¹ Далее зачеркнуто: Но он.

⁷² Далее зачеркнуто: Великого Новгорода.

рода, Пскова, Вятки, которые Костомаров называл «народоправствами»; он был ⁷³ хорошо знаком нашей первоначальной историей, в которой главная власть принадлежала свободному народному собранию — вече ⁷³.

Наша борьба с государственной властью ⁷⁴ ведет свое ⁷⁵ начало из древности, которая постоянно осуществляла и право восстания. Вся наша древность, так же как наши дни, залита кровью мятежных народных движений ⁷⁶. Припомните бунт Стеньки Разина и бунт Пугачевский. Но за Пугачевским бунтом последовал менее известный крестьянский мятеж при Павле, тогда до 40 ⁷⁷ губерний ⁷⁸ были охвачены народным движением ⁷⁸; а бунту Разина предшествовали казацкие движения ⁷⁹ Смутного времени.

В нашей древности была, действительно, некоторая ⁸⁰ патриархальность отношений к верховной власти. Но это была патриархальность особого рода. В ⁸¹ удельное время ⁸¹ народ нередко обращался к князю с такой патриархальной речью: «Ты нам, князь, не люб», и князь, беспрекословно подчиняясь воле ⁸² державного народного собрания, уходил в другое княжество. Это называлось в летописи «показать путь князю». Так в 1221 году показали путь новгородскому ⁸³ князю Всеволоду: «Не хотим тебя, князь, ступай, куда хочешь» (Соловьев, I, 598) ⁸⁴.

Позднее в Смутное время 12 июля * 1610 года царь Василий Шуйский был низвергнут подобным же решением народного собрания в Москве. На этом собрании было решено ⁸⁵, рассказывает Соловьев, ⁸⁵ «бить челом государю царю Василию Ивановичу, чтоб он, государь, царство оставил для того, что кровь многая льется, а в народе говорят, что он, государь, несчастлив». На эту просьбу, объявленную боярином от имени всего московского народа, Василий должен был согласиться и выехать с женой в прежний свой боярский дом ⁸⁶.

«И московского государства люди, которые в то время были на Москве ⁸⁷, били челом государю своему царю и великому

⁷³⁻⁷³ Написано на полях.

⁷⁴ Далее зачеркнуто: наше право восстания.

⁷⁵ Вписано над строкой.

⁷⁶ Далее зачеркнуто: Вы.

⁷⁷ 40 вписано карандашом.

⁷⁸⁻⁷⁸ Вписано над строкой вместо зачеркнутого: объята были пламенем восстания.

⁷⁹ Далее зачеркнуто: во время.

⁸⁰ Вписано над строкой.

⁸¹⁻⁸¹ Вписано вместо зачеркнутого: Великом Новгороде.

⁸² Далее зачеркнуто: народного.

⁸³ Вписано над строкой.

⁸⁴ Далее зачеркнуто: Позднее в смутное время. 300 лет назад, царя Василия Шуйского.

* Ошибка, 17 июля.

⁸⁵⁻⁸⁵ Вписано над строкой.

⁸⁶ На полях вписано: князь Иван Михайлович Воротынский.

⁸⁷ Далее зачеркнуто: слыша.

князю Василию Ивановичу всея Руси, чтоб он великий государь для покоя хрестыянского, чтоб в Московском государстве больше того кровь хрестыянская не лилась и Московское государство не разорялось, государство свое оставил. И царь Василий, по челобитью нашему и всяких людей, и для покою хрестыянского, чтоб для его кровь хрестыянская не лилась, государство оставил.

Грамота к польскому королю Сигизмунду III от Земского собора в Москве, 10 марта 1613 года (СГГД, III, № 7, с. 25).

⁸⁸При избрании на царство Михаила Романова ⁸⁸, когда посланные от ⁸⁹ Учредительного земского ⁸⁹ собора явились к ⁹⁰ нему в Кострому ⁹⁰ и его матери инокине Марие Ивановне, то она, отказываясь за своего сына от царства, ссылалась ⁹¹ главным образом ⁹¹ на ⁹² частые измены московских людей своим государям в Смутное время. Они изменили Федору Борисовичу, отъехали от него к Гришке Отрепьеву, потом убили и сожгли этого Отрепьева, затем избрали Василия и ⁹³ через 4 года ⁹³ его в свою очередь «с царства скинув, постригли». Она жаловалась на «позоры, убийства и поругания прежним государем» ([СГГД], III, № 10, 1613, с. 41).

Такие ⁹⁴ своеобразные ⁹⁵ «патриархальные» отношения народа к царю проявлялись ⁹⁶ не только в Смутную эпоху ⁹⁶, но и в позднейшее время ⁹⁷. Они ⁹⁸ обнаруживались в ⁹⁸ московской революции ⁹⁹ 1648 года. Этот мятеж был вызван насилиями ¹⁰⁰ земского судьи ¹⁰⁰ Левонтия Плещеева и окольного Петра Траханиотова ¹⁰¹, ¹⁰² думного дьяка Назария Чистого ¹⁰², которые пользовались покровительством дядьки царя боярина Бориса Морозова, управляющего всеми делами в первые годы царствования ¹⁰³ юного Алексея Михайловича ¹⁰⁴. ¹⁰⁵ Волнения начались 2 июня 1648 года ¹⁰⁵.

Рассказ об этих событиях в летописи, недавно найденной проф. Платоновым, ¹⁰⁶ чрезвычайно любопытен. Царь во время

⁸⁸⁻⁸⁸ Вписано над строкой.

⁸⁹⁻⁸⁹ Вписано под строкой.

⁹⁰⁻⁹⁰ Вписано над строкой вместо зачеркнутого: Михаилу Федоровичу.

⁹¹⁻⁹¹ Вписано над строкой.

⁹² Далее зачеркнуто: то, что как.

⁹³⁻⁹³ Вписано над строкой.

⁹⁴ Далее зачеркнуто: же.

⁹⁵ Вписано над строкой.

⁹⁶⁻⁹⁶ Вписано над строкой.

⁹⁷ Далее зачеркнуто: много лет спустя после Смутного времени.

⁹⁸⁻⁹⁸ Вписано вместо зачеркнутого: проявились во время.

⁹⁹ Вписано вместо: мятежа.

¹⁰⁰⁻¹⁰⁰ Вписано над строкой.

¹⁰¹ Сверху зачеркнуто: и других.

¹⁰²⁻¹⁰² Вписано над строкой.

¹⁰³ Вписано над строкой.

¹⁰⁴ Далее зачеркнуто: Царю... Плещеев и Траханиотов были убиты народом: спасся один дядька Морозов.

¹⁰⁵⁻¹⁰⁵ Вписано на полях.

¹⁰⁶ Вписано над строкой.

мятежа ведет переговоры с народом, с миром¹⁰⁷ и заключает с ним договор. Летописец не видит в мятеже преступления¹⁰⁸. О мятежных действиях народа он говорит как о правомочных действиях¹⁰⁹ всей земли¹⁰⁹, мира — народного собрания¹¹⁰.

Тогда «того же дни возмутились миром на всех Левонтьевых заступников», на боярина Морозова и на окольного Траханиотова и на думного дьяка Назария Чистого и «домы их миром разбили и разграбили, и самого думного дьяка Назария Чистова у него в дому до смерти прибили»¹¹¹.

На следующий¹¹² день¹¹³, «видя государь царь такое в миру великое смятение, велел ево земсково судью Левонтия Плещеева всей земле выдать головою и его Левонтия миром на пожаре прибили...».

Народ этим не удовлетворился, «и учали миром просити и заступников его и единомышленников Бориса Морозова и Петра Траханиотова».

Государь высылает к народу депутатов из духовенства и бояр, «чтобы миром утолилися». Он обещает выслать из Москвы этих бояр, «где-де Вам, миряном, годно», и не допускать их больше в приказы. «И на том царь к Спасову образу прикладывался и миром и всею землею положили на его государеву волю».

Но тут случился в Москве большой пожар. Народ обвинил в поджоге¹¹⁴ Траханиотова и убил нескольких поджигателей.

¹¹⁵«И июня в 4 день миром и всею землею опять за их великую измену и за поджог возмутились». Государь должен был выдать Траханиотова и спас только Морозова. «А того Бориса Морозова государь царь у миру упросил, что его сослать с Москвы в Кирилов монастырь на Белозеро, а за то ево не казнить, что он государя царя дядька, вскормил его государя. А впредь ему, Борису, на Москве не бывать... И на том миром и всею землею государю царю челом ударили и в том во всем договорилися». Стрельцам выдано было двойное жалованье, погоревшим деньги на дворовое строение¹¹⁶.

¹⁰⁷ *Далее зачеркнуто:* дает ему клятвенные обещания.

¹⁰⁸ *Далее зачеркнуто:* Он.

¹⁰⁹⁻¹⁰⁹ *Вписано над строкой.*

¹¹⁰ *Далее зачеркнуто:* И на праздник Сретения чудотворныя иконы Владимирския было смятение в мире, били челом всею землею государю на земсково судью на Левонтия Степанова сына Плещеева, что от него в миру стала великая. ...«Государь ответил отказом на это челобитье — Левонтия не выдал».

¹¹¹ *Далее зачеркнуто:* Волнения на этом не прекратились. Началось ово 2 июля 1648 года и.

¹¹² *Вписано вместо зачеркнутого:* третий.

¹¹³ *Далее зачеркнуто:* 3 июня. *На полях вписано:* 3 июня.

¹¹⁴ *Вписано вместо зачеркнутого:* пожаре.

¹¹⁵ *На полях вписано:* 4 июня.

¹¹⁶ *На полях:* С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории, стр. 86—91. *Далее зачеркнуто:* Бунт в Москве, прекратившийся только после убийства, с вынужденного согласия царя, главных деятелей его правительства, глав-

Народ в три дня низверг правительство боярина Морозова с его приспешниками. Три дня Москва была во власти народа, грабившего дома своих угнетателей. Народное революционное движение было остановлено только вследствие поспешных уступок царя ¹¹⁷.

В памяти бояр ¹¹⁸, окружавших царя ¹¹⁹ во время этого мятежа ¹¹⁹, были еще живы ¹²⁰ события Смутной эпохи ¹²¹. Со времени избрания Михаила Федоровича на царство прошло еще всего 35 лет. И когда московская революция отразилась волнениями в нескольких городах: в Устюге, Сольвычегодске, Пскове ¹²² и других — царское правительство, вовремя оценив силу народного движения, заметив, «что весь мир качается» ¹²³, поспешило сделать дальнейшие уступки. Тотчас ¹²⁴ после июньских волнений царь с думою 16 июня 1648 г. ¹²⁵ решил созвать Земский собор для составления Уложения — свода законов. Патриарх Никон ¹²⁶ говорил, что созвание собора решено было «боязнию ради междоусобия от черных людей». Особая ¹²⁷ комиссия под председательством князя Н. И. Одоевского очень скоро, в течение 2½ месяцев составила проект Уложения и ¹²⁸ в начале ¹²⁸ сентября 1648 года, через три месяца после июньской революции, в Москве собрался Земский собор. В Уложение, рассмотренное этим собором, внесено было 80 новых узаконений. Почти все требования, заявленные ¹²⁹ в указы выборным в форме челобитий, были удовлетворены ¹³⁰.

В предисловии к уложенной книге, выработанной собором и изданной ¹³¹ немедленно после его окончания ¹³¹ 29 января 1649 года, было ярко оттенено ¹³² участие земли в деле государственного устроения. Главная ¹³³ задача Уложения указана

ных притеснителей народа, отразился крупными волнениями в нескольких городах: в Устюге и Сольвычегодске.

Эти события в Москве в июне 1648 года несомненно были революцией. Они были насильственным переворотом.

¹¹⁷ На полях зачеркнуто: В этой стихийной мгновенности июньская революция 1648 года имеет сходство с июньской революцией 1848 года в Берлине.

¹¹⁸ Вместо зачеркнутого: деятелей.

¹¹⁹⁻¹¹⁹ Вписано под строкой.

¹²⁰ Далее зачеркнуто: недавние.

¹²¹ Вписано под строкой вместо: времени.

¹²² Вписано над строкой.

¹²³ На полях сноски: Платонов, с. 314.

¹²⁴ Вместо зачеркнутого: Через месяц. Далее зачеркнуто: с небольшим.

¹²⁵ На полях: У Платонова 16 июля.

¹²⁶ Под строкой одно слово неразборчиво.

¹²⁷ Далее зачеркнуто: назначенная.

¹²⁸⁻¹²⁸ Вписано над строкой.

¹²⁹ Вписано вместо зачеркнутого: внесенные.

¹³⁰ Далее зачеркнуто: задачей собора было упорядочение.

¹³¹⁻¹³¹ Вписано над строкой.

¹³² Далее зачеркнуто. роль Земского собора.

¹³³ Вписано вместо зачеркнутого: Она. Что.

была в словах: «чтобы великих чинов людям от большого до меньшого чину суд и расправа во всяких делах была ¹³⁴ всем равна». Чтобы сделать «уложение прочным и неподвижным», чтобы ¹³⁵ царственное и земское дело ¹³⁶ «на мир поставить», т. е. упорядочить, государь утвердил его со всеми выборными людьми, общим советом. Для той же цели Уложение было скреплено подписями всех выборных людей.

Правительство провозглашало основой Уложения равенство суда и расправы в широком смысле, справедливого устройства всех классов, от большого до меньшего чину. Но на самом деле ¹³⁷ Уложение удовлетворило только требования средних классов — среднего и мелкопоместного дворянства и городской буржуазии — посадских людей ¹³⁸. Большинство выборных на Земском соборе было представителями этих двух классов. Правительство ¹³⁹ нашло опору в ¹³⁹ этих средних классах, пожертвовав в их пользу интересы боярства и отчасти высшего духовенства и низших — владельческих ¹⁴⁰ крестьян и мелких посадских людей, прикрепив их к тяглу.

Недовольство низших классов Уложением 1649 года ¹⁴¹ выразилось ¹⁴² через 21 год в сильном народном мятеже, т. наз. бунте Степана Разина. Опираясь на средние классы, московское правительство скоро ¹⁴³ подавило это движение ¹⁴⁴.

Таковы основные ¹⁴⁵ известные факты отношений между правительством и обществом времени ¹⁴⁶ царствования Алексея Михайловича ¹⁴⁷, того царствования, которое рисуется некоторым ¹⁴⁸ в виде золотого века московского допетровского государства. Если мы сопоставим с этими фактами еще факты Смутного времени, то мы заметим, что с начала этого Смутного времени, с 1605 по 1620 год между различными классами общества и между обществом и правительством идет в существе непрекращающаяся

¹³⁴ Вписано над строкой.

¹³⁵ Далее зачеркнуто: чтобы и государь решил «утвердиться».

¹³⁶ Далее зачеркнуто: со всеми выборными людьми.

¹³⁷ Далее зачеркнуто: Земский собор.

¹³⁸ Далее зачеркнуто: От этих классов и и Главное.

¹³⁹⁻¹³⁹ Вписано вместо зачеркнутого: оперлось на.

¹⁴⁰ Вписано вместо зачеркнутого: закрепощенных.

¹⁴¹ Далее зачеркнуто: ярко.

¹⁴² Далее зачеркнуто: в.

¹⁴³ Над строкой: в течение года (?).

¹⁴⁴ На полях вписано: Лето 1670. 1671 — казнен.

¹⁴⁵ Далее зачеркнуто: хорошо.

¹⁴⁶ Далее зачеркнуто: времени.

¹⁴⁷ Далее зачеркнуто: того времени.

¹⁴⁸ Вписано вместо зачеркнутого: многим.

упорная борьба¹⁴⁹. Борьба эта большею частью¹⁵⁰, как хроническая болезнь¹⁵⁰, таится внутри, но время от времени прорывается наружу резкими припадками; резкое столкновение сменяется перемирием, и перемирие вновь нарушается столкновением — революцией¹⁵¹ 1648 года, через 20 лет затишье разрешается мятежом Разина.

Какой¹⁵² проники¹⁵³ после этого кажутся полны слова одного из современных реакционных¹⁵⁴ публицистов о том, что наша древность была «мирной процессией венчанного царя с верно-поданным народом». Как¹⁵⁵ странно звучат после этого¹⁵⁵ слова некоторых правительственных актов, которые в борьбе с революционным движением взывают к «исконным началам» безмолвной¹⁵⁶ покорности власти, которые эту рабскую покорность¹⁵⁷ провозглашают «заветом родной старины»¹⁵⁸.

¹⁵⁹Эти воззвания¹⁵⁹ к заветам истории¹⁶⁰, к нашим исконным началам¹⁶¹ тотчас воскрешают в нашей памяти одну из ярких типичных картин московской истории. На Красной площади¹⁶² бушующее народное собрание — мир, уже казвившее Левонтия Плещеева пред лицом¹⁶² типайшего царя Алексея Михайловича. Царь выпрашивает жизнь влиятельным членам своего правительства, клянется пред образом, что не допустит их больше ни до каких должностей, их и их родственников¹⁶³, уступает народу и выдает на казнь их¹⁶⁴ одного за другим¹⁶⁵.

¹⁴⁹ Далее зачеркнуто: Резкие столкновения сменяются на.

¹⁵⁰⁻¹⁵⁰ Вписано над строкой.

¹⁵¹ Вписано вместо зачеркнутого: после бунта.

¹⁵² Далее зачеркнуто: цинической.

¹⁵³ Далее зачеркнуто: только. Каким глумлением над историей.

¹⁵⁴ Вписано вместо зачеркнутого: консервативных.

¹⁵⁵⁻¹⁵⁵ Вписано вместо зачеркнутого: глумлением над историей кажутся.

¹⁵⁶ Далее зачеркнуто: рабской.

¹⁵⁷ Далее зачеркнуто одно неразобранный слово и кажутся, глумясь над древностью.

¹⁵⁸ Далее зачеркнуто: На что они рассчитывают, так смело извращая факты нашей древности? На полное незнание древности. Но ведь все эти факты нашей истории XVII века твердо установлены и подробно описаны во множестве книг, давно разрешенных нашей цензурой. Ведь они в кратких, но все-таки ясных известиях вошли даже в учебники.

¹⁵⁹⁻¹⁵⁹ Вписано вместо зачеркнутого: Как же решаются они взывать.

¹⁶⁰ Вписано вместо зачеркнутого: родной старине.

¹⁶¹ Далее зачеркнуто: когда эти воззвания.

¹⁶²⁻¹⁶² Вписано над строкой.

¹⁶³ Далее зачеркнуто: народ не уступает. Царь.

¹⁶⁴ Вписано над строкой.

¹⁶⁵ Далее зачеркнуто: И наконец ему удается спасти только. И разгневанный неумолимый народ, уступая мольбам царя, оставляет жизнь только его воспитателю дядьке Морозову.

Они взывают к заветам родной старины. И мы вспоминаем другую подобную картину, народный суд в Москве над царем Василием Шуйским и приговор: «Ты, государь, несчастлив, при тебе крови много льется».

В ¹⁶⁶этом воззвании к заветам ¹⁶⁶ русской истории ¹⁶⁷ они допускают ¹⁶⁸ крупную ¹⁶⁹ ошибку: они неосторожно ¹⁷⁰ вызывают свидетеля, который ¹⁷¹ свидетельствует против них.

*

Патриархальная покорность власти, на которой ¹⁷² настаивают ¹⁷³ реакционные партии ¹⁷³, выражается для них в понятии самодержавия. И они ¹⁷⁴ хотят освятить ¹⁷⁵ этот идеал исконной древностью. Взывая к покорности самодержавию, они опять вызывают свидетеля ¹⁷⁶, который ¹⁷⁷ свидетельствует против них.

Главным ¹⁷⁸ теоретиком и практиком неограниченного ¹⁷⁹ самодержавия ¹⁸⁰ был у нас Иван Грозный. Но при Иване Грозном самодержавие было чистой тиранией царя, несомненно ¹⁸¹ страдавшего ¹⁸² помешательством, хотя форма этого помешательства не выяснена вполне историками ¹⁸³.

Иван Грозный формулировал свою власть по чужеземным византийским ¹⁸⁴ теориям. И он формулировал ее откровенно до циничности. Формула эта проста и широка: «Государь повелевает хотение свое творить от бога повинным рабам». Подданные — рабы и должны подчиняться всяким хотениям своего господина, как бы они ни были произвольны и болезненны. Основания этой власти в наследственности ее ¹⁸⁵ и ее божественной предустановленности ¹⁸⁶. Иван Грозный ¹⁸⁶ называл себя «дедичем и отчичем прародительских земель ¹⁸⁷ божьим изволением ¹⁸⁷, а не многомятежного человечества хотением». Господская власть над рабами обуславливалась в теории Грозного ¹⁸⁸ единственно

¹⁶⁶—¹⁶⁶ Вписано вместо зачеркнутого: своих ссылок.

¹⁶⁷ В тексте ошибочно: на русскую историю.

¹⁶⁸ Вписано вместо зачеркнутого: делают.

¹⁶⁹ Вписано вместо зачеркнутого: двойную.

¹⁷⁰ Вписано вместо зачеркнутого: не только смело извращают факты, но.

¹⁷¹ Далее зачеркнуто: губит их окончательно.

¹⁷² Далее зачеркнуто: они.

¹⁷³—¹⁷³ Вписано над строкой.

¹⁷⁴ Далее зачеркнуто: настаивают.

¹⁷⁵ Далее зачеркнуто: древностью.

¹⁷⁶ Вписано вместо зачеркнутого: духа истории.

¹⁷⁷ Далее зачеркнуто: обрушивается.

¹⁷⁸ Вписано над строкой.

¹⁷⁹ Вписано над строкой.

¹⁸⁰ Далее зачеркнуто: его высшим выражением тирании.

¹⁸¹ Вписано над строкой.

¹⁸² Далее зачеркнуто: не выясненной еще вполне формой.

¹⁸³ Далее зачеркнуто: В лице Ивана Грозного они вызывают свидетеля, свидетельствующего против них.

¹⁸⁴ Далее зачеркнуто: образцам.

¹⁸⁵ Вписано вместо зачеркнутого: власти.

¹⁸⁶—¹⁸⁶ Вписано вместо зачеркнутого: он.

¹⁸⁷—¹⁸⁷ Вписано над строкой.

¹⁸⁸ Далее зачеркнуто: сильным.

ее извечностью. Он производит свой род Рюриковичей от римского императора Августа Цесаря и гордо противопоставляет себя другим европейским монархам, английской¹⁸⁹ королеве Елизавете, польскому¹⁹⁰ королю Стефану Баторию, «государем со вчерашнего дня», и находит себе равным только турецкого султана. «Кроме нас да турецкого султана,— писал он,— ни в одном государстве нет государей, которых бы ряд¹⁹¹ царствовал через 200 лет. А мы от государства господари, начавши от Августа Цесаря, из начала веков».

Эта тираническая теория самодержавия основывалась на извечности царского рода. И это основание ее рушилось¹⁹² после смерти сына¹⁹³ Ивана Грозного Федора Ивановича¹⁹⁴. Через 14¹⁹⁵ лет после его смерти в 1598 установилась у нас избирательная монархия, над которой он издевался¹⁹⁶. Царь Борис и несколько следующих царей до Михаила Романова были избраны тем самым «многомятежным человеческим хотением», которое он ставил в укор Стефану Баторию. Это были цари¹⁹⁷ «со вчерашнего дня», как он выражался о выбранных государях.

Эта¹⁹⁸ теория самодержавия¹⁹⁹ была уничтожена в ее основаниях нашей историей через 14 лет после смерти ее творца. Надо заметить еще, что она²⁰⁰ была теорией не²⁰¹ народной, а²⁰² искусственной²⁰³, книжной.

Если мы обратимся к золотому веку московского царства Романовых — XVII веку, то мы отнюдь не найдем в нем понятия неограниченного самодержавия.

Наши юридические категории²⁰⁴ обыкновенно не подходят к своеобразным²⁰⁵ понятиям и учреждениям²⁰⁶ древности²⁰⁷.

¹⁸⁹ Вписано над строкой.

¹⁹⁰ Далее зачеркнуто: государю.

¹⁹¹ Вписано над строкой.

¹⁹² Далее зачеркнуто: ее и одно неразобранное слово.

¹⁹³ Вписано над строкой.

¹⁹⁴ Над строкой: 1598.

¹⁹⁵ Вписано над строкой.

¹⁹⁶ На полях напротив помечено: [Печально], что эта теория была провозглашена.

¹⁹⁷ Вписано вместо зачеркнутого: государи.

¹⁹⁸ Вписано вместо зачеркнутого: Тираническая.

¹⁹⁹ Далее зачеркнуто: не только была.

²⁰⁰ Далее зачеркнуто: не.

²⁰¹ Вписано над строкой.

²⁰² Далее зачеркнуто: теорией.

²⁰³ Вписано под строкой.

²⁰⁴ Вписано вместо зачеркнутого: понятия с трудом.

²⁰⁵ Вписано над строкой.

²⁰⁶ Вписано над строкой.

²⁰⁷ Далее зачеркнуто: Еще менее подходят к древности наши понимания терминов.

Самодержавие теперь понимается в смысле неограниченной власти, в смысле неограниченного самовластия. Впервые так формулировал эту власть на основании усвоенных из-за границы книжных понятий Петр Великий: «Его величество есть самовластный государь, который никому в свете ответа давать не должен». Это — теория книжная европейская, как теория Грозного была книжной византийской.

Народное историческое²⁰⁸ воззрение на²⁰⁹ царя-самодержца было иным. Недаром же народ не признал самовластия²¹⁰ Петра I²¹¹ и называл²¹² его за проявление его самовластия антихристом и шведом.

В старом народном воззрении²¹³ существо царской власти заключалось не в ее неограниченном самовластии, а исключительно в милости. Царь принадлежал не неограниченной власти, а неограниченной милости.

Московский человек XVII века²¹⁴ очень бы удивился, если ему сказали, что существо царской власти заключается в ее неограниченности, в²¹⁵ полном самовластии царя²¹⁶, что он обязан беспрекословно подчиняться всякому его хотению²¹⁷, как раб, по терминологии Ивана Грозного.

По воззрению московского времени самовластие не допускалось само собою, потому что в это время громадное значение имел обычай, обычное народное право. Царь, как и всякий человек, должен был блюсти старые обычаи, должен был действовать при посредстве установленных властей, считаясь с миром, с мирскою правдою. Эта подчиненность царя мирской правде подразумевалась сама собою. Блюстителем этой правды был мир, народ, земля²¹⁸. Правительственные дела назывались тогда «государевыми и земскими»²¹⁸.

Понятию неограниченности противопоставлялось в народном²¹⁹ сознании понятие подчиненности царя мирской правде. И когда царь не подчинялся ей, когда он самовластно ломал старые уставы, народное сознание допускало²²⁰ неподчинение царской власти. Это ярко проявилось в резком противодействии само-

²⁰⁸ Вписано над строкой.

²⁰⁹ Далее зачеркнуто: самодержавие.

²¹⁰ Далее зачеркнуто: его.

²¹¹ Далее зачеркнуто: его самовластную (одно слово не разобрано) и назвал.

²¹² Далее зачеркнуто: этого.

²¹³ Далее зачеркнуто: да, я думаю, и современный крестьянин.

²¹⁴ Далее зачеркнуто: царь.

²¹⁵ Далее зачеркнуто: ее.

²¹⁶ Вписано над строкой. Далее зачеркнуто: и по своему значению.

²¹⁷ Далее зачеркнуто: по.

²¹⁸⁻²¹⁸ Вписано на полях.

²¹⁹ Далее зачеркнуто: собрания.

²²⁰ Далее зачеркнуто: слушание.

властцу Петру раскольников, людей, сохранивших²²¹ в эпоху реформы воззрения XVII века. Когда Петр²²²...

Начало абсолютизма *sic volo sic habet* было чуждо понятия о царской власти²²³, господствовавшего²²⁴ в XVII веке при первых Романовых. Царь представлялся народу не как самовластец, а как высший милостивый²²⁵ судья, своего рода как высший третейский судья²²⁶, поборник правды, защитник сирых и беспомощных²²⁷.

Рассуждая о своей царской власти, царь Алексей указывал не на ее неограниченность, а именно на ее милость²²⁸, как ее основу²²⁸, обязанность царя: «рассуждать людей в правду» и «беспомощным помогать».

Насколько можно понятия XVII века ввести в наши юридические категории, мы должны признать, что царская власть по народным²²⁹ понятиям XVII века относилась не столько к категории неограниченного самовластного абсолютизма, сколько к категории монархии ограниченной. Основное воззрение на²³⁰ высшую власть монарха²³⁰, как на источник милости, как известно²³¹, присуще и конституционной теории. Даже в республиканских конституциях президенту представляется право помилования.

Я говорил о воззрениях на самодержавие. На практике же власть московского царя²³² еще более приближается к власти конституционной. С царя Михаила Федоровича была взята ограничительная²³³ запись. Но²³⁴ существо ограничения состояло не в записи. И без формального акта ограничения московские цари были ограничены²³⁵ обычаем, обычной конституцией, которая в то время всевластия обычая имела громадную силу²³⁶.

По²³⁷ обычной конституции власть царя была ограничена властью патриарха и освященного собора, властью боярской думы и властью Земского собора²³⁸, выступавшего во все важные моменты жизни государства.

²²¹ Вписано вместо зачеркнутого: живших.

²²² Здесь фраза обрывается. На полях напротив: Подьячий Семен Докучин.

²²³ Далее зачеркнуто: распространенного.

²²⁴ В тексте ошибочно: господствовавшему.

²²⁵ Вписано вместо: милосердый.

²²⁶ Далее зачеркнуто: защитник.

²²⁷ На полях напротив: Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

²²⁸⁻²²⁸ Вписано вместо: справедливость.

²²⁹ Вписано над строкой.

²³⁰⁻²³⁰ Вписано вместо зачеркнутого царя.

²³¹ Далее зачеркнуто: сохранилось.

²³² Далее зачеркнуто: была.

²³³ Вписано над строкой.

²³⁴ Далее зачеркнуто: еще более, чем запись, ограничивала его теперь.

²³⁵ Далее зачеркнуто: обычной.

²³⁶ Далее зачеркнуто: Царь.

²³⁷ Вписано над строкой.

²³⁸ Далее зачеркнуто: для.

На практике неограниченная власть не могла осуществляться еще по слабости вообще администрации и центральной исполнительной власти. В XVII веке еще не было того постоянного войска, которое в XVIII веке с Петра Великого дало твердую опору абсолютизму.

Только опираясь на дисциплинированное войско, Петр Великий мог провозгласить принцип неограниченности *sic volo sic habet* и осуществить его в жизни ²³⁹, своих реформах, не считаясь с воззрениями народа.

Абсолютизм у нас — явление новое ²⁴⁰. Ему нет еще и двух веков, потому что петровские реформы в главных чертах осуществлены были в 1715—1725 гг. А сам принцип был формулирован в воинском уставе 1716 года. Защитникам неограниченного самодержавия не пристало ссылаться на исконные начала, если они не хотят ²⁴¹ ссылаться на Ивана Грозного.

В XVIII и XIX вв. неограниченность у нас, действительно, утвердилась прочно, опираясь на дисциплинированную военную силу и на крепостное право, которое чрезвычайно усилилось в сравнении с московским временем.

Неограниченность ²⁴² утвердилась недавно и просуществовала недолго ²⁴³. Она уже уничтожена Манифестом 17 октября ²⁴⁴. Самодержавие еще живо в народном сознании в тех патриархальных формах воззрений нашей древности. Но террористические акты правительства ²⁴⁵ в 1905 году, начиная с 9 января ²⁴⁵, нанесли этому воззрению смертельный удар. 9 января рабочие шли ²⁴⁶ к царю с мирским челобитьем, как в XVII веке. Их расстреляли. Последствия этого исторического дня, ²⁴⁷ смертельные раны самодержавия ²⁴⁷ еще не вполне проявились. Новые обнаружатся в ближайшем будущем.

Так неудачны старания сторонников старого нашего режима ²⁴⁸ осязывать его древностью ²⁴⁸, оправдать его существование, его ²⁴⁹ исконность.

Прием ²⁵⁰ оправдания историей ²⁵¹ представляет сам по себе один из наиболее ложных, наиболее антиисторических приемов. Если в природе все движется, все изменяется, то точно так же и

²³⁹ *Далее зачеркнуто:* проводя все.

²⁴⁰ *Далее зачеркнуто:* В.

²⁴¹ *Далее зачеркнуто:* вернуться.

²⁴² *Далее зачеркнуто:* явление новое и.

²⁴³ *Далее зачеркнуто:* В принципе она, и четыре неразобранных слова.

²⁴⁴ *Зачеркнуто одно неразобранное слово.*

^{245—245} *Вписано вместо зачеркнутого:* 9 января в Петербурге и в дни 1906.

²⁴⁶ *Вписано вместо зачеркнутого:* приш[ли].

^{247—247} *Вписано под строкой.*

^{248—248} *Вписано над строкой.*

²⁴⁹ *Далее зачеркнуто:* древность.

²⁵⁰ *Вписано вместо зачеркнутого:* Сам себе. Такому.

²⁵¹ *Вписано вместо:* древностью. *Далее зачеркнуто:* само собою разумеется.

в истории, в природе общественных отношений.²⁵² Государственные учреждения живут недолго без изменений²⁵². Совершенно обратно указанному мнению, долгое существование без изменений указанного института²⁵³ предвещает нам не его дальнейшую долгую жизнь, а, наоборот, его скорую смерть или его радикальное перерождение²⁵⁴.

²⁵²⁻²⁵² *Написано на полях со знаком вставки.*

²⁵³ *Далее зачеркнуто:* свидетельствует.

²⁵⁴ *Далее следует зачеркнутый текст:* Сколь неудачны оправдания нашего старого режима его исконностью, столь же неудачны и оправдания мнимой его самобытности. В нашей историографии долгое время господствовало представление о (*далее зачеркнуто:* нашей) самобытности нашей истории. Эти представления обуславливались тем, что наши историки изучали русскую (*вписано вместо:* нашу) древность изолированно, очень мало пользуясь сравнительным методом. Принцип самобытности провозглашен (*вписано вместо:* выставлен) был славянофилами — принцип самобытных начал древней истории, обусловивших дальнейшее самобытное ее развитие.

Этой славянофильской теории противопоставлена была теория западническая. Западники также не отрицали самобытности русской истории. Они видели в ней резкое коренное отличие от истории западной, по-своему формулируя это отличие (*далее зачеркнуто:* Они отличались).

Западники резко расходились с славянофилами лишь в оценке этой самобытности. В то время как славянофилы идеализировали эту самобытность и настаивали на ее сохранении (*вписано над строкой*), западники относились к ней отрицательно. Они считали, что (*далее зачеркнуто:* вследствие) петровская реформа навсегда порвала традиции самобытности, что она (*далее зачеркнуто:* основ[ана]) явилась основанием новой России, прогресс которой (*далее зачеркнуто:* обезличила) состоит в сближении с Западом.

В последние десятилетия у нас возникла новая теория русской истории, теория социологическая. Ее основной предпосылкой являлась мысль об общих основах развития различных народов. История (*вписано над строкой*) России не составляет исключения (*далее зачеркнуто:* Ее развитие своей). Эта теория не отрицает отличия русского исторического процесса от западного, но (*далее зачеркнуто:* в этом) она не видит в них отличий коренных; в древней русской истории она видит своеобразие, но не самобытность. В своеобразном русском историческом процессе она (*далее зачеркнуто:* отличает) находит общие социологические (*вписано над строкой*) основы развития. Эта теория (*далее зачеркнуто:* не нашла еще полного выражения) еще не установлена окончательно. Она различно формулируется Милюковым и Рожковым: иначе (*далее зачеркнуто:* чем эти авторы) и в моих специальных очерках и «Феод[альные] отношения в удельной Руси».

Но эта теория стоит на правильном пути. В этом убеждают нас события наших дней. Иностранное (*вписано вместо зачеркнутого:* западное) влияние играет в нашей революции незначительную роль. Мы видим ясно в нашей революции процесс, обусловленный главным образом (*вписано над строкой*) предшествующим нашим развитием.

РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. П. Павлов-Сильванский

²⁵⁵Прежде всего я должен попросить извинения за неточное ²⁵⁶ обозначение содержания моих лекций в печатной программе курсов. Ошибка произошла по моей вине. Устроители курсов просили меня доставить краткую программу, но я опоздал ее прислать. В программе сказано, что я буду читать о феодализме и об общине как будто о двух разных предметах, не имеющих между ними связи. Мой курс должен быть озаглавлен «Община, крупное землевладение и феодализм, или феодальные учреждения». Все эти три вопроса тесно связаны между собой. Община является основным учреждением первого периода нашей истории, как и истории западной, минуя доисторический период родового быта. На фоне ²⁵⁷ общинного строя развивается крупное землевладение, или боярщина, по древнерусскому термину. И в связи с ²⁵⁸ этим крупным землевладением развиваются феодальные учреждения. Эта схема развития известна из трудов германских историков, и мы увидим, что она вполне приложима и к нашей средневековой Руси, иначе Руси удельной XIII—XVI столетий.

В нашей историографии до последнего времени, как вы видели, наверно, господствовало представление о полном своеобразии русского ²⁵⁹ исторического процесса. Историография нас учила, что у нас в древности развитие шло почти наоборот ²⁶⁰ в сравнении с историей западной ²⁶¹, что для русской истории, так сказать, не писан закон, закон развития, закон, введенный жизнью ²⁶¹. Ошибочность этого воззрения сильнее всего поколеблена была в последние три года, когда действительность ²⁶², история, ²⁶³ исправляя ошибки историографии ²⁶³, сама дала нам

²⁵⁵ *На полях вписано карандашом:* Лекции Д. М. Петрушевского значительно облегчают мою задачу. 1) Он напомнил основные черты феодализма. 2) Изучая феодализм, он стоял на той самой точке зрения широкого использования сравнительного изучения основных начал феодального строя, с какой и я буду рассматривать феодальные отношения в Древней Руси.

²⁵⁶ *Вместо зачеркнутого:* неверное.

²⁵⁷ *Вместо зачеркнутого:* основе.

²⁵⁸ *Вместо зачеркнутого:* на основе.

²⁵⁹ *Вместо зачеркнутого:* нашего.

²⁶⁰ *Вместо зачеркнутого:* наизнанку.

^{261—261} *Вписано карандашом на полях.*

²⁶² *Вписано над строкой.*

^{263—263} *Вписано над строкой.*

практические уроки, поставив нас лицом к лицу с ²⁶⁴ грандиозными историческими ²⁶⁵ событиями. Все с большим удивлением увидели на этом примере, что русская история ²⁶⁶ если не вся, то в некоторых основных переломах ²⁶⁶ развивается весьма сходно с историей западной, все поражены сходством русской революции с французской и германской, все вдруг научились сравнительному методу, научились под обманчивой оболочкой внешнего различия разглядывать внутреннее существенное сходство явлений.

Эти наглядные уроки сходства оказались неожиданными больше всего именно для наших ²⁶⁷ историков, для тех ²⁶⁸, которые сжились с господствующими в нашей историографии учениями о различии ²⁶⁹ в процессе истории русской и западной ²⁶⁹. Историография наша, взятая en masse, оказалась далеко не на высоте требований, предъявляемых к истории: содействовать народному самопознанию, пониманию ²⁷⁰ вместе с прошлым ²⁷⁰ настоящего и будущего ²⁷¹.

В споре западников и славянофилов об основных началах русской истории ²⁷² перевес убедительности остался за славянофилами ²⁷³.

Славянофилы были сильны именно тем, что они всю свою теорию строили на историческом обосновании своеобразия рус-

²⁶⁴ *Далее зачеркнуто:* русской и одним из грандиознейших.

²⁶⁵ *Вписано над строкой.*

²⁶⁶⁻²⁶⁶ *Вписано карандашом над строкой.*

²⁶⁷ *Вписано над строкой.*

²⁶⁸ *Вписано над строкой.*

²⁶⁹⁻²⁶⁹ *Вписано над строкой. Далее зачеркнуто:* недаром же из наших историков большинство оказалось в консервативном лагере (*над строкой вписано:* на правом, а не на левом фланге движения); когда я бываю в Археологической комиссии, я вижу там на заседаниях Платонова, Лихачева, Чечулина, Бычкова, Покровского и их учеников (*на полях зачеркнуто:* Такой, например, почтенный, несомненно, историк, как Платонов — деятель союза 17 октября, а такой почтенный церковный историк Покровский с ним рядом).

²⁷⁰⁻²⁷⁰ *Вписано над строкой.*

²⁷¹ *Далее зачеркнуто:* История, которая каждым словом своим учит о движении вперед, большинство наших историков научила регрессу, а не прогрессу.

Наша историография учила до последнего времени, что русская история развивается по особым законам, что для нее, так сказать, закон не писан, закон развития западноевропейской истории. Все попытки отыскать сходные основы развития долгое время оставались безуспешны, особенно для древнего периода.

²⁷² *Далее зачеркнуто:* нравственные.

²⁷³ *Далее зачеркнуто:* Опорой теории славянофилов было своеобразие русского [развития]. Все существо этого спора, спора между славянофилами и так называемой школой родового быта, заключалось не в спокойной академической оценке прошлого, а в обосновании будущего. Споры о доисторическом родовом быте имели в свое время большое политическое значение, хотя по строжайшим цензурным условиям в спорах о роде искусно скрывались тогда тайные мысли о конституции.

ского исторического процесса. Они могли ошибаться, могли ²⁷⁴расходиться между собою ²⁷⁴, так или иначе определяя основные начала русской истории, русского духа, духа любви и союзности, выражавшегося в общине, как утверждали ²⁷⁵И. Киреевский и К. Аксаков, в противоположность западному началу личности. Но ²⁷⁶они заняли очень твердую позицию ²⁷⁶, опираясь на своеобразие русской истории и отсюда делая последовательно ²⁷⁷политический вывод о своеобразии ее развития и в будущем.

Это своеобразие русской истории казалось тогда по состоянию тогдашнего ²⁷⁸специального изучения русских древностей ²⁷⁹и древностей западноевропейских, как и по ²⁸⁰младенческому состоянию социологии казалось тогда весьма неоспоримым. И наши западники, соглашаясь ²⁸¹с славянофилами в этом основном пункте ²⁸², брали на себя трудную задачу доказать, что, какими бы своеобразными путями ни шла русская история в прошлом, в будущем она приведет туда же, куда привела ²⁸³история Запада ²⁸⁴. Задача эта была трудна, потому что от своеобразия ²⁸⁵русского ²⁸⁶исторического развития надо было сделать вывод к единообразию его в будущем с западным развитием.

Западники потратили много усилий, чтобы доказать это трудное ²⁸⁷положение, но их теории ²⁸⁸всегда проигрывали в своей целостности и стройности в сравнении с теорией славянофилов. Главным теоретиком русской истории с этой западнической точки зрения был К. Д. Кавелин, статья которого, очень известная среди историков, «Взгляд на юридический быт древней России» ²⁸⁹, появилась в 1849 году в январском номере «Современника». ²⁹⁰Нельзя не признать, что свою задачу доказать неизбежность перехода от своеобразия к единообразию он решал очень неудовлетворительно с той самой точки зрения, на которой он стоял, с точки зрения органического развития ²⁹¹.

²⁷⁴–²⁷⁴ Вписано над строкой.

²⁷⁵ Вместо зачеркнутого: писал.

²⁷⁶–²⁷⁶ Вписано вместо зачеркнутого: твердость их позиции заключалась в том, что они.

²⁷⁷ Вписано карандашом над строкой.

²⁷⁸ Далее зачеркнуто: исторического знания и общих социологических и общих теоретических.

²⁷⁹ Далее зачеркнуто: Как.

²⁸⁰ Далее зачеркнуто: тогдашней социологической.

²⁸¹ Далее зачеркнуто: в том, что русская история своеобразна и И соглашаясь.

²⁸² Далее зачеркнуто: они.

²⁸³ Вместо зачеркнутого: приведет.

²⁸⁴ Далее зачеркнуто: они старались доказать.

²⁸⁵ Над строкой зачеркнуто: различия.

²⁸⁶ Вместо зачеркнутого: долгого.

²⁸⁷ Вписано над строкой.

²⁸⁸ Далее зачеркнуто: их не удовлетворяло.

²⁸⁹ Вписано над строкой вместо: I.

²⁹⁰ Далее зачеркнуто: За этот год.

²⁹¹ Далее зачеркнуто: В природе.

В природе нет скачков.

Не должно быть резких скачков и в истории с точки зрения органического развития. Между тем у Кавелина весь переход от древнего патриархального строя к лучшему будущему зиждется именно на скачке, как он ни старается его замаскировать.

Одинаково с славянофилами Кавелин признавал, что начала ²⁹² русской истории до XVI века совершенно отличны от ²⁹³ начал истории ²⁹³ западной. На Западе рано развилось начало личности ²⁹⁴, движущее начало свободы ²⁹⁴. У нас господствовали патриархальные начала родственных связей, сначала род, затем семья. С родом связывалась община, с семьей вотчина (князь — вотчинники удельного порядка).

Кавелин признавал, что древняя русская жизнь, вся проникнутая этими патриархальными началами, не выработала самостоятельного главного движущего начала западноевропейского развития ²⁹⁵, начала личности. Он утверждает только, что органическое развитие древней России подготовило усвоение этого западноевропейского начала.

«Древняя русская жизнь исчерпала себя вполне,— писал он.— Она исчерпала все начала, которые в ней скрывались... В строгой последовательности она провела Россию сперва через общинный быт, потом через родовой и семейственный... Последним ее усилием, венцом ее существования были первые зачатки государственности и начало личности... Она сделала все, что могла, и, окончивши свое призвание, прекратилась».

Западноевропейское начало личности не было органически выработано нашей историей, оно только было подготовлено. «Лицо,— говорит Кавелин,— было приготовлено нашей историей, не только как форма, лишенная содержания ²⁹⁶... Личность,— говорит он дальше,— была совершенно неразвита, не имела никакого содержания».

Содержание дает началу личности западное влияние, реформа Петра Великого. «Личность не имела никакого содержания,— говорит Кавелин,— итак оно должно было быть привито извне: лицо должно было начать мыслить и действовать под чужим влиянием» ²⁹⁷.

Тут-то ²⁹⁸ и был подводный камень западнической теории ²⁹⁹ с точки зрения органического развития ²⁹⁹ и в то же время ее единственный якорь спасения с «точки зрения» политической.

²⁹² Далее зачеркнуто: древней.

²⁹³—²⁹³ Вписано над строкой.

²⁹⁴—²⁹⁴ Вписано под строкой.

²⁹⁵ Вписано над строкой.

²⁹⁶ На полях ссылка: I, ст. 57. Далее зачеркнуто: Она была.

²⁹⁷ На полях ссылка: стр. 58.

²⁹⁸ Далее зачеркнуто: закончился.

²⁹⁹—²⁹⁹ Вписано над строкой.

Органическое развитие патриархальных начал в древней России не давало никаких прочных надежд на лучшее будущее, оно само по себе вело только к тем выводам, которые делали из него славянофилы. Пришлось прибегнуть к скачку, к «прививке» со стороны новых начал. ³⁰⁰Моментом этой прививки являлась ³⁰¹спасительная для западников ³⁰¹реформа Петра В[еликого] — европеизация России. В этих словах ярко характеризуется существо этого объяснения, различие европейских и русских начал. С момента европеизации у нас началось развитие личности, в ее дальнейшем развитии — залог лучшего будущего.

«Внутренняя история России, — утверждал Кавелин, — не безобразная груда бессмысленных, ничем не связанных фактов. Она, напротив, — стройное, органическое, разумное развитие». Но это якобы органическое развитие страдало у Кавелина органическим пороком. И тут же это стройное развитие разрывается на две половины европеизацией, новым началом личности, принесенным извне ³⁰².

Там, на Западе «человек давно живет и много жил, хотя и под односторонними историческими формами: у нас он вовсе не жил и только начал жить с XVIII века. Итак, вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один» ³⁰³.

Вся разница только... в истории. Здесь это только очень характерно. Кавелин тут совершенно забывает, что он пишет историческую статью и как публицист утешает читателя одинаковостью «дальнейшего пути».

В признании своеобразия древнего русского развития западники, таким образом, вполне сходились со славянофилами, разходясь с ними только в оценке его, в выяснении начал древней русской жизни в их отношении к будущему. То же значительное своеобразие русской древности признавалось большинством историков до последнего десятилетия. Ключевский, хотя и строит свой курс социологически, на изучении экономической жизни и государственного строя, рынков и канцелярий, как он образно выражается, приходит в результате к выводу, что весь русский исторический процесс определяется особым от Запада условием колонизации, что эти условия определяют не только ³⁰⁴медленное развитие и простоту общественного строя, но и «значительную своеобразность того и другого». Он постоянно выискивает «особенности нашей истории» и стремится воссоздать «образ русского народа как исторической личности»

³⁰⁰ Далее зачеркнуто: Такой.

³⁰¹⁻³⁰¹ Вписано над строкой.

³⁰² На полях ссылка: ст. 65—66.

³⁰³ Далее зачеркнуто: Так неудачно строился.

³⁰⁴ Вписано над строкой.

с особыми стремлениями³⁰⁵ к государственности и народности³⁰⁶.

Ничего кроме особенностей, кроме резких отличий, кроме резких контрастов западному развитию не находит в древней русской истории и Миллюков³⁰⁷. Его социологическое³⁰⁸ изучение русской истории дало совершенно неудовлетворительные результаты, именно с точки зрения социологического, так сказать органического, развития. В основе его теории лежит такой же неудачный скачок от бывшего своеобразия к будущему единообразию с Западом, как и в теории Кавелина.

Так же как Кавелин, он не скрывает своеобразия русской древности, наоборот, резко³⁰⁹ его подчеркивает. Русское развитие у него в древности идет, прямо можно сказать, наизнанку³¹⁰ в сравнении с Западом. Он сам³¹¹ характеризует резкое различие словом контраст и находит этот контраст в самом существе древнего государственного и социального сословного строя и в его отношении к экономическому процессу.

Европейское общество, говорит он,³¹² сложилось нормально результатом внутреннего развития³¹² снизу вверх; там средний слой феодальных землевладельцев сложился на плотном низшем слое оседлого крестьянства; централизованная государственная власть явилась как высшая надстройка над средним слоем феодальных землевладельцев. У нас же, утверждает он, дело было как раз наоборот. Государственная организация сложилась раньше, чем мог ее создать процесс внутреннего экономического развития³¹³. Центральная политическая власть закрепила под собой помещиков, а затем помещики закрепили под собой крестьян³¹⁴.

На Западе общество строилось нормально³¹⁵, с н и з у в в е р х, у нас — наизнанку — с в е р х у в н и з. Эти слова — подлинные определения Миллюкова.

Неподготовленность и непрочность низших этажей общественной постройки вызвала усиленную деятельность верхней государственной надстройки.

И самое появление этой сильной государственной надстройки над зыбкими нижними этажами объясняется не внутренним раз-

³⁰⁵ *Вместо зачеркнутого:* чертами.

³⁰⁶ *Далее зачеркнуто:* Десять лет тому назад общим изучением русского русской истории.

³⁰⁷ *Вписано вместо зачеркнутого:* хотя он и изучает ее с социологической точки зрения. Его стремление объяснить древнее русское развитие дало поистине плачевный.

³⁰⁸ *Вписано под строкой.*

³⁰⁹ *Вместо зачеркнутого:* еще больше.

³¹⁰ *Вместо зачеркнутого:* наоборот, навыворот.

³¹¹ *Вписано над строкой.*

³¹²⁻³¹² *Вписано над строкой вместо зачеркнутого:* строилось нормально.

³¹³ *На полях ссылака:* с. 143.

³¹⁴ *На полях ссылака:* с. 144.

³¹⁵ *Вписано над строкой.*

впитием, а причинами внешними, потребностями внешней политики, частью сознательной политикой территориальных захватов. Эти внешние ³¹⁶ причины повлияли не только на образование государства, но и на всю дальнейшую историю: «перевесом внешнего роста над внутренним» объясняются все существенные черты социальной истории России.

История наша шла наизнанку, и Миллюков изучает ее тоже наизнанку, сначала изучает государственный строй и затем социальный ³¹⁷.

Так в результате социологического изучения истории Миллюков пришел к антисоциологическому ее построению. Я не буду сейчас разбирать верности этого контраста, потому что все мое дальнейшее изложение будет, по существу, ³¹⁸ направлено против ³¹⁸ этого построения; я отмечаю сейчас только странность этого построения с точки зрения социального развития.

Но как же от этого контраста в древней истории Миллюков переходит к одинаковому развитию России с Западом в будущем? Он дает ³¹⁹ очень сбивчивые ³¹⁹ объяснения этого перехода, не менее ³²⁰ неудовлетворительные по своему существу, чем старое объяснение этого перехода скачком, европеизацией, начавшейся с Петра и все приливающей до полного сближения с Западом.

В этом отношении он прибегает к услугам ³²¹ устаревшей социологической теории о какой-то особой внутренней самодовлеющей ³²² закономерности социального развития, не зависящей, по существу, от материальной среды, экономических условий и исторической обстановки. Об этой совершенно гипотетической внутренней тенденции, внутреннем законе развития каждого общества, не связанном с исторической обстановкой и, наоборот, только осложняемом и видоизменяемом этой обстановкой, стоящем к ней во враждебных отношениях, Миллюков подробно говорит в социологическом введении и в услугах этого же гипотетического закона ищет спасения, когда ему в заключение ³²³ от выясняемых им контрастов между историей русской и западной надо перейти к сходству развития в будущем, когда он, ³²⁴ скинув тогу ³²⁴ историка, ³²⁵ надевает демократический плащ либерального ³²⁵ политика.

Страницы, где он старается выкарабкаться из этого трудного положения ³²⁶, отличаются чрезвычайной неясностью, обличаю-

³¹⁶ Вписано над строкой.

³¹⁷ На полях ссылка: с. 144.

³¹⁸—³¹⁸ Вписано вместо зачеркнутого: критикой.

³¹⁹—³¹⁹ Вписано вместо зачеркнутого: для.

³²⁰ Вписано вместо зачеркнутого: более.

³²¹ Далее зачеркнуто: старой.

³²² Далее зачеркнуто: социальной.

³²³ Вписано над строкой.

³²⁴—³²⁴ Вписано над строкой.

³²⁵—³²⁵ Вписано вместо зачеркнутого: превращается в

³²⁶ Далее зачеркнуто: принадлежат.

щей трудность его положения³²⁷. Главная мысль тут — именно ссылка на «основной могущественный фактор — внутреннее развитие во всяком обществе одинаковое», как бы его ни «видоизменяла историческая обстановка».

В чем проявляется этот³²⁸ закон внутреннего развития, Миллюков не объясняет нигде раньше, ни в этом политическом заключении³²⁹. Он говорит только в утешение, что Россия как-никак по-своему пережила моменты развития, пережитые и Европой, и, несмотря на отсталость, переходит уже к тому, к чему уже пришла Европа. Так, например, от насильственного сплочения сословий³³⁰ она переходит уже к их раскрепощению³³¹ и к значительной общественной самостоятельности³³¹; условия обстановки задержали экономическую эволюцию на низших ступенях, но дальнейший ход будет у нас таков же, как и везде. Я не буду разбирать здесь всех противоречий, в которых здесь запутывается Миллюков, как он³³² настаивает на том³³², что историческая обстановка видоизменяет историческое развитие, приводит примеры, где эта обстановка только задерживает развитие, как, говоря о законе развития, он приводит пример момента в развитии, что далеко не одно и то же.

Мне достаточно подчеркнуть в доказательство неудовлетворительности теории Миллюкова, что, выяснив в тексте контрасты развития наизнанку, он для оправдания надежды на сходство дальнейшего развития ссылается единственно на совершенно гипотетические особые всеобщие законы социального развития, которых нигде не выясняет.

В новой социологии эта гипотеза давно уже потеряла всякое значение. Всеобщих законов развития, не зависящих от действительности³³³ среды, мы не знаем: по крайней мере, они не найдены. Даже те, кто не принимает всецело материалистической теории Маркса, признают³³⁴ его постановку вопроса —³³⁵ искать законы развития³³⁵ в связи различных сторон социальной жизни, во взаимодействии общественной и экономической жизни, во³³⁶ взаимодействии общества и среды. Новая социология признает общность развития, но не как следствие какого-либо само-

³²⁷ На полях ссылка: с. 271.

³²⁸ Вписано вместо зачеркнутого: эта.

³²⁹ Далее зачеркнуто: Он приводит тут только один пример, как этот закон и Но на влияние этого благодетельного закона.

³³⁰ Далее зачеркнуто: одностороннего.

³³¹⁻³³¹ Вписано над строкой. Далее зачеркнуто: от государства, от узких военных и финансовых задач.

³³²⁻³³² Вписано вместо зачеркнутого: говорит о и утверждает.

³³³ Вписано над строкой.

³³⁴ Далее зачеркнуто: что ее основное положение.

³³⁵⁻³³⁵ Вписано вместо зачеркнутого: отрицающую именно такие всеобщие законы развития в известном направлении и в законе Маркс дает только всеобщий закон.

³³⁶ Далее зачеркнуто: влиянии.

довлеющего всеобщего закона (как говорит Милюков), а как следствие одинаковых условий материальной жизни, одинаковых условий производства (по Марксу), или одинаковых условий хозяйственной жизни вообще,³³⁷ или особенно³³⁷ отношения численности населения в данной местности³³⁸ (Ковалевский). Развитие разных народов идет одинаково или сходно в большей или меньшей степени, поскольку одинаковы или сходны эти материальные условия их развития.

И единственный путь для выяснения сходного и различного, а вместе с ним и существа развития это сравнительный метод. Милюков часто сравнивает русские порядки с западными, но мимоходом, в самых общих чертах. Этого недостаточно. Необходимо внимательное длительное сравнение, которое одно может дать правильное воззрение на нашу историю.

³³⁷⁻³³⁷ *Вписано вместо зачеркнутого: а через них и условий.*

³³⁸ *Вписано вместо зачеркнутого: среде.*

ТРУД П. И. РЫЧКОВА О ВОССТАНИИ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА

Л. З. Мильготина

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве в «пугачевском» портфеле* Г.-Ф. Миллера (№ 152) хранится анонимная рукопись (№ 12), несущая название «О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в [А]страхане». После заголовка в ней говорится: «Сочинено в Оренбурге в октябре месяце 1773-го года». В качестве своего главного источника анонимный автор называет «описание» Петра Золотарева, составленное в «187» (т. е. в 1679 г.)¹.

Существование этой рукописи было отмечено уже Б. Н. Тихомировым. Не определяя ее автора, Тихомиров указал, что тот пользовался «рукописью Золотарева»². Впервые атрибуцию рукописи № 12 миллеровского портфеля № 152 дал Г. П. Блок. Он охарактеризовал ее как «Историческую записку» П. И. Рычкова³. Блок не привел никаких аргументов в пользу своего мнения и даже не упомянул об анонимности рукописи, однако авторство Рычкова было установлено им совершенно правильно.

В самом деле, из чтения рассматриваемой рукописи возникает следующее представление об ее авторе: во-первых, он писал в Оренбурге в октябре 1773 г.; во-вторых, он являлся автором «Введения к астраханской топографии»; в-третьих, он подходил к своему труду как историк, а не как простой переписчик (сокращал и дополнял, комментировал текст используемого источника, был знаком с историческими сочинениями XVIII в.); в-четвертых, он проявил определенные качества источниковеда, дав оценку сказанию П. Золотарева как более полному и подробному материалу по сравнению с иностранными сочинениями на ту же тему; в-пятых, в нем чувствуется опытный географ, с особенной любовью комментирующий различные топонимы; в-шестых, автор резко отрицательно относится к астраханскому восстанию и между строк осуждает всякое вообще восстание.

* В XVIII—XIX вв. слово «портфель» употреблялось в женском роде, поэтому тогда говорили: «в портфели».

¹ ЦГАДА, ф. 199, д. 152, № 12, лл. 2, 4—4 об., прим.

² Б. Тихомиров. Источники по истории Разинщины.— «Проблемы источниковедения», сб. I. М.—Л., 1933, стр. 59.

³ Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л., 1949, стр. 99, прим. 3. Ср. С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. II. Л., 1965, стр. 289—290.

По всем пунктам анонимный автор может быть отождествлен с П. И. Рычковым. 25 ноября 1773 г. Рычков писал Миллеру из осажденного пугачевцами Оренбурга: «В нынешнее стропотное наше время сделал я описание с имеющейся у меня старинной и невразумительной почти тетради о бунте Степана Разина и его единомышленников». В письме дается источниковедческая оценка сказания, совпадающая с оценкой его в анонимной рукописи: «Оно по его подробностям гораздо обстоятельнее, чем как я читывал у наших и иностранных писателей»⁴.

Рычковское «Введение к астраханской топографии» вышло в свет в 1774 г.⁵, однако еще до октября 1773 г. Рычков знал о том, что эта работа принята к печати. В своих «Записках» он сообщал: «Сентября 26 числа (1773 г.—Л. М.) получил я из Московского университета сообщение с апробацией сочинения моего под именем Введения в* астраханскую историю*, которого для издания в публику на счет собрания тысячу двести экземпляров напечатать велено»⁶. В рукописи о восстании Разина ссылки на «Введение к астраханской топографии» не сопровождаются указанием страниц, в отличие от ссылок на другие печатные издания («Ядро российской истории», «Ежемесячные сочинения»). Это и понятно: в октябре 1773 г. «Введение» еще не было напечатано.

Для работ Рычкова 1773—1774 гг. характерно изложение материала с разделением текста на нумерованные абзацы. Такую систему наблюдаем во «Введении к астраханской топографии», в публикуемой рукописи, посвященной восстанию Разина, и в так называемой «летописи» осады Оренбурга, написанной в мае—сентябре 1774 г., после снятия осады⁷.

Публикуемая рукопись состоит из 24 листов, размером 19,5×24 см, в картонном переплете. Нумерация листов новая, карандашная. Водяной знак бумаги — ярославский герб 3-го типа и литеры ЯМСЯ (1765 г.)⁸. Лист 1-й — владельческие записи и архивные пометы (о них см. ниже); л. 1 об. — чистый; л. 2-й — заголовок в центре листа; указание места написания; л. 2 об. — чистый; лл. 3—23 об. — основной текст; л. 24-й — чистый; л. 24 об. — заголовок; указание места написания (об этих записях см. ниже).

⁴ П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867, стр. 136—137.

⁵ П. Рычков. Введение к астраханской топографии..., ч. I—II. М., 1774.

⁶ «Записки Петра Ивановича Рычкова». — «Русский архив», 1905, кн. III, стр. 334 (*—* Так в публикации «Записок»).

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. IX—1. [М.—Л.], 1938, стр. 206—355. О времени написания см.: П. Пекарский. Указ. соч., стр. 139—142, 148.

⁸ С. А. Клепиков. Филигрны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959, № 771.

Одним (основным) почерком написаны лл. 2—23 об., т. е. сам текст сочинения П. И. Рычкова. Это не автограф, а писарская копия, носящая, правда, следы многочисленных поправок другими чернилами. Тип письма — полуустав с элементами скорописи. Любезно консультировавший нас Р. В. Овчинников отождествляет почерк публикуемой рукописи с почерком рукописи № 4, некогда находившейся в том же портфеле Миллера. Имеется в виду «Экстракт, сочиненной из дела о самозванце... Емельяне Пугачеве»⁹. Он был написан в 1774 г. писцом оренбургской губернской канцелярии. Вероятно, этот писец переписал и сочинение Рычкова. Имеющиеся на полях рукописи переводы дат на летосчисление от Рождества Христова написаны другими чернилами и несколько иным почерком. Интересно, что и в самом тексте мы находим цифры, написанные теми же рыжеватыми чернилами и почерком, отличающимся от почерка переписчика. Это цифры, заимствованные не непосредственно из летописного сказания П. Золотарева, а вставленные в расчеты времени, которые производил сам Рычков (см. ниже публикации и прим. 152—154, 179). Писец оставлял для этих вставок достаточно места. Не сделаны ли они рукой автора?

На лицевой стороне верхней крышки одним почерком и одними чернилами конца XVIII — начала XIX в. написано: «Об астраханском бунте Стенки Разина» и в верхнем правом углу «№ 12». В нижнем левом углу печатный ярлык ЦГАДА с чернильной записью номера фонда («199») и единицы хранения («порт. 152. 12»). Кроме того, на лицевой стороне верхней крышки две карандашные записи XX в. номера фонда и единицы хранения.

На внутренней стороне верхней крышки записи почерками XIX.: 1) «Портф. № 152»; 2) у верхнего края — «Из портфели о самозванце Пугачеве № 12».

К внутренней стороне верхней крышки приклеен лист использования рукописи с записями 1947—1973 гг.

На л. 1 записи разными почерками и чернилами XVIII в. (приводим их в порядке расположения на странице сверху вниз): 1) «Св» (не дописано); 2) «1782 году декабря 31 дня в крепосте Звериноголовской часу в 7-м пополудни *»; 3) «Полковника Сверчкова»; 4) «Осталась сия после смерти полковника и крепости Звериноголовской (к этому слову есть более позднее примечание, см. ниже. — Л. М.) коменданта Степана Львовича Наумова; в ево оставших делах найденная». И далее с интервалом в

⁹ ЦГАДА, ф. 6 (Госархив, разряд VI), № 494, лл. 33—93 об.; Р. В. Овчинников. О разыскании материалов «Пугачевского портфеля Миллера». — «Исторический архив», 1962, № 5, стр. 218, 219; он же. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969, стр. 170—176.

* Буква «я» написана неясно; ее можно прочесть и как «и». Почерки записей № 1 и 2 близки между собой.

одну строку тем же почерком: «Оная ныне генерал-майора и ковалера Сверчкова».

Ниже запись почерком начала XIX в.: «Подарена в Архив г-м* Цвимермана*». По мнению Р. В. Овчинникова, запись эта сделана рукой Н. Н. Бантыша-Каменского. Почерком XIX в. написано примечание к слову «Звериноголовская» (причем последнее снабжено знаком сноски): «Звериноголовская крепость Тобольской губернии в Курганском уезде на Тобольской линии. *Словарь Щекатова*». Это примечание могло появиться не раньше 1804 г., когда была издана 2-я часть словаря А. Щекатова, где помещена статья о Звериноголовской крепости¹⁰.

На л. 24 об. запись почерком XVIII в.: «О Стенке Разине, казаке донском, а бунтовщике российском». И далее с интервалом в одну строку тем же почерком: «Сочинено в Оренбурге во время бывшего замешательства в 773 и 774-м году Пугачевского».

На внутренней стороне нижней крышки неразборчивые записи одним или несколькими схожими почерками XVIII — начала XIX в.: 1) нечитаемая проба пера; 2) «Лумонд» (или «Лумонд»?); 3) «Даурию с» (?); 4) «Сверчкова»; 5) «Ссвечкова» (?); 6) «Сверчкова»; 7) «Лисавета Сверч». Здесь также ряд архивных штампов и помет чернилами XX в. о проверке рукописи в 1936—1957 гг. К внутренней стороне нижней крышки приклеен формулярный лист с записью о проверке рукописи в 1965 г. Лицевая сторона нижней крышки оставлена чистой.

Судя по владельческим записям, публикуемая рукопись — экземпляр, принадлежавший первоначально С. Л. Наумову (в Оренбурге он жил одновременно с Рычковым в октябре 1773 — марте 1774 г.¹¹). В Московский архив коллегии иностранных дел рукопись попала, вероятно, в начале XIX в. и в состав «пугачевского» портфеля Миллера была включена, по-видимому, Н. Н. Бантышом-Каменским. В составленной в начале XIX в. описи портфелей Миллера она значится¹².

Тот список Золотаревского сказания, которым пользовался Рычков, найти не удалось. В настоящее время нам известно 17 списков сказания. Они делятся на 4 редакции. В специальной статье дается подробная характеристика списков с обоснованием их разделения на редакции¹³. Придерживаясь этой классификации, приведем лишь самые необходимые сведения о списках: присвоенное нами списку название; место хранения, шифр,

- — Так в рукописи.)

¹⁰ А. Щекатов]. Словарь географический Российского государства, ч. 2. М., 1804, стлб. 599.

¹¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. IX—1, стр. 212, 221, 222, 228, 271, 293, 297, 333, 344, 345 и др.

¹² ЦГАДА, ф. 199, оп. 1 (рукописная), л. 140; Р. В. Овчинников. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»), стр. 170—171.

¹³ Л. З. Мильготина. О редакциях и списках Золотаревского сказания. — «Летописи и хроники». Сб. статей, посвященный памяти А. Н. Насонова (в печати).

номера листов; размер; установленную на основании палеографических примет и записей на рукописи дату списка.

І редакция¹⁴.

Списки

1) *Музейный* — ГИМ, Музейное собрание, № 1481, лл. 1—104 об.; в 4°; конец XVII в.

2) *Уваровский* — ГИМ, Собрание А. С. Уварова, № 547, лл. 224—284; в 4°; вт. пол. 30-х — начало 40-х годов XVIII в.

3) *Академический* — ГПБ, Собрание Санкт-Петербургской духовной академии, № 313, лл. 4—62; в 4°; около 30—40-х годов XVIII в.

II редакция (готовится к печати автором настоящей статьи).

Списки:

4) *Лихачевский* — ЛОИИ, Собрание Н. П. Лихачева (ф. 238), оп. 1, № 103, лл. 55—90; в 4°; начало XVIII в. (не позже 1707—1708 гг.).

5) *Комиссионный* — ЛОИИ, Собрание Археографической комиссии, № 47, лл. 35—69; в 1°; начало XVIII в. Список без конца.

6) *Погодинский* — ГПБ, Собрание М. П. Погодина, № 1603, лл. 21—89; в 4°; около 20-х годов XVIII в.

7) *Эрмитажный* — ГПБ, Эрмитажное собрание, № 369, лл. 1—30; в 4°; 40—50-е годы XVIII в. (не позже 1758 г.).

8) *Соловьевский* — ГПБ, Собрание ОЛДП, Ф. 195, лл. 28 об.—52 об.; в 1°; конец 50-х—70-е годы XVIII в.

9) *Нелюевский* — ГПБ, Ф. IV. 575, лл. 220—243; в 1°; конец 60-х—70-е годы XVIII в. Список без конца.

10) *Библиотечный* — ГПБ, Собрание ОЛДП, Q. 102, лл. 177—212; в 4°; конец 60-х—80-е годы XVIII в. Список без конца.

11) *Отдельский* — ГБЛ, Собрание Отдела рукописей (ф. 218), картон 341, № 1, лл. 1—42; в 4°; 30-е годы XIX в. Список без начала.

III редакция (готовится к печати автором настоящей статьи).

Списки:

12) *Ундольский* — ГБЛ, Собрание В. М. Ундольского, № 1165, лл. 83—134; в 4°; первая половина 60-х годов XVIII в.

¹⁴ Опубликована автором настоящей статьи по Музейному списку с вариантами по Уваровскому и Академическому (ПСРЛ, т. 31. М., 1968, стр. 206—233). До этого А. Н. Поповым был отдельно издан Уваровский список с пропуском центральной части — об убийстве митрополита («Материалы для истории возмущения Стеньки Разина». М., 1857, стр. 241—261).

13) *Саровский* — ЦГАДА, ф. Саровской пустыни, № 290, лл. 2—29; в 4°; 60-е — середина 70-х годов XVIII в.

14) *Барятинский* — ГИМ, Собрание А. И. Барятинского, № 233, лл. 1—35 об.; в 4°; конец 80-х — начало 90-х годов XVIII в. (после 1788 г.).

15) *Казанский* — Отдел рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского в Казани, № 4526, лл. 12 об.— 23 об.; в 4°; начало XIX в. (после 1810 г.).

16) *Волжский* — рукопись не найдена. Публикации: 1) «Волга», 1864, № 28, 30, 34, 40 (публикация без конца); 2) «Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края», вып. I. Астрахань, 1896, стр. 145—166. По тексту газеты «Волга» здесь напечатана только первая часть Сказания, конец — по тексту «Астраханских епархиальных ведомостей», где опубликован Епархиальный список IV редакции.

IV редакция.

Список

17) *Епархиальный* — рукопись не найдена. Публикации: 1) «Астраханские епархиальные ведомости», 1878, № 1—3, 11, 13, 18; 2) «Астраханский сборник...», вып. I, стр. 145—166. По тексту «Астраханских епархиальных ведомостей» здесь напечатан только конец Сказания, первая же часть — по тексту газеты «Волга», где издан Волжский список III редакции.

В результате текстологического анализа выяснилось, что список Сказания, находившийся в распоряжении Рычкова, имеет наибольшее сходство с такими сохранившимися списками, как Соловьевский, Отдельский и Епархиальный. Вероятно, он принадлежал к Соловьевско-Отдельскому изводу II редакции.

Текст сочинения Рычкова публикуется с заменой устаревших букв (і, ъ и др.) буквами современного алфавита; ъ в конце слов не передается; в остальном орфография рукописи сохраняется. Слова, написанные с поправками, даются в большинстве случаев в конечном варианте и чаще всего без оговорок, поскольку таких мелких поправок в рукописи очень много. Пропущенные буквы вставляются в квадратных скобках, очевидные описки исправляются, причем все вставки и исправления оговариваются в примечаниях, помещенных после текста источника.

Знаки препинания расставлены нами по современным правилам, хотя и с учетом синтаксических особенностей издаваемого текста. Слова, приводимые в рукописи в скобках, в публикации заключаются в круглые скобки. Деление текста на абзацы и их нумерация принадлежат П. И. Рычкову.

Даты от Рождества Христова, написанные в источнике на полях, в публикации помещаются тоже на полях.

Подстрочные примечания, которые у Рычкова имеют отдельную нумерацию для каждой страницы, где они делаются, в форме знаков ∪ (т. е. 1), ∪∪ (т. е. 2), в публикации снабжены валовой буквенной нумерацией. Напротив подстрочных примечаний Рычкова мы указываем, как и в основном тексте, номер листа рукописи.

Ссылки Рычкова на литературу XVIII в. мы сопровождаем подстрочными постраничными примечаниями со знаком звездочки (*, **). В них приводятся в квадратных скобках инициалы и фамилия автора, название работы, выходные данные и номера страниц. Рядом с номером страницы в круглых скобках кратко упоминается содержание текста на данной странице.

После всего текста сочинения Рычкова мы помещаем свои палеографические и текстологические примечания, имеющие валовую цифровую нумерацию. Они относятся к отдельным словам и выражениям в тексте источника, где нами проставлены соответствующие цифры — номера примечаний.

Текстологические примечания не являются вариантами, поскольку сочинение Рычкова — самостоятельное историческое произведение, а не один из списков Золотаревского сказания. Цель текстологических примечаний — показать, когда это возможно, источники ошибочных чтений у Рычкова и близость его чтений, в том числе и безошибочных, к соответствующим чтениям в тех или иных списках Сказания. Обычные чтения, характерные для большинства списков, не комментировались. В результате сравнения выявился ряд уникальных чтений, отсутствующих в наличных списках Сказания. Как правило, это ошибки или опiski, а иногда, что более важно, своеобразная интерпретация содержания источника. В своем изложении Рычков повторяет и усиливает враждебный тон описания действий восставших, свойственный Сказанию. Классовость его позиций, отрицательное отношение к восстанию обуславливают необходимость строго критического подхода к этому произведению историографии XVIII в.

Списки Золотаревского сказания в примечаниях обозначаются сокращенно:

А — Академический (№ 3)*.	Н — Неплюевский (№ 9).
Бар. — Барятинский (№ 14).	О — Отдельский (№ 11).
Библ. — Библиотечный (№ 10).	П — Погодинский (№ 6).
В — Волжский (№ 16).	Сар. — Саровский (№ 13).
Е — Епархиальный (№ 17).	Сол. — Соловьевский (№ 8).
Каз. — Казанский (№ 15).	Ув. — Уваровский (№ 2).
Ком. — Комиссионный (№ 5).	Унд. — Ундольский (№ 12).
Л — Лихачевский (№ 4).	Э — Эрмитажный (№ 7).
М — Музейный (№ 1).	

* В скобках здесь и далее указывается номер списка в нашем перечне списков, который дан выше.

О¹ бунте и злодействах Стеньки Разина
и ево единомышленников в [А]страхане¹

л. 2

Сочинено² в Оренбурге в октябре месяце 1773-го года².//

л. 3

Предъведомление³ и прозба к любителям российской истории и к упражняющимся в собирании оной³.

По порядку, употребляемому в исторических описаниях, желателно мне было описать здесь наперед астраханские достопамятные произъхождения и дела, начав от покорения сего царства под державу российских монархов, в 1554 году 2-го числа июня воспоследовавшего. Началом почитал я притом учреждение тамошняго правления и главных города Астрахани правителей с их разпорядками, яко то: городское укрепление, при первом случае бывшее, строение монастырей, соборной и других церквей, гостиных дворов и пр. А между тем небыло бесполезно б было видеть тут и внутренние разпорядки в ползу всего общества, ими чиненные, потом знатнейшие произшествии, из коих, поелику я сведом, были: 1-е — в 1566-м году (после взятъя Асътрахани чрез 12 лет) посылка на Астрахань из Константинополя от салтана Селима 2-го турецких войск, разбитие и побег их от русских; 2-е — приступ ко оному городу турецких же войск, бывшей в 1574-м году (в 8-й год после первой посылки, а от взятъя Астрахани в 20-й⁴ год), от которых город Асътрахань около шести месяцев в осаде, но тыщетно содержан был, описав тут сколько возможно обстоятелнее и подробнее, что между тем происходило и каким образом город сей от осады // своей получил свободу; 3-е — мятеж астраханской, бывшей около 1620-го⁵ году, в бытность тут Марины Сендомирской, жены двух самозванцов Димитриев⁶, а потом жены ж казачьего полковника Заруцкаго с их сообщниками; 4-е — впадение крымских татар, случившаяся в 1669-м⁷ году, с показанием, кем и чем принуждены они были стремительства и намерение свое на Астрахань покинуть; 5-е — в том же 1669-м году бывшее укрепление онаго города каменными стенами и снабдение ево достаточною артиллериею. Все сие для безперерывнаго порядку астраханской гистории сколь ни нужно есть, но я, не имея у себя обстоятелных на то известей, принужден описание того отложить^a до другаго случая, уповая, что любители¹⁰

л. 3
об.

л. 3
об.

^a Во второй части Введения моего к астраханской топографии упомянул уже я о некоторых из оных приключениях*, а на 3[-й]⁸ вышеозначенной пункт, о Марине Сендомирской, вместил я ведомое мне при окончании предла[га]емаго⁹ известия.//

* [П. Рычков. Введение к астраханской топографии..., ч. II, стр. 75—76, прим. (о турецких походах 1566 и 1574 гг., о взятии Астрахани

российской нашей истории, желающие Астраханского царства описание видеть полным и совершенным, не оставят збирать и въ время от времени присовокуплять к сему все оные обстоятельства, я ж между тем на разъсмотрение искуснейших разсудил предать ныне следующее.

Писано ¹¹ в октябре 1773 году ¹¹. //

О ¹² бунте и злодействах Стенки Разина и ево единомышленников в Астрахане ¹². л. 4

1-е. Одно из самых важнейших и бедственных приключений, которым город Астрахань подвержена была, есть бунт и злодейства известного вора и раззорителя Стенки Разина. При окончании второй части Въведения моего к астраханской топографии кратко упомянул уже я об оном*. Там и ¹³ здесь ¹³ благоразудный читатель усмотрит, что и самые многочисленные турецкие силы, на Астрахань от завладения ею в первых годах двоекратно посланные, не могли сему городу такого вреда и бедствия нанести, какое потом чрез внутренней раздор, а наконец и от прямой измены многих тутошных жителей помянутой бунтовщик и единомысленные с ним злодеи причинили. О сем бунтовщике, по самую ево казнь, как у наших, так и у иностранных хотя и есть уже изданные описания, но я, имея у себя одно с такими обстоятельствами и подробностями, каких в ¹⁴ ы[з]данных ¹⁴ на свет нигде видеть мне не случилось, разсудил ево поправить и ко внесению в историю сего города на разсмотрение искуснейших предать ⁶. //

2-е. В 7165 ¹⁶ году, мая в 7 день (итак, после възятья л. 4
об. 1657-го¹⁷
Асътрахани 103 года), перешол от реки Дону Переволоц-

крымскими татарами в 1661 г., изгнании их в 1662 г., укреплении города в 1669 г., захвате Астрахани Разиным в 1670 г. и «покорении» города правительству в 1671 г.)].

⁶ Сочинитель оного описания называется Петр Золотарев; сам о себе объявляет, что он был сын боярской тамошнего преосвященного Иосифа митрополита, замученного теми злодеями, и писал оное по благословению Парфения митрополита (преемника Иосифова), а по приказу боярина // и воеводы Петра Михайловича Салтыкова с товарищи 187 году, в июне ^{15a} месяце. Упоминается в нем еще и сие, что оной боярин с того ево описания взял к себе точной список. Я имею ево у себя подаренным от моего приятеля обще с теми известиями, кои внес уж я во второй части Введения моего о завоевании Астрахани **. Штиль ево по тогдашнему времени самой простой и на многих местах невразумительной. Признаюсь, что мне трудновато было оное описание разбирать и привести в сей представляемой мною порядок. л. 4
об. 1687-го ¹⁵

* [Л. Рычков. Введение к астраханской топографии..., ч. II, стр. 70, 75—76, прим.].

** [Во «Введении» Рычков сообщает, что сказание о взятии Астрахани Разиным стоит в использованной им рукописи «безпосредственно» вслед за сказанием о покорении Астрахани при Иване IV (Л. Рычков. Введение к астраханской топографии..., ч. II, стр. 70)].

кою¹⁸ степью¹⁸ к¹⁹ городу Камышенке¹⁹ (что ныне Дмитриевск) из донских казаков вышепомянутой Стенька Разин с товарищи (но в каком людстве, того во описании не означено) и, тут будучи, во-первых, все плывущие Волгою рекою к городу Астрахане суда разъграбил, в том числе был один насад и московского патриарха Иосифа²⁰, на коем бывших патриарших дворян Семена Афонасьева сына Шарапова да Алексея Золотова²¹ с товарищи приказал он, злодей, повесить на²² щоголовой маште, с ними ж велел он повесить²² и Федора Черемисова²³, которой был прикащик гостя Василья Шарина²⁴, а притом и еще многие суда тут им ограблены, бывшие ж при них снасти, пауски и лодки все побраны для того, дабы об оном ево злодейском проходе ни вверх, ни вниз никакое известие быть не могло. После того поплыл он на низ Волгою рекою к городу Царицыну^г, и тут остановась, на Сарпийском²⁵ острову делил своей братье пограбленные им пожитки.

4. 5 3-е. В Царицыне воеводою был тогда Андрей Унковской, которой, видя великое людство оных злодеев, никакого поиску и препятствия учинить им не мог, однако ж сам // он в городе отсиделся, а²⁶ помянутой злодей, оставя сей город, поплыл Волгою рекою на низ, к Черному Яру, нико-го не выпуская Волгою рекою вперед. Не доехав же до Астрахани^г верст за 30, прошел мимо Красного города в реку Бузан, и так миновав Астрахань, пробрался он наперед к устью реки Яика.

4-е. В Астрахани начальник был тогда боярин и воевода князь Иван Андреевич Хилков с товарищи, которой послал за ним, Разиным, стрелецких голов, между которыми главным был Богдан Севиров, с²⁷ стрелцами²⁷ и салдатами, кои, нагнав ево у реки Яика, учинили с ним сильное сражение, причем из оной команды теми злодеями побиты были многия, а других захватя он к себе, стругами и ружьями их завладел.

5-е. После того оной злодей с единомышленниками своими овладел Яицким Гурьевым городком, близ устья реки Яика построенным, где захваченных им самых лутчих людей из астраханских жителей, голов, сотников и салдатских начальников, салдат и помянутого городка жителей, кои к ним, вора, пристать не хотели, более тысячи человек над одною ямою (кою они ж сами и выкопать были от него принуждены) порубил. Небольшое толко число из стрелцов и

^в Камышинка называется ныне Дмитриевск, стоит на Волге, между Саратова и Царицына, расстоянием от Саратова 191, от нее ж до Царицына 158, а от Астрахани 528 верст.

^г От Царицына до Астрахани счисляют 370, а до Москвы 1042 версты. //

4. 5 ^д От Астрахани до Москвы счисляется чрез Царицын 1412 верст. //

салдат ушли было от него лодками по морю и пешия // степью, но и из сих многия з голоду померли, а другия в полон взяты татарами и калмыками. Один толко помянутой начальник Сиверов с несколькими стрелцами спасься уходом на одном ясаулном стругу. Которой урон во описании столь великим признавается, якобы от сего в лутших и разумных людях в городе Астрахане стало быть оскудение, с прибавлением сего, что все то молодым и несъмысленным людям было наруку.

6-е. В 7176 году^е вышеозначенной бунтовщик Стенка^{1668 28} Разин, перезимовав в Яике, весною пустился в море и, быв в Персии, многие города и деревни персидские разорил и пограбил. Между тем же ко оному ж злодею пробрался з Дону с тамошними ж казаками подобной ему злодей Серешка Кривой²⁹, которой, пришед на Волгу к Мечетной речке со многими людми, во-первых, случившиися на Волге многие суда пограбил, а потом, пошед на низ сею рекою, пробрался выше Астрахани в ту ж реку Бузан, о коей выше сказано.

7-е. И хотя помянутой астраханской боярин и воевода князь Хильков с товарищи к реке Бузану отправили было // от себя стрелцов в морских стругах³⁰, но тот злодей в реке Кара-Бузана в самом уском месте, отняв берег, из тех служивых людей многих побил, а струга, пушки, порох и свинец и оставших людей всех забрав с собою, пошли они к тому ж злодею Разину за море.

8-е. Тамонних мест, где оные злодеи разъзоряли, персидской хан^ж, противу их собрав суда и военных своих людей, сам с сыном своим против оных³² злодеев выступил и, имея с ними на море сражение, многих у них побил, но они побили у него гораздо больше, да и сына ево живаго взяли к себе в полон.

9-е. Сего ж лета посланные из Астрахани в Гурьев городок на годовую службу з головою Богданом Сакмышевым³³ стрелцы, убив ево, Сакмышева, склонились в казаки к тем же злодеям и, взяв из Гурьева пушки, порох и свинец, побежали было в море на Кулавинской³⁴ осытров, за которыми из Астрахани выслан был стольник князь Семен Ивановичь Львов да московской голова Козма Хомутов с командою, от коей оных злодеев много было побито и

^е Выше сего означен 7165 год, а здесь объявлен 7176 год, а сие и значит, якобы Стенка Разин на реке Яике 11 лет продолжался, что кажется невероятно. Может быть, в начале повествования в году описки, и вместо 7175 поставлен 7165 год, о чем надлежит впредь з лутчими списками выправится. //

^ж В Персии ханами называются не владе[те]ли³¹, но губернаторы провинцей, и бывають они переменные, а не наследственные. //

переловленных в Астрахань привезено. Из Астрахани ж по указу государеву сосланы они в Поморье на Колмогоры, а помянутой голова Хомутов возвратился ис той посылки ранен, отчего он и умер. //

л. 6
об.

10-е. Выбирая вышеписанное из имеющагося у меня описания, выключил я здесь разные чудеса и знаменья, въмещенные тут, кои признал я совсем к истории не надлежащими. Следующее ж сказание, к тому ж 176 году принадлежащее, [с]толь³⁵ смятно³⁶ и неясно описано, что точное содержание онаго понять я не мог, и для того вношу я ево здесь без всякой поправки, но так, как оно есть: И в том же году (по порядку надобно быть 7176), в осень, по указу великаго государя и по грамоте, тот вор Стенка Разин с товарищи из-за моря прислан в Астрахань, при боярине и воеводах при князе Иване Семеновиче Прозоровском с товарищи.

1668 37

11³⁸. Кажется, что оной злодей на сие время приведен или сам пришел в раскаяние и просил в винах своих прощения, почему, может быть, и велено ему быть или прислать ево в Астрахань к боярину. В доказательство сего служит другая статья, безъпосредственно под вышеписанною следующая, в которой яснее уже скажется, что по указу великаго государя тот злодей Стенка Разин отпущен из Астрахани на Дон быть там по-прежнему, а к великому государю в Москву посланы от него, Разина, с повинною грамотою станишники, семь человек, Лизарка³⁹ Иванов с товарищи, а из Москвы де отправлены они были в Астрахань с самарским сотником Аниоком Хомуцким. Но они, злодей, того сотника связав, покинули на дороге, // а сами ушли на Дон к предводителю своему Разину и к ево сообщникам.

л. 7

12-е. Во 178 году, апреля 13 дня, перезимовав оной злодей на Дону, пришел еще к реке Волге и находившися около Царицына калмыцкие и татарские многие улусы побил, а скотину их всю к себе забрал; потом, подошед к городу Царицыну, тутошных⁴⁰ стрелцов в свое согласие склонил, а тамошняго воеводу Петра Тургенева и многих жителей, которые отреклись быть в ево согласии, всех порубил; тут же будучи, в 24 день мая государеву казну и многие насады, ладьи, струга и пауски купецкие пограбил, побив бывших на них людей. И хотя с Москвы отправлен был против сего злодея стрелецкой голова Иван Лопатин с московскими стрелцами, но не ускоря он приходом своим к Царицыну двумя днями, побит и разграблен был от злодеев. Которые ж стрелцы остались живы, тех всех приневолил он идтьить с собою под Астрахань.

13-е. В Астрахани командиром был тогда боярин князь Иван Семенович Прозоровской, которой о взятии города Царицына от тех злодеев первую ведомость получил чрез

татар, ибо с верьху // на низ⁴¹ Волгою рекою по самое
взятье Астрахани от оных злодеев никому пропуску не бы-
ло, а потому с совету тамошняго митрополита и отпра-
влена была против оных злодеев команда, из конных и пеших
стрелцов состоящая, при которой был воеводою столник князь
Семен Ивановичъ Львов да голова московской Дмитрей По-
луэктв. Между тем же ехавшей из Нижняго Новагорода в
легком стружке учуга Урустобы государев промышленик
Павел Дубенской, узнав от уходцов из Царицына, что предъ-
упомянутой московской голова Иван Лопатин с имевшимися
при нем стрелцами от злодеев побиты, проехал по Луговой
стороне реки Волги в проток Ахтубинской и привез в Аст-
рахань о всем произшедшем в Царицыне обстоятельную
уже ведомость, почему боярин начал укреплять город и,
по совету с митрополитом, вышеозначенную против оного
злодея высланную команду неведома⁴² для чего в город
возвратил⁴³.

л. 7
об.

14-е. Июня 8-го дня приехал в Астрахань коньми на-
скоре из Черного Яру конной сотник Данило⁴⁴ Тарлыков с
одним тамошним стрелцом и объявил, что астраханские жи-
тели, конные и пешие, и салдаты, // будучи на Черном Яру,
изменили, а черноярские де стрелцы передались все к Стень-
ке Разину, побив всех голов, дворян и сотников, оставили
де живым толко князя Семена Львова, да и тово покинули
на Черном Яру, а сами де они намерены идти к Астра-
хане.

л. 8

15-е. Боярин князь Иван Семеновичъ Прозоровской с то-
варищи, пришед к преосвященному Иосифу митрополиту,
советовали, как бы о том бедственном состоянии города Аст-
рахани послать ведомость к Москве, но как в то ж самое
время у черных калмык с волскими было великое междо-
усобие, равно ж и у всех около Астрахани улусами нахо-
дившихся татар происходили побоища, и нападали одни на
других, так что прямыми степными дорогами проехать было
неможно, потому и усоветовали они отписки свои послать
в Москву чрез Терек, к чему выбран был вышепомянутой
Данила Тарлыков и два стрелца, да юртовских татар пять
человек. С Терек велено было ехать им на Дон, а оттоль
пробираться в Русь и к Москве. Но Тарлыков, приехав на
Терек, за многими воровскими партиями на степях далее
ехать не мог, а потом и потонул он в реке Терке. Стрелец
же Иван Караулов приехал⁴⁵ было назад // в Астрахань,
но злодеи казаки ево убили за то одно, для чего он с по-
мянутым Тарлыковым ездил.

л. 8
об.

16-е. Первой знак внутреннаго смятения примечается
тот, что при сих трудных обстоятельствах астраханские
конные и пешие стрелцы, пришед к боярину, просили⁴⁶ у
него дерзновенно⁴⁶ за прошлой год жалованья. Он ответст-

вовал им, что денежная казна из Москвы к нему еще не бывала, а затем будет он займы требовать ее у митрополита или у Троицкого монастыря, и ежели получит, то им выдаст, увещевая их притом, чтоб они все великому государю служили верно, и обнадеживая притом за осаду градскую и за терпение их высокою его ⁴⁷ величества ⁴⁷ милостию. Потом, быв у архиерея, истребовал от него келейных денег шестьсот ⁴⁸ рублей ⁴⁹, которые ⁵⁰ за четыре дни до взятъя Астрахани ⁵⁰ оным стрелцам и розданы. А они обещались ему, боярину, не щадя своей ⁵¹ жизни, служить и не только страдать, но за бога и за государя своего и помереть.

17-е. Хотя въсе оное и происходило в Петров пост, но погода была тогда весьма холодная, непрестанные дожди с ледяным градом денно и ночью, // и тучи сильные находились полосами по дважды и ⁵² по трижды ⁵² на день. В которое время оной злодей Стенька Разин с сообщниками своими, подошед к Астрахани, стал у Жареного бугра, а против Астрахани у Зелейнаго ⁵³ городка на реке Волге велел поставить два струга, прислав от себя в лодке Воздвиженского приходу попа Василья Маленкого (которой прежде был в ⁵⁴ сылке ⁵⁴), да слугу князя Семена Ивановича Львова, а как ево звали и какие они боярину говорили речи, того (как во описании значит) было неизвестно. Из коих княжева слугу боярин розьпрашивал пытькою, а потом за городом, у Никольских ворот, против злодейских стругов, велел отсечь ему голову, а попу Василью приказал положить в рот кляп и до указу посадить ево в каменную тюрьму в Троицком монастыре.

18-е. Митрополит Иосиф по совету з боярином и со всем своим духовенством круг города имел хождение со кресты и со святыми иконами, служил молебны, читая молитвы по всем градским воротам, а боярин между тем старался укреплять город и городские ворота, располагая на башнях и бойницах пушки и людей, приготавливая все к выдержанию осады, причем разьставлял он и иноземцов разных земель.

19-е. Июля 19-го дня часто ⁵⁵ упомянутой злодей Стенька Разин // с товарищи по научению астраханских изьменников Андрюшки Лебедева да Васьки Курытникова и их сообщников приехал в реку Балду, оттуда ж в проток, называемой Черепажой, а Черепажою в проток Кривошу ⁵⁶, позадь города Астрахани, с поля, и к приступу на город начал готовить лесницы.

20-е. В сие время в городе Астрахане была, да и всегда бывает, самая большая вода, для умножения которой митрополит по совету з боярином велел прокопать свои пруды и выпустить из них воду на солончак, от чего весь Белый город ⁵⁷ кругом залит был водою. Но тогда ж ко оному злодею

бежали из города двоя нищих, Тимошка Безногой с товарищем, которых Стенька Разин уговорил на то, дабы они в то время, как он будет приступать, зажгли Белой город. Но как они шли от ⁵⁸ него ⁵⁸ в город, перехватили их казылбацкие люди (персиане) и привели в приказную полату. Боярин немедленно приказал их розыскивать, и они винулись в том, что во время приступное обещались Белой город зажечь ночью, а за то оба они и казнены.

21-е. После того митрополит и боярин с товарищи по общему совету созвали на митрополичей двор астраханских пятидесятников, десятников и старых лутших людей, Ивана Красулю с товарищи, и увещевали их, дабы они за бога и за великаго государя стояли, // не щадя своего живота и крови, обнадеживая их за то его ⁵⁹ величества ⁵⁹ милостию, и хотя они все то верно исполнять тут обещали, но после, изменив, паче молодых людей злодействовали. л. 10

22-е. Вечеру на 22-е число (день был тогда вторник) боярин и воевода князь Иван Семенович Пронской ⁶⁰ з болшим своим сыном князь Борисом, и с ними дятки ⁶¹ Роман Табунцов, Евстрат Фролов, и головы стрелецкие пришли к митрополиту и, взяв от него благословение, убралась каждой в ратную свою збрую, а потом приказал боярин вести перед собой под покрывками оседланных простых лошадей, бить в толумбасы и в походные трубы играть, и таким образом пошел он сам с головами стрелецкими, з дворянами и з детми боярскими, с сотниками и с ⁶² [с]трелцами ⁶² в Белой город к Вознесенским воротам, где чаяли быть воровскому приступу, увещевав всех бывших с ним, чтоб они, не щадя жизни своей, за православную веру и за своего государя подвизались, не уважая не толко всякое могущее быть страдание, но и самую смерть.

23-е. В ту ж самую ночь оной злодей Стенька с ⁶³ [с]ообщьниками ⁶³ своими и с астраханскими изъменьниками пришел из-под Вознесенскаго монастыря к Вознесенским воротам и начал к городским стенам приставливать лесницы. Мятажники ж астраханские вместо того, чтоб ему в том препятствовать, сами тех воров // начали принимать на стену. С одних толко башен, и то сънизу, пушкарки несколько зделали выстрелов. И так оные злодеи, ворва[в]шись ⁶⁴ в город, начали рубить тутошних дворян, сотников, боярских людей и пушкарей. То ж, да еще и прежде, зачали делать и находившияся в городе казаки, согласившись с теми злодеями, причем часа за полтретья до свету и самого боярина ранили копьем, прокололи ему брюха, и так людьми ево отнесен он был на ковре в Кремль, а потом в соборную церковь. За ним тогда ж пришел пятидесятник конных стрельцов Фрол, по прозванью Дура, которой в согласие к злодеям не пошел. Про брата ж бояринова, князь Михаила Семеновича л. 10
сб.

Прозоровскаго, сказано было, что он из санопада ⁶⁵, поспавленного к городской стене, убит, а другие говорили, якобы жив, но смертельно ранен ⁶⁵.

24-е. Митрополит Иосиф, имев въсегда великую дружбу и любовь з боярином, прибежав к нему в соборную церковь, крайне об нем и о всем соболезнуя, плакал и, исповедав ево, приобщил святых таинств по обычаю церковному. А потом в соборную ж церковь прибежали дьяки, головы стрелецкие, дворяне и подъячия и, затворя двери, заперлись было тут с тем намерением, чтоб злодеев и изменщиков не впускать. Злодеи ж на разсвете дня прорубили у Пречистенских ворот калитку и оною многие, другие ж чрез Житной двор вошли // в Кремль, а потом учели они ломится в соборную церковь, где предъупомянутой пятидесятник Фрол Дура, усътремясь на них, многих изърезал ножем. А они, воры, стали стрелять из пицалей в церковные двери, стараясь во-первых онаго пятидесятника убить, и между тем убили они одну девочку полутора года, которую у митрополичья места мать на руках своих держала. Наконец же того пятидесятника Фрола, вытащив из церкви, близ паперти разсекли в мелкие части. Боярина ж князь Семена ⁶⁶ Ивановича ⁶⁶ Прозоровскаго и бывших с ним всех, выведши к роскату, перевязали, как злодеев, и оттоль с немалой высоты побросали всех на низ, и так оной боярин скончался тут, июня 22-го дня, в 3-м часу дня. Дьяков же Романа Табунцова и Евстрата Фролова повесили ^{66а}, а ^{66а} голов стрелецких Алексея ⁶⁷ Соловцова с товарищи, и дворян приезжих, астраханских ⁶⁷ сотских и подъячих, также и дворовых людей, кои тут быть случились, всех тут же пред соборною церковью и роскатом порубили саблями и бердышами, от чего все оное место облито было человеческою кровью до самой приказной полаты. Тела ж убитаго боярина с некоторыми другими оной злодей отдал в Троицкой монастырь и велел их без разбору кидать в выкопанную братскую могилу, в которую и положено было их восемь ⁶⁸, что сказывал монах ⁶⁹, приставленной к той могиле. Брата ж боярскаго, столника князь // Михайлу Семеновича Прозоровскаго, погребли в Спаском монастыре.

25-е. По убитии боярина пошли они, воры, в приказную полату, где имевшуюся казну въсю, и что възято было у астраханскаго воротника Михаила Лаузина ⁷⁰ золотою и серебряною монетою и собольми, то, также и всякие товары, и животы боярские, сътрелецких голов, сотничьи, подъяческие и посадских людей, а притом и въсе гостинные дворы, русской, гиланской, индейской и бухарской, пограбили и, отвозя в Янгурчеев городок, между собой делили.

26-е. Между тем, не уважая тогдашняго постнаго времени, объжирались они, злодеи, мясами, а кто из них самих

приходил иногда в добрые мысли, тех тотчас рубили саблями. Сам же он, Разин, езда по городу, безвинно колот и разсекал саблею, а иных приказывал сажать в воду, другим отъсекал руки и ноги, на что съмотря, и астраханских изменников дети то ж самое делали: збирали круги, и кто к ним в те круги идъти не хотел, тех вешали за ноги, а одного и за шею повесив, умертвили, да и в церкви, яко богоотступники, никто уже из них не ходил. //

27-е. В то самое въремя, когда оные злодейства проис- л. 12
ходили, засели было в городе, Кремле, в пыточную башню князя Казбулата Мусиловича⁷¹ Черкаского люди, черкасы и немцы, да русских пушкарей два, а всего девять человек, с тем, чтоб им до смерти оборонятся и живым злодеям в руки не отдатся, что они и самым делом исполнили, ибо бились они с теми злодеями до половины дня, и когда у них не стало свинцу, то стреляли в них денгами и многих ис тех злодеев умертвили, а как не стало у них пороху, то черкесы покидались все за город, и так некоторые убились из них до смерти, а другие от злодеев были поиманы и порублены. После того стреляли они, злодеи, по той башне с трех сторон ис пушек, повелевая оставшим тут отдатся, но они, несмотря на то, до тех пор отъбивались, покуда был у них порох и свинець, да долго б не здались, ежели б у них порох и свинець был⁷².

28-е. После того чрез три дни прибыл ис Терка астраханских болших⁷³ стрелцов голова Матвей Лопатин, котораго помянутой злодей и богоотступник Разин велел с роската бросить на зимней запад⁷⁴, коим образом он умерщвлен.

29-е. После боярина князь Ивана Семеновича остались было два сына, князь Борис Большой и князь Борис Меньшой, кои во время побоища уцелели. При них были держальники Леонтей Плахов да Юрья Усов, да государевы промышленники Иван Турчеин⁷⁵ и Павел Дубенской, // тот л. 12
самой, которой об оных злодеях первую ведомость привес. об.
Сей Дубенской дней с пять после Петрова дни, объще с Леонтьем⁷⁶ Плахиным⁷⁷ наняв для провожания татар, уехал тайным образом к Москве, а выезд их был от юртоскаго татарина Шемяки Арасланова.

30-е. Июля 13 дня Разин с товарищами своими, будучи у кабака и напився допьяна, послал от себя ясаула своего к митрополиту и велел взять и привести к себе боярскаго сына князь Бориса Ивановича Болшаго, котораго спрашивал он о таможенных пошлинных денгах, укоряя, якобы отец ево завладел оными. Князь ответственал, что оные денги относилям таможенные головы в приказную полату служивым людям на жалованье, а принимал де их подьячей денежнаго стола Алексей Алексеев с товарищи, а отец ево теми ден-

гами не корыстовался. Почему и призван был тот подьячий, которой показал, что боярин ни тех, не других денег к себе не бирывал. Потом спрашивал он, злодей, у того ж молодого князя о пожитках отцовых, кой ответствовал, что пожитки отповы все пограблены, и отдавал де их казначей ясаулу ево Ивашке Андрееву, прозваньем Хохлачу, чему не внимая, он, злодей, приказал сего князя на городской стене повесить за ноги, а подьячому Алексееву велел проколоть ребро и, захватя крюком, повесить. Все сие происходило от утра в седьмом часу. Тогда ж принесли к нему, злодею, от княгини // Парасковьи Федоровны и другого ея сына, князь Бориса Ивановича Меньшаго, и он приказал ево повесить за ноги ж на городской стене подле ⁷⁸ брата ево, где висели они вьсю ночь. А после, в 6-м ⁷⁹ часу, приехав, он, злодей, Большаго велел кинуть с роската на полночь, против Троицкаго монастыря, а Меньшаго приказал отънести к матери, подьячего ж Алексеева, сняв, для погребения отдал матере ево, а на ево место повесил ханскаго сына, которой взят им был в полон на море.

31-е. После убивства князя Бориса Ивановича Большаго, собрав он, Разин, донских своих казаков и астраханских сообщников, пошел сам вверх по Волге к городу Сибирску, а в Астрахане всем ⁸⁰ единомышленикам ⁸¹ своим оставил атаманом некоего злодея ж Ваську Уса да Федку, коего прозвание было Шелудяк ³./

⁴. ¹³ ^{об.} 32 ⁹¹. Августа в 3 день, от убивства ж боярина князь Ивана Семеновича Прозоровскаго чрез шесть недель, в среду, произошло от оных астраханских мятежников еще съмятение и другой бунт. В воровском своем кругу изърубили они бердышами астраханских подьячих Якова Перфильева ⁹²

⁴. ¹³ ³ У [и]ностранных ⁸² писателей о Стеньке Разине находятя разныя известия, но о взъятъе Астрахани и о злодействах ево, причиненных там ⁸³, очень коротко у них упоминается, а потому сие описание по внесенным в него подробностям и можно почесть обстоятельным и вероятным. Какия ж оной бунтовщик Разин, отлучась из Астрахани, причинил злодейства, то я, не имея у себя об оном столь подробных описаний, каково есть вышеписанное астраханское, вьношу здесь то, что в [Я]дре ⁸⁴ российской истории, сочинения князя Андрея Яковлевича Хилъкова, на странице 362 и 363 под летом 1667-м показано, где ⁸⁵ и о казни одного злодея упомянуто сими словами: «Немалой такожде страх государю и государству Рускому вьшиб бунтовщик, казацкой атаман Стенька ⁸⁶ Разин, которой, казаков и протчих вьсяких людей множество собрав, города вьсе низовые по Волге, даже по самую Резань, и тех городов уе[з]ды ⁸⁷ под свою власть побрал и к Москве идъти был намерен, но по времени от войск государевых 1671-го ⁸⁸ году ⁸⁸ пойман сам, июня во 2 день в Москву на ругательной телеге везен был, а потом на болоте четвертован того ж месяца 6 ⁸⁹ дня ⁸⁹». * Явно из сего, что злодейства ево, Разина, продолжались в России болше четырех годов ⁹⁰. //

* [А. Я. Хилков. Ядро российской истории. М., 1770, стр. 362–363].

да Ивана Безъсчастнаго с товарищи. Между тем же многих въсугонь, иных в домех и в тюрьме изърубя, побежали они на двор к митрополиту искать дворцоваго промыслу промышленника Ивана Турченинова⁹³ и требовали у митрополита, чтоб он выдал ево на казнь. Но Турченинов⁹⁴ тогда в архиерейском⁹⁵ доме спрятался, и хотя злодеи угрожали самому митрополиту, что они ево убьют, причем поносили и ругали ево всякою бранью, укоряя, что он угождает боярям, однако ж он, архиерей, при сем случае съпасься, и те злодеи, не сыскав Турченинова⁹⁶, з двора ево ушли. Здесь пропускаю я сновидение архиерейское о убитых боярине и детях^{96а} ево^{96а}, кое к настоящей светцкой истории почол я ненужным, а вношу следующее^а.

33-е. Того ж 179 году, ноября во 2 день, юртовских та-¹⁶⁷¹ тар мурза Емамер⁹⁹ Емаев¹⁰⁰ с товарищи, с табунными головами и с сотниками, от государя царя и великаго князя // Алексея Михайловича привезли к преосвященному Иосифу митрополиту грамоту в той силе, чтоб оные астраханские воры и клятвопреступники в винах своих богу и ему, великому государю, принесли повинную, а то ж бы učinили и донские казаки. Оная грамота писана на одном столбце мелким¹⁰¹ писмом и дана была из приказау Казанского дворца. Архиерей, призвав к себе в келью своего боярскаго сына Петра Золотарева^к, оную грамоту ему читал со слезами, удивляясь милосердию государеву, и приказал списать с нее три списка, в том разъсуждени, когда у него злодеями¹⁰² отнята будет подлинная, то останутся де списки.

34¹⁰³. Потом призвав к себе митрополит ключочаря Федора Негодяева, и приказал ему с одним списком идть к вознесенскому игумену Селивестру, дабы он с ним, ключочарем, призвали к себе того воровскаго казачества ясаула Андрюшку Лебедева и товарища ево Серешку Баранова и уговаривали б, чтоб они великому государю принесли повинную и свою братью к тому ж бы склоняли. Но оней Лебедев, услыша про то, пришил в неистовство и поутру всем ворах стал являть, якобы митрополит со власти, с попами и з дворовыми детми боярскими у себя в келье // складывает грамоты и намеряясь всех их отдать руками боярам.

⁹¹ Здес же следующая окрестность вмещена: 179 году, зимою, ушед ис калмыцких улусов, Кыч⁹⁷ мурза Абдулов з детми и с племянниками и с улусными своими людьми пришли качевать к Астрахани за Цареву протоку, всех их было до пятнадцати тысяч, а от калмык де ушли они затем, что зделалась у них съсора с черными калмыками. И будучи тут, для защищения своего от нападения Большаго и Малаго Нагаю степных татар, зделали себе городок, опасаясь от них раззорения. //

⁹² Кажется, что сей Золотарев — тот, о коем при начале сего описания упомянуто, и есть сочинитель онаго. //

35. Ноября 3-го числа, которой день был суб[от]ной ¹⁰⁴, на первом часу дни, митрополит, узнав про то их неистовство, приказал благовестить в большой колокол с тем, чтоб всяких чинов люди сходились в соборную церковь. Но из астраханских жителей пришли туда немногие, а злодеи все собрались на двор к злоначалнику и атаману своему Васке Усу.

36-е. Между тем приказал митрополит ключарю Федору Негодееву надеть священнические одежды и, вышед пред соборную церковь, прочесть подлинную великаго государя грамоту, к чему подошли тогда из атаманскаго двора казаки, самарянин Ивашка да астраханцы Федотко Попов ¹⁰⁵, Ермолка Власов ¹⁰⁶, Ивашка Ярило, Куска Челобитчик с товарищи, и ту грамоту слушали. По прочтении ж ключарь отдал ее митрополиту, но злодеи, кинувшись на него, из рук его ее вырвали, архиерей хотя их при том и строго обличал, называя богоотступниками и изменниками. Но они, именуя его простым чернецом, бранили позорною и скверною бранью, напоминая, дабы он, митрополит, знал свою келью: и что ему до них дела, разве не знает он, где роскат? Другие кричали, чтобы посадить его в воду, а другие приговаривали послать его в заточение. //

37. Получивши грамоту в свои руки, пошли они к атаману своему Усу, а на другой день, взяв к себе помянутого ключаря и связав, пытали и били палками, выведывая из него, кто ее писал, признавая, якобы ее составил митрополит с попами и з детми боярскими. Но как ключарь утверждался в том, что она грамота подлинно государева и с Москвы прислана, то спрашивали, ест ли у митрополита с нее списки. Ключарь, не стерпя более побои, ответствовал, что есть у него три списка, и потому, поспав к нему ясаула, оные списки принудили его отдать им⁷.

1671 ^{113a} 38. Во 179 году, апреля в 25 ¹¹³ день (что была тогда

л. 15 ¹¹ Под сей статьею в подлинном въмещено известие о татарском междуусоби следующего содержания:

Во 179 году, февраля 12 числа, проходил войною Большаго и Малаго Нагаю Ягнурей ¹⁰⁷ мурза Кекуватов ¹⁰⁸ з детми и с племянниками своими, з горскими черкесами и с крымскими людьми, тот самой, о коем выше сего упомянуто и которой пред приходом Стеньки Разина ушел от Астрахани. Сей ушедших от калмык поэтисанских ¹⁰⁹ татар, кои, как выше значит, прикочевали было к Астрахане, всех попленил и скоту их побрал, а потом отвел их в Горы и в Крым. Бой был между ими целый день. Сиючъ мурза и юртовской Еммаметъ ¹¹⁰ мурза посажены были в то время у воровских казаков въместо атаманов ¹¹¹, и сидели до самого приходу боярина Ивана Богдановича Милославльскаго ¹¹². На оном татарском бою пропало много и из юртовских татар самых лутших людей; скота, рухляди, жен и детей их множество ж побрала. //

великая пзтница), явился у митрополита астраханской стрелец Ганка Ларионов, по прозванью Шелудяк, с юртовскими татарами, Кулаковыми детми, и доносил, что приехали с Москвы юртовские татары з грамотами великаго государя и стоят де они за Волгою. // Преосвященны, обрадовавшись тому, послал к тем сътрелцам соборнаго попа Петра к злодейским старшинам, астраханским жителям, к Ивашке Красигину¹¹⁴ да к Абакумке¹¹⁵ Андрееву с товарищи, чтоб они к нему, митрополиту, пришли и с ним поговорили о своем обращении. Но они к нему не пошли и остались на базаре, из-за чего перед павечерницей¹¹⁶ вышел в Бельгород за Пречистенские ворота сам митрополит на базар и всенародно объявлял, что есть к ним великаго государя милость, кои они усмотрят из присланных к ним грамот с татарами, кои стоят за рекою Волгою, а он, митрополит, за теми грамотами для того не посылает, что и прежде винули ево, якобы он их составляет, и чтоб они за теми грамотами сами от себя послали, обнадеживая их цар[с]кою¹¹⁷ милостию и в винах их прощением.

39. Случившийся тогда на базаре воровския старшины, астраханцы Ивашка Красулин, Абакумко Андреев, Стенька Трофимов¹¹⁸ с товарищи своими, ево, митрополита, не послушали, а ответствовали, что не могут они того зделать без своего атамана, и пошли к нему на двор, почему он, атаман Васька Ус, с товарищи своими, пришед к соборной церкви, стали ево, митрополита, укорять и бранить, почему он, разсердясь, кинулся было на одьного есаула, которому прозванье было Топорок, и, называя ево богоотступником, хотел сколоть посохом своим, // из-за чего все они от соборной церкви пошли прочь, браня ево, архиерея, матерно и въсякою скверною бранью. И был у них тут великой шум, причем митрополит, будучи в великой ревности, помянутаго атамана называл вором и изменником.

40. На другой день, то есть в великую субботу, присылали они, злодеи, к митрополиту съвоих ясаулов с великими угрозами, дабы он отдал им государевы грамоты, а ежели не отдаст, то всех ево людей¹¹⁹ до смерти побьют, да и самому ему достанется. Он ответствовал, что они за Волгою у татар и он их не имеет, куда б они сами послали. И потому ездил от них туда ко оным татарам Ивашка Овчинников¹²⁰ и, взяв их, привес тот же день в 6 часу и отдал митрополиту. А как митрополит разпечатывал их в соборной церкви, и тут сам их атаман Васька Ус с товарищи смотрели, но чтения их не слушали, пошли все в злодейской свой¹²¹ круг.

41. Митрополит по великой своей ревности, възяв те грамоты, пошел сам в их круг со¹²² священниками и з детми боярскими и приказал протопопу Ивану съперва читать ту

грамоту, коя к ним, злодеям, была прислана, а потом и другую, присланную к нему, митрополиту.

л. 16
об. 42. По прочтении ¹²³ оных грамот все они, злодеи, // закричали: «Вольно де боярам и самим грамоты слагать! Когда б де были прямые государевы грамоты, то б они были за красными печатьми». И учили митрополита ругать и бранить, приговаривая: «Тужит де по тебе роскат, которой еще остался; только де не те дни топерь захватили, а то бы узьнал он, архиерей, каково атаманам молодцам смуту чинить», толкуя, что вся смута и беда от него делается, он де переписывается с московскими боярами и с стрелцами и з Доном, и по ево де писму Терек и Дон от нас отложились и пр.

43. Митрополит безъбоязненно говорил оным злодеям в кругу их, толкуя, что по грамоте государевой астраханским жителям велено въсех донских казаков перехватать и посадить в тюрьму до указа, а им, астраханцам, в винах своих принесть повинную, обънадеживая их всех великаго государя милостию, и в том бы они на него положились. Но они отъответствовали ему: Ково им хватать и сажать в тюрьму? «Мы де все уже воры». И учили ево, митрополита, бранить матерно, а другие советовали самово ево, арьхиерея, посадить в тюрьму или в каменную полатку ¹²⁴, токмо де наступает теперь святая неделя, а в другое б время дали ему память.

л. 17 // Государеву ж грамоту, коя к ним прислана, Ивашка Красулин възял к себе, а присланную к митрополиту хотя и покушались они, злодеи, отънять у него силою, но он ее не отдал, велел хранить в соборной церкви, которая де и ныне там содержится. Обе оныя грамоты, как к митрополиту, так и к тем злодеям, были одинакова содержания.

44. После пасхи ¹²⁵, в ¹²⁶ Фомино воскресенье ¹²⁶, а до убийтия митрополита за 6 ¹²⁷ дней, възяли они после соборной обедни ключаря Федора Негодяева в свой круг и выведывали у него, кто писал вышеозначенные грамоты. А как он их стал при том обличать и укорять, то вывели ево из круга и отдали в руки казаку, прозвищем Чеусу, а потом, выведши за город, велели ево изърубить. Сказуется, что в сей самой день служил он литоргию в соборной церкви.

л. 17
об. 45. В то ж время прислали они к митрополиту в соборную церковь с тем, чтоб он отдал им боярских своих детей Семена Трофимова и Федора Владыкина, и взяв их насилно, повели в свой круг, где разпрашивали их, кто митрополиту составлял грамоты на них к московским боярам, какая переписка была с Терком, сказывая, что они известны о том // от казака Оськи Серебренникова ¹²⁸, да предъставили им тут онаго казака, которой во весь круг кричал, что письмо и грамоты с митрополитом составляли они, Трофимов и Владыкин, они ж и про всякия митрополичьи писма

знают, почему оных Трофимова и Владыкина повели пытать и жечь огнем. А другие из них же кричали: «На что их пытать и рубить или в воду сажать? Ежели де их казним, то у митрополита на их места другие будут писцы. Пора де за самово ево приниматься и убить, а тогда де в городе и смуты никакой не будет». И так утвердясь, посадили их под крепкие караулы по воротам, а после того чрез четыре дни, до убития ж митрополитова за шесть дней, и свободили ^{128a}.

46. Майя 11-го дня, во время литургии ¹²⁹, пришли к митрополиту в соборную церковь астраханские жители, Иван ¹³⁰ Севрин, послуживец Стенька Севрин ¹³⁰, да конной стрелец Ивашко Горшков ¹³¹ с ясаулом Ваською Кабановым, и невежественным образом зывали ево в свой злодейской круг. Митрополит ответствовал им, что он будет облачатся в свои одежды, да и приказал себя облачать. А те воры дожидались ево на паперти, говоря: «Не заперса ль де он с попами? Мы пойдем опять в круг и, пришед, вытащим ево из церкви сильно»./

47. Объячась, приказал преосвященны благовестить в ^{л. 18} большой колокол для того, чтоб все священники и диаконы собрались к нему. И ¹³² взяв на престолной крест в руку ¹³², пошел он туда с протопопом и с соборными священниками и ¹³³ дьяконы ¹³³, с ним же пошел и крестовой ево поп Ефрем, да учужной священник Иосиф, прозванием Оселка, тут же пришли приходские священники, от церкви Рожества Христова поп Иван Костюрин, да поп Кузма, никольской ¹³⁴ поп Иван, еще священники ж Родион ¹³⁵, Моисей ¹³⁶ и Василей. Спаской архимандрит Антони не был, затем что отлучался на свой монастырской учуг; отъставной же троицкой архимандрит Никифор и вознесенской игумен Селиверст съпрятались. А другие приходские попы не бывали.

48. Пришед в тот злодейской круг, митрополит сам начал говорить атаману Ваське Усу с ревностию и неустрашимым дерзновением, зачем они, воры и клятвопреступники, ево в круг свой позвали, на что оной атаман некоему, по прозванью Коченовскому, говорил, зачем он стал, и приказал, выступя, говорить. Сей Коченовской начал свою речь тем, что он прислан от войсковой ¹³⁷ с такими речми: Для чего он, митрополит, переписывался с Терком и з Доном? И якобы по ево писмам Терек и Дон от них отложились. //

49. Митрополит и на сие без всякой боязни ответствовал, что он с Терком и Доном переписки не имел, а хотя б он и переписывался, то б сие было не в Крым и не в Литву.— «Я де вам говорю, чтоб все вы обратились к великому государю и в винах своих просили прощение». Из-за чего многие бывшие в том кругу закричали, что он, митрополит, тап свое воровство и будто б как правой человек ^{л. 18 об.}

пришел к ним со крестом, как к иноверцам.— «Мы де и сами христиане». И начали выступать, дабы снять с него святительские одежды, что видя, из их же воровской партии донской казак, именем Мирон, стал им говорить, что они делают дурно, не почитая великой архиерейской сан, прикасаяся ево одеждам; против чего кинулся на того казака Мирона казак же Алешка Грузинкин и ухватил ево, Мирона, за волосы, а другие казаки стали ево колоть и рубить пред митрополитом, а потом, вытаща ево за круг, убили до смерти. Вскоре после того приступили они, злодеи, к протопопу Ивану¹³⁸ и к другим священникам, стали их толкать и бранить скаредною бранью, приказывая им с митрополита сънимать ево одежды.— «Он де и сам с Никона патриарха снимал».

л. 19 50. Преосвященны, видя наглое их стремительство и что никакие слова и увещание ево не имеют силы // и действия, сам отдал имевшейся в руках ево крест крестовому своему священнику Ефрему, а¹³⁹ шапку и панагию, съняв с себя, отдал учужному попу Иосифу¹³⁹ Оселке, которой и начал было ево разьоблачать, но, видя, что¹⁴⁰ он к тому был незаобычен, оглянувся на сторону, сказал протодьякону Федору¹⁴¹, что он стоит и ево не разьоблачает¹⁴²; которой, подошед, снял с него омофор, сакос и всю святительскую одежду, отдав все оное бывшим тут священникам. И так остался он в одной черной бархатной ряске, без камилавки, которую взял он у учужнаго попа Иосифа, ибо ево собственнѣя камилавка осталась в соборе с рясою. Попов же всех злодеи из круга выгнали, сказав, что теперь до них дела нет. Самого ж преосвященнаго митрополита повели на Зелейной двор, где палачь, имянем Ларька, снял с него две ряски, и, связав ему руки и ноги, продел дерево, и так повалил его на огонь в одной суконной черной свитке, коя от огня загорелась, для чего тот палачь всю оную свитку изьорвал в лоскутья, и так жег ево на огне нагова, и, наступя ему на брюхо и¹⁴³ на горло¹⁴³, кричал: «Сказывай ты, митрополит, про свое воровство!» Но преосвященный ничего ему не отъветствовал и, будучи на огне, читал молитвы. Помянутому ж палачу во всем том мучени митрополита помогал еще другой, по прозванью Ветчина, но имя ево было неизвестно. //

л. об. 19 51. Потом повели ево на роскат, куда идучи, он, митрополит, хромал, потому что палачи, пытая и муча ево, повредили ему ногу. Идучи ж, усмотря он вышеозначеннаго убитаго казака Мирона тело, поклонясь ему, осенил ево своими руками. А вел ево туда предъупомянутой Алешка Грузинкин. Между тем же посмотри он на соборную церковь, помолился и со всеми священниками простилъся.

52. По приводе на роскат посадили ево на край онаго к

восточной стороне, против собору, и хотели ево тут збросить, но митрополит, ухватясь за одного казака, стащил было с собою, но воры от того ево удержали, а потом, положи ево, митрополита, на бок на самом краю роската, с верху оного перекатом ево збросили. Упал он на восток пред роскатными дверьми, к собору правою щекою, и сшиб ево ¹⁴⁴ до крови. Во время ж падения ево на землю был великой стук, а отьтого якобы все в кругу бывшие злодеи утрашились и с треть часа, повеся головы, стояли они безмолвны ^{н.} //

53. Как скоро зброшен был и упал на землю преосвященны, то выбежали туда из собору соборные попы Кирила и Кузма и другие священники и, прибежав к телу ево с ¹⁵⁵ кадилом ¹⁵⁵, горестно об нем плакали. Но воры, увидя оное, послали из круга своего ясаула, астраханца Афоньку Воронова, велели их разогнать, и он прогнал их палкою до ¹⁵⁶ соборной церкви. А потом скоро, взяв тело ево, протоп с священниками внесли на ковре в соборную церковь в одной ево хо[ло]дной ¹⁵⁷ ряске, в той самой, в которой он зброшен с роскату, и, осматривая оное, увидели спину и коло ¹⁵⁸ чрева все изожжено и было черно с пузырями ¹⁵⁹, а большая бывшая у него борода ¹⁵⁹ и волосы огнем подпалены.

54. Тело преосвященного митрополита стояло в соборной церкви судки. Между тем же служили по нем понахиды и облачали ево по чину архиерейскому. А на другой же день в 6-м часу был редкой блавест в большой колокол для позыву священников. И положи тело ево во гроб, служили собором болшую понахиду. Потом гроб ево поставлен на ископанное и приготовленное ему место в соборном пределе Афанасия и Кириила ¹⁶⁰ // Александривских под алтарем на ^{л.} 20 правой стороне. Стоял он тут непокрытым девять дней, ^{об.} а в десятой закрыли ево досками и заклали камнями.

55. После убивства архиерейского умыслили злодеи сочинить между себя запись, к которой принудили руки приложить протопопа, спаскаго архимандрита и многих священников, не давая ее читать, и отдали было ее в сохранение

^н В списке, которой я имею, на двух местах значится, что роскат в Астрахане сначала был деревянной, но высокой ¹⁴⁵, и как в московское раззорение (около 1622 ¹⁴⁶ году) была в Астрахане [с] ¹⁴⁷ съобщниками ¹⁴⁷ своими Марина Сендомирская, бывшая Росстригина жена, и приход ее сюда причинил в городе замешательство, то сообщники ея многих астраханских жителей, // из духовных и светских людей, побросав с того роската, умертвили. Потом ¹⁴⁸ оной роскат зделан был каменной ¹⁴⁸, но ¹⁴⁹ после бунту Разина, по указу велика[го] ¹⁵⁰ государя, сломан он до подошвы ¹⁴⁹. В бытность помянутой Марины в Астрахане преосвященны Иосиф, как он сам о себе сказывливал ¹⁵¹, бы осми лет, итак по кончину ево, случившуюся в 7179 ¹⁵² году, надлежит ему считать от рождения ево окола ¹⁵³ 60 ¹⁵⁴ лет.//

троицкаму келарю Аврамию, но за три дни до приходу к Астрахани боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославскаго воровской их атаман Федька, прислав ясаула Алешку Коченовскаго да Ермолку Власова¹⁶¹ к протопопу, велел ему тое запись у келаря взять. И как она отнесена была протопопом и священниками к нему, атаману, то он ее при них же всю изюдрал, однако ж заглавие ее принес он, протопоп, с собою к соборной церкви. Сей отрывок был читан, и содержание ее узънали то, чтоб им, вора, стоять против бояр и изменников и умирать бы им друг за друга, о чем с начала приезде боярина в приказной полате произвожено было следствие. Приметно из описания, что еще при жизни митрополита такая запись была у них приготовлена, и старшины¹⁶² их, Ивашка Красулин, приходили к митрополиту с тем, дабы он ее подписал, но он, сего не учиня, увещевал их, чтоб они обратились на истинну

л. 21 и принесли б великому государю // повинную. Токмо они ево в том не слушали и ответствовали ему с великим невежеством и бранью.

1671¹⁶⁴ 56. Во 179 году, пред Семеновым днем, то¹⁶³ есть в последних числах¹⁶⁵ августа¹⁶³, прибыл под Астрахань, отъправленной из Москвы с военными людьми боярин Иван Богданович Милославской. Злодеи, не хотя еще повиноваться, выехали было противу ево на стругах в том намерени, чтоб не пропустить ево к городу, но он, разбив их выше Астрахани, вошел в реку Балду и, отняв у них берег, приказал на устье той реки, на Луговой стороне, от Астрахани в трех верстах сделать земляную¹⁶⁶ крепость¹⁶⁶. Тут будучи, начал с ними пересылку, увещевая их, чтобы они положились на милость великаго государя и в винах своих принесли повинную. Однакож¹⁶⁷ они со всем тем не склонялись, чего ради разсудил он за надобно за Волгою рекою, против своего полку, на Соляной реке построить еще городок. Злодеи ж, убравсья в струга, устремились было на тот новой городок¹⁶⁸, чтоб ево раззорить, но тут с помощью божиею московския стрельцы на приступе их множество побили, а других в воде много ж потонуло. И так они были здесь побеждены. Предъводителем и атаманом их был тут предъпомянутой донской казак Федька Шелудяк. Между

л. об. 21 тем прпехал // к Асътрахани¹⁶⁹ князь Казбулат Мусалович Черкаской и ево, Федьку, заманив к себе, удержал под крепким караулом. В городе ж между оными злодеями делался раздор и смятение, и по часътым увещеванием боярским многие начали из города прибегать к нему в полки, и он, принимая их с ласкою и тихостию, приказывал их кормить. Оставшие ж в городе злодеи, злясь¹⁷⁰ и¹⁷⁰ 170 ярьсь¹⁷¹ на сие, хотели они всех бывших тут барынь¹⁷², дьячих и головных, также дворянских, сотничьих и подъя-

ческих жен всех побить, однако ж все они покровительством божиим сохранены и остались целы.

57. Наконец, по частым от боярина в город посылкам и увещанием все оные злодеи и клятвопреступники, астраханские и донские казаки, начали приходить на истинну и, пришед в раскаяние, усоветовали великому государю принести повинную, послав от себя к боярину и воеводе в полки, чтобы он шел в город Астрахань и принял бы оной со всеми находящимися тут людьми.

58. Боярин, обрадовався сему и отслужив в возблагодарение богу молебное пение, приказал чрез // Кутумову ^{4. 22} реку на стругах делать мост для перехода в город со всем войском. И как оной мост зделали, то 27 числа ноября 180 году ¹⁷³, собрав священников и взяв икону богоматери, данную ему от государя при отправлении ево из Москвы, вооружа себя и все войско в ратную збрую, со всем войском при молебном пении пошел в город строем, в которой вошед, приказал всем головам разположиться по городским стенам и у ворот в обеих городах учредить свои караулы, сам же прямо пошел в соборную церковь с приношением молбы и благодарение богу за одержание города.

59. Не ¹⁷⁴ толко между бывшими в городе жителями, не пристававшими к злодеям, величайшая была тогда радость, но и из самых злодеев многие ¹⁷⁴, смотря на то торжественное в город шествие и взирая на икону богоматери, молились со слезами, благодаря бога за сие, что обратил их на путь истинный и под державу великаго своего государя попрежнему. Икона ¹⁷⁵ ж богоматери на память онаго избавления поставлена в соборной церкви ¹⁷⁵.

После ¹⁷⁶ того для следствия и розысков прислан был из Москвы от великаго государя боярин князь Иван ¹⁷⁷ Никитич Адуевской, и, по учинени им в городе Астрахане розысков, на ¹⁷⁸ страх другим ¹⁷⁸ казнены были многие злодеи ¹⁷⁶.

Сим оканчивается все имеющееся у меня описание о тогдашнем городе Астрахани состоянии, начатое от 7165 ¹⁷⁹ и продолженное по 7180 ¹⁷⁹ год, что сочиняет 15 ¹⁷⁹ лет времени. Призначаю, что, соображая случаи об одном деле, // на разных местах повторенные, немало имел я затруднения различать достоверность от вероятности, да и принужден был против подлиннаго списка многое выключать, а особливо знаменья, чудеса и сновидения, на разных местах в него вмещенные, почитая их за вещи, существа не имеющие или к светской истории не принадлежащими. Одно ¹⁸⁰ описание бывших в Астрахане архиереев ¹⁸¹ разсудилося мне выбрать и вънести сюда, впредь для разсмотрения и поправления зънающим лучше и достовернее сего города церковную историю по оному.

^{4. 22}
^{об.}

1 архиепископ в Астрахане был Феодосий. Сей в бывшее здесь (около 1622-го ¹⁸² года) при Марине Сендомирской ^н замешательство многих астраханских изменников объ-

л. 22
об.

^н Сия Марина, бывшая сперва женою Гришки Атрепьева (венчался он на ней, да и кароновал ее в Москве майя во 8 день 1606 года), по убитии ево, Атрепьева, выходила еще за другого самозванца ж, которой был из Литвы дьячек ¹⁸³, и подлинное ево имя было Иван ¹⁸³, признав ево самоволно за первого своего мужа Гришку. По убитии ж сего, другого, родила она сына, коего калужене содержали у себя в чести и называли ево царевичем Иваном Дмитриевичем. После она выходила в третьей раз замуж за казачьего полковника Ивана Заруцкаго для того, чтоб он Москву добывал и царем руским зделался, а потому он, Заруцкой, всякими мерами престола московскаго и добивался ¹⁸⁴, мешая боярину князь Дмитрию Михайловичу Пожарскому в ево намерениях, да и умертвить его умышлял. Наконец же он, Заруцкой, с казаками своими, причина во многих местах разъорения, с помянутою своею женою прошол в Астрахань и там, как выше значит, зделав бунт и зимовав в Астрахане, тамошним, не пристававшим к нему, делал великия обиды и утеснения, воеводу ¹⁸⁵ ж тамошняго, князя Ивана Дмитриевича Хворостинина ¹⁸⁶ казнил, о чем сведав, воевода терской Петр Васильевич Головин послал под Астрахань казанца Василья //Хохлова с ратными людьми, к которому, кой час он под Астрахань пришол, все астраханцы из города выбежали. Того соединения астраханцов с терскими казаками испужавшись, Заруцкой побежал и с Маринкою, своею женою, на Яик, о чем Петр Головин с сеунчеем послал к государю того ж казанца Василья Хохлова. Князь Иван Адуевски, сведав про то, на след ¹⁸⁷ пошел под Астрахань и всех воров, которых там застал, по турмам разъсажал, а за Заруцким послал конницу, которая, нашед ево на Яике, на некоем острове, со всем собранием разъзорила. Самого ж Заруцкаго, Маринку и самозванца, сына ее (о коем выше упомянуто), живых и иных многих при них взяв, к Москве послали, где Заруцкаго на кол посадили, самозванцова ж сына и изъменника гостя Федора Андропова повесили, а Маринка на Москве умерла ¹⁸⁵, о чем о всем и о бывших в то время злодействах от низовых донских и протчих казаков, от черкас и холопей можно видеть в Ядре российской истории, сочиненной князь Андреем Яковлевичем Хильковым, на стран. 254, 266, 282, 283, 307 и 332 *, и в Ежемесячных сочинениях 1760-го году на апрель месяца, стран. ^{325**}, где вероятным образом признавается, что Маринкин городок, между нынешними яйцкими фарпостами имевшейся тогда, от оной Марины название свое получил. Я внес о ней здесь, почитая оное касающемся до астраханской истории. //

* [А. Я. Хилков. Ядро российской истории, стр. 254 (о свадьбе Марины Мнишек и Лжедмитрия I в 1606 г.), 266—267 (о начале похода Лжедмитрия II и признании его Мариной Мнишек), 282—283 (о гибели Лжедмитрия II и рождении Мариной сына Ивана), 307 (о выходе Марины замуж за Ивана Заруцкого и намерении последнего убить кн. Д. М. Пожарского), 331—332 (о событиях в Астрахани)].

** [[Г.-Ф. Миллер]. О начале и происхождении казаков.— «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая». Апрель 1760 года. СПб., 1760, стр. 325 (о Маринкине городке (автор установлен по книге: митрополит Евгений [Болговитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. II. М., 1845, стр. 81, № 12)].

личал и наказывал, за что оне хотели ево убить, // дворовых л. 23
же людей многих побили и дом ево архиерейской раз-
грабили, самово ж, ругав всякою бранью, сперва ¹⁸⁸ посадили
в тюрьму в Троицком монастыре, а потом послали в заточе-
ние ¹⁸⁸. После взят он был к Москве и оттоле паки отпра-
влен был в Астрахань, но ¹⁸⁹, не доехав престола своего,
будучи в Царицыне, скончался ¹⁸⁹. О нем сказуется, что за
святость жития ево и за претерпенное от злодеев томление
мощи ево остались нетленными.

2-е. По нем астраханским архиепископом был Анофрий,
но сколь долго и когда скончался, не означено.

3-е. После Анофрия был архиепископом Макарий; о
вступлении на престол и о кончине ево ничего ж не сказа-
но. По том,

4-е, архиепископом был Макарий ¹⁹⁰ ж. О сем сказуется,
что он в бывшее в Астрахане 163 года моровое поветрие ¹⁶⁵⁴ ¹⁹¹
скончался мая 31-го дня ¹⁹⁰. //

5 ¹⁹². Преемником ево был вышеписанной убиенной от л. 23
злодеев митрополит Иосиф. Прежде был он в Троицком мо- об.
настыре архимандритом. И при Никоне патриархе находился
в Москве, в астраханские архиепископы посвящен он был ¹⁶⁵⁵ ¹⁹³
164 года, декабря в 15 день. В 175 году, марта в 17 день, ¹⁶⁶⁷ ¹⁹³
по соизволению великаго государя царя Алексея Михайло-
вича, благословением же святейших патриархов Паисия
Александрийскаго, Макария Антиохийскаго, Иоасафа Москов-
скаго, произведен в Алексеевском монастыре в город Аст-
рахань первым митрополитом. Правил он здешнюю епархию,
будучи архиепископом и митрополитом, четырнатцать лет,
четыре месяца и дватцать пять дней. Рожден был в Астра-
хане, отец ево назывался Климент, а мать Варвара.

6 ¹⁹⁴. После Иосифа был в Астрахане митрополит Парфе-
ний. Сей со всем астраханским духовенством свидетелство-
вал мощи убиенного от злодеев митрополита Иосифа и, на-
шед их нетленными, приказал их внести в соборную церковь,
где, поставя о средине церкви, велел всем астраханским
жителям с женами и з детми их по три дни приходить
к ним и в винах своих пред оными просить прощения, что
они и изъполняли. А на четвертой день, по обыкновенном
надъгробном пении, поставлены они в соборной церкви на
правой стороне, в углу, за архиерейским местом. О вступ-
лении его на архиерейство и о кончине ево не упомина-
нута ¹⁹⁵. //

Примечания

1-1 Написано в центре страницы крупными буквами; под последней строкой («въ страхане») проведена жирная черта; в квадратных скобках добавлено в соответствии с написанием слова «Астрахане» в заголовке на л. 4. 2-2 Написано под чертой тем же почерком, но более мелкими буквами. Лист 2 об. оставлен чистым. 3-3 Написано более крупными буквами, чем последующий текст, особенно выделяется первая строка («Предвведение и проза»); под последней строкой («ющимся в собирании оной») проведена жирная черта. 4 В ркп. «20-е»; исправлено по контексту. 5 Так в ркп.; см. ниже, прим. 146, 182. 6 В ркп. «Димитрием»; исправлено по смыслу. 7 Во «Введении» Рычков относит это событие к 1661 г. (П. Рычков. Введение к астраханской топографии..., ч. II, М., 1774, стр. 75, прим.). 8 В ркп. после цифры знак кавычек внизу строки; в квадратных скобках добавлено для ясности. 9 В ркп. «предлаемого»; в квадратных скобках добавлено по смыслу. 10 В ркп. «любителей»; исправлено по контексту. 11-12 В ркп. эта фраза находится ниже примечания (см. прим. «а»). 12-12 Написано крупными буквами; между последней строкой этого заголовка («единомышленников в Астрахане») и последующим текстом проведена горизонтальная черта, менее жирная, чем на л. 3. 13-13 Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами. 14-14 В ркп. «выданных»; в квадратных скобках добавлено по смыслу. 15 Написано на левом поле иными чернилами схожим почерком XVIII в., причем цифры крупнее, чем в основном тексте; буква «г» над строкой, под титлом; сбоку, ниже цифры «7», вертикальная черточка (запятая?). В переводе даты ошибка: 187 г. = 1679 г., а не 1687 г. 15а Так в ркп.; во всех списках Сказания, имеющих в конце справку об авторе, указан июль, а именно 7 июля 187 г. (А, Л, П, Э, О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в Сол. в определении дня ошибка: «третий» вместо «7» — результат прочтения буквенной цифры «З» как «3»). 16 Так в ркп.; в М, Ув., А, Л, Ком., П, Э, Н, Библ., Унд., Сар., Бар., Каз., В, Е «7175». В Сол. «7105»; эта ошибка возникла, вероятно, вследствие прочтения буквенной цифры «0» (70) как «0» (нуля). Появление «6» вместо «0» — результат логической поправки даты 7105 (1597 г.), невозможной для времени Разина. Сомнительность даты «7165» отмечена Рычковым (см. л. 5 об., прим. «е»). 17 Написано на левом поле иными чернилами схожим почерком XVIII в., причем цифры крупнее, чем в основном тексте; буква «г» над строкой под титлом; сбоку, ниже цифры «7», вертикальная черточка (запятая?). 18-18 Так в ркп.; в М, Ув., А «переволокся»; в Л, П, Э, Сол., Н, Библ. «переволокся степью»; в Ком. «переволока степью»; в Унд., В «перешед степной»; в Сар., Бар., Каз. «пришед степью». 19-19 Так в ркп.; в М, Ув., Л, Ком., Э, Библ. «на Камышенке»; в Н «х Камышенке»; в А, П, Сол., Е «на Камышенку»; в Унд., Сар., Бар., Каз., В «на Камышенку реку». 20 Так в ркп. и Э, Н, Библ., Унд., Сар., Бар., Каз., В; в Е «Иосифу»; в М, Ув., А, Л, П, Сол. «Иосафа»; в Ком. «Иосафа». 21 Так в ркп. и Ком., Сол., Э, Н, Библ., Унд., Сар., В; в Л, П «Золотова»; в М, Ув., А «Золотарева»; в Бар. «Золова»; в Каз. «Золота»; в Е «Зотова». 22-22 Написано с выносным знаком на левом поле тем же почерком и теми же чернилами, но более мелко. 23 Так в ркп. и Л, П, Сол., Унд., Сар., Бар., Каз., В, Е; в М, Ув., А, Э, Н, Библ. «Черемисинова»; в Ком. «Черемисиснова». 24 Так в ркп. и Унд., Сар., Бар., Каз.; в М, Ув., А, Л, Ком., П, Э, Сол., Н, Библ., В, Е «Шорина». 25 Так в ркп.; в М, Ув., Л, П, Сол., Н, Библ., Унд., Сар., Каз., В, Е «Сарбинском»; в Бар. «Сарьинском» (буква «ь» исправлена из другой буквы); в Ком. «Сарбинском»; в А «Сарпинскому». 26 В ркп. буква «а» переделана иными чернилами на другую букву («у»?). 27-27 В ркп. «сърредлами». 28 Написано на левом поле иными чернилами схожим почерком XVIII в., причем цифры крупнее, чем в основном тексте. 29 Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами. 30 Написано по смыслу; буквы «ругах» расплылись. 31 В ркп. «владели»; в квадратных скобках добавлено по смыслу. 32 Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами. 33 Так в ркп. и

Л, Ком., П, Э, Сол., Н, Библ., О, Унд., Сар., Бар., Каз., Е; в М, Ув., А, В «Камышевым». ³⁴ Так в ркп. и Библ.; в М, Ув., А, Э «Куловинской»; в Ком., П «Жулавицкой»; в Л «Кульдинской»; в Сол., Бар. «Кулалинской»; в Н «Лукавиной»; в О «Кулавиной»; в Унд., В «Куллинской»; в Сар., Каз. «Кулломинской»; в Е «казацкие местечки». ³⁵ В ркп. «толь»; в квадратных скобках добавлено по смыслу. ³⁶ Так в ркп. ³⁷ Написано на левом поле иными чернилами схожим почерком XVIII в., причем цифры крупнее, чем в основном тексте. ³⁸ В отличие от соседних обозначений номера пункта, написано без «е». ³⁹ Так в ркп. и Сол.; в М, Ув., А, П, Н, Унд., Сар., Бар., Каз., В «Лазарко»; в Ком., Э, Библ. «Лазорки»; в Л «Лазорь»; в О «Елизарка». ⁴⁰ Буква «ы» исправлена иными чернилами из другой буквы («я»?). ⁴¹ В ркп. «них»; исправлено по смыслу. ⁴² Буквы «ома» написаны по смыслу. ⁴²⁻⁴³ Так в ркп.; в том же смысле говорится в Сол.: «невесть зачем поворочена» (ср. Е: «которые отряды и возвращены»). В других списках смысл противоположный — М: «невесть зачем не воротились»; Ув.: «невесть зачем не возвратилися»; А: «не возвратиша чего ради, о том неизвестно»; Ком.: «невесть зачем не ворочена»; Н, Библ.: «невесть зачем не ворочено»; Л: «невесть зачем не почена» (так в ркп.); П: «невесть зачем не порочена» (так в ркп.); Э: «невесть зачем не поворочена»; О: «невесть не поворочена» (так в ркп.); Унд., Каз., В: «неведомо для чего не возвращал»; Сар.: «неведомо чего не возвращал»; Бар.: «неведомо для чего не возвращали». ⁴⁴ Буква «о» исправлена из буквы «а» другим почерком XVIII в. ⁴⁵ В ркп. «приехал»; исправлено по смыслу. ⁴⁶⁻⁴⁶ Написано по смыслу тем же почерком. ⁴⁷⁻⁴⁷ Написано более крупными буквами, чем остальной текст на л. 8 об. ⁴⁸⁻⁴⁹ Так в ркп. и Сол., Е; в О «600 рублев»; в М, Ув., А, Л, Ком., П, Э, Н, Библ. сообщается, помимо этого, что митрополит повелел взять 2000 р. из Астраханского Троицкого монастыря; в Унд., Сар., Бар., Каз., В говорится только о митрополичьих деньгах, но вместо 600 указано 6000 р. ⁴⁹ Далее написано и заключено в квадратные скобки слово «которые». ⁵⁰⁻⁵⁰ Заключено в косые скобки. ⁵¹ В ркп. «своего»; исправлено по контексту. ⁵²⁻⁵² Написано над строкой схожим почерком и схожими чернилами. ⁵³ Так в ркп. и П, где «Зеленого»; в М, Ув., А, Л, Ком., Э, Сол., Н, Библ., О «Зеленого» (или «Зеленаго»); в Е «Зеленому»; в Унд., Сар., Бар., Каз., В нет. ⁵⁴⁻⁵⁴ Так в ркп. и Сол., Унд., Сар., Бар., Каз., В; в Е «в сылке»; в Л «высылке»; в Ком., Э, Библ. «в высылке»; в П «в высолке»; в О «послан высылке»; в М, Ув., А, Н нет. ⁵⁵ Буква «о» исправлена из другой буквы. ⁵⁶ Так в ркп.; в М, Ув., А, Л, Ком., П, Э, Сол., Н, Библ., Унд., В, Е «Кривушу»; в О, Сар., Бар. «Криушу»; в Каз. «Криушку». ⁵⁷ Далее, после конечного «ъ», были написаны, а затем стёрты две буквы — кажется «къ»; возможно также, что конечный «ъ» в слове «городъ» переделан из буквы «о»; следовательно, первоначально здесь было написано не «городъ», а «городокъ». ⁵⁸⁻⁵⁸ Написано на левом поле перед началом строки тем же почерком и схожими или теми же чернилами. ⁵⁹⁻⁵⁹ Написано более крупными буквами, чем остальной текст на 10. ⁶⁰ Так в ркп.; в М, Ув., А, П, Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В «Прозоровской»; в Е «Прозоровский»; в Л, Ком., Э, Н, Библ. нет. В Сол. почти тождественная (отличающаяся лишь падежом) описка содержится в другом месте — в рассказе о доставке в 176 (1668) г. письма из Кызылбашской земли в приказную палату боярину князю Ивану Семеновичу Пронскому» (л. 30). ⁶¹ Так в ркп.; в М, Ув., А, П, Э, Сол., Н, Библ., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В «дьяки»; в Л «дьяк»; в Ком. «дьяк»; в Е «дьяками». В Сол. предшествующий слову «дьяки союз «да» был написан неразборчиво: буква «а» не дописана и может читаться как «о» или испорченное «я». ⁶²⁻⁶² В ркп. «сырелцами». ⁶³⁻⁶³ В ркп. «собщниками». ⁶⁴ В ркп. «ворвашись»; в квадратных скобках добавлено по смыслу. ⁶⁵⁻⁶⁵ Так в ркп.; в Е: «убит казаками из самопала, приставленного к городской стене»; в Унд., В: «убили из самопала, поставленной в городской стене, что де он крепко был ранен». В большинстве списков сказания смысл другой: к городской стене был поставлен не самопал, а сам кн. М. С. Прозоровский, так как он был сильно ранен (без опоры не мог бы устоять на ногах), при этом сообщение о ранении — не вторая версия отно-

сительно его судьбы, а объяснение, почему он был приставлен к городской стене. В I ред.: «убили ис самопала, поставя к городской стене, что де он был гораздо ранен» (М, А; сходно в Ув.). Во II ред. «санопала» вместо «самопала» и «крепко» вместо «гораздо». Например, в П, Сол.: «убили из санопала, поставя к городской стене, что он был крепко ранен» (в Н, Библ. так же, за исключением правописания: «ис санопала»; дефектное чтение в Э). В Л вместо «из санопала» — «и тело его»; в Ком. лишь «убили»; в О нет «из санопала». III ред. следует П, только в Унд., Сар., В вместо «был крепко» — «крепко был» (в Бар., Каз. сохраняется порядок слов II ред.). В Бар. вместо «стене» — «жене». ⁶⁶⁻⁶⁸ Так в ркп.; во всех списках сказания «Ивана (в Ув. — «Иоанна») Семеновича». В Сол. почти тождественная (за исключением падежной формы) описка содержится в другом месте — в рассказе о распросе попа Василия Маленького и человека князя Львова: «Боярин же князь Семен Иванович» (л. 34 об.). ^{66a-66a} Так в ркп.; в сказании о поведении не говорится (дьяки были зарублены вместе с другими): в М, Ув., Л, Э, Н, Библ. «после ево, и с ними»; в П «после его, боярина, и с ними»; в О, Унд., В «и с ними»; в Сол. «повелел их, с ними»; в Бар. «повеле и с ними»; в Каз. «повеле и с ним»; в Ком. «и»; в Е способ казни не указан: «предаша смерти». ⁶⁷⁻⁶⁷ Написано с выносным знаком на правом поле схожими чернилами и схожим или тем же почерком, но более мелко. ⁶⁸ Так в ркп. и Сол.; в Е «80»; в О «448»; во всех остальных списках указано другое число — 441 (в Э — 411). ⁶⁹ Так в ркп. и А, Е; в М, Ув., П, Э, Сол., Н, Библ., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В «старец»; в Л, Ком. «стрелец». ⁷⁰ Так в ркп. и Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В; в М, Ув., А, Ком., П, Э, Н, Библ. «Лаузана»; в Л «Бузаньва»; в Е нет. ⁷¹ Так в ркп.; в Е «Мусаловича»; в Л, Ком., П, Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В «Мусаловича»; в Ув., А «Мунсаловича»; в М, Н, Библ. «Муцаловича»; в Э «Мучаловича». ⁷² В ркп. буква «л» выносная; можно прочесть также «были». ⁷³ Так в ркп.; во всех списках сказания «пеших» (в А нет). ⁷⁴ Так в ркп. и во всех списках II—IV ред. в Ком. нет); в I ред. «восток» (в А нет). ⁷⁵ Так в ркп.; в П, Э, Сол., Библ., О, Унд., Сар., В «Турченин»; в Н «Турченик»; в Бар. «Турченин»; в Л «Турчинин»; в М, Ув., А, Ком., Каз. «Турчанин»; в Е нет. ⁷⁶ В ркп. в строке «Леонтьев» и над «ев» выносное «м»; исправлено по смыслу. ⁷⁷ Так в ркп.; во всех списках сказания «Плохим» (в Ком., Е нет). ⁷⁸ Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами. ⁷⁹ Так в ркп. и Н, Библ.; в остальных списках II—III ред. «шестом»; в I ред. «седмом»; в IV нет. ⁸⁰ В ркп. «всех»; исправлено по контексту. ⁸¹ Буква «а» исправлена из буквы «о» более темными чернилами; последнее «м» исправлено из другой буквы; судя по написанию предыдущего слова («всех»), первоначально здесь было «единомышленников». ⁸² В ркп. «ностранных»; в квадратных скобках добавлено по смыслу. ⁸³ Написано над строкой иными чернилами схожим почерком. ⁸⁴ В ркп. «дре»; в квадратных скобках добавлено по смыслу. ⁸⁵ В ркп. «яде»; исправлено по смыслу. ⁸⁶ Так в ркп.; в цитируемой книге «Степан». ⁸⁷ В ркп. «уеды»; в квадратных скобках добавлено по цитируемой книге. ⁸⁸⁻⁸⁸ Так в ркп.; в цитируемой книге «в году от Р. Христова 1671». ⁸⁹⁻⁸⁹ Так в ркп.; в цитируемой книге «в 6 день». ⁹⁰ Из списков Золотаревского сказания о поимке и казни Разина сообщает только Э — в самом конце текста, после указания автора и времени составления сказания: «И потом он, Стенка Разин, на низу пойман, и в лето 7179, июля во 2 день, тот позировой вор и изменник Стенка Разин привезен к Москве, и потом вскоре он, вор, пытан и казнен, четвертован на Красной площади, и глава его с руками и ногами на острых коля[x] (в ркп. «колья»); в квадратных скобках добавлено по контексту. — Л. М.) вонзены на болоте за Москвою рекою, труп же его всескверный за Земляным градом близ татарских кладбищ в землю зарыт» (л. 30 об.). ⁹¹ Буква «е» после «2» в ркп. отсутствует. ⁹² Так в ркп. и П, Сол., Н, Библ., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В, Е; в М, Э «Трефилева»; в Ув. «Трифиллева»; в А «Трифиллева»; в Л «Трифилова»; в Ком. «Трифанова». ⁹³ Так в ркп. и в Сол., О; в Л, П, Э, Н, Библ., Унд., Сар., Бар., Каз., В, Е «Турченина»; в М, Ув., А, Ком. «Турчанина». ⁹⁴ Так в ркп.; в Л, П, Э, Сол., Н, Библ., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В «Турче-

нин»; в М, Ув., Ком. «Турчанин»; в А, Е нет. ⁹⁵ Буквы «рхирей» написаны более темными чернилами по смытому или стертому. ⁹⁶ Так в ркп.; в Бар., Каз. «Турченина»; в Л, Ком., П, Сол., Н, Библи., О, Унд., Сар., В «Турченина»; в М, Ув., А, Э «Турчанина»; в Е нет. ^{96a-96a} Так в ркп.; в сказании речь идет о брате И. С. Прозоровского (Михаиле Семеновиче) и старшем сыне (Борисе Ивановиче). Младший сын И. С. Прозоровского (тоже Борис Иванович) остался жив; в пересказе сна он не фигурирует. ⁹⁷ Так в ркп.; в Сол., О «Ключь»; в М, Ув., Л, П «Сиючъ»; в А «Сеунчъ»; в Ком. «Сеюнч»; в Унд., Сар., Бар., Каз. «Сиючъ»; в Э «сию ночь»; в Н, Библи. «сию ноц»; в В, Е нет. ⁹⁸ Написано на левом поле иными чернилами схожим почерком XVIII в., причем цифры крупнее, чем в основном тексте. ⁹⁹ Так в ркп., в Л, Сол., Н, Библи., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В «Емамет» (или «Емаметь»); в М, Ув., А, Ком., П, Э «Енмаметь» (или «Енмамет»); в Е «Кмамет». ¹⁰⁰ Так в ркп.; в М, Ув., А, Ком., П, Э, Библи., О, В «Енаев»; в Л «Емоев»; в Сол. «Енагв»; в Н «Енаеф»; в Унд., Сар., Бар., Каз. «Екаев»; в Е «Енаков». ¹⁰¹ Так в ркп. и во всех списках II—III ред.; в I ред. «великим» (М, Ув.; в А нет); в IV ред. нет. ¹⁰² Написано над строкой чернилами более темного оттенка. ¹⁰³ Здесь (и далее в большинстве случаев) буква «е» после второй цифры номера абзаца отсутствует. ¹⁰⁴ В ркп. «субной»; в квадратных скобках добавлено по смыслу и в соответствии со сказанием. ¹⁰⁵ Так в ркп.; в М, Ув., А, П, Э, Сол., Н, Библи., О, Унд., Сар., В, Е «Панов»; в Л, Ком. «Панок»; в Бар., Каз. «Паланов». ¹⁰⁶ Так в ркп. и Л, Ком., П, Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В, Е; в М, Ув., А, Э, Н, Библи. «Власьев». ¹⁰⁷ Так в ркп.; в Ув., А, Сол., О, Сар., Бар., В «Янгурчей»; в М «Ангурчей»; в Унд., Каз., Е «Енгурчей»; в П «Юнгурчей»; в Л, Ком. «Ямгурче»; в Э «Ямгурчей»; в Н «Емгурчей»; в Библи. «Емъгурчей». ¹⁰⁸ Так в ркп.; в Сол., Унд., Сар., Бар., В «Кейкуватов»; в Л, Ком. «Кекуватов»; в П «Кейкуватов»; в Э «Кекуватов»; в Н, Библи. «Кейушак»; в О «Кекуватов»; в М, А «Куватов»; в Ув. «Куватом»; в Е нет. ¹⁰⁹ Так в ркп.; в П, Сол. «на егисанских»; в Л, О, Унд., В «на етсанских»; в Ком. «на етесанских»; в М, Ув., А, Э, Сар., Бар. «на едисанских»; в Каз. «на едасанских»; в Н, Библи. «и едасанских»; в Е нет. ¹¹⁰ Так в ркп. и Сол., Унд., В («Еммамет»); в Бар., Каз. «Емъмамет»; в Сар. «и Еммамет» или «Йеммамет»; в Л, П, Э, «Емамет»; в О «Емаметь»; в Е «Емамета»; в М, Ув. «Ематмень»; в А «Енмаметь»; в Ком. «Енмамет»; в Н, Библи. «Мамет». ¹¹¹ Так в ркп. и М, Ув., А, Л, Ком., Э; в П, Сол., Н, Библи., Унд., Сар., Бар., Каз., В, Е «аманатов»; в О нет. ¹¹² Так в ркп.; в П «Милославъскаго», в Л «Милославъского»; в М, Ув., А, Ком., Э, Н, Е «Милославского»; в Сол., Библи. Унд. Сар., Бар., Каз., В «Милославского». ¹¹³ Так в ркп.; в большинстве списков сказания «21»; в П «23»; в Е неопределенно: «в един же от сих смутных дней». ^{113a} Написано на правом поле другими чернилами схожим почерком XVIII в., причем цифры крупнее, чем в основном тексте. ¹¹⁴ Так в ркп.; буква «г» переделана из буквы «л» более темными чернилами; в I—III ред. «Красулину»; в IV ред. «Караулову». ¹¹⁵ Так в ркп. и П, Унд., Бар., Каз.; в О «Абакумъке»; в Сол. «Обакумке»; в Сар. «Авакумке»; в А «Евдокимке»; в Э «Агакумку»; в Л, Библи. «Обакумку»; в Ком. «Обакуму»; в Н «Обакуму»; в Е «Авакуму»; в М «Обакуму»; в Ув. «Обоимку». ¹¹⁶ Так в ркп.; в Сол., Н, Библи. «павечерницею»; в О «павичерницею»; в Е «повечерницею»; в М, Ув. «нефимоном»; в Л, Ком., П, Э, Унд., Сар. «ефимомом»; в Бар., Каз. «ефимонами»; в А нет. ¹¹⁷ В ркп. «царкою»; в квадратных скобках добавлено по смыслу. ¹¹⁸ Так в ркп. и М, Ув., А, П, Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В; в Л «Трифонов»; в Ком., Э «Трифанов»; в Н, Библи. «Трифонов»; в Е нет. ¹¹⁹ Далее в ркп. написано и заключено в квадратные скобки слово «ево». ¹²⁰ Так в ркп.; в М, Ув., А, Ком., Н, Библи., Сар., Бар., Каз., В «Овошников»; в Л, П, Э, Сол., О, Унд. «Овошников»; в Е «Овошника». ¹²¹ Написано над строкой тем же почерком более темными чернилами. ¹²² В ркп. далее «съ». ¹²³ Так в ркп. ¹²⁴ Так в ркп.; буква «к» вписана более темными чернилами; в М «бабашню»; в Ув. «темницу»; в Л «бутьтсу»; в П, Э, Сол., Н, Библи., О, Сар., Бар., Каз. «бутку»; в Унд., В, Е «будку»; в А, Ком. нет. ¹²⁵ Так в ркп.; в Е «святыя пасхи»; в М, Ув., А, Л, Ком., П, Сол., Н, Библи., О «святыя недели»; в Э «святой недели»:

в Унд., Бар. «светлыя недели»; в Сар., Каз., В «светлые недели». ¹²⁶⁻¹²⁶ Так в ркп. и О; в Л, П, Э, Н, Библи. «в Фомино воскресение»; в Сол. «в Фомино воскресения»; в Бар., Каз. «в Фоминое воскресенье»; в М, Ув. «в воскресение»; в Ком., Унд., В «Фомину неделю»; в Сар. «в Фоминую неделю»; в А, Е нет. ¹²⁷ Так в ркп.; во всех списках сказания «десять» (в Э «десято»). ¹²⁸ Так в ркп.; в сказании в им. п.— в Ком. «Серебряников»; в Е «Серебрянников»; в М, Ув., А «Серебряник»; в Л, П, Э, Сол., Н, Библи., О, Унд., Сар., Бар., Каз., В «Серебрянику». ^{128a} Так в ркп. и Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в Е «освободили»; в Л, П, Э, Н, Библи. «вон выпустили»; в Ком. «выпустили»; в I ред. нет. ¹²⁹ Так в ркп. и А, О; в Сол. «литургии»; в Е «литургию»; в Л «литургии, как бывает проскомидия»; в М, Ув., Ком., П, Э, Н, Библи., Унд., Сар., Бар., Каз. «проскомидии». ¹³⁰⁻¹³⁰ Так в ркп.; в Е «Ванька Севрин и Стенька Севрин»; из большинства списков видно, что приходил только Стенька Севрин, являвшийся послужильцем Ивана Севрина.: в Л, Ком., П, Э, Н, Библи., О, Унд. «Ивана Севрина послуживец Стенка Севрин» (то же с опiskой в слове «Стенка» в М; ср. Ув.); в Сол. «Ивашка Севрина послуживец Стенка Севрин»; в Сар., Бар., Каз. «Ивана Севрина послуживцев Стенка Севрин»; в А нет. ¹³¹ Так в ркп. и Л, О, Унд., Бар., Каз.; в М, Ув., Ком., П, Э, Сол., Н, Библи., Сар., Е «Горшок». ¹³²⁻¹³² Так в ркп.; в Сол., О «он же святитель, взя на престольной крест в руку свою»; в Е «Сам преосвященный держал в руке крест»; в других списках подобной фразы нет. ¹³³⁻¹³³ Так в ркп. и Сол.; в А, Е «и диаконы»; в О «и диаконы»; в других списках нет. ¹³⁴ Так в ркп. и Л, Ком., П, Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в Э «Николской церкви»; в М, А, Н, Библи. «Даниловской церкви»; в Ув. «Даниловской церкви»; в Е «Даниил, никольские священники». ¹³⁵ Так в ркп. и П, О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в М, Ув., А, Л, Ком., Э, Н, Библи. «Иродион»; в Сол., Е нет. ¹³⁶ Так в ркп. и Ком., Э, О; в Л «Моисе»; в М, Ув., А, П, Н, Библи., Унд., Сар., Бар., Каз. «Мокей»; в Сол., Е нет. ¹³⁷ Так в ркп.; в Е «войскового»; в М, Ув. «войскового»; в А «войскаго»; в Л, П, Сол., Н, Библи. «войскова»; в Ком., О, Унд., Сар., Бар., Каз. «войска»; в Э нет. ¹³⁸ Так в ркп. и О; в Сол., Е «Иоанну»; в других списках нет. ¹³⁹⁻¹³⁹ Написано с выносным знаком на правом поле тем же почерком, но более светлыми чернилами и более мелко. ¹⁴⁰ В ркп. «чтоб»; исправлено по смыслу. ¹⁴¹ Так. в ркп. и Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в П «Феодору»; в Е «Феодора»; в М, Ув., А, Л, К, Э, Н, Библи. нет. ¹⁴² Так в ркп.; в Сол., Н, Библи., Бар. «разблачаеш»; в Ком., Э, Унд., Сар. «разблачаеш»; в О «разблачаеш»; в Е «разблачити»; в М, Ув., А, П «розоблачаеш»; в Л «розблачаеш». ¹⁴³⁻¹⁴³ Так в ркп. и Сол., О; в Э, Е «на горло» (видимо, описка, возникшая из неправильного прочтения слова «ногою» или «нагою»); в других списках нет. ¹⁴⁴ Так в ркп.; в Л «тое»; в М, Ув., А, П, Сол., Н, Библи., Унд. «тое щеку»; в О, Сар., Бар., Каз. «тое щоку»; в Ком. «тое правую щеку»; в Э «ту щеку»; в Е «у него явилась правая щека». ¹⁴⁵ Данные о раскате, сообщаемые автором, содержатся в двух местах в следующих списках П—III ред.: П, Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз. Первое по месту сведение — о снесении раската — находится во всех этих списках, кроме Сол. и О, там, где его помещает Рычков, — после слов: «с треть часа стояли, повеся свои головы, и ничего... не промозвили, и изумелися» (цит. по П, л. 72 об.). В Сол., О известие о снесении раската приведено несколько дальше, после слов: «...а поп Кирил в то время... в кругу не был, потому что он в соборной церкви действовал божественную проскомедию, а про мучения святителя тако же уведал от искусных людей. И в то время в Астрахани был велик глад» (цит. по Сол., л. 48). Во всех указанных списках статья начинается словами: «Зде (или ошибочно «где») разумно буди»; потом говорится, в какие стороны были сброшены с раската И. С. Прозоровский, митрополит Иосиф, голова московских стрельцов Иван Лопатин и Б. И. Прозоровский; затем упоминается, что раскат по указу великого государя сломан. Второе по месту известие — об использовании раската при Марине Мнишек — входит в состав особого рассказа, помещенного в сказании в качестве исторической справки, после описания взятия Астрахани в 1671 г. войском И. Б. Милославского. В этой статье раскат фигурирует и в I ред. (писки М, Ув., А), но тут не отме-

чено, что он был деревянный. Последнее обстоятельство, напротив, указано во всех списках II—III ред., однако в Л, Ком., Э, Н, Библ. не приводится еще одна характеристика, имеющаяся в Сол., О и списках III ред.: «высокой». ¹⁴⁶ Так в ркп.; в сказании даты нет; эта ошибочная дата заимствована автором, по-видимому, из статьи: [Г.-Ф. Миллер]. О начале и происхождении казаков. — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих». Апрель 1760 года. СПб., 1760, стр. 325 («В 1622 году находилась у них Марина Сендомирская...») (принадлежность статьи Г.-Ф. Миллеру устан. по книге: митрополит Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. II. М., 1845, стр. 81, № 12). ^{147–147} В ркп. «сдобщиками»; в квадратных скобках добавлено по смыслу. ^{148–148} В известных нам списках сказания подобной фразы нет; только в О упоминается каменная стена (но не раскат!): «А стрельцы (стрельцы) и в Сол. вместо «астраханцы» других списков. — Л. М.) после ее (Марины. — Л. М.) град утвердили каменною стеною». ^{149–149} Написано с выносным знаком на правом поле тем же почерком более темными чернилами. Хронологического уточнения в Сол., О, Сар., Бар., Каз. нет: «...и тот роскат по указу великаго государя сломан до подошвы»; в П вместо «до подошвы» — «после казатчины»; в Унд. вместо «и» — «и после того» (т. е. после восстания Разина). ¹⁵⁰ Буквы «го», написанные у самого края листа, выцвели или стерлись до такой степени, что не различаются. ¹⁵¹ Буквы «вли» написаны над строкой теми же чернилами и как будто тем же почерком. ¹⁵² Цифры написаны как будто другими чернилами и другим почерком. ¹⁵³ Так в ркп.; написано над строкой теми же чернилами и тем же почерком, что и цифры (см. прим. 152, 154). ¹⁵⁴ Цифры написаны как будто другими чернилами и другим почерком; по расчету автора, исходившего из неверной даты пребывания Марины Мнишек в Астрахани (1622 г.), митрополит умер 57 лет; в действительности ему должно было быть значительно больше. ^{155–155} Так в ркп. и Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в Е «с кадилами»; в других списках нет. ¹⁵⁶ Далее другими чернилами вписана буква «о». ¹⁵⁷ В ркп. «ходной»; в квадратных скобках добавлено по смыслу, в соответствии со сказанием. ¹⁵⁸ Так в ркп.; в сказании «около» (в М «око»; в А нет). ^{159–159} В большинстве списков сказания слово «великие» (или «великия») относится к пузырям, а не к бороде; в Н и Библ. — «великая»: при таком окончании этот эпитет соединяется скорее со следующим за ним непосредственно словом «брада», чем с предшествующим выражением «пузыря от огня»; недвусмысленно «великой» борода названа только в Сол.: «пузыри от огня в великой браде». ¹⁶⁰ Второе «и» («i») как будто исправлено из другой буквы теми же чернилами. ¹⁶¹ Так в ркп. и П, Сол., Унд., Сар., Бар., Каз., Е; в О «Власов»; в М, Ув., А, Э, Н, Библ. «Власьева»; в Л «Власьева»; в Ком. «Власева». ¹⁶² Так в ркп. и П, Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в М, Ув., Л, Ком., Э, Н, Библ. «старшина»; в А, Е нет. ^{163–163} Так в ркп.; в сказании нет. ¹⁶⁴ Написано на правом поле другими чернилами схожим почерком XVIII в., причем цифры крупнее, чем в основном тексте. ¹⁶⁵ Написано над строкой более темными чернилами тем же или схожим почерком. ^{166–166} Так в ркп. и Е; в М, Ув., П, Э, Сол., Н, Библ. «земляной город»; в А, Л, Ком., О, Сар., Бар., Каз. «земляной городок». ¹⁶⁷ Так в ркп. ¹⁶⁸ Так в ркп. и А, Ком., П, Н, Библ., О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в М, Ув., Л, Э, Сол. «город»; в Е нет. ¹⁶⁹ Перед буквой «т» слитно с ней написана буква «а». ^{170–170} Так в ркп.; в Е «озлобясь»; в других списках нет. ¹⁷¹ Так в ркп. и Н.; в Унд. «яряся»; в О «яряхуся»; в М, А, Э «рнясь»; в Л, Ком., П, Сол., Сар., Бар. «рнясь»; в Каз. «рняси»; в Е нет. ¹⁷² Так в ркп.; в М, А, Н, Библ., Сар. Каз. «боярынь»; в Ув. «боярынь»; в Л «боярони»; в Сол. «боярань»; в Бар. «боярына»; в П, Э, О «боярских»; в Ком., Унд., Е нет. ¹⁷³ Буква «у» переделана из буквы «а» более темными чернилами. ^{174–174} Такого различия «алодеев» и не приставших к ним астраханцев в сказании в этом месте нет. ^{175–175} Так в ркп.; в М, Ув., А, Л, Ком., П, Э, Сол., Библ., Унд. говорится, что Милославский велел сделать с привезенной им иконы копию («новую икону»; в Унд. «список»), которую он и оставил в Астрахани; в Ком. подчеркивается: «...а подлинную

икону взял к себе» (л. 95); в Н, О, Сар., Бар., Каз. испорченное чтение: «повелел... списати новую икону живоносной источник оставил в Астрахани» (цит. по Н, л. 241 об. — 242) — фраза двусмысленна, из нее неясно, подлинник или копия остались в Астрахани.¹⁷⁶⁻¹⁷⁶ В сказании в этом месте известие о сыске Одоевского помещено только в Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в Е Одоевский не фигурирует; в остальных списках после сообщения о попе Кирилле (II ред.) и попе Василии (I ред., см. ПСРЛ, т. 31, стр. 228) упоминается посылка Одоевским расспросных речей в Москву, причем списки II ред. (Л, Ком., П, Э, Н, Библ.) уточняют, что расспросные речи касались обстоятельств гибели митрополита Иосифа и ключаря Федора Негодяева. Сол. и подобные говорят иначе — осылке Одоевского царем «со всем розыском астраханских жителей воров и на донских казаков, что они творили в Астрахани...» (цит. по Сол., л. 50; в Унд. продолжено: «в бытность вора Стенки Разина с товарищи и что делали»). О казнях к этому добавляется только в Сол. («их многи вершили») и О («и их многи казнили»).¹⁷⁷ Так в ркп. и Сол., О, Унд., Сар., Бар., Каз.; в других списках в ином месте сказания «Яков» (или «Иаков», «Ияков»).¹⁷⁸⁻¹⁷⁸ Так в ркп.; в сказании нет.^{179, 179, 179} Цифры написаны другими чернилами; об ошибочности даты «7165» см. прим. 16; вследствие этой ошибки неверно и число «15» (должно быть «5»).¹⁸⁰ Переделано как будто из «однако»: последнее «о» написано по типу очкового «о», причем левое «о» переделано из «а», правое «о» написано другими чернилами по смытому.¹⁸¹ В ркп. «арахиерев»; исправлено по смыслу.¹⁸² Так в ркп.; в сказании этой даты нет; о ее ошибочности и источнике см. прим. 146.^{183, 183} Подчеркнуто красным карандашом.¹⁸⁴ Буквы «ва» написаны над строкой теми же чернилами, но более мелко.¹⁸⁵⁻¹⁸⁵ Почти дословная цитата из «Ядра...». ¹⁸⁶ В ркп. в строке «Хворостина»; буквы «ни» написаны над буквами «ин» другим почерком и другими чернилами.¹⁸⁷ Так в ркп.; в «Ядре...» — «спех». ¹⁸⁸⁻¹⁸⁸ Так в ркп.; в сказании нет противопоставления — заключение в каменную тюрьму в Троицком монастыре тождественно заточению; см., например, в П, Сол.: «...посадили в Троицкой монастырь в каменную тюрьму в заточение» (цит. по П, л. 85; в других подобно, ср. ПСРЛ, т. 31, стр. 232). ¹⁸⁹⁻¹⁸⁹ Написано с выносным знаком на правом поле схожим почерком более темными чернилами.¹⁹⁰⁻¹⁹⁰ Так в ркп.; в М, Ув., А, Л, Э, Н, Библ. четвертым архиепископом назван Рафаил, а пятым Пахомий, к которому и относится известие о смерти во время морового поветрия; в Ком., где пропущен Ануфрий, вторым назван Макарий, третьим Рафаил, четвертым Пахомий; в П не приводится порядковый номер Пахомия; в Сол.: «по том же Макарий бысть четвертой архиепископ, он же преставися в моровое поветрие во 163-м году мая в 31 день, по нем же бысть шесть наместников...»; в О: «по нем же (Макарий.— Л. М.) бысть четвертый и пятый архиепископ, которой преставился в 163 году мая 31 дня, в моровое поветрие, по нем же бысть шестый...» (слова «четвертый» и «пятый» написаны над строкой, а в строке написано по смытому другим почерком и другими чернилами «Рафаил, Пахомий»); в Сар., Бар., Каз. пропущен Рафаил, четвертым назван Пахомий, пятый же вообще не фигурирует; в Унд. между словами «четвертый архиепископ» и «Пахомий» знак вставки и на полях написано другими чернилами «Рафаил, пятый архиепископ». ¹⁹¹ Написано на правом поле другими чернилами схожим почерком XVIII в., причем цифры крупнее, чем в основном тексте; в переводе даты ошибка: должно быть не «1654», а «1655». ¹⁹² Так в ркп.; пятым архиепископом Иосиф назван только в Ком.: в М, Ув., А, Л, Э, Сол., Н, Библ., О, Унд., Сар. «шестый» или «шесты»; в П, Бар., Каз. номера нет.^{193, 193} Написано на левом поле другими чернилами схожим почерком XVIII в., причем цифры крупнее, чем в основном тексте. ¹⁹⁴ Так в ркп.; в большинстве списков сказания Парфений определяется как «седмый» (или «седмы») наместольник; в Ком. нет; в Н, Библ. нет окончания рассказа об архиереях, а в Е и всего этого рассказа. ¹⁹⁵ Далее, через строку, жирная горизонтальная черта в середине строки, под ней другая, более тонкая.

БИБЛИОГРАФИЯ

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ПОРШНЕВ

Настоящий список трудов крупного советского историка доктора исторических и философских наук Бориса Федоровича Поршнева является продолжением библиографии его работ, вышедшей в издании «История и историки» к шестидесятилетию со дня рождения. Список включает работы Б. Ф. Поршнева за период от 1966 г. до его кончины в ноябре 1972 г., а также литературу о нем, изданную в Советском Союзе и за рубежом¹.

Настоящий список показывает, что до конца жизни Борис Федорович не ослаблял своей кипучей и чрезвычайно многогранной научной деятельности. Изучение международных отношений Европы и России в период 30-летней войны было завершено монографией «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.» (1970 г.), представляющей собой часть широко задуманной трилогии. Кроме того, его неизменно продолжали привлекать сюжеты, связанные с вопросами социальной психологии и истории, что также нашло отражение в вышедшей в свет монографии, ряде статей и отдельных выступлениях. Не прекращал Борис Федорович и своей работы по изучению домарковского утопического социализма, вылившейся в издание ряда статей, рецензий, и участия в редактировании отдельных изданий, связанных с этой тематикой.

Как специальную отрасль научной деятельности Бориса Федоровича следует отметить приматологию и антропологию, из которых он ясно вывел концепцию о начале человеческого рода, происхождении речи, первичных социально-психологических категорий.

Список включает также переводы работ Б. Ф. Поршнева на

¹ Библиографию трудов Б. Ф. Поршнева, опубликованных до 1966 г., см. в кн. «История и историки». М., 1966.

иностранные языки, показывающие неослабевающий интерес к его исследованиям за рубежом.

Огромное количество выступлений Бориса Федоровича на все-союзных и международных симпозиумах в Советском Союзе и за рубежом поражают как своим разнообразием, так и целенаправленностью. В неопубликованном научном наследии ученого имеются две завершённые монографии: первая — о вступлении Швеции и Московского государства в 30-летнюю войну (часть трилогии) и вторая — о начале человеческой истории, которые обязательно должны увидеть свет в ближайшие годы.

Настоящий список составлен в Секторе истории развития общественной мысли Института всеобщей истории АН СССР, которым Б. Ф. Поршнев руководил вплоть до своей кончины. При составлении списка были использованы картотеки Научного кабинета Института истории СССР и другие материалы.

Г. С. Кучеренко

Список трудов Б. Ф. Поршнева (1966—1972)

1966

- Возможна ли сейчас научная революция в приматологии? — «Вопросы философии», № 3, стр. 108—119.
- Генетическая природа сознания (интердиктивная функция речи). — В кн.: «Проблемы сознания». Материалы симпозиума. М., стр. 27—39.
- Ленінська наука революції та соціальна психологія. — «Укр. іст. журнал», № 4, стор. 3—18.
- Мелье Жан. — СИЭ, т. 9, стр. 339—340.
- Народ. — Там же, стр. 908—911.
- Попытка шведского завоевания Германии (Густав-Адольф, 1630—1632) и благоприятствовавшие ей социальные условия в Германии. — В кн.: «Тезисы докладов Третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии». Тарту, стр. 86—91.
- Социальная психология и история. М., 214 стр.
- Рец.: Левандовский Н. — «Правда», 1966, № 284.
- Горячева А. И., Блюм Р. Н. и Ребане Я. К. — «Вопросы философии», 1967, № 7, стр. 156—159.
- Каждан А. П. — «Новый мир», 1967, № 1, стр. 265—269.
- Джидарьян И. А. — «Вопросы психологии», 1967, № 6, стр. 157—163.
- Парыгин Б. Д. — Там же, стр. 164—166.
- Jankowska M. T. — «Studia metodologiczna». Poznań 1968, № 5, s. 94—96.

Kéri E.— «M. F. S.», 1968, № 2, 405—412 dd.

Mandie O.— «Zbornik prav. fak. u Zagrebu», 1969, № 1, s. 75—77.

Sori E.— «Quaderni storice», Ancona, 1971, № 16, p. 235—240.
L'origine de l'homme et les hominoïdes velus reliques.— «Revue internationale de sociologie», sér. II, vol. 2, № 3.

Реу.: «Потомство отомстит за меня» [на кн.: *Г. П. Штурм*. По-таенный Радищев. М., 1965].— «Новый мир», № 9, стр. 265—269.

Ред.: «Европа в новое и новейшее время». Сб. ст. памяти акад. Н. М. Лукина. М. (чл. ред.)

«История и историки». М. (чл. ред.)

«Французский ежегодник. 1965». М. (чл. ред.).

1967

Один из представителей американской школы социологии международных отношений — Раймон Арон.— В кн.: «От Аляски до Огненной Земли». М., стр. 179—185.

[Выступление на симпозиуме].— В кн.: «Сознание». Материалы обсуждения проблем сознания на симпозиуме, сост. 1—3 июня 1966 г. в Москве. М., стр. 52—57.

Реу.: [на кн.: *А. Р. Иоаннисян*. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966].— «Новая и новейшая история», № 5, стр. 172—174 [совместно с Г. С. Кучеренко].

Ред.: «Французский ежегодник. 1966». М. (чл. ред.).

1968

Антропологические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии.— «Вопросы психологии», № 5.

То же: «VIII Интернациональный конгресс по антропологии и этнологии». Сентябрь, 1968 г. Токио. На франц. и англ. яз.

Борьба за троглодитов.— «Простор». Алма-Ата, № 4—7.

Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками».— В кн.: «Маркс-историк». М., стр. 404—432.

Некоторые вопросы взаимосвязи национальной истории со всемирной историей.— «Történelmi szemle». Budapest, № 1—2.

«Они и мы» как конституитивный признак психологической общности.— В кн.: «Материалы III Всесоюзного съезда общества психологов СССР», т. 3, вып. 1. М., стр. 275—277.

По следам большевого.— «Знание — сила», № 9, стр. 49—53.
[«Понятие грани между животным и человеком». Выступление на симпозиуме].— В кн.: «Труды VII Международного конгресса»

антропологических и этнографических наук», т. 3. М., стр. 610—612.

Современные проблемы социальной психологии.— «Политическое самообразование», № 2, стр. 43—50.

Стумсдорфский мир 1635 г.: его историография и историческое значение.— В кн.: «Тезисы докладов Четвертой научной Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии». Петрозаводск, стр. 195—197.

Рец.: [на кн.: М. А. Барг. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М., 1967].— «Новая и новейшая история», № 3, стр. 137—139.

От редактора.— В кн.: Г. С. Кучеренко. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968, стр. 5—8.

Ред.: «Маркс-историк». М. (чл. ред.).

1969

В. И. Ленин и проблемы социальной психологии. Доклад на Научной конференции по теме «Ленинский этап в развитии марксистской философии» (Л., 16—19 дек. 1969 г.). М., 19 стр. (Всес. об-во «Знание»).

[Выступление по докладу Я. С. Драбкина] — В кн.: «Историческая наука и некоторые проблемы современности». Статьи и обсуждения. М., стр. 237—240.

Мыслима ли история одной страны? — В кн.: «Историческая наука и некоторые проблемы современности». М., стр. 301—316.

Находка в глыбе льда. [О трупе так называемого «доисторического человека»].— «Комсомольская правда», 5 апреля.

О начале человеческой истории.— В кн.: «Философские проблемы исторической науки». М., стр. 80—112.

Периодизация всемирно-исторического процесса у Гегеля и Маркса. Доклад, представленный к Международному Гегелевскому конгрессу в Париже в апр. 1969 г.— «Научн. докл. высш. школы. Философ. науки», № 2, стр. 56—64.

Проблема реликтовых палеантропов.— «Советская этнография», № 2, стр. 115.

Троглодитиды и гоминиды в систематике и эволюции высших приматов.— «Докл. АН СССР», т. 188, № 1, стр. 238—241.

Функция выбора — основа личности.— В кн.: «Проблемы личности». Материалы симпозиума, т. I. М., стр. 344—349.

[Intervento].— In: «Atti del III Convegno degli storici italiani e sovietici». Mosca, apr. 1968; Roma, 1969, p. 95—101.

Sur la continuité de l'idée communiste de Meslier à Babeuf.— In: «Beiträge zur Romanischen Philologie», Jg. VII, H. 1, S. 45—53.

- Категории «пара» и «чужие» в социальной психологии.— В кн.: «Тезисы докладов на II Международной конференции по социальной психологии». Тбилиси.
- Ленинская наука революции и социальная психология. М., 102 стр. На англ., франц., испан. и араб. яз.
- Мелье, Морелли, Дешан.— В кн.: «Век просвещения. Москва — Париж», стр. 196—215.
То же на франц. яз.
- Обсуждение [докладов об абсолютизме].— В кн.: «Документы советско-итальянской конференции историков. 8—10 апр. 1968 г.». М., стр. 197—205.
- Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 385 стр.
- Рец.: Тер-Акопян Н. Б.— «Новая и новейшая история», 1971, № 2, стр. 198—200.
- Галактионов И. В.— «Советское славяноведение», 1972, № 5, стр. 86—88.
- V. K.— «Hist. čas.» Bratislava, 1971, № 4, s. 613—614.
- Cinella E.— «Revista storica italiana», 1972, fasc. 2, p. 514—524.
- Hroch M.— «Českosl. čas. hist.». Praha, 1972, № 3, s. 374—377.
- Social Psychology and History. M., p. 195.
- Griffiths D.— «New World Review». N. Y., 1971, vol. 39, № 4, p. 121—123.
- Ред.: «Французский ежегодник. 1968». М. (чл. ред.).

- Вторая сигнальная система как диагностический рубеж между троплодитидами и гоминидами.— «Докл. АН СССР», т. 198, № 1, стр. 228—231.
- Итоги исследований исторических условий вступления Швеции в Тридцатилетнюю войну.— В кн.: «Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии». М., стр. 75.
- Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества).— В кн.: «История и психология». М., стр. 7—35.
- На путях от утопии к науке. К 200-летию рождения Роберта Оуэна.— «Правда», 12 мая.
- Проблемы палеопсихологии.— В кн.: «Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов». Тбилиси, стр. 23—24.
- Descartes und die Fronde.— Im: «Beiträge zur französische Aufklärung und zur spanische Literatur». Berlin, S. 281—287.
- Ред.: История и психология. Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Андиферовой. М., 384 стр. (АН СССР. Ин-т всеобщ. истории. Ин-т философии).

Абсолютизм XVII века.— В кн.: «История Франции». В 3 томах. Т. I. М., стр. 235—284 [совместно с Л. С. Гордоном и М. Н. Машкиным].

К вопросу о социально-политической обстановке в Германской империи в момент вторжения Густава-Адольфа (1630—1632 гг.).— В кн.: «Проблемы новой и новейшей истории». М., стр. 13—29.

Московское «Великое посольство» в Швеции в 1633 году.— «Скандинавский сборник», № 17, стр. 30—64.

Рец.: [на кн.: Ф. В. Погемкин. Промышленная революция во Франции. Т. I. М., 1971].— «Новая и новейшая история», № 3, стр. 179—181 [совместно с М. И. Михайловым].

Les soulèvements populaires en France aux XVIIe siècle. Paris, 442 p.

Ред.: «История общественной мысли. Современные проблемы». М., (чл. ред.).

«Французский ежегодник. 1970». М. (чл. ред.).

Литература о Б. Ф. Поршневе

Поршнев Борис Федорович.— СИЭ, т. 11. М., 1968, стр. 459.

Б. Ф. Поршнев [некролог].— «Советская Россия», 1972, 29 ноября. Некролог.— «Вопросы истории», 1973, № 1, стр. 218.

Борис Федорович Поршнев [некролог].— «Новая и новейшая история», 1973, № 1, стр. 219—221.

Bruhat J. Boris Porchnev historien soviétique ami de la France.— «L'Humanite», 24 jan. 1973.

Составитель Е. Д. Романова

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- Основные аспекты электрификации СССР в советской историографии 5
И. М. Некрасова
- Советские историки о начальных рубежах социалистической индустриализации СССР 20
В. С. Лельчук
- Некоторые проблемы индустриализации и коллективизации Урала в советской исторической литературе 40
Н. В. Ефременков
- Структура и основные направления деятельности журнала «Историк-марксист» (1926—1941 гг.) 57
А. И. Алаторцева
- Вопросы истории русской общественной мысли и революционного движения в России XVIII—начала XX в. в журнале «Голос минувшего» в 1913—1923 гг. 78
Ю. М. Критский
- Роль Н. И. Тургенева в общественном движении России 20—70-х годов XIX в. (К историографии вопроса) 107
В. М. Тарасова
- К историографии крепостного права в России 126
С. М. Каштанов
- Крупная монастырская вотчина Северо-Восточной Руси в конце XIV—первой половине XVI в. в трудах дореволюционных и советских историков 142
Л. И. Ивина

II. ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ЕЕ КРИТИКА

- Проблемы Первой американской революции в буржуазной историографии США (1918—1945 гг.) 156
П. Б. Уманский
- Прогрессивное направление русской дореволюционной историографии гуситского движения 182
Л. П. Лаптева
- Б. Н. Чичерин о политической мысли античности 204
Г. Б. Кизельштейн

III. ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

- М. С. Ольминский об источниках по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции 212
Н. М. Михайлова
- Исторические взгляды М. А. Максимовича (Из истории формирования либерального и демократического течений в украинской историографии 30–50-х годов XIX в.) 238
Л. А. Коваленко
- Формирование исторических взглядов декабриста М. Ф. Орлова 259
М. А. Алпатов
- Историографическая судьба «Российской истории» Ф. А. Эмина 272
Е. Б. Бешенковский
- Биографический метод в научном творчестве академика Е. В. Тарле 290
В. В. Баженов

IV. ПУБЛИКАЦИИ

- Из рукописного наследия В. О. Ключевского (Новые материалы к курсу по русской историографии) 307
А. А. Зимин и Р. А. Киреева
- Две лекции Н. П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография») 337
В. А. Муравьев
- Труд П. И. Рычкова о восстании под предводительством Степана Разина 365
Л. З. Мильготина

V. БИБЛИОГРАФИЯ

- Борис Федорович Поршнева 401
Г. С. Кучеренко
- Список трудов Б. Ф. Поршнева (1966–1972). Составитель Б. Д. Романова 402
-

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник 1972

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства М. М. Медведев. Художественный редактор В. Н. Тикунов
Технические редакторы В. Д. Прилепская, Т. И. Анурова

Сдано в набор 27/VI 1973 г. Подписано к печати 7/XII-1973 г. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 25,5. Уч.-изд. л. 29,4 Тираж 2600 экз.
Т-16271. Тип. зак. 2550. Цена 2 р. 01 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОШЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
90	4 сн и 21 св.	М. И. Муравьев	М. Н. Муравьев
129	14 св.	открывал	отрывал
199	2 сн.	А. А. Давыдовой	Л. К. Давыдовой
212	10 сн.	разработки и	и разработки
248	3 сн.	Н. Бартенев	П. Бартенев
249	19 сн.	о Колпивщине	о Коливщине
314	24 св.	судья	судья
26	19 сн.	служивший	служивших
327	8 сн.	пицифи	пифици
335	23 сн.	Итог. 13) Хвастовство притв[орной] набожностью.	Итог.
392	1 сн.	в России	о России

«История и историки. Историографический ежегодник 1972».